

Н. Н. ГОЛОВИН

**РОССИЙСКАЯ
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
В 1917–1918 гг.**

ТОМ ВТОРОЙ

ДАРМЕИЦЫ И МАТ...

ра кончатъ братоубійственную войну.
поддались лжи и обману комиссаровъ и че
еще противъ насъ.
переходите немедленно къ намъ, еще есть в
сья.

асъ увѣрите, что вы будете получать п
одите къ намъ, все мы,
а благо...
за нано...
ти чт...

Обезопасить и р
можетъ ждать.
Мы переходимъ в
тысячи бывшихъ мат
Довольно крови,
Переходите къ

Кровь!!
Вы знаете, что
Кровь! К
Вы знаете, что
Это человекъ,
торого РУКИ ВЪ К
Вы знаете, что обозначаетъ КРАСНАЯ
Это кровь!!
Кровавая печать сатаны
Вы знаете, почему у большевиковъ на б
НЫЯ ПЕЧАТИ, почему они подписываютъ ихъ
нилами, почему выт...

Δ Τ Ζ
ВЫ И Р

ТОЛЬКО КРОВЬ

обозначает КРАСНЫЙ флаг
знамя проповѣди всеобщей
КРАСНОМЪ пожарѣ?

что значить КРАСНАЯ армия

Кровавая армія

что значить КРАСНОАРМЕЙСКИЙ

свойственъ, купленный за большевистскими

РУКИ ВЪ КРОВИ РОДНОГО БРАТА!!

что обозначает КРАСНАЯ армия

КЪ ТѢМЪ, КТО НИ НА ТОЙ, НИ НА ЭТОЙ

89866 1177

Когда вы сами на глазахъ озверѣлый злодей
гражданинъ между ними является борьба, не
собой, а вывернемся и скажемъ: „

**КТО
ВЪ
ЗВѢЗДА?**

оступная банда большевистовъ
честить нашу
Россия —
валю
можно меньше постра
дутся въ тысячи лиши
помочь намъ все. Ка
ликаго дѣла спасенія
жизни. При затяжной борьбѣ
то, помните, что ваше равнодушіе вамъ же несет
реніе и гибель.
Вдохновитесь же святою любовью къ великой страдальцѣ-Р
помогайте намъ

**!!!
бумагахъ КРАС
КРАСНЫМИ че**

Великая, Единая и Недѣлимая
и благоденствію

H. T. ...

Н. Н. ГОЛОВИН

РОССИЙСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В 1917 – 1918 гг.

КНИГИ 6 – 12

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2011

УДК 94(47):323.273
ББК 63.3(2)611-414.8
Г61

Издательство выражает искреннюю признательность:

*Директору архива и библиотеки Гуверовского института
войны, революции и мира (США) Р. Соуза,
сотрудникам архива А. В. Шмелеву, С. Харрисону и К. Леденхэм —
за разрешение переиздать книгу Н. Н. Головина
и помощь в работе с архивными материалами;
сотрудникам Отдела литературы Русского Зарубежья Российской Государ-
ственной библиотеки, Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына,
д. и. н. В. Ж. Цветкову — за предоставление иллюстративных материалов,
а также Л. Ю. Тремсиной за содействие в подготовке издания*

В оформлении книги использованы фрагменты картины А. Ромасюкова
«Ледяной поход» (2006, Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына,
Москва) и плакаты Белых армий.

Серийное оформление *А. М. Драгового*

Головин, Н. Н.

Г61 Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Том 2 / Н. Н. Головин; коммент. д. и. н. С. В. Волкова. — М.: Айрис-пресс, 2011. — 704 с. — (Белая Россия).

ISBN 978-5-8112-4318-1

Книга видного военного теоретика генерала Н. Н. Головина (1875–1944) представляет собой крупнейший обобщающий труд по истории контрреволюционного Белого движения, впервые изданный в эмиграции в 1937 г. Автор рассматривает весь спектр политических и военных организаций, возникших с марта 1917 г. по конец 1918 г. и пытавшихся противостоять разрушению российской государственности. Освещаются события на всех фронтах Гражданской войны, анализируются причины первоначальных успехов и последующих неудач Белых армий. Авторские приложения содержат картосхемы и множество редких документов.

Второй том включает части 3–5 (кн. 6–12), дополненные современными научными комментариями. В России книга публикуется впервые.

**ББК 63.3(2)611-414.8
УДК 94(47):323.273**

© Reprinted from Russian Counterrevolution in 1917–1918 by N. N. Golovin, with the permission of the copyright owner, the Hoover Institution. Copyright © 1937 by the Board of Trustees of the Leland Stanford Junior University.

© Оформление, комментарии. ООО «Издательство «АЙРИС-пресс», 2011

ISBN 978-5-8112-4318-1

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИНТЕРВЕНЦИЯ ВРАГОВ И СОЮЗНИКОВ

Книга 6

Книга 7

Воспроизводится по первому изданию: *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.; в 5 частях, 12 книгах. [Париж] Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 г., вып. 23–34.

Текст печатается в современной орфографии, стиль автора полностью сохранен. В приведенных фрагментах из книг А. И. Деникина и С. П. Мельгунова в квадратных скобках добавлены слова, пропущенные при их цитировании в книге Н. Н. Головина.

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ 1917 — 1918 г. г.

Часть III.

Интервенція враговъ и Союзниковъ.

Книга 6-я

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ГЛАВА XIII

ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Связь немцев с большевиками

Господствующее положение Германии в блоке Центральных Держав определялось превосходством ее военной мощи. Чем дольше продолжалась война, тем в большей мере союзники Германии нуждались в ее военной помощи. К 1918 году эта зависимость стала столь велика, что не будет преувеличенным выразиться так: воевала одна Германия, заставлявшая воевать своих союзников. В стратегии и внешней политике блока Центральных Держав диктаторски распоряжалась Германия. Поэтому интервенция этого блока в России представляет собою, по существу говоря, вмешательство Германии в русскую революцию.

Это вмешательство началось с самого же начала революции.

«Нужно было, — пишет Людендорф¹, — организовать пропаганду, предназначенную для быстрейшего развития в Русской Армии пацифистских настроений».

Во исполнение этой задачи, в середине апреля, через Германию, распоряжением германского Генерального штаба, из Швейцарии в Россию был провезен Ленин: германский Генеральный штаб опасался, что союзники России — Франция и Великобритания — не пропустят через свои территории такого видного пораженца.

Лиц, присутствие которых в России Германия считала полезным, набралось 159 человек^{II}. Непосредственно в партии с Лениным было провезено 17 человек. О большом значении, придаваемом нашими врагами прибытию в Россию Ленина, можно судить по тому, что популярный немецкий журнал “Die Woche” посвятил целую статью этому событию. В этой статье Ленин назывался «истинным другом русского народа и честным противником».

^I Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen, s. 327. Mittler u. Sohn. Berlin, 1919.

^{II} Список всех этих 159 лиц, провезенных через Германию распоряжением немецкого Генерального штаба, был опубликован в одном из номеров газеты «Общее Дело» (октябрь 1917 года) известным революционером Бурцевым. В списке, среди прочих, перечислены имена Ленина, Луначарского, Натансона, Розанова, Алфельбаума (Зиновьева).

Германский Генеральный штаб сразу понял роль, которую могут сыграть во взбудораженной революции России Ленин и его сателлиты. Эту роль можно уподобить появлению микробов опасной инфекционной болезни в ослабленном человеческом организме. В данном случае организм был социальный, расстроенный небывалой войной; водворение Ленина и его сотрудников в России являлось прививкой ей такой опаснейшей социальной болезни, какую представляет собою большевизм.

Воспоминания Людендорфа совершенно определенно подтверждают сказанное выше. Автор их указывает на то, что развалу Русской Армии немцы обязаны не победам, которые они одержали летом 1917 года под Тарнополем и Ригой, а большевикам. Указывая на успех разрушительной работы большевиков, Людендорф говорит, что он вполне отдавал себе отчет о той опасности, которую представлял собою подобный метод борьбы и для самих Центральных Держав.

«Наше Правительство, **послав Ленина в Россию**, — пишет Людендорф¹, — взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения — **нужно было, чтобы Россия пала**, но наше Правительство должно было также следить, чтобы подобного же не произошло бы и с нами».

Германский Генеральный штаб принял широкие меры для обеспечения успеха большевиков. Поэтому деятельность последних в период, предшествующий ноябрьскому перевороту, очень тесно переплелась с работой немецких тайных агентов. «Связь Ленина с Германией была безупречно установлена», — пишет в своей книге^{II} бывший глава Временного правительства А. Ф. Керенский. «Лично у меня в Могилевской Ставке, — пишет генерал Деникин^{III} про время своего пребывания на посту начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, — был в руках материал, создававший серьезные обвинения против Ленина и безусловно уличавший Раковского² в шпионской деятельности в пользу Центральных Держав»^{IV}.

^I *Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen*, s. 407.

^{II} *Керенский*, с. 297.

^{III} *Очерки Русской Смуты*, т. III, с. 9.

^{IV} В русской и иностранной печати можно встретить многочисленные указания на эту связь. П. Н. Милюков, бывший, как известно, министром иностранных дел Временного правительства первого состава, а потому близко знакомый с создавшейся тогда обстановкой, цитирует в своем историческом труде указания на получение из вражеского источника в сентябре 1917 года Лениным 207 000 марок, а Троцким — 400 000 крон (*История 2-й русской революции*, т. I, вып. III, с. 188). Данные эти взяты П. Н. Милюковым из документов, напечатанных в книге Сиссона “*The Bolshevik Conspiracy*”. В настоящее время г. Сиссон выпустил новую книгу: “*100 Red Days*” (New Haven, Yale University Press, 1931).

Большевицкие лидеры старательно отрицают связь, которая существовала между ними и немецким Генеральным штабом. Троцкий в своих воспоминаниях посвятил даже целую главу опровержению этой связи. Однако ряд патетически написанных страниц он не смог закончить иначе, чем так: «Ленин воспользовался расчетами Людендорфа, имея при этом свой расчет. Людендорф говорил себе: Ленин опрокинет патриотов, и я задую Ленина и его друзей. Ленин говорил себе: я проеду в вагоне Людендорфа, а за услугу расплачусь с ним по-своему...»¹

Если мы сопоставим эту тираду Троцкого с вышеприведенной выдержкой из воспоминаний ген. Людендорфа, то мы увидим, что по существу они тождественны: до выхода России из рядов сражающихся против Германии немцы и большевики были попутчиками, оказывающими друг другу услуги. Однако из этих же выдержек видно, что после достижения этой общей ближайшей цели германо-большевицкая связь вступала в новую стадию, несравненно более сложную, чем предыдущая. В этой новой стадии начинали выявляться те внутренние противоречия, которые были присущи этому союзу.

«...Нужно было, чтобы Россия пала, — говорит в конце приведенной выше выдержки Людендорф. — Но наше Правительство должно было также следить, чтобы подобного не случилось бы и с нами».

Дело в том, что процесс социального разложения, неизменно вызываемый современной большой войной в организме воюющих государств, происходил и в Центральных Державах. Особенно был он уже силен в пестром конгломерате народов, объединенных под скипетром Габсбургов. В Германии, представлявшей собою несравненно более здоровый и крепкий социальный организм, нежели Австро-Венгрия, он не зашел еще так далеко, но тем не менее почва для развития большевицкой болезни была подготовлена.

«Начиная с 25 января 1918 года, — свидетельствует лидер немецких независимых социалистов Фатер, — мы систематически подготовляли развал. Мы побуждали к дезертирству наших сторонников, посылаемых на фронт. Мы снабжали дезертиров фальшивыми паспортами, деньгами и анонимными брошюрами. Мы посылали их во все важнейшие узловые пункты, но главным образом на самый фронт, дабы они воздействовали на солдатскую массу и разлагали фронт. Они уговаривали солдат сдаваться неприятелю. Этим способом фронт постепенно, но неуклонно разваливался».

В середине июля, говорит Людендорф^{II}, «поступавшие к нам из войсковых частей донесения о разлагающем влиянии тыла, а также

¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь, т. II, с. 30.

^{II} Людендорф, с. 516.

сведения, приходившие из страны о плохом моральном состоянии армии, участились».

Уже во время переговоров о мире в Брест-Литовске начало выясняться, какой монетой собирались Ленин и К^о расплатиться с германским Генеральным штабом за оказанную услугу.

Такой монетой являлись: речи уполномоченных Ленина, долженствовавшие служить большевицкой пропагандой в среде пролетариата Центральных Держав; призыв Германской армии к восстанию, разосланный по беспроволочному телеграфу 9 февраля, в день покорения Муравьевым³ Киева; тайные переговоры с представителями Антанты о продолжении войны против Германии и т. д.

Ген. Людендорф упрекает свое правительство в том, что оно не поняло размеров большевицкой опасности.

«Немецкое Правительство проглядело подпольную работу большевиков, — пишет он¹. — Оно считало их честными или, во всяком случае, хотело считать их таковыми. Оно вступило с ними в дальнейшее обсуждение вопросов, которые Брестский мир оставил открытыми... Оно доверчиво шло в расставленную большевиками ловушку, в то время как к остальным политическим течениям в России оно относилось очень подозрительно. Большевицкое правительство шло нам очень навстречу. Оно исполнило германские пожелания относительно Эстонии и Лифляндии, согласилось признать независимость Грузии, гарантировало рассроченную выплату военной контрибуции»¹¹.

Крайняя уступчивость Ленина объясняется трудностями, которые переживало его правительство летом 1918 года. Главное же, Ленину было известно, что в недрах германского командования господствовали намерения покончить с его властью в Москве.

Ген. Людендорф совершенно определенно об этом свидетельствует. Обсуждая этот вопрос в своих воспоминаниях¹¹¹, он говорит, что для свержения ленинской власти потребовалось бы производство ударов по Петрограду и Москве. Он считал, что в стратегическом отношении это было выгоднее, нежели держать многочисленные войска на фронте, охраняющем от большевиков оккупированные немцами области.

Свергнув Ленина, нужно было установить правительство, которое не пошло бы против Германии. «Это было бы крупнейшим стратегическим достижением» и для этой новой власти, замечает Людендорф,

¹ Людендорф, с. 529, 530.

¹¹ Эта контрибуция достигала 6 миллиардов золотых марок. В счет этой суммы большевицкое правительство успело уплатить Германии 650 миллионов золотых рублей, которые впоследствии по Версальскому договору перешли к Франции.

¹¹¹ Людендорф, с. 529.

можно было бы произвести пересмотр условий Брест-Литовского мира. Делать же последнее для большевиков, по мнению генерала Людендорфа, не имело никакого смысла.

В воспоминаниях другого влиятельного германского генерала — Гофмана¹, можно встретить указание на проект восстановить на Царском престоле Цесаревича Алексея при регентстве Великого князя Павла Александровича^{II}.

При этом ген. Гофман утверждает, что для свержения Ленинского правительства «Восточный фронт совершенно не нуждался ни в каких подкреплениях. Майор Шуберт, наш военный агент в Москве, который первым выступил за решительное наступление против большевиков, считал достаточным для водворения порядка в Москве и установления нового правительства двух батальонов. Хотя я и считал его расчеты слишком оптимистичными, всё же мне кажется, что для проведения этого в жизнь нам хватило бы и тех немногих дивизий, которые оставались еще в нашем распоряжении. Ленин и Троцкий в то время не располагали еще Красной армией. Все их заботы были поглощены разоружением и раскассированием старой армии. Их власть опиралась лишь на несколько латышских батальонов и на несколько орд китайских кули⁴, которых они вооружили и которые применялись ими прежде всего... в качестве палачей».

Однако в своих намерениях свергнуть большевиков германское военное командование встретило противодействие со стороны своего правительства.

Чем объясняется эта благосклонность Имперского правительства к русским большевикам, в которой обвиняет его и генерал Людендорф?

Интересны объяснения самого же обвинителя — генерала Людендорфа.

«Опять внутренние политические течения мешали стратегии»^{III}, — говорит он в том месте своих воспоминаний, где указывает на стратегическую легкость для немцев, ударами по Петрограду и Москве, свергнуть правительство Ленина.

Представители Имперской гражданской власти, под влиянием германских социалистов, боялись этого. Они видели в большевизме «левое крыло социализма», не понимая, так же как и наша революционная демократия, что социализм большевиков был лишь внешней этикеткой, прикрывавшей разложение государства, вызванное военным перенапряжением.

¹ *General Max Hoffmann. Der Krieg der versäumten Gelegenheiten*, s. 224. München: Verlag für Kulturpolitik, 1924. Генерал Гофман был главным германским военным представителем во время переговоров о мире в Брест-Литовске.

^{II} Великий князь Павел Александрович отклонил это предложение.

^{III} *Людендорф*, с. 529.

На другие русские социалистические партии германские политики не видели возможности опереться. Господство социалистов-революционеров в эпоху Временного правительства не привело к миру. Убийства 6 июля 1918 года в Москве германского посла Мирбаха⁵ и 30 июля в Киеве германского главнокомандующего генерала Эйхгорна⁶, произведенные левыми эсерами, усугубили недоверие немецких политиков к этой партии.

В ставку на русские буржуазные круги эти политики не верили, помня несостоятельность, обнаруженную этими кругами в 1917 году.

Наконец, на правые монархические круги, на которые думали опереться немецкие военные лидеры, германские политики опираться не хотели. В самой Германии как раз происходила острая политическая борьба с всё более и более захватывавшим в свои руки политическую власть генералом Людендорфом. Немецкие политические деятели опасались, что восстановление Царской России настолько укрепит положение Людендорфа, что превратит его в фактического диктатора Германии.

Острая борьба, происходившая между правыми и левыми немецкими партиями, являлась одним из выражений того процесса внутреннего разложения, который вызывала в Германии тяжелая война. Правые требовали всё большей и большей милитаризации страны и поддерживали во всем военных вождей; левые же противились этому. Непосредственным следствием подобного внутреннего разлада явилась двойственность германской политики.

Германский противобольшевицкий фронт

Одной из первых мер, которые были необходимы для ограждения Центральных Держав от проникновения большевицкой заразы, явилась оккупация германцами возможно большей части пограничной территории России.

«Если бы мы очистили (занятую нами) страну, — пишет Людендорф, — воинствующий большевизм очень скоро вторгнулся бы в Германию»¹... «От большевицких лидеров, — пишет он несколько далее^{II}, — нельзя было добиться честного мира; также как и ранее они будут готовить революцию в Германии. Мы не могли приуменьшать размеры этой опасности. Гарантировать себя от нее можно было только плотно нас закрывающим фронтом, продвинув при этом этот фронт вперед...»

Хаос, создаваемый большевиками, не позволял Центральным Державам использовать хлебные богатства Юга России. «Нужно было по-

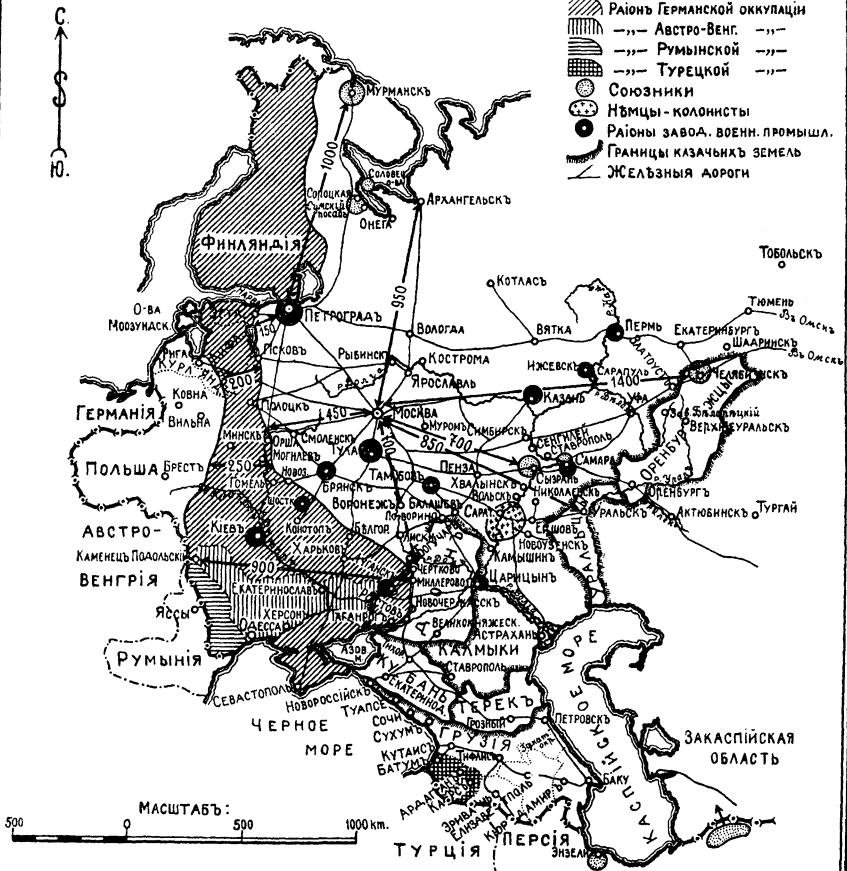
¹ Людендорф, с. 442.

^{II} Там же, с. 448.

ИНТЕРВЕНЦІЯ.

УСЛОВНЫЯ ОБОЗНАЧЕНІЯ:

- ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ГРАНИЦЫ РОССІИ
- РАЙОНЪ ГЕРМАНСКОЙ ОКУПАЦІИ
- АВСТРО-ВЕНГ. ---
- РУМЫНСКОЙ ---
- ТУРЕЦКОЙ ---
- СОЮЗНИКИ
- НѢМЦЫ - КОЛОНИСТЫ
- РАЙОНЫ ЗАВОД. ВОЕНН. ПРОМЫШЛ.
- ГРАНИЦЫ КАЗАЧЬИХЪ ЗЕМЕЛЬ
- ЖЕЛЕЗНЫЯ ДОРОГИ

давить большевизм на Украине, — говорит Людендорф¹, — а также надо было создать там такие условия, которые позволили бы нам извлечь из нее военную пользу и получить хлеб и сырье. Для этого мы были должны продвинуться далеко в глубь страны. Другого выхода у нас не было».

Причины, побуждавшие выдвижение вперед Германского фронта в Северной части России, были другого порядка.

«Антанта пыталась поставить опять против нас Россию, — говорит Людендорф^{II}. — Чтобы помешать, нужно было задержать ее войска и военное снабжение, доставляемое ею на Мурманское побережье. Мы могли ожидать, что Англия проникнет в Петербург и будет действовать против нас. Мы не могли допустить ее обоснования в Петербурге и на Финском побережье. Для того чтобы успеть это сделать, нам нужно было, прогнав большевицкие войска, через Ливонию и Эстонию продвинуться до Нарвы. Финляндия, громимая большевиками, обратилась к нам с мольбою о помощи. Оказав ей последнюю, мы приобретали союзницу против большевиков. Последнее облегчало нам удар по Петрограду и позволяло воздействие на Мурманскую железную дорогу».

В итоге немецкий фронт обосновался по линии: Нарва—Псков—Полоцк—Гомель—Купянск—Ростов. Он отстоял от Москвы на 450 км, а от Петрограда всего на 150 км. Существование московского большевицкого правительства находилось все время под угрозой немецких ударов по Петрограду и Москве. Это не позволяло ему перекинуться в лагерь Антанты и понуждало его быть послушным указке Берлина.

Необходимость сохранения достаточно сильного боевого фронта, несмотря на заключенный с московскими большевиками мир, вызвала расход войск больший, чем предвидел это германский Генеральный штаб. Так, 1 марта, то есть за три дня до капитуляции Ленина, общая численность войск, с которыми Центральные Державы перешли в наступление, равнялась:

51 пехотная и 7 кавал. германских дивизий.

8 пехотных и 2 кавал. А.-В.^{III} дивизии.

ВСЕГО: 59 пех. и 9 кавалерийских дивизий.

К 1 апреля это число сократилось до:

40 пехотных и 5 кавалер. германских дивизий.

8 пехотных и 2 кавалер. А.-В. дивизии

ВСЕГО: 48 пех. и 7 кавалерийских дивизий.

^I Людендорф, с. 448.

^{II} Там же, с. 447—448.

^{III} Австро-венгерских. — Прим. ред.

Больше ни одной дивизии увести из России Центральные Державы не смогли.

С целью затруднить проникновение большевизма в оккупированные Центральными Державами области, немцы поставили одним из условий Брест-Литовского мира установление особой нейтральной полосы. Эта полоса протягивалась впереди всего Германского фронта и образовывала своего рода карантинную зону.

Нахождение в России немецкого боевого фронта понудило правительство Ленина организовать свой противонемецкий фронт. Печальный опыт вторжения немцев воочию показал несостоятельность красной партизанщины и необходимость перехода к регулярной Красной армии. Троцкий приступил к формированию таковой, используя национальные мотивы, чтобы привлечь в свои формирования прежнее офицерство. Это отчасти ему удалось: 20 тысяч офицеров вступило в ряды Красной армии с целью защитить Россию от немцев.

Чтобы сделать понятной психику этого офицерства, в числе которого были и такие генералы, как генерал Шварц — доблестный защитник Порт-Артура в 1904 году и Ивангорода в 1914 году¹, я напомним факт, который произошел в такой непримиримой по отношению к большевикам среде, какой была Добровольческая Армия: как я писал в конце прошлой главы, командование этой Армии сознательно не использовало крайне благоприятные возможности нахождения в тылу большевицких красных отрядов, дравшихся у Батайска против немцев для того, чтобы уничтожить эту квинтэссенцию воинствующего большевизма. По собственному заявлению генерала Деникина, нанесение серьезного удара не входило в его расчеты.

«Извращенная донельзя русская действительность, — объясняет он свой поступок, — рядила иной раз разбойников и предателей в покровы русской национальной идеи»...

Так же точно ошибались и те русские офицеры, которые пошли по призыву Троцкого в формирующиеся части регулярной Красной армии для того, чтобы защищать Россию от немцев. Впоследствии эти регулярные части Красной армии, сформированные на противонемецком фронте, будут переброшены на фронты гражданской войны и, формировавшие эти части офицеры, под страхом смертной казни, окажутся вынужденными драться не против врагов России, а против своих же собственных братьев, шедших спасать Россию.

Противонемецкий большевицкий фронт оказался своего рода горнилом, в котором создавалась регулярная Красная армия для того

¹ Вскоре, однако, разочаровавшись в национальных чувствах большевицких вождей, генерал Шварц бежал на Юг России.

периода гражданской войны, когда последняя, утрачивая свой ярко выраженный импровизированный, отрядный характер, начнет приближаться к организованным формам внешней войны.

«Консолидация красных сил на Южном фронте, — говорится в официальной большевицкой истории Гражданской войны¹, — в значительной мере была облегчена также первыми регулярными формированиями центра в ближайшем тылу фронта, основным костяком которых явились сохранившиеся большевизированные кадры старой армии (Воронежская дивизия, впитавшая в себя остатки 3-й гвардейской дивизии). Окончательное же сплочение фронта явилось в результате переброски вновь сформированных регулярных частей из Московского района с сильной рабочей прослойкой. Регуляризация южной «завесы», осенью 1918 года переименованной во фронт, происходила не без борьбы, принимавшей местами формы открытых вооруженных выступлений. Планомерность и последовательность борьбы с партизанщиной, в связи с созданием крепкого остова будущего фронта из регулярных частей, позволила довести эту борьбу до благополучного конца».

Конец этой выдержки сам по себе чрезвычайно показателен. Он свидетельствует об одном интересном явлении: близость сильного немецкого боевого фронта возбуждающе действовала на противобольшевицкие настроения местного крестьянства. Во всей полосе местности, примыкавшей к немецкому фронту, повторялись одни и те же явления. Надежда на вооруженную помощь, даже со стороны бывших врагов, стимулирует народные массы восставать против большевиков. Этот факт, интересный сам по себе, характерен и тем, что показывает, насколько велико стало расхождение в отношении к войне с Центральными Державами между русской интеллигенцией (в данном случае — офицерством) и русскими крестьянскими массами.

Германская политика

Помощь, оказанная немцам для освобождения от большевицкого ига Западного угла Донской области, завязала между избранным казаками Атаманом Красновым и германским командованием своего рода союзнические отношения.

То, что немцы хотели от Дона, ясно формулирована самим генералом Людендорфом.

«...На нижнем течении Дона, примыкая к оккупированной нами территории, — пишет он, — находились Донские казаки. Их атаман, генерал

¹ Гражданская война 1918–1921 гг., т. III, с. 96. Москва–Ленинград: Госиздат, 1930.

Краснов, был ярый противобольшевик и дрался против красных отрядов. Но у него не хватало оружия и боевых припасов. Я вошел с ним в сношения для того, чтобы помешать его присоединению к Антанте. Положение было смутное. Вынужденный пообещать правительству о своих мероприятиях, я не мог идти наперекор пробольшевицкой политики последнего, а в то же время генерал Краснов не был против Антанты, а был только врагом большевиков. Мне, в конце концов, удалось помешать Краснову встать открыто на сторону Антанты и до известной степени сделать его своим союзником; если мы решились бы наступать на Москву, он открыто бы пошел с нами»... «Стратегически мы имели полную возможность с войсками, находившимися на нашем Восточном фронте, произвести быстрый удар по Петербургу, а с помощью Донских казаков и по Москве»¹.

Для того чтобы понять опасения ген. Людендорфа относительно присоединения Донского казачества к Антанте, нужно иметь в виду попытку последней организовать на востоке Европейской России противонемецкий фронт, используя для этого начавшееся в мае выступление чехо-словаков. Стремясь не допустить атамана Краснова примкнуть к проектам Антанты, ген. Людендорф хотел в то же время сохранить в своих руках русскую противобольшевицкую силу, способную, по его мнению, при известной помощи извне, свергнуть иго большевиков.

Донской Атаман Краснов, отдавая себе отчет в двойственности политики немцев, стремился прежде всего добиться, при помощи их, признания Ленинским правительством независимости от него Дона и этим оградить последний от агрессивности московских большевиков.

«Необходимо, — пишет он 23 мая своему послу на Украине, генералу Черячукину⁷, ведшему переговоры с Германским главнокомандованием, — заставить Московское правительство, оказывая на него давление Украиной, то есть Германией, основываясь на самоопределении народов, признать Всевеликое Войско Донское независимым от Совета Народных Комиссаров и заставить Москву вывести Красную Гвардию из пределов войска»^{II}.

«Необходимо, — пишет Атаман Краснов в другом письме от 6 июня, — заставить, при помощи германцев, Раковского^{III} и иже с ним отрешиться от мысли, что земля Войска Донского принадлежит Советской Москве, и установить с ними точную демаркационную линию, обещав хлеб с Кубани»^{IV}.

^I Людендорф, с. 529.

^{II} Донская Летопись, № 3, с. 181.

^{III} Глава большевицкой комиссии, устанавливавшей под руководством немцев границы между Украиной и РСФСР (установленное большевиками название России).

^{IV} Из письма ген. Краснова ген. Черячукину от 6 июня 1918 г. // Донская Летопись, № 3, с. 183.

Ограждение Дона от наступления московских большевиков нужно было Донскому Атаману, чтобы выиграть время для создания регулярной Донской Армии. Для этого же формирования ему необходимо было «немедленно получить боевые припасы, оружие и военное снаряжение, которые в изобилии находятся на Украине, — говорил он, отправляя посла^I. — Без них мы не справимся с большевиками». Но получить всё это можно было только с разрешения немцев.

Вопрос оружия был для Дона вопросом жизни или смерти, и Донской Атаман «бомбардировал» письмами своего посла^{II}.

«Мне необходимо не позже 17 июня^{III}, — писал ген. Краснов 10/23 июня (письмо от 10/23 июня № 141), — иметь у себя не менее 12 аэропланов, 72 орудия и к ним 72 000 снарядов, 50 000 винтовок и 10 000 000 патронов, словом, то, что я писал. Напиши, как идет дело. Итак, пушки, ружья, снаряды, патроны в первую голову и во что бы то ни стало»...

«Пушки и аэропланы надлежит высылать возможно скорее, если можно, не позже 30 июня нового стиля (письмо от 12/25 июня № 142). Надо добиться русских винтовок; можно взять их менее, хотя бы только 30 000, в крайности 20 000 и 10 000 иностранных и патронов по 200 на каждую винтовку, но всё это нужно скорей и скорей. Нам орудия, патроны и ружья теперь нужнее самостоятельности; об этом не надо говорить, но надо это помнить и помнить твердо. Ожидая телеграфного известия о погрузке и отправке орудий и аэропланов»...

«У Эйхгорна надо выпросить 72 орудия, 50 000 русских винтовок, снаряды и патроны (письмо от 26 июня № 147). Итак, жду предметов вооружения»...

Затягивая снабжение Донского казачества оружием для их борьбы с большевиками, германцы тем не менее сами принимали решительные меры, дабы не допустить в занятой ими юго-западной части Донской территории (Ростов, Таганрогский округ и часть Донецкого округа) поднятия головы местными большевиками. Когда же, в середине июня, большевицкие силы с Таманского полуострова переправились через Азовское море и высадились около Таганрога, «они были немедленно же уничтожены германскими войсками»^{IV}.

Затягивали немцы и признание независимости Дона от Москвы.

^I Донская Летопись, № 3, с. 166.

^{II} Воспоминания ген. Черячукина. Донские делегации на Украине и в Берлине в 1918–1919 гг. // Донская Летопись, № 3, с. 161–231.

^{III} Старый стиль. — Прим. Н. Н. Г.

^{IV} Ludendorff, s. 528.

Промедление происходило из опасения, чтобы Донские казаки не приняли бы участия в Восточном противогерманском фронте, который пыталась в то время организовать Антанта.

Нуждаясь до крайности в оружии и добиваясь признания самостоятельности Дона, генерал Краснов счел себя вынужденным обещать неучастие в продолжающейся войне Антанты с Центральными державами. Обещание было сформулировано в Декларации Всевеликого Войска Донского от 23 мая/5 июня 1918 года.

«Донское Войско не находится ни с одной из Держав в состоянии войны, но, держа нейтралитет, ведет борьбу с разбойничьими бандами красногвардейцев, посланных в Войско советом народных комиссаров»¹.

По-видимому, эта формула не вполне удовлетворила немцев, и Донскому Атаману пришлось выразиться более определенно.

В письме от 6/19 июня к своему послу генерал Краснов поручает передать германскому послу на Украине фон Мумму обещание Дона «держат вооруженный нейтралитет по отношению ко всем державам, не посягающим на неприкосновенность войска и Юго-Восточного Союза, и не допустить никакой вражеской силы на свою территорию»².

Кто такая эта «вражеская сила», которую Донское казачество обещало не пускать на свою территорию, объяснено в письме от 26 июня (№ 147) генерала Краснова к генералу Черячукину: этой силой были чехо-словаки³.

Май и июнь месяцы являются апогеем боевых успехов Германии во Франции. Идя на соглашение с немцами, ген. Краснов несомненно находился под влиянием мысли об окончательной их победе в мировой войне. Но вместе с этим нужно признать и то, что немцы являлись в этот период единственной реальной силой, которая могла помочь в борьбе Дона с Московским большевицким правительством. Более того, вопреки согласию немцев Дон был бессилён вести эту борьбу. Он не только непосредственно соприкасался своей западной границей с оккупированной Центральными державами Украиной, но даже весь его Юго-Западный угол⁴ был тоже занят немцами.

¹ См. полный текст этой Декларации в приложении № 30.

² См. письмо Донского Атамана от 6 июня 1918 года № 73, приведенное в приложении № 31. Окончательная формула заявления Донского казачества о нейтралитете в случае продолжения Антантой войны с Германией на территории России вылилась в виде письма ген. Черячукина германскому послу на Украине (см. Приложение № 32).

³ Дон «объявил вооруженный нейтралитет и никаких чехо-словаков не допустит на свою территорию».

⁴ Ростов, Таганрог и часть Донецкого угольного бассейна, принадлежавшая Донской области.

Учитывая необходимость соглашения с немцами, Атаман Краснов, тем не менее, прилагает все усилия для того, чтобы вернуть Донскому казачеству занятые немцами, во имя Украины, части Донской области.

«Главным врагом нашим теперь являются немцы (письмо генерала Краснова генералу Черячукину от 6 июня), которые, во-первых, не пускают нас в Таганрог под тем предлогом, что они не знают, чей Таганрог, и с большой бесцеремонностью ведут себя в землях Войска Донского»...

Одновременно с этим Атаман Краснов стремится добиться признания немцами самостоятельной «Донской демократической республики»¹, включив в ее территорию некоторые из земель, не входивших ранее в Область Войска Донского. На западе это Луганск, на востоке — полоса правого берега р. Волги от Камышина до Царицына. Это расширение границ нужно было Краснову для предстоящей борьбы с московскими большевиками. В Луганске находятся патронные заводы, а в Царицыне — пушечный.

Царицын, кроме того, сам по себе имел важнейшее стратегическое значение. «Большевики оставались еще в июне месяце хозяевами на Нижней Волге и на Каспийском море. Это имело для Советского правительства, — оценивает стратегическое положение Людендорф², — громаднейшее значение, так как давало возможность продолжать подвоз нефти. Оно (правительство Ленина) уже потеряло для экономической жизни подвластной ему страны уголь Донецкого бассейна и хлеб Украины, а также Донской и Кубанской областей»...Царицын же представлял главный центр на Нижней Волге. Овладение им прерывало эту жизненную артерию для большевиков. Находясь в Царицыне, большевики, в свою очередь, разрывали на две части тот контрреволюционный пояс, о котором я говорил в главе VIII и который тянулся от берегов Азовского моря через Нижнюю Волгу на Оренбург, через Урал и далее, поперек всей Сибири. Владая Царицыном, большевики прерывали связь между Донским, Кубанским и Терским казачествами, с одной стороны, и Уралом, Оренбургом и Сибирью — с другой. Это не давало возможности образования единого противобольшевицкого фронта, предвешая его разделение на два взаимно не связанных фронта: Юго-Восточный и Восточный.

«Сам по себе Царицын, — говорится в большевицкой Истории Гражданской войны³, — с его районом являлся, благодаря обилию в нем рабочего населения, одним из жизненных революционных центров

¹ См. пункт первый его Декларации от 5 июня в Приложении № 30.

² *Людендорф*, с. 528–529.

³ *Гражданская война 1918–1921 гг.*, т. III, с. 94. Москва–Ленинград: Госиздат, 1930.

юго-востока России. Этим не исчерпывалось, однако, его значение: в экономическо-военном отношении он был важен для обеих сторон как промышленный центр, а в стратегическом отношении, как узел железнодорожных, грунтовых и водных путей. Кроме того, благодаря фланговому положению все успехи казаков на северных направлениях без предварительного овладения Царицыном, как показали дальнейшие события, являлись непрочными, а обладая им, советские войска обеспечивали свое господство над Нижней Волгой и связь с Астраханью и Северо-Кавказским театром».

Из Москвы был командирован в Царицын Сталин, сначала с заданием организовать отправку хлеба на Север; но вскоре, по мере выяснения громаднейшего стратегического значения Царицына, ему было указано, встав во главе обороны, удержать во что бы то ни стало этот важнейший центр¹.

Добиваясь признания немцами принадлежности Царицына к территории Донского государства, Атаман Краснов хотел развязать себе руки для направления своих первых боевых действий против большевицких сил, оборонявших нижнее течение Волги. Это было ему тем необходимее, что, разделяя идеи атамана Каледина, он считал, что для того, чтобы достигнуть действительных результатов в деле низвержения большевицкого ига в России, нужно, прежде всего, социально оздоровить хотя бы Юго-Восток России. С этой целью он и стремился возродить Юго-Восточный Союз под новым наименованием: «Донско-Кавказский Союз».

В своей декларации от 5 июня¹¹ Атаман Краснов совершенно определенно говорил, что независимость Дона — временная, только до низвержения большевицкого правительства, заседавшего в Москве, и «впредь до образования в той или иной форме Единой России...».

Этого было совершенно достаточно для того, чтобы встретить противодействие со стороны тех немецких политиков, которые были за поддержку власти Ленина. Дабы парализовать это препятствие, исходившее от германского посла на Украине — фон Мумма, Атаману Краснову пришлось дать указания своему послу о замаскировании слишком откровенно высказанных в декларации от 5 июня дальнейших видов Донского казачества.

«Германскому послу Мумму (письмо ген. Краснова к ген. Черячукину от 23 июня № 141) надо намекнуть, что слово «единая» Россия было употреблено в видах внутренней политики и добрых отношений с Корниловской армией, которая нам нужна; что на деле я стремлюсь

¹ Гражданская война 1918–1921 гг., т. I, с. 22.

¹¹ См. Приложение № 30.

образовать самостоятельный Юго-Восточный Союз на началах федерации и что мне для этого нужно только оружие.

Намекните ему, что мы жаждем мира во что бы то ни стало и ради этого мира будем воевать с кем бы то ни было: с японцами — так с японцами, с американцами — так с американцами, но делать из себя Бельгию не позволим. Скажите ему, что для Германии выгодно создать из Юго-Восточного Союза дружественную державу и притом достаточно сильную.

Если Германия поможет теперь нам оружием властно разрешить наш спор с Украиной о границах и **заставит**, а это в ее власти, Москву уйти из земли Войска Донского, то Донские казаки никогда этой услуги не забудут и, когда нужно, помогут и немцам».

В конце июня 1918 года, П. Н. Краснов окончательно потерял терпение и решил действовать не через дипломатических представителей, а через военное командование. «Необходимо, — пишет он ген. Черячукину (письмо от 26 июня № 147), — теперь же — у Эйхгорна, а не у Мумма, подготовить почву для посылки военной миссии к Германскому главному командованию для решения вопросов о признании Доно-Кавказского Союза самостоятельной державой и о понуждении Советской Москвы к прекращению грабительских действий».

В августе месяце состоялась поездка дипломатической миссии Донского казачества в германскую Ставку. Эта миссия взяла с собою письмо Атамана Краснова к германскому Императору¹.

Посланцы Атамана Краснова прибыли в Германию в Ставку вскоре после перелома в ходе войны в пользу Антанты. Влияние ген. Людендорфа на Имперскую политику было уже поколеблено. Письмо Атамана Краснова не было передано германскому Императору, и таким образом вопрос о признании отпал. Единственно чего смогла добиться Донская миссия это — обещания «указаний Киеву о снабжении Дона оружием»^{II}.

Германская политика в Финляндии и Закавказье

Заставив большевиков признать в Брест-Литовске независимость от России Финляндии, германский Генеральный штаб подготовил стратегическое обеспечение левого фланга своего противобольшевицкого фронта, примыкавшего у Нарвы к южному берегу Финского залива. Поэтому очень на руку немцам была просьба ген. Маннергейма, командовавшего финскими противобольшевицкими силами, о присылке в Финляндию германских войск^{III}.

^I Полный текст этого письма приведен в Приложении № 33.

^{II} Донская Летопись, № 3, с. 201.

^{III} Людендорф, с. 504.

В течение апреля месяца, при помощи высадившихся германской дивизии генерала фон дер Гольца и отряда полк. Бранденштейна, финляндцы бьют большевиков. 29 апреля с занятием Выборга Финляндия была от них очищена.

Не теряя времени, германское командование принимает меры для формирования Финской армии. Оно посылает немецких инструкторов и снабжает оружием. «С занятием Нарвы и Выборга, — пишет Людендорф¹, — мы находились в положении, дававшем нам возможность начать в любой момент наступление на Петроград, чтобы свергнуть большевицкую власть, а также, чтобы помешать продвижению Англии с Мурманского побережья...»

«...Мурманская железная дорога была разрушена большевиками. Небольшие финские отряды, направленные для нападения на эту дорогу, не нашли там ничего. Соединенные германо-финские войска были достаточно сильными, чтобы пресечь здесь всякое продвижение Антанты»^{II}.

Независимость народов Закавказья не была провозглашена в Брест-Литовске. Но Германское правительство воспользовалось первым же удобным случаем, чтобы это сделать.

Обстановка в Закавказье была очень сложной.

Образовавшееся здесь в конце ноября Закавказское временное правительство (Закавказский комиссариат), хотя и составилось из местной революционной демократии, тем не менее решительно отмежевалось от большевиков и объявило о самостоятельном существовании края впредь до восстановления законной общероссийской власти.

Положение Закавказья осложнялось тем обстоятельством, что через него должны были пройти обольшевиченные солдатские массы бывшей Кавказской армии, находившиеся в пределах Турции и Персии. Правда, что наиболее мощный поток этих солдатских масс миновал Закавказье, направляясь на Трапезунд и далее морем на Новороссийск, но другой такой поток шел по железной дороге от Эрзерума, угрожая столице Грузии Тифлису.

«Создавшийся к тому времени Закавказский Комиссариат, во главе с Е. П. Гегечкори (грузин), распорядился закрыть для уходивших с фронта войск г. Тифлис, опасаясь разграбления его и богатейших военных запасов, в нем сосредоточенных, солдатскими бандами; для этой цели узловая станция Навтлуг (в 5—6 верстах от Тифлиса), через которую шло раньше сообщение с фронтом как из Тифлиса, так и из центра России, была закрыта и узловая станция была перенесена

¹ Людендорф, с. 505.

^{II} Там же, с. 527.

в Караязы, или еще дальше — одним словом, верст за 40—50 от города Тифлиса, благодаря чему воинские части по железной дороге следовали в Россию, минуя Тифлис».

«Вместе с тем, тот же Комиссариат, учитывая и последствия переворота, свергнувшего Временное правительство и давшего власть большевикам, и развал фронта, и совершенное обнажение государственных границ, постановил разрешить формирование национальных частей. Армяне и грузины, отбывшие воинскую повинность в России на общем основании, имели в своей среде немало кадровых солдат и много офицеров, среди которых было много весьма дельных»¹.

Как указано было выше, правительство Ленина уступило по Брест-Литовскому миру туркам юго-западную часть Закавказья (Ардаган, Карс, Батум). Грузия не признала это. Турки же стремились использовать критическое положение народов Закавказья и завладеть большей частью края. В особенности их притягивал Азербайджан с его нефтяными богатствами в Баку.

Положение осложнялось тем, что населявшие Азербайджан татары враждовали с армянами и сочувствовали туркам. В результате 28 мая Закавказская федеративная республика распалась на три республики: Грузию, Армению и Азербайджан. Правительство первой, видя бессилие остановить турецкое нашествие, объявило о своем отторжении от России и обратилось за помощью к Германии.

«Протекторат над Грузией был, — как объясняет Людендорф, — средством независимо от Турции получить доступ к кавказскому сырью и эксплуатации железных дорог, проходящих через Тифлис. Мы не могли довериться в этом отношении Турции. Мы не могли рассчитывать на бакинскую нефть, если не получим ее сами»¹¹.

Гельферих, видный германский политический и экономический деятель, свидетельствует о том же: «Германия очень интересовалась бакинскими нефтяными промыслами, которые соединены нефтепроводом с Батумом, и кавказскими богатейшими марганцевыми рудниками, имевшими для нас огромное значение, как в этой войне, так и после войны».

24 июня в Рейхстаге было объявлено о признании «де-факто» новой Грузинской республики. Дополнительными же статьями к Брест-Литовскому миру Имперское правительство заставило большевиков признать автономию Грузии. В Тифлис была послана Германская дипломатическая миссия с эскортом в две роты, и Грузия всецело подпала под германское влияние.

¹ Статья Б. Байкова: «Воспоминания о революции в Закавказье (1917—1920)» // Архив Русской революции, т. IX, с. 112—113.

¹¹ Людендорф, с. 530.

Теми же дополнительными условиями к Брест-Литовскому миру Германия обязалась, перед правительством Ленина, не допускать турецкие войска в Бакинский район. Таким образом, ограждая Грузию от большевиков, Германия становилась союзницей последних в Азербайджане.

Причиной такой политики являлось то, что англичане, стремясь помешать немцам в использовании бакинской нефти, направили из Персии в Азербайджан экспедицию, которая, прибыв в Баку, образовала там противобольшевицкое правительство.

Расчетам немцев на бакинскую нефть не суждено было осуществиться: посланная Людендорфом кавалерийская бригада с несколькими батальонами для захвата Баку не успела прибыть Грузию, как война с Антантой оказалась проигранной Германией.

Пример политики Германии в Закавказье ярко показывает, насколько немецкая внешняя политика тесно зависела от требований, предъявляемых ведением тяжелой войны с Антантой. Отсюда вытекали и различия в отношении немцев к Финляндии и Грузии с одной стороны, и к Донскому казачеству — с другой. Однако, несмотря на это различие, в этих отношениях есть и общие черты.

Во-первых, германская политика в этих областях ярко противобольшевицкая; они оказывают помощь для борьбы с большевиками. Во-вторых, немцы смотрели на эти области не как на «оккупированные», а как на страны, долженствующие быть в «сфере их влияния». Вследствие этого правительства этих областей не были стесняемы в своей внутренней политике вмешательством немцев, и эта политика несравненно более отвечала желаниям местных народных масс, нежели оккупационный режим, установленный Центральными Державами в областях, ими занятых.

В результате, когда осенью 1918 года произойдет крушение Германии и ее войска должны будут уйти домой, — Финляндия, Грузия и Дон окажутся достаточно здоровыми, чтобы не допустить внутренних большевиков к захвату власти, а Донское казачество, кроме того, сделается главным устоем образовавшегося противобольшевицкого фронта Гражданской войны.

Германская политика на Украине

«...Хлеба! Прежде всего хлеба! — С этим лейтмотивом немцы явились в Киев и на Украину вообще, — пишет в своих воспоминаниях украинский политический деятель и профессор Н. М. Могилянский. — И на этой почве немцы рассорились с кабинетом Голубовича и Центральной Радой, т. е. с социалистической сепаратистской властью»

и украинским «парламентом»; страх за хлеб привел к ликвидации немцами и министерства Голубовича и Центральной Рады. Ибо весьма скоро немцы сообразили, что, при хозяйничании гг. Голубовичей и К^о с Центральной Радой во главе, — хлеба-то именно они и рискуют не увидеть вовсе. Они сразу поняли, что при сохранении в силе Универсала о социализации земли... крестьяне, вместо того чтобы пахать и сеять, будут делить землю. А немцам нужен прежде всего хлеб, а никак не социализация земли!¹... «Через два месяца пребывания в Киеве, немцы и австрийцы, занимавшие Одессу, послали обстоятельный доклад в Берлин и Вену в совершенно тождественной редакции¹¹. Немецкое Высшее военное командование, составившее этот доклад (я имел его в руках только на 1/2 часа и имел возможность лишь бегло просмотреть этот обстоятельный и интересный документ), доносило, что из всех учреждений на Украине единственно стоящее на высоте задачи и имеющее авторитет среди населения — это суд и его деятели, всё же остальное далеко не на высоте задачи. Если немного усовершенствовать устаревшие в некоторых областях законы, то, опираясь на суд и военную силу, можно управлять страной. Далее доклад красноречиво доказывал, что существующее правительство не в состоянии водворить в стране необходимый порядок, что из украинизации практически ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе, и всякий украинец, поступающий на службу, хотя бы сторожем на железную дорогу, стремится и говорить и читать по-русски, а не по-украински. Общий же вывод был тот, что желательно объявить открыто и легально оккупацию края немецкой военной силой...»¹¹¹

В результате германское командование решило создать другое правительство, которое должно было отменить социализацию земли. Опору для этого нового правительства оно думало найти в среде наиболее зажиточных крестьян-собственников. С этой целью оно помогло формированию партии «Хліборобов», под флагом которой объединилась большая часть партий правее социалистов. 29 апреля «Хліборобы» собрались на съезд в Киеве и объявили генерала Скоропадского⁸ Гетманом всея Украины.

¹ [Могилянский Н. М.] Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 году). // Архив Русской революции, т. XI, с. 84.

¹¹ В Приложении № 34 приведен мною один из докладов, полученных в операционном отделении германского Восточного фронта о положении дел на Украине в 1918 г. Видимо, это один из тех документов, которые послужили материалом для составления доклада, о котором упоминает в своей статье проф. Могилянский. — *Прим. Н. Н. Г.*

¹¹¹ Там же, с. 88.

Поворот от Украинской республики к Гетманству был сделан «чрезвычайно аляповато и грубо, — записывает очевидец этих событий¹, — немцы даже не соблюли декорума нейтралитета. Дело с внешней стороны обошлось так. В теплый, благоуханный апрельский день, около трех часов пополудни, к зданию, где заседала Центральная Рада, т. е. к Педагогическому Музею на Владимирской улице, направились небольшие отряды немецких солдат... подходы к зданию, где заседала Центральная Рада, были отрезаны...»

«Маленький отряд вооруженных немецких солдат вошел в зал заседания Рады, оставив стражу у всех выходов залы. “Руки вверх!” — командовал немецкий офицер. Все подняли руки, кроме проф. М. С. Грушевского, который смущенно остался сидеть на председательском кресле. Выпустили сначала публику, проверяя документы, потом членов Рады, задержали только некоторых членов Правительства...»

«...Чисто и гладко, без единого выстрела с чьей-либо стороны ликвидирована была Центральная Рада... Эпилогом отношений немцев с украинскими социалистами был судебный процесс, который должен был оправдать образ действий немецкой власти по отношению к правительству и к Центральной Раде. Судили действия премьера Голубовича, Гаевского и других второстепенных лиц... Д-р Трейде — немецкий обвинитель, не пожалел красок, чтобы изобразить полную фигуру Голубовича и его деяний. Голубович в своем последнем слове наивно просил судей: “Не судите по мне о моей партии”...»

Ген. Людендорф так формулирует в своей книге^{II} произведенный немцами на Украине переворот:

«Как и можно было ожидать, юное украинское правительство оказалось неспособным восстановить в крае порядок и поставить нам хлеб. Это правительство исчезло, и гетман Скоропадский взял управление в свои руки... Гетман Скоропадский был человек, отвечавший возможности хорошей совместной работы. Он хотел восстановить порядок в крае и выказал по отношению к нам самую большую благожелательность».

Действительно, гетман Скоропадский оказался послушной марионеткой в руках его покровителей-немцев.

«Сам Скоропадский, — записывает в своих воспоминаниях ген. Черячукин, в качестве посла Дона близко видевший деятельность Гетмана^{III}, — глубоко порядочный человек, генерал Свиты Его Величества,

¹ Вышеупомянутая статья Могилянского // Архив Русской революции, т. XI, с. 89–91.

^{II} Людендорф, с. 502.

^{III} Донская Летопись, № 3, с. 169, 170.

любящий Россию, богатый, ни от кого не зависящий и не испытывавший никогда забот и лишений, несмотря на свое малороссийское происхождение, мало напоминал украинца и по виду, и по своему характеру.

Еще недавно далекий от мысли быть Правителем Украины и потому не подготовленный к этой роли, он должен был теперь при чрезвычайно трудных условиях разбираться в настроении слоев и партий.

В этом отношении большие трудности доставил ему более зажиточный класс — помещики и немцы. Общность интересов помещиков, мечтавших о возвращении им всех убытков, понесенных ими во время Центральной Рады и разрухи во время большевизма, и немцев, желавших побольше высосать из Украины, соединило более богатый класс с оккупирующими пришельцами и вызывало недовольство крестьян.

В корне поколебленные революцией понятия о власти и дисциплине еще более усложняли работу Гетмана и Правительства и еще более затрудняли прекращение и даже уменьшение ожесточенной внутренней борьбы.

Не обладая большим характером и силой воли, связанный договором с немцами и обязанный хлеборобам своим избранием, Гетман подчинился вполне влиянию последних и, следуя их желанию, поплыл по течению, не оценив интересов большинства, т. е. крестьянства и без особого протеста терпел властвование немцев.

Всё это создавало настроение против Гетмана и вот почему, несмотря на свое искреннее желание принести пользу украинскому народу, Гетман не пользовался любовью и влиянием среди общих масс и искал опоры и даже заискивал у немцев, поддерживающих его, как суверена Украины.

Рассчитывать на украинские войска он тоже не мог, так как их у Гетмана не было.

Разбитые большевиками, они еще до избрания Гетмана или разбежались, или были распущены и лишь в некоторых местах держались незначительные части гайдамаков и сечевых стрельцов, привлекавших внимание фантастическими цветными шляками времен Запорожья на своих головных уборах.

Формирование новых войск запрещали немцы, хотя и было намечено образование 8 корпусов.

Как русский генерал, он болел душою о расчленении России.

Разыгрывая роль главы независимого государства, желавшего отпасть от России, он вместе с сим готов был всецело помочь Добровольческой Армии, объявившей своим лозунгом “Единая неделимая”, и широко раскрыл двери гостеприимства не сочувствовавшим отпадению Украины от России, считавшим отделение Украины актом государственной измены.

Радуясь успехам добровольцев и донцов, стремившихся к воссозданию Великой прежней России, он под нажимом самостийников отдавал распоряжения к национализации Украины и открывал украинские университеты.

Такая тактика привела к тому, что у Гетмана, преисполненного благих намерений, не было друзей.

Лица, окружавшие Гетмана, были далеко не на высоте своего положения и не вполне ему преданы. Большинство из них держались Гетмана из-за материальных выгод, но опорой быть ему не могли или не желали. Составляя его свиту, пытаясь говорить по-украински, они здесь же насмеялись над независимостью Украины.

Многие открыто заявляли, что они служат Украине за неимением пока лучшего. Даже во дворце Гетмана мне задавали вопросы, как и когда удобней пробраться на Дон и нельзя ли получить там какую-нибудь должность.

Причину этого надо искать не в неумении Гетмана выбрать подходящих лиц, а в том создавшемся положении, что все русские, в болезненном тяготении к Единой России, считали невозможным служить государству, отколовшемуся от России.

“У меня нет хороших генералов и офицеров, — говорил мне Гетман. — Они все или на Дону, или у Добровольцев, или просто, боясь аттестации Добровольцев, не хотят служить”.

Находящиеся в Киеве лица бывшей аристократии, генералы, общественные деятели, нашедшие там приют, помещики той же Украины вредили ему. Добываясь лучших условий жизни или возмещения, даже с карательными отрядами, понесенных убытков, эти лица за спиной у Гетмана вели против него же пропаганду..

Вот почему, несмотря на то, что Киев был переполнен бывшими государственными мужами, финансистами, выдающимися военными, Гетман был прав, говоря, что у него нет хороших работников и он один...

«Каково же было внутреннее положение страны, наводившее меня на самые грустные выводы уже с конца июня месяца, — пишет другой, часто цитированный нами, свидетель событий на Украине¹. — Прежде всего необходимо констатировать тот факт, что аппарат власти был вконец разрушен на Украине, как и в коренной России. Новый аппарат создавался в невероятно тяжелых условиях. Из элементов, которые всю жизнь свою были в оппозиции правительству и вовсе не были воспитаны к власти, трудно было ее сконструировать: они вносили лишь разложение и раздражение, дискредитируя самое власть, как таковую. Новые представители власти не умели, часто при лучших намерениях,

¹ Проф. Могиланский // Архив Русской революции, т. XI, с. 96, 97.

подойти вплотную и авторитетно к новому для них делу. Старые же деятели, часто вновь призванные к власти, применяли слишком старые и ненавистные приемы управления...

Анархия сдерживалась одной силой — немецким оружием. Как же держали себя немцы в украинской деревне? Всё зависело, конечно, от свойств командного состава. Мне лично пришлось наблюдать немцев..., которые не вызвали раздражения у населения и не оставили по себе дурных чувств. За все продукты, которые они брали у населения, они исправно платили и ничем населения не обижали. В других же местах — я читал об этом ряд донесений и следственных протоколов — шел прямой бесстыдный и циничный грабёж. Были случаи во многих местах, когда помещики пользовались немецкой силой для восстановления своих прав, и в особенности возврата своего ограбленного имущества (движимости). Это приводило иногда к таким конфликтам, что немцам приходилось пускать в ход артиллерию... Австрийцы были хуже немцев, и у них конфликты с населением были чаще, чем у немцев, чаще были и жестокие репрессии, вызвавшие глубокую анархию и разложение деревни...»

При помощи немецких и австрийских штыков проводился гетманский указ о возвращении земли помещикам и о вознаграждении их за все понесенные в процессе революции убытки.

В ответ на это на Украине начались крестьянские восстания. Деревня поднялась «за землю» против «пана», вновь завладевшего ею, против Гетмана как власти, покровительствующей «пану», против немца, как защитника «пана» и отбирающего хлеб. Объектом жестокой расправы были поэтому помещики, державная варта¹ и оккупанты, когда с ними можно было справиться. Последнее, конечно, удавалось редко, а потому в присутствии немецких и австрийских войск крестьянство замолкало; затаив в себе злобу, оно только ждало удобного для расправы случая.

В подобной обстановке, «находившаяся в состоянии анархии деревня... легко сделалась жертвой пропаганды агентов Петлюры^{II}, не вследствие того сомнительного соблазна, который обещала украинизация, а просто потому, что петлюровцы обещали свободу полного

¹ Так называлась организованная гетманской властью полиция.

^{II} Петлюра, как упоминалось выше, был военным министром павшего Правительства Центральной Рады. Вот как характеризует его тот же профессор Могилянский, сравнивая Петлюру с другими членами этого Правительства: «Симон Петлюра... гораздо более национален. Это упрямый “хохол”, несколько тупой, хитрый, недоучка и самоучка, но человек с настойчивостью, характером, огромным честолюбием, отравленный ядом случайно свалившейся в руки власти. Не теоретик и не мыслитель — он один умеет организовать и действовать. Черты гайдамачины живы в нем...» — *Прим. Н. Н. Г.*

ограбления помещиков в пользу крестьян и не противились прямому грабежу добра в помещичьих экономиях»¹.

Действительно, хозяйничанье немцев на Украине родило «Петлюровское движение». Часть крестьянства готова была признать Петлюру своим вождем, видя в нем смещенного «господами» немецкими и своими правителя Украины, хотевшего отдать им всю землю. Украинские крестьяне, так же как и великорусские, не входили в рассуждение о социалистическом характере 3-го Универсала: они видели в этом акте только один «момент» — а именно передачу всей земли мужикам.

Однако даже Петлюра не вполне отвечал тому типу вождя, которого искало крестьянство. Озлобленному настроению этих темных масс отвечали еще менее культурные типы, нежели Петлюра: им были нужны «мужики», если не по происхождению, то по духу. Здесь приходится встретиться с зарождением того социально-психического явления, которое приведет впоследствии к появлению среди крестьянства Юга России «атаманщины», о которой вскользь я уже упоминал в главе X.

Более удачливые из «батек» или «атаманов» крестьянских повстанческих отрядов станут вождями, за которыми охотнее всего пойдут крестьяне. Для того, чтобы иметь представление о культурном уровне людей, среди которых крестьянство искало своих вождей, я приведу несколько строк о батьке Махно², начавшем свою повстанческую карьеру летом 1918 года в районе Екатеринославской губернии и ставшем впоследствии наиболее популярным крестьянским атаманом.

«Каторга была, собственно, единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие ему огромным подспорьем в его политической деятельности...» — так пишет Аршинов, апологет Махно³.

¹ Профессор Могиланский // Архив Русской революции, т. XI, с. 103.

² Махно — крестьянин села Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии. Последовательно — подпасок, батрак, рабочий-литейщик. В 1908 году, на 19-м году от роду, за убийство урядника приговорен был к повешению, замененному бессрочной каторгой, 9 лет провел в Бутырской каторжной тюрьме, в 1917 году выпущен, как «политический», возвратился в свое село, стал во главе повстанчества. Село Гуляйполе, ставшее центром махновщины, находилось вблизи центра старой Запорожской Сечи. И несомненно, что это не было случайностью. В психологии махновского движения, прикрытого лозунгами партии анархистов, в лоно которой зачислил себя Махно, есть преемственные черты Запорожской Сечи. Не служит ли это подтверждением страниц VIII главы этой книги, на которых я говорил о той роли, которую играли в различных частях нашего крестьянства пережитки духа старого казачества.

³ Аршинов. История Махновского движения (1918–1921). — Издано группой русских анархистов в Германии. Берлин, 1923.

Таковы были результаты реакционной аграрной политики гетмана Скоропадского. Не лишено интереса отметить, что сам Скоропадский «утверждает, что он всё свое личное влияние употребил на радикальное решение аграрного вопроса в пользу крестьян, и он всегда с горечью говорил о тех элементах на Украине, которые оказали оппозицию и противодействие проведению на Украине аграрной реформы в интересах широких масс крестьянства»¹.

Среди чрезвычайно сложных и многочисленных условий, заставивших П. П. Скоропадского идти в аграрном вопросе по совершенно обратному направлению, чем он того хотел, на первое место должна быть поставлена политика оккупантов.

Доминирующей идеей, которой руководилась эта политика, являлось немедленное использование Украины для продолжения войны с Антантой. Результаты этой политики, дававшей толчок к дальнейшему развитию анархии на Украине, могут служить иллюстрацией одного из многочисленных путей, по которым современная большая война имеет тенденцию перерождаться в войну гражданскую.

Положение Гетмана крайне осложнялось еще двойственностью и колебаниями немецкой политики.

«Мне представлялось, — пишет проф. Могилянский, — что вся политика немцев на Украине сводилась к тому, чтобы поддерживалось в стране состояние неустойчивого равновесия для того, чтобы в любой момент чашка весов, на которую немцы положили бы гирию своего влияния, могла накренить весы истории туда, куда, по тем или иным соображениям, это было желательно немцам...»² Вообще же немцы играли с Украиной, как кошка играет с мышью: то придавит, то даст побегать и насладиться иллюзией свободы, зорко следя в то же время, чтобы добыча не ушла от стола хищника-победителя...»³

Приведенное только что мнение показывает, как политика немцев оценивалась непосредственными свидетелями событий. На самом же деле макиавеллизм германской политики на Украине происходил не столько от злого умысла, сколько от той, указанной в начале этой главы внутренней политической борьбы, которая происходила в это время в самой Германии.

Милитаристы и правые политические течения, с Людендорфом во главе, боролись с Имперским правительством, которое прислушивалось к голосу левых партий. Так как на Украине были представители и того и другого образа мыслей, которые работали каждые в своем на-

¹ Могилянский // Архив Русской революции, т. XI, с. 95.

² Там же, с. 100.

³ Там же, с. 102.

правлении, немецкая политика на Украине и получала облик двойной игры.

В зависимости от того, которое из направлений одерживало верх во внутренней политической жизни Германии, происходили колебания официальной политики оккупантов на Украине.

До августа месяца, пока германские победы во Франции укрепляли господство Людендорфа, тон политики на Украине давало военное командование. В этом можно убедиться, читая мемуары Людендорфа. «В то время как я был страшно занят подготовкой операций на Западном фронте, — пишет генерал Людендорф^I, — я получил из военного кабинета Императора телеграмму канцлера, адресованную Его Величеству: канцлер горячо жаловался на “милитаризм”, который проводился в Киеве главным командованием, и просил вмешательства самого Императора...»

В августе месяце началось победоносное наступление Фоша. «8 августа — это траурный день германской армии в Истории этой войны, — пишет ген. Людендорф^{II}. — Более тяжелый момент я переживал только при получении известия о прорыве 15 сентября Болгарского фронта^{III}, который решил судьбу союза Центральных Держав».

14 августа, на совещании в германской Ставке, имперский канцлер Гинце^{IV} доложил Императору Вильгельму, что он получил официальное заявление ген. Гинденбурга и Людендорфа, что германское верховное главнокомандование не надеется больше разбить Антанту^V. Влияние Людендорфа на политику стало падать. На Украине это отразилось в том, что немцы стали требовать от Скоропадского переключки руля налево.

В конце сентября ген. Гренер^{VI} заявил: «Положение момента выдвигает сейчас перед Украиной задачи укрепления здоровых националь-

^I Людендорф, с. 502.

^{II} Там же, с. 547.

^{III} Этот прорыв был сделан Сербской армией. См.: Сычев Н. Сербская Армия в Европейской войне. Белград: Изд. Кашкина, 1931.

^{IV} Гинце заменил Кюльмана, вынужденного 8 июля уйти в отставку, вследствие выраженного им в своей речи и в Рейхстаге сомнения в окончательной победе Германии.

^V Протокол заседания Верховного Имперского совещания от 14 августа 1918 года опубликован немецким правительством в 1919 году в числе документов о причинах перемирия (см. документы №№ 1 и 2).

^{VI} Ген. Гренер, заменивший на должности начальника Штаба германского Восточного фронта ген. Гофмана, принадлежал к числу немецких генералов, державшихся иных политических взглядов, нежели Людендорф и Гофман. Впоследствии ген. Гренер заменил ген. Людендорфа на посту начальника штаба германского Верховного Главнокомандующего.

ных устоев и привлечения народных кругов к участию в строительстве страны, как и в ее управлении. И здесь, как в Германии, в состав правительства будут «привлечены представители левых и демократических течений...»¹.

В чем фактически выразилось это новое направление германской политики на Украине, можно увидеть из доклада украинского министра Кистяковского¹⁰ ¹¹, который был им сделан Совету Министров в последних же числах сентября; он жаловался, что немцы препятствуют ему арестовывать известных своей преступной деятельностью опасных большевиков и требуют освобождения других. И. А. Кистяковский тогда же сделал заявление, что в создавшихся условиях он слагает с себя ответственность за безопасность и спокойствие Киева.

«В то же время, — пишет профессор Могилянский¹¹¹, — немцы потребовали освобождения арестованного Петлюры. У меня имеются точные доказательства, что С. В. Петлюра был освобожден гетманом Скоропадским по настойчивому требованию немцев. У меня имеется письмо ко мне П. П. Скоропадского, где на прямой мой вопрос об этом (по поводу письма, опубликованного С. К. Моркотуном в “Cause Commune” осень 1919 года), П. П. Скоропадский ответил, что он вынужден был освободить Петлюру по настоянию немцев, угрожавших в противном случае освободить его силой».

Подобная германская политика вносила полный разлад между противобольшевицкими течениями на Украине.

Все наиболее яркие вожди «местного патриотизма» большей частью принадлежали к украинским эсерам и эсдекам. Из представителей этих партий и состояла сверженная немцами Центральная Рада. Меры по «украинизации», навязываемые Гетману немцами, не примирили их с гетманским правительством. Они вели успешную пропаганду среди озлобленных аграрной политикой Гетмана крестьянских масс, призывая их к его свержению.

В крупных городах и промышленных центрах Украины «украинизация», проводимая Гетманом, имела эффект, совершенно противоположный ожидаемому немцами.

Как я уже указывал выше, население центров не принадлежало к малорусскому племени, а было пришлым из коренной России. Украинизационные мероприятия Гетмана привели к своеобразному сочтанию большевизма с великороссийским патриотизмом. Большевики

¹ Цитировано к газете «Киевские Последние новости», в номере от 16 октября 1918 года.

¹¹ Министр внутренних дел Гетманского правительства.

¹¹¹ Архив Русской революции, т. XI, с. 101.

умело пользовались этим обстоятельством, работая над возбуждением городских народных масс рука об руку с представителями всероссийской революционной демократии. Озлобление против Гетмана и оккупантов всё росло. 30 июля оно выразилось в Киеве убийством германского главнокомандующего генерала Эйхгорна, а в августе взрывами громаднейших складов огнестрельных припасов в Киеве и в Одессе. В начале же сентября произошла железнодорожная забастовка, поддержанная, а может быть и организованная на огромные средства, затраченные большевиками¹.

Таким образом, к осени 1918 года против Гетмана оказались настроенными как все народные массы, так и вся революционная демократия.

Против него были возбуждены также и либеральная, и правая русская интеллигенция. Не изжившая еще психологии войны, она особенно больно была задета насильственным производством на Юге России «украинизации». Вместе с этой частью русской интеллигенции отвернулись от Гетмана и руководители Белого Движения, считая его противником «Единой, неделимой России». Они зачислили его в ряды своих врагов. Дабы убедиться в этом, достаточно прочесть те места книг генерала Деникина, в которых он говорит про гетмана Скоропадского.

В результате, когда в ноябре месяце побежденная Антантой Германия перестала быть силой, поддерживающей порядок на Украине, детище германского главного командования — Гетманское правительство оказалось обреченным на быструю гибель.

Германская политика в Прибалтике, Северо-Западном крае и в Крыму

«Германия, — говорил в Рейхстаге канцлер Бетман-Хольвег, — никогда не вернет освобожденных ею и ее союзниками народов между Балтийским морем и Вольнюю господству реакционной России, будь то поляки, литовцы, балты или латыши...»

Эти слова показывают, что Германия в оккупированных ею областях стремилась подготовить окончательное отторжение их от России. Это стремление сочеталось с другим, уже вышеупомянутым, стремлением создать своего рода «карантинную зону», предохраняющую от проникновения большевицкой заразы на территорию Центральных Держав.

Я не буду останавливаться на рассмотрении германской политики в Польше и Литве, ибо эта политика не отразилась на русском контрре-

¹ Могиланский // Архив Русской революции, т. XI, с. 99.

волюционном движении. Поведение же немцев в Прибалтийском крае и в Белоруссии, непосредственно прилегающих к установленной Брест-Литовским миром демаркационной линии, оказало свое воздействие на дальнейший ход русской революции.

В Прибалтийском крае, подавляющей массой населения которого являлись в южной его части — латыши, а в северной — эстонцы, немцы усиленно проводили германизацию. Командование решительно подавляло всякие проявления латышского и эстонского национализма, опираясь в своей политике на местный помещичий класс, состоявший из прибалтийских немцев.

Южная часть Прибалтийского края (Курляндия) была занята германскими войсками еще летом 1915 года, вследствие чего латышское население испытывало гнет германцев уже более двух лет.

В середине марта 1918 года «Курляндский народный совет», составленный по преимуществу из немецкого элемента края, представил Императору Вильгельму петицию о принятии им «Короны Курляндии», об объединении всей Прибалтики в одно государство и о присоединении этого государства навсегда к Германии.

Результат германской политики в Прибалтийском крае оказался не такой, какой ожидало правительство Кайзера и его командование. Эта политика сильно обострила национальные чувства латышей и эстов. Вместе с этим усилилась вражда их к немцам, к которым, в лице местных помещиков, уже и раньше они относились крайне враждебно.

Загнанная вовнутрь вражда этих масс к германским «освободителям» загорится ярким пламенем, как только проигравшие на французском фронте войну германцы вынуждены будут очистить Прибалтийский край.

Сначала эта ненависть к немцам выльется в большевизм, против которого немцы энергично боролись во время своей оккупации. Однако торжество большевизма будет недолговечно. Местный патриотизм латышей и эстонцев, взвинченный германской оккупацией, победит большевизм и приведет к образованию двух независимых государств — Эстонии и Латвии с ярко антинемецкими симпатиями.

К северу от Украины германские войска занимали всю Белоруссию и часть Псковской губернии. Эта обширная территория не входила в захватные планы немцев и занималась ими из стратегических целей: приблизить свой боевой фронт к Москве и Петрограду для эксплуатации местных средств, а также как залог уплаты большевиками наложенной на них контрибуции.

Очистив край от большевицких банд и восстановив в нем внешний порядок и безопасность, немцы подчинили его всецело военному управлению и наводнили его своей администрацией. Ввиду того что

Германия в этой части России не задавалась идеей создать в местном населении сепаратизм, она меньше вмешивалась во внутреннюю жизнь края. Поэтому даже хищническая эксплуатация немцами местных средств не озлобляла против них населения в той степени, как на Украине. Создавшиеся в различных городах белорусские Рады, состоявшие из местной интеллигенции, пытались возжечь пламя местного патриотизма среди белорусских народных масс. Наиболее влиятельной из этих Рад была та, которая находилась в главном городском центре Белоруссии — в Минске. Эта Рада, хотя и вовсе не сепаратически настроенная, не желала по окончании оккупации признать большевистскую власть за всероссийскую и искала поддержки в Берлине, Киеве и у командования Добровольческой Армии. Вместе с этим она пыталась создать свою собственную вооруженную силу, которая должна была защитить Белоруссию от большевиков после ухода немцев. Но так же как на Украине, немцы оттягивали эти формирования и создавали им практические затруднения. В результате Белоруссия, как и Украина, была обречена, в случае ухода немцев, стать добычей Ленинского правительства, которое, не теряя времени, формировало регулярные большевистские войска.

Остается сказать еще несколько слов о Крыме.

Если украинская политика немцев имела в своем основании создание длительной, на многие годы, политической и экономической зависимости Украины от Германии, то в Крыму они ограничивались стратегическими целями. Ген. Людендорф говорит, что он «считал фантастическими идеи создания колониального Германского государства на берегах Черного моря»... Германскому Генеральному штабу нужно было только обеспечить правый фланг своего боевого фронта в России, сделавшись полным хозяином на Черном море.

С захватом же Крыма и находившейся там Севастопольской крепости, главной военно-морской базы, немцы получали возможность завладеть и бывшим Российским Черноморским флотом.

Крепость и порт Севастополя были заняты германскими войсками 14 мая, но большая часть военных судов ушла в Новороссийск. Германия предъявила центральной большевистской власти требование выдать ей весь Черноморский флот «для использования во время войны в мере, требуемой военной обстановкой». Повеление Ленина последовало, но было исполнено только частично: часть судов потоплена матросами на Новороссийском рейде.

Так же, как в Белоруссии, немцы не стремились проводить насильственную сепаратистскую политику в Крыму и потому не вмешивались во внутреннюю жизнь края. Они поддерживали образовавшееся в Крыму правительство с ген. Сулькевичем¹¹ во главе, которое формулирова-

ло свою главную задачу следующими словами декларации: «сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановления законности и порядка».

Генерал Сулькевич, по происхождению татарин, сумел предохранить внутреннюю жизнь Крыма от обострения борьбы между татарским и русским населением, а также между разными политическими группировками местных партий.

Однако и ему Германия не дала возможности сформировать настоящую вооруженную силу, при помощи которой Крымское правительство могло бы после ухода немцев защититься от большевизма.

Подводя итог сказанному в этой главе о политике, которую вела Германия в тех частях России, которые были ею оккупированы, можно заметить, что, несмотря на ее чрезвычайную разнообразность и колебания, она все-таки в общем была противобольшевицкой.

Несомненно, что одной из главных причин, обуславливавших этот противобольшевизм, несмотря на ту внутреннюю политическую борьбу, которая происходила в это время в самой Германии, являлось то, что военное командование, даже в период падения влияния Людендорфа и военной партии, практически являлось ближайшим проводником германской политики в оккупированных немцами областях. Придя в страну, где только что господствовали большевики, германское военное командование воочию увидело, что такое представляет собою в действительности большевизм, и потому оно раньше поняло его реальную сущность, нежели находившиеся в удалении германские политики, судившие о большевиках только по их полным обмана заявлениям.

Вместе с этим германское командование первое почувствовало опасность большевицкой пропаганды среди своих оккупационных войск. Оно могло убедиться в том же на своих солдатах, возвращавшихся из русского плена. Это они, утверждает ген. Людендорф¹, «принесли в войска вредный дух; началось с отказов идти вновь на фронт; они думали, что они не должны больше драться, подобно нашим пленным, вернувшимся из Англии и Франции после обмена. В Грауденце были даже случаи серьезного неповиновения».

Однако противобольшевизм германской политики в оккупированных ею областях сильно суживался рамками непосредственных интересов войны с Антантой.

Сознавая, что хищническая эксплуатация местных средств не могла внушить массам населения симпатий к оккупантам, немцы не

¹ Людендорф, с. 517.

допустили ни в одной из оккупированных ими областей формирования местной настоящей вооруженной силы. Поэтому, когда осенью 1918 года проигрыш войны Центральными Державами вынудил их увести свои войска, оккупированные Центральными Державами области России оказались в чрезвычайно критическом положении.

Малейшее подозрение, что какие-либо силы могут сочувствовать Антанте, было достаточным для того, чтобы немцы мешали формированию этих сил. Этой причиной и объясняется, почему ни одна из оккупированных немцами областей не смогла создать своей собственной настоящей противобольшевицкой силы, как это произошло на Дону, в Финляндии и в Грузии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 30

Декларация Всевеликого Войска Донского¹

ВОЙСКОВОЙ АТАМАН

Войска Донского

23 мая / 5 июня 1918 г.

№ 29

г. Новочеркасск

Всевеликое Войско Донское, существующее, как самостоятельное государство, с 1570 года и входящее в состав Российского Государства, как нераздельная его часть с 1645 года, во все времена и годы было верным сыном державы Российской и таковым оставалось и после революции, стремясь вместе с Временным правительством довести страну до Учредительного Соборания, на котором предполагалось установить образ государственного устройства и дальнейшие свои отношения к Российскому Государству.

Большой Войсковой Круг и выбранный им Атаман Каледин не могли признать власть народных комиссаров за истинную и правомочную власть и отшатнулись от советской России, ставшей игрушкой в руках безумцев большевиков и авантюристов, и, провозгласивши себя самостоятельной Донской демократической республикой, вступили на путь борьбы с советской властью.

Жертвою этой борьбы пал Атаман Каледин и Кругом Атаманская власть была передана Атаману Назарову. В неравной борьбе с мятежными казаками и большевиками погиб мученической смертью на своем посту доблестный Атаман Назаров, и власть Атамана временно перешла в руки Походного Атамана Попова.

Мужеством и энергией Донского казачества и его вождей и руководителей Войско Донское освобождено, и Кругом Спасения Дона я выбран 17 сего мая Донским Атаманом с предоставлением мне, впредь до созыва Большого Круга, чрезвычайной власти, в Основных Законах, указанной.

Объявляя об этом, я прошу Вас, Милостивый Государь, передать Вашему Правительству, что:

¹ Приведена согласно редакции документа № 4 в «Донской Летописи», № 3, с. 327–329.

1) Впредь до образования в той или иной форме Единой России, Войско Донское составляет самостоятельную демократическую республику, мною возглавляемую.

2) На основании ранее, 21 октября 1917 года, при Атамане Каледине, заключенных договоров Донская Республика, как часть целого, входит в состав Юго-Восточного Союза — из населения территорий Донского, Кубанского, Терского и Астраханского Казачьих Войск, горских народов Северного Кавказа и Черноморского побережья, вольных народов степей юго-востока России, Ставропольской губернии, Черноморской губернии и части Царицынского уезда Саратовской губернии, и обязуется поддерживать интересы этих государств и их законных правительств.

3) Относительно установления точных границ и торговых и иных отношений между Донским Войском и Украиной ведутся переговоры, для чего послано посольство в лице Черячукина и Свечина¹².

4) Донское Войско не находится ни с одною из Держав в состоянии войны, но, держа нейтралитет, ведет борьбу с разбойничьими бандами красногвардейцев, посланных в Войско советом народных комиссаров.

5) И впредь Донское Войско желает жить со всеми народами в мире на основах взаимного уважения прав и законности и соблюдения общих интересов.

6) Донское Войско предлагает всем Государствам признать его права, впредь до образования в той или иной форме единой России, на самостоятельное существование и Государствам, заинтересованным в торговых или иных сношениях прислать в Войско, в его столицу Новочеркасск, своих полномочных представителей или консулов.

7) В свою очередь Донское Войско пошлет в эти государства свои «зимовые станицы», то есть посольства, для установления дружеских сношений.

Обо всем этом прошу Вас, Милостивый Государь, широко объявить, с согласия Вашего Правительства, всем гражданам Вашего Государства.

Донской Атаман
Генерал-Майор КРАСНОВ

Председатель Совета Управляющих
Генерал-Майор БОГАЕВСКИЙ

Приложение № 31

Письмо¹ Донского Атамана Краснова Уполномоченному для ведения переговоров с Германией и Украиной от имени Всевеликого Войска Донского Генерал-Майору ЧЕРЯЧУКИНУ

6 июня 1918 года

№ 73

г. Новочеркасск

Сообщите от имени Всевеликого Войска Донского германскому послу при ясновельможном пане Гетмане всея Украины Его Превосходительству фон Мумму о нижеследующем:

1. В настоящее время Всевеликое Войско Донское уже заключило с Кубанским правительством тесный договор, текст которого при сем прилагается.

2. Цель этого договора заключается в воссоздании Юго-Восточного Союза из Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Астраханского казачьих войск, народов Северного Кавказа и населения Ставропольской и Воронежской губерний на основах федерации и полного вооруженного нейтралитета.

3. Что я, Донской Атаман Генерал-Майор Петр Краснов, прошу Его Превосходительство барона фон Мумма выяснить, могу ли я лично письмом или через моего уполномоченного обратиться к Его Императорскому и Королевскому Величеству с следующим предложением Правительства Всевеликого Войска Донского:

а) Всевеликое Войско Донское, беря на себя инициативу воссоздания временно распавшегося вследствие большевицкого движения Юго-Восточного Союза, просит для этого:

Признать Всевеликое Войско Донское до образования Юго-Восточного Союза и очищения его территории от советских властей, самостоятельным Государством, управляемым Атаманом — установить границы Всевеликого Войска Донского с включением в стратегических целях станции «Лиски», городов Камышина и Царицына; подробные границы точно указаны на карте, данной мною представителям в Киеве и переданной в Штаб Германской армии.

Снабдить Всевеликое Войско Донское и войска, входящие в состав Союза области, орудиями, ружьями, пулеметами, аэропланами, снарядами, патронами и другим военным имуществом для продолжения

¹ Приведено согласно тексту, напечатанному в статье ген. Черячукина: «Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 гг.» // Донская Летопись, № 3, с. 187–188.

борьбы с бандитами красногвардейцев, мешающих восстановлению гражданской жизни.

Германскому послу не отказать принять на себя обязанности посредника (арбитра) между Юго-Восточным Союзом и Украиной и между Юго-Восточным Союзом и Россией для ведения переговоров для установления границ торговых и других отношений между названными государствами.

б) Взамен этого Всевеликое Войско Донское и с ним Юго-Восточный Союз обещает:

— предоставить Германии права наиболее благоприятствуемой державы в деле торговых с нею отношений;

— держать вооруженный нейтралитет по отношению ко всем державам, не посягающим на неприкосновенность Войска и Юго-Восточного Союза и не допустить никакой вражеской силы на свои территории.

Препровождая мое настоящее предписание Вам, прошу довести его до сведения германского посла барона фон Мумм и ответ его сообщить мне по телеграфу через германское командование.

Генерал-Майор КРАСНОВ

Приложение № 32

Письмо¹ представителя Войска Донского на Украине германскому послу при гетмане Скоропадском

г. Киев

26 июня/8 июля 1918 года

Вследствие нашего разговора 6 июля с. г., на основании полномочий, данных мне Атаманом, от имени Правительства Всевеликого Войска Донского имею честь сообщить Вам, что в случае признания Германией Дона самостоятельным и сохранения границ Всевеликого Войска Донского в тех границах, кои указаны мной на карте, переданной мной Вашему Превосходительству, Всевеликое Войско Донское сохранит вооруженный нейтралитет ко всем Державам, не посягающим на неприкосновенность Войска Донского и не допустит никакой вражеской силы на свою территорию, буде то враг Германии или Дона.

Уполномоченный для ведения переговоров с Германией и Украиной от имени Всевеликого Войска Донского.

Генерал-Майор Черячукин

¹ Приведено согласно тексту, напечатанному в статье ген. Черячукина: «Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 гг.» // Донская Летопись, № 3, с. 190.

Письмо¹ Атамана Краснова. Императору Вильгельму II

Ваше Императорское и Королевское Величество

Податель этого письма Атаман Зимовой Станицы Всевеликого Войска Донского при дворе Вашего Императорского Величества Генерал-Майор Герцог Лейхтенбергский¹³ и его товарищ Генерал-Майор Черячукин уполномочены мною, Донским Атаманом, приветствовать Ваше Императорское Величество, могущественного Монарха Великой Германии, и передать нижеследующее:

Два месяца доблестной борьбы Донских казаков, которую они ведут за свободу своей Родины с таким же мужеством, с каким в недавнее время вели против англичан борьбу родственные германскому народу буры, увенчались на всех фронтах нашего Государства полной победой, и ныне Земля Всевеликого Войска Донского на девять десятых освобождена от диких красногвардейских банд.

Государственный порядок внутри страны окреп и установилась полная законность. Благодаря дружеской помощи войск Вашего Императорского Величества создалась тишина и на юге Войска и мною подготовлен корпус казаков для поддержания порядка внутри страны и воспрепятствования натиску врага извне.

Молодому государственному организму, каковым является в данное время Донское войско, трудно существовать одному, и потому оно заключило тесный Союз с главами Астраханского и Кубанского Войск, полковником кн. Тундутовым¹⁴ и полковником Филимоновым, с тем, чтобы по очищении земли Астраханского войска и Кубанской Области от большевиков составить прочное Государственное образование на началах федерации из Всевеликого Войска Донского, Астраханского войска с калмыками, Ставропольской губернии, Кубанского Войска, а впоследствии по мере освобождения и Терского Войска, а также народов Северного Кавказа. Согласие представителей всех этих держав имеется, и вновь образуемое государство в полном согласии с Всевеликим Войском Донским решило не допустить до того, чтобы земля его стала ареной кровавых столкновений, и обязалось держать полный нейтралитет.

Атаман Зимовой станицы нашей при дворе Вашего Императорского Величества уполномочен мною просить Ваше Величество признать право Всевеликого Войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения соседних Кубанского, Астраханского и Терского

¹ Приведено согласно тексту, напечатанному в статье ген. Черячукина: «Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 гг.» // Донская Летопись, № 3, с. 196–198. Дата письма ген. Черячукиным не указана.

войск и Северного Кавказа права на самостоятельное существование и всей федерации под именем — Доно-Кавказского Союза.

Просить Ваше Величество признать границы Всевеликого Войска Донского в прежних географических и этнографических его размерах и помочь разрешению спора между Украиной и Войском Донским из-за Таганрога и его округа в пользу Войска Донского, которое владеет Таганрогским округом более 500 лет и для которого Таганрогский округ является частью Тмутаракани, от которой и стало Всевеликое Войско Донское.

Просить Ваше Величество содействовать присоединению к Войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына, Саратовской губернии и города Воронежа и станций Лиски и Поворино и провести границу Войска Донского так, как это указано на карте, имеющейся в Зимовой станице.

Просить Ваше Императорское Величество оказать давление на Советские власти в Москве и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого Войска Донского и других держав, имеющих войти в Доно-Кавказский Союз от разбойничьих отрядов красной гвардии, и дать возможность восстановить нормальные мирные отношения между Москвой и Войском Донским. Все убытки Донского населения, торговли и промышленности, происшедшие от нашествия большевиков, должны быть возмещены Советской Россией.

Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему Государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и, если признаете это выгодным, устроить в пределах Войска Донского оружейный, ружейный, снарядный и патронный заводы.

Всевеликое Войско Донское и прочие Государства Доно-Кавказского Союза не забудут дружеской услуги германского народа, с которыми казаки бились плечом к плечу еще во времена 30-летней войны, когда Донские полки были в рядах Армии Валленштейна, а в 1807 и 1813 годах Донские казаки со своим Атаманом графом Платовым боролись за свободу Германии. И теперь почти 3¹/₂ года кровавой войны на полях Пруссии, Галиции, Буковины и Польши казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость своих войск и ныне, протянув друг другу руки, как два благородных бойца, борются вместе за свободу Родного Дона.

Всевеликое Войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали свое согласие и Атаман Астраханского Войска кн. Тундутов, и Кубанское Правительство, а по присоединении остальных частей Доно-Кавказского Союза Войско склонит к этому же и остальные державы Союза.

Всевеликое Войско Донское предоставит Германской империи права преимущественного вывоза избытка за удовлетворением местных потребностей хлеба зерном и мукой, кожевенных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров, растительных и животных жиров и масла и изделий из них, табачных изделий, скота и лошадей, вина виноградного и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование экспедиции заготовки государственных бумаг с соответствующим запасом материалов, оборудование производств суконных, хлопчатобумажных, кожевенных, химических, сахарных и других и электротехнических принадлежностей.

Кроме того, Правительство Всевеликого Войска Донского предоставит германской промышленности особые льготы по помещению капиталов в донские предприятия, промышленные и торговые, в частности по устройству и эксплуатации новых водных и иных путей.

Тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучею силою для борьбы со всеми нашими врагами.

К Вашему Императорскому Величеству обращается этим письмом не дипломат и тонкий знаток международного права, но солдат, привыкший в честном бою уважать силу германского оружия, а потому прошу простить прямоту моего тона, чуждую всяких ухищрений, и прошу верить в искренность моих чувств.

Уважающий Вас

ПЕТР КРАСНОВ

Донской Атаман Генерал-Майор

Приложение № 34

Доклад начальнику операционного отделения германского Восточного фронта

о положении дел на Украине в марте 1918 года¹

Ко времени вступления немецких войск на Украину там царил полный хаос. При занятии Киева большевиками значительная часть украинских войск заявила о своем нейтралитете. И когда оставшиеся

¹ Автор доклада, известный немецкий публицист Колин Росс служил с осени 1917 года в военном отделении Министерства иностранных дел (Militärische Stelle des Auswärtigen Amtes), в обязанности которого входило снабжение иностранной печати сведениями о ходе военных операций. В качестве служащего этого отделения он часто посещал все фронты и наблюдал за ходом военных операций из передовых линий. При занятии немцами Ук-

верными правительству войска были разбиты, то Рада и министры бежали в Житомир. Однако в Житомире отказались принять Раду, и члены ее разъехались в разные стороны. В отдельных местностях некоторые украинские части еще держались, но они не поддерживали связей друг с другом, и можно сказать, что Рада к моменту подписания мирного договора фактически не имела ни власти, ни сторонников в стране.

Внутреннее положение Украины более всего напоминает состояние Мексики после падения Хуэрты¹⁵. В стране нет никакой центральной власти, захватывающей более или менее значительную территорию. Вся страна разделена на целый ряд отдельных областей, ограничивающихся пределами уезда, города, а иногда даже отдельными селами и деревнями. Власть в таких областях принадлежит различным партиям, а также и отдельным политическим авантюристам, разбойникам и диктаторам. Можно встретить деревни, опоясанные окопами и ведущие друг с другом войну из-за помещичьей земли. Отдельные атаманы властвуют в областях, подчинения которых они добиваются с помощью своих приближенных и наемников. В их распоряжении находятся пулеметы, орудия и бронированные автомобили, как и вообще много оружия растаскано населением.

Нельзя сказать, что большевики опираются лишь на оставшиеся в Украине русские войска и на пришедшие из Великороссии банды; они имеют и много сторонников в Украине. Все рабочие настроены большевицки, как и значительная часть демобилизованных солдат. Трудно установить, каково отношение крестьян к большевикам. В тех деревнях, в которых побывали большевицкие банды, где они грабили и реквизировали, крестьяне настроены антибольшевицки. Но в других местах, по-видимому, большевицкая пропаганда имела успех и среди крестьян.

Главный интерес крестьян сосредоточен на вопросе о наделении землей; они пойдут за Радой, если она не откажется от распределения помещичьей земли между крестьянами. Но если Рада что-либо изменит в 3-м и 4-м Универсале, в которых провозглашается безвозмездное отчуждение земли в пользу крестьян, то крестьяне пойдут за большевиками. И хотя большевики из-за своего террора во многих местах очень

райны Колин Росс находился при передовых немецких отрядах, с которыми и вступил в Киев.

Печатаемый доклад был составлен по просьбе начальника операционного отделения Восточного фронта (Ober-Ost). После представления доклада Колин Росс имел беседу с ген. Гофманом, который на ряд указаний относительно необходимости упорядочения отношений с Украиной и ошибок, совершенных немецким военным командованием, ответил: «Ха, вся Украина меня интересует только до ближайшего урожая. А там, пусть с ней будет всё, что угодно».

Приведено согласно тексту, напечатанному в томе I «Архива Русской революции».

быстро лишились власти, всё же их лозунг «Бери, всё твое» слишком заманчив, чтобы снова и снова не оказывать своего соблазнительного влияния на народные массы.

Украинская самостийность, на которую опирается Рада, имеет в стране чрезвычайно слабые корни. Главным ее защитником является небольшая группа политических идеалистов.

В народе часто можно встретить полное отсутствие интереса к национальной самобытности. С другой стороны, и украинцы не являются сплоченной политической группой, но делятся на различные социалистические течения. Рада, власть которой усиливается со времени прихода немцев с каждым днем, всё же опирается теперь, как, по всей вероятности, еще и долго в будущем, на немецкие штыки.

Состоятельные круги населения, интеллигенция и офицеры относятся пассивно к смене правительств. Они пойдут со всяким правительством, которое не будет слишком социалистическим и хотя бы отчасти будет защищать их интересы.

Евреи были всецело на стороне большевиков и большинство руководителей большевиков — евреи.

Особую роль играют многочисленные здесь поляки и среди них, прежде всего, представители экспроприированного польского крупного землевладения. Они пытаются завязать сношения с немецкими штабами и офицерами и ведут травлю против Рады.

Среди военных образований, объявивших о своем политическом нейтралитете, надо упомянуть о самостоятельных воинских частях других народностей, о польских частях, и прежде всего о чехо-словацких.

Как ни велика политическая сумятица в стране, всё же усталость от войны и революции и потребность в покое и порядке во всех слоях населения чрезвычайно велика. Можно сказать, что всякое правительство, которое будет в известной мере опираться на большинство народа и будет в состоянии обеспечить покой и порядок, сможет укрепиться.

Нынешнее правительство Рады развивает, опираясь на немецкие войска, чрезвычайную деятельность. Но при различии, а отчасти и непримиримости социальных интересов, трудности, которые ему предстоит преодолеть, в высшей степени велики. Еще долгое время будет длиться ожесточеннейшая внутренняя борьба. И главная трудность заключается в том, что народ деморализован революцией и большевистской пропагандой и в корне поколеблены понятия власти и дисциплины.

Украинское войско

Украинское войско — войско наемников; оно состоит из бывших солдат и офицеров, безработных и авантюристов. В основе своей оно

совершенно демократично. Чинов никаких нет, есть только должности командующих отдельными воинскими единицами. Простые солдаты получают жалованье в 333 рубля в месяц и, кроме того, пропитание, квартиру и одежду. Семьи их получают пособие. Командующий каждой воинской единицы получает на 15 % больше непосредственно ему подчиненных. Власть и авторитет командующего чрезвычайно невелики. Денщиков или прислуги нет даже и у высших офицеров. Военный министр сам себе чистит сапоги. Характерно, что в поезде военного министра австрийские военнопленные исполняют обязанности поваров.

Численность Украинской армии приблизительно равна 2000 человек; армия делится на целый ряд отрядов, отличающихся друг от друга своей формой. В ее распоряжении находится небольшое количество орудий, пулеметов и бронированных автомобилей. Боевая ее сила чрезвычайно мала.

Командующим всеми вооруженными силами является военный министр Жуковский¹⁶, начальник его штаба — генерал Осецкий¹⁷; оба, по-видимому, бывшие офицеры русского Генерального штаба. Кроме них, пользуются особой известностью генералы Присовский¹⁸ и Петлюра¹. Последний — авантюрист, пользующийся большой популярностью.

Смена руководителей военного и гражданского управления чрезвычайно часта. Насколько согласована работа военных и гражданских властей и насколько она затруднена взаимными интригами, трудно сказать. По-видимому, идет ожесточенная, скрытая борьба за власть. При моем отъезде из Киева говорили, что генерал Петлюра вышел в отставку; возможно, что его большая популярность, ярко проявившаяся во время вступления украинских войск, показалась опасной военному министру.

Сам Жуковский производит впечатление энергичного человека, знающего, что он хочет. В настоящее время он чрезвычайно напряженно работает над тем, чтобы держать армию в своих руках. Он хочет постепенно приучить войска к дисциплине, и, кроме того, по его плану, в ряды армии должны быть призваны новобранцы за один год.

Украинское войско пока носит русскую форму, отличительным его знаком является голубая или желто-голубая повязка на левой руке. Фантастическим не то казацким, не то татарским головным убором вроде длинных цветных колпаков и т. п. стараются придать войску национальный характер и этим повлиять на моральное состояние и на национальное чувство солдат. Вооружение крайне разнообразно. По примеру всех революционных войск каждый стремится иметь на себе как можно больше оружия.

¹ Автор доклада ошибается. Петлюра не только не был генералом, но вообще не был офицером. — *Прим. Н. Н. Г.*

И при дальнейших военных операциях нельзя рассчитывать на серьезную поддержку со стороны украинских войск, но они важны в качестве политической декорации. Война до сих пор была железнодорожной войной; и возможна она была только благодаря благожелательному отношению железнодорожных служащих, относившихся нейтрально к происходившей до сих пор борьбе партий; эти служащие повсюду, куда ни приходили немцы, оказывали им помощь и поддержку, и только благодаря их готовности помочь было возможно функционирование железных дорог. Самым важным обстоятельством для дальнейшего ведения войны является общая усталость от войны, малая боеспособность большевических войск и почти сказочный страх, с которым повсюду встречаются известие о приближении «германцев». Сохранение этого морального престижа является основой дальнейших успехов.

До сих пор почти не приходилось наталкиваться на организованное вражеское сопротивление. В качестве наиболее дисциплинированных и боеспособных частей проявили себя чехо-словацкие войска. Возможно, однако, что при перерыве или замедлении дальнейшего продвижения придется натолкнуться на более энергичное сопротивление; больше всего надо опасаться, что вожди большевицкого движения найдут время для разрушения всяческих технических сооружений, а также для увоза или уничтожения продовольственных запасов. По моему личному впечатлению, создавшемуся во время моего передвижения с передовыми отрядами в самых разных местах, незначительные воинские отряды при поддержке бронированных поездов или же бронированных автомобилей, сопровождаемых грузовыми автомобилями с пулеметными командами, — могут пройти сотни километров в глубь страны и захватить самые важные технические сооружения, узловые железнодорожные станции, а также продовольственные склады и удержать их до подхода подкреплений. Лично у меня впечатление, что действительно организованные большевицкие силы чрезвычайно не велики; так, например, их в Киеве было от 4 до (максимально) 8 тысяч человек, но при помощи террора они господствовали в городе в 600 000 жителей, среди которых было 30 000 офицеров.

Экономическое положение

Украина производит впечатление страны, не испытывающей ни в чем недостатка. Даже в явно плохо снабженных городах, даже в Киеве, переживающем такие трудности, можно увидеть в магазинах и гостиницах всяческие жизненные продукты в неограниченном количестве.

Единственный продукт питания, недостаток которого чувствуется в городах, это — хлеб, так как крестьяне не везут хлеба в город. Зато мяса можно найти повсюду в любом количестве.

По словам жителей повсюду в деревнях есть большие запасы зерна, спрятанного и зарытого в землю. Трудно сказать, насколько это сообщение соответствует действительности, но, по моему впечатлению, это — так. При моем посещении многих деревень я видел, что крестьяне чрезвычайно хорошо живут, у них очень много мелкого скота, и они предлагают в большом количестве шпик, свое национальное кушанье. Вдоль железнодорожной линии, и прежде всего на узловых станциях, я наталкивался на значительные продовольственные склады.

Но получение продовольственных продуктов, особенно запасов зерна, будет связано с большими трудностями. Крестьянин, располагающий значительными запасами зерна и деньгами, не хочет ничего продавать. Количество кредитных билетов, благодаря неограниченному их печатанию, так велико и их ценность так упала, что обладание ими не представляет никакого соблазна для крестьянина. Кроме того, он не знает, что и когда он сможет получить за свои продукты, и поэтому он предпочитает держать их спрятанными. К тому же играет еще большую роль антагонизм между городом и деревней. При ужасающем недостатке подвижного состава крестьянин не может купить в городе ничего из того, в чем он нуждается. И даже при очень высокой цене на хлеб трудно будет склонить крестьянина продать жизненные припасы в значительном количестве. Но он охотно обменивает их на товары, в которых он испытывает острую нужду. Это, в первую голову, — сельскохозяйственные орудия, кожа, посуда, платье и сапоги.

Другим основанием для нежелания продавать хлеб является запрещение продажи алкоголя и отмена правительственной винной монополии. Водка, как и вообще алкоголь, является на Украине в высшей степени ходким товаром, и в городах ее можно получить лишь за баснословную цену. Вместе с тем, все крестьяне готовят из зерна водку. А так как высшая цена на зерно превышает 18 рублей за пуд, а из пуда зерна можно получить 3 бутылки водки, ценностью в 90 рублей, то перегонка водки является новым основанием для крестьян не продавать зерна как продукта питания.

Рада стоит на той точке зрения, что крестьяне противозаконно захватили большие запасы продовольствия из государственных магазинов, служивших для снабжения фронта. Она хочет с помощью немецких войск оказать давление на крестьян и принудить их выдать запасы. Иногда при приближении немецких войск крестьяне выдавали комиссарам Рады продовольствие, лошадей и т. д. Но такие приемы, в случае их длительного применения, конечно, вызовут сильную ненависть

всего крестьянского населения к немецким войскам, и представляется значительно более целесообразным получить продовольственные припасы от крестьян добром.

Что касается дальнейшего снабжения страны и Центральных Держав, то все представители крупного землевладения указывают, что крестьяне обрабатывают землю только для собственного потребления и что избыток для вывоза может быть получен только с помощью крупного землевладения. Часть имений были засеяны осенью и дали хорошие всходы. Но для дальнейшего ведения хозяйства нет необходимых средств, так как крестьяне захватили живой инвентарь и орудия. Кроме того, в имениях никто не хочет сеять, не зная, кто будет снимать урожай. Дальнейшим препятствием для ведения хозяйства в больших имениях является и высокая оплата труда.

Эта высокая оплата, а также и трудность, а иногда и невозможность, найти рабочие руки является главным препятствием для экономического развития Украины. Она обусловливается деморализацией народа и тем, что он отвык от всякой работы. Чрезвычайно важным препятствием для налаживания и в будущем хозяйственных отношений между Украиной и Центральными Державами является полное обесценивание денег. Финансовое положение Украины совершенно хаотично. В обращении находится громадное количество ничем не покрытых бумажных денег различных правительств, и финансовым фундаментом настоящего правительства, не располагающего никакими податями или другими доходами, является выпуск ничем не покрытых кредитных билетов. Вследствие этого ценность рубля уменьшилась в 10 раз. Вздорожание прямо фантастическое. И вместе с тем каждый, до простого чернорабочего, бродяги или демобилизованного солдата, располагает громадными денежными суммами, так как самый пустяковый физический труд, как, например, разгрузка железнодорожного вагона, оплачивается от 30 до 50 рублей в день.

Во время вступления немецких войск население оценивало марку за рубль; и купцы были в восторге, когда немцы принимали этот курс. Но затем военные власти установили курс в 1 марку 50 пфен. Обесценивание марки этим, однако, не закончилось, и в марте Рада объявила во всех газетах, что по соглашению с немецкими военными властями курс рубля установлен в 2 марки. Это известие распространилось невероятно скоро, так что даже крестьяне в деревнях принимали марку только за 50 коп. Появилась даже тенденция оценивать ее лишь в 48 коп.

Это быстрое обесценивание марки имело прямо чудовищные последствия. Всякий русский солдат и всякий чернорабочий располагает более значительными средствами, чем немецкий офицер. А немецкий солдат не имеет никакой возможности приобрести себе в деревне

столь желанную прибавку к своему часто скромному пайку. При значительном обилии жизненных припасов такое положение вызывает естественное озлобление офицеров и солдат и может легко привести к незаконным реквизициям и т. п. Кроме того, немецкий офицер по отношению к русскому, а также по отношению к тем слоям населения, среди которых он врашется, находится в странном положении, так как он никак не может жить с ними на равной ноге, не располагая очень большими средствами.

Ввиду того что поднять теперь курс марки кажется нецелесообразным и во всяком случае чрезвычайно трудным, и это может вызвать большое озлобление, то единственный способ оздоровить эти уродливые отношения заключается в полном прекращении притока немецких денег на Украину и оплаты армии по более высокой ставке в рублях. Эти расходы, как и вообще все расходы, связанные с дальнейшими военными операциями, должна нести Украина.

Противонемецкое настроение

Отношение к немцам пока хорошо. Состоятельные круги населения, интеллигенция и офицерство встречали немцев с искренним ликованием и приветствовали их как освободителей от невыносимого гнета. Это особенно проявилось в Киеве в первые дни после прихода. В этом отношении украинцы не отличались от великороссов и поляков. Великоросское население особенно приветливо встречало немцев. Большевики изливали свою ненависть преимущественно на офицерах. В Киеве, по достоверным данным, было расстреляно по крайней мере 1000 офицеров, а вероятно и больше.

Также и низшие слои населения в большинстве своем относятся дружелюбно или по крайней мере безразлично к немцам, и лишь еле заметное меньшинство — враждебно. Как определенные враги немцев пока выступают большевицки настроенные рабочие.

Но уже и теперь есть симптомы, указывающие, что в недалеком будущем это доброжелательное отношение к немцам изменится. Если дольше будет пребывание немцев, тем больше будут забываться ужасы большевицкого террора и тем острее будут ощущаться неудобства оккупации. Население пока еще убеждено, что с установлением связи с Германией оно получает в неограниченном количестве товары. Но чем яснее станет для него, что об этом не может быть никакой речи и что оно, наоборот, обречено испытывать такую же нужду в товарах, как и центральная Европа, тем враждебнее будет отношение к немцам.

Конечно, ухудшение отношения вызывается отчасти и поведением отдельных солдат и офицеров. Реквизиции встречают с недоверием,

ибо население не уверено в том, что они будут оплачены. Имели место и насильственные реквизиции без выдачи квитанций, как и обращение церквей в конюшню, покрытие лошадей церковным облачением и т. п. В Киеве уже в первые дни носились мало отрадные слухи о том, что немецкие офицеры били на улицах русских солдат и т. п.

Политика, печать, пропаганда

В настоящее время каждый немецкий офицер и солдат на Украине играют роль видных политических деятелей. Их слова принимаются за официальные заявления Германской империи и народа. Но при этом они совершенно не получают определенных директив. Можно сказать, что каждый штаб и каждый офицер делает и вынужден делать политику на свой манер. Куда бы ни пришел немецкий отряд, хотя бы взвод пехоты или бронированный автомобиль, сейчас же командующий офицер вступает в переговоры с местной Радой и вынужден решить целый ряд вопросов высшей политики. Вслед за ним приходит старший офицер, который часто придерживается других взглядов, и такие перемены происходят по несколько раз, пока не дойдет до штаба.

Немецкие офицеры часто придерживаются того взгляда, что с Радой — этой бандой социалистов-революционеров, разумеется, нельзя поддерживать сношений и что как можно скорей должно быть образовано другое правительство. И естественно, что все слои населения, стремящиеся установить другие порядки — представители крупного землевладения и монархисты — стараются завязать сношения с немецкими офицерами и штабами и склонить их на свою сторону. А так как противоположные течения в гораздо меньшей степени доступны наблюдению немецкой армии, то естественно, что общая картина неправильно освещается и легко создается оценка вещей, не соответствующая действительному положению.

При этом общее положение в настоящее время чрезвычайно благоприятно для немецкой пропаганды среди населения. Вся страна уже несколько недель отрезана от внешнего мира и лихорадочно жаждет известий. Местные газеты вынуждены ограничиваться сведениями, почерпываемыми из случайно попадающих иностранных газет. Так, например, последние немецкие газеты, прибывшие в Киев, были от середины декабря прошлого года.

Немедленное снабжение страны известиями из немецких источников является крайне необходимым; при этом кажется целесообразным создание большого официального учреждения, работающего в первую голову с помощью немецкой печати и немецких корреспондентов.

Далее кажется необходимым немедленно начать решительную борьбу с чрезвычайно искусной пропагандой Антанты, которая уже ведется и теперь. Так, в начале марта было распространено сообщение, что англичане прорвали Дарданеллы и высадили войска в Одессе; это сообщение было отпечатано в газетах, и ему все поверили.

Заключение

В заключение я хотел бы сказать следующее: Рада держится только благодаря немецкой оккупации. Но ее власть усиливается с каждым днем. И можно предполагать, что параллельно с усилением власти Рады ее отношение к немцам будет становиться всё враждебнее.

ГЛАВА XIV ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ (продолжение)

Влияние германской интервенции на общероссийское контрреволюционное движение

Политика высших военных и правых германских кругов, как уже говорилось выше, клонилась к восстановлению в России монархии.

Естественно, что, с одной стороны, это вызвало стремление этих кругов войти в связь с русскими монархистами, с другой стороны, это притягивало к немцам все правые русские общественные элементы.

Еще в апреле месяце в среде «Московского центра»¹ наметилось германофильское течение. В основу завязавшихся с немцами переговоров представителями «Московского центра» были положены три условия:

«1) Восстановление единства России, нарушенное в результате отторжения губерний Юго-Западного края, 2) создание национальной государственной власти, независимой от Германии, 3) коренной пересмотр Брестского договора»^{II}. Взамен этого немцам предлагали нейтралитет и экономические преимущества. Большинство Центра стояло на той точке зрения, что «немцы, завладевшие значительной частью России и распространяющие свое влияние на новые области, представляют столь реальную и мощную силу, что не считаться с ними вовсе значило бы не признавать фактов... Этот фактор будет определять в ближайшее время ход событий в России... Между тем, как разобщенность с союзниками делала затруднительной или прямо невозможной их помощь России...»^{III}

В июне месяце, когда в Москву пришли сведения о намерениях Антанты направить через Сибирь 100-тысячную армию (из них 60 тысяч японцев) в целях образования в России Восточного фронта, в «Московском центре» произошел раскол.

Представители большинства продолжали настаивать на возможности воссоздания России при содействии немцев и полагали губительной для интересов страны японскую интервенцию. Вместе с этим, учитывая практическую неосуществимость создания в серьезном масштабе Восточного фронта, они указывали на новые «тяжелые бедствия, которые выпадут на долю России в результате столкновения двух Армий на

¹ См. главу X.

^{II} Доклад «Московского центра» от 14/27 июня 1918 года (*Деникин*, т. III, с. 75).

^{III} Там же.

линии Волги...». Меньшинство же «Московского центра» считало, что образование Восточного фронта Антанты возможно, что последний облегчит объединение и восстановление русских сил, между тем как «соглашение с Германией грозит России полным поработением и угнетением национального духа...».

В своем споре обе стороны не договаривали главного: одни считали, что в мировой войне победителем будет Германия, другие — Антанта. Но, кроме этой причины, расхождение во взглядах между двумя частями «Московского центра» обуславливалось еще другой скрытой причиной. Более правые элементы тяготели к Германии, угадывая стремления ее правых кругов к реставрации; более же левые элементы «Московского центра» тянулись к Антанте, ввиду своих симпатий к демократическому строю.

Споры в среде «Московского центра» продолжались недолго. Произошел окончательный его раскол на два центра: Правый и Национальный. В последний вошли представители либеральных партий¹. «Национальный центр» послал ген. М. В. Алексееву просьбу принять звание председателя; этим он прочно связался с Добровольческой Армией. Порвав сношения с «Правым центром», он сблизился с Союзом Возрождения. Последний, в силу своих демократических убеждений, неуклонно ориентировался на Антанту.

Таким образом, одним из ближайших последствий германского воздействия на русскую контрреволюцию явилось расхождение правого и левого течений ее, которые с такими трудностями пытались слиться в одно русло.

Другим последствием было «поправение» тех общественных элементов, которые принимали «немецкую ориентацию». Не избег этого влияния даже один из наиболее видных лидеров русской либеральной интеллигенции — П. Н. Милюков, переменявший под впечатлением победы немцев во Франции свою ориентацию. Его записка, поданная «Правому центру» 11 августа (по старому стилю 29 июля)^{II}, является крайне интересным документом, показывающим, насколько «немецкая ориентация» была тесно связана с «поправением» политической мысли.

«Из сообщения князя Григория Николаевича^{III} я вижу, — пишет П. Н. Милюков «Правому центру», — что не только в общих чертах, но и почти во всех подробностях наши взгляды на способы вывести Россию из настоящего положения совпадают...

^I Конституционные демократы: Федоров, Астров, Степанов и другие; Струве, Белоруссов и другие.

^{II} Эта записка полностью приведена в Приложении № 35.

^{III} Князь Григорий Трубецкой. — *Прим. Н. Н. Г.*

...Правительство должно быть национальным и объединительным с самого начала, с первых шагов. Для этого необходимо, чтобы оно явилось на свет сразу как монархическое... Я лично предлагал бы отыскать Великого Князя Михаил Александровича...

...Устройство коалиционной власти на основе программы «Правого центра», но с устранением из ее состава сторонников Самодержавия, с одной стороны, и сторонников «Левого центра»¹ и прежнего Учредительного Собрания, с другой стороны.

...Немедленный приступ к аграрной реформе, восстанавливающей все нарушенные права, но имеющей целью найти решения, возможно близкие к сложившемуся экзотическому положению землевладения...

...Установление переходного периода до начала функционирования национального представительства. Созыв, в случае надобности, для переходного периода совещательного органа, вроде «Совета республики» из общественных элементов, стоящих на государственной точке зрения, и выработка при его содействии закона о политическом представительстве.

«Способов санкций основного закона, октроированного монархом, — кончает свою записку П. Н. Милюков, — я не касаюсь здесь, но обращаю Ваше внимание на то, что долженствующий быть опубликованным от имени монарха основной закон должен быть готов ко времени создания нового Правительства...»

Князь Гр. Трубецкой, о котором упоминает в только что упомянутой записке П. Н. Милюков, в своем письме «Правому центру»¹¹ так характеризует создавшееся благодаря германской интервенции положение: «Как всё переменилось. Ведь как это не дико, но для Штаба Добровольческой Армии, например, позиция Милюкова слишком правая, ибо они всё еще не отделались от полинявших побрякушек вроде Учредительного Собрания и не высказались еще за монархию».

Как известно из XII главы, уже в середине мая в Наказе, разосланном представителям Добровольческой Армии, новый вождь Белого Движения опустил слова «Учредительное Собрание» и «народоправство», отвечавшие сущности политической программы ген. Корнилова. В конце XII же главы я говорил также о том, что это «умолчание» нельзя объяснить воздействием на Главнокомандование Добровольческой Армии снизу, со стороны рядовых офицеров-добровольцев. Последние, как уже много раз я повторял, были политически весьма послушны сво-

¹ «Союз возрождения России», то есть умеренное крыло социалистов. — *Прим. Н. Н. Г.*

¹¹ От 12 августа (30 июля) 1918 года.

им вождям. Истинную причину нужно искать в тех влияниях, которые испытывали верхи Добровольческой Армии извне.

Вот выдержка из одного из писем генерала Лукомского, имевшего большой вес в руководящих кругах Добровольческой Армии. Письмо это написано из Киева по поводу первого воззвания ген. Деникина¹.

«...Я глубоко убежден, — пишет генерал Лукомский^{II}, — что это воззвание вызовет в самой армии и смущение, и раскол. В стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука об руку. Может быть, до вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что **поправение** произошло громадное. Что все **партии**, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию. Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного Собрания; а те, кто допускают, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы. Вам необходимо высказаться более определенно и ясно...»

Утверждая о всеобщем поправении, генерал Лукомский был прав постольку, поскольку его утверждение относилось к общественной атмосфере, создавшейся в Киеве после прибытия туда германских войск, в тех кругах, к которым принадлежал сам Лукомский.

А вот картина Киева, нарисованная пером князя Гр. Трубецкого, члена Правого Центра, на которого ссылается в приведенной выше записке П. Н. Милюков. Трудно заподозрить свидетельство князя Трубецкого в тенденциозности, ибо он сам принадлежал к высшим кругам того общества, о представителях которого он пишет^{III}.

«Аристократический квартал Липки был... жутким привидением минувшего. Там собрались Петербург и Москва; почти все друг друга знали. На каждом шагу встречались знакомые [типичные] лица бюрократов, банкиров, помещиков с их семьями. Чувствовалось в буквальном смысле слова, что на их улице праздник... Помещики торопились возместить себя за то, что претерпели, и взыскивали, когда могли, с крестьян втрое за награбленное. Правые и аристократы заискивали перед немцами. Находились и такие, которые открыто ругали немцев и в то же время забегали к ним с заднего крыльца, чтобы выхлопотать себе то или другое...»

Конечно, не все «правые» вели себя так, как описывает князь Гр. Трубецкий. Были и такие, которые считали, что война с немцами

¹ От 5 мая; приведено в тексте конца XII главы. В этом воззвании, хотя и с дипломатическими уловками, слова «Учредительное Собрание» были произнесены.

^{II} Цитировано у Деникина, т. III, с. 131–132.

^{III} Письмо князя Григория Трубецкого, цитировано у Деникина, т. III, с. 34.

продолжается, и по-прежнему видели в них непримиримых врагов. Среди правых, настроенных враждебно к немцам, видную роль в Киеве играла группа Шульгина¹.

Накануне вступления немецких войск в Киев Шульгин, закрывая редактируемую им газету «Киявлянин», писал:

«...Мы всегда были честными противниками. И своим принципам мы не изменим. Пришедшим в наш город немцам мы говорим открыто и прямо: мы ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идет война. У нас только одно слово. Мы дали его французам и англичанам, и пока они проливают свою кровь в борьбе с вами за себя и за нас, мы можем быть только вашими врагами, а не издавать газету под вашим крылышком...»^{II}

С чрезвычайной «страстностью, пылом и прямолинейностью» группа Шульгина проповедовала три основных лозунга — борьбу с большевизмом, верность союзникам и монархию. Монархию безоговорочную, немедленную, открыто исповедуемую. Для Шульгина и его единомышленников монархизм был не формой государственного строя, а **религией**. В порыве увлечения идеей они принимали свою веру за знание, свои желания за реальные факты, свои настроения за народные»^{III}. Это и привело их к краеугольной ошибке: они не заметили, что в то время, как с появлением немецких войск, окруженных ореолом побед во Франции, настроение русской интеллигенции действительно правело, в деревнях и на заводах нарастало как раз противоположное настроение.

Изучая мемуары и документы, относящиеся к этому периоду, нельзя не обнаружить, что группа Шульгина имела гораздо большее влияние на верхи Добровольческой Армии, чем думали это сами представители этих верхов. Влияние это шло через представителей Добровольческой Армии, находившихся в Киеве или проезжавших через него (например, через упомянутого выше ген. Лукомского), которые переоценивали как общественное значение Шульгина, так и понимание им политической обстановки. Сам же Шульгин действовал непосредственно на командование Добровольческой Армии с большим напором. Он посылал доклады, сводки, в которых яркими красками изображался рост монархического движения в стране. Шульгин осуждал политику руководителей Добровольческой Армии, убеждал своих друзей, что «скоро в России не будет никаких республиканцев», и просил «разъ-

^I Это был тот Шульгин, который вместе с Гучковым ездил в марте 1917 года, от имени Государственной Думы, уговаривать Императора Николая II отречься от Престола.

^{II} Газета «Киевлянин» от 25 февраля 1918.

^{III} Деникин, т. III, с. 85.

яснить руководителям армии, что никакие воззвания с Учредительным Собранием и народоправством не привлекут в армию никого».

Сколь велико оказывалось воздействие этого напора Шульгина на верхи Добровольческой Армии, можно судить по выдержке из следующего письма ген. Алексеева¹:

«...Относительно нашего лозунга — Учредительное Собрание — необходимо иметь в виду, что выставляли мы его лишь в силу необходимости. В первом же объявлении, которое нами будет сделано, о нем уже упоминаться не будет совершенно. Наши симпатии должны быть для Вас ясны, но проявить их здесь открыто было бы ошибкой, так как населением это было бы встречено враждебно. От прежнего лозунга мы отказываемся. Для объявления же нового нужны соответствующие обстоятельства, и прежде всего подвластная только нам территория. Это будет, как только мы перейдем к нашим активным планам...»

«Правение» общественных настроений, происходившее под впечатлением германского вторжения на Юге России, проникало, конечно, также непосредственно и в низы Добровольческой Армии. Эти настроения приносило с собою то офицерство, которое непрерывно текло из оккупированных немцами областей на Дон и на Кубань.

Отношение немцев к Добровольческой Армии

«В широких, плодородных степях Кубани, между Донским казачеством и Кавказом, — пишет в своих воспоминаниях ген. Людендорф^{II}, — дрался против большевиков ген. Алексеев со своей Добровольческой Армией. Он находился под английским влиянием. Однако я думаю, что, будучи великим патриотом, он примкнул бы к нам, если мы выступили бы против Советского правительства. Военное положение Алексеева было сначала трудное; ему недоставало оружия и боевых припасов. Большевики были сильнее его. Когда в начале июня, вопреки беспрестанных уверений Московского правительства, несколько тысяч человек с Юго-Запада Азова переправились через Азовское море и высадились около Таганрога, немецкие войска немедленно же и в кратчайший срок уничтожили их. Приблизительно начиная с августа месяца положение Добровольческой Армии на Кубани укрепилось...»

Из этих строк Людендорфа видно, что главное Германское военное командование, несмотря на то что Добровольческая Армии упорно не хотела мириться с Германией, все-таки относилось к Добровольческой Армии с симпатией. Покончить с этой горстью русских героев

¹ Ответ на письмо Шульгина от 18 июня (5 июня по старому стилю).

^{II} Людендорф, с. 528.

не потребовало бы от немцев особых усилий. Уделить для этой операции две-три дивизии при силах Восточного германо-австрийского фронта в 48 пехотных и 7 кавалерийских дивизий, было легко. Несомненно также, что немецкое командование отлично понимало, что оружие и боевые припасы, которые они передавали Атаману Краснову, через руки последнего попадут и в Добровольческую Армию.

«Правда, в Батайске^I немцами была учреждена официальная застава, долженствовавшая не пропускать этих снарядов на Кубань, дабы избежать нареканий со стороны большевиков в поддержке их противников. Но столько же правда, что **без разрешения немцев и Гетмана** Краснов не мог бы получать этих русских снарядов, ни посылать их столь нуждавшейся в них Добровольческой Армии. Немцы сказали Краснову: «Мы ставим заставу в Батайске, но мы будем закрывать глаза, если вы будете возить снаряды и патроны Добровольцам другим путем, из числа уделяемых вам запасов». И каждый день грузовики, в обход Батайска, возили по грунтовым дорогам на Кубань^{II} снаряды и патроны, которые доставляли Добровольцам Дон и Украина — ими непризнаваемые — **с ведома ненавистных им немцев...**»^{III}. За первые полтора месяца Атаман Краснов передал Добровольческой Армии 35 000 снарядов и 4 000 000 патронов^{IV}.

Сам ген. Деникин, враждебно относящийся к немцам, вынужден признать, что «немецкое командование на Юге России относилось всегда с большим уважением к Добровольческой Армии»^V.

В другом месте своего труда тот же генерал Деникин пишет^{VI}:

«Киевская главная квартира через третьих лиц — немецкой ориентации — предлагала нам войти в «дружеские сношения»; гр. Альвенслебен искал свидания с адъютантом ген. Алексева, ротмистром Шапроном, бывшим в Киеве по делам армии; ген. Арним в Ростове на официальных обедах^{VII} высказывал свое уважение к Добровольческой Армии и сожаление, что «она не идет вместе с нами». На Украине свободно работали вербовочные бюро, и команды добровольцев — в форме, с отличительными знаками армии^{VIII} — направлялись беспре-

^I Железнодорожный узел в 10 километрах к югу от Ростова. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} То есть в Добровольческую Армию. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Воспоминания герцога Г. Лейхтенбергского, близко знавшего германское военное командование на Украине. // Архив Русской революции, т. VIII, с. 175.

^{IV} Воспоминания П. Краснова // Архив Русской революции, т. V, с. 209.

^V *Деникин*, т. III, с. 117.

^{VI} Там же, с. 114.

^{VII} В оригинале у Деникина: «собраниях». — *Прим. ред.*

^{VIII} Нашитый на рукав угол из трехцветной национальной ленты. — *Прим. Н. Н. Г.*

пятственно на Дон, встречая даже известную предупредительность со стороны немецких комендантов...»

«Правда, — пишет уже цитированный нами близкий свидетель немецкой военной политики на Украине — герцог Г. Лейхтенбергский¹, — немцам приходилось иногда арестовывать офицеров-добровольцев, слишком уже откровенно ведших свою агитацию в Киеве и на Украине, и притом не только вербовкой офицеров в Добровольческую Армию, но и определенным при этом возбуждением офицерства против немцев. В крае, как-никак, а оккупированном немцами, это было по меньшей мере бестактно, и нечего поэтому удивляться, что таких неумелых агитаторов и вербовщиков немцы арестовывали. Однако в большинстве случаев дело кончалось тем, что по ходатайству Гетмана или русских видных киевлян этих арестованных либо высылали из пределов Украины, либо отпускали на все четыре стороны, и они возвращались в Добровольческую Армию. На Дон, к Краснову, с которым немцы поддерживали дружеские отношения, они отпускали русских людей и офицеров гораздо легче, и часто офицер, официально ехавший на Дон, отправлялся оттуда на Кубань², и немцам зачастую это было известно заранее...»

Изучение немецких источников позволяет совершенно точно установить то, что германское военное командование в подавляющей части своих представителей относилось с симпатией к Белому Движению и видело в нем хорошее средство для сохранения Центральных Держав от большевицкой заразы. Однако все их попытки войти в соглашение с командованием Добровольческой Армии оставались безрезультатными. Вожди Белого Движения оставались непоколебимыми союзниками Антанты.

Князь Григорий Трубецкой в своем донесении «Правому центру»³ так объяснял это упорство. «Генералы, — пишет он, — стоящие во главе Добровольческой Армии, мыслили возрождение России и армии в прямой преемственности от той идеологии, которую они принесли с фронта бывшей Русской Армии. Немец был враг, и при этом нечестный враг, придумавший удушливые газы, а потом и самих большевиков. С этим врагом могла быть только борьба на жизнь и на смерть, и невозможны и недостойны никакие разговоры. Изменить союзникам было бы недостойным малодушием и на всех, кто были заподозрены в германской ориентации, ложилось пятно».

Подобная, не изжитая еще вождями Добровольческой Армии психология большой войны в связи с попытками Антанты гальванизиро-

¹ Архив Русской революции, т. VIII, с. 108.

² То есть в Добровольческую Армию. — *Прим. Н. Н. Г.*

³ От 11 сентября (28 августа старого стиля).

вать в России борьбу с немцами, заставляли германское командование, несмотря на всё свое нежелание, принимать ряд предупредительных мер. К числу таковых следует отнести и формирование немцами «Астраханской», «Южной» и «Северной» армий.

Формирование Астраханской, Южной и Северной армий

Полковник русской службы князь Тундутов предложил германскому военному командованию поднять против большевиков Астраханское казачество и калмыков Ставропольской губернии. Сам Тундутов принадлежал к именитому калмыцкому роду и имел влияние среди калмыцкого племени дербетов^I.

Предложение князя Тундутова носило чисто авантюристический характер; как я говорил в главе X, Астраханское казачество, которое по предположениям кн. Тундутова должно было бы играть главную роль в этом восстании, не имело для этого тех историко-психологических данных, которые составляли силу прочих казачеств. Тем не менее немецкое командование решило использовать предложение князя Тундутова^{II}.

В половине^{III} июля в Киеве открылся центр для вербовки русских офицеров в Астраханскую армию, формирование которой должно было происходить в юго-восточном углу Донской области^{IV}; задачей этой армии являлось освобождение от большевиков низовьев Волги и подъем Астраханского казачества и калмыков, почему эта армия и получала наименование «Астраханской».

Несомненно, что, способствуя формированию этой армии, германское военное командование преследовало стратегическую цель: изолировать Добровольческую Армию от среднего Поволжья, где в это время действовали против большевиков чехо-словаки, при посредстве которых Антанта надеялась организовать русский противонемецкий фронт.

«Не выступая против Добровольческой Армии с оружием в руках, — обвиняет немцев ген. Деникин^V, — немцы старались разложить ее другими путями... Астраханская армия, приняв внешние отличия, служебный [рас]порядок и “лозунги” — монархические, тем самым должна была отвлечь офицерство от армии Добровольческой — армии

^I Предок князя Тундутова командовал калмыцким «Тюменевским» полком, который в 1813 году шел в авангарде русских войск до Парижа.

^{II} О предложении князя Тундутова можно встретить упоминание в мемуарах кайзера Вильгельма II.

^{III} В середине. — *Прим. ред.*

^{IV} На р. Маныч в районе станицы Великокняжеской.

^V *Деникин*, т. III, с. 117–118.

“с неопределенной политической физиономией”, “признающей Учредительное собрание”, даже “в скрытой форме... республиканской” — как говорили создатели Астраханской армии...»

«Первое время набор, открыто поощряемый немцами, имел известный успех. Немцы дали Тундутову несколько миллионов рублей и отпустили в небольшом размере русское боевое снабжение. Правые круги Киева, во главе с графом В. Бобринским оказывали армии моральное содействие, московский “Правый центр” “вступил с ней в контакт”...

Организаторы искали долго генерала с популярным именем для возглавления армии... Остановились “астраханцы” на Павлове¹⁹ — лихом кавалерийском генерале, в политической идеологии которого был только монархизм и никаких осложняющих дело “предрассудков”...»¹.

В результате попытка немцев сформировать Астраханскую армию потерпела неудачу. К августу был сформирован только один батальон в 400 штыков, и до конца существования Астраханской армии (начало 1919 года) численность ее не превышала трех тысяч бойцов, из которых в феврале 1919 года только 1753 могло быть на фронте. Втайне от руководителей организации армейский штаб астраханцев считал себя в распоряжении Добровольческой Армии, получая временами указания от ген. Эльснера²⁰ ¹¹. Заявляя, что «сформированные части готовы перейти в состав Добровольческой Армии по первому требованию», штаб Астраханской армии рисовал ген. Эльснеру такие сцены: «Офицеры по прибытии в Ростов узнают от специально поставленных на вокзале (ваших) агентов об ориентации Архангельского¹¹¹ войска, источниках его содержания, и до 60–80 % эшелонов желают с места перейти в Добровольческую Армию... Затем, когда эшелон идет по линии Батайск—Торговая, рьяную агитацию ведут (ваши) коменданты станций. В результате значительная часть эшелонов переходит в Добровольческую Армию. Но мало того, переходящие начинают всё время корить и упрекать остающихся, издеваться над ними. Проявляется взаимная обида и обозление...». Астраханский штаб просил ген. Эльснера самого «по-братски распределять пополнения». Генерал Эльснер от содействия укомплектованию Астраханской армии отказался, но и не препятствовал ему¹⁴.

В конце августа немцы, разочаровавшись в своем формировании, прекратили отпуск денег князю Тундутову. В поисках материальной

¹ Деникин, т. III, с. 118.

¹¹ Генерал Эльснер был представителем Добровольческой Армии в Новочеркасске при Донском правительстве.

¹¹¹ В оригинале у Деникина: «Астраханского». — Прим. ред.

¹⁴ Деникин, т. III, с. 118.

поддержки князь Тундутов обратился в киевскую организацию крайних правых — Совет Монархического Блока^I. Между ними был заключен 7 сентября договор^{II}, в силу которого ничего не ведавшее офицерство было поставлено перед следующим фактом: Войсковой атаман передает всю политическую работу Совету Монархического Блока (ст. 7-я)... **Астраханская армия должна быть использована для борьбы со всеми противниками восстановления законно-преемственной монархии и воссоздания России (ст. 2-я)...**»

«Но казна “блока”, — пишет ген. Деникин^{III}, — черпавшая средства также из берлинского источника, скоро иссякла, и Астраханская армия всё время не выходила из тяжелого “кризиса”».

Астраханская армия постепенно таяла; таяла от отсутствия пополнений, от ухода из ее рядов многих неудовлетворенных и от потерь, понесенных в небольших, но непрерывных боях с большевиками — на крайнем правом фланге донцов, в Манычских степях.

В августе месяце германское командование более широко пошло навстречу предложениям представителей русских правых партий организовать свои собственные добровольческие части. Германское командование рассчитывало, что монархически настроенное русское офицерство охотнее пойдет в подобные организации, нежели в Добровольческую Армию ген. Алексева, и таким образом оно создаст русские противобольшевицкие вооруженные части германской ориентации. Германское командование предполагало, вместе с этим, что появление этих русских воинских частей с монархическими лозунгами в полосе, прилегающей к немецкому Восточному фронту, притянет к себе крестьян.

Немцам было известно, что в коренной России начались крестьянские противобольшевицкие восстания. Действительно, об этом свидетельствуют и большевицкие историки.

В сводке комиссариата внутренних дел в июне месяце было зарегистрировано 26 крестьянских восстаний, а в августе — 47^{IV}. Много

^I Этот «блок» возник в Киеве как результат соглашения между крайними правыми и националистами групп Балашова и В. Бобринского.

^{II} Подписали договор:

1. Войсковой Атаман Астраханского войска князь ТУНДУТОВ.

2. Командир Астраханского корпуса ген.-лейт. ПАВЛОВ.

3. Управляющий внешним отделом Астраханского казачьего войска И. ДОБРЫНСКИЙ.

4. Председатель Совета Монархического Блока СОКОЛОВ.

5. Член Совета князь А. Н. ДОЛГОРУКОВ.

^{III} Очерки Русский Смуты, т. III, с. 119.

^{IV} *Владимирова Вера*. Год службы социалистов капиталистам, с. 291.

мелких крестьянских восстаний не попали в эту регистрацию, в особенности те, которые вспыхивали в полосе, прилегающей к немецкому фронту. Здесь число восстаний было значительным не столько потому, что крестьяне рассчитывали на помощь немцев, сколько потому, что они учитывали страх красных войск перед немцами.

Руководствуясь этими соображениями, германское командование и приступило к формированию «Южной армии».

Районом для первоначального ее формирования была предоставлена южная часть Воронежской губернии¹. Для прикрытия этого района немцы выдвинули свои войска в Воронежском направлении²; этот район был прикрыт также Донскими казаками.

Только двое из членов Российской Императорской Фамилии приняли «немецкую ориентацию». Это были: герцоги Николай и Георгий Лейхтенбергские. Герцог Георгий Лейхтенбергский^{21III} и служил «флагом» этого формирования. Душою же создания Южной армии является некто Акацатов²², происходящий из крестьянской среды и принадлежавший до революции к крайне правой организации (Союз Русского Народа). Надеюсь привлечь к себе крестьянские массы, Акацатов создает союз «Наша Родина» с целым рядом подчиненных этому союзу организаций. Но все эти попытки имели только один результат: к Южной армии примкнули главным образом крайне правые элементы интеллигенции.

«Вербовка чинов в Южную армию велась во всех городах Украины, всюду под флагом: “Армия национальна и монархична”, никто не добавлял: и “конституционная”. Монархический флаг, конечно, — пишет Залесский, — мог соблазнить или, вернее, удовлетворять некоторых крайних монархистов. Но таковых в России как прежде, так и теперь немного. Большинство, как и теперь, жаждало человеческого правопорядка, мало интересуюсь, кто сидит наверху, какая форма правления дает этот правопорядок...»^{IV}

Командовать Южной армией предлагали просить ген. графа Келлера. Это был один из двух высших генералов^V, которые, как я говорил в первой главе, в первые дни революции послали Императору Николаю II телеграммы с верноподданническими заявлениями и с предложением вести свои войска на усмирение мятежа. Вместе с этим ген. граф Келлер был единственным из высших генералов, который открыто заявил, что отказывается присягать Временному правительству.

¹ Примыкавшей с запада к северной части Донской области.

² Статья П. И. Залесского, бывшего начальника штаба Южной армии, напечатанная в «Донской Летописи», № 3, с. 235.

^{III} Выдержки из его воспоминаний цитировались мною выше.

^{IV} Донская Летопись, № 3, с. 237.

^V Вторым был ген. Хан Нахичеванский.

Будучи убежденным сторонником абсолютной монархии, ген. граф Келлер отрицательно относился к политической программе Добровольческой Армии¹. Его письмо ген. М. В. Алексееву очень ярко выражает те надежды, которые представители крайне правых политических убеждений возлагали на постановку для противобольшевицкого движения монархического лозунга².

«Единственной надеждой, — пишет граф Келлер, — являлась до сих пор для нас Добровольческая Армия, но в последнее время и к ней относятся подозрительно, и подозрение, вкравшееся уже давно, растет с каждым днем... Верят Вам кадеты и, может быть, и то отчасти, группа Шульгина, но большинство монархических партий, которые в последнее время всё разрастаются, в Вас не уверены, что вызывается тем, что никто от Вас не слышал столь желанного, ясного и определенного объяснения, куда и к какой цели Вы идете сами и куда ведете Добровольческую Армию. Немцы это, очевидно, поняли, и я сильно опасаюсь, что они этим воспользуются в свою пользу, то есть для разъединения офицерства...

Боюсь я также, что для того, чтобы отвлечь от Вас офицеров, из которых лучший элемент монархисты, немцы не остановятся перед тем, чтобы здесь в Малороссии или Крыму формировать армию с чисто монархическим, определенным лозунгом. Если немцы объявят, что цель формирования — возведение законного Государя на престол и объединение России под Его державою и дадут твердые гарантии, то **для такой цели, как бы противно ни было идти с ними рука об руку**, пойдет почти всё лучшее офицерство кадрового состава.

В ваших руках, Михаил Васильевич, средство предупредить еще немцев (чистым намерениям коих я не верю), но для этого Вы должны честно и открыто, не мешкая, объявить — кто Вы, куда и к какой цели Вы стремитесь и ведете Добровольческую Армию.

Объединение России великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый, даже ваш доброволец, чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, который может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идете за законного же наследника Его, и за Вами пойдет без колебаний всё лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшийся по твердой власти...»

Генерал граф Келлер все-таки отказался от командования Южной армией. Как он лично мне говорил, главной причиной его отказа яв-

¹ Германская оккупация застала его проживающим в Харькове.

² Письмо от 2 августа (20 июля по старому стилю). Цитировано в статье герцога Г. Лейхтенбергского в томе VIII «Архива Русской революции», с. 173—174.

лялось нежелание в какой-либо форме конкурировать с верхами Добровольческой Армии, недоброжелательно относившимися ко всякому формированию на Юге России вне их ведения.

Отказывались от командования Южной армией и другие видные генералы, к которым обращался союз «Наша Родина». В результате, вплоть до конца октября Южная армия оставалась без командующего армией. Временно же формирующимися частями в Воронежской губернии командовал генерал В. В. Семенов²³.

«Выбор весьма показательный, — пишет генерал Деникин¹, — Семенов был до того удален из отряда Дроздовского, ввиду полной неспособности в боевом отношении, потом из Добровольческой Армии — за то, что, будучи начальником нашего вербовочного бюро в Харькове, вступил в связь с немцами и... отговаривал офицеров ехать в Добровольческую Армию.

На небольшом клочке Воронежской губернии Акацатов с Семеновым восстанавливали порядки, давно отошедшие в область истории. Оттуда распространялась нездоровая литература, отравлявшая души офицерства реакционным изуверством и человеконенавистничеством. Оттуда же шла лютая травля Добровольческой Армии. В последних номерах газеты «Наша Родина»...нет ни слова о большевиках. Вся газета посвящена грубому поношению ген. Алексева, Шульгина, Родзянко и т. д. О ген. Алексееве газета пишет, что это он предал царя, устроив ему ловушку, и что он разложил армию. О всех вообще, кто, движимые любовью к несчастной Родине, собрались в Екатеринодар, газета говорит, что на лицах их «ясно виднеется улыбающийся Азеф»¹¹...».

Однако, несмотря на попытки немцев расслоить русское офицерство, им это не удалось. Главная масса русского офицерства шла в Добровольческую Армию, а не в Южную и не в Астраханскую. Крайний правый и даже революционный дух политических деятелей, к которым, в конце концов, попадали в руки части, формируемые при содействии немцев, отталкивал их. И они предпочитали идти к вождям Белого Движения, не выставлявшим на своих знаменах монархического лозунга. Предположения, высказанные в вышеприведенном письме графа Келлера, оказались ошибочными.

Этот факт является характерным подтверждением тому, что я говорил в начале главы XII о монархических настроениях офицерства Добровольческой Армии. Он свидетельствует, что эти монархические настроения не имели реставрационных мотивов. Поэтому я бы

¹ Деникин, т. III, с. 120.

¹¹ Известный агент-provokator; см. книгу Николаевского: «История одного предателя». Берлин: Петрополис, 1932.

характеризовал монархические настроения офицерства, собиравшегося в Добровольческой Армии, так: оно хотело монархии волею народа, в противоположность тому меньшинству офицерства, которое шло в Южную и Астраханскую армии и которое верило в монархию старого режима, в монархию «Божьей милостью». Конечно, в предпочтении, оказываемом большинством офицерства Добровольческой Армии, сказывалось и то, что остальные армии организовывались немцами, только что бывшими врагами. Но этот мотив летом 1918 года уже не играл той решающей роли, как раньше. Напомню об одном факте, цитированном мною со слов генерала Деникина в главе XII: во время речи ген. М. В. Алексеева в станице Егорлыцкой, в которой он стремился убедить офицерство Добровольческой Армии, что немцы такой же враг, как и большевики, из рядов собравшихся офицеров раздался возглас: «Да, но это враг культурный»... Сам генерал Деникин, упоминая об этом факте, называет его «показательным».

Если попытки немцев привлечь русское офицерство в Южную армию оказались unsuccessfulными, то уже полную неудачу постигло ожидание привлечь в ряды этой армии крестьянство.

Ярко реставрационная политика ген. Семенова, ставшего Воронежским генерал-губернатором, сразу же восстановила против Южной армии местных крестьян.

В итоге, к октябрю месяцу, боевой элемент в Южной армии исчислялся всего $3\frac{1}{2}$ тысячами людей. Видя эту неудачу, германское командование перестало субсидировать организацию Южной армии. По соглашению Гетмана Скоропадского и Донского Атамана Краснова, последний взял в свои руки формирование Южной армии. Собравшиеся на Воронежском направлении контингенты были переименованы в Воронежский корпус. Вместе с аналогичным же формированием, предпринятым Атаманом Красновым на Саратовском направлении¹ и названным Саратовским корпусом, Воронежский корпус вошел в состав новой Южной армии, во главе которой был поставлен старый генерал Н. И. Иванов. Однако даже имя этого всеми уважаемого генерала, покрытого лаврами русской победы в Галицийской битве в 1914 году, не было в состоянии парализовать органические недостатки Южной армии, проистекавшие из ошибочных политических предпосылок, положенных в ее основание. Южная армия по-прежнему оставалась больной. Лучшая часть ее офицерства тянулась к Добровольческой Армии. Это тяготение усилилось, когда осенью выяснилось поражение немцев. Этим воспользовался Шульгин, который в № 36 газеты «Россия» обратился с открытым письмом «к руководителям Астраханской и Южной армий».

¹ В районе, прилегающем к Донской области с северо-востока.

«Ваша тяжкая жертва была принесена напрасно, — писал он. — Теперь, после того как Германия запросила мира, вы, конечно, сознаете, что она никого спасти не может». Он указывал исход — «соединиться с людьми, которые, как и вы, любят Россию, но которые шли к ее спасению другими путями»... В Екатеринодар в штаб Д. А. поехали делегации от Южной и Астраханской армий с просьбой о присоединении к ней. «В скором времени, — обобщал свои впечатления Шульгин, — следует ожидать массового бегства офицеров из Южной армии в Добровольческую, так как офицерство потеряло надежду на то, что верхи Южной армии перестанут его делать пугалом в глазах народа».

«Но с 30 сентября (13 октября по новому стилю) Южная армия поступила в полное подчинение ген. Краснову, — пишет ген. Деникин¹, — и потому, чтобы не создавать затруднений атаману, на основании моих указаний ген. Драгомиров сообщил Шульгину: “нужно успокоить офицеров Южной армии и убедить их не уходить из ее рядов, так как в скором времени всё равно они попадут под наше начальство и послужат остоном при формировании общерусской армии”...»

Влились они в нашу армию действительно, но... слишком поздно — после окончательного развала».

Третью попытку сформировать русскую противобольшевицкую вооруженную силу с «немецкой ориентацией» германское командование произвело в северной части оккупированной ими Российской территории. В конце сентября начато было формирование «Северной армии». Районом формирования были назначены оккупированные немцами части Псковской и Витебской губерний, со штабом во Пскове. Задачи, поставленные этой армии, заключались в следующем: а) защита занятого армией расположения от большевицкого нашествия; б) наступление на Петроград и свержение большевицкого правительства; в) водворение в России порядка и восстановление Царского правительства. Организация эта тоже находилась в руках представителей русских крайних правых партий. В приложении к настоящей главе^{II} приведен полный текст «условий», положенных в основу формирования Северной армии.

Командующим армией был избран генерал граф Келлер, который, учитывая, что районы формирования Северной армии настолько удалены от Добровольческой Армии ген. Деникина, что поэтому никакой «конкуренции» в комплектовании офицерства быть не может, согласился принять этот пост. Временно командование армией было возложено на русского генерала Вандама (Едрихина)²⁴. Германское

¹ Деникин, т. III, с. 121.

^{II} Приложение № 36.

командование обещало отпустить на организацию Северной армии 150 миллионов рублей-марок¹, вооружение, снабжение и обмундирование на 50 000 человек, 500 пулеметов, 36 легких и 24 тяжелых пушки, а также всевозможные технические средства, необходимые корпусу¹¹.

В середине октября к формирующейся Северной армии перешел от большевиков партизанский отряд Булак-Балаховича²⁵. Последний, по своему моральному облику, более подходил к типу «крестьянского атамана» или, как он сам себя называл, «батьки», нежели к типу офицера регулярной армии. Присоединилась также «Чудская флотилия» в составе трех судов, плававших на Чудском озере¹¹¹. При помощи этой флотилии удалось поднять восстание среди крестьян, живущих на Талабских островах (на Чудском озере), которые составили свой собственный «Талабский» стрелковый полк, вошедший в состав Северной армии.

Несмотря на такое благоприятное начало, формирование Северной армии не привело к серьезным результатам. Население, в главной своей массе, не откликлось на призывы крайне право настроенного руководящего Северной армией политического центра. Молодое же офицерство предпочитало использовать малейшую возможность, чтобы пробраться в Добровольческую Армию ген. Алексеева. «Отсутствие популярных и авторитетных военных вождей, — пишет ген. Деникин, — лишило уверенности и духовного подъема»¹¹⁴.

Наступившее вскоре после начала формирования Северной армии окончательное поражение Германии прекратило материальную поддержку немцев. Из всего ими обещанного они передали Северной армии всего 3 000 000 рублей-марок и ограниченное количество вооружения¹¹⁵.

В результате, ко времени очищения германскими войсками оккупированной ими части Псковской и Витебской губерний, Северная армия не была в состоянии защитить эту территорию от наступающих большевиков.

Итак, все попытки немцев создать организованные русские контрреволюционные силы не привели к сколько-нибудь серьезным результатам.

Несомненно, что одной из важных причин этой неудачи являлось то, что германское командование слишком долго колебалось и взялось за дело поздно. Проигрыш войны прервал его работу в этом направ-

¹ Деньги, печатаемые немцами для оккупированного ими Северо-Западного края России.

¹¹ Ген. князь П. Авалов. В борьбе с большевизмом. Гамбург: Изд. И. И. Августина Глюкштадт, 1925, с. 71.

¹¹¹ Непосредственно к северу от Пскова, озеро Чудское, или Пейпус.

¹¹⁴ Деникин, т. III, с. 27.

¹¹⁵ Там же, с. 27.

лении тогда, когда она не только не была закончена, но как это имело место в Северной армии, по существу говоря, была лишь начата.

Но столь же несомненен и факт, что немецкие формирования не пользовались той популярностью, какой пользовалась Добровольческая Армия ген. Алексеева. Приходится повторить, что реставрационный монархизм не притягивал к себе массы молодого офицерства, которое составляло основу каждого добровольческого формирования. Шло, главным образом, старое кадровое офицерство, но не офицер военного времени, который отличался по своим политическим мировоззрениям от кадрового офицера. Офицер военного времени был несравненно более демократичным по своим убеждениям и привычкам и более подходил к типу прежнего студента, нежели к типу офицера-профессионала.

Несмотря на неудачу немецких попыток создать особое течение русской контрреволюции, которым они могли бы руководить, это вмешательство имело большое значение. Оно внесло в русские противобольшевицкие армии реставрационные мотивы.

Вышеуказанное воздействие германской интервенции на противобольшевицкие вооруженные силы тождественно с тем влиянием, которое она имела на круги русской общественности, о котором я говорил в начале этой главы. И это воздействие германской интервенции на русскую контрреволюцию тем многозначительнее, что до нее реставрационные мотивы в явлениях русской контрреволюции отсутствовали.

Содействие большевикам

В прошлой главе я говорил уже о принципиальных разногласиях германских руководящих кругов в «русской политике» и происходившей вследствие этого ее двойственности.

«Нет сомнения, — пишет Вл. И. Гурко¹, один из тех правых, которые вели переговоры с немцами, — что Германия, хотя и вступила в переговоры с русскими общественными кругами, но одновременно, тем не менее, поддерживала тесную связь с большевиками. Политика ее была двойственная. Но эта политика не была основана на коварстве, а являлась лишь результатом тех внутренних трений, того разномыслия, которое происходило в ее собственной среде. Порукой этого является, между прочим, и то, что германские агенты, которые вели переговоры с русскими общественными кругами, твердо верили, что именно они проводят политику, отвечающую истинным намерениям Германского правительства. Для меня не подлежит сомнению, что если бы в момент

¹ Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу (1917—1918 гг.) // Архив Русской революции, т. XV, с. 15.

этих переговоров русская общественность не раскололась по вопросу об “ориентации”, если бы она пошла навстречу немецким предложениям, если бы Добровольческая Армия не задрапировалась в тогу скудоумного Ламанчского рыцаря — Дон Кихота, а последовала бы мудрой государственной политике Донского атамана Краснова, то Германия исполнила бы свои обещания, а именно пересмотрела бы Брест-Литовский договор, вернула бы нам наши владения, за исключением губерний Царства Польского, от которых мы уже сами, в бытность Временного правительства, отказались, и восстановила бы в России русскую государственную власть. О большевиках давно бы не было и помину. Конечно, сделала бы она это не даром, а в обмен потребовала бы от нас прекращения военных сношений с Антантой, определенного заявления, что мы от всякого дальнейшего участия в мировой войне отказываемся и что одновременно мы предоставляем Германии возможность черпать из наших пределов продовольственные продукты и необходимое для их военной промышленности сырье.

Но когда Германия убедилась, что она может иметь дело только с правыми русскими общественными кругами, что вся так называемая передовая общественность не желает иметь с ней дела, она, естественно, отказалась от мысли строить свои планы на воссоздании порядка в России...

Были две основные причины, положившие окончательный конец переговорам с немцами. Первой из них была мысль об образовании нового русско-японского фронта на Урале и состоявшаяся вслед за этим высадка японских войск во Владивостоке. То и другое стало, конечно, тотчас известно германцам, причем как раз в этот момент (июнь месяц 1913 года), когда германское правительство перешло на точку зрения германских военных кругов о необходимости в германских интересах воссоздать порядок в России и покончить с большевиками. Но тут произошло перемещение ролей, тут уже германское верховное командование, наткнувшееся на крайнюю неприязнь Добровольческой Армии и осведомленное об усиленной тяге русского офицерства в Сибирь, на Урал, для образования там нового, враждебного ему фронта, решительно заявило, что ни о каком восстановлении России не может быть и речи, что, наоборот, необходимо разваливать Россию и в этих видах поддерживать большевицкую власть».

С. П. Мельгунов, оспаривая это заключение В. И. Гурко, пишет, что последний «делает большую хронологическую ошибку, так как японский десант во Владивостоке произошел в апреле»¹.

Однако ошибку, и при этом очень крупную по существу, делает сам С. П. Мельгунов. В апреле японцы высадили во Владивостоке

¹ [Мельгунов С. П.] Трагедия адмирала Колчака, ч. I.

лишь небольшую часть морской пехоты в виде репрессии за убийство большевиками японского коммерсанта. Это был не первый случай появления японских войск во Владивостоке. Уже с декабря 1917 года японские военные команды охраняли там склады военного снабжения, доставленного в Россию союзниками. Настоящий десант был произведен японцами лишь в первых числах июля 1918 года, когда во Владивостоке высадились три пех. дивизии. Но даже этот десант сам по себе не представлял, вследствие своего удаления, стратегической угрозы немцам. Он мог стать таковой только при условии овладения чехо-словаками сибирской жел.-дорожной магистралью. Возможность же последнего стала выясняться германским главнокомандованием в июле месяце. Таким образом, В. И. Гурко совершенно прав, связывая поворот немецкой политики в Москве в пользу большевиков с попыткой Антанты образовать Восточный противонемецкий фронт.

Мемуары ген. Людендорфа не оставляют никакого сомнения в том, что отказ от свержения большевицкой власти в Москве обуславливался создавшимися стратегическими условиями. Как правильно говорит Вл. И. Гурко, немцы вполне отдавали себе отчет, что психология войны против них не была еще изжита либеральной и левой русской интеллигенцией, а также Добровольческой Армией. Возрождение Восточного противонемецкого фронта могло представить собою для созданного немцами монархического правительства испытание, которое могло бы оказаться этому правительству не по силам. Между тем правительство Ленина в вопросах внешней политики было вполне в руках немцев. Германский посол граф Мирбах «являлся чуть ли не властелином в Москве», — записывает в своих воспоминаниях профессор Мякотин²⁶. Напуганный же выступлением чехо-словаков и поднятым ими восстанием во всей Сибири, на Урале и Поволжье, Ленин являлся самым послушным орудием для действия против Антанты.

В таких условиях перед германским фронтом в России создалось своего рода буферное государство, в котором легко мог завязнуть тот противонемецкий фронт, который Антанта намеревалась организовать в России. Нельзя не согласиться, что подобная мера стратегически вполне обеспечивала немцев от задуманного Антантой уязвления их с востока.

Встав на путь поддержки власти Ленина в коренной России, немцы начали помогать ему взрывать противобольшевицкие организации, в которых они видели или только подозревали руку агентов Антанты. Старший советник германского посольства в Москве г-н Рицлер и начальник немецкой контрразведки г-н Миллер находились в тесном

¹ Журнал «На чужой стороне», II, с. 188.

сотрудничестве с Караханом²⁷ и с главою Чека Дзержинским; они снабжали их «списками адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики... против советской власти»¹... Просматривая воспоминания участников противобольшевицких организаций того времени, можно встретить много указаний на предательство немцами тех организаций, которые они раньше сами устраивали. Весьма вероятно, что случаев прямого предательства, то есть случаев, когда один и тот же немецкий агент организовал, а затем предавал, не было. Но косвенными виновниками гибели многих и многих русских противобольшевиков немцы были хотя бы уже потому, что они стимулировали самые крайние правые контрреволюционные течения.

Указание на сотрудничество немцев с большевиками в борьбе с противобольшевицкими организациями, поддерживаемыми Антантою, можно прочесть в показаниях Дзержинского по делу об убийстве германского посла графа Мирбаха. Немцы раздобыли шифры, которыми пользовались между собой эти организации; у большевиков этих шифров не было, и Чека прибегала в своих изысканиях к любезной помощи Германского посольства¹¹.

Очень возможно, что заигрывание германского командования с русскими монархическими элементами и происшедший затем поворот германской политики лицом к большевикам подтолкнул Ленина и его сателлитов к убийству Императора Николая II и его семьи. За этой, одной из ужаснейших драм мировой истории, происшедшей 16 июля в Екатеринбурге, последовало убийство Великого князя Михаила Александровича и многих других членов Императорской Семьи¹¹¹.

Убийство графа Мирбаха в Москве (6 июля) и генерала Эйхгорна в Киеве (30 июля) не могли рассорить немцев с большевиками, ибо им было известно, что эти убийства были произведены левыми эсерами, разошедшимися с большевиками и придерживавшимися «ориентации» на Антанту. Эти убийства только еще больше убедили немецкое правительство в необходимости ставки на большевиков. Как далеко заходила теперь поддержка, оказываемая германским правительством московским большевикам, свидетельствует ответ, данный германским министром иностранных дел фон Гинце Гётману Скоропадскому, просившему воздействовать на правительство Ленина для прекращения особенно свирепствовавшего в это время в России большевицкого террора.

¹ См. статью М. Алданова: «Убийство графа Мирбаха» // Последние Новости, № 5396 от 1 января 1936 г.

¹¹ «Красная книга ВЧК», официальное большевицкое издание.

¹¹¹ В числе убитых был и Вел. кн. Павел Александрович.

«Императорское правительство, — ответил фон Гинце, — воздержится от репрессивных мер против советской власти», так как то, что делается в России, «не может быть квалифицировано как террор»; происходят лишь «случаи уничтожения попыток безответственных элементов... провоцирующих беспорядок и анархию»¹.

Готовность Ленина уступать из достояния России всё, что ни требовали немецкие дипломаты, отвлекала внимание последних от той подрывной работы, которую вели большевики в среде пролетариата Центральных Держав. В конце августа Ленинское правительство подписало дополнительное соглашение к Брест-Литовскому договору. Этим дополнительным соглашением оно признало отторжение от России Прибалтийского края и Грузии и гарантировало выплату военной контрибуции^{II}.

«Доверие к большевикам нашего Правительства, — пишет Людендорф^{III}, — доходило до такой степени, что оно обещало господину А. Иоффе^{28 IV} снабжение оружием и боевыми припасами. Лица, показавшие мне соответствующую ноту, написанную в нашем министерстве иностранных дел, сказали мне: “Это оружие останется Германии, и господин А. Иоффе употребит его против нас”».

Признание и моральная поддержка, оказанная германским правительством Ленинской власти, позволили последней использовать часть пленных Центральных Держав для утверждения своего ига над Россией. Здесь мы подходим к одному из вопросов, документальное освещение которого еще невозможно. Большевицкие источники тщательно скрывают ту помощь, которую они извлекли, формируя отряды из находившихся в плену в России солдат Центральных Держав. Как велики были в этом отношении возможности, можно судить из следующей цифры. Общее число захваченных Русской Армией пленных достигало к 1 сентября 1917 года следующей громадной цифры: 1 961 000^V.

Уже в конце декабря 1917 года можно прочесть в газете М. Горького «Новая Жизнь» обвинение большевицкого правительства в том, что оно пользуется для своей защиты вооруженной силой военнопленных. 22 декабря 1917 года^{VI} большевицкая газета «Правда» возражала ей,

^I Телеграмма украинского посла барона Штейнгеля из Берлина от 28 сентября.

^{II} Эта контрибуция достигала 6 миллиардов золотых марок. В счет этой суммы большевицкое правительство успело выплатить Германии 650 миллионов золотых марок, которые впоследствии, по Версальскому договору, перешли к Франции.

^{III} Людендорф, с. 530.

^{IV} Большевицкий посол в Берлине.

^V См. Приложение № 37.

^{VI} 4 января 1918 года по новому стилю.

называя это «ложью, распространяемой буржуазными листками»; тем не менее она не отрицала существования революционных интернациональных отрядов из австро-венгерских пленных.

«Этих “интернационалистов” оказалось чрезвычайно много. Уже в декабре происходит делегатское собрание военнопленных. На нем присутствуют 200 делегатов от 20 000. В апреле в одном Московском округе насчитывалось до 60 000 организованных пленных интернационалистов. На первом же съезде военнопленных присутствует 400 человек формально от 500 000 организованных военнопленных»^I.

Какого рода были эти «интернационалисты», прекрасно можно видеть из факта, рассказанного командующим большевицкими войсками на Юге — Антоновым-Овсеенко^{II}. Он не отрицает попыток создания отрядов военнопленных в Донбассе в феврале 1918 года. «Вначале» они были неудачны. «Одну сформированную из германцев роту пришлось распустить после следующего эпизода. Роте этой производился смотр. Командующий похвалил роту на немецком языке. Все, как один, ответили: «Гох, кайзер Вильгельм...» Совершенно аналогичное о немецких отрядах, под разными обликами и видами находившихся в Москве весной 1918 года, рассказывает автор дневника, напечатанного в «Голосе Минувшего»^{III}.

«Эти организованные и вооруженные военнопленные оказались рассеянными буквально повсюду и вместе с латышами и китайцами с Мурмана оказались главной основой советских войск в первый период борьбы. С ними мы встретимся при подавлении июльского восстания в Ярославле, организованного Савинковым, и не только с «интернациональным батальоном», активно участвовавшим в бою на стороне советской власти^{IV}.

В «Красной книге ВЧК»^V знаменитый чекист Лацис, в статье «Союз Защиты Родины и Свободы», рассказывая про Ярославское восстание, удостоверяет, что восставшие были взяты в плен германскими военнопленными, действовавшими как вооруженная сила под командой лейтенанта германской армии действительной службы (не военнопленного) Балка, являвшегося председателем германской комиссии № 4. Эта комиссия, одна из многочисленных, организовала военнопленных в сотрудничестве с большевиками и отправляла их в Германию. Сам председатель ее — лейтенант Балк рассказал впоследствии о своей

^I Пролетарская революция, т. 76, с. 58.

^{II} «Записки о гражданской войне» (1924, I, с. 228).

^{III} Книга I (XIV) от 1926 г. Статья Мельгунова «Немцы в Москве 1918 г.», с. 157–186.

^{IV} См. также: *Ab. Paquet*. Im Kommunistischen Russland, Jena, 1919.

^V Под редакцией П. Макинциана, т. I, Москва: Госиздат, 1920, с. 106.

деятельности в пользу большевиков. Вот этот рассказ лейтенанта Балка, переданный в воспоминаниях Н. Мазинга¹.

«До большевицкого переворота я работал в Кронштадте. У меня было два главных агента по разложению личного состава, работавших сперва прекрасно, потом возомнивших о себе и под конец совсем отбившихся от рук — Михельсон и Рошаль. Они были мне даны летом 1917 года старым революционером Натансоном, с которым Бауер нас связал еще до командировки (я виделся с Натансоном в Цюрихе).

После октябрьской революции некоторое время я был в комендантуре Смольного, под фамилией бывшего корнета Василевского. Титц^{II} же в дни переворота находился в Москве и там наладил обстрел Кремля — он артиллерист. Потом мне пришлось с ним работать вместе: мы усмиряли Ярославское восстание. Он лично руководил артиллерийским огнем, я командовал батареями. Солдаты были исключительно мадьяры из отряда, сформированного им еще летом 1917 года на Волге. Немало колоколен удалось сбить. Похвастаюсь: не будь нашей организации, еще неизвестно, во что бы обернулось дело...

...Был я с двумя нашими офицерами в распоряжении майора (Титца) и в Сызрани, когда начиналась карьера Тухачевского. Теперь смешно вспомнить: мы от всяких недоразумений со сволочью красногвардейцами защищались... нашей офицерской формой, — ходили одно время даже в погонах. — Престиж Германии был тогда еще силен. Титц был там подлинным хозяином и распоряжался всем, а Тухачевский был его “красным граммофоном”...»

Один из руководителей противобольшевицкого движения на Волге записывает 28 июня^{III} под Симбирском: «В наши руки попал оригинал доклада большевика Мадракова... В нем черным по белому сказано, что при восстании против нас большевиков к последним “присоединяются мадьяры и австрийцы, которые разбиты по роду оружия и при выступлении займут определенные места под командованием офицерского состава и которым оружие будет выдано из склада”».

«В имеющейся у меня, — пишет С. П. Мельгунов^{IV}, — копии^V донесения члена “Союза Возрождения”, нелегально переходившего большевицкий кордон на востоке, под 24-м августа отмечается: “в составе советской армии не менее 50 % германских военнопленных”». То же самое о Волге говорит и Савинков в очерках «Борьба

^I Газета «Возрождение», № 1574.

^{II} Австрийский тайный агент.

^{III} Цитировано у Мельгунова: «Трагедия адмирала Колчака», ч. I, с. 23.

^{IV} Там же, с. 24.

^V Передана в Пражский архив.

с большевиками» (44)¹. Было ли какое-нибудь преувеличение, когда кап. Голечек в брошюре «Чехословацкое войско в России», изданной в 1919 году в Иркутске Информационно-Просветительным Отделом Чехословацкого Военного Министерства, писал про июльские бои у Бузулука: «Как везде, так и здесь, чехословацкие части сражались с превосходящими силами неприятеля: 5000 человек преимущественно немцев и мадьяр, организованных и обученных немецкими и австрийскими офицерами» (52)».

Можно привести еще очень длинный список русских свидетельств непосредственных участников боевых столкновений с большевиками летом 1918 года о содействии, оказанном последним пленными Центральных Держав. Но немецкие источники молчат об этом. Объяснить это можно двумя причинами.

Первая — это то, что все переговоры такого рода между немцами и большевиками шли через агентов тайной разведки и контрразведки. А это та таинственная область, которая стремится навсегда скрыть следы своей деятельности. Другой причиной, по моему мнению, является то, что многие случаи поддержки, оказанной большевикам организациями военнопленных, являлись не следствием каких-либо коварных замыслов, а происходили сами по себе в силу сложившихся чрезвычайно запутанных условий продолжающейся мировой войны. В самом деле, одним из важнейших условий Брест-Литовского мира являлось освобождение захваченных старыми русскими армиями миллионов пленных. Во исполнение этого условия эти пленные получили право самоорганизовываться. Последнее являлось для них настолько необходимым, ибо среди всеобщей Российской смуты организация пленных в группы и отряды не только позволяла им скорее добиться возвращения домой, но часто гарантировала их жизнь от самоуправства призванных большевиками к господству в России уголовных и патологических элементов. Вполне естественно, что когда такие организации или отряды военнопленных встречались с русскими контрреволюционными силами, придерживающимися антантофильской ориентации, эти отряды пленных выступали против них. Проигрыш большевиков был для них синонимом продолжения плена. Несомненно, что наряду с подобными организациями военнопленных, преследующими исключительно свои эгоистические цели, а именно скорейшее возвращение

¹ Подтверждение о таком составе отрядов Муравьева можно найти в «Пролетарской революции» (кн. 75, с. 68). Нечто аналогичное отмечает на Воткинском фронте очевидец А. Ган (Гутман) в статье «Два восстания» («Белое Дело», т. III, с. 157); см. также воспоминания рабочего Уповалова в берлинской «Заре» (1923, № 3).

домой, имелись и другие организации большевицкого характера. Это были те «интернационалисты», о которых упоминают большевицкие источники. Большевицкая пропаганда в лагерях военнопленных не могла не повлиять на все уголовные и патологические элементы, находящиеся среди пленных. В еще большей мере должна была действовать на пленных «нравственная зараза».

Предпосылкой, благоприятствующей особенно сильному воздействию большевицкой заразы на пленных, являлось то, что всё пережитое ими во время войны могло только увеличить в их среде психически нездоровые элементы. Условия окружающего их всеобщего психоза, господствовавшего в то время в России, еще более увеличивали возможности широкого распространения этой моральной заразы.

В результате вне непосредственного воздействия кругов руководящих германской политикой, сами патологические условия социальной обстановки в России, созданные мировой войной, вызывали участие военнопленных Центральных Держав на стороне большевиков.

Восстание левых эсеров

Обобщая изложенное в этой и предшествующих главах, можно прийти к совершенно определенному выводу: германская интервенция и политика, поддерживая в русской интеллигенции крайние политические течения (крайних правых и большевиков), вела к усилению и дальнейшему углублению внутренней борьбы. В частности, в среде контрреволюционного движения немецкое вмешательство имело разлагающее влияние: оно расслаивало его на два враждебных друг другу течения, придерживающихся разных внешних ориентаций: «немецкой» и «союзнической».

Аналогичное влияние оказывала германская интервенция и в большевицком лагере.

Уже сама унижительность тех условий, на которых был подписан в Брест-Литовске мир, вызвала протест в среде союзников большевиков — левых эсеров. Дальнейшее же позорное поведение Ленинского правительства, не останавливавшегося ни перед какими уступками Германскому правительству лишь бы только этим купить свое пребывание у власти, привело к нарастанию этого протеста, вылившегося летом 1918 года в ряд террористических актов и восстаний.

20 июня в Петрограде был убит Володарский¹. 30 августа был убит, также в Петрограде, начальник Петроградской Чека Урицкий, и в тот же день был ранен сам Ленин.

¹ Один из видных большевицких комиссаров.

Одновременно с террористическими актами против большевистских вождей левые эсеры решили предпринять таковые же против «виднейших представителей германского империализма»¹. Лица, на которых должен был обрушиться левоэсеровский террор, были: германский посол граф Мирбах, германский консул в Петрограде и немецкий главнокомандующий в Киеве генерал Эйхгорн. Из вышеизложенного уже известно, что первый из них был убит 6 июля, а второй — 30-го того же месяца.

Идея, которой руководствовались левые эсеры в своих выступлениях против большевиков и немцев, формулирована одним из видных их лидеров — левой эсеркой Спиридоновой в докладе на собраниях Центрального Комитета этой партии^{II}.

«Мы против войны и к войне народ не зовем... Мы зовем к тому, чтобы мирный договор... был разорван... В ответ будут репрессии по отношению к нам, и германские империалисты пришлют карательные экспедиции — это наше спасение. Карательные экспедиции на Украине создали восстания. Никакими лозунгами, никакими митингами мы не в состоянии поднять крестьянство, сейчас скашивающее хлеб, на отпор. И только тогда, когда карательными экспедициями будет покрыта вся Россия... будет создан стимул, заставляющий народ сопротивляться»^{III}.

Отсюда видно, что левые эсеры, учитывая нежелание крестьянских масс воевать с немцами, рассчитывали поднять его, если можно так выразиться, «диалектическим» путем, а именно вызвав против них притеснения со стороны немцев и этим озлобив их. Это был путь сложный и требовавший долгого времени, которого в условиях мировой войны не было.

Да к тому же левые эсеры, подымая контрреволюционную волну против большевиков, оставались враждебными к прочим контрреволюционным силам. Как я указывал выше, партии эсеров вообще была присуща узкопартийная психология. Левое же крыло этой партии в этом отношении было наиболее доктринерским и нетерпимым. Поэтому содействие наиболее ценной, для придания восстающим народным массам нужной военной организации, части русской интеллигенции — офицерства — ими отменялось. Да и само офицерство, которое относилось подозрительно вообще ко всем эсерам, к левым эсерам относилось прямо враждебно. Переход их в лагерь большевиков в ноябрьские дни 1917 года рассматривался как предательство. Когда же левые эсеры начали готовить вооруженные выступления против большевиков, офицерство рассматривало это как провокацию.

^I Протокол заседания Центрального Комитета партии левых эсеров от 24 июня, опубликованный в «Красной книге ВЧК», т. I, с. 129.

^{II} С 28 июня по 1 июля.

^{III} Цитировано у Владимировой, с. 266.

Восстание в Москве левые эсеры подняли 6 июля, одновременно с убийством графа Мирбаха. Цель восстания была сформулирована в воззвании^I к рабочим и красноармейцам в словах: «Вперед к свержению германского империализма». В том же воззвании левые эсеры, сообщая об убийстве графа Мирбаха, предупреждали, что большевики, «испугавшись возможных последствий..., исполняют приказы германских палачей».

В другом воззвании^{II} эсеры, утверждая, что большая часть большевицких войск с ними, призывали железнодорожников не пропускать в Москву поездов с войсками, вызванными на помощь Ленинским правительством. В этом воззвании имеется одно чрезвычайно важное сообщение. «У нас есть сведения, — пишут руководители восстания, — что против нас вооружаются германские военнопленные во всей Московской области...» Это сообщение было подтверждено и в их бюллетене, в котором писалось: «Боевым штабом левых эсеров арестованы вооруженные германские военнопленные, при допросе показавшие, что вооружение происходит в Кремле, по приказанию Ленина, большевиком Белокунь²⁹»^{III}.

Не лишено интереса, что большевицкие источники не отрицают этого факта, а лишь замаскировывают его фразами вроде следующей: «Левые эсеры не могли не знать, что в интернациональные отряды военнопленных принимались лишь сочувствующие коммунистам и по рекомендации двух членов организации (?)»^{IV}.

Вечером 6 июля левым эсерам удалось захватить в свои руки Дзержинского — кровавого главу Чека, заманив его под предлогом производства расследования над убийством графа Мирбаха. Дело в том, что чекисты, принадлежавшие к партии левых эсеров, тоже участвовали в заговоре. Так, например, сами убийцы графа Мирбаха принадлежали к составу Чека. Главный из них — Блюмкин занимал весьма ответственный пост начальника отделения ВЧК по борьбе с шпионажем, а его соучастник Андреев был в том же отделении фотографом.

Положение Ленинского правительства было трудным, но оно было спасено Латышскими стрелками. Не подлежит никакому сомнению, что в этом спасении принимали также участие и «интернациональные» (?) отряды из пленных, но главная, решающая роль принадлежит латышам.

Здесь опять приходится встретиться с явлением, показывающим, насколько запутанна была социальная обстановка в России в этот

^I От 7 июля.

^{II} От 7 июля утром.

^{III} В 1920 году во время большевицкого переворота в Венгрии бывшего там кровавым диктатором.

^{IV} *Владимирова*, с. 276.

период, когда, с одной стороны, Германия и Антанта продолжали между собою войну на территории России, а, с другой стороны, внутри последней возгоралась гражданская война. В этом сложном переплете внешней и внутренней войны и создалась та совершенно исключительная роль, которую сыграли в русской революции латышские войска.

В 1915 году Царское правительство, зная ненависть латышей к немцам, сформировало из них особые латышские национальные части. С заключением Брест-Литовского мира большинство солдат этих частей не вернулось домой. «Прибалтийские бароны-землевладельцы были одинаково ненавистны латышским крестьянам и как помещики, и как немцы. Были еще свежи воспоминания о кровавом подавлении аграрного движения 1905 года, когда карательными экспедициями, наказывавшими крестьян-латышей за разорение немецких имений, командовали те же прибалтийские немцы — офицеры Русской Армии. Благодаря такому сочетанию большевизма с национализмом, латышские стрелковые полки не разложились...»¹

Ленин и Троцкий умело использовали это, и латышские части оказались единственными прочно организованными войсками, на которые опирались большевицкие диктаторы в первый период своего воцарения. Они сделали из латышей своего рода гвардию и посылали их на все ответственные места или туда, где происходили неустойки в наскоро организованных красных отрядах. Латышам поручалась охрана наиболее важных центров страны. Кремль постоянно был занят Латышским гарнизоном.

Оторванные от своей родины и чувствовавшие возрастающую ненависть русского населения, латышские части всё теснее и теснее связывались с большевицкими вождями. «Их прежние национальные настроения сильно изменились: освобождение Латвии они представляли себе, как превращение в советскую республику. Эта связь еще больше увеличивалась тем обстоятельством, что активная роль латышей в политике власти, участие на видных постах в Чека, в заградительных отрядах и карательных экспедициях вызывали сильное озлобление против них в населении России. Им самим было совершенно ясно, что в случае насильственного свержения советской власти их перебьют в первую очередь»¹¹.

Сколь значительна была та роль, которую сыграли латыши в поддержке у власти Ленина, можно отчетливо видеть из их деятельности во время рассматриваемого здесь июльского восстания левых эсеров

¹ Статья *Н. М.* «Латышская дивизия» // «Последние Новости» от 16/IX 1931, № 3829. Эта статья составлена по личным воспоминаниям, автор в 1918 году сам служил в артиллерийской части при Латышской дивизии.

¹¹ Статья *Н. М.* «Латышская дивизия».

в Москве. Вот как рассказывает это автор, служивший в это время в Латышских войсках, выдержки из воспоминаний которого уже цитировались:

«Через несколько часов после убийства Мирбаха началось выступление против большевиков матросского отряда Попова, незадолго до тех пор прибывшего в Москву, вероятно, по вызову левых эсеров и расположившегося невдалеке от Кремля, в особняке Морозова, в Трехсвятительском переулке. Матросы имели несколько броневиков.

Вечером в день убийства Мирбаха на Покровке, Чистопрудном бульваре, Мясницкой улице появились живописные группы конных матросов, увешанных ручными гранатами. На Покровском бульваре, в непосредственной близости от Покровских казарм, в которых помещалось 1500—2000 красноармейцев, матросы перекопали улицу и устроили баррикаду из вывороченных камней и оказавшихся поблизости повозок. Ночью отряд Попова занял главный почтамт на Мясницкой, и оттуда были разосланы телеграммы «всем, всем, всем» о том, что большевики свергнуты и образовано эсеровское правительство...

Опасность положения для большевиков заключалась в том, что против них на этот раз выступали патентованные революционные матросы. Революционно настроенная красноармейская и рабочая масса... была сбита с толку и не знала, на чью сторону встать. Солдаты Покровских казарм, оказавшихся в непосредственной близости от центра восстания — Трехсвятительского переулка, выставили караулы для охраны казарм и объявили нейтралитет. Среди них ходил слух, что «братишки» «пымали» Троцкого, и им остается только захватить Ленина. Основанием к этому слуху послужил, вероятно, арест Дзержинского...

Матросы и левые эсеры вели усиленную агитацию среди полуголодных и плохо одетых красноармейцев, недовольных притом постепенно вводимой дисциплиной. Матросы готовы были начать атаку Кремля. **В этот момент единственной вооруженной силой, выступившей без колебания на защиту советского правительства, оказался Латышский полк, под командой Вацетиса, и батарея старой латышской полевой артиллерии...**

Утром следующего дня Вацетис повел наступление из Кремля на Трехсвятительский переулок и с помощью своей батареи выбил оттуда отряд Попова. Матросы не обнаружили особого упорства в бою и, выбитые из своей «крепости», бежали из Москвы. Бой продолжался часов пять-шесть...»¹.

Только что изложенный очерк роли латышских войск в спасении Ленинского правительства в июле 1918 года служит характерным примером того, какими косвенными и иногда совершенно неожиданными

¹ Статья Н. М. «Латышская дивизия».

путями отражалась германская интервенция на ходе событий русской контрреволюции.

Наряду с расчетами германских политиков и генералов влияли на ход событий объективные условия, созданные продолжающейся мировой войной. На территории России, вопреки воле русских народных масс, уже капитулировавших и не желавших продолжать эту войну, продолжали бороться между собою более сильные народы. В социальном организме России это нашло отражение в виде процесса перерождения внешней войны во внутреннюю, гражданскую. Это перерождение шло тысячами путей, явных и скрытых, и представляло собою один из тех социалистических процессов, изменить ход которых воля отдельных лиц бессильна до тех пор, пока существует причина, породившая этот процесс. Выиграть от этого процесса могли только те политические группировки, которые стремились к разжиганию борьбы классов и на этой борьбе, доведенной до наибольшего кровавого напряжения, строили свой захват власти. Наиболее яркой и последовательной в этом отношении была партия большевиков; их лидер Ленин поставил ставку как раз на перерождение внешней войны в гражданскую.

В 4 часа дня 7 июля правительство Ленина выпустило следующее объявление:

«Контрреволюционное восстание левых с.-р. в Москве ликвидировано. Лезвостеровские отряды один за другим обратились в самое постыдное бегство. Отдано распоряжение об аресте и разоружении всех лезвостеровских отрядов и прежде всего — об аресте всех членов Центрального комитета партии левых эсеров. Оказывающих вооруженное сопротивление при аресте расстреливать. Арестовано несколько сот участников контрреволюционного мятежа, в том числе видный член партии левых эсеров Александрович³⁰, занимавший пост товарища председателя в Комиссии по борьбе с контрреволюцией¹ и действующий так, как действовал провокатор Азеф»¹¹.

В Петрограде левые эсеры подняли восстание 7 июля, но оно было в тот же день подавлено большевиками.

Вслед за Москвой и Петроградом, по приказу лезвостеровского Центрального комитета, выступил против Ленинского правительства Муравьев¹¹¹, бывший главнокомандующим большевицкими армиями на Средней Волге, действующими против чехословаков.

¹ То есть Чека. — *Прим. Н. Н. Г.*

¹¹ Цитировано у Владимировой «Год службы социалистов капиталистам», с. 280.

¹¹¹ Это был тот Муравьев, который в феврале 1918 года покорил «под ножи» Ленина Киев, а в марте того же года занял Одессу, залив их кровью расстрелянных им жертв.

Ввиду провала Московского восстания Муравьев решил занять частями войск, которые он считал себе преданными, г. Симбирск¹, думая создать там свою базу для действий против Москвы.

30 июля утром в Симбирск стали прибывать воинские отряды в полном вооружении. Они заняли почту, телеграф и другие правительственные учреждения. На улицах были расставлены броневики и устроены пулеметные заставы. Здание местного «совета» оцепили вооруженные отряды, причем на крышу и окна «совета» были наведены орудия, стоявшие в полной боевой готовности. К «совету» подкатил также и броневик.

В этот же день в Симбирск приехал и сам Муравьев. Сейчас же по прибытии он дал телеграмму за № 2882 по всему внутреннему фронту от Самары до Владивостока всем командующим частей, действующих против чехословаков. В ней говорилось: «повернуть эшелоны, движущиеся на восток, и перейти в наступление к Волге». Маршрут нового наступления он указывал: «Вятка—Саратов—Балашов—Москва».

Из Симбирска же он послал телеграммы в германское посольство, Ленину, в Киев и другие центры, которыми объявлял войну Германии. Всем «советам» он разослал приказ: разогнать «советы», стоящие за Брестский мир. Чехо-словакам Муравьев отправил мирную телеграмму с предложением двинуться против немцев.

Одновременно с рассылкой этих телеграмм Муравьев арестовал прибывших к нему большевиков, членов местного Революционного комитета, и издал приказ о немедленном освобождении из тюрьмы арестованных контрреволюционеров. Затем, собрав войска, Муравьев сказал солдатам, что Германии объявлена война, а гражданская война прекращена, что он действует в союзе с чехо-словаками, и выражал уверенность, что войска пойдут за ним.

Прибывшие с Муравьевым войска не знали, зачем они пришли. Им совсем не улыбалось опять воевать с немцами. Этим воспользовались местные большевики, в руках которых оказались верные им латышские и «интернациональные» части. Они немедленно же повели пропаганду как в среде местных, так и прибывших в Симбирск красных войск, призывая остаться верными большевицкой власти. При посредстве латышей и «интернационалистов» они устроили засаду Муравьеву. Когда последний был окружен и понял, что игра им проиграна, он застрелился.

Этим и закончилась попытка левых эсеров вновь начать войну с Германией.

¹ На Средней Волге.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 35

Записка П. Н. Милюкова¹,

поданная им «Правому центру» 11 августа (29 июля) 1918 года

Из сообщения князя Григория Николаевича^{II} я вижу, что не только в общих чертах, но и почти во всех подробностях наши взгляды на способы вывести Россию из настоящего положения совпадают. Подобно ему я считаю восстановление государственности и объединение России первой и главной задачей, нахожу, что необходимо скорейшее осуществление этой задачи, чтобы не увеличить ее трудности; считаю, что такого скорейшего разрешения нельзя достигнуть без контакта с германцами и что предметом такого контакта должно быть создание в Москве не местного, только «северного» правительства, а правительства национального, способного объединить Россию и для этого заручившегося согласием Германии на пересмотр **теперь** же, а не по окончании войны, Брестского договора.

Для выяснения возможности этого я — не по моей, а по германской инициативе — вступил в «необязательные» сношения с представителем Oberkommando и имел (впрочем, очень поверхностный) разговор с Муммом. В их лице я встретился с двумя течениями, которые и в Германии борются по вопросу об объединении России. Одно из них, представленное дипломатами и считавшее себя до сих пор в согласии с рейхстагом, стояло за разъединение России, создание *Randstaaten*^{III} и сближение с Англией. Другое, представленное влиятельными военными кругами, но теперь распространяющееся и в либеральных, и даже в социалистических кругах, стоит за создание из России сильной союзницы в будущем для борьбы с Англией и с этой целью, а также по принципиальным соображениям (на левом фланге) склоняется к пересмотру Брестского договора. Первое до сих пор считалось официальным, но перестает им быть после отставки Кюльмана^{IV}. Второе имеет серьезные шансы сделаться официальным. Его успех сказывается уже теперь в том, что имеется течение компромиссное — самое опасное для нас — соглашающееся на **частичный** пересмотр Брестского договора и на неполное объединение России.

^I Приведена согласно тексту, напечатанному в труде ген. Деникина «Очерки Русской Смуты», т. III, с. 82–84.

^{II} Князь Гр. Н. Трубецкой.

^{III} Пограничные, лимитрофные государства (т. е. Литва, Латвия и Эстония). — *Прим. ред.*

^{IV} Герм. канцлер, вынужденный 8 июля уйти в отставку после выраженного им сомнения в окончательной победе Германии.

Германцы, искавшие до сих пор способа создать «северное правительство» без всякого пересмотра Брестского договора, будут, конечно, теперь добиваться соглашения на наиболее выгодных для себя условиях — с наиболее сговорчивыми. Но они понимают, что должны считаться с возможно широким фронтом общественного мнения, включая и неприятных для них к. д.³¹. Этим нужно воспользоваться, чтобы наш фронт объединить на одной определенной программе, из которой уж ничего не уступать к моменту, когда переговоры начнутся серьезно.

Я предлагал бы для такой программы следующие положения:

1. Правительство должно быть национальным и объединительным с самого начала, с первых шагов. Для этого необходимо, чтобы оно явилось на свет сразу как монархическое и могло бы говорить от имени некоторого ядра объединенной теперь же, а не в будущем России. А для этого нужно:

а) Теперь же остановиться на определенной личности кандидата на престол и вступить с этим кандидатом в непосредственные сношения, получив его санкцию — действовать его именем. Я лично предлагал бы отыскать великого князя Михаила Александровича, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве.

б) Так как при создавшемся положении вопрос территориального объединения не может быть предметом одностороннего акта нового правительства, а должен быть решен предварительными переговорами с отдельными образовавшимися теперь правительствами, — успех же переговоров может быть обеспечен лишь при определенном отношении к ним Германии, — то я считаю необходимым ввести уже в наши переговоры с германцами условие, что до **создания** Правительства будут выяснены благоприятные ответы, по крайней мере главнейших из создавшихся правительств и будет выработан акт объединения, который мог бы быть опубликован новым правительством, как **национальным**, в первые же дни его существования.

2. Исходной точкой переговоров должна быть неприкосновенность всей прежней территории России, за исключением Финляндии¹ (но со стратегическими гарантиями со стороны последней) и Польши (в границах прежнего Царства Польского, без Холмщины и с этнографическим обменом севера Августовской губернии на части уездов Сокальского и Бельского). В моих («необязательных») переговорах трудность представляла лишь Курляндия, относительно которой я соглашался на «исправление границ». Не знаю, как мы можем уступить Либаву. Вопрос о Крыме и Закавказье не был затронут, и я опасаюсь, что за умолчанием могут скрываться особые

¹ Если будут настаивать на выходе ее к Ледовитому океану, я предлагал бы (не трогая, конечно, Мурман) обмен ближайшей к Норвегии полосы на Выборгскую губернию. — *Прим. Милюкова.*

виды Германии на эти опорные пункты в будущей борьбе с Англией. Но этих территорий, конечно, мы пожертвовать не можем. При прежнем взгляде трудность представлял также вопрос об особых правах Украины, которую германцы хотели наделить правами Баварии. Я не отрицал возможности идти относительно Украины несколько далее простой автономии, с тем чтобы это не служило образцом для других объединяемых частей, но не соглашался ни на особую армию, ни на остатки дипломатического представительства, ни на расширенные права относительно железных дорог, почт и телеграфа и т. д. Основным требованием объединения я считал суверенитет центральных органов, единство территории и гражданства, а также создание верхней палаты по типу *Bundesrat*'а³².

3. Так как при такой постановке вопроса Германия должна искать своих преимуществ не в территориальных приобретениях, а в экономических выгодах, то необходимо теперь же привлечь наших промышленников к пересмотру этой части договора и просить их указаний, до каких пределов могут простираться здесь наши уступки, — вообще необходимые. Я обращался с этой просьбой к профессору Савину в Киеве и к А. И. Каминке в Петрограде, но надо, чтобы эта работа была предпринята в Москве — и немедленно.

4. Помимо общих уступок по торговому договору, придется сделать (или санкционировать) и временные — для территорий, ныне занятых германцами. Но при этом необходимо, во-первых, ввести в определенные правовые границы непредусмотренную, кажется, в учебниках международного права власть германцев в области администрации и суда, теперь безграничную даже на Украине, не говоря о Литве, и, во-вторых, оговорить для ближайшего же времени полную свободу сообщений и товарообмена для объединяемых областей, единство валюты и помощь как вооружением (у нас же отобранным), так и денежным займом, при немедленном восстановлении нашей армии.

5. Признание нейтралитета, по необходимости благожелательного относительно германцев, но с прекращением всяких враждебных действий на территории восстанавливаемой России. Национальное правительство, кроме единства, должно дать России действительный мир и выход из войны, чего не могли бы дать большевики: в этом будет его санкция в глазах населения.

Быть может, в Москве считают преждевременным говорить о началах будущей внутренней политики, но, мне кажется, необходимо было бы заблаговременно сговориться: без этого трудно было бы приступить к группировке сочувствующих «Правому Центру» элементов на местах. Поэтому предлагаю на обсуждение несколько пунктов, которые кажутся наиболее существенными:

1) Устройство коалиционной власти на основе программы «Правого Центра», но с устранением из ее состава сторонников самодержавия, с одной стороны, и сторонников «Левого Центра»¹ и прежнего Учредительного Собрания, с другой стороны.

2) В интересах поддержки демократических слоев (крестьянство и кооперация) и восстановления социального мира — немедленный приступ к аграрной реформе, восстанавливающей все нарушенные права, но имеющей целью найти решения, возможно близкие к сложившемуся хаотическому положению землевладения. Восстановление свободы земельных сделок до реформы без нарушения ее принципов и с принятием немедленных мер против перехода земли в собственность иностранцев.

3) Пересмотр избирательного закона для городских и земских органов самоуправления: введение возрастного ценза и ценза оседлости, двухступенность выборов в деревне, пересмотр вопроса о волостном земстве, но не возвращение к куриальной системе и не восстановление старых земств.

4) Установление переходного периода до начала функционирования правильного национального представительства. Созыв, в случае надобности, для переходного периода совещательного органа вроде «Совета республики» из общественных элементов, стоящих на государственной точке зрения, и выработка при его содействии закона о политическом представительстве.

Способов санкции основного закона, октроированного монархом, я не касаюсь здесь, но обращаю Ваше внимание на то, что долженствующий быть опубликованным от имени монарха основной закон должен быть готов ко времени создания нового правительства и было бы очень печально, если бы он оказался похож на временные основные законы Скоропадского и Краснова. Надо теперь же засадить за эту работу наших юристов (Нольде³³, Лазаревского³⁴, К. Н. Соколова³⁵, В. М. Гессена³⁶).

Приложение № 36

**Условия^{II} формирования русской Добровольческой Армии
в Северо-Западных губерниях («Северной армии»),
выработанные на Русско-Германских заседаниях в Пскове
в середине октября 1918 года**

1. Русская добровольческая «Северная Армия» по соглашению с Императорским Германским Правительством и при посредстве Глав-

^I «Союз возрождения России». — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Приведены согласно редакции, напечатанной в труде ген. кн. П. Авалова: «В борьбе с большевизмом», с. 70–71.

ного Военного Германского Командования на востоке начинает свое формирование 10 октября 1918 года.

2. Районом формирования указанной армии назначаются оккупированные части Псковской и Витебской губерний, — с городами Псков, Остров, Изборск, Режица и Двинск.

3. Формирование армии будет происходить в названном районе под прикрытием германских оккупационных войск.

4. Армия будет комплектоваться: а) местными русскими офицерами и добровольцами; б) таковыми же перебежчиками из Советской России; в) таковыми же других оккупированных германцами русских областей; г) таковыми же военнопленными, находящимися в Германии, причем вербовка последних будет произведена специально командиром для этой цели в Германию комиссией из русских офицеров.

5. Командующим армией, с диктаторскими полномочиями, назначается русский генерал с популярным боевым именем, желательно при согласии генерала Юденича³⁷, генерала Гурко или генерала графа Келлера.

6. Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством заимообразно Русском Государству и направляются через Главное Военное Германское Командование в русское полевое казначейство при армии, откуда расходуются на общих основаниях.

7. Вооружение, снаряжение, шанцевый инструмент, обмундирование, продовольствие и технические средства даются германским правительством через Главное Военное Германское Командование таковому же русскому, причем обмундирование и вооружение, по возможности русского образца и в размере, потребном для формирования не менее одного корпуса, силою в две пехотные дивизии, согласно германским штатам, с отдельною бригадою кавалерии, соответствующей артиллерией, вспомогательными частями (инженерными, саперными, авиационными, автомобильными, мотоциклетными, велосипедными, телефонными, телеграфными и железнодорожными и всеми техническими средствами).

8. Армия по окончании формирования приводится к присяге Законному Царю и Русскому Государству.

9. На формирование армии дается срок не менее двух с половиною месяцев, после чего армия должна быть в боевой готовности.

10. По сформировании армии германские войска отходят на новую демаркационную линию и сдают старую русским.

11. За месяц перед своим отходом германские военные и гражданские власти сдают всё управление армейским районом таковым же русским властям.

12. При армии остаются для связи три германских офицера, из которых один Генерального Штаба.

13. Германские войска при наступлении не участвуют в подавлении большевизма, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти.

14. После занятия Петербурга объявляется военная диктатура, причем диктатором будет командующий «Северной армией».

15. Задачи армии: а) защита указанного выше армейского района от большевицкого нашествия; б) движение вперед для взятия Петербурга и свержения большевицкого правительства; в) водворение порядка во всей России и поддержка Законного русского правительства.

Приложение № 37

Численность военнопленных, взятых Русской Армией с начала войны по 1/14 сентября 1917 года¹

(по данным бывшего Главного Штаба)

	Страны происхождения военнопленных				
	Германия	Австрия	Турция	Болгария	Всего
В пунктах водворения, в лечебных заведениях и на работах	143 062	1 605 828	63 363	665	1 813 458
Отправлено на формирование частей и в распоряжение союзных правительств	2639	36 639	—	—	39 278
Отправлено инвалидов на родину	2996	16 526	258	—	19 780
Отправлено для интернирования в нейтральные страны	366	1118	—	—	1484
Умерло	4575	46 448	582	3	51 608
Бежало	5212	30 205	306	2	35 725
ВСЕГО	159 390	1 736 764	64 509	670	1 961 333

¹ Взято из: «Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах)». Москва, 1925, таблица № 33, с. 41.

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ контръ-революція въ 1917 — 1918 г. г.

Часть III.

Интервенція враговъ и Союзниковъ.

Книга 7-я

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ГЛАВА XV

**ИНТЕРВЕНЦИЯ СОЮЗНИКОВ
И ОБРАЗОВАНИЕ СЕВЕРНОГО ФРОНТА**

Сношения союзников с большевиками

«Последователи Ленина, — пишет распространенная английская газета «Морнинг Пост» по получении известий о большевицком перевороте в Петрограде, — являются определенными врагами Антанты и открытыми друзьями Германии. Поэтому никаких дел с ними быть не может. Перед союзниками лишь одна задача: установить какими-нибудь средствами связь с русским народом и с теми его элементами, которые остаются верными союзникам».

Французское правительство поручило 12/25 ноября своему военному представителю ген. Лавернь передать вступившему в Верховное Главнокомандование ген. Духонину, что «Франция не признает власти Совета Народных Комиссаров¹».

Однако дипломатические представители Антанты, видя быструю победу большевиков в Петрограде и в Москве, не замедлили вступить в сношения с правительством Ленина, дабы убедить последнее не заключать мира с немцами. Для поддержания этих сношений «служили своего рода дипломаты *in partibus infidelium*»².

«Это был, во-первых, капитан Садуль, представитель Франции, который каждый день ходил к Троцкому в Смольный и посылал обстоятельные отчеты Альберту Тома, впоследствии опубликованные. Раймонд Роббинс, глава Американского Красного Креста, был использован для той же цели американским посланником Френсисом. Наконец Британское министерство иностранных дел действовало через Локкарта, которого вначале большевики считали своим «другом». 2 декабря 1917 года Садуль устроил свидание между Троцким и Нулансом во французском посольстве, и оба собеседника расстались после двухчасового разговора, «понравившись друг другу». 2 января 1918 года полк. Роббинс получил от Френсиса письменное заявление, в котором

¹ Статья «Накануне перемирия» // Красный архив, т. XXIII, с. 215.

² В стране неверных (*лат.*). — *Прим. ред.*

обещались всякого рода помощь и даже рекомендация Вашингтонскому правительству формально признать большевиков де-факто, если они будут продолжать войну и «серьезно поведут враждебные действия против Германии»¹.

Попытки Антанты помешать заключению Брест-Литовского мира не удалась. Тем не менее, переехавшие в Вологду союзные послы все-таки не рвут сношений с Ленинским правительством. Контакт продолжал поддерживаться через посредство вышепоименованных дипломатов «второго сорта». Со своей стороны Ленинское правительство, панически боявшееся немецкого удара по Петрограду и Москве, также не рвало сношений с Антантой. Оно всячески мистифицировало агентов союзников. Так, например, Троцкий осведомил Локкарта, что на съезде Советов 12 марта будет объявлена священная война Германии или предпринят такой шаг, который сделает неизбежным объявление войны со стороны Германии. 26 марта Садуль² пишет Тома, что «сотрудничество союзных миссий с большевиками в целях организации армии началось... Несколько офицеров будет находиться непосредственно в распоряжении Троцкого. Они составят своего рода военный кабинет, который будет иметь наблюдение над действиями военного комиссариата».

Аналогичное телеграфирует Роббинс Френсису в Вологду: «Французская миссия приняла предложение Троцкого и назначает офицеров для инспекторской работы в Советской армии».

Цели, которые преследует теперь Антанта по отношению к большевикам, очень узковоенные. В портах Мурманска, Архангельска и Владивостока скопились, вследствие расстройств железнодорожных сообщений, большие склады военного снабжения, доставленного союзниками для бывшей Русской Армии. Какова была величина этих складов, можно судить из цифр заграничных заказов бывшего Русского военного министерства на 1 января 1918 года³ и в значительной мере прибывших.

Заказы, прибывавшие из Англии, Франции и прочих европейских стран, скоплялись в Мурманске и в Архангельске. Антанта очень боялась, что Германия их захватит. В особенности опасалась она за Мурманск, ввиду появления германских войск в Финляндии. И вот, для предотвращения этого, Антанта вступает в своего рода союз с большевиками. В начале апреля Троцкий санкционирует сотрудничество союзников и «Красной Гвардии» для защиты Мурманской железной

¹ Миллюков П. Н. Россия на переломе. Т. I, с. 272.

² Sadoul I. Notes sur la Révolution bolchévique. Paris, p. 272.

³ См. Приложение № 38 (см. Россия в мировой войне, с. 54).

дороги от «белогвардейцев¹ и их германских союзников». С согласия большевиков Великобритания должна высадить десант в Мурманске, и Локкарт с убеждением пишет 5 мая Роббинсу, подводя итоги стараний большевицкого правительства на пути соглашения о сотрудничестве с союзниками: «...Согласитесь со мной, что всё это не похоже на действия германского агента и что попытка союзной интервенции с помощью и с согласием большевицкого правительства является желательной и возможной».

Садулю же рисуется фантастическая перспектива привлечения к борьбе с немцами как большевиков, так и русских противобольшевиков. 10 мая он рекомендует Тома сделать официальное обращение от имени Антанты по этому поводу. А для того, чтобы этот жест имел бы серьезное значение, необходимо, чтобы ему предшествовала «высадка союзников в Белом море и их продвижение в Сибири»¹¹.

В такие причудливые формы выливается первоначальная идея интервенции Антанты в России.

Десанты союзников

В конце мая в Мурманске высадился батальон английской морской пехоты. Прибывший вместе с ним британский генерал Пуль вступил в переговоры с местными большевиками. Чрезвычайный большевицкий комиссар Нацаренус³⁸, в обмен за официальное признание большевицкой власти, обещал «обеспечить красными войсками Мурманскую железную дорогу от покушений бело-финнов». К 27 июня англичане высадили в Мурманске около 2000 пехоты, увеличив также число своих морских судов у Мурманского побережья и в Белом море.

В июле месяце, как известно из прошлой главы, произошло окончательное сцепление между Германией и Ленинским правительством. Первая отказалась от попыток свержения Ленинской власти, последняя же порвала свои тайные заигрывания с Антантой. Это отразилось на изменении отношений Мурманского совета к ген. Пулю.

8 июля в этом совете произошел раскол; настоящие большевики ушли из него, та же часть совета, которая состояла из большевиков только по названию, заключила с ген. Пулем договор о совместных действиях против Германии, объявив независимость от Москвы Мурманского побережья.

К этому времени британский флот занял Соловецкие острова, а ген. Пуль успел продвинуться вдоль Мурманской железной дороги

¹ Отряды ген. Маннергейма. — Прим. Н. Н. Г.

¹¹ *Sadoul*, p. 249.

на 600 км до ст. Сорочкой. Эти мероприятия подготовляли оккупацию Белого моря и десант в Архангельске.

24 июля союзные послы окончательно порвали сношения с Ленинским правительством и переехали из Вологды в Архангельск, а 2 августа там начал высаживаться десант силою в 10 000.

Конечно, с такими силами ни о каких бы то ни было активных действиях против немцев или об активной помощи русским противобольшевицким организациям для свержения в Москве власти Ленина не могло быть и речи.

К концу 1918 года союзники довели свои войска, высаженные на севере Европейской России, до 23 000 (в Мурманском районе — 10 000; в Архангельске — 13 000).

Пока Садуль, Локкарт и Роббинс работали в Москве с Ленинским правительством, настоящие послы союзников работали над другим способом использования России в целях борьбы их государств с Германией. В этом новом плане ставка ставилась уже не на большевиков, а на их противников, а именно на ту часть русской либеральной и социалистической интеллигенции, которая продолжала придерживаться союзной ориентации.

«Это был план воссоздания нового “восточного фронта” где-нибудь внутри России. Конечно, Россия при этом являлась не целью, а лишь средством — и притом средством временным, даже кратковременным. Этим объясняется внутренняя несерьезность, почти авантюризм союзнических планов, явная невыполнимость дававшихся им обещаний, легкость нарушения этих обещаний и вообще пренебрежительное отношение к недавнему союзнику, переставшему быть полезным...»¹

Мысль об организации восточного противонемецкого фронта посредством привлечения в Сибирь японцев зародилась у Антанты почти сразу после начала Брест-Литовских переговоров^{II}.

Со своей стороны, Япония поставила следующие условия:

- а) Интервенция будет исключительно японской;
- б) Союзники С.А.С.Ш. признают преобладающее положение Японии в Китае и заключенные уже Японией с Китаем договоры («21 пункт» — договор 1915 года);
- в) Союзники С.А.С.Ш. согласятся на монопольные концессии Японии в Восточной Сибири в области рудников, лесной эксплуатации и рыболовства.

¹ Миллюков П. Н. Россия на переломе. Т. II, с. 18.

^{II} Согласно воспоминаниям Черчилля, Великобритания уже 31 декабря 1917 года сообщила проект японской интервенции С.А.С.Ш. — *Churchill*. “The World Crisis”. The Aftermath, p. 89.

Со своей стороны, Япония отказывалась от территориальных аннексий и от постоянной оккупации Сибири.

Трудно предполагать, что Французский и Британский генеральные штабы серьезно рассчитывали на то, что Япония продвинет свои армии на запад за Уральский хребет. Нахождение же японской армии в самой Сибири, вследствие удаления от Германии, не представляло для последней абсолютно никакой угрозы.

Была другая, побочная причина, которая побуждала британский, и в особенности французский, генеральные штабы настаивать на японской интервенции. Дело в том, что оба этих генеральных штаба предполагали, что большая часть захваченных Русской Армией военнопленных находится в Сибири. Помешать использованию этой громадной массы солдат при том остром недостатке в людском запасе, который испытывала в это время Германия, являлось чрезвычайно важной стратегической задачей. Однако предположения французского и британского генеральных штабов были ошибочными. Из 1 813 000 военнопленных, находившихся осенью 1917 года на территории России¹, во всей Сибири находилось лишь 258 000 (т. е. 14 %); если же исключить Западную Сибирь, в которую японцы и не собирались проникать, то оказывается, что на Русском Дальнем Востоке, в Восточной и Средней Сибири было всего 51 000 военнопленных, то есть менее чем 3 % общего их числа¹¹.

Идея японской интервенции встретила возражения со стороны С.А.С.Ш. Правительство этой Державы сообщило 3 марта послам Антанты, что С.А.С.Ш. «сознают опасность анархии, угрожающей Сибирским провинциям, и опасность нависшей угрозы германского нашествия. Они согласны, что если интервенция вообще желательна, то Японское правительство вполне в курсе положения и может осуществить интервенцию наиболее действительным образом... Но они должны откровенно заявить, что разумность интервенции кажется им весьма спорной...»¹¹¹

Как я говорил выше, трудно предположить, чтобы политические и военные руководители Держав Антанты серьезно верили в возможность появления японской армии к западу от Урала. Но они рассчитывали, что слухи о появлении японцев в Сибири послужат допингом для тех кругов русской интеллигенции, которые еще не изжили психологии войны с Германией.

¹ См. Приложение № 39.

¹¹ См. Приложение № 39 (Россия в Мировой войне, табл. № 32 на с. 41).

¹¹¹ Сборник материалов "Russian American Relations, March 1917 — March 1920". Compiled by C. K. Gunning and Walter W. Petit... at the request of League of Free Nations Association. New York, Harcourt, Brace and Howe. 1920, p. 83. 99.

Отрицательное отношение С.А.С.Ш., а также опасение, что чисто японская интервенция будет встречена в кругах русской интеллигенции враждебно, заставили Антанту отказаться от чисто японской интервенции и придать этой последней «общесоюзный» облик.

До сведения московских противобольшевицких центров была доведена телеграмма В. А. Маклакова (парижского посла бывшего Временного правительства) через посредство французского консула в Москве. В этой телеграмме Маклаков горячо убеждал, что это «единственный способ спасти Россию от власти, созданной Германией, и от окончательного расчленения»...и что исключительной целью предстоящей интервенции является «защитить Россию от наложившей на нее руку Германии, дать ей свободно сорганизоваться и оказать ей экономическую поддержку»...

Со своей стороны, французский посол Нуланс из Вологды передал русским противобольшевицким партиям ноту, в которой торжественно обещались: неприкосновенность русской территории, снабжение продовольствием населения на территории «военного фронта» «в самом широком размере» и «поддержка временному, а потом постоянному правительству, вне зависимости от каких бы то ни было соображений о форме правления». Требовалось только одно: русские патриоты должны были сорганизовать новый противонемецкий фронт на востоке Европейской России.

Во Владивостоке, как я говорил выше, уже с конца 1917 года находились небольшие части японцев, охраняющих склады. 4 же апреля (см. главу XIV) японцы высадили там небольшую часть своей морской пехоты для защиты жизни и собственности японских резидентов.

Настоящий же десант начался лишь в начале июля, после того как правительство С.А.С.Ш. дало свое согласие на японскую интервенцию. Это решение состоялось 2 июля на Верховном междусоюзном Совете в Версале. Причиной, побудившей президента Вильсона выйти из занятого им положения крайней сдержанности, являлось начавшееся в конце мая на Волге и в Сибири вооруженное выступление Чехословацкого корпуса, который к концу июня очистил от большевиков значительную часть железнодорожной магистрали от Самары до Владивостока.

3 августа 1918 года появились официальные декларации японского правительства и Соединенных Штатов. В них сообщалось, что Америка предложила Японии, «чтобы каждое из этих двух государств послало во Владивосток отряды в **несколько** (а few) тысяч человек», и что Япония на это согласилась. При этом, однако, цель интервенции была точно определена и ограничена двумя **временными** задачами: 1) «дать покровительство и помощь, какие окажутся возможными, чехо-словакам про-

тив вооруженных австрийских и германских пленных, нападающих на них, и 2) подкрепить (to steady) все те попытки самозащиты и самоуправления, при которых сами русские захотят принять помощь». К этому было присоединено заверение, что Соединенные Штаты «не имеют в виду никакого вмешательства в политическое положение России, никакой интервенции в ее внутренние дела — ни даже в местные дела той ограниченной территории, которую может быть вынуждена занять их вооруженная сила — и никакого нарушения территориальной целостности России, ни теперь, ни **на будущее время**». Японское правительство точно так же подтвердило свою уже заявленную политику уважения территориальной целостности России и воздержания от вмешательства в ее внутренние дела». Япония прибавила также, что «после осуществления вышеуказанной цели (облегчить давление на чехословацкие войска) она **немедленно** уведет все японские войска с Русской территории и оставит совершенно незатронутым суверенитет России во всех его видах, как политических, так и военных»¹.

Однако Соединенные Штаты «продолжали питать самые серьезные сомнения относительно конечного результата того предприятия, в которое вступили. «После повторного и весьма внимательного расследования всего положения, — говорилось в приведенном документе от 3 августа, — правительство Соединенных Штатов полагает, что военная интервенция в России скорее увеличит современную печальную путаницу, чем излечит ее, и скорее повредит России, чем поможет ей выйти из ее бедствий. Такая интервенция, какая чаще всего предлагалась, — даже предположивши, что она действительно достигнет своей непосредственной задачи — осуществить нападение на Германию с востока, — **скорее превратится в способ эксплуатировать Россию, чем помочь ей**».

Состав и применение высаживающихся во Владивостоке союзных войск совершенно конкретно выявили те действительные цели, которые преследовала каждая из участниц этой интервенции.

Япония высадила не “few” тысяч человек, а три пехотных дивизии, С.А.С.Ш. — пять батальонов, Великобритания — два батальона, Франция и Италия — по одному.

Японские дивизии расположились во Владивостоке, в Харбине и вдоль Забайкальской железной дороги до Читы. Японский главнокомандующий, маршал Отани, совершенно определенно заявил, что другой задачи он от своего правительства не имеет. Таким образом, Япония попросту оккупировала желательную ей часть Азиатской России к востоку от озера Байкал.

¹ Russian American Relations, p. 237–240.

«Британские, французские и американские силы, — говорит по этому поводу Спарго¹, — были систематически устранены от всех пунктов, имевших стратегическое значение. На восток от Байкала все сколько-нибудь значительные города и деревни были в руках японцев. Все дороги и железнодорожные мосты охранялись японцами, и на всех станциях от Владивостока до Читы развевался один только японский флаг... Никакой офицер других армий не мог передвинуть ни одного человека, не уведомив японского штаба. С другой стороны, американских и европейских офицеров никогда не уведомляли о передвижениях японских войск... Японские суда наполняли Владивостокскую гавань, их пушки были направлены на город. Ни одного каравана нельзя было двинуть, ни одного поезда отправить, ни одного корабля ввести или вывести, не пройдя через японскую инспекцию и не получив японского позволения».

Американцы, верные объявленной задаче, стали на охрану железнодорожного пути между Верхнеудинском и Иркутском. Охраняя эту часть Сибирской железнодорожной магистрали, изобилующей искусственными сооружениями (туннели Кругобайкальской железной дороги), американцы действительно обеспечили сообщение чехо-словаков с Владивостоком.

На запад, по направлению к Уралу, в Омск, был продвинут только один британский батальон. Здесь он служил охраной «высоких комиссаров» Антанты. Британский «высокий комиссар» сэр Эллиот торжественно заявил: «Союзники употребляют все усилия, дабы оказать помощь возрождающейся России, как снаряжением, так и людьми. Уже находятся в пути к Сибири их части, которые скоро будут сражаться на фронте. Помощь продвигается и с другой стороны от Котласа^{II}... Нельзя упрекать нас в медленности... Связь только что налажена и теперь делается всё, чтобы ускорить помощь...»^{III}

Кроме Севера Европы, Сибири и Дальнего Востока, имелось еще третье направление, которое привлекло интервенцию союзников.

Великобритания зорко следила за немецкими попытками овладеть бакинской нефтью. Как только немцы командировали в Грузию полковника фон Крес с двумя ротами для организации перекачки нефти из Баку по нефтепроводу в Батум, англичане выслали из Энзели морской отряд генерала Данстервиля для занятия Баку. Еще ранее Британия оккупировала по другую сторону Каспийского моря части Закаспийской области, прилегающие к Северной Персии.

¹ *Spargo John. Russia as an American Problem. New York: Harper and Brothers, 1920, p. 247–250.*

^{II} То есть со стороны Архангельска. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Цитировано у Деникина, т. III, с. 112.

В приводимой ниже таблице сделана сводка тех союзных сил, которые были направлены в 1918 году для интервенции в России.

	Япония	Великобр.	САСШ	Франция	Италия	Всего
Дальний Восток	57 000	2500	8000	1000	1500	70 000
Север Европейской России	—	12 500		11 000		23 000
Закаспийская область ¹	—	5000	—	—	—	5000

Если вычесть из общего итога численность вооруженных сил Японии, которая, как я говорил выше, преследовала узкоэгоистическую цель оккупации Русского Дальнего Востока (до озера Байкал), мы получим, что на долю прочих союзников приходилось 41 000, при этом разбросанных по трем группам на окраинах России и разделенных тысячекилометровыми (мильными) расстояниями. Отсюда ярко видно, что интервенция союзников отнюдь не отвечала той обширной задаче, о которой говорили ноты Британского и Французского правительства^{II}: спасти Россию от раздела и гибели, грозящих ей от руки Германии, которая стремится поработить русский народ и использовать для себя его неисчислимые богатства.

Впрочем, надо отдать справедливость первому английскому командующему на севере — ген. Пулю: он не скрывал истинных целей десанта и объявил, что «союзники явились для защиты своих интересов, нарушенных появлением в Финляндии германцев»^{III}.

Кроме ген. Пуля еще только правительство Вильсона откровенно объяснило истинную цель интервенции союзников в России. «Главная забота Соединенных Штатов, — говорилось в одном из его заявлений, — состоит в охране имущества, проданного Америкой России и находящегося в портах Владивостока, Мурманска и Архангельска».

^I Отряд ген. Данстервиля ушел в сентябре в Персию.

^{II} От 22 августа и 19 сентября 1918 года.

^{III} Цитировано по: *Какурин Н.* Стратегический очерк Гражданской войны. Гос. изд., 1926, с. 48.

Поддержка противобольшевицких сил и стимулирование контрреволюционных выступлений

Я уже имел случай упоминать выше о той поддержке, которую стремилась оказать Антанта организующимся противобольшевицким силам в том случае, если эти последние придерживались «союзнической ориентации». Так 18 декабря 1917 года Франция признала Украинскую республику с Центральной Радой во главе. То же самое вслед за тем (в начале 1918 года) сделала и Великобритания. Согласно воспоминаниям ген. Лукомского¹, представлявшие Францию и Великобританию миссии обещали в первой половине января 1918 года материальную поддержку Алексеевской организации (Добровольческой Армии) в размере 10 000 000 рублей в месяц.

Установить полную картину связи представителей Антанты с русскими противобольшевицкими организациями не представляется возможным, ибо эта связь хранилась в строжайшей тайне. Сохранились три перехваченных большевиками шифрованных телеграммы, адресованные «французскому военному агенту в Москве», относящиеся, к концу мая и началу июня 1918 года.

Вот они.

Первая^{II} из Самары, отправлена 17 мая: «Все казаки восстали. Главноуполномоченный (в) Самаре просит денег и оружия; идут против советов и бошей. Ответ. Ванко».

Телеграмма эта была подана за десять дней до выступления чехов на Волге.

Вторая^{III} с Северного Кавказа; отправлена 3 июня.

«Казачье движение подготавливается на Тереке втайне от местного правительства, но в то же время оно направлено не против него, а против мусульман, покупающих казачьи земли. Большевицкий главнокомандующий Автономов^{39 IV} — патриот и просит русских офицеров для Красной армии и казаков для создания противогерманского фронта. Виделся с Радко-Дмитриевым^{40 V}, охотно сдает командование новому Главнокомандующему ген. Снесареву⁴¹. Необходимое соглашение

^I Лукомский. Воспоминания, т. I, с. 289.

^{II} Correspondence diplomatique, p. 19.

^{III} Там же.

^{IV} Молодой казачий офицер, единственный из 700 членов Донского Круга, который в январе 1918 года подал голос против переизбрания в войсковые Атаманы ген. Каледина. — *Прим. Н. Н. Г.*

^V Болгарский главнокомандующий в Болгаро-Турецкую войну 1912 г.; перешел на русскую службу в 1914 г. и командовал русскими 3-й и затем 12-й армиями. Был в 1918 году зверски убит большевиками. — *Прим. Н. Н. Г.*

Кубанского и Терского казачества еще не осуществлено, ему будет действовать Автономов, в душе он против комиссарского правительства. При удаче казачьего движения комиссарское правительство падет сейчас же. — Шардиньи^I».

Третья^{II} телеграмма с Северного Кавказа; отправлена в тот же день — 3 июня: «Стану исключительно на точку зрения обороны против немцев и мусульман, но для этого надо стать на сторону казаков. До сих пор англичане еще не высказались. Полагаю, что Ростовский фронт, то есть Кубань, должна быть под нашим руководством, англичане на Тереке. На этот случай испрашиваю Ваших указаний, а также на какие кредиты могу рассчитывать. — Шардиньи».

Красный главнокомандующий Автономов действительно был смещен красным же генералом Снесаревым. Терское восстание вспыхнуло в августе.

О попытках военных представителей Франции побудить русских офицеров вступать в красные войска можно найти упоминания в записках одного из вожakov «зеленого» движения^{III} Вороновича⁴². Последний приезжал в мае 1918 года в Екатеринодар к большевикам.

«В кабинете военкома Силичева, — вспоминает Воронович^{IV}, — я познакомился с каким-то французским лейтенантом, приехавшим в Екатеринодар предложить местной большевицкой армии помощь Франции для борьбы с германо-турками. Мы разговорились, и он стал горячо убеждать меня в необходимости привлечь на службу в красную армию всех кадровых офицеров».

«Не все ли равно офицерам, какое правительство стоит сейчас у власти. Раз это правительство будет продолжать войну с немцами и тем самым нарушит Брест-Литовский мир, — долг каждого русского офицера добровольно явиться в ряды красной армии, — говорил лейтенант. — Франция и другие народы готовы оказать помощь большевикам, если они начнут снова войну».

Россия стала для Антанты лишь ареной борьбы с немцами. Русские интересы исключались с поля зрения. Всякое мероприятие, хотя бы и губительное для России, но обещающее хотя бы незначительный вред немцам, считалось полезным. Особенно ярко проводили такую точку зрения представители Франции. Этим и объясняется та «несерьезность,

^I Французский полковник, бывший в миссии при прежнем штабе Кавказского фронта. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Correspondence diplomatique, p. 20.

^{III} Такое наименование получили крестьянские восстания, не признававшие ни большевиков, ни белых.

^{IV} *Воронович Н.* Между двух огней (Записки зеленого) // Архив Русской революции, т. VII, с. 85.

почти авантюризм союзнических планов» и «явная невыполнимость даваемых ими обещаний», о которых говорит в приведенной в начале этой главы выдержке П. Н. Милюков. А это в свою очередь вело к предпочтению, оказываемому французскими представителями русским политическим деятелям авантюристического пошиба.

Очень показательным в этом отношении является то, что наряду с денежной помощью, оказываемой союзниками таким организациям, как «Союз возрождения» и «Национальный центр», они содействовали образованию Б. Савинковым^I такой авантюристической организации, как «Союз защиты Родины и Свободы».

По свидетельству ген. Деникина^{II}, Б. Савинкову удалось войти в сношения с союзниками даже раньше, чем это смогли сделать «Союз возрождения» и «Московский центр». Первую денежную поддержку оказал ему Масарик (президент Чешского Национального Комитета).

Получив эти деньги, Б. Савинков и приступил к созданию своей собственной организации под громким наименованием «Союз защиты Родины и Свободы». Для того чтобы привлечь в этот союз русское офицерство, он ложно пользовался именем генерала М. В. Алексеева. К концу мая ему удалось привлечь в свою организацию до 6¹/₂ тысяч офицеров, разбросанных по Москве и по 34 провинциальным городам.

Такая численность была, очевидно, слишком ничтожной, но «Савинков умел импонировать ею союзникам и политическим организациям до такой степени, что когда в середине апреля прибыл в Москву представитель ген. Алексеева Лебедев⁴³ и сделал попытку объединить вокруг имени Алексеева и Добровольческой Армии московское движение, он встретил категорическое требование союзников “равного участия Савинкова не только в политической, но и в чисто военной стороне предприятия”. Лебедев вынужден был поэтому устраниваться от участия в работе»^{III}.

О своем плане действий сам Савинков дал на большевицком суде следующие показания^{IV}: «Я первоначально думал о выступлении в Москве... Может быть, именно на этом плане я бы окончательно и остановился, если бы французы, в лице консула Гренара и военного атташе генерала Лавернь, которые действовали от имени французского посла Нуланса, не заявили бы мне о том, что... будет высажен англо-французский десант, со значительными силами в Архангельске.

^I До революции февраля 1917 года был террористом и правой рукой Азефа; о деятельности Б. Савинкова летом и осенью 1917 года, см. главы IV и V.

^{II} Очерки Русской Смуты, т. III, с. 79.

^{III} Там же.

^{IV} «Борис Савинков перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР». Полный отчет по стенограмме суда. Литиздат Н.К.И.Д., 1924, с. 62, 63.

Они мне заявили, что будет свергнута ваша власть... Для этого нужно, мол, сделать выступление по такому плану: занять Верхнюю Волгу, англо-французский десант поддержит восстание, и эта Верхняя Волга будет базой для движения на Москву. Вот каков был план... Десант в Архангельске, восстание на Верхней Волге, Муром — только потому, что там в это время была Ставка, а потом уже с верхнего течения Волги — дальше на Москву... Я говорил и о Вологде, но там у нас было очень мало сил... и французы говорили, что с Вологдой они сами справятся... Предполагалось: Рыбинск, Ярославль, Кострома, Муром...

Я, обдумав этот план... готов был забраковать его... Мне не казалось, что у нас есть достаточно сил... Я себе говорил, что разумнее перевести организацию, хотя бы частично, в Казань и поднять там восстание при приближении чехов. Но через Гренара мне была прислана телеграмма Нуланса из Вологды, в которой он категорически подтверждал, что десант высадится между 5 и 10 июля, и категорически меня просил начать восстание на Верхней Волге именно в эти дни, а не в какие-либо другие, ибо иначе может случиться так, что «десант высадится, а вы еще не выступили». Вот эта-то телеграмма и заставила меня выступить».

Говоря далее о восстании, Савинков жалуется, что союзники в это время десанта не произвели. «Они нас совершенно обманули. Мне очень трудно допустить, чтобы Нуланс — посол — не знал, будет ли десант в Архангельске или нет, и я не знаю закулисной стороны, но мне думается, что здесь со стороны французов было скорее сознательное введение меня в заблуждение, чем что-нибудь иное. Я думаю, что Нулансу и французскому правительству по разным соображениям, может быть, нужно было иметь право сказать, что против вас ведется вооруженная борьба, сослаться в этом отношении на какой-либо действительно выдающийся факт».

Указывая дальше на то, что время выступления, на котором настаивали союзники, совпадает с лево-эсеровским выступлением в Москве (и Петрограде), Савинков делает предположение, что «французы знали о том, что левые эсеры будут выступать, о чем мы, повторяю, не знали, потому что мы имели контакт с правыми эсерами, а с левыми эсерами мы контакта не имели. И французы, зная, что левые эсеры будут выступать в Москве, наши силы сознательно перебросили на Верхнюю Волгу, стараясь приурочить время выступления нашего и их приблизительно к одному и тому же моменту».

Несомненно, что в своих показаниях Савинков старается себя реабилитировать. Но и в его освещении событий его собственный авантюризм выступает ярко. В самом деле, только склонностью к авантюризму, соединенной с полной стратегической неграмотностью,

можно объяснить то, что Савинков признал достаточными мотивами для ускорения выступления его организации обещание союзников одновременно высадиться в Архангельске. Последний был удален от Верхней Волги (Ярославль) на 800 км. При таком удалении союзный десант в Архангельске и восстания на Верхней Волге представляли собою абсолютно изолированные друг от друга операции.

Силы, с которыми начинал Савинков свои выступления в Ярославле, Рыбинске и Муроме, измерялись в 300–400 человек в каждом городе. Начались эти восстания: в Ярославле рано утром 6 июля, в Рыбинске — в ночь на 8-е, в Муроме — вечером 8 июля. В Рыбинске и в Муроме восстания были подавлены в первый же день. В Ярославле же повстанцы боролись шестнадцать дней.

Насколько даже в Ярославле восстание было плохо подготовлено, можно судить по показаниям стоявшего во главе Ярославских повстанцев полк. Перхурова⁴⁴: «...у нас всего оружия было только 12 револьверов». С этим оружием герои офицеры Перхурова напали на склад оружия и взяли его. Ошеломленные красные войска, квартировавшие в Ярославле, в начале объявили себя нейтральными, а броневой дивизион перешел на сторону Перхурова. Откликнулась патриотически настроенная интеллигентная молодежь. Стали записываться в добровольцы и рабочие.

Перхуров выпустил приказ № 1, в котором заявлял, что «он вступил в командование вооруженными силами и во временное управление гражданской частью в Ярославском районе... на основании полномочий, данных ему главнокомандующим Северной добровольческой армией, находящейся под верховным главнокомандованием генерала Алексева».

По мере того как ошеломляющее впечатление от выступления Перхурова проходило, большевикам удалось понудить выступить против Перхурова красные части Ярославского гарнизона. Из Москвы же, после подавления левых эсеров (7 июля), в Ярославль начали прибывать к большевикам подкрепления.

Полковник же Перхуров никаких подкреплений не получил. Из рабочих, записавшихся в добровольцы, пришла сотня; вера в победу была быстро потеряна. Сам Савинков в Ярославль не приехал. Он был в Рыбинске, откуда после неудачи бежал.

Но полк. Перхуров не сдавался: «Уже 9-й день ведет свою героическую борьбу с наседающим на него со всех сторон противником Ярославский отряд Северной Добровольческой армии... — говорится

¹ Показания Перхурова суду Революционного Трибунала. Опубликовано в «Пролетарской Революции», 1923, № 10.

в его воззвании от 15 июля. — Нужно верить, что Бог спасет нашу Родину... Бог поможет нам и Ярославлю с его святынями, и от него пойдут здоровье и сила в тело нашей Родины. Да здравствует всенародно избранное Учредительное Собрание».

21 июля большевики окончательно подавили Ярославское восстание. Результатом многодневного обстрела города большевицкой артиллерией явились громадные потери убитыми и ранеными не только среди повстанцев, но и среди мирного населения.

«От города, прежде богатого историческими памятниками, почти ничего не осталось. Выгорела почти сплошь вся деревянная часть города, вся торговая часть; погибло всё, кроме центра и привокзальной части города».

В подавлении Ярославского восстания принимали участие «интернациональный» батальон, сформированный из военнопленных немцев, мадьяр и австрийцев¹. Как я упоминал уже в прошлой главе, согласно утверждению видного большевицкого деятеля Лациса^{II}, восставшие антибольшевики были взяты в плен «Германской Комиссией № 4». В приложении № 40^{III} приведен подлинный текст оповещения председателя этой комиссии — лейтенанта Балка, обращенного к «гражданскому населению гор. Ярославля» и выпущенного им сейчас же после пленения штаба ярославских повстанцев.

Свое участие на стороне большевиков лейтенант Балк объясняет тем, что будто бы «штаб Ярославского отряда Северной Добровольческой Армии объявил 8 сего июля Германской Комиссии № 4, что Добровольческая Армия находится с Германской Империей в состоянии войны».

В параграфе 2-м того же оповещения лейтенант Балк заявляет: «Германская Комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных», и что в дальнейшем она займет, впредь до получения указаний из Москвы, «положение вооруженного нейтралитета».

Каков же был «вооруженный нейтралитет» лейтенанта Балка до сдачи штаба Ярославских повстанцев, я говорил уже в прошлой главе: «...Я командовал батареей... — вспоминает лейтенант Балк. — Немало колоколен удалось сбить. Похвастаюсь: не будь нашей организации, еще неизвестно, во что бы обернулось дело...»

¹ Воля России, книга VIII–IX, с. 167.

^{II} Его статья «Союз Защиты Родины и Свободы» в «Красной книге ВЧК», под редакцией П. Макинциана, т. I. Москва: Гос. изд., 1920.

^{III} См. Приложение № 40. Этот текст написан очень плохим русским языком.

Относительно участи взятого «Германской Комиссией № 4» в плен Штаба ярославских повстанцев, лейтенант Балк заявил в рассматриваемом нами оповещении, «что Комиссия передаст Штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где решено будет всё дальнейшее...».

Чекист Лацис рассказывает¹, что произошло на самом деле с этими «пленными германской Империи»: лейтенант Балк выдал их большевикам, которые их и расстреляли.

Печальная роль Савинкова в неудачных восстаниях в Ярославле, Рыбинске и Муроме, в связи с злоупотреблением им именем ген. Алексеева и его бегством, возымела очень вредное влияние на внутреннюю солидарность контрреволюционного движения. Я уже указывал на то, как зрело, начиная с лета 1917 года, враждебное недоверие офицерской среды к социалистической демократии. Провал в Ярославле, Рыбинске и Муроме Савинковской авантюры явился последней каплей, переполнившей чашу этой враждебности. Теперь для рядового офицера уже прочно закрепилось убеждение в том, что присутствие в руководстве борьбой с большевиками социалистов-революционеров неминуемо приводит или к провокации, или к предательству.

Подобное настроение послужило главной причиной тех внутренних переворотов, которые произойдут осенью 1918 года в противобольшевицких правительствах Архангельска и Сибири. Я буду говорить о первом уже в этой главе.

Противобольшевицкое восстание в Архангельске

Север Европейской России, на котором высадились союзные войска, представлял собою чрезвычайно малолюдный, лесной театр действий, занимающий громадную территорию. Одна только Архангельская губерния, прилегающая к Белому морю и Ледовитому океану, занимала площадь более чем в 750 тысяч кв. км^{II}.

Число жителей, заселяющих вышеупомянутую громадную территорию Архангельской губернии, не превосходило $1/2$ миллиона человек.

Это редкое население располагалось либо по долинам рек, либо на побережье Белого моря между Кемью, Онегой и Архангельском.

Огромные пространства, занимаемые тундрой, девственными лесами и болотами, делали этот северный край доступным лишь вдоль

¹ См.: Красная книга ВЧК, т. I, с. 106.

^{II} То есть немногим менее территории современной Франции и Германии вместе взятых.

долин больших рек и двух пересекающих его в меридиональном направлении железнодорожных линий.

Удаленность Мурмана и побережья Белого моря от главных жизненных центров и районов России в связи с малой населенностью края, бедностью его в предметах продовольствия, а также суровостью зимы, предопределяли более чем второстепенную роль тех действий, которые начинали здесь союзники.

Подавляющую массу населения составляло крестьянство. Малочисленный рабочий класс сосредотачивался в г. Архангельске и, после открытия Мурманской железной дороги, в городе Мурманске. Фабричные и портовые рабочие, вместе с матросами составляли, как и везде в России, наиболее пробольшевицкую массу. В особенности это наблюдалось в Мурманске, где весь рабочий люд являлся пришлым элементом. Когда, вскоре после высадки там союзного десанта, был разрешен свободный выезд в большевицкую Россию, поезда с уезжавшими провожались толпами, выражавшими свое сочувствие большевикам.

«На меня, — пишет один из свидетелей подобной демонстрации¹, — это произвело крайне неприятное впечатление, а из беседы с высшими чинами английского штаба я убедился, что их это сочувствие населения большевикам привело положительно в ярость... Я помню, тогда мы поделились с полковником Б. опасениями, что станет с русскою властью в случае ухода союзников, и наши опасения оказались не безосновательными, ибо Мурманск сыграл печальную роль при ликвидации Северной области, так как с него началось восстание на Мурмане, повлекшее за собою падение Мурманского фронта».

В Архангельске же наименее благонадежной в смысле большевизма была часть города, называемая Саламболой, которая прилегалала к порту, и в которой главным образом жили рабочие. Однако если взглянуть в воспоминания чекиста Кедрова², то в них можно прочесть, что этот прославившийся на Севере России своей кровавой деятельностью большевик не был вполне удовлетворен настроениями городского пролетариата. Объясняется это тем, что большевицкий режим начинал вызывать некоторое разочарование и среди самих рабочих. Но это была только самая начальная стадия контрреволюционных настроений.

О крестьянах тот же Кедров говорит уже совершенно определенно как о противобольшевиках. Такие настроения крестьянства особенно

¹ Добровольский С. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив Русской революции, т. III, с. 15.

² За советский Север (личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 года). Петроград: Прибой, 1927.

ярко проявились в отношении к Красной армии. К ней, по словам Кедрова, крестьяне «чаще всего относились с полным безразличием, а нередко и с явным враждебным чувством». При таких взглядах крестьянской массы добровольцами в Красную армию шли обычно люди, которым нечего было терять — авантюристы с уголовным прошлым, по характеристике Кедрова.

Противобольшевизм архангельских крестьян имел свою объективную историческую предпосылку. В главе VIII я указывал, что в Архангельской губернии во времена крепостного права не было «помещичьих» крестьян. Все крестьяне были «государственные». Условия же жизни таких крестьян не имели рабского характера, вследствие чего в крестьянстве не заглошало в течение многих поколений индивидуальное начало.

Прирожденный противобольшевизм архангельских крестьян обуславливался еще другой причиной. В Архангельской губернии крестьянского малоземелья в том смысле, как это имело место в прочих областях России, не было. Земля была малопродуктивная и покрытая девственным лесом, но ее было много; требовался только труд. Это обстоятельство резко отразилось во время революции. В то время, когда в Центральной России бушевала аграрная революция, Север России был сравнительно спокоен. В этом можно убедиться, если вновь взглянуть на схему, напечатанную в томе XIV «Красного Архива», о которой я говорил в главе VIII. Из нее читатель увидит, что в то время как в центре России число аграрных беспорядков за период с 1 марта по 15 августа 1917 года превосходило 100, в Олонецкой, Вологодской и Вятской губерниях (также и в Ярославской) оно было менее 10, а в Архангельской губернии их совсем не отмечено.

Однако те же географические условия вносили коррективы в эту благоприятную для борьбы с большевизмом обстановку. Разбросанность поселений крестьян в виде редких оазисов среди «океана леса», изолированность жизни этих селений от главных центров России, в особенности во время лютой зимы, поддерживали в крестьянстве нашего Крайнего Севера привычку жить только «интересами своей колокольни». Удаленность от главных центров России и крайняя бедность в путях сообщения имели и другое следствие: проникающий в деревни большевизм не смог принять присущий ему жестокий облик. Северные крестьяне, так же как и сибирские, не извели на деле то, что фактически представляет собою большевизм, а потому в них не мог родиться пафос борьбы с ним как с общегосударственным злом.

В результате, по свидетельству командующего Северной армией — ген. Марушевского⁴⁵, партизанские отряды из крестьян, хотя и оказались стойкими и непримиримыми врагами большевиков, «но это партизан-

ское движение носило узкоместный характер. Крестьяне до последней капли крови дрались, чтобы защитить свои дома и свои деревни, но с трудом шли в войска и лишь против воли покидали свои гнезда»¹.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать следующее заключение: ко времени высадки союзных десантов в Мурманске и в Архангельске контрреволюционные настроения в народных массах нашего Севера еще не созрели до степени, нужной для активного и сознательного участия в борьбе против большевиков. Активные идейные противобольшевицкие элементы можно было найти только среди интеллигенции и, главным образом, в ее наиболее действенно и патриотически настроенной части, бывшей во время Великой войны в рядах офицерства. В этой среде и искали союзные представители те силы, которые могли поднять восстание против большевиков ко времени высадки союзных десантов в Архангельске.

Главную роль среди противобольшевицки настроенных групп интеллигенции для подготовки восстания в Архангельске сыграла вологодская группа «Союза возрождения», издавна связанная с народными массами кооперативными узами. Душой этой группы являлся С. С. Маслов⁴⁶, бывший тогда правым эсером. Большинство участников группы принадлежало к правому крылу так называемой по 1917 году «революционной демократии».

В среде буржуазии действовала группа С. Н. Городецкого⁴⁷, архангельского старожила, принадлежавшего к правому крылу либералов.

Обе эти группы действовали в связи с дипломатическими представителями Франции.

Действенную же контрреволюционную роль, как и везде в России, сыграли офицерские организации. Среди них честь главной роли в восстании принадлежит моряку капитану II ранга Г. Е. Чаплину⁴⁸, действовавшему в связи с англичанами.

В своих воспоминаниях этот последний сетует на нежелание активно участвовать в восстаниях многих, хотя и противобольшевицки настроенных, политических деятелей.

«...Советов, как наилучшим способом следует свалить большевиков и спасти Россию, я наслушался массу, но рисковать своим благополучием никто не пожелал, ссылаясь на незнание и отсутствие веры в успех дела...»^{II}

«Надо отдать должное союзникам, вернее англичанам, — пишет он дальше в своих воспоминаниях^{III}. — С того дня, как было решено

^I Марушевский В. В. Год на Севере // Белое Дело, т. I, с. 40.

^{II} Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере // Белое Дело, т. IV, с. 15.

^{III} Там же.

вместе работать, мы от них ни в чем отказа не получили. Всё, что было в их силах — было ими сделано, даже в мелочах. Первой существенной помощью была выдача мне английского паспорта, без которого я не мог бы так свободно разъезжать между Петербургом, Вологдой и Архангельском и работать, чувствуя себя более или менее в безопасности. В конце мая я выехал в Вологду, где находились союзные посольства, и двухнедельное мое пребывание в этом городе ушло на переговоры с разными миссиями и на переправку моих офицеров в различные города Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний».

Самое восстание Г. Е. Чаплин описывает так¹: «Мои силы, в количестве 500 человек, были готовы, оружием мы себя обеспечили, и на мою телеграмму Пулю я наконец получил ответ, что он выходит и пойдет к Архангельску утром 2 августа, в силу чего я отдал приказ выступить...»

«Наиболее сильная, сплоченная группа под командой энергичных офицеров, была назначена в Саламболу для занятия судов флотилии, захвата порта и действий против матросских частей, в которых я был далеко не уверен. Другая сильная группа, под командованием поручика З. и поручика М., была послана на левый берег Двины¹¹ для занятия Исакогорки, Бакарицы и для разрушения железнодорожного полотна как можно дальше от Архангельска, чтобы таким путем удержать возможно больше подвижного состава и помешать большевикам в последнюю минуту прислать свежие части. Оставшиеся силы были предназначены для занятия правительственных зданий, тюрьмы, почты и т. д.

В ночь с 1-го на 2-е большевики получили сведения, что союзники вошли в Белое море и приближаются к устью Двины и... всё побежало.

В самом Архангельске абсолютно никакого сопротивления оказано не было, лишь в Саламболе и на некоторых мелких судах флотилии были слабые попытки к сопротивлению, да пришлось вести бои на левом берегу Двины, на Исакогорке и железнодорожном пути».

Образование первого Северного противобольшевицкого правительства

Легкость, с которою произошел в Архангельске переворот, объясняется прежде всего той паникой, которая охватила большевиков при приближении десанта союзников. Этой панике содействовали появившиеся над городом их гидропланы. Само население радовалось

¹ Два переворота на Севере (1918 год) // Белое Дело, т. IV, с. 20.

¹¹ Сам город Архангельск находится на правом берегу реки Северной Двины. Железнодорожная же станция находится на левом берегу. — *Прим. Н. Н. Г.*

перевороту; так, на первых порах, бывало везде, где свергалась большевицкая власть.

По соглашению групп, участвовавших в заговоре, с представителями союзников, была образована коллегиальная Верховная власть под названием «Верховное Управление Северной Области»¹, которая 2-го же августа обратилась к населению ее с воззванием и опубликовала десять основных постановлений^{II}.

Это В.У.С.О. по существу дела представляло собою девятичленную директорию. Главным основанием для участия в этой власти считалось избрание осенью 1917 года в Учредительное Собрание (см. 2-й абзац воззвания). Действительно, из девяти членов Правительства семь были членами Учредительного Собрания. Остальные два члена являлись представителями городского самоуправления двух главнейших городов Севера. Предполагалось, что подобное построение краевой власти «легализирует» ее в глазах местного населения.

Объявляя себя властью временной, впредь до воссоздания единой Всероссийской власти (§ 1), В.У.С.О. обещало установление самого полного демократического порядка в жизни края (§§ 3–7). Обращает на себя внимание то, что о животрепещущем для всей России аграрном вопросе рассматриваемое нами воззвание говорит лишь в очень общих словах («действительное обеспечение прав трудящихся на землю»). Объясняется это тем, что, как я говорил несколькими страницами выше, в Архангельской губернии и прилегающих к ней областях крестьянского малоземелья не было.

Казалось бы, что возникшая после переворота краевая власть имела все данные для привлечения сочувствия народных масс. Однако само же воззвание заключало в себе серьезную помеху этому. Оно насквозь было проникнуто идеей продолжения войны в рядах Антанты (§ 2). Русские же народные массы, в том числе и крестьянство, в среду которого вернулись демобилизованные Лениным правительством солдаты, этого вовсе не хотели. Вследствие этого В.У.С.О. в первые же минуты своего существования отрывалось от психологии народных масс и могло рассчитывать на активную поддержку только среди интеллигентных слоев.

Семь членов нового правительства были социалистами. Это обеспечивало за ними сочувствие революционной демократии. Но это же самое обстоятельство лишало их симпатий либеральной демократии и предопределяло недоверчиво-враждебное отношение к новому пра-

¹ Для сокращения в дальнейшем я буду именовать «Верховное Управление Северной Области» его начальными буквами: «В.У.С.О.». — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Полный текст этого воззвания и постановлений приведен в приложении № 41.

вительству офицеров, производивших переворот, а также всех правых общественных кругов; и это несмотря на то что члены социалисты В.У.С.О. принадлежали к самому правому крылу так называемой революционной демократии.

Сам председатель В.У.С.О. был одним из лидеров народных социалистов, представлявших собою наиболее умеренную и государственномыслящую, но крайне малочисленную часть русских социалистов. Относительно личности самого Н. В. Чайковского мы приведем отзывы двух людей, принадлежавших к иному лагерю, чем он, и потому не могущих быть заподозренными в пристрастии к нему.

Первое мнение принадлежит ген. Марушевскому, ставшему в конце 1918 года во главе русских военных формирований Архангельской области.

«Первое впечатление от встречи с Николаем Васильевичем, — пишет он¹, — было очень хорошее. Я увидел перед собою высокого, представительного, пожилого человека, с большою, совершенно белую бородою. Из-под больших, нависших бровей на меня глядели суровые серые глаза. Николай Васильевич умел смотреть прямо в зрачки, что на меня лично производит всегда сразу самое хорошее впечатление. Весь облик его, манера говорить, манера держать себя обличали истинно русского человека, старого русского закала, сказал бы я.

Я очень хотел бы охарактеризовать его в сжатых словах, но этого нельзя сделать. Николай Васильевич — это целая эпоха.

По словам самого Николая Васильевича, он много раз шел во главе кружков и обществ передовых политических течений, проповедовал новую религию, будучи плотником в Канзасе, знал всю русскую политическую эмиграцию по всей Европе, и особенно близко в Англии.

Как истинный патриот, он вернулся в Россию во время Великой войны и, как знаток в вопросах кооперации, много поработал на организацию снабжения армии.

Я думаю, что Николай Васильевич больше всего отражает в своих убеждениях и идеях эпоху шестидесятых годов, столь богатую сильными и правдивыми людьми, создавшими себе свой собственный яркий и симпатичный облик.

Я для Н. В. являлся представителем совершенно другого мира, мира, может быть, ему несимпатичного и безусловно чуждого, и, тем не менее, он сумел встать на государственную точку зрения и обратиться к моей работе в тот момент, когда она была необходима области, где он был хозяином, искренне говорю, пользовавшимся большим доверием массы населения».

¹ *Марушевский*. Год на Севере // Белое Дело, т. I, с. 34.

Другое мнение принадлежит военному юристу полковнику С. Добровольскому, который пишет про Н. В. Чайковского следующее¹: «Надо ценить в этом старом, честном революционере то, что он умел подавить... чувство подозрения и недоверия и охотно шел на поддержку всякого честного патриотического дела, раз оно преследовало священную цель спасения родины, ничуть не опасаясь загубить свою революционную репутацию и обнаруживая гораздо более терпимости к своим политическим противникам, чем они к нему».

Остальные шесть членов-социалистов В.У.С.О. были эсерами, но принадлежали к их правому крылу. Некоторые, как, например, деятельный из них — Маслов, во многих существенных отношениях уже излечились от партийного доктринерства и нетерпимости, присущих правоверным представителям этой партии.

Однако остатки психологии революционной партии ими не были еще полностью изжиты. Особенно вредно отражались эти пережитки в деле формирования русских воинских частей. Бывшее русское офицерство, призываемое В.У.С.О. вновь встать в ряды новой Русской армии, предпочитало идти выполнять свой долг рядовыми солдатами в Британскую и Французскую армии (Славяно-Британский и Иностраннный легионы), чем идти офицерами в русские войсковые части с нездоровыми моральными условиями режима лета 1917 года, получившего наименование «керенщины».

Этот факт является тем более показательным, что условия службы, в которые попадали русские офицеры, поступавшие рядовыми в Британскую и Французскую армии, были тяжелыми.

Уклонение лучших офицеров от вступления в ряды воинских частей, формируемых В.У.С.О., затрудняло и без того крайне тяжелое положение последнего.

Объявив о продолжении войны с Германией в рядах союзников, оно этим самым отталкивало от себя народные массы. Чувствуя это, В.У.С.О. пыталось сохранить свое влияние среди них демагогическими приемами. Справедливость требует указать, что более серьезные попытки в этом направлении встречали противодействие внутри самого же правительства, в особенности со стороны его председателя — Н. В. Чайковского.

Каждое постановление В.У.С.О. предшествовалось следующей формулой: «Во имя спасения Родины и завоеваний революции...» По сравнению с лозунгом «Спасение Родины и революции», при посредстве которого эсеры предполагали в ноябре 1917 года восстановить свер-

¹ *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив Русской революции, т. III, с. 25.

гнутое большевиками правительство Керенского, это был шаг вперед. Теперь говорилось уже не о продолжении революции, в чем состязаться с большевиками было трудно, а только о сохранении ее «завоеваний». Но провал первого лозунга был слишком близок по времени и слишком напоминал то легкомысленное и небережливое отношение к крови юнкеров и офицеров, которое было проявлено эсерами, руководившими комитетами «Спасения Родины и революции».

Вот как описывает в своих воспоминаниях назначенный В.У.С.О. «командующим всеми морскими и сухопутными вооруженными силами Верховного Управления» капитан 2-го ранга Чаплин свое отношение к новому правительству. Несомненно, что в этой оценке нельзя искать объективности, но тем не менее она представляет собою исторический интерес, так как показывает, какие чувства и мысли возбудило В.У.С.О. в лагере наиболее действенных противобольшевицких сил.

«Ряд первых же распоряжений правительства, как, например, по отделу труда, во главе которого стоял Лихач⁴⁹, нисколько не отличался по духу от декретов большевиков; объявление красного флага национальным, акт, который был аннулирован после крупного столкновения со мной Чайковского, — всё это создало крайне тяжелую обстановку для работы. Правительство опиралось исключительно на местных социалистов, местная интеллигенция и промышленный класс относились к правительству иронически, а офицерство и добровольцы открыто его порицали...»¹

«В вопросах внутреннего устройства «власть не столько стремилась к организации борьбы с большевизмом, сколько к лихорадочному закреплению «завоеваний революции» и проведению программы социалистов-революционеров»¹¹.

Недоверие к членам В.У.С.О., принадлежавшим к партии эсеров, переносилось, хотя и незаслуженно, и на самого председателя — Н. В. Чайковского. В представлении Г. Е. Чаплина, «это был человек безусловно честнейший, искренне любящий Россию и желающий ей добра, но стремившийся к «спасению завоеваний великой, бескровной революции», отождествляя понятия о благе России с понятием о благе партии».

Военное командование союзников внимательно следило за мероприятиями В.У.С.О. в деле формирования русских военных частей и скоро поняло, что члены его не способны создать русскую вооруженную силу, которая могла бы оказать поддержку их боевому фронту.

¹ Белое Дело, т. III, с. 27.

¹¹ Там же.

«Ясно было, — пишет Г. Е. Чаплин, — что такое положение вещей долго продолжаться не может и наступит момент, когда союзники, потеряв терпение, сами уберут правительство и создадут власть, удобную им, превратив область во временную колонию Антанты. Поэтому я пришел к твердому решению — правительство ликвидировать и поставить во главе вооруженных сил области генерала, имя которого было бы если не популярным, то хотя бы всероссийски известным...»¹

Когда до капитана Чаплина дошло сведение о готовящемся признании правительствами союзников «Верховного Управления Северной Области», он решил: «Правительство немедленно арестовать и сослать, поставив его этим в столь смешное положение, чтобы его возвращение, даже при всем желании союзных послов, было бы делом невозможным...»^{II}

Переворот 6 сентября

В 11 часов вечера 6 сентября рота, вызванная командующим войсками капитаном Чаплиным, арестовала всех членов В.У.С.О., которые сейчас же были посажены на пароход и отправлены в Соловецкий монастырь.

Никто в городе не подозревал о совершившемся перевороте. Утром следующего дня был парад, на котором присутствовали все послы. На вопрос английского посланника — где члены правительства, капитан Чаплин заявил, «что такового больше не существует, так как оно арестовано и выслано из Архангельска...».

«...Северная область осталась без всякого правительства, — пишет С. Добровольский^{50 III}, — так как легкомысленные «переворотчики», как их шутя называли впоследствии, даже не подготовили заместителей на место арестованных. Событие это привело в действие целый ряд самых разнообразных сил. Члены Верховного Управления Лихач и А. Иванов⁵¹ успели выпустить обращение к населению с описанием учиненного над Верховным Управлением насилия и с воззванием против офицеров, которые «желают восстановить царя и с этой целью скрывают в Архангельске Великого Князя Михаила Александровича». Воззвание это вызвало движение на Архангельск вооруженных крестьян во главе с местным агрономом эсером Капустиным⁵², причем крестьянская депутация во главе с ним была принята и заслушана американским посланником Френсисом. С другой стороны, англий-

^I Белое Дело, т. III, с. 28.

^{II} Там же.

^{III} Статья в «Архиве Русской революции», т. III, с. 21–22.

ское командование немедленно выставило рогатки на улицах, выслало патрули, и город принял вид вооруженного лагеря. Начальник союзной контрразведки, английский полковник Т., арестовал целый ряд лиц, распускавших слухи о Михаиле Александровиче, и, вызвав крестьян, прибывших с Капустиным, требовал в целях изобличения лжи, чтобы арестованные лица указали крестьянам адрес квартиры, в которой офицеры скрывают Великого Князя¹.

В это же время происходило совещание послов великих держав с английским главнокомандующим ген. Пулем, носившее чрезвычайно бурный характер, так как послы настаивали на возвращении к власти членов Верховного Управления и арестовании офицеров, учинивших над ними насилие. В конце концов было принято компромиссное решение: арестовать совершивших переворот офицеров, якобы для защиты их от пришедших в город крестьян, а членов Верховного Управления возвратить из Соловков, предложив Чайковскому сформировать новое правительство из более умеренных элементов...

Для выяснения виновников переворота и степени их участия была организована следственная комиссия; формальному обследованию было также подвергнуто и вооруженное выступление крестьян, но распоряжением Правительства от 1 октября все участники того и другого выступления были амнистированы».

Образование нового Северного правительства вылилось в следующие формы: 26 и 29 сентября все члены В.У.С.О. вручили Верховную власть Н. В. Чайковскому и сложили свои полномочия¹¹. Таким образом, Н. В. Чайковский остался единоличным главою Северной области. По его приглашению было сформировано новое правительство из пяти заведующих отделами управления области. В числе этих пяти лиц не было ни одного социалиста, все они принадлежали к либеральным или правым кругам общественности.

Объявляя населению Края о совершившихся переменах в управлении, Н. В. Чайковский призывал всех поступиться своими местными и классовыми интересами, отложить в сторону в этот трагический момент свои партийные разногласия и заботиться лишь об одном — о возможности совместной продуктивной работы.

Новой программы внутренней политики не провозглашалось, но участие в войне в рядах Антанты рассматриваемое нами «сообщение» Н. В. Чайковского вновь усиленно подчеркивало, указывая даже на

¹ В приложении № 42 приведено объявление, в котором, по-видимому, комиссар Архангельской губернии счел нужным опровергнуть слухи о появлении Великого князя Михаила Александровича.

¹¹ См. приведенные в приложении № 43 сообщения председателя В.У.С.О.

«преобладание в крае общесоюзнических задач и интересов над местными...». Главной задачей для всей своей деятельности новое правительство ставило воссоздание Русской армии и продвижение ее вперед во что бы то ни стало.

Переворот 6 сентября, принявший характер водевиля, представляет собою, тем не менее, большой социологический интерес. В глубинах его причин лежат объективные предпосылки. Одной из них является максимализм и нетерпимость, присущие всем кругам русской интеллигенции — и левым, и правым¹, и вытекавшее из этого враждебное недоверие друг к другу. Это неминуемо приводило к тому, что маятник политической жизни страны должен был резко качаться справа налево и слева направо. Члены-социалисты В.У.С.О. пожинали плоды ненависти и недоверия, посеянные партией эсеров своей предыдущей деятельностью. Офицерство, представлявшее на Севере России единственную действительную контрреволюционную силу, с крайней тревогой смотрело на пребывание у власти эсеров. Плохо разбираясь в сложном лабиринте русских политических партий, оно видело во всех социалистах тех же большевиков, но второго сорта. Оно не верило в искренность их борьбы с правительством Ленина и опасалось с их стороны предательства, за которое придется жестоко расплачиваться своею кровью. Г. Е. Чаплин вполне искренен, когда, резюмируя поведение свое и поддерживавших его представителей правой общественности, говорит²: «Во всем этом деле мы поступали так, как подсказывали чувство долга и наша совесть. Попади я снова в такое положение, я, не задумываясь, поступил бы так же».

Другую объективную причину нужно искать в условиях, созданных продолжающейся на территории России войной Великих Держав. Для выполнения главной задачи, которую поставило себе целью всей своей деятельности новое Северное правительство — восстановить Русскую армию для скорейшего вступления в ряды союзников — прежний состав этого правительства, конечно, не был способным. Это сознавал каждый русский офицер; это чувствовали и офицеры союзных войск.

Доказательством может служить следующий факт: в своем отношении к перевороту союзники сразу же разделились на два лагеря. Послы и их канцелярии были против переворота, «всё же союзное офицерство, от генералов до младших офицеров, — пишет Г. Е. Чаплин, — всячески старались меня поддержать, и я в те дни получил от целого ряда союзных офицеров, зачастую мне совершенно незнакомых, немало поздравлений и приветствий».

¹ См. мою главу I.

² Чаплин Г. Е., с. 31.

Большинство источников свидетельствует о сочувствии перевороту и самого великобританского командующего генерала Пуля; некоторые намекают даже на его поддержку.

Обратив внимание читателя на объективные предпосылки Архангельского переворота, я должен указать и на его объективные результаты.

Переворот, по заключению самого же нового Северного правительства, обострил недоверчивое отношение солдат к офицерам, озлобил рабочих и во всем населении вызвал неприязненные толки по адресу союзников¹.

Таким образом переворот, стремясь создать правительство, более способное организовать Русскую армию, в то же время еще более отталкивал народные массы. Вследствие этого новое Северное правительство осуждено было превратиться в подчиненного помощника Союзного оккупационного командования.

Северный фронт

Как я говорил выше, Северный край России был доступен только вдоль двух железных дорог, пересекающих его в меридиональном направлении, и вдоль больших рек. Сообщение с жизненными центрами и районами России могло происходить лишь по трем направлениям:

а) От Мурманска на Петроград (1400 км) вдоль Мурманской железной дороги через Сорочкую, Петрозаводск и железнодорожный узел у Званки.

б) От Архангельска на Москву (1250 км) вдоль Архангелогородской железной дороги через Вологду на Ярославль.

К этому направлению в районе станций Обозерской и Плясецкой, в 200 км к югу от Архангельска, приближались с запада долины р. Онеги и с востока р. Емца, притока р. Северной Двины.

в) От Архангельска на Котлас (головная станция железной дороги на Вятку) вдоль Северной Двины. На протяжении первых 300 км от Архангельска имелась большая грунтовая дорога, дальше на протяжении 200 км до Котласа имелись только проселки, соединяющие селения, лежащие вдоль р. Северной Двины.

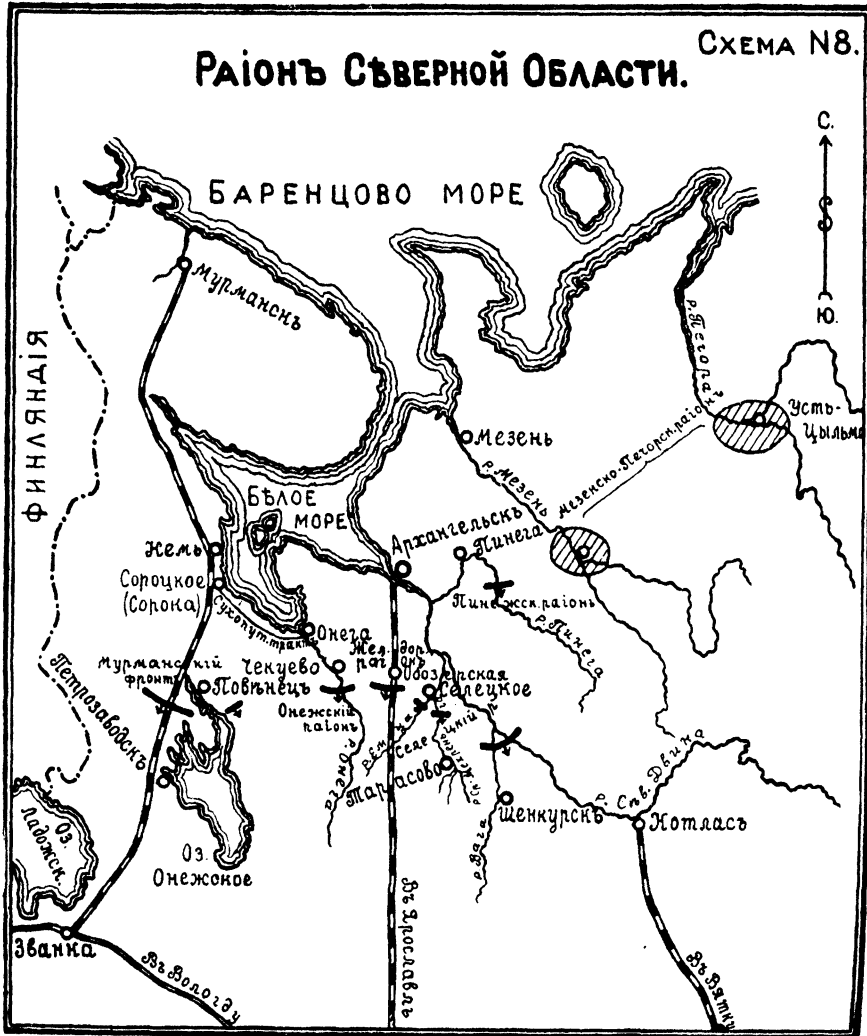
Этой ограниченной проходимостью края и удалением его от главных очагов большевизма — Москвы и Петрограда, и «объясняется тот секрет, что небольшие части могли удержать область в своих руках в течение 1¹/₂ лет»¹¹.

¹ Цитировано у Мельгунова, «Н. В. Чайковский [в годы Гражданской войны]», с. 81.

¹¹ Ген. *Марушевский* // Белое Дело, т. I, с. 31.

РАІОНЪ СЪВЕРНОЙ ОБЛАСТИ.

СХЕМА N8.

Высадившиеся в Мурманске и в Архангельске союзные силы, постепенно продвигаясь вперед отдельными группами в указанных трех направлениях, заняли следующее расположение:

1) на Мурманской железной дороге в районе Поневежа;

2) на железной дороге Архангельск—Ярославль, в районе ст. Обозерской, продвинувшись одновременно вдоль р. Онеги до села Чекуева и по р. Емце до района с. Селецкое;

3) по реке Северной Двине, дойдя до с. М. Березничек.

В этот союзный фронт сразу же были вкраплены небольшие русские добровольческие отряды, почти целиком состоявшие из офицеров¹. В Архангельске же и в гор. Онеге В.У.С.О. немедленно же приступило к формированию регулярной Русской армии. Я говорил уже выше о том, что В.У.С.О. оказалось неспособным для подобного рода работы. Положение дела мало улучшилось и в первое время деятельности нового Северного правительства, сменившего В.У.С.О. Глава этого правительства — Н. В. Чайковский, несмотря на все его качества и широту мировоззрения, все-таки не мог отделаться от присущего революционной демократии страха «контрреволюционности» командного состава. Поэтому, вместо того чтобы выбрать на роль командующего войсками Северной области опытного боевого генерала, он предпочел, подобно Керенскому, призвать для высшего военного руководства неопытных полковников, руководствуясь их революционной благонадежностью. Как известно, подобранные по этому способу Керенским верхи военного управления, прозванные в армии «детским садом», лишь содействовали скорейшей его гибели.

Во главе всего военного управления Северной области был поставлен полк. Дуров⁵³ и его помощник — ген. Самарин^{II}. Каковы были результаты деятельности этих двух лиц, свидетельствует следующая выдержка из воспоминаний С. Добровольского^{III}, в качестве военного юриста хорошо ознакомившегося с моральным состоянием архангельских русских войск.

«С деятельностью полк. Д. и его ближайшего сотрудника по военной части ген. С. я имел возможность ознакомиться не только по рассказам других лиц, но и по побывавшему в моих руках следственному производству по поводу беспорядков, имевших место в Архангелогородском

^I Белое Дело, т. I, с. 31.

^{II} Это был тот самый полк. Самарин, который во время Корниловского выступления приезжал по поручению Керенского уговаривать ген. Крымова поехать к нему (см. главу V). Производство Керенским вскоре после исполнения этого поручения в генералы создало враждебное и крайне недоверчивое отношение к Самарину офицерской массы.

^{III} См. его статью в т. III «Архива Русской революции», с. 22, 23, 24.

пех. полку, расположенном в Архангельске, произведенному комиссией под председательством ген. С-ча. Из этого следствия было видно, что хотя войск к этому времени было очень мало, так как фронт защищался союзниками, а в Архангельске были расположены лишь пехотный полк, батарея артиллерии и автомобильный дивизион, высшая военная власть, в лице полк. Д. и ген. С., не обнаруживала никакой заботливости, как о размещении и питании этих частей, так и о поддержании в них воинской дисциплины. До разыгравшихся в полку беспорядков они ни разу даже не побывали в нем, а между тем это была первая попытка создания мобилизованных частей, то есть пополнения их людьми, которые были участниками или свидетелями развала нашей старой армии, с неуравновешенной еще революционной психологией, и которым нужно было постепенно, но твердо и настойчиво, упорным трудом, внушить правильные понятия о военной службе и ее требованиях. Ничего этого сделано не было, части были предоставлены самим себе, а все распоряжения, приказы и уставы полк. Д. носили на себе отпечаток того, что получило в армии меткое название «керенщины» и что характеризует собою отсутствие твердости, демагогическую болтовню и бессилие лишенного дисциплинарной власти командного состава. Нет никакого сомнения, что никакая армия в таких условиях существовать не может, какой бы политический режим в стране ни был, республиканский или монархический, и даже Советская республика, как только большевики захотели создать у себя прочную Красную армию, ввела в ней воинскую дисциплину, заставив солдатские массы навсегда бросить мечты о всяком самоуправлении и тех комитетах, при посредстве которых большевики сами разложили нашу старую армию. Увы, в глазах лиц категории полк. Д. и ген. С. всякое мероприятие, направленное к поднятию воинской дисциплины, вызывало опасение, как бы не прослыть контрреволюционным, и парализовало их волю, толкая их на компромиссное решение в духе уговаривания офицеров «помириться с оскорбившими их солдатами и простить их» и митингования с последними в целях их увещевания.

Отсутствие твердой власти и организационной деятельности вывело из себя англичан, неоднократно предупреждавших, что они пришли не на вечные времена, а потому русским надо спешить самим организоваться, и многие мероприятия, как, например, учреждение военных судов, прошло под непосредственным нажимом генерала Пуля, угрожавшего в противном случае судить виновных в английском военном суде.

Такое направление деятельности полк. Д. и ген. С. побудило многих строевых офицеров отказаться от службы в русских войсках и вступить в сформированные союзниками славяно-британские и французские легионы, несмотря на то что им там было тоже нелегко, так как они должны были начинать службу в легионах простыми рядовыми...

Общее недовольство полк. Д. и ген. С. и их неспособность создать русские вооруженные силы побудили Временное правительство, по соглашению с союзным командованием, вызвать на север генерала Миллера⁵⁴ и генерала М-ского (Марушевского). Первым прибыл ген. М-ский (Марушевский), известный союзникам по своей службе во Франции, где он в последнюю войну командовал на фронте особой бригадой».

Генерал-лейтенант Миллер прибыл лишь в 1919 году. До его приезда военное командование осуществлялось генерал-майором Марушевским.

«Первые шаги деятельности ген. Марушевского, — пишет уже цитированный нами С. Добровольский¹, — отличались энергией и распорядительностью и увенчались полным успехом по подавлению мятежного духа в мобилизованных войсках. Попытка мятежа в Архангелогородском пехотном полку была им энергично подавлена, что обеспечило ему доверие правительства, войск и населения и привлекло в русские войска тех лучших офицеров, которые до сих пор уклонялись от этого при полк. Дурове».

Вышеупомянутый солдатский бунт являлся показательным фактом. Произошел он тогда, когда двум ротам из формирующегося в Архангельске пехотного полка было приказано выступить на фронт, до этой поры сплошь занятый союзниками.

Ген. Марушевский указывает как на главную причину этого мятежа на то, что масса мобилизованных состояла, главным образом, из солдат, «уже прошедших школу разложения в революционный период. Знакомые с комитетами и советами солдаты представляли собою весьма нетвердый элемент, настроенный против офицерского состава и против введения в войска старой воинской дисциплины. Лучшими элементами были новобранцы, вовсе не служившие ранее в войсках, с еще не разложенной нравственностью»^{II}.

В другом месте тот же ген. Марушевский, рассказывая о тех мерах, которые он принял при формировании им войск для поднятия дисциплины среди офицеров и солдат, пишет: «Что касается солдат, то меры мои встретили крутое сопротивление. В трактирах и кабаках солдаты силой спарывали нашивки с заходящих туда унтер-офицеров. По городу продолжали шляться матросы без полосаток^{III}, что составляло особый революционный “шик”, с драгоценными камнями на голой шее»^{IV}.

^I Архив Русской революции, т. III, с. 24.

^{II} *Марушевский*, с. 40.

^{III} Фуфаек.

^{IV} Белое Дело, т. I, с. 47.

Кроме указанной ген. Марушевским чрезвычайно важной данной, была и другая причина более глубокого социального характера, делающая формирующиеся войсковые части малонадежными.

Северное правительство (обоих составов), объявившее мобилизацию, проводило ее главным образом под флагом продолжения внешней войны в рядах союзников. Эта идея встречала глубокое недовольство в солдатских массах, распущенных осенью 1917 года правительством Ленина, объявившим об окончании войны. В силу этого в массе старых солдат опять росли симпатии к большевикам, а это делало формируемые части неблагонадежными и для борьбы против последних.

Как я уже говорил выше, северное крестьянство было настроено определенно противобольшевицки, но «их страшно пугало слово **мобилизация**, — пишет ген. Марушевский¹. — Они все были готовы драться до последнего человека за свою деревню и не могли по своему разумению встать на более широкую точку зрения, не говоря уже о государственных, но хотя бы областных интересах...»

Считая, что Северное Русское правительство находится всецело в зависимости от Союзного главнокомандования, крестьяне опасались быть вновь вовлеченными в борьбу Антанты с Германией. К изучаемому же нами времени в русских народных массах уже сложилось прочное убеждение, что союзники России преследуют лишь свои эгоистические цели, совершенно не считаясь с русскими интересами. Заменивший ген. Пуля² на посту Главнокомандующего союзными войсками на Архангельском фронте ген. Айронсайд не сумел рассеять это предубеждение крестьянства против союзников. Вот как отзывается о нем тот же ген. Марушевский, которому пришлось непосредственно иметь дело с ним по всем вопросам формирования русской вооруженной силы.

«Еще недавно на западном фронте Айронсайд командовал просто батареей, — пишет ген. Марушевский³. — Его, говорят, исключительная солдатская храбрость сделала из него быстро начальника пехотной дивизии, в чине полковника, а затем он был временно сделан, по обычаям английской армии, генералом и назначен на Север. Откровенно говоря, я не того ожидал от «главнокомандующего союзными силами». В сложной обстановке Северной области я рассчитывал увидеть одного из опытнейших вождей английской армии. Уже самое назначение столь молодого полковника, с временным чином генерала, придавало

¹ Белое Дело, т. II, с. 33.

² Ген. Пуль был отозван Британским правительством вскоре после переворота 6 сентября.

³ Белое Дело, т. I, с. 36.

британской работе на Севере характер экспедиции в малокультурную страну, с весьма неширокими политическими заданиями...»

Но если крестьянство не желало идти по «мобилизации» в формируемые в тылу союзного фронта русские войска, то вместе с тем оно поднимало противобольшевицкие восстания, как только этот фронт к ним приближался. На севере повторилось то же явление, которое имело место на западе и юге России вблизи Германского фронта.

Восставшие против большевиков крестьяне с. Тарасова «прислали мне, — вспоминает ген. Марушевский¹, — целую делегацию просить поддержки. Я в первую же минуту появления представителей партизан в Архангельске понял, как насущно необходимо поддержать это здоровое течение, идущее из толщи самой массы населения».

«Почти одновременно с Тарасовцами в Архангельск прибыли и представители партизан из Пинеги.

С. Тарасово было далеко выдвинуто вперед по отношению к англо-американскому отряду, занимавшему район с. Селецково.

Первое же, что мне показалось необходимым, — это добиться у Айронсайда приказаания Селецкому отряду о выдвигении его на юг, для занятия более широкого фронта, в котором Тарасовский район будет составною частью.

Мои самые настойчивые требования, пояснения и просьбы не имели никаких результатов, и — как увидим ниже — Тарасовцы, представленные самим себе, два месяца спустя, были выбиты из своих гнезд.

Пинежские партизаны, отлично дравшиеся к югу от Пинеги, в это время были покинуты американским отрядом, который без всяких объяснений отступил в самый город, предоставив крестьянскую дружину самой себе.

Все, что я мог сделать в это время, — это дать партизанам денег и усилить их оружием и офицерами.

В Тарасовском отряде уже работало несколько офицеров, которых крестьяне, в полном смысле этого слова, носили на руках. Двое из этих офицеров уже отморозили ноги, но тем не менее не оставляли своей боевой работы.

В Тарасово был послан транспорт с хлебом, медикаментами, оружием и боевыми припасами. Кроме того, туда же поехали офицеры охотники.

Что касается Пинеги, где всю партизанскую организацию надо было еще ставить на ноги, я использовал способности и доблесть приехавшего следом за мною капитана Акутина⁵⁵, выдающиеся качества которого мне были известны по Великой войне.

¹ Белое Дело, т. I, с. 55–56.

Я познакомил представителей партизан с Акутиным, которому предложил сформировать транспорт с оружием и продовольствием, набрав вместе с тем в Архангельске необходимое для начала работы количество офицеров. Сборы Акутина не продолжались и недели, а с его прибытием Пинега вздохнула свободно и положение стало устойчивым.

Несколько позже обнаружилось партизанское движение в долине р. Онеги и под Шенкурском, но оно развивалось значительно менее успешно, чем в Тарасовском районе и на р. Пинеге.

В тот же период был достигнут ряд блестящих успехов отрядом полковника Ш-ва, перебросившим свои силы с долины р. Мезени до долины р. Печоры, с занятием Усть-Цыльмы и прилегающих к этому фронту районов. Отряд Ш-ва начал расти с маленького ядра милиционеров, силою всего в 50 человек. В декабре в этом отряде мы уже считали человек 500.

Таким образом, уже в декабре на севере образовались, так сказать, “точки” чисто русского фронта, возникшего в силу потребности самого населения поднять борьбу против чуждого им ига большевицкой власти и в защиту своих семей и домов от разбоя и грабежа советских представителей».

Крестьянское партизанское движение поглощало в себя большинство людей призывного возраста. Это была другая причина, вследствие которой объявленная Северным правительством мобилизация вместо 25 000 человек дала только 4000.

В конечном итоге образованный союзниками Северный фронт не имел никаких данных превратиться в Русский противобольшевицкий фронт, достаточно сильный, чтобы в случае ухода союзников устоять под напором Москвы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 38

**Величина тоннажа и стоимость в миллионах рублей
заказанных на 1 января 1918 года Россией за границей
предметов военного снабжения¹**

Из какой страны	В тысячах тонн	В млн рублей
Великобритания	442	757
С.А.С.Ш.	295	835
Италия	235	63
Франция	170	421
Япония	45	152
Швеция	5	2
Всего	1192	2230

Приложение № 39

**Распределение взятых Русской Армией военнопленных
по военным округам России на 1/14 сентября 1917 года¹¹**
(По данным бывшего Главного Штаба)

Наименование округов	Численность военнопленных
Московский	252 081
Казанский	285 376
Омский	207 001
Иркутский	36 388
Приамурский	14 306
Туркестанский	41 285
Петроградский	61 795

¹ Приведено согласно данным таблицы № 45 на с. 54 «Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах)». Москва, 1925.

¹¹ Приведено согласно данным таблицы № 32 на с. 41 «Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах)». Москва, 1925.

Наименование округов	Численность военнопленных
Двинский	56 947
Минский	78 247
Киевский	406 078
Кавказский	80 091
Одесский	217 566
Область Войска Донского	76 297
Всего	1 813 458*

Приложение № 40

Оповещение председателя Германской Комиссии № 4 лейтенанта Балка^{II}

Гражданскому населению гор. Ярославля

I.

Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской Федеративной Советской Республики и уполномоченная тем же правительством Германская Комиссия № 4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее:

Штаб Ярославского отряда Северной Добровольческой Армии объявил 8-го сего июля Германской Комиссии № 4, что Добровольческая Армия находится с Германской Империей в состоянии войны.

Так как военные операции не привели к желательным результатам и дабы избежать дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, Ярославльский отряд Северной Добровольческой Армии 21 июля 1918 года предложил Германской Комиссии № 4 сдать ей и выдать свое оружие.

Германская Комиссия № 4 приняла предложение.

II.

^I Кроме того: 39 278 военнопленных отправлено на формирование частей и в распоряжение союзных правительств, 19 780 отправлено инвалидов на родину; 1484 отправлено для интернирования в нейтральные страны; 51 608 умерло в плену; 35 725 бежало из плена. Всего же Русская Армия захватила во время войны 1 961 333 военнопленных.

^{II} Приведено согласно редакции, напечатанной в статье Лациса на с. 106 в «Красной книге ВЧК» под редакцией П. Макинциана, т. I, Москва: Гос. изд., 1920.

Комиссия передает Штаб в качестве военнопленных Германской Империи своему непосредственному начальству в Москве, где решено будет всё дальнейшее.

Германская Комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославле до получения из Москвы положение вооруженного нейтралитета.

Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни Комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку.

Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее.

Ярославль 21-го июля 1918 года

Председатель Германской Комиссии № 4
лейтенант Балк

Приложение № 41

Воззвание и постановления Верховного Управления Северной области от 2-го августа 1918 года¹

I

Воззвание

Гражданам г. Архангельска и Архангельской губ.

Власть большевиков пала. Ненавидимое населением за предательство России в Бресте, за гражданскую войну, всеобщий голод, за попранные права и свободы, за узаконенный грабеж, расстрелы и за разрушенную хозяйственную жизнь, так называемая советская власть преступников и предателей не была поддержана народом в критическую для них минуту и бежала.

Избранные всеобщим голосованием представители народа вынуждены в настоящий переходный момент при отсутствии законной всероссийской власти принять на себя Верховную власть в Северном крае.

Настоящим объявляется во всеобщее сведение, что отныне носителем Верховной государственной власти в Северном крае является Верховное управление Северной области в составе членов Учредительного Собрания, а также представителей земств и городов этой области.

¹ Приведены согласно редакции документов из архива Северной области, сообщенных Е. К. Миллером и напечатанных в томе IV «Белого Дела», с. 32–36.

Считая себя учреждением временным, Верховное Управление полностью и немедленно сложит свои полномочия, как только в России образуется демократическая общегосударственная Верховная власть и как только установится возможность беспрепятственных сношений с нею.

Своими задачами Верховное управление признает:

1. Воссоздание, совместно с другими областями, единой всероссийской государственной власти и организацию местного управления в Северной области.

2. Оборону Северной области и всей страны от дерзких посягательств на территорию ее и национальную независимость населения со стороны Германии, Финляндии и других неприятельских стран.

3. Воссоединение с Россией, в согласии с волей населения, отторгнутых от нее областей.

4. Восстановление попранных свобод и органов истинного народовластия: Учредительного Собрания, земств и городских дум.

5. Установление прочного правопорядка, который обеспечивал бы гражданам беспрепятственное удовлетворение их хозяйственных, общественных и духовных нужд.

6. Действительное обеспечение прав трудящихся на землю.

7. Охрану интересов труда в согласии с экономическими и политическими интересами как Северного края, так и всей России.

8. Устранение голода среди населения.

Верховное управление не замедлит опубликовать постановления, вытекающие из вышеизложенной программы.

В своей деятельности Верховное управление будет опираться на все слои населения, коим дороги перечисленные задачи.

В частности, оборону Северного края и России Верховное управление надеется осуществить также при дружественной помощи со стороны союзных с Россией правительств и народов: Англии, Америки, Франции и других. На их помощь Верховное управление рассчитывает в своей борьбе с голодом и финансовыми затруднениями.

Верховное управление убеждено в единстве интересов России и союзных с нею народов в деле борьбы с внешним врагом.

Верховному управлению известно, что не для вмешательства во внутреннюю жизнь и не против воли населения приходят к нам союзные войска, оно приветствует поэтому союзные силы, идущие в Северный край для совместной борьбы с общим врагом.

К дружественной встрече их и к оказанию им всякой помощи Верховное управление призывает всё население.

Объявляя о вышеизложенном во всеобщее сведение, Верховное управление призывает население к спокойствию, порядку и труду.

Члены Верховного управления Северной области:

Н. В. Чайковский — член Учр. собр. от Вятской губ.

А. А. Иванов — член Учр. собр. от Арх. губ.

С. С. Маслов — член Учр. собр. от Волог. губ.

А. И. Гуковский — член Учр. собр. от Новгор. губ.

Г. А. Мартюшин — член Учр. собр. от Казанск. губ.

Я. Т. Дедусенко — член Учр. собр. от Самарск. губ.

М. А. Лихач — член Учр. собр. от бывш. Сев. фронта.

П. Ю. Зубов — товарищ городского головы г. Вологды.

Н. А. Старцев — заместитель председателя Арх. городской думы.

2 августа 1918 года, г. Архангельск

II

Постановления

№ 1

Во имя спасения Родины и завоеваний революции, Верховным управлением Северной области, командующим всеми морскими и сухопутными вооруженными силами Верховного управления, настоящим назначается капитан 2 ранга Георгий Ермолаевич **Чаплин**, с возложением на него обязанностей: 1) командования всеми вооруженными силами Верховного управления со всеми правами, связанными с этой должностью на основании законов и обычаев войны; 2) назначения и увольнения всех должностных лиц армии и флота за исключением начальника военного штаба.

№ 2

Во имя спасения Родины и революции, настоящим на территории Северной области все органы советской правительственной власти: губернские, уездные и волостные советы (совдепы) с их исполнительными комитетами (исполкомами), комиссарами и т. д. упраздняются.

Члены губернских и уездных исполнительных комитетов р. с. и к. д. и их комиссары арестуются, а также арестуются и те члены волостных комитетов и комиссары, арест коих будет признан необходимым местной властью. Арест названных лиц производится впредь до выяснения следственными комиссиями степени виновности их в содеянных советской властью преступлениях — убийствах, грабежах, предательстве родины, возбуждении гражданской войны между классами и народностями России, расхищении и злоумышленном уничтожении государственного, общественного и частного имущества под предлогом исполнения служебного долга и в других нарушениях основных законов человеческого общества, чести и нравственности.

Взамен упраздненных органов советской власти в Северной области учреждаются новые, о чем последуют особые постановления Верховного управления.

№ 3

Во имя спасения Родины и завоеваний революции, представителями власти Верховного управления в губерниях и уездах Северной области, настоящим учреждаются правительственные комиссары губерний и уездов.

Правительственным комиссаром Архангельской губернии временно назначается Николай Александрович **Старцев**⁵⁶.

На правительственных комиссаров губерний и уездов возлагается: 1) общее наблюдение за точным и быстрым приведением в исполнение постановлений Верховного управления на местах; 2) созыв восстановленных и вновь учреждаемых органов управления; 3) наблюдение за закономерностью действий органов местного самоуправления; 4) назначение временных заместителей должностных лиц впредь до избрания или возвращения последних к исполнению своих обязанностей.

Ввиду чрезвычайных обстоятельств настоящего времени, все органы городской и сельской милиции временно изъеются из ведения городских и земских самоуправлений и передаются в распоряжение правительственных комиссаров губерний и уездов, которыми и назначаются непосредственно начальники милиции.

№ 4

Во имя спасения Родины и завоеваний революции, во всех губерниях и уездах Северной области, настоящим учреждаются губернские и уездные правительственные комитеты, из трех лиц каждый: 1) губернские в составе комиссара губернии, одного представителя губернского земства, назначенного Верховным управлением из числа лиц, избранных Земским собранием на какую-либо ответственную должность, и одного представителя городского самоуправления губернского города, назначенного Верховным управлением из числа таких же выборных должностных лиц, и 2) уездные в составе комиссара уезда, назначенного губернским правительственным комитетом, одного представителя уездного земства и одного представителя городского самоуправления, назначенных губернским комитетом из числа выборных должностных лиц.

Членами правительственного комитета по Архангельской губернии настоящим назначаются: от губернского земства И. Ф. Едемский⁵⁷, от городского самоуправления А. П. Постников⁵⁸.

№ 5

Во имя спасения Родины и завоеваний революции, городские и земские самоуправления восстанавливаются во всех губерниях, уездах и волостях Северной области.

Городские и земские управы созываются комиссарами губерний и уездов в прежнем составе и немедленно же приступают к исполнению своих обязанностей, извещая о том местное население соответствующими объявлениями.

Члены городских и земских управ, принимавшие участие в террористическом советском управлении, временно отстраняются от исполнения своих обязанностей, впредь до выяснения следственными комиссиями степени их виновности в преступлениях, совершенных большевицкой властью. Временно их замещают кандидаты из городских и земских гласных по приглашению большинства остального состава управ или же правительственного комитета впредь до созыва экстренного общего собрания городских и земских гласных и выбора недостающих должностных лиц.

№ 6

Всё продовольственное дело в городах и уездах Северной области, всеми его органами и средствами, настоящим передается в ведение органов местного самоуправления, по возможности с сохранением действующих продовольственных аппаратов, но с заменой безответственных советских руководителей ответственными должностными лицами. Местное самоуправление осуществляет продовольственные задачи при посредстве кооперативных организаций, сообразуясь с местными условиями и под своим контролем и ответственностью.

№ 7

Во имя спасения Родины и завоеваний революции, действия общих и местных судебных установлений, упраздненных преступной советской властью, настоящим восстанавливаются; мировые судьи, члены окружных судов и лица прокурорского надзора призываются Верховным управлением при посредстве правительственных комиссаров к немедленному исполнению своих обязанностей. На правительственных комиссаров возлагается приискание заместителей на пустующие должности.

№ 8

Во имя спасения Родины и завоеваний революции, попранные насильнической советской властью свободы: совести, слова, печати, собраний и союзов — настоящим восстанавливаются. Правила по сему

предмету, в связи с чрезвычайными условиями настоящего времени, будут изданы дополнительно.

№ 9

Во имя спасения Родины и завоеваний революции, настоящим восстанавливается деятельность кооперативных, профессиональных и других организаций и их союзов частно-общественно-правового характера, а также деятельность обществ и союзов, преследующих общественно полезные цели или возникших во время войны для целей обороны и восстановления разрушенного войной народного хозяйства. С этой целью при Верховном управлении образуется особая комиссия.

№ 10

Во имя спасения Родины и завоеваний революции и, принимая во внимание, что политика национализации всякого рода промышленных, транспортных и кредитных предприятий, насильственно проводившаяся советской властью, привела к несказанному развалу всего народного хозяйства, массовой безработице, голоду и вымиранию рабочего класса, Верховное управление настоящим учреждает особые комиссии при правительственных комитетах и под контролем своих соответствующих специальных органов, в целях восстановления производительности и работоспособности этих предприятий и согласования в этом деле интересов государства с нарушенными законными правами прежних владельцев, признаваемыми большинством населения.

г. Архангельск, 2 августа 1918 года.

Председатель Верховного Управления Северной области
Н. В. Чайковский
Секретарь **П. Зубов**

Приложение № 42

Объявление архангельского губернского комиссара¹

Граждане.

События 8 сентября дали благодатную почву для злонамеренных недоброжелательных лиц, распространявших слухи о том, будто бы Михаил **Романов** находился в Архангельске. Самым тщательным образом эти вздорные слухи были проверены вашими друзьями-союзниками. Как и следовало ожидать, эти слухи были распространены

¹ Отпечатано в Архангельске, типография Торгово-Промышл. Т-ва Печати, Перепл. и Изд. Дела. — Приведено согласно редакции документов из архива Сев. области, сообщенных Е. К. Миллером и напечатанных в т. IV «Белого Дела», с. 38.

без малейшего основания, и лица, распространявшие их, знали, что они ложны.

Граждане Северной области легко определяют цель такого заведомо ложного слуха, направленного на возбуждение среди населения беспокойства, подозрительности и растерянности, столь нужных нашим врагам в это время.

Сдержанностью и единением мы ответили им в эти трудные минуты. И впредь население Северной области может вполне спокойно верить обещанию союзников поддерживать порядок в области, как это было при возвращении насильственно отстраненного правительства.

Ваши друзья решили в ваших же интересах не допускать какого-либо движения, которое могло бы помешать гражданам Северной области вместе с остальной Россией установить, согласно воле населения, того образа государственного правления, которое даст вам близкая заря раскрепощенной мирной России. (СИБ.)

Приложение № 43

Сообщения председателя Верховного управления Северной области¹

I.

28 сентября 1918 года члены Верховного управления Северной области вручили Верховную власть членам Верховного управления Северной области — членам Учредительного Собрания Николаю Васильевичу Чайковскому и Александру Исаевичу Гуковскому⁵⁹ и сложили свои полномочия. 29 сентября 1918 года Александр Исаевич Гуковский также сложил свои полномочия, как член Верховного управления Северной области.

II.

Порученное мне Верховным управлением задание — образовать правительство Северной области, отвечающее требованиям момента, — исполнено. Образовано Временное правительство в нижеследующем составе:

Н. В. Чайковский — председатель Временного правительства и заведующий отделами иностранных дел и земледелия;

Полковник Б. А. Дуров — генерал-губернатор и Командующий русскими войсками в Северной области и заведующий отделами — военным, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфов;

¹ Опубликованы в № 45 «Вестника В.У.С.О.» от 9 октября. — Приведены согласно редакции документов из архива Северной области, сообщенных Е. К. Миллером и напечатанных в т. IV «Белого Дела», с. 36–38.

Кн. И. А. Куракин⁶⁰ — временно заведующий отделом финансов;
Н. В. Мефодиев⁶¹ — заведующий отделами торговли и промышленности и продовольствия;

С. Н. Городецкий — заведующий отделом юстиции, и

П. Ю. Зубов⁶² — заведующий отделом народного образования и секретарь Временного правительства Северной области.

Временное правительство возникает при совершенно своеобразных обстоятельствах: во время войны с большевиками и немцами и при полном преобладании в крае общесоюзнических задач и интересов над местными. Общесоюзное дело — это дело всей России, дело спасения ее от ужасов кровавого террора и от расторжения ее государственной территории на множество разрозненных и бессильных клочков, уже сделавшихся или могущих сделаться в любой момент добычей алчных хищников. На Северную область поэтому возложена задача колоссальной важности — послужить исходным пунктом для оовождения России от засилия внутренних и внешних хищников с Севера, для ее спасения. Перед такой задачей всё остальное отступает на задний план.

Вот почему программой нового правительства в первую очередь ставится воссоздание Русской армии и продвижение ее вперед во что бы то ни стало. Вот почему нам приходится поступаться своими местными и классовыми интересами и думать главным образом о том, чтобы была возможна и продуктивна наша совместная работа с союзниками — с их войсками, с их послами. Вот почему все должны отложить в сторону в этот трагический момент свои партийные разномыслия и заботиться лишь об одном — о возможности совместной и продуктивной работы. Союзники, русские офицеры и солдаты, торгово-промышленные круги и вся демократия — все должны сплотиться и работать, не покладая рук, во исполнение своего священного, для одних — воинского, для других — гражданского долга перед родиной, воспользовавшись присутствием на нашей территории вооруженной силы союзников для восстановления нашей собственной национальной боеспособности.

Верю и уповаю, что в этой напряженной работе лежит залог и для нашего государственного объединения.

Только ввиду такого исключительного положения мог я помыслить взять на себя одного обязанности органа Всероссийской Верховной власти, насколько он необходим для управления областью в эту критическую минуту. Правда, в последние дни появилось известие, что в Уфе выбрана Директория из пяти лиц, возглавляющих Всероссийскую власть; в числе их стоит и мое имя. Был бы счастлив, если бы это известие облеклось в плоть и кровь. Но строить областную власть в крае, исходя из этого голого факта, было бы преждевременно: для этого необходимы прямые сношения с этой Центральной властью.

При настоящих же условиях как мне лично, так и всему Временному правительству приходится сосредоточить свои силы, помимо указанной главной задачи, на сохранении для населения тех благ, которые еще уцелели от развала. Ему предстоит продолжать уже налаженную Верховным управлением работу по водворению здорового правопорядка на место большевицкого хаоса: наладить заграничный товарообмен, организовать механизм распределения продовольствия в области, обновить систему денежного обращения и т. п. Для этих хозяйственных целей при Временном правительстве уже образованы финансово-экономический совет, комитет снабжения и другие совещательные органы, чрез которые Временное правительство могло бы вступать в постоянное общение с организованными группами общественного мнения, привлекая их к совместной работе.

Председатель Верховного управления Северной области
Н. В. Чайковский

СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ; ПОПЫТКА ВОССОЗДАТЬ «ВОСТОЧНЫЙ» ПРОТИВОГЕРМАНСКИЙ ФРОНТ

Выступление чехо-словаков

В самом начале войны, осенью 1914 года, Царское правительство сформировало из проживающих в России чехов особую дружину. Этим было положено начало созданию на территории России чехо-словацких войск, которым суждено было впоследствии сыграть большую роль в русском контрреволюционном движении.

В 1916 году Царское правительство развернуло чешскую дружину в бригаду, используя для этого добровольцев из захваченных нашими войсками австрийских пленных чехо-словацкого происхождения. Количество славян среди захваченных Русской армией почти двух миллионов пленных достигало одного миллиона¹. Под впечатлением этой цифры и под влиянием затруднений в комплектовании армии, в этом же 1916 году во Франции возникла мысль об использовании чехо-словацких формирований из военнопленных, захваченных Русской армией, для борьбы на французском фронте.

Группа чешских патриотов с профессором Т. Г. Масариком во главе, образовавшая в Париже Чехо-Словацкий Национальный Совет, увидела в оказании такой помощи Франции способ добиться независимости своей Родины.

Приехав в Петроград в мае 1917 года, Т. Г. Масарик сильно подвинул разрешение этого вопроса в России, и Временное правительство приступило к формированию самостоятельного Чехо-словацкого корпуса.

Пока одна бригада чехо-словаков стояла в рядах Русского Юго-Западного фронта², остальные части этого корпуса формировались в глубоком тылу того же фронта, на Украине, в районе между Киевом и Полтавой.

Ко времени большевицкого переворота Чехо-словацкий корпус состоял из трех дивизий в 40 тысяч бойцов³. Патриотизм чехов, возбужденный надеждой на восстановление независимости их Родины, предох-

¹ Зайцов А. А. 1918 год. Очерки по истории гражданской войны, глава IV.

² Во время нашего несчастного наступления в июле 1917 года она дралась под Зборовом (2 июля 1917 года).

³ Впоследствии Чехо-словацкий корпус усилился за счет встреченных по пути на Владивосток пленных, и общая численность его достигла в конце концов 92 тысячи.

ранял их от большевицкой заразы. Но этот же обостренный патриотизм привел и к другому следствию. Он сделал из Чехо-словацкого корпуса «инородное тело» по отношению к России. Это выразилось прежде всего в стремлении Чехо-Словацкого Национального Совета превратить созданный Россией Чехо-словацкий корпус в «иностранный союзническое войско, находящееся на территории России»¹. Окончательное оформление такого положения было достигнуто тогда, когда Чехо-Словацкий Национальный Совет, основываясь на декрете французского правительства от 19 декабря 1917 года² об организации автономной Чехо-словацкой армии во Франции, объявил Чехо-словацкий корпус частью этой армии, а потому подлежащим отправке во Францию.

Согласие большевиков на подобную постановку вопроса могло быть куплено лишь воздержанием чехо-словаков от каких-либо против них выступлений. Поэтому, когда Центральная Украинская Рада, пытавшаяся, как известно, остановить надвигающихся на Юг России большевиков, обратилась к стоявшему между Киевом и Полтавой Чехо-словацкому корпусу с просьбой о помощи, Чехо-Словацкий Национальный Совет отказал в этой помощи, заявив о своем невмешательстве во внутренние русские распри.

«Без России, — пишет в своих воспоминаниях председатель Чехо-Словацкого Национального Совета Масарик, объясняя свой отказ в помощи Центральной Украинской Раде, — мы не могли попасть в Сибирь и оттуда во Францию». Под словом «Россия» в данном случае нужно понимать «большевицкую Россию», так как, по мнению Т. Г. Масарика, «иной не было».

Такой точкой зрения объясняется и тот факт, что 1 февраля 1918 года Т. Г. Масарик заключил соглашение с командующим большевицкой армией, подошедшей для разгрома Киева, — Муравьевым; согласно этому соглашению чехо-словаки обещали сохранять нейтралитет. Муравьев охотно пошел на это соглашение, ибо красные силы, находившиеся в его распоряжении, были и качественно, и численно несравненно ниже сил Чехо-словацкого корпуса. Вся боевая численность красных сил Муравьева в это время не превосходила 5 тысяч бойцов.

16 февраля Муравьев сообщил Масарику, что со стороны Ленинского правительства нет никаких возражений против отъезда чехо-словаков во Францию.

¹ Папоушек Я. (бывший секретарем Т. Г. Масарика в России) Причины чехо-словацкого выступления в 1918 г. // Воля России, кн. VII—IX, с. 289. Прага, 1928.

² Папоушек Я. К истории борьбы за чехо-словацкую независимость в 1918 году // Воля России, кн. X—XI, с. 83. Прага, 1928.

«Таким образом, — заключает в своих воспоминаниях Масарик¹, — большевицкая революция нам не повредила».

В этих словах ярко выявляется отношение Чехо-Словацкого Национального Совета к трагическим событиям, разыгрывавшимся в России. Всё, что шло на пользу их политики, было для чехо-словаков приемлемо. Естественно, что в таких условиях призывы к ним о помощи генерала М. В. Алексеева должны были испытать ту же участь, как и просьба о помощи Центральной Украинской Рады.

«...Силы наши неравны, — пишет в начале февраля 1918 года генерал Алексеев начальнику французской миссии в Киеве, — и без помощи мы вынуждены будем покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона к общему для России и союзников несчастью. Предвидя этот исход, я давно и безнадежно добивался согласия направить на Дон, если не весь Чехо-словацкий корпус, то хотя бы одну дивизию. Это было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить формирование Добровольческой Армии. Но, к сожалению, корпус бесполезно и без всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона. Сосредоточение одной сильной дивизии с артиллерией в районе Екатеринослав—Александров—Синельниково уже оказало бы косвенную нам помощь... Зная ваше влияние на г. Максу^{II} и вообще на чехов, я обращаюсь к Вам с просьбой принять изложенное мое решение. Быть может, еще не поздно. Через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу Дона и русских вообще».

Этот призыв о помощи был написан Алексеевым в трагические для Дона дни, завершившиеся самоубийством генерала Каледина. Он не был услышан потому, что в это время, как известно из прошлой главы, политика французских представителей носила характер соглашательства с большевиками. Таковой же была и линия поведения чешских политических руководителей.

«Заключая соглашение с советской властью, — пишет про отказ чехо-словаков в помощи Добровольческой Армии П. Н. Милюков^{III}, — Масарик, конечно, не мог одновременно согласиться на поддержку чехами противобольшевицкого движения, о чем просил его в то время генерал Алексеев. Он чувствовал себя слишком зависимым от советского правительства и от союзников в передвижениях армии. Кроме того, он не одобрял слишком консервативного направления противо-

¹ *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Воспоминания. Т. I, с. 220, Прага, 1926.

^{II} *П. Макса* — один из членов Чехо-Словацкого Национального Совета, особенно настаивавший на лояльности чехов по отношению к большевицкой власти.

^{III} *Милюков П. Н.* Россия на переломе, т. II, с. 25.

советского движения, которое тогда уже начало сказываться. Он хотел бы, чтобы движение сохранило республиканский характер и велось в союзе с социалистами¹».

Читая воспоминания Т. Г. Масарика^{II}, можно убедиться в том, что он смотрел на совершающиеся в России события глазами русских эсеров. Объясняется это тем, что Чехо-Словацкий Национальный Совет начал свою деятельность летом 1917 года, когда на гребне очередной волны революции была вынесена наверх партия эсеров. То содействие, которое встретили представители Чехо-Словацкого Национального Совета со стороны главных представителей этой партии, естественно породило к ним симпатию. Вместе с этим громадное численное преобладание эсеров во всякого рода советах того времени и при выборах в Учредительное Собрание привело чехов к ошибочному заключению о тождестве народных стремлений с чаяниями эсеров.

Так же как и подавляющая часть эсеров, Т. Г. Масарик не отдавал себе отчета в том, что в 1918 году обстановка в России была иной, чем в 1917 году. Во главе революции были уже большевики; в России загорался пламень гражданской войны, и жизнь властно ставила дилемму: или идти дальше с большевиками по пути углубления революции, или вступить в контрреволюционный лагерь. Т. Г. Масарик попробовал путь нейтралитета, и он неминуемо привел его в большевицкий лагерь.

Вторгнувшись на Украину, германские войска застали Чехо-словацкий корпус еще в районе своего формирования.

В глазах австро-германцев чехо-словаки, как военнопленные, были изменниками, и этим объясняется упорство сопротивления, оказанного чехо-словаками немцам в боях под Конотопом в марте 1918 года, когда они уходили вместе с большевиками из Украины.

Первоначально французы предполагали увезти Чехо-словацкий корпус во Францию по кратчайшему маршруту — через Мурманск и Архангельск. Однако чехи были против этого пути, опасаясь, что он может быть перехвачен немцами в случае перехода их в наступление против московских большевиков. Поэтому по соглашению, заключенному с Троцким 26 марта 1918 года^{III}, чешские эшелоны были направлены в Сибирь для следования во Владивосток.

Соглашаясь на эту эвакуацию чехо-словаков, большевицкая власть потребовала частичного их разоружения, сохраняя лишь вооружение,

¹ Эти мотивы изложены в письме Масарика Милюкову из Киева от 19 февраля 1918 года, в ответ на просьбу Милюкова о поддержке Добровольческой Армии ген. Алексева.

^{II} *Масарик Т. Г.* Мировая революция. Воспоминания. Т. I и II. Прага, 1926.

^{III} *Massaryk T. G.* La Résurrection d'un État. 1914–1918. Paris, 1930, p. 218.

необходимое «для обороны против контрреволюционеров»¹. Местом разоружения должна была быть Пенза. Несмотря на выраженное чешскими политическими руководителями согласие, в самих эшелонах необходимость этого разоружения была принята с большим недовольством и вызвала враждебное недоверие к большевикам.

Одновременно возрастало недоверие к чехо-словакам и у большевиков. Правительству Ленина были известны через тайную агентуру секретные переговоры союзников об японской интервенции в Сибири. Не имея возможности помешать этому открытой силой, большевики надеялись достигнуть этого дипломатическим путем, используя подозрительное отношение С.А.С.Ш. к японской политике на материке Азии. Это несомненно и объясняет согласие, данное 28 марта 1918 года Троцким Локкарту^{II}, на общесоюзный десант во Владивостоке.

Но 4 апреля японский адмирал Като без предупреждения союзников высадил во Владивостоке небольшой отряд морской пехоты, как я говорил в прошлой главе, для защиты жизни и собственности японских граждан.

Этот японский десант возбудил подозрения большевиков в том, что Антанта ведет против них двойную игру. Начались новые переговоры с представителями союзников о перемене направления эвакуации чехо-словаков с Владивостока на Архангельск и Мурманск.

21 апреля Ленинское правительство послало телеграмму о приостановлении дальнейшей перевозки чехо-словацких эшелонов на восток.

«Опасаясь японского наступления на Сибирь, — говорится в этой телеграмме, — Германия решительно требует, чтобы была начата скорая эвакуация немецких пленных из Восточной Сибири в Западную или в Европейскую Россию. Прошу употребить все средства. Чехо-словацкие отряды не должны передвигаться на восток. — Чичерин 229»^{III}.

Распоряжение о приостановке продвижения на Владивосток произвело сильное впечатление на чехо-словацкие войска. В этом распоряжении чехо-словаки увидели намерение большевиков выдать их Германии, и Австро-Венгрии, как бывших военнопленных.

В то время как чехо-словацкие политические руководители продолжали настаивать на подчинении и полной лояльности по отношению к Ленинскому правительству, чувство самосохранения подсказывало чехо-словацким войскам иную линию поведения.

^I Оставлялась одна вооруженная рота на эшелон.

^{II} Churchill. The World Crisis. The Aftermath, p. 90.

^{III} Панюшек Я. Причины Чехо-Словацкого выступления в 1918 году // Воля России, VIII—X, с. 307.

«В атмосфере, насыщенной взаимным недоверием и подозрением, наши войска, — пишет историк чехо-словацкой «легии» в Сибири¹, — чувствовали себя очень плохо, и среди них начали раздаваться голоса, требующие, чтобы продвижение на Владивосток было достигнуто более радикальным способом»; говоря иными словами — пробиваться на Владивосток силой оружия.

В таких условиях неизбежны были инциденты. Главный из них произошел 19 мая на Челябинском вокзале. Куском железа, выброшенным из проходившего поезда с мадьярами, был ранен чехо-словацкий солдат. Чехо-словаки остановили поезд и убили виновника. Местный большевицкий совет арестовал тогда чехо-словацких солдат. Их товарищи силой освободили арестованных и вооружились оружием, захваченным в местном складе и отобранном ими у красной гвардии.

При такой крайне возбужденной психической атмосфере в Челябинске собрался съезд чехо-словацких военных делегатов (16–20 мая). Этот съезд решительно стал на точку зрения разрыва с большевиками и постановил, прекратив дальнейшую сдачу оружия, двигаться «собственным порядком» на Владивосток. Для руководства передвижением «собственным порядком» чехо-словацкие военные делегаты избрали Особый Комитет, в который вошли наиболее энергичные начальники эшелонов — Чечек⁶³, Войцеховский⁶⁴ и Гайда⁶⁵, при председателе члене Национального Совета Б. Павлу.

Со своей стороны, большевики решили воспользоваться происходящим в Челябинске как предлогом для окончательной ликвидации Чехо-словацкого корпуса. 21 мая они арестовали в Москве обоих представителей Чехо-Словацкого Национального Совета^{II} и отдали распоряжение о полном разоружении и расформировании чехо-словацких эшелонов (телеграммы Троцкого и Аралова). Чехо-словакам было предложено «организоваться в рабочие артели по специальностям и вступить в Красную армию». Г.г. Макса и Чермак — арестованные в Москве представители Чехо-Словацкого Национального Совета — приняли требования Троцкого и отдали от себя приказ о сдаче чехо-словаками всего оружия, объявив при этом, что «каждый, кто не выполнит этого приказа», должен рассматриваться, как мятежник,

^I *Steidler F. Cechoslovenski hnuti na Rusi, 1921.*

^{II} Сам председатель Чехо-Словацкого Национального Совета, Масарик, 7 марта уехал из России, оставив секретарю Отделения Национального Совета в России Клецанде инструкцию: если в России произойдет восстание против большевиков, в русские дела не вмешиваться. Не лишено интереса, что 10 апреля в интервью профессор Масарик высказался за признание большевицкой власти «де факто» (*Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 36. Белград, 1930.*)

и ставит себя «вне закона». От имени Масарика Макса заявил, что происшедшие недоразумения в Челябинске — ошибка чехо-словаков. Он требовал немедленного прекращения всякого рода выступлений, которые препятствуют выполнению «национального дела».

По свидетельству Штейдлера¹, уступчивость, проявленная представителями Чехо-Словацкого Национального Совета, вызвала в чехо-словацких эшелонах сильное возмущение. Другой историк деятельности чехо-словаков в России Драгомирецкий^{II} утверждает, что «чехо-словаки, конечно, поняли, под каким давлением была составлена эта телеграмма, посмеялись над ее содержанием и ответили, что они не признают над собою власти ее авторов».

В лице «Особого Комитета», избранного съездом военных делегатов, Чехо-словацкий корпус создал себе новый руководящий центр.

«В сущности, — замечает историк С. П. Мельгунов, — произошла маленькая внутренняя революция».

Чехо-словацким эшелонам и их ближайшим начальникам становилось совершенно ясно, что политика соглашательства с большевиками, которую продолжали вести в Москве под флагом невмешательства в русские дела находившиеся там члены Национального Совета, грозила не только самому существованию Чехо-словацкого корпуса, но и жизни его бойцов. Ближайшие начальники чехо-словацких эшелонов уже раньше, по своей собственной инициативе, вошли в тайную связь с русскими контрреволюционными организациями в Сибири и в Поволжье, желая обеспечить этим себе возможность дальнейшего продвижения по железной дороге на Владивосток. Так, например, по свидетельству Штейдлера, капитан Гайда уже в половине мая вступил в переговоры с некоторыми руководителями тайного противобольшевического движения в Новониколаевске^{III}.

25 мая последовала грозная телеграмма Троцкого, которая не оставляла уже никакого сомнения в гибельности политики «нейтралитета».

«Все советы на железной дороге обязаны, — гласила эта телеграмма, — под страхом тяжелой ответственности разоружить чехо-словаков. Каждый чехо-словак, который найден будет вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте; каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагонов и заключен в лагерь военнопленных... Одновременно

^I Cechoslovenski hnuti na Rusi, 1921.

^{II} «Чехословаки в России», с. 57; см. также: *Подшивалов*. Гражданская борьба на Урале.

^{III} Вольная Сибирь, т. IV, с. 19–26.

посылаются в тыл чехо-словаков надежные силы, которым поручено проучить мятежников... Ни один вагон с чехо-словаками не должен продвинуться на Восток...»

Эта телеграмма застала чехо-словацкие эшелоны растянутыми на шесть с половиной тысяч километров. Голова их подходила к Маньчжурии, а хвост оставался еще в центральной Европейской России, в 300 километрах к западу от Волги, лишь только подтягиваясь к Пензе.

Однако Троцкий рассчитал очень плохо. Вместо того чтобы запугать чехо-словаков, эта телеграмма побудила их к немедленному восстанию.

Спасая свое существование, чехо-словацкие эшелоны вступили в борьбу с большевиками, захватывая железнодорожные станции, разгоняя большевистские советы, разоружая и уничтожая красную гвардию. Встречаемые ими силы большевиков были ничтожны, поэтому действия чехо-словаков сопровождались быстрым и ошеломляющим успехом. Повсюду их выступления вызвали местные восстания и организацию русских добровольческих отрядов — по преимуществу офицерских, отчасти возникавших стихийно, отчасти уже подготовленных местными военными и политическими противобольшевистскими центрами. Эти отряды присоединялись к чешским войскам, увеличивая их силу и придавая выступлению чехов, вызванному стремлением открыть себе путь на восток, смысл и характер идейного контрреволюционного движения.

Главные очаги восстания образовались¹:

1. В Новониколаевске, в котором уже 25 мая выступил капитан Гайда, став во главе группы в 4000 чехо-словацких бойцов.

2. С 26 мая в Челябинске, где под командой полковника Войцеховского собралось до 8000 чехо-словаков.

3. С 28 мая в Пензе, где хвостовые чехо-словацкие эшелоны составили группу в 5000 человек под начальством капитана Чечека.

Головные эшелоны чехо-словаков, находившиеся уже в Забайкалье, с общей численностью в 15 000 чехо-словацких бойцов, продолжали под начальством ген. Дитерихса двигаться к Владивостоку.

Совершенно естественно, что первой стратегической задачей, которой задалась Чечек, Войцеховский и Гайда, явилось скорейшее установление оперативной связи между группами, на которые разбиты чехо-словацкие войска. Поэтому Чечека потянуло к скорейшему переходу через Волгу (Сызранский железнодорожный мост), Войцеховский же и Гайда двинулись навстречу друг другу. 8 июня Чечек занял Самару, а Войцеховский и Гайда 10 июня соединились у Омска. После этого Войцеховский повернул часть своих эшелонов обратно на запад,

¹ История Гражданской войны, т. III, с. 77.

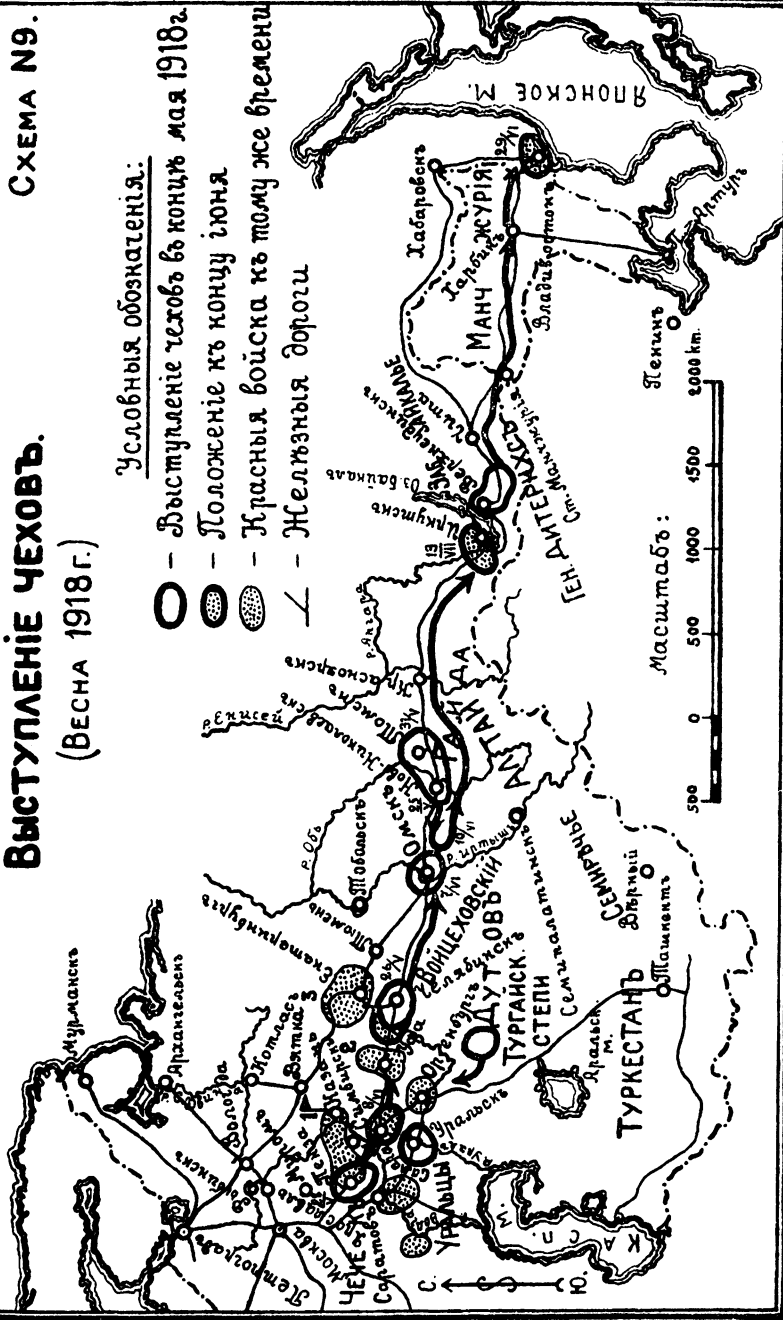
ВЫСТУПЛЕНИЕ ЧЕХОВЪ.

СХЕМА №9.

(Весна 1918 г.)

Условныя обозначенія:

- — Выступление чеховъ въ концѣ мая 1918 г.
- ◐ — Положеніе къ концѣ іюня
- ◑ — Красныя войска къ тому же времени
- Желѣзныя дороги

Масштабъ :

навстречу Чечеку. 5 июля части Чечека захватили Уфу и, соединившись 6 июля в Златоусте с частями Войцеховского, установили сквозное железнодорожное сообщение между Самарой и Омском. Гайда же повернул после занятия Омска на восток и 19 июня захватил Красноярск. 11 июля он занял Иркутск, чем утвердил, вместе с двинувшимися навстречу ему частями Дитерихса, сквозное железнодорожное сообщение между Омском и Владивостоком.

Выступление Чехо-словацкого корпуса застигло большевиков, согласно свидетельству их официальной «Истории Гражданской войны», «в момент только что начавшего развиваться творчества ее вооруженных сил. Наличные же силы были связаны на Донском фронте и на демаркационной линии с австро-германцами. Поэтому выделение новых сил для борьбы с чехо-словаками являлось весьма затруднительным...».

На Урале «красная армия» составлялась из совокупности отрядов и «отрядиков», иногда числом 13 и более, при численности некоторых «дружин» не свыше 1–2 десятков человек. Так, 1 июня 1918 года на позициях под Миасом¹ находилось 13 таких отрядов, общая численность которых не превосходила 1105 штыков, 22 сабель при 9 пулеметах. Несмотря на то что кадры многих из этих отрядов состояли из вполне сознательных и самоотверженных рабочих, но к бою с регулярными частями по своему полнейшему незнанию военного дела они оказывались совершенно неподготовленными. Примерно, такой же характер имели и красные вооруженные силы Сибири. Бывший командующий Уральско-Сибирским фронтом т. Берзин⁶⁶, в своих воспоминаниях («Этапы в строительстве Красной Армии», изд. 1920) дает нам общую цифру этих сил, главный сгусток которых в июне 1918 года находился в районе Екатеринбург–Челябинск, примерно в 2500 человек при 36 пулеметах и 3 взводах артиллерии¹¹.

Вот в каких условиях большевицкой власти пришлось организовывать первоначальную защиту против чехо-словаков.

В рядах этих первых защитников большевицкой власти имелись немцы и мадьяры из бывших в плену в России. Это усиленно подчеркивают все чешские источники. Немецкие источники хотя и отрицают это, но их отрицания, по существу дела, лишь подтверждают присутствие немцев и мадьяр в рядах большевицких отрядов. Так, например, рапорт, представленный Мирбаху германскими делегатами, бывшими в Пензе 29 мая и арестованными чехами, гласил: «Нам заявили, что, по имеющимся в их штабе (то есть в штабе дивизии капитана Чечека) данным, председатель германской комиссии военнопленных лейтенант

¹ На полдороге между Челябинском и Златоустом.

¹¹ История Гражданской войны, т. III, с., 74.

Лессинг руководит большевицкими отрядами и приказал германским военнопленным принять участие в боях большевиков с чехами. Мы опровергаем это утверждение... На самом деле в борьбе на стороне советского правительства приняли участие только те германские и австрийские военнопленные, которые состояли в красной гвардии и были нами исключены из списка военнопленных»¹.

Я остановился на этой подробности, ибо она содействовала укреплению среди чехо-словацких солдат убеждения в том, что требования об их разоружении и остановке перевозок на восток исходят о Мирбаха, что большевиков ведут немцы и что чехо-словаки воюют, собственно говоря, против Германии². А это, в свою очередь, с самого же начала совместного выступления чехо-словаков и русских привело, по свидетельству самих чехов, к двойственности в преследуемых целях: русские проявляли больший интерес к борьбе против большевиков, чехо-словаки же — к борьбе против германцев³.

Использование Антантой выступления чехо-словаков для образования «Восточного» фронта

Успех вооруженного выступления чехо-словаков, приведший к овладению ими железнодорожной магистралью от Владивостока до Волги (у Самары), был на руку генеральным штабам Держав Антанты. С одной стороны, под предлогом помощи чехо-словакам, застрявшим в Сибири, удалось ускорить согласие С.А.С.Ш. на участие в интервенции в Сибири. С другой стороны, явилась надежда организовать на Волге чешско-русский противогерманский фронт.

Особенно рьяно взялись за эту идею французы. Не нужно забывать, что июнь и июль месяцы 1918 года явились наиболее критическим периодом на французском театре военных действий. Этим и объясняются те авантюры, на которые пускались французские представители в России, содействовавшие июльским вооруженным выступлениям левых эсеров в Москве и Петрограде и подымавшие при помощи Савинкова восстания на Верхней Волге (в Ярославле, Рыбинске и Муроме).

При таком настроении совершенно в порядке вещей явилось стремление повернуть удачно выступивших чехо-словаков обратно на запад — на Волгу.

Непосредственным проводником этого решения служил майор Гине, бывший французским военным представителем при Чехо-сло-

¹ *Bothmer*. Mit Graf Mirbach in Moskau. Tubingen, 1922.

² *Масапул*. Мировая революция. Воспоминания. Прага, 1926. Т. II, с. 83—84.

³ *Prikryl*. Sibirská Drama. Praha, 1929.

вацком корпусе. Этот французский офицер, по-видимому, сам верил в то, что на поддержку Восточного противогерманского фронта придут крупные союзные силы. «Это именно майор Гине, — пишет Т. Г. Масарик¹, — настаивал на удержании Волжского фронта в ожидании его поддержки воображаемой союзной армией, ожидаемой со стороны Вологды» (?!).

Еще более определенно указывает на эту роль майора Гине командир I-го чешского полка, находившегося в Поволжье — Степанов⁶⁷: «Дважды, совершенно официально я был заверен, — пишет он^{II}, — что корпус японцев подходит к Чите, а во Владивосток прибыли и высаживаются три дивизии французов, англичан и американцев, по прибытии которых чехам будет дан отдых».

На самом же деле, как известно, только в августе месяце во Владивостоке высадились три дивизии японцев, которые к западу от Байкальского озера идти не собирались; в Омск же прибыл только один британский батальон для охраны миссий бывших союзников.

Кроме Масарика и Степанова, о роли майора Гине, от имени французского правительства поворачивавшего чехо-словаков с востока на запад, свидетельствуют и многие другие источники. Вот подлинный текст заявления, торжественно сделанного майором Гине в Челябинске в последних числах июня^{III}: «Сообщаю Временному Исполнительному комитету Чехо-Словацких войск, что мною получена от французского посла зашифрованная телеграмма, извещающая меня о союзной интервенции в России. Передавая это указание, я заявляю, что облечен всеми полномочиями для изъявления благодарности союзников чехо-словацким войскам в России за их интервенцию. Их поведение, вытекающее из глубокого понимания обстановки, оказывает большую честь чехо-словацкой армии и доказывает доблесть ее исполнительных органов на громадном русско-сибирском фронте, так же как и на инициативу ее вождей, широта взглядов которых повлияла на членов конгресса, высказавшихся за эту интервенцию. Еще недавно члены французского посольства были вынуждены искать путей для поддержания сношений с русскими советскими властями, но эти власти с точки зрения союзников и цивилизованного мира более не заслуживают подобного к ним отношения. Сейчас мы не состоим с ними уже в сношениях, наоборот, вы увидите теперь, как мы будем всей душой и всеми силами защищать освободительную деятельность чехо-словацкой армии. Благодаря вам

^I La Résurrection d'un État. 1914–1918, p. 289.

^{II} Статья Степанова «Симбирская операция» // Белое Дело, т. I, с. 85.

^{III} Correspondence diplomatique se rapportant aux relations entre la République Russe et les puissances de l'Entente. Moscou, 1919, p. 14, 15.

Русский фронт восстановлен, но, к несчастью, по сей день еще цвет русского народа принимает в нем лишь слабое участие. Этот фронт направлен против истинного врага России, против врага союзников, врага права и справедливости, то есть против немцев. Французское посольство, всегда искренний союзник России, сражается с ней бок о бок в первых рядах этого нового фронта».

После протеста большевиков¹ французский посол Нуланс, находившийся в это время в Вологде, опровергнул это заявление майора Гине, сославшись на то, что Гине не мог сноситься с ним, «так как Вологда отрезана от него более двух месяцев».

18 июля большевицкое радио оповестило вышеуказанное опровержение Нуланса..., а 25 июля, то есть через неделю, сам Нуланс, окончательно порвав с Ленинским правительством, поехал в Архангельск навстречу высаживающемуся 2 августа десанту генерала Пуля.

По-видимому, опровержение Нуланса должно было служить для временного завуалирования перемены французской политики в России. Майор же Гине, по существу дела, правильно формулировал тот новый путь, на который теперь вступали союзники.

Тотчас по получении известия о чехо-словацком выступлении в России, английская газета «Манчестер Гардиан», бывшая раньше противницей интервенции, пишет 1 июня: «Военная сторона интервенции резко изменилась, речь идет о том, чтобы прийти в соприкосновение с чехо-словаками и сделать их ядром для новой армии, могущей сражаться против Германии и воссоздать Россию».

«Нет никакого другого пути, кроме посылки в Россию союзных войск в достаточном количестве, — печатает 2 июля другая английская газета, «Дейли Кроникл», — чтобы они могли служить ядром для всех тех сил России, которые стремятся к восстановлению независимости».

Во Франции орган Клемансо «Ом Либр» заявляет 1 июля, что история России приближается к поворотному пункту и требует от союзников не упускать момента.

Выступление чехо-словаков в Сибири, по словам Т. Г. Масарика, произвело «удивительное, можно сказать, невероятное» впечатление в Америке. «Наша армия в России и в Сибири стала предметом всеобщего интереса... Анабазис наших русских легионов действовал не только на широкие круги, но и на круги политические... Всё это представлялось в виде чуда или сказки»^{II}.

Даже «в Америке поднялись голоса за интервенцию», — отмечает нью-йоркский корреспондент «Дейли Кроникл».

^I Там же, с. 17.

^{II} *Масарик*. Воспоминания, т. II, с. 78.

«Положение в Сибири заставляет Соединенные Штаты предпринять шаги для помощи ей против немцев. Соединенные Штаты должны предложить чехо-словакам, полякам и другим народностям в России сражаться за свою свободу», — заявляет 20 июля сенатор Люис в сенате.

Т. Г. Масарик, как опытный политик, учел эти настроения и, согласно Вашингтонской декларации Чехо-Словацкого Национального Совета от 28 июля, он «дал инструкцию чехо-словакам, находящимся в Сибири, пока остаться там. Но, — продолжает далее эта декларация, — вопрос о пребывании или об уходе из России зависит не от одних чехо-словаков. Это должно быть решено союзниками, ибо чехо-словацкая армия является одной из союзных армий и находится под командованием Версальского военного совета. Безусловно, чехо-словаки желают избежать участия в гражданской войне в России, но в то же время они понимают, что они могут оказать, оставаясь здесь, гораздо большие услуги, нежели если они будут перевезены во Францию. Они предоставляют себя в распоряжение верховного союзного совета».

Самарское противобольшевицкое правительство

Работая над созданием в России Восточного противогерманского фронта, представители союзников вели переговоры со всеми противобольшевицкими группировками русской интеллигенции.

Они приложили все усилия, чтобы вступить в соглашение с партией социалистов-революционеров, представители которой, как известно, составляли большинство в разогнанном большевиками Учредительном Собрании. Руководящий аппарат этой партии находился в руках центра партии, и в частности «Левого центра» с Черновым во главе.

Как я говорил в главе XI, центральные эсеры уклонились от вхождения в «Союз возрождения России», в котором объединились левое крыло русской либеральной демократии и правое крыло социалистов (в том числе и «правые» эсеры). Естественно, что и переговоры между центральными эсерами и союзниками велись самостоятельно.

О характере этих переговоров можно судить по следующей выдержке из воспоминаний одного из видных деятелей партии эсеров — В. И. Лебедева⁶⁸:

«...Союзники (их представители) обещали нам, — пишет он, — прислать десант в Архангельск и в Сибирь через Владивосток... На этом строились все наши расчеты. Вкратце план был таков. Восстание на Волге, захват городов: Казань, Симбирск, Самара, Саратов. Мобилизация за этой чертой. Высадка союзников в Архангельске и их движение к Вологде на соединение с Волжским фронтом. Другой десант

во Владивостоке и быстрое его продвижение к Волге, где мы должны были держать фронт до их прихода.

При таком положении вещей не только противобольшевицкому населению, но даже советским приверженцам пришлось бы выбирать: или союз с Германией против всех русских демократических партий,

или союз с нами против захватившей пол[овину] Европейской России Императорской Германии.

Волга была избрана как наиболее удачное место потому, что она была достаточно удалена от центра большевицких сил, потому что на ней происходил ряд стихийных крестьянских и городских восстаний, потому что на Волге имелось много эвакуированного с фронта вооружения, и потому, что она представляла собой естественный барьер, за которым легко было начать развертывание всех наших сил. И наконец, за Волгой уже боролось и с большим успехом демократическое Уральское казачество и с ним крестьянство двух соединенных уездов — Николаевского и Новоузенского.

Единственно, чего мы не знали, — это когда, где именно и как начнется наше восстание. Но мы глубоко верили, что оно начнется...»¹.

Соглашение центральных эсеров с представителями союзников нашло свое выражение в резолюции 8-го Совета партии эсеров, заседавшего в Москве между 20 и 27 мая.

Согласно этой резолюции² партии эсеров, в Россию призывались войска Антанты. По существу говоря, это был призыв к вооруженной интервенции союзников. Правда, этот призыв маскировался заявлением о том, что «трудовая демократия ни в коем случае не должна опираться... на военную помощь союзников, в целях восстановления народного суверенитета». Иностранная военная помощь призывалась только для продолжения войны с Германией. Но русские народные массы продолжать этой войны не хотели, а следовательно, вступление иностранной военной силы, даже ограниченное рамками «внешней войны», являлось вооруженной интервенцией в дела России.

Несомненно, что многие из представителей эсеров, голосуя за эту резолюцию, действовали под влиянием чувства патриотизма, оскорбленного позорным Брест-Литовским миром и оккупацией Германией Южной России. Но несомненно также, что лидеры Центрального Комитета, которые в то время принадлежали к эсерам черновского толка, стремились использовать появление иностранной вооруженной силы и в своих собственных партийных целях. Дело в том, что им не могли

¹ Из Архива В. И. Лебедева // Воля России, VII—IX, с. 63—64.

² Полный текст этой резолюции приведен в Приложении № 44.

быть известны переговоры германских военных кругов с русскими правыми кругами о возможном восстановлении монархии. Призывая войска союзников сражаться с немцами на территории России, лидеры «центральных» эсеров этим самым направляли их не только против большевиков, но и против русских монархистов и поправевшей части русской либеральной интеллигенции. В этом отношении показателен начальный абзац резолюции, в котором говорится о «восстановлении фронта при помощи прекращения гражданской войны».

Говоря о прекращении гражданской войны, лидеры центральных эсеров по существу дела оставались на тех же позициях, что и в ноябрьские дни: борьба с большевиками лишь постольку-поскольку. Создававшая же в России социально-психическая обстановка требовала **безоговорочной** борьбы с большевизмом.

Двойственность позиции, занятой эсерами черновского толка, неминуемо должна была привести или к неудаче противобольшевицкого выступления, или же, в случае удачи, к внутренним переворотам, имеющим целью заменить на верхах противобольшевицкого движения колеблющихся эсеров более решительно противобольшевицки настроенными вождями.

Таковы были неизменные следствия органических законов, которым подчиняется социальная жизнь в бурную эпоху революций и гражданских войн.

Но если эсеры черновского толка, несмотря на всё пережитое Россией в 1917 и 1918 гг. «ничему не научились и ничего не забыли», то того же нельзя сказать про тех представителей партии эсеров, которые оказались правее их.

Не говоря уже о «правых» эсерах, которые, как известно из главы XI, вошли в состав «Союза возрождения России», даже правое крыло центральных эсеров осознало необходимость безусловной борьбы с большевиками.

К представителям этого правого крыла и принадлежали в Сибири «областники» и кооператоры. Об их роли в подготовке контрреволюционного движения я уже говорил в главе X.

В Поволжье обстановка складывалась несколько иначе. Однако и здесь эсеры тоже имели связи с крестьянскими массами, среди которых господствующим типом был крестьянин-«середняк» (см. главу VIII).

Подпольная работа эсеров облегчалась тем, что большевики в это время стеснялись преследовать их столь же жестоко, как они преследовали другие политические партии, в особенности буржуазные. Левые эсеры еще не выступили против большевиков, и эти последние не хотели осложнять и свое без того трудное положение гонениями бывших

сотоварищей левых эсеров. Несомненно также, что, зная готовность эсеров черновского толка пойти на коалицию с большевиками, Ленин не хотел разрушать в них эту иллюзию, задерживая таким образом их окончательный переход в контрреволюционный лагерь.

В результате большинство образовавшихся в Заволжье и в Сибири скрытых центров, подготовлявших восстание против большевиков, оказались в руках эсеров. Это притянуло к ним контрреволюционные элементы, зачастую не только чуждые по духу, даже враждебные их партии, как, например, офицерские организации.

С другой стороны, когда среди чехо-словаков стала назреть идея вооруженного выступления против большевиков и они начали связываться с Поволжскими и Сибирскими тайными противобольшевицкими центрами, они, силою самих вещей, связались прежде всего с эсерами. Эта связь облегчалась той симпатией, которая уже раньше установилась между политическими лидерами чехо-словаков и лидерами эсеров.

В таких условиях было совершенно естественным, что с захватом чехами Самары, столицы степного Заволжья, они передали власть представителям этой партии.

«Собравшись в нашей штаб-квартире в пять часов утра, — рассказывает эсер П. Д. Климушкин⁶⁹, — мы, все пять членов¹ Учредительного Собрания — Вольский⁷⁰, Брушвит⁷¹, Климушкин, Фортунатов⁷², Нестеров⁷³ — основная пятерка, взявшая на свою ответственность организацию вооруженного восстания, сейчас же отправилась в городское самоуправление и вступила в исполнение своих обязанностей...»¹¹.

Социал-демократ меньшевик Майский, тоже член бывшего Учредительного Собрания, вошедший впоследствии в состав Самарского правительства, описывает этот момент иначе¹¹¹: «Вышепоименованная пятерка в чешском автомобиле и под чешской охраной была доставлена в здание городской Думы и здесь объявила себя правительством».

Свое право на власть новое правительство основывало на принадлежности к составу бывшего Учредительного Собрания. Члены этого последнего приглашались в Самару в состав «Комитета Учредительного Собрания», который должен был представить собою Верховную Всероссийскую власть. Этот Комитет, или как он стал сокращенно называться «Комуч», оповестил местное население о своем появлении у власти в форме Приказа № 1.

¹ Все пять тоже эсеры. — *Прим. Н. Н. Г.*

¹¹ Статья Климушкина «Перед Волжским восстанием» // *Воля России*, VII—IX, с. 231.

¹¹¹ *Майский*. Демократическая контрреволюция, с. 60.

«Именем Учредительного Собрания, — говорилось в этом приказе, — большевицкая власть в г. Самаре и Самарской губернии объявляется низложенной. Все комиссары отрешаются от занимаемых ими должностей. Во всей полноте своих прав восстанавливаются распущенные советской властью органы местного управления: городские думы и земские управы, коим предлагается немедленно приступить к работе.

Все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевицкими властями, отменяются и восстанавливаются свобода слова, печати, собраний и митингов.

Единая независимая свободная Россия. Вся власть Учредительному Собранию. — Вот лозунги и цели новой революционной власти»¹.

«...Комуч своей ближайшей задачей ставит укрепление власти Учредительного Собрания. Создание Национальной Армии для борьбы с внешним врагом. В области внешней политики Комитет Учредительного Собрания сохраняет верность союзникам и отвергает всякую мысль о сепаратном мире, а потому не признает силы Брестского мирного договора»².

Таким образом «политическое руководство освобожденными районами взяли на себя собравшиеся члены Учредительного Собрания... Так как левое и правое крылья Учредительного Собрания (большевики и кадеты) отпали, одни по убеждению, ввиду отрицательного отношения коммунистов к Учредительному Собранию, другие — вследствие изгнания их из состава последнего, то остатки получились односторонне партийные. Это были по преимуществу “черновцы”³...» Так оценивает Комуч государствовед профессор Гинс⁴. Приводимые в приложении⁵ списки членов Комуча на 13 августа и на 1 октября вполне подтверждают его заключение.

Столь же узкопартийным был и правительственный орган (управляющие ведомствами), образованный Комучем в виде исполнительной власти.

«По партийной принадлежности правительство это⁶, — свидетельствует член его эсер Лебедев⁷, — будучи правительством Комитета

¹ Гражданская война на Волге. Сборник I. Изд. О-ва участников волжского движения. Прага, 1930. Статья В. Архангельского «Волжский фронт Учредительного Собрания в 1918 году». С. 5.

² Там же, с. 40.

³ Центральные эсеры, одним из лидеров которых был Чернов. — *Прим. Н. Н. Г.*

⁴ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 132.

⁵ См. Приложение № 45.

⁶ Состав правительства указан в Приложении № 46.

⁷ Воля России, VII—IX, с. 200.

членов Учредительного Собрания, вначале состояло исключительно из членов партии социалистов-революционеров. Затем в его состав (в ликвидационный, по существу, период) были введены два социал-демократа, один беспартийный и один «специалист» — военный.

Таким образом, хотя в составе Комитета членов Учредительного Собрания и не было в течение первого и ответственного периода вооруженной борьбы «видных» (по тогдашней терминологии) лидеров партии социалистов-революционеров, вся ответственность за действия Комуча лежит на этой партии.

Во второй период Волжского фронта — после взятия Казани, — пишет тот же В. И. Лебедев¹, — в рядах Комуча уже и много “видных” партийных вождей. В том числе и членов Центрального Комитета партии, установивших, если не ошибаюсь, на территории Комуча заседания Центрального Комитета». И, по определению Майского, одного из социал-демократов, вошедшего впоследствии в состав Самарского правительства, всё, что происходило в Самаре, превратилось в «эсеровское предприятие». «Это даже Дану, лидеру меньшевиков, казалось нелепой авантюрой»^{II}.

Настроение в широких кругах русской интеллигенции сильно изменилось по сравнению с 1917 годом. В этом отношении показательны были городские выборы, происшедшие на территории Комуча в середине августа. Они отмечали необычайный абсентеизм избирателей. Если в Самаре социалистическому блоку удалось получить 50 % голосов, то в других городах этого уже не было, «и деятели Комуча, — пишет народный социалист С. П. Мельгунов^{III}, — настолько непосредственно это ощущали, что всячески противились приезду... председателя бывшего Учредительного Собрания Чернова, который появился в Самаре лишь 20 сентября».

Бывшее Учредительное Собрание не создало себе ореола, который мог бы служить знаменем для общенародного объединения. В глазах всех политических партий, кроме эсеровской, оно ушло в историю как выражение временного настроения взбудораженных революцией малокультурных крестьянских масс. Этим и объясняется то безразличие, с которым отнеслись эти массы к разгону большевиками Учредительного Собрания. Вот пример, взятый из жизни одной из Поволжских губерний, как раз соседней с Самарской. В Казани происходил 4-й губернский крестьянский съезд в составе 700 человек, на котором обсуждался доклад вернувшихся после разгона большевиками Учредительного Собрания депутатов от местного населения. «Крестьяне

^I Воля России, VII—IX, с. 201.

^{II} Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 121.

^{III} Там же.

высказались за ненужность в дальнейшем Учредительного Собрания и одобрили своих депутатов, заявивших о благотворности для русского крестьянства разгона Учредительного Собрания»¹.

В результате 4-м крестьянским съездом Казанской губернии была вынесена следующая резолюция: «Ввиду того, что переживаемая сейчас Россией стадия революции является высшей по отношению к той, при которой идея всенародного внеклассового Учредительного Собрания была бы жизненной, новые выборы в Учредительное Собрание, как и созыв старого уже умершего, считать ненужными, а самые домогательства созыва Учредительного Собрания, с чьей бы стороны они теперь ни исходили, считать актом контрреволюционным»².

Неспособность Самарского правительства выйти из партийных шор и подняться на высоту государственного понимания, нашла в первые же дни свое внешнее выражение.

«Не случайно, — пишет видный член Самарской власти П. Д. Климушкин³, — Комуч в первый же день своей власти выбросил над своим зданием красный флаг. Большинство населения отнеслось к этому акту его с недоумением, обвиняя Комуч в большевизме и тому подобных грехах. Некоторые даже встретили появление красного флага очень грубыми выкриками вроде: “Долой эту красную тряпку!”»

Этим актом эсеры показывали населению, что они ставили «революцию» выше «отчества», и то, что они продолжали оставаться «партией», а не становились «правительством».

Народная Армия

А между тем Самарское правительство поставило себе чрезвычайно трудную общенациональную задачу. Согласно заявлению одного из наиболее видных деятелей этого Правительства, « всю свою энергию новое Правительство направило на подготовку вооруженной борьбы с Германией »⁴.

Вооруженная сила, к формированию которой приступил Комуч, получила громкое наименование «Народной Армии». Во главе военного ведомства было поставлено коллегиальное учреждение: «Главный Штаб Народной Армии» из трех лиц — двух эсеров (В. К. Фортунатова

¹ Воля России, VII—IX, с. 277.

² Цитировано там же.

³ Климушкин П. Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 году, сборник I, с. 48.

⁴ Статья В. И. Лебедева «Лучше поражение, чем измена или капитуляция» в кн. VII—IX «Воли России», с. 207. В. И. Лебедев был товарищем Управляющего военным ведомством.

и Боголюбова; этот последний был затем заменен В. И. Лебедевым) и одного военного «специалиста». Боязнь «генерала» заставила избрать таким «специалистом» малоопытного 26-летнего молодого человека — Н. А. Галкина⁷⁴, выпущенного в офицеры лишь в 1912 году. Для повышения его авторитета Комуч произвел Н. А. Галкина в полковники, а вскоре затем и в генералы. Вполне авторитетный и беспристрастный свидетель деятельности «Главного Штаба Народной Армии», С. А. Щепихин⁷⁵, характеризует ее так: «Из трех лиц, возглавлявших военное дело, один распоряжался, не зная дела (Галкин), другой на фронте сражался и был... ранен (Фортунагов), третий (Лебедев) митинговал»¹.

Основу создаваемой Народной Армии составили добровольческие отряды. Этого рода формирования создались в больших поволжских городах. Во главе их оказался полковник Генерального штаба В. О. Каппель⁷⁶. «На предложение принять командование над 1-й добровольческой дружиной (Самарской) этот в высшей степени скромный офицер просто ответил: “Согласен; попробую воевать; я монархист по убеждению, но стану под какое угодно знамя, лишь бы воевать с большевиками. Даю слово офицера держать себя лояльно к Комучу”. **И слово сдержал**».

Эта выдержка взята мною из сборника статей о борьбе на Волге^{II}, изданного эсерами и проникнутого их партийным духом; она тем более интересна, что В. О. Каппель являлся типичным представителем той наиболее доблестной и патриотично настроенной части нашего офицерства, которая во всех очагах русской контрреволюции составила контингент «первых» добровольцев.

Эти «первые» добровольцы в Поволжье, как и везде, были терпимыми к чуждой им политике высших руководителей, лишь бы только эта политика руководствовалась идеей борьбы с большевиками. П. Д. Климушкин — один из видных членов Самарского правительства, который столь же односторонен в оценке офицерства, как и его товарищи по партии эсеров, однако должен признать, что «большинство офицеров, восставших с нами в Самаре, остались вполне лояльны». При этом П. Д. Климушкин, желая усилить свое заявление, напечатал эти слова жирным шрифтом^{III}.

Добровольцы Каппеля, ставшие скоро именоваться в честь своего вождя-героя «каппелевцами», действовали у Самары и к северу от нее. К югу действовали добровольцы, собравшиеся около другого пол-

¹ *Щепихин С. А.* Под стягом Учредительного Собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г., сборник I, с. 198.

^{II} Там же, с. 186–187.

^{III} *Климушкин П. Д.* Перед волжским восстанием // Воля России, VII–IX, с. 228. Прага, 1928.

ковника Ген. штаба Махина⁷⁷. Последнему удалось привлечь в состав своего отряда до 1500 добровольцев из числа крестьян, восставших в соседних с Уральским казачеством Николаевском и Новоузенском уездах Самарской губернии.

На Каппеля и Махина и легла вся тяжесть борьбы с большевиками, и их усилиями созданся первый контрреволюционный очаг Волжского фронта. В течение всего июня месяца, пока главные силы чехо-словаков Чечека ушли на восток, чтобы открыть себе сквозное железнодорожное сообщение с Челябинском, полк. Каппель совместно с наскоро созданной речной флотилией освобождал территории, лежавшие от Самары вверх по Волге; Махин же действовал вниз по этой реке. Силы каждого из этих отрядов никогда не превышали 3—4 тысяч бойцов.

Результатом их действий было создание фронта по Волге от Новодевичьего (у Жигулевских гор на правом берегу Волги на полпути между Сенгелеем и Ставрополем) до Хвалынска общим протяжением по течению Волги до 200 миль.

По мере того как первый подъем настроения, вызванный свержением большевиков, начал проходить, приток добровольцев иссякал. Партийность правительства отталкивающе действовала на офицерство. Когда же впоследствии открылось сообщение с Западной Сибирью, «к ущербу Самары началась опасная тяга офицерства в Сибирь, где идеалы казались ему более близкими»¹.

Освобожденные от большевиков города давали добровольцами по преимуществу учащуюся молодежь. Несомненно, что это было следствием пассивности нашей буржуазии, но в этом сказывалось также и недоверие к партийно-эсеровской власти. «С первых же шагов новой власти стало ясно, — вспоминает П. П. Петров⁷⁸, состоявший начальником оперативного отделения Штаба «Народной Армии», — что в вопросе создания военной силы она стоит на ложном пути. Бойтсся контрреволюции, раздражает добровольцев и офицеров из буржуазных семей открытыми выпадами против буржуазии... Члены Комитета как будто не задумывались над такими противоречиями: власть эсеровская, партийная, непримиримая даже с кадетами, а воинская сила в большинстве из правых элементов, враждебных эсерам. Надо было как-то сглаживать противоречия. Совершенно не чувствовалось сознания, что нужно энергично создать (воинскую) силу, привлечь возможно широкие круги к борьбе, пожертвовать интересами партии для одной цели — успеха на фронте. Первоначальные успехи против сбежавших в панике красных поднимали дух, открывали перспекти-

¹ Ген. П. П. Петров. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания. Рига: Изд. Дидковского, 1930, с. 17.

вы, кружили головы, но не заставляли взяться за дело всеми силами; в первое время, тревожные дни члены Комитета иногда просиживали часы ночью в ожидании известий с фронта, а потом, после успехов или при успокоительных вестях только требовали сводок о положении на фронте. Положение на фронте! А что в тылу, что делается, что мешает, как устранить помехи — как будто это должно делаться само собой.

Даже Каппель, старавшийся всячески не вникать в политику, принужден был заявить Председателю Комитета^I, что Комитет опирается на офицеров из буржуев, вовсе не сторонников Комитета, и их же ругает в печати»^{II}.

Рассчитывать на сочувствие рабочих поволжских городов не приходилось. Здесь, как и в Центральной России, рабочие не изжили еще большевизма, а потому в лучшем случае они оставались нейтральными. О настроении же крестьянства уже цитированный мною внимательный наблюдатель происходившего на Волге С. А. Щепихин^{III} пишет: «Русское крестьянское население, проще сказать деревня, встряхнувшись после Февральской революции^{IV} от долгой спячки, быстро и энергично провело у себя в жизнь земельный передел и ожидало с понятным нетерпением возвращения с фронта работников^V. Однако, как показали события, фронтовики не оправдали надежд, возлагаемых на них населением: в массе своей это были вооруженные толпы уставших морально, развращенных долгим бездействием, антидисциплинированных людей; приниматься за соху не многим улыбалось, а перспективы легкой наживы в войне с деревенскими «буржуями» и «кулаками»^{VI} были так заманчивы. Зарево пожаров помещичьих усадеб, разграбление монополий и складов винных запасов и другие бесчинства сопровождают появление фронтовиков во всех пунктах Поволжья. В этот же период, под влиянием большевицкой агитации, деревня начала расслаиваться на бедноту и зажиточных крестьян. В каждой деревне эти два элемента были резко поставлены один против другого, и борьба, скрытая или явная, велась повсеместно с переменным успехом. В деревне начали создаваться большие и малые очаги гражданской войны...»

Происходившие в недрах крестьянства процессы расслоения являлись естественным следствием нарастания психики гражданской

^I Кочуча. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} *Петров П. П.*, с. 39.

^{III} *Щепихин С. А.* Под стягом Учредительного Собрания // *Гражданская война на Волге в 1918 г.* Сб. I, с. 167–168.

^{IV} По новому стилю — «Мартовской революции». — *Прим. Н. Н. Г.*

^V *Солдат.* — *Прим. Н. Н. Г.*

^{VI} Так окрестил Ленин более зажиточных крестьян, натравливая на них более бедных. — *Прим. Н. Н. Г.*

войны, в которую превращалась, по мере своего углубления, аграрная революция. Последняя связывалась этим с прочими процессами русской революции, теряя свой обособленный характер.

Я позволю себе задержать внимание читателя на более подробном рассмотрении начавшегося вышеуказанного внутреннего разложения крестьянства, ибо, не отдав себе вполне отчета в этом процессе, трудно понять отношение приволжского, прикамского и приуральского крестьянства к Самарскому правительству.

Как всегда и везде, в народных массах, находящихся на низших ступенях материального благосостояния, степень культурности тесно зависит от степени зажиточности. И в России крестьянин, сделавшийся зажиточным собственником, являлся наиболее «крепким мужиком» не только в экономическом смысле; по сравнению с прочим крестьянством он представлял собой наиболее культурный и государственно-настроенный элемент деревни. Вследствие этого, он первый среди прочих элементов крестьянства начал отходить от революционного утара и становиться противобольшевиком.

В главе VIII я указывал, что крестьянство, живущее на территории России к западу от условной линии Псков—Симбирск—Одесса, испытывало самый острый земельный голод. В прилегающей к этой территории полосе, ограниченной с севера, востока и юга линией Петроград—Челябинск—Ростов, крестьянство было обеспечено землей вдвое лучше, нежели крестьянство указанной выше территории. Но и в самой этой полосе величина среднего крестьянского надела возрастала по мере удаления на восток. Крестьянские наделы Самарской, Вятской, Пермской и Уфимской губерний в два раза превосходили величину наделов в Казанской, Симбирской и Саратовской губерниях¹. Таким образом, выступление чехо-словаков и, как мы увидим из последующих глав, его дальнейшее развитие, затронувшие губернии Самарскую, Уфимскую, Пермскую и Вятскую, развивались среди крестьянства, в котором зажиточный элемент был более многочисленным, нежели к западу от р. Волги. Непосредственным следствием этого являлось то, что заволжское крестьянство отозвалось на выступление чехо-словаков широкой волной противобольшевицких восстаний.

В противоположность зажиточному мужику крестьянин-бедняк представлял собою бродильное начало деревенской анархии. И не только по причине своей бедности, но и в силу своей беспросветной темноты и некультурности. Недаром само крестьянство окрестило этот деревен-

¹ Семенов Д. П. Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России. Изд. типографии Мин. внутр. дел. Петербург, 1904, с. 16, 17.

ский элемент презрительной кличкой «голытьба». Анархичность этого элемента не имела никакой идеологической подкладки, а руководствовалась правилом «голому терять нечего», правилом, сформулированным русским же мужиком. Поэтому видную часть в деревенской голытьбе составлял деревенский преступный элемент, который, согласно русской же крестьянской поговорке, только и ждал случая «в мутной воде половить рыбку». Естественно, что этот элемент и составил деревенские большевицкие кадры. Верный себе Ленин поставил свою ставку на эту голытьбу и 26 мая издал декрет о «комитетах деревенской бедноты» (сокращенно: комбеды), в руки которых фактически передавалась власть над деревней.

В возникшей борьбе между деревенской «голытьбой» и «крепким мужиком» каждая из этих сторон старалась привлечь на свою сторону тот тип крестьянина, который большевики окрестили по признаку материального благосостояния «средняком».

В культурном отношении крестьянин-«средняк» тоже составлял «середину» между более сознательным «крепким» мужиком и деревенской «беднотой», составлявшей, в полном смысле, поддонки деревни. В «средняцкой» крестьянской массе особо ярко выражалось то пассивное отношение к государственности, которое само же русское крестьянство ярко выразило поговоркой: «Моя хата с краю, ничего не знаю».

Естественным последствием вышеизложенной психики крестьянина-средняка являлась его политическая неустойчивость. Когда в царское время эсеры вели среди крестьян пропаганду о захвате помещичьих земель, он был с эсерами. С ними же он шел летом 1917 года, надеясь скорее получить помещичьи земли в свои руки, и дал им подавляющее большинство в Учредительном Собрании. Но стоило только Ленину обещать окончание войны с немцами и декларировать украденный им у эсеров декрет о земле, как крестьянин-средняк отвернулся от эсеров и пальцем не пошевелил в защиту Учредительного Собрания во время разгона его большевиками. Теперь большевики царствовали в городах и, озабоченные начинающимся там голодом, приступили к насильственным реквизициям хлеба в деревне. Средняк отвернулся от большевиков.

Этот поворот против большевиков середняка особенно сильно выразился в Поволжском и Прикамском краях. Германская оккупация и восстание Дона отняли из-под власти Ленина почти всю территорию Юга Европейской России, производящую избыток хлеба. Поэтому вся волна реквизиционных, а вслед за ними и карательных отрядов большевиков, обрушилась на поволжское и прикамское крестьянство. Как я говорил в главе VIII¹, крестьянство, жившее к востоку от Волги, в силу ряда исторически сложившихся причин морального и экономического

¹ «Большевизм и крестьянство».

характера, являлось более свобододлюбивым, нежели крестьянство Центральной России. Это обстоятельство могло только усилить проявление протеста заволжского крестьянства против произвола, который вносили в деревню местные большевики в лице «голытьбы» и внешние большевики в лице реквизиционных и карательных отрядов.

Это была другая причина, почему, по свидетельству П. Д. Климушкина¹, крестьянство встретило «Самарский переворот с большим сочувствием и даже воодушевлением, выявив это во многих местах активно... Весь Заволжский район был охвачен крестьянскими беспорядками, направленными против советской власти».

Казалось бы, что в таких условиях приток добровольцев из крестьян в Народную Армию был обеспечен. На деле же он оказался ничтожным. Конечно, мы встречаем здесь то же явление, о котором мне уже приходилось говорить, когда я описывал формирование Северного фронта². Крестьяне-добровольцы предпочитали вступать в ряды своей «местной», если можно так выразиться, «мужицкой» милиции.

«Но такая армия, несмотря на многие ее достоинства, не могла удовлетворить Комуча, — пишет тот же член Комуча П. К. Климушкин³. —... Для нас слишком очевидны были недостатки этих отрядов: недисциплинированность и неустойчивость, и в связи с этим невозможность подчинить их выполнению определенных военных заданий. Попробуйте, например, один из таких отрядов перебросить в другой район, и вы увидите, что из этого получится: отряд или откажется выполнить ваше распоряжение, или разбежится, чему примеров немало.

Словом, для нас, членов Учредительного Собрания и руководителей военного ведомства, было ясно с самого начала, что без мобилизации или призыва правильной, дисциплинированной армии не создать...»

13 июля приказом Комуча № 64 и был объявлен призыв на обязательную воинскую службу родившимся в 1897 и 1898 гг., то есть 19–20-летней молодежи, не бывшей на войне.

«Призыв, конечно, не удался, — пишет тот же П. Д. Климушкин⁴, — и прошел не с тем успехом, на какой мы рассчитывали, судя по энтузиазму, каким было встречено падение большевиков. Призыв новобранцев в большинстве сел был встречен отрицательно, а в некоторых местах... даже враждебно».

¹ *Климушкин П. Д.* Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 году. Сб. I. Изд. О-ва участников Волжского движения. Прага, Румунска I. С. 49.

² См. главу XV.

³ Его вышеупомянутая статья, с. 79–80.

⁴ Там же, с. 85.

Причины нежелания поволжского крестьянства поступать в ряды формируемой Самарской властью регулярной армии были те же, которые затрудняли формирование такой же армии в Архангельске. Это были: 1) нежелание народных масс продолжать войну с Германией. Между тем, как известно, как раз под этим лозунгом собирал Комуч Народную Армию, призывая бороться с большевиками лишь как с союзниками немцев; 2) отсутствие доверия к правительству.

Я считаю нужным остановить внимание читателя на вышеуказанной второй причине.

В Самаре правительством стали те самые эсеры, которым русское крестьянство дало подавляющее большинство в Учредительном Собрании. Одним из первых актов этого правительства явилась декларация, подтверждающая тот аграрный закон, который эсеры пытались провести на единственном заседании Учредительного Собрания 18 января 1918 года, закон, передающий всю землю в распоряжение крестьянства. И крестьянин все-таки не пошел за ним.

Здесь мы подходим к интереснейшему социологическому вопросу о доверии народных масс к возглавляющей их власти. Не подлежит спору, что в основе этого доверия лежит уверенность первых в том, что власть разделяет их чаяния. Но необходимой является и другая данная, а именно вера в способность Правительства выполнить волю народных масс. Вот этого убеждения Комуч и не смог внушить крестьянам. Даже примитивный ум мужика быстро разобрался, что представители Самарской власти оставались «партией», а не стали «правительством». Практический ум крестьянина почувствовал это сразу в таком близком его сердцу вопросе, как вопрос о владении землей.

Проникнутый узкой партийной психологией, Комуч пребывал в непоколебимой уверенности, что аграрный закон 18 января, проводивший в жизнь программу социалистов-революционеров, является не подлежащим оспариванию разрешением вопроса. Самарские правители совершенно не замечали, что этот закон удовлетворял русское крестьянство только тем, что он освящал захват ими не крестьянской земли, но совершенно не удовлетворял его в вопросах формы самого владения землей. Как я уже несколько раз говорил, даже крестьянин-общинник был весьма далек от сочувствия социализации земли. Ко времени возникновения Самарского правительства помещичья земля была уже захвачена крестьянами. Возникло великое множество вопросов, связанных с закреплением ее за крестьянами. Последние ждали от новой власти не громких слов, а тем более не социалистических доктрин, совершенно недоступных их пониманию, а чисто деловой, практической политики, которая сделала бы их полноправными хозяевами захваченной ими земли. При этом те из крестьян,

которые перешли уже к индивидуальному владению землей, хотели ее в личную собственность; те же, которые оставались еще в общине, хотели ее тоже **в полную собственность своей общины**. Самарское правительство уклонилось от такой практической работы. Являясь принципиальным противником частной собственности на землю, оно не могло удовлетворить желания крестьян-собственников. Оно не могло также удовлетворить желания крестьян-общинников, так как исповедуемая им социалистическая доктрина требовала уравнительного владения землей.

Не пожелав снизойти с высоты своих «социалистических» идеалов до выдвинутых самой жизнью практических потребностей крестьянства, Самарское правительство отвернулось также и от того процесса расслоения, который начался в это время среди крестьян. А между тем и здесь жизнь требовала определенных решений. Нельзя было становиться во главе противобольшевицкой борьбы и не вступать в прочный союз с «крепким мужиком». Но для этого нужно было признать право частной собственности на землю, так как крестьянин-собственник являлся в рассматриваемое нами время руководящим элементом в среде «крепких мужиков». Это же значило вступить на путь контрреволюции.

Страх перед контрреволюцией, поставивший Самарское правительство в двойственное положение по отношению к офицерству, поставил его в такое же положение по отношению к противобольшевицки настроенному крестьянству. Самарское правительство не решалось открыто выступить на одной из враждующих в деревне сторон, как это сделал Ленин, решительно приняв сторону крестьянской голытьбы.

Уклончивое поведение эсеров не могло вселить веру в них в «крепкого мужика», а в еще большей степени не могло оно увлечь на решительную борьбу с большевизмом колеблющегося «середняка».

А между тем, и без того крестьянство выступало против большевиков с большой опаской. «Сельское население, особенно состоятельная часть, — записывает свои впечатления ген. П. П. Петров¹, — ждала прихода чехов в надежде получить помощь против деревенской голытьбы, игравшей в это время большую роль в деревне, но само выступало осторожно: оно могло дать людей при уверенности в успехе борьбы. Впоследствии, когда выступление было сделано, часто можно было слышать от депутатов: «добровольцами идти страшно, пусть лучше мобилизация — тогда все пойдут». Но и здесь вера в прочность нового порядка была основой...»

¹ *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания. С. 12–13.

При отсутствии такой веры не могло создаться и здорового духа в формируемой Комучем Народной Армии. Положение осложнялось еще тем, что эсеры, вошедшие в состав Самарского правительства, не изжили иллюзий 1917 г. — создания регулярной армии какими-то новыми методами, не применяемыми ни в одном, даже самом демократическом государстве.

«Самарский Комитет Учредительного Собрания, — пишет помощник Оренбургского Войскового Атамана ген. Акулинин⁷⁹ I, — объявил мобилизацию в Приволжских губерниях и приступил к формированию так наз. “Народной Армии”, порядки в которой сильно напоминали “керенщину”. Мобилизация на территории Комитета протекала вяло, мобилизованные шли неохотно...» По свидетельству члена Комуча П. Д. Климушкина^{II}, «в армии началось дезертирство настолько сильное, что Комуч... вынужден был назначить за дезертирство, как меру наказания, смертную казнь».

Отрицательно оценивает результаты военного творчества Комуча и появившийся в Поволжье в августе месяце ген. Болдырев^{III}. «Народная Армия, состоявшая из мобилизованных солдат и офицеров, — пишет он, — представляла боевой материал весьма невысокого качества и являлась скорее обузой, требовавшей значительных средств на ее содержание»^{IV}.

«Из 50–60 000 мобилизованных вооруженных бойцов насчитывалось не более 30 000 человек, да и то глубоко зараженных тем отвращением ко всяким жертвам, которое тогда резко проявлялось со стороны городского и деревенского обывателя. В рядах Народной армии едва ли насчитывалось к тому времени больше 10 000 бойцов...»

Свою неудачу Самарское правительство приписывало офицерству. «...И стал офицер делать армию знакомыми и близкими ему методами». Самарское правительство не отдавало себе только отчета в том, что задуманную им «мужичкую» армию можно построить лишь в виде милиции. Раз же оно пришло к убеждению в необходимости создать «дисциплинированную и сильную армию»^V, то есть регулярную военную силу, — то другого пути, как восстановление солдатской дисциплины, быть не могло.

^I «Казачьи Думы» № 22 (6) от 30 марта 1924 года, с. 9. Статья И. Акулинина: «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. III-й период». Изд. в Софии.

^{II} Там же, с. 88.

^{III} Болдырев. Директория, Колчак, интервенты, с. 31.

^{IV} Утгоф В. Л. Уфимское Государственное Совещание // Былое, № 16. Москва, 1921, с. 16.

^V Приказ Комуча № 2 от 8 июля 1918 года.

Отсутствие взаимного понимания могло только усилить недоверие офицерства к Самарскому правительству. По верному замечанию ген. Болдырева¹, с партией эсеров «у многих еще слишком свежи были счеты. Керенщина была еще слишком памятна, даже при нависшей угрозе Советов».

«Недовольство офицерства политикой Комуча начало выявляться с первых же дней движения не только в мелочах, но и в некоторых реальных действиях, угрожающих самому существованию Комуча». Это пишет тот же П. Д. Климушкин², который в приведенных выше выдержках так определенно свидетельствует о лояльности офицеров-добровольцев первого призыва, действовавших всё время на фронте.

«Самыми существенными из таких реальных действий, помимо других, — продолжает П. Д. Климушкин, — я считаю заговоры о свержении власти Комуча. Из таких попыток свергнуть власть Комуча нам было известно три...» Все эти попытки происходили в среде тылового офицерства.

Здесь мы имеем дело со своего рода психологическим законом действующей армии. Тылы всегда являются больным местом армии; в тылу зарождается самый вредный вид паники, в тылу начинается политиканство и из тыла приходит моральное разложение. Близость смерти на фронте облагораживает даже наиболее отрицательные элементы армии; пример соратников-героев пробуждает дух самопожертвования, заставляет забывать личные интересы. Существует и обратный процесс: хорошие элементы армии, попадающие назад в тыл, заражаются его болезнями.

В силу этого общего закона ошибки Комуча и должны были несравненно больше раздражать тыловое офицерство и влиять на его настроения, нежели касаться тех героев, которые дрались на фронте.

Самарское правительство, со своей стороны, платило офицерству той же монетой недоверия. Так, командующим Народной армией Самарское правительство назначило не доблестного и военно-образованного полковника В. О. Каппеля, а Чечека, недавно произведенного из чехо-словацких капитанов в полковники и не имевшего высшей военной подготовки. Оно стало также формировать особые чешско-русские части. «Цель формирования этих полков заключалась не только в усилении военных кадров: им ставились цели и политического характера. Развивавшаяся в верхах офицерства оппозиция к Комитету требовала противопоставления им соответствующей военной силы, независимой

¹ Директория, Колчак, интервенты, с. 29.

² *Климушкин П. Д.* Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 году. Сб. I, с. 91.

от русского командования. Поэтому, составляясь из русских и чехов, эти полки во главе имели чешских командиров и были подчинены непосредственно чешскому командованию»¹.

Член Комуча В. Л. Утгоф^{II} рассказывает курьезный эпизод, характеризующий те взаимоотношения, которые установились между Самарским правительством и избранным им же главой военного ведомства — Галкиным. Желая «одернуть» Галкина, председатель Комуча Вольский составил проект обращения к народу против военного министра. «Нечаянно» оно было доставлено Галкину. Последний же сам распространил это обращение среди офицерства, чтобы показать ему, к каким сомнительным приемам прибегает Самарское правительство.

Вот обстановка, в которой создалась та Русская вооруженная сила, при посредстве которой предполагалось образовать на Волге Восточный противогерманский фронт.

Волжский фронт

Подчинившись требованиям французов, чехо-словаки повернули на запад, к Волге. Совершенно естественно, что при этом их потянуло не прямо на запад — к Москве, и не на юго-запад — на Саратов и Царицын, а на северо-запад — на Пермь, для открытия себе нового пути к морю.

От Перми через Вятку на Вологду шла железнодорожная магистраль, завладев которой чехо-словаки приобретали прямую железнодорожную связь с Архангельском, откуда, согласно заявлению представителей Союзных Держав, будто бы двигались на помощь союзные войска. К этому нужно прибавить, что направление на Вологду—Архангельск было для эвакуации во Францию чехо-словаков, собравшихся в Поволжье и на Урале^{III}, короче, чем направление на Владивосток, сквозной путь к которому не был еще открыт.

Это тяготение чехо-словаков к направлению на Пермь—Вятку—Вологду и легло в основу первоначального плана действий чехо-словацкого командования.

8 июля, как уже говорилось выше, чехо-словаки Чечека, наступавшие с запада, соединились с чехо-словаками Войцеховского, наступавшими от Челябинска. Вступивший в общее командование обеими

¹ *Щепихин С. А.* Под стягом Учредительного Собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. I, с. 142.

^{II} *Утгоф В. Л.* Уфимское Государственное Совещание // Былое, № 16. 1921, с. 35.

^{III} Уральский горный район.

этими группами полковник Войцеховский, направляя, согласно настояний французов, свои действия на запад, приказал¹ группе Чечека, обеспечивая за собой Сызранский железнодорожный мост через Волгу у ст. Батраки^{II} расширить на север фронт по Волге, захватив Симбирск^{III}. После этого группа полк. Чечека должна была уйти на Пермь. Сам же полк. Войцеховский во главе своей группы намеревался открыть железнодорожное сообщение из Челябинска на Екатеринбург, откуда повернуть на запад и открыть железнодорожное сообщение из Екатеринбурга на Пермь.

Одновременно с предпринятым полк. Войцеховским наступлением на Екатеринбург, на этот город направлялась из Омска вдоль жел.-дорожной линии Омск—Тюмень—Екатеринбург чехо-словацкая группа Сырового⁸⁰.

Таким образом, прежняя операционная линия Чехо-словацкого корпуса, которая совпадала с железнодорожною магистралью Самара—Уфа—Челябинск—Омск—Владивосток, меняла свое направление на 180 градусов и направлялась теперь по железнодорожной магистрали Владивосток—Омск—Екатеринбург—Пермь и далее на Вологду и Архангельск. Владение группой Чечека двумя железнодорожными переправами через Волгу — у Сызрани и у Симбирска — обеспечивало этот широкий железнодорожный маневр со стороны Волги.

Предполагалось, что группа Чечека обрстет русскими вооруженными силами, которые образуют новый противогерманский восточный фронт. По-видимому, создание русского фронта на Волге предвиделось в настолько близком будущем, что полк. Войцеховский уже в своем первоначальном приказе, отданном 8 июля, счел нужным указать для группы Чечека, что по овладении Симбирском она будет двинута на Пермь.

Операция для захвата Симбирска, предписанная приказом Войцеховского от 8 июля, была проведена Чечekom путем концентрического движения чехо-словацкого отряда полковника Степанова из Уфы по Бугульминской железной дороге и отряда Каппеля, двигавшегося походным порядком по западному берегу Волги. Этот последний отряд, сделав в четыре дня 150 километров, 21 июля с налета взял Симбирск.

^I См. приказ от 8 июля, приведенный в Приложении № 47.

^{II} На юго-запад от Самары; через эту переправу эшелоны Чечека пришли из Пензы.

^{III} Там имелся железнодорожный мост через Волгу, лежащий на Бугульминской железной дороге, соединявшей Уфу с Симбирском. Кроме как в Сызрани и в Симбирске, имелось еще только два железнодорожных моста через Волгу: один у Свяжска на Московско-Казанской железной дороге, другой у Ярославля — на железнодорожной линии Москва—Архангельск.

Одновременно с востока подошли к Симбирску и чехо-словаки Степанова.

Ленинское правительство энергично созидало свой Восточный фронт, направляя туда все формирования, производимые в центре страны, а также части со своего противонемецкого фронта. Главнокомандующим Восточным фронтом был назначен прославившийся жестокостью при покорении Киева левый эсер Муравьев. Но в начале июля, как известно из глав XIV и XV, произошло вооруженное выступление левых эсеров в Петрограде и Москве и Савинковское восстание в Рыбинске, Ярославле и Муроме. Одновременно с этим произошла измена большевикам и главнокомандующего их Восточным фронтом Муравьева.

Попытка Муравьева повернуть в Симбирск свои красные войска против немцев и большевиков окончилась неудачей, и 10 июля Муравьев застрелился. Последствия этого, хотя и ликвидированного большевиками восстания, конечно, значительно облегчили занятие Каппелем и Степановым Симбирска¹.

Полковники Каппель и Степанов решили использовать дезорганизацию в стане красных и немедленно же вслед за захватом Симбирска двинулись вверх по Волге, к устью Камы. 7 августа Каппель с речной флотилией, неизменно принимавшей участие во всех его операциях на Волге, захватил г. Казань.

Донося о поражении у Казани, заменивший Муравьева большевицкий главнокомандующий Вацетис писал Троцкому: «...вся тяжесть обороны легла на пятый Латышский стр. полк. Четвертый Латышский стр. полк восстановил свою прежнюю боевую репутацию. Что же касается русских частей, то в своей массе они оказались к бою совершенно неспособными, вследствие своей тактической неподготовленности и недисциплинированности...»²

Захват Каппелем Казани имел большое значение. В Казани был захвачен Российский золотой запас (651 миллион рублей золотом и 110 миллионов кредитных билетов). Блестящая победа Каппеля вселила веру в него, как в нового вождя, и приток добровольцев-офицеров и интеллигентной молодежи не только пополнил потери Каппелевцев в личном составе, но и усилил их на два офицерских батальона. Вместе с этим захваченные в Казани запасы вооружения и боевых припасов³ позволили Каппелевцам значительно увеличить свою артиллерию.

¹ Пролетарская революция, № 75, с. 65.

² Эта телеграмма приведена полностью в статье «Из архива Лебедева» в «Воле России», VII–IX, с. 161.

³ В Казани имелся пороховой завод.

Поражение большевиков под Казанью, причем чуть не попался в плен сам новый красный главнокомандующий Вацетис, произвело такое впечатление, что на нижней Каме поднялись восстания. Среди них особое значение имело восстание рабочих заводов: Ижевского оружейного и Воткинского (в 300 километрах от Казани вверх по р. Каме).

В то время как Волжский фронт так энергично распространялся от Самары на север, в южном направлении по-прежнему действовал трехтысячный отряд полковника Махина. Обосновавшись в Хвалынске, он продвигался вниз по Волге, захватив в конце концов Вольск, не доходя 120 километров до Саратова (и 400 километров до Царицына).

Посмотрим теперь, что делала в это время челябинская группа чехо-словаков, которая, согласно плану своего непосредственного начальника — полк. Войцеховского, должна была, после соединения с группой Чечека у Уфы, развивать свои действия на Екатеринбург.

Этой группе приходилось действовать в районе Уральской горной промышленности.

«Социальной особенностью уральского пролетариата, — согласно оценке большевистских лидеров^I, — по сравнению с пролетариатом Ленинградской и центрально-промышленной областей являлась... крепкая его связь с землей».

Вследствие исторических условий развития Уральской горной промышленности, большинство рабочих были одновременно и крестьянами. Они имели свои земельные участки, на которых работали их семьи и частью они сами. Такое положение перешло еще из времен крепостного права, когда возникающие на Урале заводы обеспечивались рабочими руками припиской к этим заводам крестьян на особом, так называемом «посессионном» праве». Эта близость к земле уральских рабочих и имела своим последствием то, что, по свидетельству того же большевистского источника^{II}, «уральский пролетариат в своих настроениях часто отражал колеблющиеся настроения крестьянской стихии».

Окружающая же его крестьянская стихия заключала в себе больше противобольшевистских элементов, чем в Центральной России. С востока это было сибирское крестьянство, о настроениях которого я говорил в главе Х^{III}. На западе же это было крестьянство, живущее в бассейне р. Камы^{IV}.

^I Гражданская война 1918—1921 гг., т. III, с. 73.

^{II} Там же, с. 40.

^{III} «Сибирское крестьянство».

^{IV} Губернии: Вятская на притоке р. Камы — р. Вятке; Уфимская на притоке р. Камы — р. Белой; Пермская на р. Каме и ее притоке р. Чусовой.

Ген. Ф. Пучков⁸¹, командированный Самарским правительством в г. Уфу для формирования частей Народной Армии, пишет, что сразу же он застал очень «благоприятные для Белого движения настроения Уфимского или точнее — Камского района. Активное противодействие большевицкому внедрению никогда здесь не прекращалось, особенно среди русского сельского населения. Примерно за месяц до выступления чехов вспыхнуло восстание в Бирском (Уфимской губернии) и Красноуфимском (Пермской губернии) уездах. Инициаторами восстания явились крестьяне двух больших сел — Аскин и Богородское, расположенных на тракте Уфа—Пермь. Благодаря отсутствию оружия, должного руководства и полной изолированности, движение было быстро и жестоко подавлено, но настроение отнюдь не упало. Изгнание большевиков с магистрали Самара—Челябинск явилось сигналом для нового, еще более широкого движения. Большевицкий центр из Уфы переместился в Сарапул, откуда пытался вести наступление в направлениях на Бирск и Красноуфимск; однако все попытки красных были остановлены активным противодействием местной крестьянской самообороны...»

«Без опасения сделать грубую ошибку, — пишет далее ген. Пучков, — можно утверждать, что Прикамский район (особенно среднего течения р. Камы) по своему активному противобольшевицкому настроению выделялся не только на Восточном фронте, но едва ли не во всей России, уступая первенство только обл. Уральского войска. Огромное большинство бойцов дало русское сельское население, потомуки вольных землепашцев, не знавших никогда крепостного права. К ним присоединились мусульмане, особенно башкиры, выступавшие главным образом в защиту своей религии и быта. Сравнительно редкие красные гнезда группировались почти исключительно около крупных частновладельческих поместий. То же явление наблюдалось и на Уральских заводах: частновладельческие, работавшие когда-то на крепостном труде, оказались сплошь красными, восставали главным образом казенные заводы Ижевский, Воткинский, Саткинский, Кусинский и другие. Большевиков поддерживали только бывшие рабы».

Меньшей устойчивости большевицких настроений среди рабочих Урала благоприятствовало еще одно обстоятельство. Для ведения своей борьбы с Оренбургским и Уральским казачествами, а также для борьбы в Сибири, большевики израсходовали наиболее активные и идейно преданные им большевицкие элементы уральских рабочих. Это сильно ослабило большевицкую власть на самом Урале. Поэтому, как только распространилось известие о выступлении чехо-словаков, на Уральских заводах стали вспыхивать противобольшевицкие восстания.

«Так 13 июня вспыхнуло восстание рабочих Верхне-Невьянского и Рудянского заводов. Произошло восстание в Тюмени. Во время наступления чехо-словаков на Кыштым, рабочие Полевского и Северского заводов арестовали свои советы. Восстания произошли также на Кусинском, Воткинском и Ижевском и других заводах».

Так повествует об этих восстаниях большевицкая история гражданской войны¹.

25 июля чехо-словаки заняли Екатеринбург. За неделю до их прихода, в ночь с 16 на 17 июля, там большевиками были зверски умерщвлены Император Николай II, Императрица Александра Федоровна, их сын — 13-летний Цесаревич и четыре Великие Княжны-дочери. Через день, 18 июля в Алапаевске (в 70 милях северо-восточнее Екатеринбурга) были зверски убиты Великий Князь Сергей Михайлович и князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи и Великая Княгиня Елисавета Федоровна. Между 18 и 28 июня в Перми был также убит брат Государя — Великий Князь Михаил Александрович.

По приказу Ленинского правительства шло уничтожение представителей Дома Романовых.

После занятия Екатеринбурга чехо-словаки на Пермь не продвинулись. Их фронт на этом направлении образовал как бы уступ за правым флангом Волжского фронта, который, как известно, с 7 августа находился в Казани. Левый фланг Войцеховского вошел в связь с районом повстанцев на средней Каме (Ижевский и Воткинский заводы).

Население Ижевска состояло из 45–50 тысяч человек. Рабочие завода, владевшие собственными домиками с участками земли, были мало похожи на представителей городского пролетариата. Социалистические идеи, а тем более идеи большевицкие, не имели среди них успеха. Только небольшая группа пришедшей заводской полуинтеллигенции составила ядро социал-демократической партии².

Та же картина наблюдалась и на соседнем Воткинском заводе.

«С воцарением большевизма в Ижевске начался кровавый террор. Убивали не только интеллигенцию, но и крестьян и рабочих, заподо-

¹ Гражданская война 1918–1921 гг., т. III, с. 74.

² Статья А. Гутмана-Гана «Два восстания» в томе III «Белого Дела», с. 150. — А. Я. Гутман (Анатолий Ган) до революции состоял редактором газет «Коммерческий Телеграф» в Москве и «Биржевой Курьер» в Петербурге. Во время гражданской войны он издавал газету «Воткинский Вестник» на Урале, потом во Владивостоке был членом редакции газеты «Голос Приморья» и редактировал газету «Русский Экономист». После эвакуации издавал сначала русскую газету в Токио, затем в Нью-Йорке газету «Утро» и в Берлине журнал «Русский Экономист». Перу Гутмана-Гана принадлежит несколько книг о русской революции и большевиках.

зренных в контрреволюции. В окрестных селах и деревнях латышские комиссары, командированные из центра, производили реквизиции хлеба, меда, масла, яиц, скота и не стесняясь расстреливали сопротивляющихся этому. В то время продовольственное положение в Центре России было отчаянным. Вверх и вниз по Каме пассажирские пароходы шли, переполненные рабочими, отправлявшимися на реки Белую и Каму в поисках за хлебом». Вокруг камских пристаней лежали тысячи людей, спавших под открытым небом и ожидавших очереди, чтобы отвезти домой несколько пудов хлеба. Их ловили на пароходах заградительные отряды, отбирали хлеб, а сопротивлявшихся били прикладами и убивали. По всей Каме стоял стон и раздавались проклятия населения по адресу большевицкой власти. Но население чувствовало себя бессильным вступить в борьбу с большевицким правительством. Оно было безоружно¹.

В это время с р. Белой «стали приходиться радостные известия. Значительная часть Уфимской губернии оказалась занятой русско-чешскими отрядами... Началась усиленная тяга населения в зону белых. Все, кто только мог, разными способами спасался через окружные села пешком или на лошадях, обходя большевицкий фронт, в Уфимскую губернию. Город Сарапуль стал центром военных действий большевиков против Народной армии и чехо-словацких отрядов. В Сарапуле был сосредоточен Штаб 2-й красной армии. В то время главные силы большевиков, оперировавшие здесь, составляли латыши, мадьяры, китайцы и очень немного русских солдат...»¹.

В начале августа пришли известия о приближении отрядов Каппеля к г. Казани. Это вселило в население края, и в особенности Ижевских заводов, бодрость и веру в скорое падение большевицкой власти. В то же время распространились и тревожные слухи о том, что большевики собираются мобилизовать старых солдат для действий против чехо-словаков. Это ускорило вспышку восстания.

Мысль о вооруженном восстании возникла в недрах Ижевского союза фронтовиков. Этот союз организовали вернувшиеся с фронта солдаты, которых большевики не пустили на их прежние места у станков, заменив их преданным большевизму пришлым элементом. К этому союзу примкнуло большинство местных рабочих.

«В ночь на 7 августа внезапно раздался заводский гудок. Большевики предложили собравшимся фронтовикам немедленно отправиться в Сарапуль, где они будут сформированы и вооружены для отправки на Казанский фронт... Фронтовики потребовали выдать им оружие здесь, дома, и получили резкий отказ.

¹ Гутман-Ган А. Два восстания // Белое Дело, т. III, с. 149–150.

¹¹ Там же, с. 149–150.

Рано утром, 8 августа, несколько сот фронтовиков, вооружившись чем попало, оцепили завод и заставили красных оттуда удалиться. Заречная часть завода была быстро очищена от большевиков. В их руках оставалась еще Нагорная часть.

9 августа толпа во главе с фронтовиками бешеным напором смяла красногвардейцев, захватила арсенал и исполком, арестовала большевических главарей в полном составе. Красные вынуждены были бежать с завода по направлению к Сарапулю...

Энтузиазм заводского населения после свержения советской власти был необычайный. В ряды фронтовиков стали вливаться сотни добровольцев — рабочих и крестьян... Через неделю из Ижевского завода отправился небольшой отряд для освобождения Воткинского завода...

На очереди стал вопрос формирования военно-административной власти.

К тому времени в Ижевске оказалось четыре соц.-революционера, бывших членов разогнанного большевиками Учредительного Собрания — Евсеев, Бузанов, Корякин и Шулаков.

Пример самарского Комуча соблазнил и ижевских эсеров, и они поспешили объявить себя Верховной властью, под громким титулом «Прикамский Комитет Учредительного Собрания».

Верховная четверка, верная принципам своей партии, немедленно сформировала агитационно-просветительное бюро, которое энергично занялось распространением среди населения эсеровской партийной литературы. Бюро обратилось к крестьянам и рабочим с воззванием, призывало их встать в защиту «завоеваний февральской революции и Учредительного Собрания». Сейчас же началось стягивание со всех концов партийных социалистов и распределение среди них ответственных административных должностей.

Фронтовики весьма неохотно согласились признать верховную власть четырех членов бывшей Учредилки, но другие социалистические группы поддержали соц.-революционеров, и пришлось примириться с этим. Тем более что все считали эту власть временной до воссоединения с белыми центрами.

Образовалось два лагеря: социалистический и крестьянско-рабочий, беспартийный, выступавший под флагом фронтовиков». Последние опубликовали воззвание¹, в котором они «звали к борьбе с варварской властью не во имя партийных лозунгов или воскрешения мертворожденной Учредилки, а во имя любви к родине, во имя

¹ Напечатано в газете «Ижевский Защитник» от 18 августа 1918 г. Текст приведен в Приложении № 48 (Белое Дело, т. III, с. 152).

освобождения от рабства. Это были граждане-патриоты в лучшем смысле»¹.

На призыв фронтовиков отозвались крестьяне и рабочие. Восстали города Сарапул и Красноуфимск; восстал Михайловский завод; восстали села и деревни обширного района, лежащего между Камой и Вяткой, который клином врезался в формируемый большевиками Прикамский фронт.

«Фронтовики приступили немедленно к мобилизации крестьян окрестных волостей и формированию из них отрядов. Опустевшие во время советской власти магазины, склады и рынки оживились. На заводах появился хлеб, овощи, мясо — крестьяне стали возить всё на базары. Открылись лавки, появилась обувь, мануфактура, посуда и металлические изделия. Народ воспрянул духом, настроение было радостное. Заводская молодежь — рабочие и учащиеся — с энтузиазмом пошли добровольцами в Народную армию, образовали отдельные добровольческие дружины и разведочные отряды, производившие глубокие разведки и налеты в тылу красных. Производство Ижевского завода увеличилось до 1000 ружей в день (при большевиках он вырабатывал только 200 ружей в день). Рабочие, интеллигенция и буржуазия единодушно и горячо отдались борьбе с советами. На этой небольшой территории России, освобожденной от кошмаров советского режима, можно было наблюдать, как после свержения советов произошло воскресение из мертвых населения, как всё стало постепенно приходить в себя, оживать»^{II}.

«Ижевское движение, захватившее целый уезд и перебросившееся в смежные Малмыжский и Нолиский уезды, могло бы принять серьезный характер и вылиться во всенародное движение. Но для этого было необходимо, чтобы на время были оставлены все партийные интересы, чтобы движением руководили люди, не связанные крепкими узами с той или иной политической программой, а охваченные идеей спасения России от большевизма и восстановления в стране государственного порядка»^{III}.

С другой стороны, формируемая на Ижевских заводах вооруженная сила не смогла выйти из стадии «милиции», защищающей только местные интересы. Генерал Молчанов⁸², ставший впоследствии любимым военным вождем Ижевцев, приводит такой пример: из 1500 защитников «фронта» только 300 бойцов подчинялись приказанию провести ночь в окопах, остальные же самовольно уходили ночевать домой, являясь на свои места утром.

¹ Гутман-Ган А. Два восстания // Белое Дело, т. III, с. 151–152.

^{II} Там же, с. 153.

^{III} Там же, с. 155.

Сознание необходимости не только борьбы с большевиками местными, но и борьбы с ними во всероссийском масштабе, начало просыпаться в среде ижевских и воткинских рабочих. Это привело к тому, что в недрах их почти 40-тысячной милиции, собиравшейся по заводскому гудку, стали образовываться ячейки, правда, несколько своеобразной военной силы, но уже приближающейся к типу регулярной армии; из этих ячеек впоследствии создадутся доблестные противобольшевицкие рабочие Ижевская и Воткинская дивизии. Но в рассматриваемое нами время общая численность такой регулярной силы была невелика и достигала лишь пяти-шести тысяч.

Ижевское движение, как свидетельствуется в вышеприведенной выдержке А. Гутмана-Гана, подняло против большевиков крестьян трех уездов Вятской губернии. Это было самое серьезное по своим территориальным размерам и напряжению восстание крестьян среди всех прочих, происходивших летом 1918 года в Заволжье, крестьянских восстаний. Доказательством того, что так смотрели на положение вещей и большевики, может служить схема, напечатанная в их официальной «Истории гражданской войны»¹. На этой схеме указан только один повстанческий район. Он образует громадный клин, занимающий большую часть обширной территории между р. Вяткой и впадающей в нее р. Чепцой. Это как раз и есть восставшие крестьяне трех уездов Вятской губернии (уезды Сарапульский, Малмыжский и Нолинский). Об указанных выше восстаниях в Красноуфимском уезде (Уфимской губернии) и Бирском уезде (Пермской губернии) большевицкие историки не упоминают.

Интересно рассмотреть вопрос: отчего вятские крестьяне оказались более убежденными противобольшевиками, чем крестьяне других заволжских губерний? Если мы сравним степень зажиточности вятичей, исходя из размеров среднего крестьянского земельного надела, то придется констатировать, что хотя размеры этого среднего надела в губерниях Вятской, Пермской, Самарской и Уфимской немного отличаются друг от друга, тем не менее надел вятичей среди этих величин наименьший (приблизительно на 15–20 %) ¹¹. Таким образом, объяснять интересующее нас явление одною только зажиточностью не приходится. Освещение занимающего нас вопроса нужно искать в категории явлений иного порядка. «Большевиков поддерживали только бывшие

¹ Гражданская война 1918–1921 гг. Том III: Оперативно-стратегический очерк / под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и Р. П. Эйдемана. Москва–Ленинград: Гос. изд. Отдел военной литературы, 1930, с. 84.

¹¹ Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России. Составлен членом Статистического Совета Д. П. Семеновым. Петербург: Типография Мин. Внутр. Дел, 1904, с. 16–17.

рабы», — заключает свои наблюдения над настроениями заволжского населения ген. Ф. Пучков, выдержку из воспоминаний которого мы цитировали несколько выше. Это заключение вполне совпадает с тем, что я говорил в главе XII. Я указывал там, что степень и характер революционных настроений среди русских крестьян обуславливались не только одними экономическими факторами, но также и степенью воздействия в историческом прошлом «крепостного права», ощущавшегося разными категориями крестьян различно. Я указывал, что в то время как крестьяне, принадлежавшие помещикам, по существу дела являлись рабами, крестьяне, принадлежавшие прямо государству, испытывали гнет крепостного права во много раз меньше. Я говорил также, что вследствие этого распространение большевизма должно было встретить тем большее противодействие в среде крестьян, чем меньшее их число принадлежало в прошлом к категории «помещичьих» крестьян. Рабская психология являлась наиболее благоприятствующей данной для расцвета деспотического режима большевиков.

Если мы сравним теперь с этой точки зрения губернии Вятскую, Самарскую, Пермскую и Уфимскую, то мы увидим следующую картину.

В Вятской губернии только 2,7 % из крестьянского населения являлось потомками бывших помещичьих крепостных, в то время как в Самарской таковые составляли 12,4 %, в Уфимской — 13,5 %, в Пермской — 29,1 %¹.

Насколько это условие, хотя отдаленного прошлого, отражалось на психике крестьянства, свидетельствует также то, что Вятское земство выделялось среди прочих земств Европейской России тем активным участием, которое принимали в нем представители крестьянства. Вятское крестьянство выделялось также и стремлением к просвещению своих детей. Говоря более общими словами, вятское крестьянство являлось одним из наиболее культурных и государственно мыслящих крестьянств Европейской России.

Несомненно, что хотя восстание ижевских рабочих и являлось той искрой, которая зажгла пожар восстания вятских крестьян, тем не менее само контрреволюционное настроение ижевских рабочих являлось непосредственным продуктом настроений вятских крестьян. Эта зависимость обуславливалась указанной выше организацией уральских и приуральских заводов, при которой рабочий являлся наполовину крестьянином.

Как я говорил в главе X, Оренбургское казачество 31 января 1918 года потеряло свою столицу Оренбург, и атаман Дутов с оставшимися

¹ Статистический очерк крестьянского землевладения..., с. 11.

верными Войсковому правительству добровольцами ушел на восток в Тургайские степи. Он поступил совершенно аналогично тому, как поступил Донской походный атаман Попов, уйдя с «Донскими партизанами» в Сальские степи пережить, когда казачьи массы одумаются и восстанут против большевицкого ига.

«Заняв г. Оренбург и утвердившись на территории Оренбургского войска, большевики сразу показали, какие они «товарищи» казакам. Всюду, в городах и станицах начались кровавые расправы, грабежи и разбои. Несколько станиц было выжжено дотла, миллионы пудов хлеба вывезены или уничтожены, тысячи голов лошадей и скота угнаны, масса имущества разграблена; все станицы, независимо от того, принимали ли участие в борьбе против большевиков или держали нейтралитет, заплатили громадные денежные контрибуции; большевики всех казаков без разбора совершенно искренно считали врагами советской власти и потому ни с кем не церемонились. Много офицеров, казаков и даже казачек было расстреляно, еще больше посажено в тюрьмы.

Такие мероприятия большевиков... отрезвили казаков — выветрились из них большевицкий дух и заставили взяться за оружие.

Первыми восстали линейные станицы (расположенные по р. Илек). Сигнал к восстанию подала станица Изобильная, жители которой нечаянным нападением уничтожили карательный отряд комиссара Цвиллинга.

Вскоре к линейным станицам присоединились — частью добровольно, частью силою — низовые станицы (расположенные, по р. Урал ниже г. Оренбурга).

В мае месяце почти весь 1-й округ был охвачен восстанием, и казачьи отряды окружили Оренбург со всех сторон. Только благодаря наличию у большевиков броневых поездов оставалась незанятой казаками узкая полоска Ташкентской железной дороги, по которой и потянулись из Оренбурга в сторону Актюбинска многочисленные составы поездов с большевицкими войсками и награбленным имуществом.

Казаки, не имея в достаточном количестве оружия, с самодельными пиками, а иногда и просто с одними нагайками, неоднократно ходили в конные атаки на уходящие поезда, устраивали крушения и взрывы; но все-таки часть большевицких поездов, благодаря броневикам, пулеметам и пушкам, хорошему техническому персоналу и, главным образом, помощи, поданной Туркестанскими большевиками, проскочила в Актюбинск; часть же была захвачена казаками.

Борьба в этот период была начата и велась исключительно рядовыми казаками, которые приглашали офицеров на командные должности.

Борьбой руководил «Съезд объединенных станиц», составленный из представителей восставших станиц; оперативная часть была вручена генерал-майору Карликову⁸³; отдельными отрядами командовали войсковые старшины Красноярцев, Корнаухов⁸⁴ другие.

К атаману Дутову и Войсковому правительству в г. Тургай была послана депутация с просьбой вернуться в войско и взять управление и руководство военными действиями в свои руки¹.

Как раз в это время началось выступление чехо-словаков. «Съезд объединенных станиц» немедленно вошел с ними и Самарским правительством в сношения, и благодаря нахождению в Самаре укрывавшихся там Оренбургцев (войсковой старшина Анисимов, Каргин и др.) вскоре удалось получить от Комуча немного денег, оружия, патронов — и всё это доставить под Оренбург.

«Атаман Дутов с Войсковым правительством и партизанским отрядом прибыл из Тургай на территорию войска (в станицу Ильинскую) в конце июня^{II}.

Двигаясь на Оренбург, он нанес ряд поражений оставшимся на территории Оренбургского казачества большевицким бандам. Когда он подошел к Оренбургу, последний был уже «очищен от большевиков и занят передовыми отрядами войскового старшины Красноярцева и войскового старшины Корнаухова.

7 июля состоялся торжественный въезд в г. Оренбург Атамана Дутова с Войсковым Правительством.

Всё население Оренбурга, как казачье, так и городское, встретило избавителей от большевицкого ига с энтузиазмом. Атаман Дутов был приветствуем Съездом объединенных станиц, представителями Комитета Членов Учредительного Собрания (прибывшими из Самары) и всеми городскими организациями.

С этого момента дело борьбы с большевиками Атаман Дутов и Войсковое Правительство^{III} вновь взяли в свои руки».

«В северных и центральных станицах войска восстание казаков началось с помощью чехо-словаков и сибирских отрядов (Атаман Анненков), которые помогли Оренбургцам очистить от большевицких отрядов 2-й, 3-й и 4-й округа с городами Челябинском, Троицком и Верхнеуральском»^{IV}.

^I Акулинин И. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками // Казачьи Думы (София), № 21 (5), 1924, с. 6–7.

^{II} Там же, с. 8.

^{III} Состав этого Войскового правительства указан в Приложении № 49.

^{IV} Акулинин И. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками // Казачьи Думы (София), № 21 (5), 1924, с. 8.

К августу месяцу на войсковой территории оставался в руках большевиков только г. Орск, в котором они, благодаря постоянной поддержке со стороны Туркестана¹, держались до октября.

К этому времени Оренбургское казачество выделило одну свою бригаду на поддержку левого фланга Поволжского фронта у Вольска.

Весною, почти одновременно с Оренбургскими казаками, подняли знамя восстания против большевицкой власти и Уральские казаки. 29 марта 1918 года Уральское казачество разогнало собравшийся в г. Уральске большевицкий совет рабочих, киргизских и крестьянских депутатов. В ответ на это в мае большевики повели наступление на Уральск со стороны г. Саратова.

«На борьбу с большевиками, по призыву Войскового съезда, поднялся весь Яик^{II}: стар и млад, заслуженный генерал и рядовой казак. Быстро было сформировано несколько отрядов, которые преградили дорогу большевикам, двигавшимся к Уральской области со стороны Саратова по железной дороге и со стороны Самары и Бузулука по грунтовым дорогам. У казаков не было ни оружия, ни патронов. С австро-германского фронта полки пришли домой разоруженные. Однако это не смутило Уральцев. Они разбили несколько большевицких отрядов и добыли себе ружья, пулеметы, пушки, патроны и снаряды»^{III}.

В середине мая месяца большевики были отброшены назад на Саратов, а к июню Уральское казачество самостоятельно, без всякой посторонней помощи держало на Саратовском направлении фронт шириной в 100 км^{IV} в 150 км от р. Волги. Этот фронт прикрывал западную границу территории Уральского казачества, перехватывая

¹ В книге П. С. Назарова “Hunted in Central Asia” указывается на роль, которую сыграли для установления большевицкого владычества в Туркестане военнопленные немцы и мадьяры, интернированные в Туркестан. Они составили первый контингент Красной Туркестанской армии. Активную роль в насаждении большевизма в Туркестане, как везде, играли рабочие железнодорожной магистрали, а также немногочисленных заводов. Но и в туркестанских русских деревнях, среди недавних переселенцев-крестьян, стремящихся захватить киргизские земли, большевизм нашел благоприятную почву. Согласно наблюдениям П. С. Назарова, эти переселенцы становились большевиками из корысти и из страха. В массы же туземного населения большевизм проникал с большим трудом. И сарты⁸⁵, и киргизы, и туркмены были слишком тесно связаны с древними навыками восточной жизни. Только среди поддонков сартского населения большевицкая пропаганда имела некоторый успех.

^{II} Яик — старинное название р. Урал. — Прим. Н. Н. Г.

^{III} Акулинин И. Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое Дело, т. II, с. 123.

^{IV} По линии Ершово—Новоузенск.

единственную железную дорогу, связывавшую гор. Уральск с остальной территорией России.

Как только в Самаре образовалось противобольшевицкое правительство, Уральское войсковое правительство немедленно же заключило с ним союз.

Подведем теперь итог положению, создавшемуся на Волжском фронте к 1 сентября 1918 года.

На самой Волге, между Казанью и Вольском, на широком фронте в 450 км были развернуты войска Чечека с общей силой в 15 тыс., из которых пять тысяч было чехов.

Далеко уступом за правым флангом, в районе Екатеринбурга на путях на Пермь, остановилась группа в 20 тыс. полковника Войцеховского. В ней численность чехо-словаков достигала 15 тыс.

В 600-километровой промежутке между Казанью и Екатеринбургом, на Каме, находился район, в котором действовали, во главе с Ижевскими и Воткинскими рабочими, повстанцы, регулярная вооруженная сила которых достигала 5–6 тысяч.

За другим флангом Волжского фронта, уступом назад, действовали около 15 тысяч Уральских и Оренбургских казаков, причем последние вынуждены были большую часть своих сил направить на юг от Оренбурга для защиты от наступающей со стороны Актюбинска (на железной дороге Ташкент—Оренбург) армии туркестанских большевиков.

Всего, таким образом, на рассматриваемом здесь Восточном фронте к 1 сентября действовало 55 тыс., из которых 20 тыс. составляли чехо-словаки, 15 тыс. Оренбургские и Уральские казаки и около 5 тыс. ополчения Ижевского и Воткинского заводов. Другими словами, на долю Народной Армии фактически приходилось лишь 15 тыс. Из этих 15 тыс. половина должна быть отнесена к добровольческим отрядам полковников Каппеля и Махина. Все успехи на Волжском фронте, по свидетельству генерала Болдырева¹, «в сущности всецело» должны быть отнесены на их счет.

В главе XIII я говорил о том значении, которое имела в развитии Красной армии германская интервенция. Ленин^{II} и Троцкий поняли абсурдность основывать внешнюю защиту государства на партизанщине добровольческих красных отрядов и стали переводить строительство большевицкой вооруженной силы на старые рельсы регулярщины.

¹ *Болдырев*, с. 31.

^{II} Ленин очень внимательно изучал Клаузевица. В большевицком труде «Гражданская война 1918—1921 гг.» в томе II приведен ряд факсимиле четырех его выписок из классического труда Клаузевица “Vom Kriege”. — См. с. 47, 128, 370, 398.

Выступление чехо-словаков явилось новым толчком: оно показало, что и борьба на внутреннем фронте требует скорейшего перехода к тому же.

29 мая 1918 года, то есть через несколько дней после первого выступления чехо-словаков, ВЦИК вынес постановление, что «переход от добровольческой армии к принудительной мобилизации рабочих и беднейших крестьян настоятельно диктуется всем положением страны, как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей на почве голода, внутренней и внешней контрреволюции»¹.

12 июня был объявлен обязательный призыв 21–25-летних в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири. В конце июня были призваны 21- и 22-летние рабочие в Москве и в Петрограде, а затем последовал ряд других частных мобилизаций.

Проводить принцип воинской повинности приходилось осторожно, ибо крестьянство, кроме беднейшей его части, сочувствия большевикам не проявляло. Несмотря на все эти трудности, Ленинскому правительству удалось довести общую численность своей вооруженной силы на фронте и в тылу к сентябрю 1918 г. до 550 тыс. Войсковые части, которые удалось уже подготовить, оно решило сосредоточить для разгрома образовавшегося на Волге контрреволюционного фронта.

К 1 сентября им удалось собрать для этого около 70 тыс. вполне организованных красных войск¹¹. Таким образом к этой дате превосходство в силах на Восточном фронте перешло на сторону большевиков.

¹ Таль Б. История Красной Армии (Краткий общедоступный очерк). Москва—Ленинград: Гос. изд. 1929, с. 53.

¹¹ Гражданская война 1918–1921 гг., т. III, с. 80–81.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 44

РЕЗОЛЮЦИЯ

**8-го Совета партии социалистов-революционеров,
заседавшего в Москве с 20 по 27 мая 1918 г.,
о призыве иностранных войск в Россию¹**

Основной целью всей русской демократии является борьба за восстановление независимости России и за возрождение ее государственного единства на основе разрешения социальных и политических задач, поставленных февральской революцией. Задачи эти могут быть разрешены только объединением всех товарищеских сил⁸⁶ страны и восстановлением фронта при помощи прекращения гражданской войны.

Совет констатирует, что Россия почти не в состоянии сама, без помощи извне, выйти из того печального положения, в котором она в настоящее время находится. Поэтому для России не только допустимо, но и желательно, чтобы на русскую территорию были перенесены в достаточном количестве и с согласия законной власти вооруженные союзные силы, с целью помочь России освободиться от германского ига с наименьшими потерями и восстановить боеспособность русских армии и флота.

При этих условиях военная помощь союзников может быть принята в такой форме и при таких условиях, которые бы ни в чем не нарушали территориальной независимости и суверенитета России, ибо появление союзных армий на ее территории может быть допущено исключительно в целях стратегических, а не политических.

Трудовая демократия ни в коем случае не должна опираться на помощь извне, на военную помощь союзников, в целях восстановления народного суверенитета. Совет констатирует, что в рядах партии не существует течений, которые бы в целях внутреннего обновления России искали поддержки вне материальных, духовных и социальных ресурсов самой России.

¹ Приведена согласно редакции, напечатанной в статье Вл. Лебедева «Лучше поражение, чем измена или капитуляция...» в «Воле России», кн. VIII–IX, с. 204–205.

Приложение № 45

СПИСКИ

членов Всероссийского Учредительного Собрания, вступивших в комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания

На 13 августа 1918 года¹:

№	Фамилия, имя и отчество	От какой губернии	По какому списку
1.	Вольский, Владимир Казим.	Тверской	с.-р. и сов. кр. деп.
2.	Брушвит, Иван Михайлов.	Самарской	“ “ “ “
3.	Климушкин, Прокопий Диомид.	Самарской	“ “ “ “
4.	Нестеров, Иван Петрович	Минской	“ “ “ “
5.	Фортунатов, Борис Конст.	Самарской	“ “ “ “
6.	Маслов, Петр Григорьевич	“	“ “ “ “
7.	Белозеров, Петр Гаврил.	“	“ “ “ “
8.	Абрамов, Василий Семенович	Румынский фр.	“ “ “ “
9.	Шмелев, Николай Андреевич	“	“ “ “ “
10.	Былинкин, Арсений Сергеев.	“	“ “ “ “
11.	Богословов, Яков Аркадьев.	Самарской	“ “ “ “
12.	Дугов, Александр Ильич	Оренбургской	Оренбург. каз. войско
13.	Буревоу, Константин Степан.	Воронежской	с.-р. и сов. кр. деп.
14.	Лазарев, Егор Егорович	Самарской	“ “ “ “
15.	Терегулов, Гумер-Хабиб-Рахм.	Уфимской	мус. нац. сов.
16.	Подвицкий, Виктор Владимиров.	Смоленской	с.-р. и сов. кр. деп.
17.	Кривошеков, Александр Иван.	Оренбургской	Оренбург. каз. войско
18.	Алмазов, Валентин Иванович	Симбирской	с.-р. и сов. кр. деп.
19.	Николаев, Семен Николаевич	Казанской	чув. орг. с.-р.
20.	Матушкин, Вячеслав Алексан.	Оренбургской	орг. каз. войск.
21.	Здобнов, Николай Васильевич	Пермской	с.-р. и сов. кр. деп.
22.	Тахветуллин, Фетых Насыр.	Пермской	мус. соц. парт.
23.	Филипповский, Василий Николаев.	Юго-Зап. фр.	с.-р. и сов. кр. деп.
24.	Роговский, Евгений Францевич	Алтайской об.	“ “ “ “
25.	Филатов, Василий Александр.	Уфимской	“ “ “ “
26.	Минин, Александр Аркадьев.	Саратовской	с.-р.
27.	Гендельман, Михаил Яковлев.	Рязанской	с.-р. и сов. кр. деп.
28.	Раков, Дмитрий Федорович	Нижегородск.	с.-р. и сов. кр. деп.

¹ Приведен согласно списку, цитированному в приложении II к главе VI тома I книги Гинса «Сибирь, союзники и Колчак», с. 321.

№	Фамилия, имя и отчество	От какой губернии	По какому списку
29.	Зензинов, Владимир Михайлов.	Петроградск.	“ “ “ “
30.	Марков, Борис Дмитриевич	Томской	с.-р.
31.	Ахметов, Мухатдин Гайметд.	Уфимской	с -р. и мусульм.
32.	Почекуев, Кирилл Тихонович	Симбирской	с.-р. и сов. кр. деп.
33.	Фахретдинов, Габдул-ахад	Оренбургской	башкир-федерал.
34.	Кондратенков, Георгий Никол.	Тамбовской	с.-р. и сов. кр. деп.

На 1 октября 1918 года¹:

№	Фамилия, имя и отчество	От какой губернии	По какому списку
1.	Абрамов, Василий Семенович	Румын. фр.	с.-р. и сов. кр. деп.
2.	Алмазов, Валентин Иванович	Симбирской	“ “ “ “
3.	Ахметов, Мухатдин Гайметд.	Уфимской	с.-р. и мусульм.
4.	Алексеевский, Владим. Алекс.	Румын. фр.	с.-р.
5.	Архангельский, Вас. Гаврил.	Самарской	с.-р. и сов. кр. деп.
6.	Алюнов, Гавриил Федорович	Казанской	чув. орг. с.-р.
7.	Алкин, Ильяс	Казанской	мусульм. социалист.
8.	Алибеков, Габайд. Аликхович	Уральск. об.	киргиз. исп. ком.
9.	Богословов, Яков Аркадьев.	Самарской	с.-р. и сов. кр. деп.
10.	Брушвит, Иван Михайлович	Самарской	“ “ “ “
11.	Белозеров, Петр Гаврилович	Самарской	“ “ “ “
12.	Богданов, Габдауф Габдул	Оренбургск.	“ “ “ “
13.	Байтурсунов, Ахмет Байтурс.	Тургайск. обл.	партия «Алаш»
14.	Буревой, Константин Степан.	Воронежской	с.-р. и сов. кр. деп.
15.	Былинкин, Арсений Сергеевич	Румынский фр.	“ “ “ “
16.	Баранцев, Трофим Федорович	Тобольской	“ “ “ “
17.	Бикбов, Юнус Юльбарсов.	Оренбургской	башкир-федерал.
18.	Беремжанов, Ахмет Курмаг.	Тургайск. обл.	партия «Алаш»
19.	Вольский, Владимир Казим.	Тверской	с.-р. и сов. кр. деп.
20.	Воробьев, Клементий Яковл.	Симбирской	“ “ “ “
21.	Валидов, Ахмедзян Ахметд.	Уфимской	башкир-федерал.
22.	Васильев, Иван Васильевич	Казанской	чув. орг. с.-р.
23.	Володин, Сергей Адрианович	Орловской	с.-р. и сов. кр. деп

¹ Приведен согласно списку, цитированному в статье С. Николаева «Возникновение и организация Комуча» в кн. VIII–IX «Воли России», с. 243–245.

№	Фамилия, имя и отчество	От какой губернии	По какому списку
24.	Власов, Александр Михайл.	Курской	с.-р.
25.	Вольный, Иван Егорович	Орловской	с.-р. и сов. кр. деп.
26.	Владыкин, Владимир Тимон.	Орловской	“ “ “ “
27.	Гендельман, Михаил Яковл.	Рязанской	“ “ “ “
28.	Гуревич, Виссарион Яковл.	Тульской	“ “ “ “
29.	Дутов, Александр Ильич	Оренбургской	Орен. Каз. Войска
30.	Дошанов, Сагадык Дошанов.	Тургайск. обл.	партия «Алаш»
31.	Досмухамедов, Джаганша Д.	Уральской	киргиз. нац. ком.
32.	Досмухамедов, Халил Д.	Уральской	партия «Алаш»
33.	Девизоров, Алексей Алекс.	Алтайской	с.-р. и сов. кр. деп.
34.	Евдокимов, Кузьма Афанас,	Тобольской	с.-р.
35.	Здобнов, Николай Василь.	Пермской	с.-р. и сов. кр. деп.
36.	Зензинов. Владимир Михаил.	Петроградской	“ “ “ “
37.	Затейшиков, Леонид Вас.	Пермской	“ “ “ “
38.	Зисман, Арон	Пермской	“ “ “ “
39.	Иванов, Николай Никол.	Сев. фронт	“ “ “ “
40.	Инмагамбетов, Нургат Инмаг.	Уральская обл.	мусульм. ком.
41.	Климушкин, Прокопий Диом.	Самарской	с.-р. и сов. кр. деп.
42.	Кривошеков, Александр Ив.	Оренбургской	Оренб. Каз. Войска
43.	Кондратенков, Георгий Ник.	Тамбовской	с.-р. и сов. кр. деп
44.	Кругликов, Аполлон Никол.	Забайкальс. об.	“ “ “ “
45.	Коган-Бернштейн, Матв. Л.	Воронежской	с.-р.
46.	Кроль, Моисей Аронович	Иркутской	с.-р. и сов. кр. деп.
47.	Котельников, Дмитр. Павлов.	Тобольской	“ “ “ “
48.	Лазарев, Егор Егорович	Самарской	“ “ “ “
49.	Левченко, Никита Васильев.	Саратовской	“ “ “ “
50.	Лисиенко, Арсений Павлов.	Томской	“ “ “ “
51.	Любимов, Ник. Михайлович	Алтайской	“ “ “ “
52.	Линдберг, Михаил Яковл.	Томской	с.-р.
53.	Ломшаков, Валентин Алекс.	Алтайской	с.-р. и сов. кр. деп.
54.	Лотошников, Сергей Мих.	Костромской	“ “ “ “
55.	Маслов, Павел Григорьевич	Самарской	“ “ “ “
56.	Матушкин, Вячеслав, Алекс.	Оренбургской	орг. каз. войск
57.	Минин, Александр Аркадьев.	Саратовской	с.-р.
58.	Марков, Борис Дмитриевич	Томской	с.-р.
59.	Мухин, Алексей Федорович	Тобольской	с.-р. и сов. кр. деп.

№	Фамилия, имя и отчество	От какой губернии	По какому списку
60.	Минор, Осип Соломонович	Московской	“ “ “ “ “
61.	Мамонов, Валериан Семенов.	Обл. В. Донск.	с.-р. и сов. кр. деп.
62.	Нестеров, Иван Петрович	Минской	“ “ “ “ “
63.	Набатов, Иван Димитриевич	Тамбовской	“ “ “ “ “
64.	Николаев, Семен Николаев.	Казанской	“ “ “ “ “
65.	Омельков, Михаил Федоров.	Томской	с.-р. и сов. кр. деп.
66.	Подвицкий, Виктор Владим.	Смоленской	“ “ “ “ “
67.	Почекуев, Кирилл Тихон.	Симбирской	“ “ “ “ “
68.	Петров, Дмитрий Петрович	Симбирской	“ “ “ “ “
69.	Павлов, Федор Константин.	Рязанской	сов. кр. деп.
70.	Роговский, Евгений Францев.	Алтайской	с.-р. и сов. кр. деп.
71.	Раков, Дмитрий Федорович	Нижегородской	“ “ “ “ “
72.	Розенблюм, Дмитрий Самойл.	Екатеринослав.	“ “ “ “ “
73.	Ракитников, Николай Иван.	Саратовской	“ “ “ “ “
74.	Слоним, Марк Львович	Бессарабской	“ “ “ “ “
75.	Суханов, Павел Степанович	Тобольской	“ “ “ “ “
76.	Святицкий, Николай Владимир.	Харьковской	“ “ “ “ “
77.	Соколов, Борис Федорович	Юго-Зап. фронт	с.-р.
78.	Терегулов, Гумер Рахман.	Уфимской	мус. нац. сов.
79.	Тахветуллин, Фетых Насыр.	Пермской	мус. соц. парт
80.	Талычев, Вадим хан Шереф.	Орд. Астр. г.	“ “ “ “ “
81.	Тухтаров, Махмуд-Фуал Фас.	Самарской	сам. мус. сов.
82.	Титов, Гермоген Титович	Симбирской	с.-р и сов. кр. деп.
83.	Тылышпаев, Мухамеджан	Семиреченской о.	партия «Алаш»
84.	Фахретдинов, Габдул-ахад	Оренбургской	башкир-федерал.
85.	Филатов, Василий Александр.	Уфимской	с.-р. и сов. кр. деп.
86.	Филипповский, Василий Ник.	Ю.-З. фронт	“ “ “ “ “
87.	Федорович, Флориан Флор.	Пензенской	с.р.
88.	Фортунатов, Борис Конст.	Самарской	с.-р. и сов. кр. деп.
89.	Фомин, Нил Валерианович	Енисейской	“ “ “ “ “
90.	Шмелев, Николай Андреев.	Рум. фронт	“ “ “ “ “
91.	Ширев, Даниил Семенович	Алтайской	“ “ “ “ “
92.	Шапошников, Акиндин Ив.	Алтайской	“ “ “ “ “
93.	Чернышев, Федор Дмитриев.	Тамбовской	“ “ “ “ “
94.	Черненко, Борис Николаев.	Саратовской	“ “ “ “ “
95.	Удгоф, Владимир Львович	Северный фр.	“ “ “ “ “

Приложение № 46

СПИСОК

лиц¹, вошедших в состав Совета управляющих ведомствами,
организованного Комучем в Самаре
во второй половине августа 1918 года

- Роговский, Е. Ф.** — Председатель Совета и Управляющий Ведомством государственной охраны — с.-р., член Учр. Собр. от Алтайской губ.;
- Климушкин, П. Д.** — Управляющий Ведомством внутренних дел — с.-р., член Учр. Собр. от Самарской губ.;
- Былинкин, А. С.** — Юстиции — с.-р., член Учр. Собр. от Румынского фронта;
- Филипповский, В. Н.** — Торговли и промышленности — с.-р., член Учр. Собр. от Юго-Западного фронта;
- Лазарев, Е. Е.** — Народного просвещения — с.-р., член Учр. Собр. от Самарской губ.;
- Майский, И. М.** — Труда — социал-демократ;
- Алмазов, В. И.** — Продовольствия и снабжения — с.-р., член Учр. Собр. от Симбирской губ.;
- Веденяпин, М. А.** — Иностранных дел;
- Раков, Д. Ф.** — Финансов — с.-р., член Учр. Собр. от Нижегородской губ.;
- Краснов** — Государственного контроля — беспартийный.
- Галкин, Н. А.**, полковник — Военным.
- Нестеров, И. П.** — Путей Сообщения — с.-р., член Учр. Собр. от Минской губ.;
- Белозеров, П. Г.** — Почты и телеграфа — с.-р., член Учр. Собр. от Самарской губ.;
- Маслов, П. Г.** — Земледелия — с.-р., член Учр. Собр. от Самарской губернии.

Приложение № 47

ПРИКАЗ

полковника Войцеховского^{II} Чехо-Словацкому корпусу,

отданный им 8 июля в Уфе после вступления его в командование объединенными Пензенской и Челябинской группами чехо-словаков

6-го июля произошло соединение Пензенской и Челябинской групп. Командир корпуса приказал:

^I См. «Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания» от 1 и 4 октября 1918 года, номера 67 и 70.

^{II} Цитирован согласно редакции, данной в статье А. П. Степанова «Симбирская операция» в т. I «Белого Дела» на с. 88–89.

1. Группа полк. *Чечека*
 1 Ч.-С. стр. п. 3 бат.
 4 Ч.-С. стр. п. 3 “
 1 Зап. полк. 3 “
 Брн. поезда: № 28 Кучера,
 № 29 Пилат, № 3 Некраша,
 № 1 Холявин 4 брон. п.
 3 батареи. 14 оруд.
 37 мм. батар. 4 “
 Сербский эск. 1 эск.
 Инжен. рота. 1 рота
 Брн. авто. 2 брн. авто
Итого: 9 бат., 4 брн. п., 18 орудий,
 1 эск., 1 инж. рота, 2 брн. авто-
 мобиля.

2. Группа полк. *Войцеховского*:
 3 Ч.-С. стр. п. 3 бат.
 2 Ч.-С. стр. п. 2 бат.
 3 Ударная рота. 1/4 “
 1 Курганск. марш. бат. 1 “
 1 Югосл. рев. полк. . . 1/4 “
 Брн. поезда: № 2 Луза,
 № 4 Ильинский 2 брон. п.
 2 батареи. 10 оруд.
 Отд. легк. арт. взв. 6 “
 37 мм. 2 “
Итого: 6 1/2 бат., 2 брн. поезда,
 18 орудий

3. Польскому легиону перейти в Челябинск, в резерв командира корпуса.

4. Авиа-отряду перейти в Челябинск, оставив один аппарат в распоряжении полковника **Чечека**.

5. Полковнику **Чечеку** немедленно организовать вывоз всех имеющихся складов, огнестрельных припасов и оружия в Сызрани, Самаре и других занятых пунктах в Челябинск, в распоряжение подполковника **Плюшкевича**.

Подлинный подписал вр. и. д. Начальника Штаба корпуса, полковник **Войцеховский**.

С подлинным верно: поручик **Моравец**.

1. Обеспечить переправы на Волге в районе Сызрань—Батраки—Самара, безотлагательно начать наступление на Симбирск с целью овладеть этим пунктом, имея в виду дальнейшее движение на Пермь.

На группу возлагается обеспечение всего тыла по линии железной дороги Самара—Уфа—Полетаево включительно.

Обращается особенное внимание на надежное обеспечение переправ через Волгу у Батраки.

Замену частей, несущих в настоящее время охрану железнодорожной линии на Челябинск, закончить не позже вечера 10 июля, причем наибольшее внимание должно быть обращено на обеспечение станций: Миас, Златоуст, Бердяуш, Вязовая.

2. Занять город Екатеринбург и узловую станцию Кузино, имея в виду дальнейшее движение на Пермь, для овладения этим пунктом.

Приложение № 48

ВОЗЗВАНИЕ

к крестьянам и рабочим,

опубликованное ижевскими «фронтовиками»¹

Товарищи крестьяне и рабочие.

Мы, вышедшие из Ваших рядов, еще вчера стоявшие с вами рядом у станков и сохи, мы, фронтовики, в этот грозный и великий час, когда куется вновь наше право на жизнь, мы стоим крепкой стеной на защите наших общих интересов, защите наших родных городов, сел и деревень от нашествия варварских большевицких банд, которые оставляют после себя реки слез и разграбленные города, села и деревни. Этот грозный час защиты наших интересов требует великого напряжения наших сил; мы через своих представителей говорим вам, что для нас в настоящий момент нет речи о всякого рода нормах, охраняющих наш труд в мирное время, — мы сплошь в рядах и на работе, мы стойко переносим в окопах все невзгоды за наше правое дело. И вы, товарищи рабочие и крестьяне, должны говорить также; ваши сердца должны бить одинаково с нашими; наша мысль должна быть вашей мыслью, — ибо наши интересы общи — напрягите ваши силы и покажите вашу мощь; покажите, что вы не рабы и умеете сознательно защищать свое правое дело каждый на своем месте; подымите производительность, рабочий у станка, крестьянин у земли и дайте возможность еще товарищам стать борцами в наши ряды.

Приложение № 49

Состав Оренбургского войскового правительства

в июле 1918 года

Председатель — Войсковой Атаман А. И. Дутов.

Заместитель Председателя — Помощник Войскового Атамана И. Г. Акулинин.

Заведующий военным отделом — В. Н. Половников.

Остальные члены Правительства: В. Г. Рудаков, Г. Ф. Шангин, А. С. Выдрин, Г. Г. Богданов (мусульманин), А. С. Пономарев.

Войсковой Секретарь — А. Е. Иванов.

¹ Приведено согласно редакции, данной в статье А. Гутмана-Гана «Два восстания» в т. III «Белого Дела», с. 152.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**ОСВОБОЖДЕНИЕ СИБИРИ
И ОБРАЗОВАНИЕ
«БЕЛОГО» ВОСТОЧНОГО
ФРОНТА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Книга 8

Книга 9

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ

орд. проф. 6. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ 1917 — 1918 Г. Г.

Часть IV.

Освобожденіе Сибири и образованіе „Бѣлаго“ военного
фронта Гражданской войны.

Книга 8-я

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ГЛАВА XVII ОСВОБОЖДЕНИЕ СИБИРИ

Образование Западно-Сибирской противобольшевицкой власти

В несколько иных, нежели на Волге, условиях создавалось противобольшевицкое правительство в Западной Сибири. Не подлежит сомнению, что и здесь столкновение чехо-словаков с большевицкой властью имело огромное значение для развития противобольшевицкого движения. Но с первых же дней освобождения Сибири от большевиков местные контрреволюционные силы играли несравненно большую роль, чем на Волге. Так, даже в самом первоначальном выступлении чехо-словаков в Новониколаевске, командующий ими Гайда прибег к помощи русской военной контрреволюционной организации Гришина-Алмазова. «Вы только начните, — говорил Гайда Гришину-Алмазову, — а мы уже расправимся с большевиками»¹.

По соглашению с Гришиным в ночь на 26 мая «кучка в 700 человек» окружила здание большевицкого совета и почти без кровопролития захватила город. Переворот «окончился в 40 минут»².

Вслед за тем, с чехо-словаками и без них, в ряде сибирских городов начались восстания. В Семипалатинске, Омске, Красноярске большевицкая власть была свергнута до прихода чехо-словацких войск. В Томске восстание намечалось на 28 мая в связи с волнениями, происходившими там на почве реквизиции церковного имущества в женском монастыре. Восставшие должны были в первую очередь разоружить в казармах батальон мадьяр, представлявший главную силу большевиков. Из-за случайного предательства восстание началось не совсем удачно³. Но 31 мая большевики сами эвакуировали Томск, ввиду слухов о приближении со стороны Новониколаевска чехо-словаков Гайды.

¹ Рассказ Гришина-Алмазова, записанный П. Н. Милюковым в книге «Россия на переломе», т. II, с. 32.

² Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 73.

³ Вегман [Как и почему пала советская власть в Томске] // Сибирские огни, № 1, с. 23.

Кириллов [Сибирская армия в борьбе за освобождение] // Вольная Сибирь, IV, с. 39.

Карташев. Последние дни советской власти в Западной Сибири, 1921, с. 10.

На следующий же день после занятия чехо-словаками Гайды Томска появилась декларация Западно-Сибирского комиссариата¹, в которой он объявлял себя временной высшей местной властью. Все четыре члена «Западно-Сибирского комиссариата» принадлежали к партии социалистов-революционеров и, как можно прочесть в их декларации², задавались целью спасти страну не путем объединения всех ее сил, а только силами «революционной демократии», то есть социалистов.

Однако, несмотря на это формальное сходство начального шага родившейся Западно-Сибирской противобольшевицкой власти с таким же Самарского правительства, первая сразу же вступила на иной путь конструкции власти.

«Эсеры, вошедшие в Западно-Сибирский комиссариат, несмотря на свое нерасположение к “буржуазии”, не могли обойтись своими людьми при организации власти — страна и так была слишком бедна культурными силами... Эсеры “максималистического” толка, по выражению Колосова³, пошли на уступку общественности»⁴.

Так объясняет историк Мельгунов формирование Западно-Сибирским комиссариатом своего «делового аппарата» управления, не считаясь с партийным стажем приглашенных в его состав лиц. Мне кажется, что подобное объяснение не полное. Здесь несомненно оказали воздействие две другие причины. Первой являлось влияние местных общественных деятелей, принадлежавших к «областникам» и к кооператорам. И те и другие имели прочные и глубокие связи с сибирскими крестьянами-старожилами и с сибирским казачеством, а потому к их голосу Западно-Сибирский комиссариат не мог не прислушаться. Проф. Гинс, назначенный на пост управляющего делами Правительства, указывает в своих воспоминаниях⁵, что «ни одна почти кандидатура» в состав делового аппарата власти «не прошла случайно, без поддержки общественности. Всех нас поддерживали отдельные группы, преимущественно кооператоры».

Другой причиной уступчивости, проявленной Западно-Сибирским комиссариатом, являлась необходимость считаться с голосами вождей «военных организаций», сыгравших, как я говорил выше, видную роль при свержении большевицкой власти в Сибири. Это отразилось прежде всего в вопросе возглавления будущих вооруженных сил Западно-Сибирского комиссариата. Несмотря на желание последнего отделить

¹ О «Западно-Сибирском комиссариате», см. главу X.

² См. Приложение № 50.

³ Тоже социалист-революционер, написавший книгу «Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы». Петроград: Былое, 1923.

⁴ Мельгунов, ч. I, с. 83–84.

⁵ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 90.

«военное министерство» от «непосредственного командования», поставив на посту министра «учредилловца» эсера Фомина, обе военные должности министра и главнокомандующего были совмещены в лице полковника Гришина-Алмазова, игравшего выдающуюся роль в первом восстании против большевиков в Новониколаевске и пользовавшегося популярностью среди офицерства. «Как я узнал впоследствии, — пишет проф. Гинс¹, — это было ультимативное требование Гришина-Алмазова, с которым уже тогда считался Комиссариат». Несомненно, что Гришина-Алмазова поддерживало также и общественное мнение всех противобольшевицки настроенных кругов сибирской интеллигенции.

Однако, несмотря на уступчивость, проявленную Западно-Сибирским комиссариатом к требованиям общественного мнения, он просуществовал всего один месяц.

«Почти с первых же шагов политической и административной работы, — пишет уже цитированный мною проф. Гинс², — выяснилось расхождение делового аппарата с Западно-Сибирским комиссариатом. Последний считал себя как бы наместником Сибирского Правительства и, следовательно, носителем верховной власти. Управляющие отделами считались только исполнителями и не должны были вмешиваться в политику.

Но высшее управление — это и есть политика. Отделить одно от другого нельзя. По отделу юстиции возник вопрос, как относиться к сохранившимся организациям советов рабочих депутатов. Отдел земледелия решил упразднить земельные комитеты, покровительствовавшие захватам земель, и восстановить частные владения в Сибири, которые при незначительности их общей площади имели большое культурное значение, как показательные хозяйства. Отдел торговли решил приступить к денационализации промышленных предприятий.

По всем этим вопросам у Комиссариата проявлялись либо нерешительность, либо прямые симпатии к сложившимся при большевиках порядкам. “Совдепы” должны быть сохранены, как профессиональные организации, для обеспечения завоеваний революции. Члены Комиссариата обнаруживали очевидное непонимание, что обеспечивающий завоевания революции совдеп может быть только политическим, а не профессиональным органом, и что свергать советскую власть, оставляя советы, было бессмысленно.

Денационализация может быть применена только по отношению к предприятиям, лишенным общественного значения. Опять проявление невежества. Какие предприятия в Сибири могут считаться не имеющими общественного значения? Здесь не производится предметов

¹ Гинс, т. I, с. 89.

² Там же, с. 93.

роскоши, и, стало быть, вся промышленность должна была остаться в руках государственных органов.

Земельные комитеты неприкосновенны. Здесь члены Комиссариата, как партийные социалисты-революционеры, не были склонны проявить какой-либо уступчивости.

Кроме того, Комиссариат никак не мог отказаться от идеи коллегиального управления и насаждал повсюду, и в губерниях и в уездах, местные комиссариаты, работа которых была очень слабой».

Подобная политика не могла удовлетворить коренное сибирское население. Рабочего элемента в его среде было очень мало. Настроения же крестьянства складывались иначе, чем в Европейской России.

В Сибири «помещика», в обыденном для Европейской России смысле, не было. Крестьянин же старожил отнюдь не хотел уступать свою землю зарившемуся на нее новоселу. Аналогично с крестьянами-старожилами было настроено и Сибирское казачество.

Настроения масс коренного сибирского населения не могли не отразиться на близко связанной с ними части сибирской интеллигенции, входившей в ряды кооперативных деятелей, а также сибирских «областников» (автономистов).

В психической атмосфере только что свергнутой кровавой большевицкой диктатуры всякая нерешительность в противобольшевицкой политике была неприемлема. Малейшая двусмысленность правительства в этом отношении заставляла настораживаться все контрреволюционно настроенные элементы, ибо возврат большевизма означал в первую же голову их гибель.

Вот почему естественно было стремление всех контрреволюционно настроенных элементов содействовать созданию такого правительства, в противобольшевизме которого можно было быть более уверенным.

«Какая-то счастливая случайность, — пишет Г. К. Гинс¹, — оставила на территории, занятой большевиками, как раз тех членов Сибирского Правительства^{II}, которые были наиболее приемлемы для широких кругов. Вологодский и Крутовский пользовались общим уважением, Патушинского считали одним из лучших адвокатов Сибири, Серебренников был всегда умеренным во взглядах и скромным в притязаниях человеком, Михайлов был homo novus^{III}, о котором не знали ни доброго, ни злого».

В течение июня месяца четверо из поименованных лиц (кроме Серебренникова) собрались в Омске. К ним подъехал уехавший раньше на

¹ Гинс, т. I, с. 102—105.

^{II} Избранного в начале февраля на конспиративном собрании 40 членов Сибирской Думы. — См. мою главу X. — Прим. Н. Н. Г.

^{III} Новый человек (лат.). — Прим. ред.

Дальний Восток вместе с Дербером «министр без портфеля» Шатилов. И вот, в конце июня, эти пять министров отстранили Западно-Сибирский комиссариат от управления областью и взяли бразды правления в свои руки. Этот акт был санкционирован от имени Сибирской Областной Думы ее председателем Якушевым грамотой от 30 июня. «Ныне, — говорилось в этой грамоте, — по прибытии в город Омск достаточного числа членов правительства, избранных Сибирской Областной Думой, Сибирское Правительство в лице председателя Совета министров и министра иностранных сношений П. В. Вологодского¹ и членов Совета министров: министра внутренних дел В. М. Крутовского, министра финансов И. А. Михайлова, министра юстиции Г. Б. Патушинского и министра туземных дел М. Б. Шатилова, принимает на себя всю **полноту** государственной власти на **всей** территории Сибири»^{II}.

Происшедшая в Омске смена власти, конечно, представляла собою мирно совершившийся переворот. Новое Правительство представляло собой, по верному определению историка С. П. Мельгунова^{III}, «своего рода директорию, очень мало зависящую от того, что когда-то Думой было избрано какое-то Правительство. И, конечно, прав государствовед Гинс, отмечающий, что санкция, данная грамотой председателя Облдумы, не соответствовала Положению, выработанному Думой о временных органах управления Сибирью, по которой верховная власть принадлежала самой Думе. Это было правительство, созданное жизнью, идущей мимо нежизненных фикций и формальностей. Думы еще не было, а Правительство было налицо. И ему должна была принадлежать полнота власти на территории, освобожденной от большевиков. Это понял, по словам Гинса^{IV}, Якушев, “тогда не успевший еще окунуться в партийную политику”».

Близко знавший всех членов нового Омского правительства Гинс^V указывает на «демократичность» их «происхождения» и их «социальных симпатий». Это были люди, «по преимуществу вышедшие из народной среды, понимающие нужды народа и умеющие говорить с ним...». Трое из них были сыновьями крестьян. Но в этом новом правительстве

¹ Петр Васильевич Вологодский был весьма популярным в Сибири присяжным поверенным и общественным деятелем. Гинс пишет про него (т. I, с. 106): «Вся Сибирь знала П. В. Вологодского, как безукоризненно честного, идейного и смелого человека». После большевицкого переворота Сибирские казаки избрали его председателем своего суда, организованного ими в противовес большевизским «народным» судам. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Хроника Гражданской войны в Сибири, 1917—1918 гг. — Приложение 66.

^{III} Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 84—85.

^{IV} Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 97.

^V Там же, с. 119.

только один — Шатилов — был узкопартийный эсер. Все остальные, хотя или числились в партии эсеров, или в свое время сочувствовали им, к 1918 году отошли от их партийной психологии.

Такое освобождение от партийных шор позволяло новой Омской власти стать на путь безусловной и непримиримой гражданской войны с большевиками, не нуждаясь в прикрытии ее флагом продолжения войны с Германией. Это делало Омскую власть более независимой от союзников и чехо-словаков. В этом отношении очень интересно следующее место из книги Гинса¹: «Официально члены Правительства... — пишет он, — пришли к мысли взять в свои руки власть, ввиду недостаточной авторитетности комиссариата и неопределенности его полномочий, особенно в области внешней политики. В это время появилась в газетах произнесенная в Челябинске речь какого-то французского майора Гине^{II}, который высказывался в таком тоне, будто русских вовсе не существует, и союзники могут свободно распоряжаться на русской территории, делая что им угодно. Защита достоинства возрождавшегося Государства требовала сильной и полномочной власти».

С первых же своих шагов Правительство Вологодского решительно приступило к ликвидации следов большевицкой власти. Все большевицкие декреты были объявлены незаконными, а все существовавшие при большевиках советы было приказано закрыть. Вместе с этим, Правительство Вологодского не стало считаться с декларацией, объявленной в феврале 1918 года от имени Сибирской Думы 40 ее членами, собравшимися на конспиративной квартире, и пошло определенно в сторону восстановления частнопроводного строя и свободы торговли. Денационализация промышленности, восстановление частных землевладельческих хозяйств и отмена монополии были главными основаниями законоположений, принятых в течение июля и августа. Решительность и последовательность мероприятий нового Омского правительства создали благоприятное впечатление в населении и расположили в его пользу элементы, которые не доверяли всякому правительству, происходившему от Сибирской Думы. К числу таковых элементов относились не только либеральная демократия, голоса представителей которой, под названием цензовых, игнорировались социал-революционерами, являвшимися господами положения в этой Думе, но и сибирские казаки, а также крестьяне-«старожила» (см. главу X).

¹ Гинс, т. I, с. 97.

^{II} Майор Альфонс Гине; про эту речь, которой этот французский представитель при Чехо-словацком корпусе призывал к продолжению войны с Германией, мы говорили в прошлой главе; она была напечатана в омской газете «Дело Сибири» и в курганской газете «Свободная Мысль» 29 июня 1918 года. — Прим. Н. Н. Г.

«Я помню, — пишет Гинс¹, — как в первые дни после переворота в Омске крестьяне привозили из деревень задержанных ими “совдепистов” и как они с разочарованием уезжали, узнав, что у власти опять стоят “сицилисты”. Коли так, значит, опять придется вязать, да привозить до города. Добра из этого не выйдет».

Авторитет власти в малокультурных странах обуславливается не только сочувствием населения, но и наличием в ее руках вооруженной силы.

Первые два месяца после выступления чехо-словаков с большевиками дрались офицерские организации с вступившей в их ряды интеллигентной молодежью и отряды Сибирских казаков. Как и везде в России, возникшая противобольшевицкая власть вначале могла опираться лишь на добровольцев. Но в отличие от того, что происходило на Волге, в Сибири количество таких добровольцев было больше. В июле месяце число бойцов в Сибирской армии достигало 40 тыс. Из них 20 тыс. дало Сибирское казачество, 10 тыс. — офицерство, 5 тыс. — интеллигентная молодежь и 5 тыс. — крестьянство. И это с территории, несравненно менее населенной, чем Поволжье и Урал.

Несомненно, что в этом выразалось «доверие» к Правительству и к самой Сибирской армии. Порядки, заведенные в ней, были иные, чем в Народной Армии, создаваемой в это же время Комучем. Гришин-Алмазов, продолжавший состоять управляющим военным министерством при новом Омском правительстве, так охарактеризовал основы организованной им Сибирской армии¹¹: «Она должна быть создана и будет создана по типу, диктуемому во все времена, во всех странах непреложными выводами военной науки, на основах строгой воинской дисциплины, без каких бы то ни было комитетов, съездов, митингований, без ограничения прав начальствующих лиц и без подчинения «постольку-поскольку» своему законному Правительству».

Гришин-Алмазов сразу же отдал себе отчет, что вследствие малонаселенности Сибири, добровольчество, как источник комплектования, скоро иссякнет. Однако приступить к обязательному призыву он считал возможным только тогда, когда будут хоть сколько-нибудь подготовлены казармы, обмундирование, снаряжение, унтер-офицерский состав, подробный план набора, распределение контингента. Конечно, очень многого сделать не удалось, но в самой постановке вопроса была большая разница с тем легкомыслием и невежеством, которые проявило в этих же вопросах Самарское правительство.

¹ Гинс, т. I, с. 132–133.

¹¹ Из речи Гришина-Алмазова в Сибирской Областной Думе 17 августа 1918 г.

31 июля 1918 года Указом Сибирского правительства были призваны на военную службу 20- и 21-летние молодые люди. Все изъятия и льготы были отменены. Повинность была всеобщей. Опять-таки в противоположность тому, что происходило в Поволжье, эта мобилизация прошла удачно: она дала 200 тысяч человек⁸⁸. Несомненно, здесь сказались уважение к государственному порядку коренного сибирского крестьянства, не знавшего настоящего крепостного права, но также в этом нельзя опять не увидеть и известного доверия крестьянских масс к новому Омскому правительству.

Невзирая на большой недостаток в старшем командном составе (генералов и штаб-офицеров), на крайнюю бедность в обмундировании и снаряжении, молодая армия начала организовываться, учиться и сколачиваться, возбуждая большие и обоснованные надежды сибирского населения.

Новое Правительство обладало еще одним ценным свойством для того, чтобы заслужить доверие Сибири: все его члены были коренными сибиряками. Они любили Сибирь и сочувствовали «областничеству»; «областники» же сочувствовали им.

На здоровую сторону областничества указывает и внимательный наблюдатель сибирской жизни, неоднократно цитированный мною, профессор-государствовед Гинс.

«Областничество, — пишет он¹, — это **местный** патриотизм, любовь к определенному району, горячее и искреннее стремление способствовать его экономическому и культурному расцвету. Областничество — это пробужденная инициатива, жажда творчества; это сила, которая ускоряет прогресс. И в описаниях (и пожеланиях, — прибавляю я. — *Н. Н. Г.*) областников, как ни много в них увлечения, всё же не все преувеличено. Обширность России создавала в ней экстенсивную культуру, она подавляла или рассеивала энергию, вызывала неравномерное распределение сил и капиталов. Областничество могло бы способствовать оживлению многих забытых богатых районов России...»

Поддержка со стороны «местного патриотизма» потребовалась новому Омскому правительству сразу же, так как первым его шагом по пути решительной и безусловной борьбы с большевизмом должен был быть разрыв с Москвой. «Российской государственности, как таковой, не существует, ибо значительная часть территории России находится в фактическом обладании Центральных Держав, а другая захвачена узурпаторами народоправства — большевиками», — говорится в акте от 4 июля, объявлявшем Сибирь независимой республикой. Однако, в этом же акте новое Правительство заявляло, что оно «не считает

¹ Гинс, т. I, с. 140.

Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в совокупности составляли Державу Российскую, и что все его усилия должны быть направлены к воссозданию Российской Государственности»¹.

Из всего вышеизложенного видно, что развитие Омской противобольшевицкой власти пошло по иному пути, нежели таковой же Самарской.

Комуч объявил себя сразу же Всероссийской властью. Но претендуя на нее, он в то же время оказался неспособным поставить «государственность» выше «революции». Это крупное внутреннее противоречие нашло свое верное внешнее выражение в красном флаге, выкинутом правительством Комуча.

Лозунг Омского правительства был уже: «Через автономную Сибирь к возрождению Государства». Этот лозунг был совершенно идентичен тому, который провозглашался в Казачьих областях. Так же, как и там, идея Государственности, хотя бы в «областных» рамках, торжествовала над разрушительной стихией революции. И поднятый Омскою властью бело-зеленый флаг — «эмблема снегов и лесов Сибирских, взвился гордо и радостно и был встречен с бодрими надеждами и любовью»².

Конфликт между Правительством и Областной Думой

В декларации нового Омского правительства от 4 июля «торжественно» объявлялось во всеобщее сведение, что «ныне оно одно вместе с Сибирской Областной Думой является ответственным за судьбы Сибири» и в то же время заявлялось, что «отныне никакая иная власть помимо Временного Сибирского правительства не может действовать на территории Сибири или обязываться от ее имени». Не упоминая больше о Думе, Омское правительство почитало «своим священным долгом заявить, что созыв Всесибирского Учредительного Собрания, **которому оно передаст свою власть**, является его непреклонным намерением, к скорейшему осуществлению которого оно будет стремиться всеми силами»³.

Уже из приведенных выше выдержек видно, что новое Омское правительство, формально связавшее свое появление у власти с Сибирской Думой, в то же время рассматривало себя как Временное правительство, которое может передать свою власть только Всесибирскому Учредительному Собранию. Чтобы понять эту точку зрения, нужно помнить, что по существу дела Сибирская Областная Дума еще не существовала потому,

¹ Гинс, т. I, с. 121.

² Там же, с. 68.

³ Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири 1917–1918 гг. Москва, 1926. Приложение 70.

что она еще ни разу не собиралась в полном составе, а также то, что самый способ ее избрания не отвечал возможности выявления истинной воли населения. Так, например, в городе Славгороде сибирские немцы имели четверное представительство потому, что ухитрились создать там какие-то четыре союза; социалисты-революционеры имели десятерное представительство потому, что они придумали деление крестьянства на **просто** крестьянство и на **трудовое** крестьянство; наконец, были допущены представители всяких туманных организаций, вроде «всесибирского» студенчества, а также не существующих из-за окончания войны «фронт-овых организаций солдат-фронтовиков».

Получившаяся при таком способе выборов социалистическая односторонность Сибирской Областной Думы не могла служить доказательством «социалистичности» мыслей и желаний населения Сибири. И действительно, как только поднялся вопрос о созыве Сибирской Областной Думы, Правительство стало получать многочисленные протесты.

Прежде всего против созыва Думы выступил «Омский Социалистический блок», состоявший из представителей правых социалистов-революционеров, народных социалистов и социал-демократов «Единства»¹. На своем совещании 10 июля этот блок вынес мотивированную резолюцию² по этому поводу, поданную затем Правительству в виде записки. Этот документ представляет собою особый исторический интерес, ибо показывает настроения тех умеренных социалистических партий, которые в Москве вошли в состав «Союза возрождения России».

«Созыв Областной Сибирской Думы, как органа верховной власти, — гласила записка блока, — стоит препятствием, чреватым катастрофическими последствиями, на пути... укрепления Временного Сибирского Правительства, создавая другого носителя верховной власти, низводя в действительности и в правосознании масс Временное Правительство до положения органа исполнительного, могущего выронить власть и до Учредительного Собрания, в случае коллизии с Областной Думой...» «Вместе с тем то неустойчивое положение, которое должно занять Временное Правительство в ожидании Областной Думы и возможного с ней расхождения, неизбежно уронит дух защитников Сибирского Правительства, связавших с его программой, с его линией поведения свою судьбу...» И быть может, самое главное, что выдвигала записка, — это ненормальное существование Думы, которая была организована в соответствии с формулой «единого социалистического

¹ Группа известного социалиста Плеханова, оказавшаяся на правом фланге социал-демократов меньшевиков.

² Эта резолюция воспроизведена в труде Максакова и Турунова «Хроника гражданской войны в Сибири 1917–1918 гг.», Приложение 79.

фронта от н[ародных] с[оциалистов] до большевиков включительно...» «И по своему составу, и по обстановке, в которой Дума организовалась, она не может функционировать в качестве органа, облеченного доверием и поддержкой сколько-нибудь значительных групп». Цензовые же элементы, т. е. буржуазия, по мнению составителей записки, едва ли пойдут в Думу, т. к., однажды уже не допущенные в ее состав, они относятся к Думе с предубеждением.

Наконец авторы записки указывали на пример бывшего Всероссийского Временного правительства, которое вышло из недр Государственной Думы, но осталось суверенной Властью, независимой от Думы.

Во второй половине июля в Омске состоялся съезд представителей торговли и промышленности и домовладельцев Сибири и Урала, который по вопросу о Сибирской Думе вынес следующую резолюцию:

«Съезд решительно возражает против какого бы то ни было касательства какого бы то ни было представительного учреждения к деятельности Правительственной власти. Поэтому он отвергает возможность влияния на власть так называемой Сибирской Областной Думы и потому находит существование ее излишним. В своем составе искусственно построенная, в корне искажающая подлинное выражение общественного мнения, Сибирская Областная Дума никакими изменениями ее состава не может быть исцелена в своей непригодности и бесполезности. Между тем, своим существованием и своими неизбежными вторжениями в ход управления, Дума эта может бесконечно осложнить и без того трудное положение временной власти и помешает ей надлежащим образом выполнить долг перед Государством. Посему съезд объявляет, что выборы от торговых и промышленных учреждений края в означенную Областную Думу производиться не будут».

Еще более отрицательно отнеслось к созыву Сибирской Областной Думы Сибирское казачество. Это отчетливо выразилось на собравшемся в первой половине июля 4-м войсковом Круге.

В противовес всем этим протестам центральные эсеры, имевшие подавляющее большинство в Сибирской Областной Думе, требовали скорейшего ее созыва. Важным юридическим предлогом в их руках являлось то, что формально Временное Сибирское правительство было избрано представителями Сибирской Областной Думы, действовавшими ее именем.

В самом Правительстве эсеры имели свою руку в лице Шатилова, слепо повиновавшегося указке своего партийного начальства.

Эсеры пытались оказывать давление на Правительство и общество проповедью единства России, возглавляемой реставрированным Учредительным Собранием. С представителями последнего, в лице Комуча, а также с центральными эсерами, собиравшимися вокруг

Самарского правительства, они стремились войти в тесный контакт. И действительно, «как только открылись сношения с Европейской Россией, Комитет Учредительного Собрания предъявил Сибирскому Правительству требование передать полноту власти»¹.

Пользуясь своими прежними связями с населением, партийно настроенные эсеры всеми силами запугивали его слухами о надвигающейся реакции. Иркутский эсер М. Кроль⁸⁹, прибывший в июле в Томск для участия в работе Думы, в таких чертах говорил про настроение в Омске: «Кругом только и говорят о диктатуре, переворот готовится на глазах правительства, а оно точно разбито параличом, всё видит, всё слышит, но абсолютно ничего не делает для предотвращения этого несчастья»¹¹.

Эсеры типа Кроля не хотели понять самого главного: если по их утверждениям диктатура становилась «бредовой идеей всех политических буржуазных группировок, выплывших на поверхность общественной жизни после свержения большевиков», то этому как раз в значительной мере содействовал страх перед Сибирской Областной Думой, протягивающей руку Самарскому Комучу. Через Областную Думу «эсеровское большинство пыталось утвердить свою диктатуру», так несколько позже (в октябре месяце) обрисовал тактику Думы профессор Новомбергский, числившийся в рядах областников и народных социалистов¹¹¹.

«Этой диктатуры интеллигентская Сибирь в то время во всяком случае не хотела — не приходится говорить уже о Сибири военной».

Уже с середины июля в демократической среде сибирской кооперации стал намечаться отход от центральных эсеров. Воскресшие после освобождения от большевиков союзы маслодельных артелей и некоторые из кредитных союзов пошли по пути правых социалистов. Председатель Всесибирского кооперативного бюро — А. В. Сазонов, председатель Съезда Западно-Сибирских Союзов — В. В. Куликов и председатель союза маслоделов — А. А. Балакшин становятся лидерами «Союза возрождения». Издаваемая в Омске сибирской кооперацией газета «Заря» проводит линию этого союза и вступает в борьбу с Сибирской Областной Думой.

Хотя эсеры Сибирской Областной Думы и настаивали на том, что впредь до созыва Всесибирского Учредительного Собрания Верховная власть должна осуществляться не Временным правительством, а Думой, тем не менее собраться без указа Правительства они не решались. В сибирских общественных кругах уже привилась идея о том, что такая власть принадлежит правительству Вологодского, представлявшего

¹ Мельгунов, ч. I, с. 159.

¹¹ Вольная Сибирь, т. IV, с. 78 (цитировано у Мельгунова, ч. I, с. 159).

¹¹¹ Зауральский Край, № 80 (цитировано у Мельгунова, ч. I, с. 159).

собою своего рода Директорию. Без указа Правительства о созыве Думы последняя не собрала бы кворума¹.

Правительство Вологодского, чувствуя свою формальную зависимость от Сибирской Думы, согласилось на ее созыв, но лишь с тем, чтобы **первым** ее актом явилось пополнение Думы цензовыми (т. е. буржуазными) элементами и представителями профессиональных союзов вместо распущенных большевицких советов рабочих депутатов. Этой мерой Правительство предполагало сделать Сибирскую Думу представительницей действительно всех слоев сибирского населения, а не только партии социалистов-революционеров.

Делегация членов Думы² согласилась на это условие и обещала Правительству, что программа работ первой сессии Думы будет ограничена лишь декларацией председателя Совета министров Вологодского и рассмотрением законопроекта о пополнении Думы представителями буржуазии.

7 августа Правительство издало указ о созыве на 15 августа в Томске Сибирской Областной Думы. На первом же торжественном заседании Думы произошло «недоразумение».

«Зал заседания был декорирован бело-зелеными и национальными флагами союзников, сибирских народностей, гербами областей Сибири. Над председательским местом надпись зеленым по белому: «через автономную Сибирь — к возрождению свободной России». Члены Думы занимают места по фракциям, справа налево, в следующем порядке: областники, кооператоры, представители национальностей, эсеры, эсдеки и на крайней левой представители профессиональных союзов. При торжественной тишине председатель И. А. Якушев объявил заседание Сибирской Областной Думы открытым. После приветственной речи Якушева Председатель Совета Министров посылает записку и просит предоставить ему слово, но тут происходит случайное недоразумение, которое разрушает весь план. Якушев, по его словам, не заметил, кто прислал записку, и прочел вместо фамилии Вологодского фамилию Вейнберга. — «Член Думы Вейнберг, Вы просили слова?» — «Нет, я не просил». — Тогда слово было предоставлено эсеру Яницкому, и фракция эсеров, которая составляла подавляющее большинство, провела включение в свой состав членов Учредительного Собрания и наказ...»

Хотя декларация Правительства³ и была впоследствии заслушана, но происшедшее странное «недоразумение» было учтено главенствующе-

¹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 163.

² В этой делегации видную роль играл цитированный нами эсер Кроль.

³ См. в Приложении № 51 выдержки из вступительной части этой декларации.

шей в Думе фракцией эсеров как освобождение от данного делегацией обещания Правительству. Кроме того, что вопреки мнению Правительства эсеры предоставили всем членам Учредительного Собрания полномочное членство, чем увеличивалось их преобладание, они поставили на обсуждение вопрос о создании Всероссийской власти и установили независимую от Правительства официальную связь Сибирской Областной Думы с Комучем.

По вопросу об организации Всероссийской власти единомыслия в Думе достигнуто не было. Преобладавшее большинство не пожелало внести в свою формулу даже частичные поправки, для согласования с формулой меньшинства. Разногласие заключалось в том, что большинство стояло: 1) за признание бывшего Всероссийского Учредительного Собрания полномочным создать верховную власть; 2) за организацию лишь **временной** Всероссийской власти, вплоть до воссоздания Учредительного Собрания прежнего созыва; 3) за предоставление права решающего голоса на совещании по организации власти не только представителям областных Правительств, но и всем наличным членам Учредительного Собрания. Меньшинство же стояло: 1) за созыв нового Учредительного Собрания, а не за воссоздание старого; 2) за организацию безответственной и полномочной власти; 3) за организацию совещания для избрания Всероссийской власти **исключительно** из представителей областных правительств, для которых мнения партий должны быть только материалом.

При таком же засилии социалистов-революционеров был проведен и закон о пополнении Думы цензовыми элементами. «Законопроект этот был совершенно безграмотен, — пишет профессор-государствовед Гинс¹, — не только политически, но и юридически. Представительство промышленников устанавливалось без всякого учета соотношения отдельных групп в Думе, интересов отдельных видов промышленности и без указания способа избрания. Представительства советов рабочих депутатов заменялись представительством «соответствующих» профессиональных и политических рабочих организаций; представлялось загадочным, каких именно. Представительство Советов крестьянских депутатов заменено было представительством тоже «соответствующих» крестьянских организаций, еще более таинственных... Состав Думы не пополнился ни одним членом. Новый закон остался пустою забавою».

Происходившее в Сибирской Думе напоминало скорее митинги, нежели заседания законодательного учреждения.

«Должно быть, это первый случай в практике парламентов культурного народа, когда только что открывшийся парламент, непосред-

¹ Гинс, т. I, с. 174.

ственно после приветственной речи председателя, **не проверив мандатов**, не избрав президиума, принимает два постановления, изменяющих конституционные законы. Ряды кресел, где заседают члены Областной Думы, еще не отделены от кресел, отведенных для публики. Никто не может утверждать, что среди членов Областной Думы не сидели посторонние. Да в действительности, они и сидели тут. Член Самарского Комитета Гуревич⁹⁰ нашел, например, для себя более удобным слушать декларацию Правительства, сидя с членами Думы в первом ряду кресел»¹.

Всё это подрывало престиж Думы. В особенности такой эффект имели острые прения, возникшие при проверке мандатов. Выступивший с возражениями кооператор Бедро вскрыл вопиющие факты искусственности построения Думы. Он оспаривал не более и не менее как 46 полномочий, выданных от организаций «самочинных или уже отживших (советы, фронтовые съезды и т. д.)» и указывал, что в Думе нет самого главного: подлинного сибирского крестьянства.

В результате, Дума резко разделилась на два враждебных лагеря. В одном главенствовали эсеры, в другом — автономисты (около 20 %). Но на стороне последних чувствовалась сильная поддержка извне, а именно коренного сибирского населения.

Взаимоотношения, установившиеся в Думе, наиболее ярко выразились при выступлении военного министра Гришина-Алмазова.

Для одного лагеря Думы он являлся талантливым созидателем настоящей дисциплинированной вооруженной силы, на которую сможет опереться Сибирское правительство в целях борьбы с большевиками и поддержки возрождающегося государственного порядка. По свидетельству ген. Болдырева, который мог вскоре после описываемых в этой главе событий оценить, в качестве Верховного Главнокомандующего, результаты работы Гришина-Алмазова, последний «обладал, несомненно, организаторскими дарованиями, энергией и решимостью»¹¹.

Для другого же лагеря, именно благодаря этому, Гришин-Алмазов стал ненавистной фигурой.

В своей речи Гришин-Алмазов говорил, что Сибирская государственность переживает критический момент, что борьба с большевиками предстоит отчаянная и что в такие моменты все силы страны должны быть отданы для достижения победы. Он указывал, что только при объединении всех групп, партий и классов во имя спасения Родины можно

¹ Статья Гинса «Аттестат незрелости» в газете «Сибирская Жизнь» от 17 августа 1918 года. Цитировано в книге Гинса «Сибирь, союзники и Колчак», т. I, с. 160.

¹¹ *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925, с. 33.

создать сильную армию. А «через армию придем к Сибирскому Учредительному Собранию и к сильной, единой нераздельной России»^I.

«Социалисты»^{II}, — пишет уже знакомый нам М. Кроль, — конечно, самым резким образом осуждали позицию Гришина-Алмазова, но так называемые автономисты и беспартийные взяли его под свою защиту. Особенно неистовый характер приняли их речи после моего выступления. Я попытался расшифровать внутренний смысл речи Гришина-Алмазова... Трудно себе представить, как страстно и озлобленно реагировали на мое заявление автономисты. Бывший социалист Филатов^{III}, кооператор Бедро и другие буквально с яростью набросились на меня. Более реакционных^{IV} и проникнутых ненавистью речей я раньше никогда не слышал. Они с пеной у рта защищали необходимость диктатуры с безграничными полномочиями».

Роль, которую сыграл М. Кроль в переговорах с Правительством по вопросу о программе сессии Сибирской Областной Думы, заставляет историка очень осторожно относиться к его оценкам. Но в одном он, конечно, прав. Противобольшевицки настроенная часть сибирской общественности правела. М. Кроль не видел только главного: на это «правение» толкало поведение левого крыла Сибирской Областной Думы, и в том числе самого Кроля.

«Революция питает реакцию, — пишет по этому поводу проф. Гинс^V, тоже близко наблюдавший происходившее на заседаниях Сибирской Областной Думы. — Всё пережитое от большевиков вызывает реакцию по отношению не к ним одним, но ко всем «социалистам» вообще, которые с самого начала революции делали всё, чтобы развалить армию и государственный порядок. В эпохи перелома успех центра может быть гарантирован только при отсутствии резких столкновений крайних течений. Сибирское правительство поставило своей задачей **установить равновесие в соотношении этих противодействующих сил**, и в первые два месяца ему это удавалось. Областная Дума, в содружестве с Самарским комитетом, грозила нарушить это равновесие».

19 августа Правительство Вологодского издало указ о роспуске Сибирской Областной Думы и о новом ее созыве 10 сентября.

^I Газета «Сибирь», 1918, № 32⁹¹.

^{II} Правильнее сказать — эсеры. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Филатов являлся членом партии народных социалистов. М. Кроль применяет к нему эпитет «бывший» с целью дискредитировать Филатова в среде социалистов. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{IV} Применение эпитета «реакционный» являлось одним из излюбленных приемов, имевших большой успех для дискредитирования политических противников на революционных митингах 1917 года. — *Прим. Н. Н. Г.*

^V *Гинс*, т. I, с. 166–167.

Роспуск произошел без всяких протестов и даже вызвал сочувствие большей части коренного сибирского населения. Этот факт имел большое жизненное значение, ибо он окончательно упрочивал за пятичленным правительством Вологодского положение «директории», а не ответственного перед Сибирской Думой министерства. Интересно при этом указать, что члены этой фактически образовавшейся директории «не хотели быть» членами таковой, а хотели оставаться министрами¹.

Но если так смотрели сами «члены Совета министров», то совсем иначе относилась к этому вопросу противобольшевицки настроенная часть сибирского населения. Восприняв психику гражданской войны, она тянулась к твердой противобольшевицкой власти и, конечно, Директория более отвечала этому, нежели многоголовая Сибирская Областная Дума, эсеровское большинство которой всё еще не изжило колебаний между неприятием большевизма и страхом перед контрреволюцией.

Одной из социальных сил, толкавших правительство на путь превращения в Директорию, являлись буржуазия и либеральная интеллигенция.

Упомянутый выше съезд представителей торговли, промышленности и домовладения Сибири и Урала, состоявшийся в Омске во второй половине июля, совершенно определенно высказался в этом отношении.

«Для наиболее правильного течения государственных дел съезд желал бы видеть осуществленными в строении Сибирского Временного Правительства нижеследующие начала:

Отделение полномочий верховной власти от полномочий правительственного управления. Права и полномочия верховной власти должны быть присвоены наличному Совету Министров из пяти лиц, не сменяемых и не изменяющих своего состава, в смысле вступления в Совет Министров каких-либо новых лиц — будут ли то представители цензовых или нецензовых элементов. Наличный состав Совета Министров в своих верховных полномочиях для переходного времени признан уже населением обширной Западной и Средней Сибири, имеет в себе представителей и Восточной Сибири.

Появление в составе Совета министров каких-либо новых лиц, кто бы они ни были, внесло бы вредную смуту в умы населения, а в некоторых случаях повело бы с неизбежностью к утрате Советом уважения со стороны широких общественных кругов, и потому — к анархии власти».

¹ Гинс, т. I, с. 127.

Буржуазия и либеральная интеллигенция опасались, что неясность конституции Омской власти может привести ее к неустойчивости, в случае появления на горизонте некоторых фигур из уехавшей на Дальний Восток Дерберовской группы «министров». Еще более опасались этого правые круги сибирского населения, казачество и офицерство.

Как я говорил выше, само Сибирское правительство не хотело превращаться в Директорию. Но так как это превращение требовалось объективными условиями складывающейся социальной обстановки, то сама жизнь заставила правительство Вологодского принимать меры, которые фактически выводили его на путь превращения в Директорию.

В одном из первых актов правительства Вологодского, объявленном 1 июля¹, было постановлено: «Образовать Совещание в составе управляющих министерствами^{II}, управляющего делами Совета Министров и товарищей министров, для предварительного обсуждения вопросов, представляемых на решение Совета Министров и окончательного разрешения тех вопросов, которые могут быть переданы на разрешение совещания Советом Министров. Совещание управляющих министерствами открывается по утверждению Советом Министров положения о совещании...»

Совещание фактически существовало, но положения о нем не издавалось. Правительство Вологодского считалось с протестом эсеров. По мере того, как именуемое «Советом Министров» правительство Вологодского фактически превращалось в Директорию, то есть в Верховную власть, «Совещание Управляющих министерствами и товарищей Министров» фактически превращалось в исполнительную власть, то есть в Совет министров.

Борьба, которую повела Сибирская Областная Дума во время своей первой сессии, могла только подтолкнуть этот процесс. И действительно, через пять дней после роспуска Сибирской Областной Думы Правительство Вологодского издало положение о вышеупомянутом Совещании Управляющих министерствами, которому было присвоено наименование «Административного Совета»^{III}, причем права этого учреждения были, — по сравнению с актом от 1 июля, расширены.

Председателем Административного Совета был назначен прибывший в Омск Серебренников — один из «избранных» в начале февраля 1918 года сибирских министров.

^I «О высших Государственных учреждениях Сибири».

^{II} «Управляющими министерствами» именовались те министры, которые не входили в состав основной пятерки; большинство из них входило в состав бывшего аппарата власти, образованного Западно-Сибирским комиссариатом.

^{III} От 24 августа 1918 г. // Собрание Узаконений Сибири. Правит., № 9, с. 82.

В лице «Административного Совета» создавалась фактическая исполнительная власть. Этим самым существующий «Совет Министров» фактически превращался в Директорию.

«Самыми важными правами Административного Совета были: право обсуждать все проекты постановлений и общих распоряжений Совета Министров, рассматривать кандидатуры на важнейшие административные должности и право решать окончательно всякие дела, переданные на окончательное решение Административного Совета. Первое связывало Правительство солидарным мнением незаменимой в то время группы фактических министров, а последнее давало возможность Административному Совету выступать иногда в качестве полномочного заместителя Совета Министров.

К этому времени Административный Совет состоял из следующих лиц: проф. Сапожникова⁹² (народное просвещение), Гришина-Алмазова (военное министерство), инж. Степаненко⁹³ (путей сообщения), проф. Гудкова⁹⁴ (торговля и промышленность), прис. повер. Старынкевича⁹⁵ (министерство внутренних дел), Зефирова⁹⁶ (продовольственное дело), Шумиловского⁹⁷ (министерство труда), Морозова⁹⁸ (министерство юстиции), прив.-доц. Головачева⁹⁹ (министерство иностранных дел), Буяновского¹⁰⁰ (министерство финансов) и проф. Гинса (управляющий делами Совета министров).

Все эти лица, принадлежавшие к различным политическим группам, связаны были постоянной общностью и дружностью работы, протекавшей с воодушевленным напряжением... Наладилось продовольственное дело, стали заполняться сберегательные кассы, шла подготовка к организации Сибирской армии, постепенно вносился порядок во все отрасли управления.

Сила Административного Совета заключалась **в его беспартийности**. Эта коллегия руководилась идеями **реальной политики** и ставила перед собою деловые, практические задачи момента»¹.

Эта «деловитость» Административного Совета имела последствием то, что он становился всё более и более популярным в противобольшевицки настроенных кругах коренного сибирского населения, жаждавшего восстановления в Сибири порядка. Это уже само по себе должно было увеличивать то нерасположение, которое с самого начала питали непримиримые из эсеров против делового органа управления, узурпирующего, по их мнению, власть, врученную им «народом». Они сразу же почувствовали, что в вопросе о перерыве первой сессии Сибирской Областной Думы этот «деловой орган управления» сыграл большую роль, так как у самого Правительства не было в этом отноше-

¹ Гинс, т. I, с. 185–186.

нии единого взгляда. Кроме Шатилова, за Думой усиленно ухаживал Патушинский.

«Кто из состава Административного Совета мог быть наиболее одиозен партийным левым кругам? Сапожников, Степаненко, Шумиловский, Зефиров и другие — всё это лица, политически не представлявшие опасными, смещение которых притом, если бы оно понадобилось, было бы нетрудным. Один только Гришин-Алмазов представлялся силою, с которой следовало бороться, потому что за ним стояла — так, по крайней мере, казалось, — армия.

Вологодского и Шатилова настроили надлежащим образом в Томске. Патушинский ненавидел Гришина главным образом из личной антипатии и зависти. Его раздражала даже внешность Гришина. “Это не офицер, а актер или журналист, или кто хотите”, — говорил он.

Большинство против Гришина в пятерке было обеспечено. Оставалось только найти повод»^I.

Такой повод скоро нашелся.

Гришин-Алмазов, находившийся в Челябинске, на одном банкете, «возбужденный очень резкими и неприятными для русского патриота ироническими замечаниями английского консула в Екатеринбурге, бросил замечание, “что русские менее нуждаются в союзниках, чем союзники в русских”.

Эти слова генерала дали повод для выступления иркутского консульского совета, поднялся шум, и враги Гришина решили использовать момент»^{II}.

Так излагает инцидент, послуживший поводом для увольнения Гришина, Гинс. Ген. Болдырев, познакомившийся к этому времени с сибирским управляющим военным министерством, записывает в своих воспоминаниях^{III}, что Гришин «высказал много лишних, резких, но по существу правдивых обвинений по адресу союзников... Это обстоятельство в связи с внутренними интригами Сибирского правительства стоило Гришину-Алмазову его высокого поста».

Л. А. Кроль^{IV}, пользующийся большим уважением член к.-д. партии, бывший в то время в Челябинске, рассказывает в своих воспоминаниях^V, что на следующий день после банкета у ген. Гришина-Алмазова произошел такой разговор с заместителем председателя Чехо-Словацкого Национального Комитета г-ном Павлу.

^I Гинс, т. I, с. 193—194.

^{II} Там же, с. 196.

^{III} Болдырев, с. 34.

^{IV} Не смешивать с вышецитированным эсером М. Кролем.

^V Кроль Л. А. За три года. Воспоминания. Владивосток, 1922, с. 86.

«Если Вам у нас не нравится, то Вы можете уехать», — сказал Гришин. «В политике ожидать благодарности не приходится, — ответил Павлу, — но я считаю, что мы своего дела еще не сделали. Россия нам нужна в наших интересах...»

Начало этого разговора позволяет предположить, что чехо-словацкие политики находились в лагере врагов Гришина-Алмазова. И это вполне естественно, имея в виду их тесную связь с русской партией социалистов-революционеров. Однако разобраться в закулисной стороне увольнения Гришина-Алмазова трудно. Создавшаяся обстановка была тем сложнее, что Гришина-Алмазова не любили и политиканствующие правые элементы Сибирской армии. Они находили, что сам Гришин-Алмазов слишком «левый». Ему ставилось в вину, что на предложения произвести в Омске правый переворот, он неизменно отвечал, что Сибирское правительство должно оставаться без перемены до решения народного представительства, т. е. Всесибирского Учредительного Собрания. К интриге против Гришина-Алмазова, веденной эсерами Сибирской Областной Думы, прибавилась также интрига правого политиканствующего омского офицерства с Ивановым-Риновым во главе, ведшаяся уже в недрах самого Административного Совета. Действующей пружиной этой последней интриги являлся Головачев, который в качестве товарища министра иностранных дел (Вологодского) управлял этим министерством.

4 сентября Гришин-Алмазов, ввиду его выступления против союзников, по настоянию товарища министра иностранных дел Головачева, был отстранен от должности. Вместо демократически настроенного Гришина командующим Сибирской армией и управляющим военным министерством был назначен Иванов-Ринов. Первые распоряжения последнего носили явно демагогический характер, имевшие целью заслужить одобрение наиболее правонастроенной части офицерства.

Иванов-Ринов назначил начальником Омского гарнизона казачьего полковника Волкова¹⁰², доблестного боевого офицера, но по своему мировоззрению являвшегося типичным представителем того духа произвола и беззакония, который получил в Сибири наименование «атаманщины»¹.

«К сожалению, — пишет уже неоднократно цитированный мною управляющий делами Совета министров Гинс¹¹, — занятые в то время первостепенными вопросами внутренней политики, мы не обратили внимания на вопросы военно-политические. Командующему армией было предоставлено решать их самостоятельно. Он утверждал собственную властью и все производства и назначения по армии, и таким

¹ См. главу X.

¹¹ Гинс, т. I, с. 179.

образом военный мир стал чувствовать себя самодовлеющим, независимым от Правительства...»

Увольнение Гришина-Алмазова вызвало протест в среде Административного Совета. Последний, по словам Гинса¹, «понял политическую опасность такого произвола со стороны Правительства, которое и не подумало спросить мнения своих ближайших сотрудников, разделявших с ним и труды, и риск начатого дела. “Мы — “избранники”, а вы кто?” — вызывающе спрашивал Патушинский, отлично знавший, что избрания не было, что выборы в **подпольном** заседании каких-нибудь двух десятков эсеров из ста пятидесяти членов Областной Думы, без соблюдения элементарных правил голосования, были политической авантюрой и что картина “выборов” скрывалась только для того, чтобы сохранить “лицо” власти. И вдруг “избранники” действительно возомнили себя венценосными носителями народного суверенитета...»

«Административный Совет потребовал гарантий того, что впредь подобного рода политические шаги Правительства без ведома Административного Совета предприниматься не будут.

Под председательством Сапожникова состоялось несколько частных заседаний членов Административного Совета. Правительству был предъявлен ультиматум, подкрепленный угрозой уйти в отставку вместе со всем штатом высших чинов...» «Угрозу не пришлось, однако, пускать в ход. Правительство и без того чувствовало себя неудобно и отлично понимало, что уход фактически незаменимых работников создал бы серьезный кризис.

Было занесено в журнал постановление Совета министров, что лица, занимающие должности 2 и 3 класса, не будут впредь увольняться без ведома Административного Совета, что без участия Административного Совета не будут разрешаться не только вопросы законодательного характера, но и такие, как посылка делегаций с политическими поручениями. Административный Совет поставил на очередь и вопрос об Областной Думе. Он определенно высказался против созыва новой сессии Думы, но Правительство не согласилось на это.

Что делалось в это время в Совете министров, я не знаю. Хотя я оставался управляющим делами, но меня не приглашали на заседания. Председатель Совета министров объяснил мне, что заседания носят такой неприличный характер, вследствие постоянных личных столкновений между отдельными министрами (главным образом Михайловым и Патушинским), что невольно хочется придать им замкнутый характер.

Административный Совет озабочен был поддержкою престижа Правительства и сохранением его цельности. Поэтому он не настаивал

¹ Гинс, т. I, с. 197–198.

на оставлении Гришина-Алмазова, раз приказ о нем уже подписан. Не настаивал он и на том, чтобы было отказано в возобновлении работ Думы, так как Правительство уже связало себя обещанием. Но Административный Совет поставил условием предоставление ему, на время отъезда из Омска большинства членов Правительства, права роспуска Думы.

Право это было Административному Совету предоставлено (Собр. Узак. № 10)».

Таким образом, увольнение Гришина-Алмазова послужило поводом для расширения прав Административного Совета, упрочивая его положение как исполнительной власти. Но вместе с этим оно ставило этот орган в зависимость от правонастроенного офицерства.

Неудавшийся переворот

В сентябре Патушинский заявил о своем выходе из состава Совета министров, ввиду «глубокого расхождения с Административным Советом и возрастающим влиянием последнего на политическую деятельность Правительства». В это время Вологодский уехал на Дальний Восток для переговоров с представителями союзников и с возникшими там противобольшевицкими правительствами (в том числе с так называемым «Дерберовским правительством»¹⁰³). Шатилов уехал в Томск на открытие Думы. Круповский, державшийся в стороне от дел, жил в Красноярске. Из коллективной верховной Западно-Сибирской власти в центре государственного управления оставался только Михайлов. Сочувствие последнего усилению власти Административного Совета облегчало выполнение только что изданного постановления о том, что в случае отъезда из Омска большинства членов Правительства¹ государственная власть фактически переходит к Административному Совету.

10 сентября в Томске открылась новая сессия Думы.

«Опять повторилась та же история, что и перед августовской сессией. Делегация из Томска, обсуждение программы, совместное установление ее с делегацией Думы — и потом нарушение программы Думою.

На этот раз были установлены следующие предметы занятий: 1) рассмотрение мандатов новых членов, избранных на основании закона о пополнении состава Думы; 2) переизбрание президиума; 3) коммиссионные работы по выборам в Сибирское Учредительное Собрание.

Административному Совету было предоставлено распустить Думу, если она выйдет из предметов установленной программы»¹¹.

С самого же начала новой сессии возникли конфликты.

¹ То есть Директории.

¹¹ Гинс, т. I, с. 202.

Прежде всего Дума, большинство которой осталось в руках эсеров, отправила от себя на Дальний Восток делегацию. Миссия этой делегации была ясна: она должна была действовать параллельно Вологодскому и «парировать его выступление»¹, то есть воздействовать на Дерберовское правительство в том отношении, чтобы оно не сдавало власти¹¹. Делегация была уже в дороге, когда пришел решительный протест Вологодского. 16–17 сентября думская делегация была задержана в Иркутске командующим войсками и отправлена обратно в Томск.

Одновременно с посылкой на Дальний Восток вышеупомянутой делегации, эсеры Сибирской Думы решили использовать отсутствие Вологодского из Западной Сибири с целью, употребляя выражение социал-демократа Майского, «устроить маленький государственный переворот», введя «революционным путем» в состав Совета министров прибывшего в Томск эсера Новоселова, принадлежавшего к той части правительства, избранного в феврале 1918 года, которая уехала вместе с Дербером на Дальний Восток.

Вводя в лице Новоселова нового члена в состав Совета министров, рассматриваемого в противобольшевицких кругах населения как Директория, эсеры фактически устанавливали за Думой Верховную власть, а правительство Вологодского превращалось лишь в подчиненный этой Верховной власти исполнительный орган. Вместе с этим появление Новоселова в «Совете министров» облегчало эсерам Сибирской Думы создание послушного себе кворума. Для этого требовалось также уговорить Патушинского взять свою отставку назад, о чем последний и заявил. Председатель Думы — эсер Якушев, игравший в этой политической интриге главенствующую роль, уговорил также и Крутовского стать на сторону Думы.

Приехавший из Красноярска в Омск Крутовский пытался созвать «Совет министров», считая, что он, Шатилов и Михайлов втроем могут составить коллегия, решения которой, даже принятые двумя против одного, будут считаться законными. Постановлением такого совещания «Совета министров» он намеревался ввести в его состав Новоселова, а также изменить Положение об Административном Совете.

Но Михайлов отказался принимать участие в обсуждении подобных основных государственных вопросов в отсутствие Председателя Совета министров Вологодского, и при этом без ведома последнего. Отказ Михайлова участвовать в заседании Совета министров, за отсутствием кворума, не позволил этому заседанию состояться.

Как раз в это время было получено известие о задержании делегации, посланной Думой на Дальний Восток, в Иркутске. «Тогда было

¹ *Майский* [Демократическая контрреволюция], с. 250.

¹¹ *Мельгунов*, ч. I, с. 182.

созвано экстренное заседание Думы вопреки всякому Наказу, без повесток («свои» люди созывали друг друга по телефону) и был предъявлен Правительству запрос о «незаконмерных» действиях его агентов.

— Страна должна знать всю правду, — заявил член Думы Гольдберг.

— Пусть же она знает всю правду, — ответил ему один и, кажется, единственный присутствовавший на этом импровизированном заседании член Думы несоциалист Соболев...

И вслед за тем Соболев рассказал Думе в открытом заседании о том, во что превратился совет старейшин, как эта заговорщицкая организация через посредство президиума ведет переговоры с губернаторами, вмешивается в управление и выписывает новую партию министров¹.

Страна узнала правду про социалистический парламент. Ему нужны были не мир и порядок, а партийная гегемония. Привыкшие к приемам подполья, члены Думы исподтишка, прячась от собственных товарищей, подтасовывали политические карты вместе со своим почтенным председателем Якушевым^{II}.

Орган кооператоров «Заря», выразивший голос сибирского коренного крестьянства, определенно заявил, что Областная Дума, «утратила всякое представление о существе своих функций и работает на государственный развал»^{III}.

Уведомленный по телеграфу о происходящем в Омске, Вологодский телеграфно же уведомил, что считает своевременным перерыв работ Думы; основываясь на данных ему полномочиях, Административный Совет 21 сентября распустил Думу.

Дума не подчинилась этому указу и, собравшись ночью в «революционном» порядке («Заря»), приняла резолюцию, внесенную эсеровской фракцией. Согласно этой резолюции, объявленной населению в виде «Грамоты Думы», Административный Совет объявлялся незаконно созданным и подлежащим немедленному роспуску, министр финансов И. А. Михайлов и товарищ министра внутренних дел Грацианов^{IV} уволились от службы и предавались суду за попытку государственного переворота. Вместе с этим заявлялось, что «Временным Сибирским Правительством Областная Дума считает Правительство в составе, избранном Думой в январе^{IV} 1918 года, за исключением министра финансов И. А. Михайлова». Последнее фактически являлось заменой существующего правительства Вологодского правительством Дербера.

^I «Дерберовских» министров. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} *Гинс*, т. I, с. 221–222.

^{III} Цитировано по «От. Вед.», № 4.

^{IV} По новому стилю в начале февраля. — *Прим. Н. Н. Г.*

Наконец из состава Думы создавался особый исполнительный «Комитет Областной Думы», которому Дума временно передавала Верховную власть.

Не лишено интереса, что в состав этого Комитета были избраны по два представителя от эсеров, эсдеков и «национальностей», и ни одного от областников (автономистов) и беспартийных.

Крайность всегда порождает противоположную крайность. Томский губернский комиссар Гаттенбергер¹⁰⁵ доносил, что в ответ на Грамоту Думы, «всюду на заборах надпись: Боже, Царя Храни...»¹.

В Омске же начальник гарнизона полк. Волков арестовал Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова. Арест был произведен полковником Волковым самочинно «по обвинению в том, что этими лицами замыслено и приступлено к совершению государственного переворота». Когда об этих арестах стало известно заместителю Вологодского — И. Михайлову и Административному Совету, они немедленно постановили: тотчас же освободить из-под стражи В. М. Крутовского, М. Б. Шатилова и И. А. Якушева, о действиях начальника гарнизона полк. Волкова сообщить командующему армией¹¹. Вследствие же направления начальником гарнизона дела об аресте Новоселова прокурору Омской судебной палаты, вопрос об освобождении Новоселова предоставить обсуждению названного прокурора.

23 сентября Новоселов был убит сопровождавшим его в областную тюрьму конвоем.

Новоселов сделался «несчастной жертвой чужой игры, — говорится в газете кооператоров “Заря” (№ 6). — Настоящим виновником его смерти является Якушев, который руководил всей этой политической авантюрой, печальные последствия которой гораздо тяжелее, чем можно было думать» — так подводит итог разыгравшимся во второй половине сентября в Западной Сибири трагическим событиям проф. Гинс¹¹¹. «Новоселов — сибирский казак по происхождению, талантливый писатель. Его очерки из сибирского быта написаны красиво и тепло. Он прибыл с Востока, желая отдохнуть от политики и отдаться литературной работе.

Связь Новоселова с казачеством внушила, очевидно, реакционным кругам мысль, что это опасный человек, в то время как в действительности он мог быть только полезным человеком. Невежественная рука озлобленного человека, явно не отдававшего себе отчета в бессмысленной жестокости и тяжкой преступности совершаемого, покончила с Новоселовым в загородной роще Омска.

¹ Мельгунов, ч. I, с. 186.

¹¹ Иванов-Ринов был в это время в отъезде из Омска.

¹¹¹ Гинс, т. I, с. 241–242.

С этого момента началась военная распушенность, которая постепенно возрастала, в которой вылилась и месть за пережитое во время революции от «социалистов» — такое же бесхитрое мировоззрение, как и у крестьян, смешивающих всех социалистов в одно, — и деморализация, укрепившаяся за время тирании большевиков, озлобившая и ожесточившая нравы.

Говорят, что сам полк. Волков, начальник Омского гарнизона, не предвидел такого исхода ареста и рвал на себе волосы, когда узнал о случившемся».

Пока происходили только что описанные события в Омске, в Томске губернский комиссар Гаттенбергер¹ быстро ликвидировал начатый Сибирской Областной Думой переворот, арестовав «Комитет Областной Думы». Тогда председатель Думы Якушев обратился за помощью к чехам. Он просил их вмешаться в конфликт.

Находившийся в Томске представитель чехо-словаков — доктор Глосс был настолько своим человеком в Сибирской Областной Думе, что участвовал даже в конспиративных заседаниях, которые шли в Совете Старейшин^{II}. Он заявил энергичный протест против роспуска Думы. Вместе с этим командующий Чехо-словацким корпусом — Сыровой^{III} приказал чешскому полковнику Зайчеку произвести в Омске аресты не только полк. Волкова, но и заместителя Вологодского — министра И. Михайлова и товарища министра внутренних дел Грацианова. Арестовывая последних двух высших должностных лиц Западно-Сибирского правительства, чехо-словаки осуществляли тот государственный переворот, к которому призывала своей «Грамотой» распушенная Сибирская Областная Дума.

Насколько выступление Обл. Думы против Сиб. правительства и обращение ее за поддержкой к чехо-словакам возмутило все сибирские общественные круги, свидетельствует записка областников^{IV}. Эта записка, подписанная самим вождем Сибирского областничества — Г. Н. Потаниным, заканчивалась следующим заявлением: «Деятельность президиума Сиб. Обл. Думы и ее большинства мы считаем противоправительственной, противогосударственной и преступной.

^I Присяжный поверенный Гаттенберг по своим политическим убеждениям являлся автономистом; он был членом «Потанинского кружка»; эсеровские мемуаристы несправедливо приписывают ему крайне правые политические взгляды.

^{II} Мельгунов, ч. I, с. 190.

^{III} Записка областников указывает, что Якушев непосредственно обратился за содействием к Сыровому. // Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. ч. I, с. 181.

^{IV} Эта записка, опубликованная в «Сибирском Вестнике», приведена полностью в Приложении № 52.

Она противоправительственна потому, что сводилась к устранению сложившейся верховной власти Совета Министров.

Она противогосударственна потому, что в исключительных условиях борьбы с большевизмом и германцами, вместо создания единой, действительно всенародной власти, стремилась установить партийную диктатуру.

Она преступна потому, что отсутствие действительно всенародной власти поведет к анархии и откроет широкое поле для иностранной оккупации.

Сиб. Обл. Дума настоящего состава, заявившая себя противоправительственной, противогосударственной и преступной деятельностью, должна быть распущена. Она не является оплотом сибирской автономии и не имеет права на дальнейшее существование».

Выполнить полностью свое вмешательство чехо-словакам не удалось. Хотя полковник Волков и Грацианов и были ими арестованы, но главному представителю Сибирской власти, заместителю Вологодского — министру И. Михайлову, удалось укрыться от чехов.

Через несколько дней все арестованные чехо-словаками лица были выпущены.

«Может быть, — предполагает историк Мельгунов^I, — оказало свое действие обращение, появившееся 26 сентября в “Заре”. — Эту статью никто из чешских бытописателей сибирского анабазиса не упоминает, между тем она чрезвычайно знаменательна. К сожалению, только к голосу этой части сибирской демократии чехи мало прислушивались. Обращение адресовалось к “братьям-чехам”. В нем говорилось: “По городу разнеслись слухи, что вы хотите арестовать министра Михайлова и его сотрудника Бутова и уже арестовали товарища министра Грацианова... Вы можете себе представить, братья, каким ударом грома была разнесшаяся весть, что вы хотите арестовать их. Это было так неожиданно и непонятно, что мы подумали, не осуществляется ли какая-то немецкая провокация^{II}, в которой вы являетесь слепым орудием. Братья, вашей неосведомленностью в наших внутренних делах кто-то пользуется для достижения цели, губельной для общего дела”».

Протестовала не только «Заря», не только круги, близкие ей. 30 сентября Иванов-Ринов писал кн. Львову^{III}, уезжавшему за границу: вмешательство чехов «вызвало взрыв чувства национальной обиды... Самые разнородные группы от промышленников до умеренных соци-

^I Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 191.

^{II} «Немецкая провокация», очевидно, вставлена для большего воздействия на чехов.

^{III} Бывшему в 1917 г. председателем первого Всероссийского Временного правительства. — Прим. Н. Н. Г.

алистов одинаково высказались перед представителями чехо-войск, а казачество было взволновано настолько, что можно было опасаться вооруженного столкновения».

И. И. Серебренников, председатель Административного Совета, считал¹, что попытку чехо-словаков в Омске совершить переворот остановило только образование Всероссийского правительства в виде избранной на Уфимском государственном Совещании Директории. Последняя и взяла в свои руки ликвидацию конфликта между Сибирским правительством и Сибирской Областной Думой.

На Дальнем Востоке

Как я говорил в главе X, Дербер с большей частью «министров», избранных в начале февраля 1918 г. на конспиративном собрании 40 членов не открытой еще Сибирской Думы, решили пробраться в Маньчжурию в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Здесь, в Харбине, вплоть до свержения большевицкой власти в Западной Сибири, это Правительство, прозванное общественной молвой «Дерберовским», жило в вагоне, предоставленном начальником К.-В. железной дороги — генералом Хорватом¹⁰⁶.

Когда 29 июня чехо-словаки свергли большевицкую власть во Владивостоке, перебравшееся туда «Дерберовское правительство» объявило себя «Временным Правительством автономной Сибири». О своем вступлении «в права и обязанности центральной Государственной власти в Сибири» оно довело особой декларацией до сведения «дружественных России Держав, как союзных, так и нейтральных», и поспешило назначить своих представителей в Токио и Вашингтон. Вместе с этим, это правительство, состоявшее из совершенно неизвестных миру и России людей, разослало иностранным державам ноту, в которой «с особой настойчивостью» «предупредительно» указывало, что «всякие соглашения союзных держав с отдельными лицами и организациями частного характера, объявляющими себя правителями или государственной властью в пределах Сибири, неминуемо встретят в населении Сибири единодушное осуждение и будут приняты как действие, враждебное по отношению к самому населению, а потому союзные державы, не преследуя в России каких-либо иных задач, кроме борьбы за общедемократический мир, и стремясь к беспрепятственному и ускоренному его достижению совместно с Россией, сочтут для себя необходимым в **дальнейших своих мероприятиях на территории** Сибири действовать исключительно в согла-

¹ *Серебренников И. И.* К истории Сибирского Правительства // Сибирский Архив, т. I. Прага, 1929, с. 15.

сии с высшей территориальной властью Сибири, какую, несомненно, является Временное Правительство Автономной Сибири¹.

“Le ridicule tue”, — говорит поговорка, и представители иностранных держав быстро разобрались, применяя выражение многих мемуаристов, в «опереточном» характере Дерберовского правительства.

Одновременно с этим последним, претендовавшим на Всесибирскую власть, во Владивостоке образовалось «местное» эсеровское правительство. Это были эсеры, возглавляемые Медведевым и захватившие в свои руки Земское управление. Эсеровское засилье в Приморском «Земстве» объясняется тем, что самый институт земства был введен в Сибири лишь летом 1917 года. Это была эпоха всеобщего засилья эсеров, а потому вполне естественно, что формируемые в таких условиях земства, лишённые традиций долгой творческой работы, как это имело место в Европейской России, быстро подпали под влияние вынесенных в то время на гребень революции социалистов-революционеров. «Правительство Медведева» было левее «Дерберовского»; оно искало «путей мирного соглашения с большевиками»^{II}.

В противовес социалистическим правительствам Дербера и Медведева 9 июля появилась декларация о создании «Делового Кабинета Временного Правителя» генерала Хорвата^{III}. Переговоры об образовании этого правительства велись с союзниками через наших послов в Пекине и Токио. Большую роль играл в этом деле «Дальне-Восточный Комитет», образовавшийся в Харбине из собравшихся там представителей буржуазии и либеральной интеллигенции.

Ген. Хорват был единственным авторитетным представителем Российской государственной власти на Дальнем Востоке. С 1903 года он занимал должность управляющего Китайско-Восточной железной дорогой. На этой должности он заявил себя таким умелым и культурным администратором, проявил столько гуманности и заботливости о служащих, что Временное правительство, после февральской революции, предоставило ему права Правительственного комиссара в полосе отчуждения^{IV}.

«Человек, не пылающий честолюбием, — характеризует ген. Хорвата Гинс^V, — не рвущийся к политической борьбе, человек прежде всего реальных жизненных интересов...»

^I *Максаков, Турунов.* Хроника гражданской войны в Сибири 1917–1918 гг. Приложение 87.

^{II} *Якушев И.* «Дальневосточное самоуправление в борьбе за власть (1917–1919)». «Местное самоуправление» // Труды общества в Чехо-Словакии. Прага, 1926, с. 196–201.

^{III} Полный текст этой декларации приведен в Приложении № 53.

^{IV} *Гинс*, т. I, с. 227–228.

^V Там же, т. I, с. 251–252.

«Это тип деятеля, в котором страна особенно нуждается. Наши политики сосредоточивают свое внимание прежде всего на формах. Их интересует республика, монархия, парламент. Ген. Хорват спрашивал меня, как налаживается транспорт в Сибири, где заказываются денежные знаки и чем они обеспечиваются; его интересовало самое существенное: элементарное условие государственности — состояние хозяйства. Такой именно руководитель правительственной работы нужен России. Направляя деятельность власти в сторону улучшения хозяйственных условий, он обеспечивал бы порядок и уважение к правительству.

Меня поразили затем терпимость и отзывчивость его. Ген. Хорват говорил о всех группировках одинаково спокойно и не обнаруживал никакой предубежденности против каких-либо партийных людей. Было ясно, что он может работать с деловыми людьми самых различных направлений».

Адмирал Колчак, бывший в это время при ген. Хорвате, так объяснил на своем допросе¹ свою точку зрения на объявление Хорватом себя Правителем Дальнего Востока: «Я считал, что надо привести Дальний Восток к какому-нибудь порядку, поэтому я считал вполне понятным, если бы Хорват распространил свою власть, кроме полосы отчуждения, и на соприкасающуюся Приморскую область... Во всяком случае, я не считал, что это торжество единоличной власти (диктатура)». Адмирал Колчак рассказывает затем, как одновременно существовавшие три Дальне-Восточных Правительства (Хорватовское, Дерберовское и Медведевское) отменяли постановления друг друга и боролись между собой. Вместе с этим адмирал Колчак подчеркивает, что генерал Хорват всегда отстаивал законные нормы борьбы и что он был большой джентльмен. «Это подтверждает, — замечает Мельгунов^{II}, — отношение Хорвата в Харбине к Дерберовскому правительству, которому было оказано полное гостеприимство...»

«Деловой кабинет, — пишет тот же историк^{III}, — составил из трех беспартийных, двух членов партии народной свободы, двух народных социалистов, из них один Потанинского «кружка» (имеется в виду, очевидно, старый народник Курский). В его среде был, между прочим, и инж. Устругов — прежде член Дерберовского правительства, позже в первую очередь приглашенный Директорией на пост министра путей сообщения. Вошел в него и представитель Добровольческой армии Флуг».

Была еще одна власть, образовавшаяся на Дальнем Востоке. Это была власть атамана Семенова.

^I Допрос Колчака (под ред. Попова). Ленинград, 1925, с. 139.

^{II} Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 148.

^{III} Там же, с. 148.

Семенов принадлежал к влиятельной в восточной части Забайкалья казачьей офицерской семье. Его мать была бурятка. Он говорил на монгольском и бурятском языках, что обеспечивало ему влияние среди этих национальностей. При Керенском он взялся нанять из бурят и монголов конный полк. После захвата власти большевиками Семенов ушел в Китай, в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, где, пользуясь покровительством ген. Хорвата, образовал «Особый Маньчжурский отряд». Он объявил, что ставит себе задачей защиту Учредительного Собрания, органов самоуправления и беспощадную борьбу с большевиками.

В это время происходили беспорядки во Внешней Монголии; Семенов воспользовался этим и привлек недовольных на свою сторону. Так как позиция Семенова была противокитайской, ибо в Монголии он поддерживал сепаратистов, он этим самым попадал в русло японской политики. Это открывало перед авантюристической натурой Семенова перспективы использования японской поддержки для достижения честолюбивых целей.

Антагонизм, создавшийся между крестьянами и бурятами, был тоже на руку Семенову. Забайкальские крестьяне поняли большевизм своеобразно: земля ничья, народная, — говорилось в «приговоре» одного из забайкальских крестьянских обществ, — поэтому она и должна принадлежать народу, а не бурятам! Естественно, что такая оригинальная национализация земли отталкивала бурят от большевизма.

Само Забайкальское казачество, пройдя, так же как и его старшие собраты, через период «нейтралитета» по отношению к большевикам, по мере того как выяснялся истинный лик большевизма, становилось всё более и более контрреволюционным.

Выступление чехо-словаков побудило есаула Семенова к вступлению со своим отрядом на территорию Забайкальской области. Но, так как после того, что хвостовые чехо-словацкие эшелоны Дитерихса прошли по железнодорожной магистрали, пересекающей Забайкалье, последнее осталось во власти большевиков, Семенову удалось продвигнуться только до станции Оловянная (шестая станция от маньчжурской границы). Тем не менее, он объявил себя Войсковым Атаманом Забайкальского казачества и Правителем всей Забайкальской области.

Вскоре после этого через Забайкалье с запада начала продвигаться новая группа чехо-словацких эшелонов. Это шел Гайда, который, как уже известно, после освобождения Омска повернул обратно, на восток. Усиленный добровольческими частями Сибирской армии под командой Пепеляева¹⁰⁷, Гайда захватил Читу. Озлобленные тем, что после прохода эшелонов Дитерихса железнодорожная магистраль опять попала в руки большевиков, чехо-словаки решительно и жестоко расправлялись с последними.

Согласно воспоминаниям Кириллова¹, одного из участников отряда Пепеляева, вскоре после вступления Гайды в Забайкальскую область на станции Посольской был захвачен помощник Гайды полк. Ушаков¹⁰⁸. Он и его адъютант-чех были зверски убиты. «На лице полк. Ушакова было много штыковых ран — всё лицо его было обезображено и изуродовано, уши, нос и язык отрезаны, глаза выколоты, всё тело его также покрыто было глубокими штыковыми ранами». Тела убитых были подобраны сибирскими войсками и чехо-словаками и засыпаны полевыми цветами... «В этот момент доложили, что прибыла партия пленных. Гайда, не оборачиваясь, резко и твердо сказал: “под пулемет”. Партия пленных, где было много мажар, была немедленно отведена в горы и расстреляна из нескольких пулеметов...»

Тот же Кириллов рассказывает в тех же своих воспоминаниях¹¹ про переговоры, которые велись на станции Оловянной между чехо-словаками и атаманом Семеновым. Последний сам сразу не пришел, а прислал своим представителем полк. Афанасьева¹⁰⁹.

«Полк. Афанасьев вел переговоры весьма неопределенно и, казалось, что-то не договаривал, — пишет Кириллов. — Ввиду неопределенности решено было созвать экстренное заседание военного совета, на нем кап. Кадлец (чех), со свойственной ему прямотой заявил, что если нужно силой оружия усмирить непокорных, то он готов немедленно двинуть свой отряд.

После совещания полк. Афанасьеву было предложено передать атаману Семенову, что если он не признает Сибирского Правительства, то против него немедленно будут открыты боевые действия, причем был дан срок до 12 часов следующего дня.

Атаман Семенов, не дожидаясь окончания этого срока, весьма аккуратно явился в штаб, где извинился за свою задержку, сказал о своей готовности подчиниться Сибирскому Правительству и просил, как это ни странно, прежде всего о себе. Его беспокоила мысль, признает ли Сибирское Правительство его атаманство, согласится ли оно его произвести в полковники».

Резкий контраст с только что описанным признанием власти Омского правительства атаманом Семеновым представило собою признание этого же Правительства генералом Хорватом.

Встреча Гайды и Пепеляева с ген. Хорватом произошла на станции Борзя (между только что упомянутой станцией Оловянной и станцией Маньчжурия). «Свидание было весьма просто обставлено, без всякой

¹ Вольная Сибирь, IV, с. 55. См. также статью ген. М. А. Иностранцева «Первое поручение адмирала Колчака» в т. I «Белого Дела», с. 101.

¹¹ Вольная Сибирь, IV, с. 56–57.

помпы», — вспоминает Кириллов¹ — У Хорвата не было ни караула, ни свиты. Ген. Хорват произвел весьма выгодное впечатление. Он сообщил, что до образования Сибирского Правительства, стремясь к сохранению русской государственности на Дальнем Востоке (полоса отчуждения), он объявил себя Правителем Дальнего Востока и что теперь готов подчиниться Сибирскому Правительству».

Приехавшему 20 сентября во Владивосток Вологодскому легко удалось окончательно оформить подчинение ген. Хорвата и атамана Семенова Омскому правительству. Ему удалось также добиться признания «Медведевским земством» Омской власти за Всесибирскую и добиться отказа от претензии на подобную власть со стороны «Дерберовского правительства».

Узкой партийной психологии «Медведевского земства» и «Дерберовского правительства» Хорват рисовался в виде пугала реакции, а так как по сравнению с ними у Хорвата имелось гораздо более реальных данных стать настоящей властью, то они предпочли избрать из двух зол для себя меньшее и более далекое, а именно — правительство Вологодского.

Однако, «не успели Владивостокские министры подать в отставку, — записывает в своих воспоминаниях Гинс^{II}, сопровождавший Вологодского в его поездке на Дальний Восток, — как пришло известие о конфликте Омска с Областной Думой и предупреждение Дерберу не сдаваться. Но было уже поздно».

«Мы наделали черт знает что: сдали власть, как раз, когда столкнулись Дума и Правительство Вологодского.

— Откуда эти сведения?

Этот разговор Дербера с Лавровым случайно донесся до меня во время приемки дел. Из него достаточно хорошо видно, как глубоко партийны были все поступки людей типа Дербера. Впрочем, это вполне понятно: происходила определенная борьба крайних и умеренных демократических течений.

Министр почт и телеграфов, он же министр путей и продовольствия, Моравский отказался сдавать дела, и вскоре из Иркутска было сообщено, что за подписью Моравского рассылается шифрованная телеграмма почтово-телеграфным служащим, с призывом не повиноваться Сибирскому Правительству».

Все эти попытки не могли привести ни к каким результатам. Сибирь объединилась в руках создавшегося в Омске правительства Вологодского.

¹ Вольная Сибирь, IV, с. 57.

^{II} Гинс, т. I, с. 229.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 50

ДЕКЛАРАЦИЯ

Западно-Сибирского комиссариата¹

Западная Сибирь очищена от большевиков. Они бегут, унося с собой всё, что можно захватить. Ярмо нового самодержавия уничтожено, Сибирь вновь свободна. Власть перешла к Временному Сибирскому Правительству, выдвинутому Областной Думой. Высшей местной властью в Западной Сибири временно, впредь до окончательного освобождения всей Сибирской территории, является Западно-Сибирский Комиссариат, состоящий из уполномоченных Временного Сибирского Правительства: членов Всероссийского Учредительного Собрания Павла Михайлова¹¹⁰, Бориса Маркова¹¹¹ и Михаила Линдберга¹¹², и председателя Томской уездной Земской Управы Василия Сидорова¹¹³.

Законодательные мероприятия и реформы не поручены уполномоченным. Они входят в компетенцию лишь Сибирской Областной Думы временного, до созыва Сибирского Учредительного Собрания, законодательного органа.

Задачей Областной Думы и ее исполнительного, ответственного перед ней органа — Временного Сибирского Правительства — является восстановление нарушенного большевиками правильного товарообмена, обеспечение граждан продовольствием; предотвращение вторжения в Сибирь с востока путем возобновления дружественных отношений с союзными странами; созыв Сибирского Учредительного Собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права и пропорционального представительства, и, наконец, всемерное содействие скорейшему возобновлению работ Всероссийского Учредительного Собрания, которое одно может спасти страну путем объединения всех сил революционной демократии, для разрешения всех выдвинутых революцией политических и социальных задач и воссоединения отторгнутых ныне друг от друга частей Великой Всероссийской Федеративной демократической Республики.

¹ Цитирована согласно тексту, приведенному на с. 86–87 книги Г. К. Гинса: Сибирь, союзники и Колчак. Т. I. Пекин, 1921.

**Выдержки из вступительной части декларации
Правительства Вологодского¹**

на первой сессии Сибирской Областной Думы в Томске

Временное Сибирское Правительство действует как власть суверенная, с полномочиями, почерпаемыми не только от Областной Думы, Совет министров избравшей, но также из создавшегося переворотом фактического положения вещей и единодушного признания Правительства со стороны всех кругов населения и общественных организаций. В обстановке, при которой Совет министров принял на себя тяжелое бремя управления, он не мог поступить иначе, как объявить себя суверенною, ни от кого не зависящей властью.

...Вы хорошо знаете, сколько горькой обиды, справедливого возмущения накопилось во время большевизма в кругах, наиболее в этот период обездоленных. С каким чувством должно относиться к большевикам и примыкавшим к ним элементам доблестное офицерство, претерпевшее не только лишения, но и незаслуженные оскорбления. Сколько ненависти вызывает пережитое со стороны той части славного казачества, которое привыкло дорожить своею честью и традициями и считает разложение войска при большевиках надолго несмываемым позором и для себя.

Переворот создал благоприятную обстановку, и притом благоприятную не только психологически, для самых реакционных вождельных. Имена популярных генералов, легенда о возникающих союзах и комитетах самого правого направления — всё это носится в воздухе, выражая настроение известных кругов. Вместе с разговорами о военной диктатуре, не только неприемлемой, но и неизбежно обреченной на неудачу, это свидетельствует, что пресыщение революцией достигло чувствительной степени, что жажда сильной власти очень велика и что слабость Правительства еще более усилила бы правые течения.

Есть два способа предотвратить укрепление реакции: один находится в руках левых партий — он заключается (в сознательной умеренности требований и устранении выступлений против вынуждаемых обстоятельствами решительных мер. Можно утверждать без всяких преувеличений, что контрреволюцию справа питают, главным образом, крайние левые течения.

Другой способ противодействовать реакции — это твердость и решительность самого Правительства. Демократическое по составу, однород-

¹ Цитировано согласно тексту, приведенному на с. 165–166 т. I книги Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак».

ное по настроению, как в части так называемой «пятерки», так и в части деловой — Правительство ставит своей конечной задачей сохранить для русского общества те позиции гражданских свобод, во имя которых произведена была революция, но которые больше всего пострадали именно во время революции. Но для того, чтобы занять позиции, которые уже были покинуты, а затем отстоять их, нужна сначала железная дисциплина и решительная непоколебимая политика. Опыт революции показал, что надо начинать с твердых мер, чтобы избежать беспощадных.

И вот демократическая власть вынуждается обстоятельствами переходного периода к введению исключительных положений, усилению ответственности за противогосударственные преступления, к временной передаче милиции в руки комиссаров. Все эти меры диктуются желанием создать сильную гражданскую власть, чтобы избежать применения более крутых военных мер, создать уверенность в строгом суде Правительства, чтобы предотвратить кровавые самосуды.

Приложение № 52

Записка сибирских областников,

протестующая против антиправительственной деятельности
Областной Думы и ее обращения за поддержкой к чехо-словакам¹

При самом незначительном государственном понимании Сибирская Областная Дума должна была бы не оспаривать у Совета Министров верховных прав и без шума сойти с политической сцены. Но большинство Думы отнеслось к этому иначе.

Вся обстановка внешней и внутренней работы Думы вела к государственному перевороту.

После указа о перерыве занятий Думы и принудительного возвращения думской делегации из Иркутска президиум Думы принял меры к информации томского представителя чехо-словаков, доктора Глосса. С другой стороны, находившийся в Омске И. А. Якушев по прямому проводу также просил доктора Глосса вмешаться в конфликт Думы с Правительством. Такие же меры были приняты для осведомления чешского генерала Сырового. Ко времени арестов И. А. Якушева, В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова чехо-словацкие войска были достаточно информированы президиумом Думы, и притом в том неверном смысле, что инициатива государственного переворота исходит от министра финансов И. А. Михайлова и товарища министра А. А. Гра-

¹ Эта записка, опубликованная в «Сибирском Вестнике», приводится согласно тексту, напечатанному на с. 292–294 т. I книги Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак».

цианова. Вследствие такой информации чехо-словацкими военными властями был отдан приказ об аресте И. А. Михайлова и А. А. Грацианова. Получив свободу, председатель Сибирской Областной Думы И. А. Якушев, по его собственному заявлению, «поставил себя под защиту чехов».

Большинство Думы представлено партией эсеров. В программе этой партии областничество занимает второстепенное место агитационного значения. Самое главное, так сказать, сердцевина программы эсеров, выходит за пределы местных интересов. Партия эсеров действует во всероссийском масштабе. Как таковая, она стремится к захвату центральной государственной власти для осуществления своей программы в пределах всего государства.

С самого начала великой февральской революции партия эсеров захватила в свои руки и центральную власть, и местные самоуправления. Интеллигенцию привлекал к этой партии благородный боевой пафос, проявленный ею в борьбе с царским самодержавием. Многомиллионное крестьянство шло за этой партией, соблазненное аграрным большевизмом, которого так преступно много в тактике ее вождей вроде В. Чернова.

Местные эсеры с первых шагов деятельности Временного Сибирского Правительства стремились подорвать его авторитет. Краевой орган партии ежедневно подвергал беспощадному бичеванию деятельность Правительства, не брезгуя даже явным натравливанием на него населения. Из этой же среды местных эсеров в официальный орган Самарского Комитета членов Учредительного Собрания была передана информация о том, что Временное Сибирское Правительство ведет реакционную политику, что оно оставлено демократическими элементами и т. д. Один из видных представителей этой партии, находясь на высоком посту, информировал Самарский Комитет по прямому проводу, надо полагать, настолько неблагоприятно для Временного Сибирского Правительства, что на требования последнего предъявить ленту разговора ответил уничтожением ее.

Борьба большинства думы с Временным Сибирским Правительством есть не что иное, как стремление через его голову соединиться с Самарским Комитетом членов Учредительного Собрания и образовать единую всероссийскую власть, находящуюся под контролем названной партии. Теперь это достигнуто.

С болью приходится отметить здесь слова председателя Думы И. А. Якушева: «Нет худа без добра. Конфликт Временного Сибирского Правительства с Областной Думой ускорил образование всероссийской власти и ослабил позицию Временного Сибирского Правительства на Уфимском Совещании».

Деятельность президиума Сибирской Областной Думы и ее большинства мы считаем противоправительственной, противогосударственной и преступной.

Она противоправительственная потому, что сводилась к устранению сложившейся верховной власти Совета министров.

Она противогосударственная потому, что в исключительных условиях борьбы с большевизмом и германцами, вместо создания единой, действительно всенародной власти, стремилась установить партийную диктатуру.

Она преступна потому, что отсутствие действительно всенародной власти поведет к анархии и откроет широкое поле для иностранной оккупации.

Сибирская Областная Дума настоящего состава, заявившая себя противоправительственной, противогосударственной и преступной деятельностью, должна быть распущена. Она не является оплотом сибирской автономии и не имеет права на дальнейшее существование.

Подписали:

Почетный председатель фракции областников
и беспартийных Сибирской Областной Думы

Г. Н. Потанин

Председатель фракции

А. В. Адрианов

Товарищ председателя

проф. **Новомбергский**

Член Сибирской Областной Думы

В. М. Попов

Приложение № 53

ОБРАЩЕНИЕ

Временного правителя генерала Хорвата

к населению от 9 июля 1918 года¹

Правительство Народных Комиссаров за время своего управления Государством разрушило хозяйственно-экономическую жизнь народа, лишило страну боевой мощи и, подписав унизительный сепаратный мир с воюющими против нас державами, предательски изменило верным союзникам.

Соблазнив народ несбыточными обещаниями мгновенного переустройства на социалистических началах веками сложившегося прежнего уклада общественной жизни России, Совет Народных Комиссаров толкнул народ на неверный путь и вверх страну в анархию.

Гражданские свободы были попорнены.

Культурная и созидательная жизнь страны замерла.

Начался голод, самосуды, грабежи, убийства.

¹ Приведено согласно подлинному тексту обращения ген.-лейт. Хорвата.

Германские войска, несмотря на подписанный комиссарами мир, продолжают и донныне продвигаться вперед по русской земле, захватывая исконные русские области и города, а мадьяры и немцы военнопленные, организовавшись в военные отряды, совместно с большевиками заливают русскою кровью нашу страну и готовят ее к захвату Германией.

Далее терпеть нет сил.

Необходимо немедленно водворить порядок, организовать гражданскую жизнь и восстановить боевую мощь России.

Попытки отдельных групп образовать государственную власть, ввиду узкой партийности их, успеха не имели.

Русские люди, ставящие выше всего благо Родины, в целом ряде обращений ко мне призывали меня, как единственного оставшегося у власти представителя Временного Правительства, выступить на спасение гибнущей Родины, взяв на себя всю полноту государственной власти. Глубоко веря в светлое будущее великого русского народа, повинувшись сознанию долга перед Родиной и внимая голосу бескорыстно стремящихся к спасению Отечества русских людей, **я решил взять на себя всю полноту Государственной власти впредь до восстановления, при содействии народа, порядка в стране и до созыва свободно избранного Учредительного Собрания, которое установит образ правления Российского Государства.**

Объявляя себя Временным Правителем и ставя себе главной задачей создание такой власти, которая обеспечит населению спокойствие, законность, порядок и производительность его труда, я образую при себе Деловой Кабинет под председательством одного из членов его.

Кабинет этот будет состоять из людей практического опыта, обширных знаний, облеченных доверием общественных и политических кругов населения.

Кабинет этот в своей деятельности будет руководствоваться следующими главнейшими положениями:

1. Отмена всех изданных большевиками декретов;
2. Восстановление судебных установлений и административных учреждений, городских и земских самоуправлений;
3. Равенство всех граждан перед законом, охрана гражданских свобод;
4. Всеобщее избирательное право;
5. Восстановление в полном объеме всех договоров с союзными и нейтральными державами и обязательств, как политических, так и имущественных;
6. Воссоздание армии на началах строгой дисциплины и притом чуждой политики;

7. Восстановление прав собственности;
8. Разрешение аграрного вопроса **Учредительным Собранием**;
9. Восстановление промышленности и путей сообщения с отменой социализации, национализации и анархо-синдикализации предприятий, при удовлетворении нужд рабочих;
10. Поднятие народного образования;
11. Свобода вероисповеданий;
12. Признание за Сибирью и другими отдельными областями права на автономию при условии сохранения единства России.

Вступая в исполнение возложенных на себя ответственных пред Родиной обязанностей, я твердо верю, что в этом трудном деле я встречу искреннюю поддержку и помощь всех верных сынов России.

Временный Правитель генерал-лейтенант

ХОРВАТ

Июля 9 дня 1918 года
Гродеково

ОБРАЗОВАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ПРОТИВОБОЛЬШЕВИЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Конфликты между Самарой и Омском

Как только чехо-словаки освободили железнодорожную магистраль между Самарой и Омском, жизнь властно выдвинула вопрос о согласовании военных действий. С этой целью в Челябинске 15–16 июля происходило совещание между представителями Самарского и Омского правительств. Представители Самарской власти, исходя из идеи реставрации бывшего Учредительного Собрания, потребовали немедленного и безусловного подчинения Комуцу, как Всероссийской власти. Сибирские же представители заявили, что Сибирь не признает никакую власть, возникшую помимо соглашения с Сибирским правительством; на обсуждение же вопроса о Всероссийской власти они не уполномочены. В пылу горячего спора, бывший в числе Сибирских представителей ген. Гришин-Алмазов, желая подчеркнуть мысль, что решающая роль в возрождении России принадлежит представителям областей, а не старых политических партий, выразился так: «десяток человек социалистов-революционеров не составляют Всероссийского Правительства»¹.

Обе стороны остались при своем мнении, но согласились съехаться 1 августа вторично в Челябинске с тем, чтобы совместно, получив соответствующие полномочия, обсудить вопрос об образовании Всероссийской власти.

Коренное различие точек зрения Самарского и Омского правительств неминуемо привело к целому ряду конфликтов. Один из них произошел из-за освобождающегося от большевиков Урала (Уральской горнозаводской области)². В силу экономических условий, «автономный Урал» не мог существовать без «суверенитета» со стороны Омска или Самары. Сибирь — в лице прибывшего в Екатеринбург Гришина-Алмазова — широко шла на эту автоно-

¹ Казанское «Народное Дело», 1918, № 7.

² Предупреждаю, во избежание недоразумения, что в дальнейшем изложении под словами «Уральское Правительство» или «Правительство Урала» я буду подразумевать Правительство, образовавшееся в Уральской горнозаводской области, занимавшей части губерний Пермской, Уфимской и Оренбургской. Словами же «Уральское казачье Правительство» я буду называть правительство Уральских казаков, живущих на реке Урале.

мию. Самара же резко потребовала «безоговорочного подчинения «Комучу»¹.

Правительство Урала попало между молотом и наковальней, между боровшимися за гегемонию Омском и Самарою. «Мы должны были ликвидировать», — пишет Л. А. Кроль². При этом положение было таково, что не исключалась «возможность», в крайнем случае, установления, при помощи чехов, власти Самары, так как Комуч не хотел примириться с тем, что Урал будет «вассалом» сибирских «сепаратистов».

К началу августа во главе Уральского правительства встал П. В. Иванов, один из наиболее уважаемых деятелей Урала³.

В организации Уральского правительства и разработке его программы приняли участие представители политических партий: Народной свободы (конституционные демократы), народных социалистов, правых социалистов-революционеров и правых социал-демократов меньшевиков.

Деловой и коалиционный характер сформировавшегося на Урале правительства располагал более к сближению с приобретающим всё более «деловой» характер Омским правительством, нежели с политиканствующим Комучем. Поэтому командированному в Екатеринбург сибирскому министру Ивану Михайлову удалось в середине августа установить окончательное соглашение Урала с Сибирью.

Претенциозность Самарского правительства в спорах с Омском по Уральскому вопросу характерно выявилась по следующему случаю. Сибирское правительство постановило включить в сферу своего влияния Челябинский и Златоустовский уезды, которые на некоторое время ходом борьбы с большевиками были отрезаны от Европейской России. Само местное население просило об этом. Самара протестовала на том основании, что «изменение административных границ областей Российской федеративной демократической республики возможно не иначе, как суверенной волей Всероссийского Учредительного Собрания», подразумевая под этим реставрированное бывшее Учредительное Собрание и его представителя — Комуч. Но ведь как

¹ *Кроль Л. А.* За три года (Воспоминания), с. 77. Владивосток, 1922. Не следует смешивать Л. А. Кроля с цитированным выше иркутским социалистом-революционером М. Кролем.

² Там же, с. 86.

³ Заместителем его был избран Л. А. Кроль, левый конституционалист-демократ, на воспоминания которого мы только что ссылались. Кроме того, в состав Правительства входили: инженер Гутт (управление горных дел), Глассон (юстиция), Асейкин (внутренние дела), Прибылев (по ведомству земледелия), бывший директором канцелярии министра земледелия в Петрограде при Чернове, и, наконец, Мурашев (ведомство труда).

раз Комуч и не был признан освободившимися Сибирью и Уралом за Всероссийскую власть. В воспоминаниях Б. Солодовникова^I можно прочесть указание, что уполномоченный Самарского правительства — эсер Преображенский даже намеревался силой оружия подчинить отложившийся Златоуст.

«Озлобленное неудачей в Екатеринбурге, Самарское правительство решило взорвать Сибирское правительство изнутри. Сибирские эсеры, партийные единомышленники Самары, послушные комитету Учредительного Собрания, как авторитету непререкаемому, и притом областники не искренние, а только тактические, решившие использовать лозунги областников для большей популярности, пошли, конечно, навстречу Самарскому Комучу.. В Сибирь высланы были специальные люди для подготовки признания в Сибири эсеровской власти. Насколько можно было судить по отрывкам переговоров по прямому проводу и перехваченных телеграмм, план состоял в созыве Областной Думы и поддержке ею Комитета Учредительного Собрания, как Всероссийской власти»^{II}.

О том, какую большую роль в поведении эсеров Сибирской Областной Думы сыграла эта политическая интрига Комуча, свидетельствует записка Сибирских областников^{III}, составленная по поводу разыгравшегося в сентябре и уже известного нам^{IV} конфликта Правительства с Думой. Записка эта была подписана самим вождем Сибирского областничества — Г. Н. Потаниным, считавшимся почетным председателем Сибирской Думы. Это было суждение «не правых», это была «оценка не реакционной военщины», — так заключает упоминающий об этой записке областник историк Мельгунов^V.

Конфликты между Самарой и Омском происходили не только в политической, но и в экономической области.

На железных дорогах Сибири скопилось много грузов, направлявшихся в Европейскую Россию. Самара считала себя вправе завладеть всеми этими грузами; Сибирское правительство не видело оснований к тому, чтобы пропускать дальше Челябинска грузы, адресованные в большевицкую часть России, и учредило особые реквизиционные комиссии для распределения этих грузов между казенными и частными предприятиями Сибири. Самара ответила на это задержанием грузов,

^I *Солодовников Б.* Сибирские авантюристы и генерал Гайда. Прага, 1922, с. 8.

^{II} *Гинс*, т. I, с. 143, 144.

^{III} *Сибирский Вестник*, 1918, № 13.

^{IV} См. главу XVII.

^V *Мельгунов.* Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 160.

следовавших в Сибирь: мануфактуры, нефти и других. Началась таможенная война.

«Для того, чтобы устранить подобные недоразумения, Сибирское правительство решило командировать в Самару своего уполномоченного. По прибытии в Самару, он просил, чтобы ему разрешили бывать на открытых заседаниях Совета управляющих ведомствами, для удобства согласования работы обоих правительств. Что же ему ответили? Ответ был классический: международное (!!) право не предусматривает случаев, когда послы (!) участвуют в заседаниях правительств, при которых они аккредитованы. Таким образом, Самара приняла всерьез декларацию независимости Сибири. *Plus royaliste que le roi même*¹, она не иначе сообщалась с Омском, как нотами, по всем правилам международного права»^{II}.

Однако это не помешало тому же Комучу командировать в Сибирь уполномоченным Гуревича, которому было поручено состоять не при Сибирском правительстве, а при Областной Думе. Это был тот самый Гуревич, который, как мы уже упоминали выше, присутствуя на открытии Сибирской Думы, счел себя вправе слушать декларацию Сибирского правительства, сидя не среди приглашенной публики, а в первом ряду кресел членов Сибирской Думы.

Своеобразная политика, практиковавшаяся Комучем, задевала не только Сибирь, но и другие местные правительства, создавшиеся в освободившихся от большевиков областях. Л. А. Кроль рассказывает характерный диалог из взаимоотношений Самары и Урала.

Взятие Каппелем Казани передало в руки Комуча «несметное количество марок и бандеролей». Л. А. Кроль обратился от имени Уральского правительства к Самарскому министру финансов Ракову с просьбой уступить Уралу «хоть немного».

«— Продадим с удовольствием, — ответил Раков. — А по какой цене?»

— Да по номинальной.

— Как по номинальной? Тогда ведь наше население будет платить вам налог, а чем мы будем покрывать наши расходы?»

— Не хотите, не надо»^{III}.

А вот как оценивает создавшиеся взаимоотношения Комуча и Оренбургского казачества один из видных представителей последнего.

«С Сибирским правительством сразу установились сердечные отношения, тогда как с Самарским комитетом^{IV}, несмотря на ряд согла-

¹ Большой сторонник короля, чем сам король (*франц.*). — *Прим. ред.*

^{II} *Гинс*, т. I, с. 147.

^{III} *Кроль Л. А.* За три года (Воспоминания). Владивосток, 1922, с. 94.

^{IV} «Комуч». — *Примеч. Н. Н. Г.*

шений, хороших отношений до самого конца существования комитета наладить не удалось. Да оно и понятно: в Сибирском и Оренбургском правительствах преобладали государственные начала, комитет же во главу всех своих решений всегда ставил партийную программу социалистов-революционеров.

Чехо-словацкими и Русскими добровольческими отрядами были захвачены в Самаре, Симбирске и Казани громадные запасы артиллерийского, интендантского, инженерного и санитарного имущества, а также деньги (в Казани — золотой запас). Всё это перешло в ведение комитета, а последний к отпуску всего необходимого Оренбургской армии чинил всевозможные препятствия, и агентам Оренбургского войска приходилось прибегать ко всякого рода ухищрениям, чтобы только получить хотя бы небольшую часть оружия и патронов, в чем так нуждались Оренбургские казаки.

Самарский Комитет членов Учредительного Собрания смотрел на себя, как на Верховную власть, которой должны были подчиниться все государственные образования, возникшие на территории, освобожденной от большевиков.

Ни Сибирское правительство, ни войсковые Правительства казачьих войск такой точки зрения не разделяли¹.

Продолжающиеся между Самарой и Омском конфликты имели следствием отсрочку второго совещания в Челябинске. Один из наиболее активных деятелей Самарского правительства, товарищ военного Министра В. И. Лебедев, убеждал председателя Комуча Вольского не вести «с этой дрянью», то есть с Сибирским правительством, никаких переговоров².

На это Вольский ответил (16 августа): «По вопросу о совещании я так же думаю, что не мешает его отложить, но видно, оно всё же состоится числа 21-го...»

Попытки сговора

Второе совещание в Челябинске состоялось 23–25 августа. Вопреки ожиданиям, оно прошло довольно мирно. «С полным единодушием было решено допустить на совещание представителей всех претендовавших на это групп: временного областного правительства Урала, киргизского правительства Алаш-Орды, национального управления

¹ Статья И. Акулинина «Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками» // Казачьи Думы (общеказачий журнал), № 22 (6) от 30 марта 1924 г., с. 7 и 8.

² Воля России, кн. VIII, 129.

тюрко-татар внутри России и Сибири, Временного правительства Туркестана, Башкирского правительства и Съезда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья. Мотивом к включению в комиссию спорных представителей послужило, главным образом, отсутствие исчерпывающего определения — что надо разуметь под отдельными правительствами, большое количество и разнообразие правительственных образований на Государственном организме России за последнее время и необходимость, ввиду этого, руководствоваться не столько государственными правовыми принципами, сколько необходимостью утвердить авторитет настоящего совещания»¹.

В результате второе Челябинское совещание, являвшееся лишь «предварительным государственным совещанием», разошлось, назначив на ближайшее время в Уфе «Государственное Совещание» для окончательного решения об учреждении Всероссийской власти.

Благополучному исходу второго Челябинского совещания способствовало воздействие чехо-словаков и союзников. Вопрос о скорейшем создании единого Восточного фронта, опирающегося не только на Поволжье и на Урал, но и на всю Сибирь, имел для них первостепенное значение. Поэтому чехо-словацкие вожди, несмотря на их совершенно определенную тенденцию поддерживать партию эсеров, приложили все усилия, дабы сделать Комуч в сговоре более терпимым и менее партийным.

В этом же направлении воздействовало еще другое обстоятельство.

«В августе на территории Комуча и Сибири появились представители тех политических организаций, которые объединились в Москве вокруг двух центров: Союза Возрождения и Национального Центра... Случилось так, что деятели Национального Центра попали на юг, а на восток прибыли представители Союза Возрождения, т. е. представители левых течений договаривавшихся сторон. Они не афишировали Московское соглашение, установившее и форму организации власти и даже ее персональный состав»². Деятели Союза Возрождения должны были в своих партийных организациях проводить выработанную линию и тем самым содействовать соглашениям различных политических кругов. **Союз Возрождения был как бы полуконспирацией в партийной среде.** Такая тактика объяснялась, очевидно, нежеланием раздражить местных людей, как бы навязывая им столичное решение»³.

Тот же Мельгунов, у которого взята вышеприведенная выдержка, утверждает, что «тактика умолчания сделала в конце концов позицию

¹ Гинс, т. I, с. 184.

² Коалиционная Верховная власть в виде Директории. — Прим. Н. Н. Г.

³ Мельгунов, ч. I, с. 197.

Союза Возрождения спутанной и неясной...». Но все-таки влияние столичных представителей этого Союза было благотворно. Те из них, которые принадлежали к правому крылу эсеров, умеряли сектантский пыл Самары. «Довольно значителен и показателен был, например, тот факт, — замечает Мельгунов¹, — что члены Союза Возрождения не вошли в состав Комитета Учредительного Собрания». Тем не менее их высокий партийный стаж по прежней деятельности в качестве социалистов-революционеров позволял им влиять на рядовых эсеров. Н. Д. Авксентьев² был даже избран председателем Челябинского «Предварительного Государственного Совещания», и его умиротворяющее председательствование неоднократно успокаивало поднимавшуюся уже бурю политических страстей.

Моральное воздействие «Союза возрождения» проявилось и на противниках Самары, на Сибирском правительстве. Как я уже указывал в главе XVII, настроение Сибирских областников и кооператоров, поддерживавших правительство Вологодского, было весьма схоже с настроениями «Союза возрождения». Различие было лишь в том, что прибывшие из Москвы представители «Союза возрождения» исповедовали «столичную» идею непосредственного формирования Всероссийского правительства путем сговора политических партий; Сибирские же областники исповедовали «местную» идею — через автономную Сибирь к освобожденной России. Однако это различие умерялось отсутствием в Сибирских областниках сепаратизма. Сближению же Сибиряков с «Союзом возрождения» содействовало то, что Московское Совещание этого Союза высказалось против реставрации старого Учредительного Собрания и за созыв нового.

Успеху второго Челябинского совещания содействовало также и настроение рядового офицерства. Ген. Болдырев, бывший одним из представителей «Союза возрождения», пробравшийся в августе из Москвы на Волгу, так рассказывает про свою встречу с полк. Каппелем: «По прибытии моем в Самару один из виднейших вождей Народной Армии, полковник Каппель, от имени измученной непрерывными боями и походами армии почти ультимативно заявил мне о необходимости немедленного общего и политического объединения...»³

Это заявление полк. Каппеля очень показательно, ибо, как я имел случай говорить, он представлял собою наиболее ярко выраженный тип офицера-патриота, который преследовал только одну идею: освобож-

¹ Мельгунов, ч. 1, с. 197.

² Бывший в 1917 году председателем Всероссийского Крестьянского съезда, а также бывший одно время, при Керенском, министром внутренних дел.

³ Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты, с. 31.

дение России от большевицкого ига. Вместе с тем, среди вождей Добровольчества он выделялся наименьшим честолюбием и себялюбием, будучи в этом отношении схожим с трагически погибшим ген. Духониным. Вот как очерчивает личность Каппеля один из эсеров и член Комуча — С. Н. Николаев¹¹⁴, встретивший в первый раз полк. Каппеля после освобождения им Симбирска.

«В скором времени в Городскую Управу явился подполковник В. О. Каппель. С первого же взгляда подполк. Каппель производил на собеседника определенно выгодное впечатление. Немногословный, знающий свое положение и свое дело и глубоко преданный этому делу — так можно охарактеризовать его по первому впечатлению. Как и все офицеры его отряда, он внешне почти ничем не отличался от своих солдат».

«Ознакомившись с предположениями членов Учредительного Собрания о мерах восстановления гражданского управления, он заявил, что не считает себя вправе вмешиваться в это дело, что, будучи на службе Комитета членов Учредительного Собрания, он считает себя лишь исполнителем его воли и распоряжений, и потому в полной мере присоединяется к предложениям членов Учредительного Собрания и надеется, что между местными членами Учредительного Собрания и Самарским комитетом будет установлена необходимая и соответствующая требованиям момента форма взаимоотношений. Не выражая своих политических симпатий и взглядов и своего отношения к политике Комитета членов Учредительного Собрания, он заявил, что считает первым и священным делом каждого борца против большевиков стремление к общей согласованной борьбе с большевиками до окончательной победы над ним независимо от политических взглядов и партийной принадлежности и что второй своей обязанностью он считает заботу о борцах-воинах, слишком во многом нуждающихся. Впечатление как о преданном своему делу воине, как о прямом и честном человеке, знающем свою роль, бескорыстно исполняющем свое дело, оставалось о нем навсегда у каждого, кому приходилось с ним встречаться. Это первое впечатление подтверждалось и всем дальнейшим поведением подполковника Каппеля. В августе месяце он был вызван из Казани в Челябинск на секретное совещание некоторых генералов, замышлявших свержение Комуча. Не отправляясь прямо из Казани в Челябинск, Каппель заехал в Самару и, явившись к Председателю Комуча В. К. Вольскому, сообщил ему о причине его явки в Самару и заявил, что он, как офицер армии Комитета Членов Учредительного Собрания, поедет на указанное Совещание лишь в том случае, если получит на то разрешение Председателя Комитета. Получив отрицательный ответ Вольского, он

категорически заявил, что на совешание не поедет, и выехал обратно в Казань к своим войскам...»¹

Эта характеристика Каппеля, сделанная рукою эсера, показывает, что в требовании дравшимся на Волге офицерством скорейшего объединения Самары с Омском отнюдь не было какой-либо политической интриги против Комуча. Несомненно, что поэтому мнение Каппеля и его соратников должно было сыграть известную роль в уменьшении политических претензий менее сектантски настроенной части Комуча. События же, которые разыгрались на фронте вскоре после окончания Челябинского Предварительного Государственного Совешания, ярко подтвердили опасения Каппеля в невозможности продолжать борьбу с большевиками одними только силами Народной Армии.

Неустойчивость Волжского фронта

После захвата Казани чехи и Народная Армия продвинуться дальше не смогли. Полковник Каппель сделал 27 августа попытку овладеть железнодорожным мостом через Волгу у Свияжска (вблизи Казани), но эта попытка была отбита красными. В свою очередь, большевики перешли в наступление, и 8 сентября Казань пала¹⁵. Вслед за ней, 12 сентября красные овладели Симбирском¹¹, а еще через день и Вольском. Из всего Волжского фронта в руках Народной Армии и чехов оставалась лишь Самарская лука с Сызранской железнодорожной переправой, где командование, вместо уехавшего в тыл Чечека, принял доблестный чешский полковник Швец¹⁶.

Боевая неудача на Волжском фронте резко отразилась на настроении Народной Армии.

Офицерство и слившаяся с ним духовно учащаяся молодежь продолжали бороться с большевиками. Только в них всё сильнее и сильнее начало прорываться недовольство Самарским правительством, в котором они видели причину всех бедствий. Это недовольство проявлялось сильнее по мере удаления от боевого фронта. Как мы видели выше, Каппель, являвшийся типичным офицером-героем, дравшимся на фронте, оставался лояльным и требовал лишь скорейшего и искреннего объединения всех образовавшихся противобольшевицких правительств. Но офицерские элементы политиканствующего тыла стали

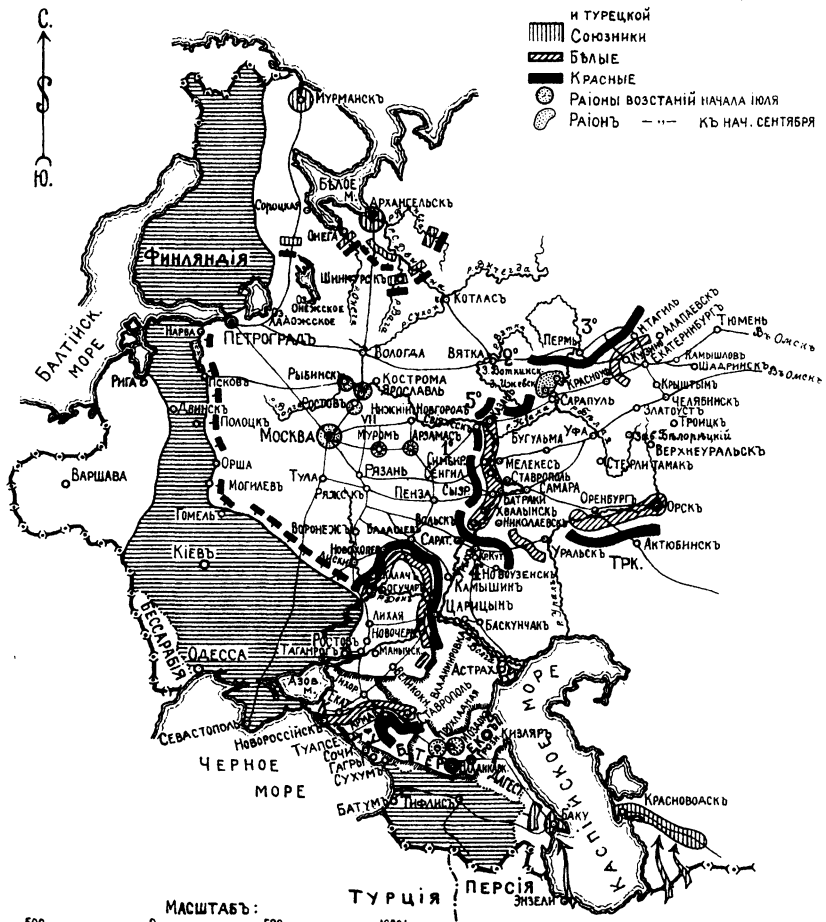
¹ *Николаев С.* Народная Армия в Симбирске // Воля России, кн. X—XI, Прага, 1928, с. 126—127.

¹¹ Напомню, что у Симбирска имелся железнодорожный мост через Волгу. Кроме этого моста железнодорожные мосты через р. Волгу имелись только у Сызрани, у Свияжска и у Ярославля.

ПОЛОЖЕНИЕ 1го СЕНТЯБРЯ 1918 г.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- РАЙОНЫ ОКУПАЦИИ АВСТРО-ГЕРМАНСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ
- СОЮЗНИКИ
- БѢЛЫЕ
- КРАСНЫЕ
- РАЙОНЫ ВОЗСТАНИЙ НАЧАЛА ИЮЛЯ
- РАЙОНЪ — — — КЪ НАЧ. СЕНТЯБРЯ

представлять собою всё более и более благоприятствующую возникновению заговоров против Правительства среду.

Насколько Самарское правительство боялось военных заговоров, можно судить по следующему факту: представители этого Правительства не соглашались на избрание Челябинска местом съезда для окончательного решения вопроса о Всероссийской власти «не только из-за опасения какого-либо неправомерного действия со стороны более мощного Сибирского правительства, — они не доверяли собственным военным силам. Эсеры боялись заговора по инициативе своего военного министра Галкина»^I.

Один из членов Комуча — В. Л. Утгоф¹¹⁷ предлагал даже «арестовать и расстрелять (!?!) Галкина, опираясь на инструкторские роты и на чехов, будто бы готовых оказать помощь, но только на это не шел Вольский»^{II}.

Избрание г. Уфы местом Государственного Сопещения, с точки зрения Самарского правительства, тоже являлось небезопасным, так как находившиеся там войсковые части «были агрессивно настроены» против него^{III}. Вследствие этого на время Сопещения в Уфу был командирован эсер В. И. Лебедев с «диктаторскими» полномочиями для охраны от ожидавшегося эсерами военного заговора.

Солдатская масса Народной Армии, набранная по обязательному призыву, реагировала на сентябрьские неудачи болезненно.

«Народная Армия, — записывает в своих воспоминаниях ген. Болдырев^{IV}, — начала обнаруживать явные признаки разложения...»

Большевицкий военный историк Какурин^V утверждает, что значительная часть мобилизованной Народной Армии разбегалась по домам и даже переходила на сторону «красных». Принимая во внимание тенденциозность большевицких описаний, не подлежит сомнению, что в словах Какурина есть преувеличение. Однако о неустойчивости частей Народной Армии, созданных на началах обязательного призыва, говорят и другие источники. И. М. Майский¹¹⁸, один из членов Самарского правительства, тоже утверждает, что мобилизованные не сражались^{VI}. Чехо-словацкий капитан Голечек говорит, что «Народная Армия в критический момент напора большевицких сил почти совершенно разваливается»^{VII}.

^I Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 202.

^{II} Там же, ч. I, с. 203.

^{III} Там же, с. 202.

^{IV} Болдырев. Директория, Колчак, интервенты, с. 31.

^V Как сражалась революция, 1925, т. I, с. 157

^{VI} Демократическая контрреволюция. Москва, 1923, с. 260.

^{VII} «Чехо-словацкое войско в России». — Брошюра, изданная в Иркутске информ.-просвет. отделом Чехо-словацкого воен. министерства в 1919 году. С. 77.

Несомненно, что краткий срок, который оказался в распоряжении Народной Армии для обучения призванных новобранцев, был недостаточен для этого. Полковник Каппель, рассказывая про свой маневр с целью отбить начавшееся в начале сентября наступление большевиков, указывает, как на причину неудачи, не на «злую волю» мобилизованных, а только на неподготовленность их к бою. «Батальоны мобилизованных, — говорит он, — шли хорошо, но, совершенно не обстрелянные, попав под огонь, смешались и внесли беспорядок...» Вследствие этого в дальнейшем Каппелю «пришлось положиться лишь на свои обученные и испытанные части¹, которые имели успех, но оказались слишком слабыми, чтобы развить его»^{II}.

Налицо имелась и другая, крайне существенная, причина социального характера, которая предопределяла боевую неустойчивость мобилизованных частей Народной Армии.

Этой причиной являлся тот процесс начавшегося расслоения крестьянства, о котором я говорил в главе XVI^{III}, вследствие которого Народная Армия представляла собою в боевом отношении очень пеструю и сложную картину.

Сочувствующая большевикам, морально наиболее темная и материально бедная часть крестьянства дала тот контингент солдат, который только ждал случая, чтобы дезертировать. К этой категории солдат и относится приведенное выше свидетельство большевицкого военного историка Какурина о случаях перехода солдат Народной Армии в стан красных.

На противоположном полюсе отслаивались новобранцы из наиболее культурных и зажиточных элементов крестьянства. Они всё теснее примыкали к своему офицерству. Героический пример ближайших командиров много говорил их патриотическому чувству, и, обретая веру в свое офицерство, они проникались убеждением в необходимости вести беспощадную борьбу с большевиками, и притом в общегосударственном масштабе. Они-то и составили тот солдатский элемент, который, прочно спаявшись морально с добровольцами и офицерством, явился фактической силой Народной Армии, а впоследствии — армии адмирала Колчака. К ним-то и нужно относить упоминания о героической борьбе Народной Армии, о которой восторженно упоминают многие из участников противобольшевицкого движения на Волге.

В числе восхваляющих героизм солдат Народной Армии находятся и эсеры Комуча (например — Лебедев). Однако они обыкновенно

^I Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых, с. 42.

^{II} «Каппелевские» добровольцы. — Прим. Н. Н. Г.

^{III} См. «Народная Армия [в Симбирске]».

упускают указание на то, что этот геройский элемент Народной Армии был морально не с ними. Его душа лежала к Каппелю и ему подобным.

Большую часть таких героев-солдат дали губернии Вятская, Пермская и Уфимская (Прикамский район), среди крестьян которых тип «крепкого» мужика был более распространен, чем в Поволжье. «Части, сформированные в Прикамском районе, — свидетельствует ген. Пучков, ведавший формированием частей Народной Армии в г. Уфе, — оказались исключительно устойчивыми в политическом отношении: они не знали ни дезертирства, ни измен и предательств, они составили основное ядро армии, ушедшей в Забайкалье после крушения Белой Сибири».

Наконец, «средняцкий» элемент, составлявший массу Поволжского крестьянства, со своей колеблющейся политической психологией, дал Народной Армии контингент солдат, готовых драться против большевиков лишь постольку-поскольку. Эти солдаты хорошо дрались, пока был успех и пока они находились в своем «краю». Первые же неудачи тяжело отражались на их духе; в тех же случаях, когда Народная Армия отступала и очищала их села, они стремились дезертировать, чтобы вернуться к себе. Этим и объясняется недостаточная боевая устойчивость частей Народной Армии, сформированных из мобилизованных Самарской и частей Казанской, Симбирской и Саратовской губерний.

До потери Казани и Симбирска, Самарское правительство не понимало действительного состояния Народной Армии. Встречаемые при формировании затруднения оно приписывало «реакционности» офицерства, не желавшего воспринять идеи 1917 года. До какой степени доходила слепота Правительства свидетельствуют воспоминания В. И. Лебедева, мечтавшего в августе о прямом походе на Москву¹.

Потеря Казани и Симбирска приоткрыла глаза Комучу на истинное положение вещей. Вследствие этого его представители на Государственном Совещании в Уфе оказались несколько сговорчивее, нежели в предшествующих двух встречах с представителями Сибирского правительства, происходивших в Челябинске.

«В связи с неудачами на фронте, — пишет С. П. Мельгунов^{II}, — стала изменяться и психология чехов...» «...Не очень-то уже доверяя реальной помощи союзников, оставшись изолированными в России, чехи искали опоры в тех элементах страны, которые пользовались доверием населения»^{III}. Они делали ставку на демократию. К сожалению,

¹ *Лебедев В. И.* От Петрограда до Казани // Воля России, кн. VIII–IX. Прага, 1928, с. 125, 128, 129.

^{II} *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 116.

^{III} *Глосс.* Чехо-словаки и Сибирская Областная Дума // Вольная Сибирь, кн. IV, с. 32.

слишком часто здесь проводился знак равенства между демократией и партией эсеров. При таких условиях помощь в деле возрождения и спасения России слишком часто превращалась в поддержку того партийного дела, которое делали эсеры.

Чешский коммунист Шмераль, выпустивший специальную брошюру «Чехословаки и эсеры» (1922), объясняет контакт с партией эсеров необходимостью внушить солдатам мысль, что «они действуют как революционные социалисты и в своей борьбе против большевиков руководятся русской социалистической партией».

Для чехов-социалистов, конечно, это было верно. В июле в Омском обращении к русским людям они говорили: «Мы, как социалисты, уверяем вас, что наша армия не будет и не может быть использована в целях контрреволюции». Но в чешской армии были и не-социалисты. Один из таковых — Чечек — высказывал живейшую радость по поводу возможности союза с Добровольческой Армией, той самой, поддержать которую в критический для нее момент отказался Масарик. Влияние этих несоциалистических элементов усиливалось в среде командного состава чехо-словацких войск по мере того, как выяснялась несостоятельность Самарского правительства и начинались неудачи на боевом фронте. В этом отношении показательно обращение чехо-словацких руководителей к русскому обществу, объявленное в Самаре 15 сентября. В этом обращении они говорили, что приложат все свои усилия к тому, чтобы дать Русскому Народу организовать себя, и сетовали, что не встретили той поддержки и того понимания, на которые они рассчитывали. Вместе с этим они сочли нужным указать, что «никогда наш солдат не будет орудием тех или иных отдельных партийных групп».

Характерно также заявление председателя Чехо-Словацкого Национального Комитета в Сибири Б. Павлу, сделанное им несколько ранее только что упомянутого Самарского обращения. Приводимые ниже слова были сказаны им в Челябинске в конце августа, то есть еще до неудач на Волжском фронте.

«Создание Русской армии и у вас на Волге, и в Сибири, — сказал, согласно свидетельству Майского¹, Б. Павлу, — идет слишком медленно. Государственный аппарат также налаживается плохо. Вместо того, чтобы единым фронтом вести борьбу с большевиками, отдельные противобольшевицкие правительства начинают грызню между собою. Нас, чехов, всем этим вы ставите в крайне затруднительное положение. Так долго продолжаться не может. Если в ближайшее время не произойдет радикальной перемены, нам придется пересмотреть нашу позицию».

¹ Демократическая контрреволюция, с. 172.

На эту перемену настроения руководителей чехо-словаков оказывала сильное воздействие перемена настроений среди чехо-словацких солдат. Как мы видели выше^I, чехо-словаки выступили против большевиков только с целью пробить себе путь для ухода из России. Поворот их эшелонов с востока на запад также объяснялся переменной порта эвакуации (вместо Владивостока — Архангельск), причем представители французского командования заявляли, что из Архангельска навстречу чехо-словакам двинуты союзные войска. В августе месяце французский капитан Бирд повторил заявление, что союзники придут на помощь со стороны Вятки. «Но союзная помощь, конечно, не приходила и вообще не имелась в виду»^{II}. По словам чешского историка Штейдлера^{III}, «чехо-словацкий воин... обманутый как обещанной помощью новой организованной русской армии, так особенно неосуществлением помощи союзников, потерял свой прежний боевой дух, и в рядах чехо-словацкой армии началось внутреннее разложение».

Уже в августе чехо-словацкому командованию приходилось считаться с тем фактом, что его солдаты не желают идти на усиление Народной Армии^{IV}.

В официальной истории гражданской войны, составленной большевицким генеральным штабом, имеется прямое указание на случай очищения одного из участков Волжского фронта не желавшими драться чехо-словаками — случай, который имел место 4 сентября^V.

Сентябрьские неудачи лишь усилили желание чехо-словаков уйти из России. Перед их руководителями выростала задача возможно скорее добиться помощи со стороны формирующейся к востоку от Урала Сибирской армии. Это могло быть достигнуто лишь созданием на востоке России единой государственной власти. В докладной записке, представленной отделением Чехо-Словацкого Национального Совета в Уфимское Государственное Совещание, писалось: при создавшейся «обстановке не может быть споров о том, что настоящее политическое положение властно требует немедленного создания центрального Всероссийского правительства, которое могло бы взять на себя задачи восстановления России»^{VI}.

«Вопрос о единой власти становился жизненным и для чехо-словаков, — правильно заключает С. П. Мельгунов^{VII}, — несмотря на

^I Глава XVI.

^{II} Милюков П. Н. Россия на переломе, т. II, с. 42.

^{III} “Česko-Slovenskê hnutí na Rusi”, с. 78.

^{IV} Утгоф В. Л. Уфимское Государственное Совещание // Былое, 1921, № 16, с. 19.

^V См. схему на с. 84 тома III «Гражданская война 1918—1921 гг.». Гос. изд., 1930.

^{VI} «Хроника...», приложение № 102.

^{VII} Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 195.

склонность их руководящих политических кругов поддерживать по тактическим соображениям партийную демократию эсеров. В этом отношении они оказывали давление на несговорчивых политиков из Самары».

Уфимское Государственное Совещание

8 сентября 1918 г. в г. Уфе открылось «Государственное Совещание». Всего собралось более 200 делегатов, которые представляли собою: Комуч, Сибирское правительство, Областное правительство Урала; Оренбургское, Уральское, Сибирское, Иркутское, Семиреченское, Енисейское и Астраханское казачества; Башкирское правительство^I; Алаш-Орду; Туркестанское правительство; Национальное управление тюрко-татар внутренней России и Сибири; временное Эстонское правительство; политические партии: социалистов-революционеров, социал-демократов меньшевиков, социал-демократов группы «Единство»^{II}, народных социалистов, конституционных демократов (ка-де); съезд Земств и Городов Сибири, Урала и Поволжья; «Союз возрождения России». Кроме того, самовольно прибыли представители Сибирской Областной Думы. Не были допущены представители торгово-промышленников и все партии правее ка-де.

«В каком же виде должно было установиться народовластие на время борьбы за освобождение большей части России, кто и как должен был выразить волю народа? Этот основной вопрос подлежал разрешению в Уфе, и прибывшие туда делегаты принесли с собой столько мнений, сколько было представлено организаций и групп»^{III}. Одни только официальные декларации, оглашенные на Совещании, достигали числа 23^{IV}.

Декларации, оглашенные представителями Комуча, партии эсеров, а также тех же эсеров, приехавших под другими наименованиями, а именно представителей Сибирской Областной Думы, съезда Земств и Городов, Башкирии, Алаш-Орды, Тюрко-Татар и Туркестана по-прежнему требовали реставрации старого Учредительного Собрания. Они «не хотели признать, — пишет государствовед профессор Гинс^V, — что революция так же снесла первое

^I Башкиры жили главным образом в Уфимской и Оренбургской губерниях, где составляли: в первой $\frac{3}{5}$, а во второй — $\frac{2}{5}$ населения.

^{II} Последователи Плеханова.

^{III} Гинс. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 207–208.

^{IV} Протоколы заседаний опубликованы в сборнике I «Русского Исторического архива», Прага, 1929.

^V Гинс, т. I, с. 209.

Учредительное Собрание, как снесла она монархию, и, сознавая необходимость создания **не партийной** власти, а коалиционной, требовали подчинения ее партийному учреждению». А реставрированное старое Учредительное Собрание иным не могло быть, «так как левое и правое крылья Учредительного Собрания (большевики и кадеты) отпали, одни по убеждению, другие вследствие изгнания их из состава последнего»¹.

Представители социал-демократов меньшевиков, хотя и требовали подчинения Всероссийского правительства съезду членов первого Учредительного Собрания, но лишь временно. Они признавали произошедший сдвиг в общественном настроении и потому настаивали на скорейшем созыве нового Учредительного Собрания.

Взгляд эсеров, как свидетельствует левонастроенный ген. В. Г. Болдырев, участвовавший в Уфимском Совещании в качестве московского делегата «Союза возрождения», «далеко не разделялся остальными представителями. Начиная с делегации Сибирского правительства, отношение к Учредительному Собранию старого созыва было определенно отрицательное. Некоторую роль в этом отношении сыграли обстоятельства разгона этого собрания в знаменательный день 5 января^{II} 1918 года. Уж как-то слишком просто произошел факт разгона, и слишком пассивно отнеслись к производимому насилию и председатель Учредительного Собрания^{III}, и наличные члены, заседавшие 5 января в зале Таврического дворца. Кроме того, и это, пожалуй, самое главное, исключительно партийный состав этого Учредительного Собрания, огромное представительство от не существовавшего уже фронта^{IV}, видимо, не внушали особого доверия даже представителям умеренной демократии, не говоря уже о буржуазии и правых группировок. Для них это был только “живой труп”, не больше».

Не нужно забывать, что как раз западносибирское крестьянство и Сибирское, Семиреченское и Уральское казачества не имели вовсе своих представителей в старом Учредительном Собрании^V.

^I Гинс, т. I, с. 132.

^{II} По старому стилю; по новому стилю — 18 января. — Прим. Н. Н. Г.

^{III} Чернов. — Прим. Н. Н. Г.

^{IV} В то время как гражданское население послало в бывшее Учредительное Собрание одного депутата на 220 000 избирателей, не существующая ныне Действующая Армия послала одного депутата на 100 000 избирателей. Это давало бывшей Действующей Армии *двойное* представительство по сравнению со страной. — См.: Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное Собрание. Париж, Современные Записки, 1932, с. 36.

^V Как я говорил в главе VIII, ко дню разгона Учредительного Собрания выборы в Степном Крае и в Туркестане не были произведены.

Во главе этого направления политической мысли по-прежнему стояли представители Сибирского правительства. «Сибиряки, — резюмировал Серебренников позиции своей делегации, — хотят ответственности перед новым Учредительным Собранием, а не перед социалистами-революционерами». Соглашаясь на образование коалиционной власти в виде Директории, избранной на «Уфимском Совещании», они вместе с этим отстаивали принцип федеративного воссоединения освобожденных из-под ига большевиков областей России. «Имея конечною целью единую и нераздельную Великую Россию», говорится в декларации, «Сибирское Правительство мыслит ее создание **через устройство ее областей**, почему будущая верховная власть — Директория, — ответственная только перед **будущим** полномочным органом **правильного** волеизъявления народа объединяет в своих руках общегосударственные функции власти и **оставляет** руководство отдельными отраслями государственной и хозяйственной жизни в пределах областей **за соответственными** органами областных территориально-автономных правительств».

На тождественной политической позиции стояли и представители всех казачеств. «Искони демократические, — говорится в их общем заявлении, — представленные на Государственном Совещании Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Астраханское, Иркутское и Енисейское казачьи войска, не признающие в своих областях иной власти, как власти народной, выраженной войсковыми кругами и органами, ими избираемыми, считают, что в Государстве Российском вся власть должна принадлежать, как истинному выразителю воли народной, полноправному Всероссийскому Учредительному Собранию **нового созыва**». До сбора нового Учредительного Собрания «Всероссийская Верховная власть», по мнению казачеств, «действует в обстановке полной самостоятельности и независимости... При решении вопросов общегосударственного значения, связанных с существованием и самостоятельностью государства Российского, каковыми являются вопросы войны и мира, Всероссийская Верховная власть должна созывать Государственное Совещание, решения которого для нее обязательны».

Идею образования параллельного Директории представительного органа предлагала также социал-демократическая группа «Единство». Не признавая претензии Комуча, она предлагала создать Государственное Совещание не только из его делегатов, но также и из представителей всех политических партий, «Союза возрождения», торгово-промышленного съезда и съезда профессиональных союзов. На аналогичной точке зрения стояли представители Уральского временного правительства.

Я говорил выше о том, что идеология «Союза возрождения» была весьма близка к тем кругам сибирской общественности — областникам и кооператорам, — которые поддерживали Сибирское правительство. Поэтому совершенно неожиданно прозвучало заявление ген. Болдырева, что «Союз Возрождения полагает основными признаками конструкции будущей власти возможно полное к ней доверие со стороны всех слоев населения России и возможно большую простоту и определенность ее сущности. Союзу мыслилась эта власть, как власть, в руках которой сосредоточены все верховные права на управление Государством. Исходя из отмеченного признака общего доверия, власть эта отнюдь не должна быть в сущности стеснена в своих действиях каким-либо параллельно с ней существующим контрольным аппаратом и, как власть, создаваемая на основании принципа народовластия, ответственная перед Всероссийским Учредительным Собранием в его законном составе, собравшемся к определенному сроку»¹.

В этом, туманном по форме заявлении заключалось признание прав старого Учредительного Собрания. Правда, это признание сопровождалось двумя ограничениями: 1) избранная в Уфе Всероссийская коалиционная власть (Директория) будет давать ответ перед старым Учредительным Собранием только «в его законном составе, собравшемся к определенному сроку»; 2) избранная Всероссийская власть не будет стеснена в своих действиях каким-либо параллельно существующим контрольным органом.

«Такая позиция нарушала принципы Московского соглашения², — пишет Мельгунов³, — которое Болдырев обязан был проводить от имени Союза Возрождения на Совещании». По этому поводу в согласительной комиссии Болдырев пояснял: «Союз Возрождения до освобождения Поволжья от большевиков стоял на точке зрения непризнания Учредительного Собрания настоящего созыва. Но группе членов Учредительного Собрания удалось возглавить особое движение, изыскивающее способы возрождения России...» Кто в сущности уполномочивал Болдырева идти на такой компромисс от имени коалиционной группировки?

Не подлежит сомнению, что ген. В. Г. Болдырев, говоря от имени всего «Союза возрождения», вводил в заблуждение членов Уфимского Совещания.

¹ Журнал № I Заседания Гос. Совещания в г. Уфе. — Третье Заседание Гос. Совещания 12 сентября н. с. 1918 года. — Напечатан в сборнике I «Русского Исторического архива». Прага, 1929, с. 120.

² «Союза возрождения России». — *Прим. Н. Н. Г.*

³ *Мельгунов С. П.* Трагедия адм. Колчака, ч. I, с. 214.

Предложенный ген. Болдыревым компромисс был выработан в Уфе. В основе его лежала создавшаяся там психологическая обстановка, формулированная одним из представителей Оренбургского казачества так.

«Участники Совещания сразу разделились на две группы; с одной стороны — представители Комитета, инородцев, социалистов-революционеров и меньшевиков, с другой — представители Сибири, казачьих войск, кадетов и народных социалистов. Правда, всех участников Совещания объединяла общая идея борьбы с большевиками за Учредительное Собрание, но первая группа настаивала на признании Учредительного Собрания, разогнанного большевиками («черновского»); вторая же считала состав этого Учредительного Собрания, избранного в ненормальных условиях и состоящего почти наполовину из большевиков и левых социалистов-революционеров, неправомочным, и мыслила борьбу за Учредительное Собрание, которое будет избрано и созвано в будущем по свержении советской власти»¹.

Ген. В. Г. Болдырев предполагал примирить враждующие стороны. В лагере эсеров он видел не только лиц, желавших захватить власть в свои руки для своих партийных целей. Он видел там и людей, для которых идея Учредительного Собрания являлась своего рода религией. Таких идеалистически настроенных эсеров он хотел поставить перед фактом невозможности собрать в создавшихся в России условиях законный кворум и этим добиться от них самороспуска. Этот акт ген. В. Г. Болдырев считал необходимым для того, чтобы расчистить путь для созыва нового Учредительного Собрания. Противников реставрации старого Учредительного Собрания ген. В. Г. Болдырев предполагал привлечь на сторону своего компромисса тем, что реальных возможностей собрать законный кворум старого Учредительного Собрания не было, а поэтому требуемая от них уступка являлась как бы символическим жестом. Этот жест имел психологическое значение: он демонстрировал верность идее Учредительного Собрания того лагеря Уфимского Совещания, в котором собрались представители главных противобольшевицких сил (Сибири и всех казачеств). Это могло ослабить психологию вражды и недоверия, явившуюся неизбежным последствием столкновений Самары с Омском.

То, что предложенный ген. Болдыревым компромисс имел шансы на успех, свидетельствует интервью правого эсера Н. Д. Авксентьева, избранного председателем Уфимского Государственного Совещания, напе-

¹ Акулинин И. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. III период // Казачьи Думы (общеказачий журнал), № 22 (6), с. 8.

чатанное в «Сибирском Вестнике»¹, в котором Н. Д. Авксентьев заявил, что «если действительно члены Самарского Комитета полагают, что собрание 30 или даже 150 членов, почти исключительно принадлежащих к эсерам, может и должно явиться законодательным органом, который построит коалиционную власть, то это политически явно несостоятельно». Авксентьев указывал, что никто не пойдет на такую коалиционную власть и что население такое собрание не будет считать авторитетным.

Тот же Н. Д. Авксентьев, подводя итоги прений в согласительной комиссии Уфимского Совещания, говорил: «Настоящее Учредительное Собрание и съезд членов Учредительного Собрания являются, по существу, представителями партии социалистов-революционеров. Они все проникнуты идеей общенационального блага. Данное Учредительное Собрание вошло клином. Состав его чисто партийный — там одни социалисты-революционеры, и представить себе ответственность власти перед ними невозможно. Если был бы другой орган, составленный более пропорционально, был ли бы предмет спора? Конечно нет. Если бы такой орган был, то от ответственности перед этим органом мы бы не отказались»^{II}.

Настроение Н. Д. Авксентьева разделялось также и всеми наиболее государственно настроенными эсерами.

В то время как левое крыло эсеров в Уфимском Государственном Совещании считало всякие уступки гибельными, правое их крыло (в том числе Лазарев¹⁹ и Брешко-Брешковская¹²⁰) без оговорок шло на соглашение с буржуазией, «учитывая одиозность, которая была разлита вокруг по отношению к партии»^{III}. Этим правым эсерам, по характеристике Утгофа, казалось, что «вся беда в том, что эсеры неспособны на государственно-разумный компромисс». Лазарев предостерегал даже от выдвижения партийных кандидатур.

Но главная масса эсеров, участвовавших в Уфимском Государственном Совещании, занимала колеблющуюся позицию, которую тот же Утгоф определяет так: «Нельзя не признать, но и нельзя не сознаться».

То, что Н. Д. Авксентьеву удавалось склонить на свою сторону этот колеблющийся центр, свидетельствует следующий факт: Чернова, приехавшего 19 сентября в Самару, держали «под спудом», «не допуская его в Уфу»^{IV}.

^I 1918, № 2.

^{II} Журнал № I Заседания Гос. Совещания в г. Уфе, с. 131.

^{III} *Мельгунов*. Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 204–205.

^{IV} Из письма Н. Д. Авксентьева партийному единомышленнику, напечатанного в «Пролетарской Революции», № 1.

Но кроме всего этого успеху компромисса ген. Болдырева содействовали и данные внешнего порядка.

Усиливающееся тяготение командного состава Народной Армии к Сибирскому правительству страшило Комуч. «Военный министр Галкин, — записывает ген. Болдырев¹, — в не особенно почтительной форме требовал уступчивости. Гарнизон Уфы, особенно офицеры, открыто тянули в сторону Сибири и даже переменяли Георгиевскую ленту Комуча на бело-зеленые цвета Сибири».

Сибирское же правительство, атакованное эсерами изнутри, через Сибирскую Думу, чувствовало себя неустойчивым. Как известно из прошлой главы, 21 сентября оно было вынуждено распустить Сибирскую Областную Думу, последняя же отказалась подчиниться и пыталась поднять восстание.

«Это подрывало моральный авторитет Сибирского правительства и колебало устойчивость позиций его представителей на Уфимском Государственном Совещании», — записывает в своих воспоминаниях глава Омской делегации^{II}.

Давление на скорейшее соглашение оказывали и политические руководители чехо-словаков. «Мы, чехо-словаки, — говорил на Уфимском Совещании д-р Павлу, — от души желаем Вам успеха в предстоящей ответственной задаче и верим, и надеемся, что Вам удастся создать на этом Государственном Совещании Всероссийскую власть, опирающуюся действительно на все слои русского народа. Мы верим и надеемся, что вы все, здесь присутствующие представители России, найдете тот общий язык, который объединит всех в общем стремлении послужить Родине. Мы верим и надеемся, что русский народ, который 300 лет тому назад в Нижнем сумел встать на защиту своей свободы и единства, найдет и в настоящее смутное время и на Уфимском Государственном Совещании своих Мининых и Пожарских, которые крепкою рукою поведут Россию на путь славы и мира. Мы верим в это тем более, что все мы, как и вы, чувствуем тяжесть момента, когда нам всем даны два предостережения. Первое — прорывом севернее Уфы, в действительности не ликвидированным, и второе — падением Казани. Господа, мы все должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьего предостережения».

Таковы были официальные заявления, а «за кулисами чехи грозили, что если соглашения на совещании не состоится, то они покинут фронт»^{III}.

^I Там же, с. 45.

^{II} *Серебренников И. И.* К истории Сибирского Правительства // Сибирский архив, т. I, с. 14. Прага, 1929.

^{III} *Милюков П. Н.* Россия на переломе, т. II, с. 47.

«Дела на фронте ухудшались, — пишет Гинс¹. — Уфа, сравнительно недалеко отстоявшая от районов действий, болезненно переживала падение Казани, нажим на Самару. Чехи за кулисами угрожали оставить фронт, если сговора противников не последует...»

Соглашение на основании компромисса, предложенного ген. Болдыревым, состоялось. Государственное Совещание решило избрать пятичленную Директорию, которая должна была представлять собою «Временное Всероссийское Правительство» и являться «впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания... единственным носителем Верховной власти на всем пространстве Государства Российского»^{II}.

Старое Учредительное Собрание вступало в свои Верховные права не ранее 1 января 1919 года и лишь при условии, что к этой дате соберется не менее 250 членов его. Если указанного кворума к 1 января не будет, то возобновление работ Учредительного Собрания старого созыва откладывается до 1 февраля 1919 года при кворуме в 170 человек^{III}. В случае, если и это не сможет быть выполнено, должно было быть собрано новое Учредительное Собрание.

Напомню читателю, что ген. Болдырев, предлагая свой компромисс, говорил о старом Учредительном Собрании «в его законном составе, собравшемся к определенному сроку».

Полный состав Учредительного Собрания, собиравшегося по закону Временного правительства кн. Львова и Керенского, исчислялся в 808 человек. Таким образом, кворум в 250 человек не имел абсолютно никаких правовых и моральных оснований выражать собою не только волю всего народа, но даже волю старого Учредительного Собрания.

Здесь ярко проявилась та партийная психология эсеров, которая превращала их в демократов лишь на словах и постольку, поскольку воля народная совпадала с их стремлениями. Не лишено интереса отметить, что наиболее крайне настроенные эсеры требовали, чтобы на 1 февраля не было установлено никакого кворума.

Показательно также то, как обуславливались установленные кворумы в 250 и в 170 человек.

^I Сибирь, союзники, Колчак, т. I, с. 225.

^{II} См. Приложение № 54, где полностью приведен «Акт об образовании Всероссийской Верховной власти».

^{III} Журнал № 4 Заседания Государственного Совещания в г. Уфе 18 сентября нового стиля 1918 года. — Опубликован в сборнике I «Русского Исторического архива». Прага, 1929, с. 227.

Общее число членов Учредительного Собрания устанавливалось в 500 человек путем вычета из законно установленного состава членов большевицкой и левоэсеровской фракций. 250 составляли половину, а 170 — одну треть произвольно урезанного, законно установленного общего числа членов старого Учредительного Собрания.

Произвольность подобного установления «законного кворума» для выражения «воли всего народа» настолько очевидна, что не требует пояснений.

В этом отношении очень показательными являются следующие слова ответа французского министра иностранных дел Пишона на телеграмму управляющего министерством иностранных дел Комуча, эсера Веденяпина¹²¹, просившего в августе месяце о признании союзниками Самарского правительства за всероссийское.

«Все здесь полагают, — писал Пишон¹, — что только Учредительное Собрание может реорганизовать Российское Государство. Но невозможно отождествлять Учредительное Собрание с его Комитетом, из которого исключены две политические партии, что колеблет самый принцип легальности, а 250 членов представляют собою слишком узкую легальную базу. Вот почему Ваше происхождение от Учр. Собрания не имеет большого веса в глазах Европы. Это скорее моральная, чем законная сила...»

Но поведение эсеров при роспуске Учр. Собрания совершенно подорвало моральный престиж этой партии, а потому компромисс ген. Болдырева в своем окончательном виде принял такую форму, которая лишала его какой бы то ни было убедительности.

Между тем, решения Уфимского Государственного Совещания требовали сугубой убедительности. «Совещание это, — пишет С. П. Мельгунов^{II}, — в основе было до некоторой степени ошибкой. Оно рассматривало себя как пуп земли русской, совершенно не считаясь с теми государственными образованиями, которые создались на Юге России. Между тем, конечно, оно должно было стремиться к созданию центрального Правительства **только для восточной России**, где образовался самодовлеющий противобольшевицкий фронт, не претендуя на объявление себя с самого начала, без соглашения с Югом, властью всероссийской. Авторитет власти заставил бы считаться с нею другие государственные образования. Естественно, на это толкнули бы или дела новой власти, или имена правителей... Для того чтобы эта власть была признана, надлежало ее создать так, чтобы она была приемлемой для самых разнообразных кругов.

¹ Цитировано у Майского «Демократическая контрреволюция», с. 78–79.

^{II} Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 200–201.

К сожалению, эти условия не были соблюдены в Уфе, и поэтому новая власть с самого начала имела претенциозный характер. Претенциозность всегда действует раздражающим образом. Фактически власть эта создавалась для востока, для объединения деятельности многочисленных областных правительств и прежде всего Самарского и Омского...»

«Претенциозность» Уфимского Гос. Сопещания, считавшего себя вправе создать Правительство, объединяющее все освобожденные от большевиков области, ярко видна из самого состава этого Сопещания. В то время как в нем участвовали представители Алаш-Орды и других подобных фиктивных правительств, в том числе и занятой немцами Эстонии, в нем не было ни одного представителя обоих наиболее могущественных казачеств — Донского и Кубанского, а также Добровольческой Армии, создававшейся на юго-востоке Европейской России и являвшейся тем моральным вторжением, вокруг которого кристаллизовалось Белое Движение.

Как я говорил в главе XII, для этой Добр. Армии реставрация старого Учредительного Собрания была абсолютно не приемлема. Поведение эсеров в 1917 г. настолько восстановило против них офицеров, что новый вождь Д. А. — ген. Деникин, заменивший убитого ген. Корнилова, — начал в своих политических актах избегать даже употребления слов «Учредительное Собрание».

Создание Всероссийского правительства неминуемо ставило вопрос о форме, в которую должно было вылиться объединение освободившихся из-под власти большевиков областей. Во время единственного заседания бывшего Учредительного Собрания 18 января эсеры объявили Россию федеративной демократической республикой. Во время обсуждения на Уфимском Сопещании возникли протесты против федерации. Протестовали представитель социал-демократов Кобрик и представитель ка-де Кроль. Последний вместе с тем соглашался, что Украина вряд ли присоединится иначе, как при федерации. В результате всех этих споров Уфимское Сопещание возложило на будущее Учредительное Собрание окончательное установление государственной организации на федеративных началах. Члены Уфимского Сопещания вступали здесь на путь, оказавшийся гибельным для Временного правительства кн. Львова и Керенского, а именно на путь уклонения от определенного ответа на вопросы, скорейшее разрешение которых было жизненно необходимым.

Вследствие этого без определенного ответа остался и такой актуальный в те минуты вопрос, как взаимоотношение создаваемой Уфимским Государственным Сопещанием Всероссийской власти с создавшимися уже местными правительствами.

«Вместо определенного решения о том, остаются они или нет, — пишет профессор-государствовед Гинс¹, — было постановлено “положиться на мудрость” будущего правительства...»

Подобную же нерешительность проявило Уфимское Государственное Совещание и в другом важнейшем вопросе — вопросе владения крестьянством землей.

Проект, предложенный эсерами, требовал признания того закона о социализации земли, который они пытались провести на заседании бывшего Учредит. Собрания 18 января 1918 года.

Представитель социал-демократической группы «Единство» выступил против, заявив, что он «принципиально не разделяет положения о земле, принятого на заседании Учредительного Собрания 5 (18 по новому стилю) января». Он предложил, «чтобы этот пункт не вызвал разногласия», опустить ссылку на закон. То же самое потребовал представитель ка-де Кроль, заявивший, что при сохранении этого пункта, «ни один кадет не будет в состоянии вступить в Правительство».

Эсеры уступили этим требованиям, и в результате решение по важнейшему и при этом единственно действительно интересовавшему русские народные массы вопросу было сформулировано так: «В области земельной политики Временное Всероссийское Правительство, не допуская таких изменений в существующих земельных отношениях, которые мешали бы разрешению Учредительным Собранием земельного вопроса в полном объеме, оставляет землю в руках ее фактических пользователей и принимает меры к немедленному возобновлению работ по урегулированию землепользования на началах максимального увеличения культивируемых земель и расширения трудового землепользования, применяясь к бытовым и экономическим особенностям отдельных областей и районов»^{II}.

Эта чрезвычайно путанная редакция постановления о земле, по заявлению представителя эсеров М. Я. Гендельмана, должна была истолковываться так: «частная собственность отменена, а земля всё же до решения в Учредительном Собрании должна остаться в руках фактических владельцев»^{III}.

Какое воздействие могло иметь на крестьян подобное решение вопроса о земле? Напомню читателю о том процессе расслоения крестьянства, о котором я говорил в главе XVI. «Крепкий мужик», становившийся устоем противобольшевицкого движения в деревне, отталкивался им от новой власти. Он вовсе не собирался потерять право

^I Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 242.

^{II} См. Приложение № 54.

^{III} Журналы заседаний Уфимского Гос. Совещания, напечатанные в сб. I «Русского Исторического архива», с. 204.

собственности на землю, которой он владел, и стремление защитить ее от посягательств крестьянской «голытьбы» являлось одним из главных мотивов его отрезвления от революции. Крестьянина-средняка также не могло удовлетворить принятое постановление. Окончательное закрепление захваченной уже им земли ему предлагали ждать до сбора Учредительного Собрания.

Таким образом, Уфимское Государственное Совещание могло только оттолкнуть от себя противобольшевицкие крестьянские элементы, не привлекая к себе нейтральных и колеблющихся как раз в то время, когда под воздействием большевиков росла агрессивность деревенской «голытьбы».

Последний вопрос, который предстояло решить собравшимся на Уфимское Государственное Совещание, также имел краеугольное практическое значение. Вопрос этот заключался в персональном составе учреждаемой Верховной власти. Претензии на ее всероссийский характер делали решение этого вопроса до чрезвычайности трудным. Требовалось избрать в состав коалиционной власти имена, имеющие всероссийскую известность. Находящийся в Москве руководящий центр «Союза возрождения» наметил в состав проектируемой Директории: Н. В. Чайковского, ген. М. В. Алексеева, Н. Д. Авксентьева и Н. И. Астрова.

Н. В. Чайковский являлся лидером народных социалистов. Его голос был авторитетен среди социалистических партий. Он пользовался доверием и в среде либеральных партий. Появление его в Архангельске неминуемо выдвинуло его во главу Северного правительства. Более подробно о личности Н. В. Чайковского я говорил в главе, посвященной описанию создания Северного противобольшевицкого фронта.

О ген. М. В. Алексееве мне приходилось так много говорить в предыдущих главах, что здесь о нем говорить не буду.

Имена ген. М. В. Алексеева и Н. В. Чайковского являлись именами Всероссийского значения. Присутствие и того, и другого во Всероссийском правительстве должно было вселить доверие к этому Правительству в очень широких кругах российской общественности и российского офицерства.

Имя Н. Д. Авксентьева, конечно, не может быть приравнено по своему моральному значению к этим двум именам. Но необходимость привлечения к решительному участию в противобольшевицком движении самой многочисленной в 1917 г. партии — партии эсеров, требовала непременно участия в Директории одного из лидеров ее. Для участия в коалиционном правительстве Н. Д. Авксентьев являлся, действительно, наиболее подходящим.

Четвертым кандидатом «Союза возрождения» был Н. И. Астров. Он принадлежал к конституционно-демократической партии и, как пред-

ставитель последней, должен был осуществлять коалицию либеральной демократии и буржуазии с социалистами, представителями которых были Н. В. Чайковский и Н. Д. Авксентьев. Несомненно, что гораздо более авторитетным представителем либеральной демократии явился бы лидер конституционных демократов П. Н. Милюков. Но прогерманская ориентация, которую он в то время принял, а также «правизна» его взглядов¹ по сравнению с политической программой, принятой «Союзом возрождения», сделали его для этого Союза неприемлемым.

Уфимское Государственное Совещание не могло обойти имен поименованных выше четырех лиц. Пятым оно совершенно правильно признало необходимым включить в Директорию главу Сибирского Правительства — Вологодского.

Но Уфимское Государственное Совещание стояло перед одним из тех практических затруднений, вследствие которых образование на Востоке России сразу же Всероссийского правительства являлось актом преждевременным. Ген. М. В. Алексеев и Н. И. Астров были в это время в Добровольческой Армии на Кубани, а Н. В. Чайковский — в Архангельске. Рассчитывать на их скорый приезд из этих разобщенных от Востока России краев не приходилось. Поэтому отсутствующим были избраны заместители.

В заместители Н. В. Чайковского был проведен В. М. Зензинов¹²².

«В. М. Зензинов — человек редкой порядочности», — так характеризует его Гинс^{II}, который вместе с тем указывает, что «его недостатками были несомненная партийность и неопытность в вопросах управления». Зензинов был членом Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. «Сибирские делегаты, по соглашению с Омском и Владивостоком, — свидетельствует тот же благожелательный лично к Зензинову Гинс^{III}, — заявили отвод против Зензинова, как типично партийного человека». Появление вместо народного социалиста Н. В. Чайковского социалиста-революционера Зензинова «нарушало равновесие сил в коалиционной Директории, так, по крайней мере, воспринято было это широким общественным мнением^{IV}. Так расценивали кандидатуру Зензинова и многие в “левом секторе”...»^V

^I См. записку П. Н. Милюкова, поданную им «Правому центру» и приведенную в Приложении № 35.

^{II} Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 261.

^{III} Там же, т. I, с. 242.

^{IV} Из пяти членов правительства — три эсера, таково было мнение не только правых, но и некоторых военных кругов, причислявших и Вологодского к «агентам партии». См., например, рукописные воспоминания ген. Рябикова, хранящиеся в Русском Заграничном историческом архиве в Праге.

^V Мельгунов. Трагедия адм. Колчака, ч. I, с. 226–227.

Сибирские областники и кооператоры, бывшие свидетелями стремления эсеров Сибирской думы, связавшихся с самарскими эсерами, подорвать правительство Вологодского, не могли сочувствовать такому усилению эсеров в органе Верховной власти. При той же одиозности, которую приобрели эсеры в кругах правой общественности, казачьих и офицерских, Директория, в состав которой вошли Авксентьев, и в особенности Зензинов, не только не обладала никаким моральным авторитетом, но даже внушала к себе чувство враждебности.

В заместители Н. И. Астрова был проведен В. А. Виноградов. В этом случае было соблюдено назначение заместителя из той же партии, как и замещаемый. Но Сибиряки были мало удовлетворены и этой заменой. Они предпочитали В. А. Виноградову С. В. Востротина. «Первый хотя и кадет, но мало устойчивый, с наклоном в демагогию, типа Некрасова, который, как известно, сыграл печальную роль в правительстве кн. Львова, а потом Керенского»¹.

Таким образом, и эта замена не содействовала устойчивости власти Директории над Сибирью.

Но самая поразительная замена была произведена в лице военного члена Директории. Как я говорил выше, «Союз возрождения» наметил таковым ген. М. В. Алексеева. Правда, тот же Союз наметил заместителем ген. М. В. Алексеева ген. В. Г. Болдырева. Уфимское же Государственное Совещание поступило как раз наоборот. Оно избрало ген. В. Г. Болдырева членом Директории, а ген. М. В. Алексеева — его заместителем. Чем руководствовалось Уфимское Государственное Совещание при подобной перестановке — документы не говорят. С большим вероятно можно предположить, что это тоже было уступкой эсерам, боящимся генералов с именем. В. Г. Болдырев же мог внушить к себе расположение эсеров компромиссом, внесенным им, хотя и вопреки постановлению Московского Совещания «Союза возрождения», но, тем не менее от имени этого Союза.

Назначение ген. М. В. Алексеева заместителем по существу дела устраняло его от активной роли в Верховном управлении, так как ген. В. Г. Болдырев был значительно моложе ген. М. В. Алексеева². Отсутствие последнего на Востоке как будто бы сводило реальные последствия принятой меры к нулю. На самом же деле это было не совсем так. Основной идеей создания коалиционной, а не едино-

¹ Гинс. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 245. — О печальной роли Некрасова во время Корниловского выступления см. главу IV. — Прим. Н. Н. Г.

² В то время как в 1915 году ген. М. В. Алексеев был начальником штаба Государя, то есть фактическим русским Верховным Главнокомандующим, В. Г. Болдырев командовал только полком.

личной Верховной власти являлось создание доверия к этой власти со стороны враждующих между собою социальных сил. Одной из таких сил, имевшей в обстановке гражданской войны весьма реальное значение, являлись офицерство и спаявшаяся с ним, наиболее действенно и патриотически настроенная интеллигентная молодежь, везде составлявшие остова формирующихся противобольшевицких армий. Имя ген. М. В. Алексева могло бы, в глазах этого наиболее действенного элемента противобольшевицких вооруженных сил, придать Директории моральный авторитет. Проводя, хотя и замаскированное, исключение ген. М. В. Алексева, создатели Директории фактически сами подрывали тот единственный сук, за который они могли бы уцепиться для смягчения той враждебности к ним, которую социалисты-революционеры посеяли в 1917 году в офицерстве и которую затем еще усилил Комуч.

Ген. В. Г. Болдырев не имел и сотой доли этого доверия среди офицеров в силу того, что большинству он был совершенно неизвестен. После же Уфимского Государственного Совещания он приобрел отрицательную популярность.

Командный состав армии начал смотреть на него как на ставленника эсеров, а при таком условии моральный авторитет Директории сводился к нулю.

Обреченность Директории

Таков был результат Уфимского Государственного Совещания. Он совершенно не соответствовал тем громким словам, которые были сказаны на торжественном вечернем заседании Уфимского Государственного Совещания 23 сентября, на котором было объявлено создание Всероссийской Директории.

«Что лучше: худой мир или добрая ссора?» — спрашивает по поводу Уфимского компромисса историк Мельгунов^I. И он же отвечает: «Нет на это общего ответа. Уфимский компромисс не мог быть искренним — претенциозны были требования “левого” сектора и слишком много уступок пришлось сделать другому лагерю». «Это соглашение, — подводит итоги Серебренников^{II}, — не родилось в атмосфере энтузиазма, — оно было вынужденным и поэтому неискренним и таило в себе зародыш будущей борьбы. Создавалась какая-то фикция, которая действительно запутывала еще более сложную политическую обстановку и делала еще болезненнее разрешение назревших конфликтов...»

^I Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 227, 228.

^{II} Сибирский архив, 13.

Уфимское Государственное Совещание протекало в условиях совершенно не благоприятствующих действительному примирению. «На всех решениях (Уфимского Государственного Совещания) лежала печать поспешности и неискренности. Чехи торопили и запугивали. Общая военная обстановка, опасность, грозившая самой Уфе, действовали на членов Совещания, заставляя больше отдаваться чувству, а не разуму...»¹

Это была одна из объективных причин, предопределявших несостоятельность достигнутых в Уфе соглашений. Были и другие, несравненно более важные, но указания на них нельзя встретить ни в одних из многочисленных мемуаров, относящихся к этому периоду. Естественным свойством участников событий является тенденция объяснять эти события причинами субъективного характера. Личные переживания затрудняют хорошо видеть причины объективного характера.

Одной из таких причин была та степень разложения, до которой довел к сентябрю 1918 года Государство Российское всё углубляющийся революционный процесс. В пламени продолжавшейся революции разлагались сами политические партии. Поэтому ко времени Уфимского Государственного Совещания реального единства не было ни в одной из них. Очень показательны в этом отношении одно из примечаний С. П. Мельгунова^{II}, самого принадлежащего к партии народных социалистов, по поводу выступления на 2-м Челябинском съезде представителя этой партии — Ф. З. Чембулова. «Его позиция, — говорится в этом примечании, — вообще не очень понятна и нарушала директивы ЦК партии, который он представлял...»

Если даже в такой крайне малочисленной, а потому и более однородной партии, как народные социалисты, не было единства, то каков должен был быть «разнобой» в таких «массовых» партиях, как партии эсеров и кадетов...

Расслоение эсеров, начавшееся во время большевицкого переворота, продолжалось. Даже среди эсеров, участвовавших в Уфимском Государственном Совещании, внешнее формальное единство прикрывало глубокие внутренние трещины. Расхождение их во взглядах проявилось бы еще резче, если бы в Уфе появились Чернов и его ближайшие последователи.

Указываемое мною разложение всех партий сказывалось не только в расхождении взглядов, но и в чем-то худшем: оно проявлялось и в нежелании подчиняться принятому решению. В таких условиях соглашения, заключенные на Уфимском Государственном Совещании,

¹ Гинс. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 242.

^{II} Трагедия адмирала Колчака, ч. I, с. 200.

являлись нереальными не столько в силу «неискренности» заключающих эти соглашения представителей партий, сколько в силу отсутствия реального единства самих партий. Н. Д. Авксентьев и сочувствующие соглашению эсеры, заключившие таковое на Уфимском Государственном Совещании, искренне не ожидали, что Чернов и собравшиеся вокруг него эсеры вовсе не собирались его выполнять.

Внутренний разбой в партии конституционных демократов начался уже летом 1918 года. В то время как главный лидер ка-де П. Н. Милюков принимал «германскую ориентацию» и сближался с «Правым центром»¹, подавляющая часть членов той же партии сохраняла «союзническую ориентацию» и входила в состав «Национального центра» или «Союза возрождения». Расслаивались кадеты и из-за различия точек зрения на характер необходимой для возглавления противобольшевицкого движения власти. Многие из них стояли за диктатуру (входившие в состав «Национального центра»), другие же — за Директорию (участвовавшие в «Союзе возрождения»). В этом отношении чрезвычайно характерный пример представляет собою то двойственное положение, в котором оказался на Уфимском Государственном Совещании представитель ка-де — Л. А. Кроль.

«Я был в Уфе, — записывает он в своих воспоминаниях², — единственным человеком, который мог взять на себя представительство нашего ЦК. Ходатайства областных комитетов разных партий о допусшении их делегатов на Государственное Совещание были отклонены: допускались исключительно представители центральных комитетов. Отказ мой от представительства ЦК означал бы уклонение партии Народной Свободы от участия в создании Всероссийской власти. С другой стороны, директивы ЦК, привезенные Пепеляевым¹²³ из Москвы, были для меня неприемлемы. Недаром я участвовал только в «Союзе возрождения». В спасительность диктатуры я не только не верил, но и считал ее губительной для дела. Между тем директива, привезенная Пепеляевым, была весьма краткой: диктатура. К тому, что я не верил в целесообразность диктатуры, прибавлялось и то, что практически, при сложившейся обстановке, предлагать Государственному Совещанию диктатуру как форму правления было безнадежно. Выступать с такой формулой значило бесцельно повредить своей политической репутации и уменьшить возможное свое влияние налево».

В результате Л. А. Кроль, так же как и В. Г. Болдырев и Ф. З. Чембулов, счел себя вправе уклониться от данной ему директивы, сделал нижеследующее заявление:

¹ См. главу XIV.

² [Кроль. Л. А.] За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи), с. 97.

«К несчастью, у нас еще народ не свыкся со свободой. К несчастью, свободу у нас смешивают с разнузданностью, и настоящая власть должна поставить настоящее дело так, чтобы свобода не мешала порядку, и я не сомневаюсь в том, что всё это будет требовать очень сильной власти... Комитет партии Народной Свободы считает, что наилучшей формой для осуществления такой власти было бы создание временной единоличной власти. К великому несчастью для России, если наша революция выдвинула титанов разрушения, анархии и беспорядка, то к сожалению на фоне нашей революции не явилось ни одного человека, которому вся нация, вся страна могла бы доверить такую власть и на которого могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительного Собрания, поэтому приходится поневоле мириться с менее совершенной формой в виде Директории. Но эту Директорию мы мыслим как Верховную власть, действующую через посредство министров, ответственных перед этой Верховной властью, причем Директория, эта Верховная власть, ни перед кем не отвечает, объем ее прав — вся полнота власти. Она ограничивается только в том, что Директории ставится задача довести страну до Учредительного Собрания и уже сама Директория должна понимать, что подлежит решению Учредительного Собрания».

Внутренний разнобой конституционно-демократической партии сказался еще в одном характерном факте: Н. И. Астров, узнав о своем избрании в Директорию, отказался. Вот как он сам объяснил этот отказ¹:

«...Отстаивая лично идею Учредительного Собрания как верховного полновластного органа, имеющего в конечном результате установить форму государственного устройства России, я с тем большей решительностью отвергаю всякую мысль о возможности вступления в правительство, которое ставит себя в зависимость от старого, уже не существующего Учредительного Собрания.

Этим решается вопрос о принятии мною избрания в состав Временного правительства, образованного Уфимским Совещанием, и заявляю, что в состав Директории, ставящей себя в зависимость от старого Учредительного Собрания, я не вступаю.

Не желая отрывать от действительности, я не могу также не признать, что в настоящее время коренным образом переменялась вся политическая обстановка, которая не дает основания считать, что Уфимское образование может почитаться Всероссийской властью. При современных условиях это лишь одно из образований на трудном и долгом пути собирания России, это лишь часть сложного

¹ Газета «Великая Россия» (Екатеринодар), № 72 от 13/26 ноября 1918 года.

процесса образования общегосударственной и Всероссийской власти. В этом процессе неизбежны перегруппировки, перестроения и даже коренные изменения самых основ и конструкций власти. Это совершенно неизбежно, в особенности если принять во внимание, что в образовании этой власти не участвовали области, оторванные от Северо-Востока.

Вместе с тем я со всею решительностью утверждаю, что с этим правительством, объединившим Северо-Восточную часть России, необходимо установить соглашение для достижения общих целей и задач, стоящих перед Россией».

Таким образом, подобно тому как и у эсеров, на противоположном фланге Уфимского Государственного Совещания — у кадет, соглашение их представителя по существу дела не предreshало согласия партии. А между тем фактический состав Директории являлся выразителем соглашения партий, а не областей. Авксентьев, Зензинов, Виноградов, Болдырев являлись представителями политических течений, и только один Вологодский являлся представителем Правительства освобожденной от большевизма Сибири. Ни Оренбургское, ни Уральское казачества, имевшие к тому времени вполне организованные правительства, не говоря уже об Уральской горнозаводской области, своих представителей в Директории не имели. Это делало ее фиктивной, а не реальной властью не только по отношению ко всей России, но даже по отношению к одному только Востоку России.

Если раздвинуть рамки нашего анализа и обратить внимание на настроения той части русской интеллигенции, представители которой не были допущены на Уфимское Государственное Совещание, то неустойчивость Директории станет еще ясней.

Г. К. Гинс, рассказывая про выступление Л. А. Кроля, пишет, что его слова о диктатуре прозвучали «одиоко». Так было в «стенах» Государственного Совещания. «За стенами» его картина общественных настроений была иная. Многочисленное правое крыло конституционно-демократической партии считало, что в обстановке создавшегося всеобщего развала только Диктатура способна победить большевизм и вывести Россию на путь возрождения. Призыв к диктатуре отчетливо прозвучал на съезде торгово-промышленников, собравшемся одновременно с Государственным Совещанием.

Еще более решительно за диктатуру были правые круги русского общества, под воздействием нетерпимости революционных партий, всё еще не выступавшие с поднятым забралом.

Таким образом, решения Уфимского Государственного Совещания не представляли собою реального соглашения между враждующими политическими течениями русской интеллигенции. В таких условиях

рожденная Уфимским Государственным Совещанием Директория не могла обрести устойчивости даже **среди нее**.

Не могла найти она никакой поддержки и в народных массах. «Слово “народ”, — записывает ген. В. Г. Болдырев¹, — не сходило с уст ораторов...» Но по существу дела это были только слова. Происходило же это не от злых намерений участвовавших, а в силу той духовной оторванности русской интеллигенции от народных масс, о которой я уже много раз говорил. Оставаясь в рамках политических споров отживавших партий, члены Уфимского Государственного Совещания не видели того, что происходило в реальности.

Углубившаяся революция вовлекала в вихрь гражданской войны и гущу народных масс. Эти массы ждали от более культурных слоев вождей борьбы. На революционном полюсе бушующей народной стихии такие вожди уже имелись — это были большевики с Лениным во главе. Ответило ли Уфимское Государственное Совещание требованиям тех элементов народа, которые стихийно притягивались противоположным, контрреволюционным полюсом? Ответ на этот вопрос дает рабочий социал-демократ Струмилло¹²⁴, один из участников героической борьбы Ижевцев и Воткинцев против большевиков: «...Тот, кто, казалось бы, должен был встать во главе этого движения, Русская демократическая интеллигенция, этого не сделал. Были отдельные люди, связавшие свою судьбу с борющимися и погибшие вместе с ними, но в целом тут царили разброд и разномыслие, отсутствие способности учесть обстановку, растерянность и неумение претворить слово в дело»¹¹.

¹ Директория, Колчак, интервенты, с. 43.

¹¹ Берлинская «Заря» № 3, 1922.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 54

АКТ

об образовании Всероссийской Верховной Власти,
принятый на Государственном Совещании, имевшем место
в г. Уфе от 8 до 23 сентября 1918 года¹

Государственное Совещание в составе Съезда Членов Всероссийского Учредительного Собрания и уполномоченных на то представителей Комитета Членов Всероссийского Учредительного Собрания, Сибирского Временного Правительства, Областного Правительства Урала, Казачьих Войск: Оренбургского, Уральского, Сибирского, Иркутского, Семипалатинского^{II}, Енисейского, Астраханского, представителей правительств Башкирии, Алаш, Туркестана и Национального Управления Тюрко-Татар Внутренней России и Сибири и Временного Эстонского правительства, представителей Съезда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья, представителей политических партий и организаций: партии социал.-революционеров, Российской социал-демократической рабочей партии, трудовой народно-социалистической партии, партии народной свободы, Всероссийской социал-демократической организации «Единство» и «Союза возрождения России» с единодушным стремлением к спасению страны, воссозданию ее единства и обеспечению ее независимости

постановило:

вручить всю полноту Верховной Власти на всем пространстве Государства Российского Временному Всероссийскому Правительству в составе пяти лиц: Николая Дмитриевича **Авксентьева**, Николая Ивановича **Астрова**, ген.-лейтенанта Василия Георгиевича **Болдырева**, Петра Васильевича **Вологодского** и Николая Васильевича **Чайковского**.

Временное Всероссийское Правительство в своей деятельности руководствуется следующими установленными настоящим актом положениями:

Общие положения

1. Временное Всероссийское Правительство, впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания, является единственным носителем Верховной Власти на всем пространстве Государства Российского.

¹ Приведен согласно тексту, напечатанному в приложении № 1 к книге В. Г. Болдырева «Директория, Колчак, интервенты». Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925.

^{II} Официальное название: «Семиреченское». — *Прим. Н. Н. Г.*

2. Все функции Верховной Власти, временно отпавляемые, ввиду созданных условий, Областными правительствами, должны быть переданы Временному Всероссийскому Правительству, как только оно того потребует.

3. Установление пределов компетенции Областных правительств на началах широкой автономии областей и на основах, приведенных в изложенной ниже программе деятельности правительства, предоставляется мудрости Временного Всероссийского Правительства.

Обязанности правительства в отношении Всероссийского Учредительного Собрания

В непреходящую обязанность Временного Всероссийского Правительства вменяется:

1. Всемерное содействие функционирующему как государственно-правовой орган, Съезду Членов Учредительного Собрания в его самостоятельной работе по обеспечению приезда членов Учредительного Собрания и по ускорению и подготовке возобновления занятий Учредительного Собрания настоящего состава.

2. Неуклонное руководство в своей деятельности непререкаемыми верховными правами Учредительного Собрания и неустанное наблюдение, чтобы в деятельности всех подчиненных Временному Правительству органов не было допущено ничего, могущего клониться к умалению прав Учредительного Собрания или к замедлению в восстановлении его работ.

3. Представление отчета в своей деятельности Учредительному Собранию немедленно по объявлении Учредительным Собранием своих работ возобновленными, и безусловное подчинение Учредительному Собранию как единственной в стране Верховной Власти.

Примечание: К сему прилагается постановление Съезда Членов Всероссийского Учредительного Собрания от 13¹ сентября 1918 года.

¹ В редакционном примечании № 34 к книге В. Г. Болдырева «Директория, Колчак, интервенты» на с. 315 приведено полностью это постановление. Текст его вполне совпадает с таковым же, цитированным в сборнике 1-м «Русского Исторического архива» (с. 227), но в то время как в последнем оно помечено 18 сентября, большевицкий редактор книги В. Г. Болдырева относит его к 13 сентября, дате, проставленной в самом тексте Акта об образовании Всероссийской Верховной власти, приведенном как в книге В. Г. Болдырева на с. 493—497, так и в сборнике 1-м «Русского Исторического архива», с. 247—250. Изучение всех журналов заседаний Государственного Совещания в г. Уфе, напечатанных в том же сборнике 1-м «Русского Исторического архива», заставляет признать, что датой Постановления съезда Наличных Членов Всероссийского Учредительного Собрания следует считать 18 сентября, а не 13. Я думаю, что в примечании к § 3 отдела «Обязанности Правительства в отношении Все-

Программа работ Временного правительства

В своей деятельности по восстановлению Государственного единства и независимости России, Временное Всероссийское Правительство должно ставить в первую очередь следующие неотложные задачи:

1. Борьба за освобождение России от советской власти.
2. Воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России.
3. Непризнание Брестского и всех прочих договоров международного характера, заключенных как от имени России, так и отдельных ее частей после февральской революции, какой бы то ни было властью, кроме Российского Временного правительства, и восстановление фактической силы договорных отношений с державами согласия.

4. Продолжение войны против германской коалиции.

В сфере внутренней политики Временное правительство должно преследовать нижеследующие цели:

I. В области военной

1. Воссоздание сильной, боеспособной, единой Российской армии, поставленной вне влияния политических партий и подчиненной в лице ее высшего командования Всероссийскому Временному Правительству.

2. Полное невмешательство военных властей в сферу гражданского управления, за исключением местностей, входящих в театр военных действий или объявленных указами правительства на военном положении, когда это вызывается крайней государственной необходимостью.

3. Установление крепкой военной дисциплины, на началах законности и уважения к личности.

4. Недопустимость политических организаций военнослужащих и устранение армии от политики.

II. В области гражданской

1. Устройство освобождающейся России на началах признания за ее отдельными областями прав широкой автономии, обусловленной

российского Учредительного Собрания» Акт об Образовании Всероссийской Верховной Власти вкралась опечатка, основанная, по всей вероятности, на легкости смешения при чтении цифр «8» и «3».

Интересно отметить, что в тексте Акта об Образовании Всероссийской Верховной Власти, приведенном в томе XII «Архива Русской революции», издаваемого в Берлине И. Гессеном, дата Постановления Съезда Членов Учредительного Собрания показана 16 сентября.

Постановление Съезда Членов Учредительного Собрания приведено в конце настоящего приложения. — *Прим. Н. Н. Г.*

как географическим и экономическим, так и этническим признаками, предполагая окончательное установление государственной организации на федеративных началах полномочным Учредительным Собранием.

2. Признание за национальными меньшинствами, не занимающими отдельной территории, прав на культурно-национальное самоопределение.

3. Восстановление в освобождаемых от советской власти частях России демократического городского и земского самоуправления, с назначением перевыборов в ближайший срок.

4. Установление всех гражданских свобод.

5. Принятие мер к действительной охране общественной безопасности и государственного порядка.

III. В области народно-хозяйственной

1. Борьба с хозяйственной разрухой.

2. Содействие развитию производительных сил страны. Привлечение к производству частного капитала русского и иностранного и поощрение частной инициативы и предприимчивости.

3. Государственное регулирование промышленности и торговли.

4. Принятие мер к повышению производительности труда и сокращению непроизводительного потребления национального дохода.

5. Развитие рабочего законодательства на началах действительной охраны труда и регулирование условий найма и увольнения рабочих.

6. Признание полной свободы коалиций.

7. В сфере продовольственной политики отказ от хлебной монополии и твердых цен, с сохранением нормировки распределения продуктов, имеющихся в недостаточном количестве. Государственные заготовки, при участии частно-торгового и кооперативного аппарата.

8. В сфере финансовой — борьба с обесценением бумажных денег, восстановление налогового аппарата и усиление прямого подоходного и косвенного обложения.

9. В области земельной политики Временное Всероссийское Правительство, не допуская таких изменений в существующих земельных отношениях, которые мешали бы разрешению Учредительным Собранием земельного вопроса в полном объеме, оставляет землю в руках ее фактических пользователей и принимает меры к немедленному возобновлению работ по урегулированию землепользования на началах максимального увеличения культивируемых земель и расширения трудового землепользования, применяясь к бытовым и экономическим особенностям отдельных областей и районов.

Порядок изменения состава правительства

1. Осуществляя на указанных основаниях Верховную власть, Временное Всероссийское Правительство действует как орган коллегиальный. Члены его до Учредительного Собрания неотвественны и несменяемы.

2. На случай выбытия из состава Временного Правительства того или другого члена его, в качестве заместителей избираются: Андрей Александрович **Аргунов**, Владимир Александрович **Виноградов**, Генерал от инфантерии Михаил Васильевич **Алексеев**, Василий Васильевич **Сапожников** и Владимир Михайлович **Зензинов**.

3. В случае выбытия кого-либо из членов Временного Всероссийского Правительства изменение состава его совершается в порядке вступления на место выбывшего его заместителя. Заместителем Н. Д. Авксентьева считается А. А. Аргунов, Н. И. Астрова — В. А. Виноградов, В. Г. Болдырева — М. В. Алексеев, П. В. Вологодского — В. В. Сапожников и Н. В. Чайковского — В. М. Зензинов.

4. Ввиду необходимости для Временного Всероссийского Правительства немедленно приступить к осуществлению власти и управлению государством в полном своем составе, в состав его, впредь до прибытия отсутствующих ныне членов, немедленно должны вступить их персональные заместители.

5. Члены Временного Всероссийского Правительства при вступлении в него дают торжественное обещание по прилагаемому при сем тексту¹.

За председателя Государственного Совещания

Товарищ председателя **Евгений Францевич Роговский.**

Член Всероссийского Учредительного Собрания,

Товарищ председателя Государственного Совещания

и Министр снабжения Сибирского

Временного Правительства

И. И. Серебrenников.

Секретарь Государственного Совещания —

член Учредительного Собрания

Борис Моисеенко.

Секретарь Государственного Совещания —

член Областного Правительства Урала

Петр Мурашев.

¹ Торжественное Обещание: «Мы, Члены Временного Всероссийского Правительства, избранные на Государственном Совещании в г. Уфе, торжественно обещаем хранить верность народу и государству Российскому и выполнять наши обязанности в полном соответствии с принятым на Государственном Совещании актом об образовании Верховной Власти 10—23 сентября 1918 года». — Приведено согласно тексту, напечатанному на с. 250 сборника 1-го «Русского Исторического архива». Прага, 1929.

Члены Всероссийского Учредительного Собрания:

К. Буревои, Михаил Гендельман, Аппл. Ник. Кругликов, В. Подвицкий, О. С. Минор, Н. Иванов, Д. Розенблюм, Г. Терегулов, В. Павлов, В. Панкратов, Н. Здобнов, Г. Титов, С. Щендриков, Н. Баранцев, К. Огановский, С. Шулаков, С. Володин, Моисей Кроль, А. Власов, В. Х. Таначев, С. Лотожников, Н. Фомин, Н. Возьмитель, Б. Архангельский, А. Шапошников, Д. Шнырев, А. Минин, Н. Левченко, М. Слоним, В. Мамонов, В. Л. Утгоф, Б. Соколов, Ф. Тухватуллин, Н. Любимов, Ив. Васильев, В. Ломшаков, И. Ахмеров, Д. Петров, Виссарион Гуревич, В. Владыкин, Козьма Гуров, А. Девизоров, Б. Черненко, П. Суханов, Ах. Байтурсунов, А. Беремжанов, Г. А. Алимбеков, С. Дошаков-Инмагомет, А. Зисман, Л. Ефремов, М. Линдберг, В. Алексеевский, Л. Кроль, В. Матушкин, Ф. Ф. Тухтаров, Ек. Брешковская, Э. Лазарев, В. Вольский, М. Святицкий.

Представители Комитета Членов Всероссийского Учредительного Собрания

М. Веденякин.

Представители Временного Сибирского Правительства

Генерал-майор Иванов-Ринов, упр. мин. вн. дел Старынкевич, от Сиб. Прав. и сибир. каз. генерал-лейтенант Г. Катанаев, полковник Бобрик, комиссар Приуралья проф. Петр Маслов.

Представители Временного Областного Правительства Урала

А. Кошечев, Им. Войтов.

Представители Войсковых Правительств Казачьих войск

Уральского казачьего войска ген. М. Хорошхин, представитель Сибирского каз. войска вр. и. д. войскового атамана войсковой старшина Э. Березовский, представитель Семиреченского казачьего войска Илья Шендриков, представитель Енисейского войска Прокопий Шуваев, Астраханского казачьего войска Г. Астахов, Иркутского казачьего войска И. Пеженский.

Представитель Правительства Башкирии

Член Правительства Башкирии Искандер Бек Мухамедиарович Султанов.

Представители Киргизского Правительства «Алаш-Орды»

Представитель автономии Алаш — председатель Алаш-Орды Алихан Букейхан, Имам Алимбек.

Представители Временного Правительства Автономного Туркестана
Председатель Вр. Правительства М. Чокаев, член Временного
Правительства автономного Туркестана А. Уразаев, член Временного
народного Совета Туркестана С. А. Муфтизаде.

**Представители Национального Управления Тюрко-Татар
внутренней России и Сибири**

Представители Национального Управления мусульман тюрко-та-
тар внутренней России и Сибири: Джантюрин М. Г. Исхаков, Султан-
Бек-Шаги-Бекович Мамлеев.

Представитель Временного Эстонского Правительства
Б. Линде, А. Л. Каэлас, Алексей Изю.

Представители Съезда Городов и Земств Сибири, Урала и Поволжья
И. Ахтямов, А. Гачичеладзе, С. Третьяков, П. Миткевич.

**Представители Центральных Комитетов
политических партий и организаций**

Центральный Ком. партии социал.-рев.: Михаил Гендельман,
Флор Федорович. Делегация социал-демократической рабочей партии:
Б. Кибрик, С. М. Ленский. Центральный Комитет Труд.-Н. Соц. партии:
Ф. Чембулов, С. Знаменский, И. Суханов. Член Центрального Комите-
та Всероссийской Социал-Демократической организации «Единство»:
В. Фомин. Центральный Комитет партии Народной Свободы: А. И. Ко-
робов, А. П. Мельгунов. Представитель «Союза возрождения России»
С. Знаменский.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
съезда наличных членов Всероссийского Учредительного Собрания
в заседании 18 сентября 1918 г.¹

В случае образования в ближайшие дни Государственным Совещани-
ем Временного Всероссийского Правительства, обеспечивающего
на время столь необходимую центральную власть, созвать на 1 января
1919 года Всероссийское Учредительное Собрание и в случае прибытия
не менее 250 человек открыть его действия. Если указанного кворума
к 1 января не будет, то возобновление работ Учредительного Собрания
откладывается до 1 февраля 1919 года при кворуме в 170 человек.

¹ Приводится согласно тексту, напечатанному на с. 227 сборника 1-го
«Русского Исторического архива». Прага, 1929.

ГЛАВА XIX ДИРЕКТОРИЯ

Окончательный развал Волжского фронта

На следующий день после избрания Директории на ген. В. Г. Болдырева было возложено «Верховное главнокомандование всеми Российскими вооруженными силами»^I.

Впечатления нового Верховного Главнокомандующего были чрезвычайно пессимистическими. Народная Армия, по его словам^{II}, обратилась «в тонкую паутину, которая начала легко рваться под напором красных. Надо было быстро привести в готовность только что мобилизованные силы Сибири и бросить их за Урал...». «В этот начальный организационный период, конечно, нечего было думать о широких стратегических задачах, — пишет далее ген. В. Г. Болдырев^{III}. — Важно было только заметить предельный рубеж, на котором можно было бы задержать красных и выиграть столь необходимое время для переформирования, перегруппировки и, что самое важное, для подхода резервов из Сибири. Не исключалась возможность отхода до перевалов через Уральский хребет^{IV}. Это, конечно, ставило в очень тяжелое положение Уральское казачье войско и значительно затруднялась связь с южной Добровольческой Армией»^V.

Отсутствие авторитета у Директории не могло не отразиться на умалении фактической власти ее Верховного Главнокомандующего. Стратегически наиболее логичным было бы направление прибывающих из Сибири новых сил для подкрепления отступающей от Волги Народной Армии. Особенное же значение имело бы усиление ее левого фланга, дабы затем совместно с Оренбургскими и Уральскими казаками перейти в наступление на фронт Саратов—Царицын. Это наступление выводило сначала в район, заселенный поволжскими немецкими колонистами^{VI} (Саратов — Красный Кут — Камышин), представлявших собою противобольшевицки настроенных крестьян, а затем приводило к соединению с Донским казачеством.

^I Приказ Временного Всероссийского Правительства от 24 сентября 1918 года (№ 2) в Уфе.

^{II} Ген. В. Г. Болдырев. Директория, Колчак, интервенты, с. 60.

^{III} Там же.

^{IV} От Волги до Уральского хребта в среднем 700 км. — Прим. Н. Н. Г.

^V Генерала А. И. Деникина. — Прим. Н. Н. Г.

^{VI} См. главу XI.

В случае удачи этого наступления создалась бы обширная неразрывная противобольшевицкая территория, включавшая в себя все казачества, а также наиболее противобольшевицки настроенных крестьян.

«При успехе операции в этом направлении (в направлении на фронт Саратов—Царицын), — пишет ген. Болдырев¹, — получилась бы огромная охватывающая красных дуга, сжатие концов которой сулило самые решительные результаты. Москва, кроме того, лишилась бы запасов богатого юга, лишилась бы угля и столь необходимого ей жидкого топлива».

Ко времени вступления в главнокомандование ген. В. Г. Болдырева подходили чехо-словацкие эшелоны Гайды, повернутые на запад из Восточной Сибири. Желая привлечь чехо-словацкие части, подчиненные Гайде, к более деятельному участию в борьбе на Волжском фронте, Сибирское правительство подчинило Гайде и свои войска. Этот новый командующий Сибирской армией представлял собою типичного авантюриста.

В начале мировой войны Гайда был в Австро-венгерской армии фельдшером. Осенью 1914 года он попал в плен к черногорцам. Черногорское войско испытывало большой недостаток в медицинском персонале. Гайда выдал себя за врача и в качестве такового поступил на службу к Черногории. В 1916 году он переехал в Россию, где поступил в формируемые чехо-словацкие войска. В 1917 году он был уже капитаном.

На создавшуюся в России обстановку Гайда смотрел как на поприще для своего личного быстрого выдвижения. Оказавшись в момент выступления чехо-словаков во главе нескольких эшелонов, он действовал чрезвычайно энергично. Чины полковника и генерала быстро следовали один за другим, сопутствуя превращению Гайды в начальника дивизии.

Подходя с командуемой им чехо-словацкой дивизией к Уралу, Гайда направился к Екатеринбург. Он стремился выйти на Пермское операционное направление, на которое, как я говорил выше¹¹, еще в июле месяце двигал чехо-словаков Войцеховский, видя в нем кратчайший железнодорожный путь для эвакуации из России через Архангельск. Гайда знал настроения своих войск и понимал, что заставить чехо-словаков драться с большевиками можно только под предлогом расхищения себе пути для ухода из России.

Направление прибывающих чехо-словацких подкреплений на Екатеринбург, то есть на правый фланг Восточного фронта, а не на левый его фланг, в основе противоречило стратегическим интересам борьбы с большевиками.

¹ Директория, Колчак, интервенты, с. 60.

¹¹ См. главу XVI, с. 101.

Стремлению Гайды на Пермское направление содействовала также сложившаяся внутренняя политическая обстановка. Не доверяя Самарскому правительству, сибиряки имели мало желания посылать свои войска для непосредственного подкрепления Народной Армии, дравшейся на Волге. Они предпочитали иметь для действий Сибирских войск свое собственное операционное направление. Направление на Пермь, являвшееся прямым продолжением железной дороги Омск—Тюмень—Екатеринбург, наиболее отвечало этому желанию. И Пермское направление становилось «Сибирским» в отличие от Самарского направления «Комуча».

Ген. В. Г. Болдырев, не имевший морального авторитета для воздействия ни на чехо-словаков, ни на Сибирское правительство, решил «плыть по течению» и санкционировал вредное для борьбы с большевиками сосредоточение сил на Северном фланге Восточного фронта.

В результате действовавшие на этом фронте русские и чехо-словацкие войска образовали три армейских группы:

1) Северную армейскую группу — на Пермском направлении, в районе Екатеринбурга, где собирались, под командой Гайды, большая часть чехо-словацков, направленных для действий на «Восточном» фронте, и вся Сибирская армия.

2) Центральную армейскую группу — на Самарском операционном направлении, где продолжала действовать Народная армия с частями 1-й чехо-словацкой дивизии полк. Швеца. Из всего «Волжского фронта» к середине сентября в руках Народной армии оставалась лишь Самарская лука с Сызранской железнодорожной переправой через Волгу.

Общее руководство армейскими группами, действовавшими на Пермском и Самарском направлениях, было оставлено в руках командира Чехо-словацкого корпуса Сырового¹, хотя в своих стратегических познаниях Сыровой мало превосходил Гайду. Подобная мера вынуждалась политическими условиями. Иначе могла прекратиться всякая помощь чехо-словаков на боевом фронте.

Насколько исключительно трудным было положение Директории в этом отношении, свидетельствует следующий факт: Сыровой, хотя и принял вышеуказанное назначение, тем не менее «отказался подчиняться распоряжениям, исходящим от Русской власти; он заявил, что будет ожидать приезда в Сибирь французского генерала Жанена, назначенного в Париже главнокомандующим чехами»¹¹.

¹ Сыровому было присвоено наименование «Главногокомандующего Западным фронтом», сокращенно: «Главкозап».

¹¹ *Ген.-лейт. Сахаров. Чешские легионы в Сибири.* Берлин, 1930, с. 54.

3) Южную армейскую группу Восточного фронта составляли Оренбургские и Уральские казаки, общее оперативное руководство которыми было объединено в руках Оренбургского войскового Атамана.

В первых числах октября Центральная группа очистила Ставрополь и Сызрань, а 7 октября была отдана большевикам и Самара. Поддерживавшие Народную Армию чехо-словацкие части проявляли явные признаки нежелания драться с большевиками.

«Предоставленная самой себе Народная армия, — записывает в своих воспоминаниях ген. В. Г. Болдырев¹, — постепенно теряла столь необходимый плацдарм на правом берегу Волги, теряя важнейшие переправы и постепенно отжималась красными к Уралу».

Отход от р. Волги привел к утрате единственной рокадной линии¹²⁵, которой служила эта река. Вследствие этого центральная группа, переименованная из «Поволжской» в «Самарскую», разделилась сама на две подгруппы, отступавшие вдоль двух железных дорог, ведущих от Волги к Уфе: одна — через г. Бугульму^{II}, другая — через г. Бугуруслан^{III}.

По Бугульминскому направлению отходили под командой Каппеля части Народной Армии, дравшиеся на Волге.

По Бугурусланскому направлению отходили чехо-словаки Швеца.

На Бугульминском направлении весь октябрь месяц прошел в арьергардных боях. Вся 5-я красная армия и части I-й красной армии напирала на войска Каппеля. Это не мешало последнему пользоваться каждой возможностью для нанесения коротких контрударов.

На Бугурусланском операционном направлении давление большевиков было слабее, чем на Бугульминском. Здесь наступала только часть I-й красной армии. Но «чехи перестали совсем сражаться. Они уходили при первом натиске большевиков...»^{IV}.

Ген. В. Г. Болдырев в своих записях^V, относящихся к первым числам октября, отмечает «пессимизм Сырового», имевший своим «источником неприятные осложнения, начавшиеся в чешских войсках в районе Самары». Несколько далее тот же ген. В. Г. Болдырев, оценивая общее

^I Директория, Колчак, интервенты, с. 60.

^{II} Бугульминская железная дорога — от станции Часовня, находящейся на правом берегу Волги против г. Симбирска, проходила через г. Бугульму на узловую станцию Чишмы (в 25 км к западу от г. Уфы), где она соединялась с Самаро-Златоустовской железной дорогой.

^{III} Самаро-Златоустовская железная дорога, проходящая через г. Уфу и составлявшая продолжение Восточного Сибирского пути по Европейской России. На этой железной дороге произошло, как известно, выступление эшелонов Чечека, которые и владели теперь этой дорогой.

^{IV} *Ген.-лейт. Сахаров*. Чешские легионы в Сибири. Берлин, 1930, с. 49.

^V Директория, Колчак, интервенты, с. 63.

положение на всем Восточном фронте, пишет¹: «Наиболее угрожающим было положение вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги^{II}; стоявшая здесь одна чешская дивизия покинула фронт...»

Насколько тягостна была создавшаяся моральная обстановка, свидетельствует следующий факт. Доблестный начальник 1-й чехо-словацкой дивизии чешский полк. Швец застрелился. Он не смог перенести начавшейся среди чехо-словаков деморализации. Подобно ген. А. М. Каледину, полковник Швец надеялся своим самоубийством заставить одуматься своих воинов и этим остановить начавшееся разложение.

Акт самопожертвования полковника Швеца временно оказал некоторое моральное воздействие. «...К этому времени чешский арьергард у Бугуруслана, — пишет ген. П. П. Петров^{III}, — чуть ли не впервые, получил удар от большевиков, которые устроили неожиданное нападение на них в вагонах, очевидно плохо охраняемых. Арьергард бросил вагоны и с потерями, частью по железной дороге, частью кружными путями, отошел почти к Белебею; стоило много труда заставить остановиться их на ст. Абдулино и не обнажать совершенно направления. Чехи к этому времени почти требовали немедленного отступления, и когда им приказали сосредоточиться у Белебея, то не желали свертывать с главной магистрали к г. Белебею. Даже такой отличный полк, как 1-й, и тот был в брожении и только после смерти полк. Швеца, произведшей большое впечатление, вопрос о сосредоточении как будто разрешился благоприятно. Уход в это время чехов поставил бы в скверное положение группу Каппеля, действовавшую севернее в районе Бугульма — р. Ик. Сменить же чехов было нечем, так как здесь из русских частей была только часть батальона Учредительного Собрания да Самарский конный дивизион под начальством члена Комитета Учредительного Собрания Фортунатова... Нужно было удержать на фронте чешские части хотя бы до первого декабря».

Благодаря энергии и влиянию на чехо-словаков генерала Войцеховского, назначенного командующим «Самарской» армейской группой, удалось уговорить чехо-словацкие части принять участие совместно с Каппелем в общем контрманевре на Бугульминском направлении. Главные силы чехо-словаков, отступавших на Бугурусланском направлении, были направлены к северу от Белебея. Этот контрманевр, имевший целью задержать наступавшие по Бугульминскому направлению на Уфу главные силы большевиков, произошел 10–13 ноября.

¹ Директория, Колчак, интервенты, с. 103.

^{II} То есть на Бугурусланском операционном направлении. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания. Рига: Изд. Дидковского, 1930, с. 54, 55.

«Красные втянулись в ловушку, — записывает в своих воспоминаниях ген. П. П. Петров¹, — ничего не зная об угрозе с юга со стороны Белебея, обойденные на обоих флангах, после упорных боев в центре, бежали, бросая пулеметы, и выбрались в сторону Бугульмы лишь благодаря условиям местности и тому, что район маневра для наших сил оказался слишком велик. Много позже мне пришлось читать разбор этого маневра в красном военном журнале; неудача объяснялась превосходством сил белых. На самом деле это было не так.

Чешские части в последний раз дрались отлично; ударному батальону в одной из деревень ночью пришлось пустить в ход ручные гранаты. Все распоряжения выполнялись точно и хорошо.

После большого успеха требовалось доконать противника — гнать его и не давать устроиться в Бугульме.

Но тут-то чехи и заявили, что они согласились на наступательную операцию, выполнили ее добросовестно, а в дальнейшие действия ввязываться не желают и просят сменить их.

В последние дни боев настали резкие холода и некоторые чешские части начали страдать от холода, так как были легко одеты.

Пришлось отказаться от использования в полной мере успеха боя. Чехи после этой операции всё равно не защитники фронта, и поэтому началась отправка эшелонов в тыл по очереди, установленной генералом Войцеховским».

Поражение, нанесенное большевикам в только что указанной операции, позволило Самарской группе остановить свой отход, используя для своей стабилизации на фронте Бугульма — станция Абдулино^{II} рубеж реки Ик. Этот рубеж отстоял от р. Волги примерно в 200 километрах.

Отход Народной Армии от р. Волги поставил в тяжелое стратегическое положение Оренбургских и Уральских казаков. Вынужденные защищать направления, ведущие к их столицам — Оренбургу и Уральску, они, отходя от Волги, отрывались от отступавших на Уфу чехо-словаков и Народной Армии. С потерей узловой станции Кинели, в 25 км к востоку от г. Самары, терялась и единственная железнодорожная связь с ними.

Предоставленные самим себе, Оренбургские и Уральские казаки вынуждены были защищаться на два фронта. С запада, от Саратова, наступала 4-я красная армия; с юго-востока, со стороны Актюбинска, давила красная Туркестанская армия. Против первой, у Бузулука, дрались Оренбургские казаки, а южнее их, прикрывая Уральск, — Уральские казаки. Против второй действовали Оренбуржцы. Их осада Орска, в котором засе-

¹ От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, с. 58–59.

^{II} На Самаро-Златоустовской железной дороге.

ли выгнанные из Оренбургского края большевики, не удалась. 26 октября 1918 г. орские большевики прорвали блокаду и ускользнули в Актюбинск¹.

Пока в казачьей и Самарской группах происходил вышеописанный отход от Волги, на Пермском направлении началось наступление Гайды с подчиненными ему частями чехо-словаков и сибиряков.

Это наступление велось от Екатеринбурга вдоль трех железных дорог, ведущих из него: одна — на Гороблагодатскую, другая — на Казино и третья — на Кунгур. Разбросавши свои силы на столь широком фронте, Гайда хотя неуклонно и отжимал действовавшую против него 3-ю красную армию, но продвигался медленно. Французский военный представитель подполковник Пишон так отзывается об этом наступлении Гайды²: «Мечется во все стороны и дерется растопыренными пальцами вместо кулака; хороший батальонный командир».

«Путь из фельдшеро в командующие армии был им пройден всего лишь в три года, — замечает историк русской гражданской войны профессор полковник А. А. Зайцов³, — и это не могло не отзываться на его оперативной деятельности. Стратегически его успехи были близки к нулю, лишь отвлекая Восточный фронт на мертвое Архангельское направление и выкачивая последние Сибирские резервы на этот второстепенный фронт».

Даже если рассматривать наступление Гайды в ограниченных рамках операции на Пермском направлении, нельзя не заметить одной крупнейшей стратегической ошибки. Гайда не учел того громадного политического и стратегического значения, которое имело восстание ижевских и воткинских рабочих и соседних с ними вятских крестьян. В лице этих повстанцев Восточный противобольшевицкий фронт мог бы обрести те народные массы, которые так нерешительно шли на присоединение к находящимся уже в контрреволюционном лагере элементам русской интеллигенции. Настоятельно требовалось возможно скорее и сильнее поддержать ижевских и воткинских рабочих, которые, в силу своей большей организованности, являлись остовом повстанческого клина в юго-восточной части Вятской губернии. Нужно прибавить еще к только что сказанному, что захват большевиками Ижевска передавал в их руки третий и последний по счету русский оружейный завод.

Предпринятое Гайдой наступление из Екатеринбурга на Пермь удаляло его от Сарапульского направления, по которому могла быть оказана помощь Ижевцам и Воткинцам. Не поддержанные Гайдой,

¹ Подшивалов. Гражданская борьба на Урале 1917–1918 гг. Опыт военно-исторического исследования. Г. В. Изд., 1925, с. 146.

² Ген. В. Г. Болдырев. Директория, Колчак, интервенты, с. 106.

³ Зайцов А. А. 1918 год. Очерки по истории гражданской войны, глава VII.

предоставленные своим собственным силам, Ижевцы и Воткинцы были раздавлены большевиками, для действий против которых большевики направили всю свою 2-ю армию. Последняя 7 ноября¹ овладела Ижевском. Через несколько дней пал Воткинск, чем ликвидировалось это продержавшееся два с половиной месяца, единственное по своей силе противобольшевицкое рабочее восстание.

Значение, которое придавалось большевиками ликвидации этого **рабочего** восстания, видно из того, что перед штурмом Ижевска «было приказано держать прямой провод с Московским Кремлем для немедленной передачи сообщения о падении Ижевска в день, когда праздновалась годовщина Октябрьской революции»^{II}.

Как только Ижевск был взят, Революционный Военный Совет 2-й красной армии рапортовал об этом Ленину^{III}: «Доблестные войска 2-й армии шлют горячее поздравление с великим праздником и подносят город Ижевск».

Несмотря на свое поражение, ижевские рабочие не пожелали признать большевиков. Взяв на подводы свои семьи, они отступили на линию Восточного противобольшевицкого фронта. «Из Ижевска отступило около 16 000, из них 10 000 боеспособных мужчин. Часть их (2500), главным образом ушедшие с семьями, разошлись по Сибири. 7500 образовали Ижевскую бригаду». Во главе этой бригады стоял доблестный генерал Молчанов, из записок которого и взяты мною только что цитированные строки.

Аналогично поступили и Воткинцы. К сожалению, число бросивших Воткинск рабочих мне неизвестно.

Уйдя со своих заводов, ижевские и воткинские рабочие унесли в своих сердцах непримиримую ненависть к большевикам, и вскоре их бригады, переименованные в дивизии, стали столь же устойчивыми воинскими частями, как и офицерские добровольческие части Каппеля. Однако установившаяся в их среде воинская дисциплина сохранила своеобразные отличия.

«Солдаты Ижевцы, — пишет любимый ими начальник ген. Молчанов, сам старый кадровый офицер, — не признавали “чужих” начальников. “У нас есть свой генерал”. Попадавшие в дивизию кадровые и военного времени офицеры должны были мириться, что их называли часто на “ты”, и вне боя нередко оспаривали приказания. В бою всегда полное повиновение. При пленении солдаты никогда не выдавали офицеров, помогали им скрыть свой чин и содействовали побегу».

^I 1918 г. — *Ред.*

^{II} Гражданская война 1918–1921 гг. Т. I, ст. Шорина «Борьба за Урал», с. 149.

^{III} Там же.

Столь же своеобразно выливалась их ненависть к большевикам во время их атаки. Они не признавали штыка, и, когда наступала минута рукопашной схватки, они закидывали свою винтовку на ремень за спину и вынимали свои длинные рабочие ножи. По свидетельству многочисленных очевидцев этих решающих моментов атаки, красные не выдерживали одного вида этой манипуляции и бросались в бегство, дабы избежать рукопашной схватки со столь решительным врагом. Интересно здесь отметить, что Ижевская и Воткинская дивизии остались непобедимыми на протяжении всей гражданской войны.

В середине ноября Восточный фронт окончательно приостановился на предгорьях Уральского хребта. Линия фронта протягивалась от Верхотурья на Кунгур, Бугульму, станцию Абдулино (Самаро-Златоустовская железная дорога), станцию Сорочинскую (Оренбургская железная дорога) и Новоузенск. Из «Поволжского» фронт превратился в «Приуральский».

Правый фланг и центр этого фронта, от Верхотурья до станции Сорочинской, составляла группа Гайды, группа Ижевских и Воткинских рабочих, группа Войцеховского и часть Оренбургских казаков. Здесь, на фронте в 750 километров, находилось всего 48 тысяч бойцов. Против них большевики развернули силы в 64 тысячи бойцов.

Левый фланг Восточного фронта находился у Новоузенска. Лицом на запад, преграждая операционный путь от Саратова на Уральск, дрались Уральские казаки. К югу же от Оренбурга, лицом на юг, преграждая наступление туркестанских большевиков (см. главу XVI), дрались Оренбургские казаки¹. Общая численность казаков, дравшихся на левом фланге Восточного фронта, не превосходила 15 тысяч. Против них большевики имели 30 тысяч, то есть двойное превосходство. Отсюда видно, что большевики правильно оценивали стратегическое значение левого фланга Восточного фронта и стремились иметь здесь значительное превосходство в силах, дабы не дать ему выйти к Нижней Волге.

Руководясь этой же стратегической мыслью — сохранить во что бы то ни стало в своих руках Нижнюю Волгу, большевики начали переброску части своих сил, действовавших на Уфимском направлении, против Донских казаков, наступавших с запада на Саратов и Царицын. Несомненно, что ослабление центра большевиков, наступавших против

¹ Далеко в стороне от разыгрывавшихся событий на Восточном фронте, в Семиречье образовался противобольшевицкий фронт на путях от Верхнего Иртыша к городу Верному. Прикрывая южные станицы Сибирского казачьего войска и ведя борьбу за поселения Семиреченских казаков, фронт этот был казачьим и представлял собою чисто местное контрреволюционное явление. Непосредственного влияния на развитие хода событий на Восточном фронте он оказать не мог.

Восточного фронта, облегчило остановку Самарской группы противобольшевицких сил на рубеже р. Ик.

Использовать активно это ослабление большевицких сил главнокомандование Восточного противобольшевицкого фронта не могло. Русские войска должны были считаться с необходимостью немедленной же смены чехо-словацких войск, еще остававшихся на боевом фронте, но не желавших драться.

Уход чехо-словацких войск с боевого фронта

Уже 15 октября в дневнике Главнокомандующего генерала В. Г. Болдырева можно прочесть следующую запись¹: «Направление на Уфу почти открыто. Первая чешская дивизия оставила фронт и преспокойно застопорила своими эшелонами железную дорогу».

2, 4 и 7 ноября он же записывает²: «У чехов неладно. С фронта они отведены в тыл для приведения в порядок. Фронт держится исключительно русскими войсками».

«С чехами, по мнению Нокса³, плохо. Они считают, что воевать за Россию довольно, пора ехать в свободную Чехию. Возникает вопрос об удержании их хотя бы в ближайшем тылу».

«Вчера говорил с Сыровым. Он беспокоится за фронт. Чехи, видимо, серьезно решили не воевать. Особенно разложилась их 1-я дивизия на Уфимском фронте. Сыровой не отрицает возможности катастрофы».

«Едва ли кто станет теперь серьезно спорить, — пишет историк С. П. Мельгунов⁴, — что к моменту острых внутренних событий в Сибири чехо-словацкое войско, потеряв, может быть, лучшие боевые силы и пополненное новыми сибирскими «добровольцами»⁵, роковым образом само переживало жесточайший кризис. Историко-публицистическая полемика, возникшая в чешской печати в связи с появлением драмы Медека, посвященной гибели героя чешского Анабазиса — полк. Швеца — и связанная, очевидно, с этой полемикой статья Богумилла Прикрыла в журнале “Přítomnost”, появившаяся в 1929 г. с дополнениями в отдельном издании («Сибирская Драма»), — раскрывают довольно полно картину разложения чехо-словацких **легий**. 25 октября начальник первой чешской дивизии полк. Швец, сообщив командиру фронта ген. Войцеховскому, что он не может выполнить боевого

¹ Директория, Колчак, интервенты, с. 73.

² Там же, с. 90, 91 и 93.

³ Ген. Альфред Нокс, начальник Британской военной миссии. — *Прим. Н. Н. Г.*

⁴ Трагедия адмирала Колчака, ч. III, т. I, с. 82–85.

⁵ Из находившихся там военнопленных. — *Прим. Н. Н. Г.*

задания ввиду отказа солдат выступить на позиции, покончил с собой. Его предсмертная записка гласила: “Не могу пережить постигнутого наше войско позора, виновником которого являются безответственные фанатики-демагоги, убившие в самих себе и в нас самое ценное — честь”. Для Швеца это была моральная катастрофа, и он отдал свою жизнь как очистительную жертву. В книге Прикрыла — автор отстаивает “левую” точку зрения — приведены протоколы следственной комиссии, учрежденной министром Штефанеком для расследования причин, повлекших самоубийство полковника Швеца. Материал следственной комиссии действительно говорит о “катастрофе” — о заразе, которая шла от роты к роте, от полка к полку, о постоянно растущем недостатке воли к военным действиям. Падают военная дисциплина, самостоятельно¹ уходят с фронта целые части. Все стремятся на восток, подальше от фронта. Комиссия правильно устанавливает причины такого настроения в армии: неудачи на фронте, новые, неустойчивые элементы “добровольцев”, физическое и моральное утомление,² подчинения приказу, неисполнение обещаний союзниками, неимение общей, понятной всем идеи, за которую сражаются. На эту почву падала большевицкая организованная агитация, при общем настроении легко пожинавшая плоды. Чешские добровольцы и раньше были несколько затронуты пропагандой. Вначале она была незначительна³. К октябрю пропаганда значительно увеличилась. Например, в письме сибирского партийного работника в Москву от 29 октября, выдержка из которого приведена в “Хронике”, определенно говорится: “Имеются у нас и чехи (до 3500 человек), которые отказались идти на фронт и сидят в лагерях” (“Хр.” Прил. 122)⁴. Борьба против немцев соединила в одну революционно-национальную “когорту” добровольцев, среди которых

¹ В оригинале у Мельгунова: «самовольно». — *Пед.*

² Пропущено: «отсутствие механической дисциплины, т. е. безоговорочно-го». — *Пед.*

³ О чешском большевизме в период пребывания войск в Киеве у Масарика (I, с. 206). В Красную армию в Киеве перешло лишь 218 человек. При продвижении чехов к Сибири большевики усиленно агитировали в городах, лежащих на железных дорогах. В Пензе был создан штаб чешских коммунистов. По словам Штейдлера, и здесь из 40 000 к большевикам перешло только 300 человек («Вольн. Сиб.», V, с. 17). Автор, по-видимому, значительно преуменьшает успехи большевицкой пропаганды. По крайней мере, по большевицким данным на съезде чешских коммунистов присутствовало 79 делегатов от 5600 человек и, кроме того, 21 делегат от 1850 добровольцев Нац. Сов. («Прол. Революция», т. 76).

⁴ «В казармах чехов были обсуждения и даже голосования вопроса о рабочей власти» («Борьба за Урал», с. 218).

в 1917 году чуть ли не 60 % причисляли себя к социалистам¹. В этом как бы “инстинктивном” социализме, который, как мода, появляется в революционные эпохи, слишком много наносного и случайного. В период острой борьбы в первые месяцы выступления он был где-то на заднем плане. Над всем превалировал принцип национальной самозащиты. Конечно, на Русской территории непосредственная германская опасность выдвигалась несколько искусственно. Союзники не приходили. Возникал естественный вопрос: если французы не идут, почему чехи должны сражаться? Без участия союзников чехо-словацкое войско не хотело сражаться (*Пишон. Monde Slave, 1925, II, p. 249*^{II}). Не могла чехов удовлетворить та видимость участия союзников, которую пытались создать отправкой на фронт нескольких союзных солдат. “Чешские солдаты прекрасно сознавали, — говорит Прикрыл, — что фронт, чем дальше, тем больше из противогерманского становился противобольшевицким, то есть Русским фронтом. Чешские legionеры, сами будучи революционерами, приходили к убеждению, что это война не ихняя, война не против немцев, а против Русской революции”. Новое обоснование выступления чехо-словаков, данное сибирскими политиками — помощь противобольшевицкой России, не могло удовлетворить некоторую часть легиий, тем более что это обоснование так резко противоречило [прежним] официальным документам.

Теряя веру в союзников, чешский солдат начал чувствовать себя одиноким и покинутым^{III}. Майское выступление произошло вопреки Национального Совета — чешское войско через своих делегатов взяло судьбу эшелонов в свои руки. Это был в сущности “бунт” против официального правительства. Такой же бунт произошел в Аксакове 20 октября. На митинге, созванном делегатами полка, один из делегатов говорит: “Наступило то же, что было под Пензой, когда командование оказалось в тупике и когда только здоровый инстинкт сохранил наше войско. Солдаты должны, как и тогда, взять теперь власть в свои руки, так как теперешнее командование ведет лишь к гибели”. Отличие от майского положения заключается в том, что было уже иное настроение. Бунт происходил во имя мира с большевиками, против русской акции и за возвращение на Родину. Психологически это понятно (между прочим, таково было мнение Колчака). На митинге солдаты настаивали, чтобы им сообщали операционные планы, для выполнения которых

^I В 1914–1915 гг. большая часть чешского народа, по словам Масарика, еще была настроена монархически.

^{II} Пишон считает оставление Самары в значительной степени не решением военного командования, а нежеланием чехов сражаться без союзников.

^{III} Этим объяснял начало разложения легиий полк. Жак в докладе, прочитанном в Праге в 1924 году (отчет в «Рул», № 964).

требовалось их согласие. Начинается, другими словами, Российская “совдепщина”, опирающаяся на хорошо организованную подпольную агитацию. Знакомая картина!

С момента перемирия 11 ноября дилемма, о которой говорил Пршикрыл, должна была раскрыться во всей своей полноте. Война с Германией кончилась; оставался лишь противобольшевицкий фронт».

Поэтому, как только пришли в Сибирь телеграммы, извещавшие о прекращении 11 ноября 1918 г. войны между Антантой и Центральными Державами, уже никакие силы не могли заставить чехо-словаков оставаться на русском боевом фронте. Все чехо-словацкие части были уведены в тыл и поставлены на охрану Сибирской железнодорожной магистрали.

Уход чехо-словаков с боевого фронта имел очень крупное внутреннее политическое значение. Возможность вмешательства чехо-словацких руководителей во внутреннюю политику освобожденных из-под ига большевиков значительно уменьшалась. Правда, в их руках оставалась все-таки сила расположенных вдоль Сибирской магистрали и в главных городах Сибири чехо-словацких войск. Но они утрачивали свое моральное обаяние «освободителей», которое в первые месяцы их выступления обеспечивало их политическое влияние в гораздо большей мере, нежели их вооруженная сила.

Чтобы отдать себе отчет в том, как велико было это моральное обаяние, я приведу выдержку из воспоминаний Г. К. Гинса¹, в которой он описывает те чувства, которые вызвала в нем встреча с чехо-словацкими эшелонами ген. Гайды, возвращавшимися по Сибирской магистрали после освобождения Забайкалья на помощь Восточному фронту.

«На вагонах развевались бело-красные флаги молодой республики. Теплушки были украшены зелеными ветками, гербами и плакатами. Лица ехавших были мужественными и энергичными. Победители, только что пробившиеся на восток, мчались на запад. Не с одним только чувством благодарности глядел я на проезжавших — они внушали чувство искреннего восхищения. **Это были герои**».

Но по мере того, как истинные герои, подобные Швецу, Степанову, Чечеку, Войцеховскому, уходили на боевой фронт, удалившийся до Приуралья и даже до Волги, живший в тылу обыватель стал замечать и другие элементы среди чехо-словаков. И эти наблюдения оказывали тем более решительное воздействие, что у чехо-словаков имело место то же явление, что и во всех армиях: в тылу даже героического фронта

¹ Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 215.

господствуют нездоровые моральные настроения¹. И этот контраст особенно резок в социально-нездоровых условиях гражданской войны.

Сибирский обыватель, видевший только «тыл» чехо-словаков, с его вмешивающимися во внутреннюю жизнь Сибири чешскими политиками, начал испытывать разочарование. Со свойственной всему человечеству забывчивостью, он переставал помнить о тех истинных чешских героях, которые ушли на боевой фронт и в большинстве сложили там свои головы. Когда же стало ясным, что конец мировой войны означает конец участия чехо-словаков в борьбе на противобольшевицком фронте, это разочарование стало перерождаться в античешские настроения. Эта перемена в настроениях Сибири неминуемо потянула за собой и усиление враждебных чувств к эсерам. Защитники этих последних — чехо-словаки, считавшиеся в первые месяцы «своими», «братьями славянами», теперь получали облик «чужеземцев», вмешивающихся в русскую внутреннюю политику, преследуя при этом только свои собственные эгоистические цели.

При подобной психике противобольшевицки настроенных слоев Сибирского населения, Директория, в которую входило два эсера с третьим малоизвестным генералом в роли Верховного Главнокомандующего, считавшимся молвою ставленником эсеров, не только не могла приобрести какого-либо морального авторитета, но, наоборот, внушала к себе растущее чувство враждебности.

Борьба Директории с Сибирским правительством

Сейчас же после своего избрания Директории пришлось заняться ликвидацией конфликта между Сибирским правительством и Сибирской Областной Думой, закончившимся, как мы уже знаем, вмешательством чехо-словаков в пользу последней. «Но закреплять первые шаги Всероссийской власти штыками чехов, Директория не считала возможным, — пишет ген. В. Г. Болдырев^{II}. — У нее не было ни делового аппарата, ни вооруженной силы»^{III}. Поэтому в своем первом же решении Директории пришлось прибегнуть к компромиссу, который и был формулирован в следующем постановлении.

«1) Признавая непререкаемые права Сибирской Областной Думы, как временного органа, представляющего в пределах, установленных положением о временных органах управления Сибири, интересы сибирского населения, но имея в виду невозможность при создавшихся

^I *Général Serigny. Réflexions sur l'art de la Guerre.* Ed. Charles Lavauzelle et Cie.

^{II} Директория, Колчак, интервенты, с. 52.

^{III} Там же, с. 54.

условиях нормальной деятельности Областной Думы — отсрочить ее занятия впредь до создания таковых. 2) Отставку членов Временного Сибирского Правительства И. В. Шатилова и В. М. Крутовского считать **недействительной** и призвать всех наличных членов означенного правительства к спокойному выполнению своих обязанностей, ввиду крайней необходимости непрерывной работы в столь тягостное для России время. 3) Предоставить Уполномоченному Временного Всероссийского Правительства гражданину А. А. Аргунову чрезвычайные права в деле выяснения виновности тех или иных лиц в имевших место событиях и 4) призвать всё население Сибири к полному спокойствию и уверенности в том, что интересы права и законности Временным Правительством будут охранены в полной мере»¹.

Несомненно, что положение Директории было исключительно трудным.

«Спешность избрания власти, необдуманность основ и плана ее действий сказались сразу.

У Директории не было ни аппарата, ни финансов, ни официального органа. Распоряжения и декларации Правительства передавались телеграфно, подлинный текст их оставался неизвестен. Сибирское правительство продолжало существовать и править, а Всероссийское, созданное для той же территории, организовало свои министерства и имело уже несколько министров без аппаратов, причем некоторые: Старынкевич (юстиция), Сапожников (просвещение) были одновременно и министрами сибирскими. Казалось, просто было воспользоваться составом Административного Совета и потом, по мере выяснения непригодности отдельных лиц, заменять их новыми. Но против Административного Совета создалось такое предубеждение, что Авксентьев решительно не хотел его сотрудничества»¹¹.

«...Примирение Директории с Сибирским правительством было бы вполне возможно, если бы не улюлюканье справа и слева. На ухо Авксентьеву нашептывали Якушев и другие эсеры, за спиной Административного Совета стояли принципиальные противники Директории, жаждавшие диктатуры и поддерживавшие Административный Совет лишь для того, чтобы сбросить Директорию. Вместо того, чтобы направить энергию на борьбу с большевизмом, лучшие силы тратились на междоусобицу...»¹¹¹

Военные неудачи очень осложняли положение Директории. Боевой фронт откатывался от р. Волги. Оставление в Уфе центральной

¹ Директория, Колчак, интервенты, с. 52.

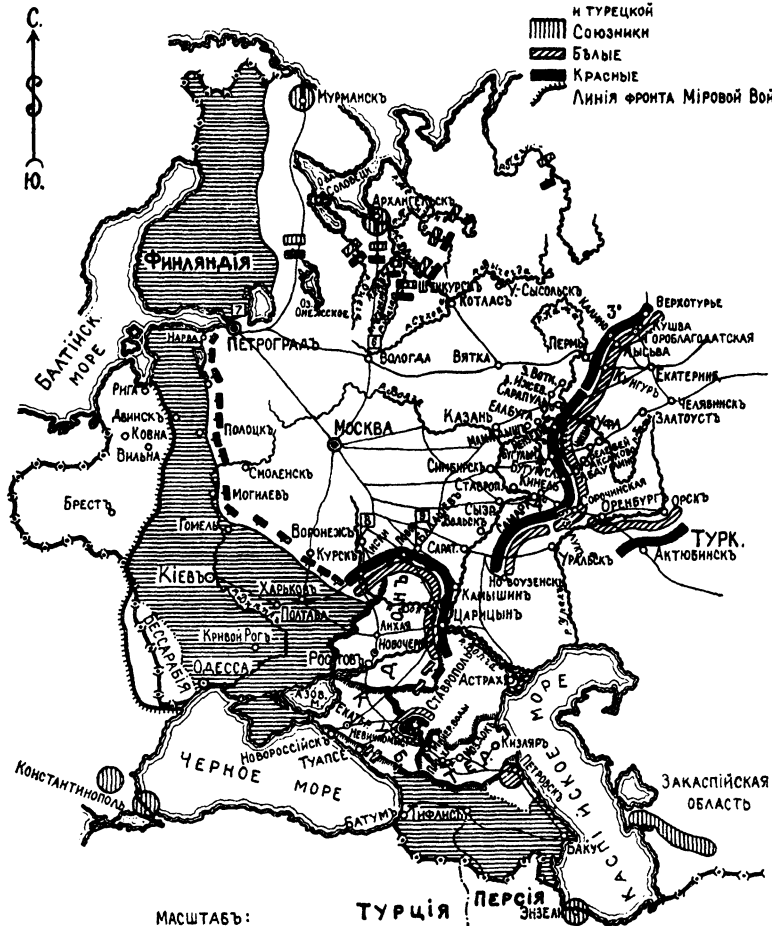
¹¹ Гинс. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 263.

¹¹¹ Там же, с. 265.

ПОЛОЖЕНІЕ 11го НОЯБРЯ 1918г.

УСЛОВНЫЯ ОБОЗНАЧЕНІЯ:

- РАЙОНЫ ОККУПАЦІИ АВСТРО-ГЕРМАНСКИХ И ТУРЕЦКОЙ
- СОЮЗНИКИ
- БѢЛЫЕ
- КРАСНЫЕ
- ЛИНІЯ ФРОНТА МІРОВОЙ ВОЙНЫ

МАСШТАБЪ:

ТУРЦІЯ ПЕРСІЯ

1000 km.

«Всероссийской Власти» при обнаруживающейся неустойчивости Народной Армии и нежелании чехо-словаков драться против большевиков было явно неразумным. Директории представлялся лишь один выход: переехать в Омск.

Для того чтобы дать представление о тех настроениях, с которыми Сибирская общественность встретила прибытие в ее столицу Директории, я приведу выдержки¹ из приветственных речей, сказанных депутациями от Омского отдела «Союза возрождения России», от Омской группы трудовой народно-социалистической партии, от социалистов-революционеров «воленародцев»^{II} и от союза кооператоров; это были представители той части «революционной демократии», которая решила после всего пережитого в 1917 и 1918 годах поставить интересы государства выше интересов своих партий. Это были представители той же среды, которая в Москве создала «Союз возрождения России», а на Уфимском Государственном Совещании внесла примиряющие ноты в непримиримые партийные споры. Для противодействия разлагающей деятельности эсеров черновского толка в Сибири они образовали «Омский блок». Естественно, что на представителей этой части общественности и могла больше всего рассчитывать прибывшая 9 октября в Омск Директория.

«Граждане России, призванные быть вождями Русского народа в неизъяснимо тяжкие дни русского национального бытия, — так начинается приветствие Омского отдела «Союза возрождения». — Мы приветствуем избрание Вами Сибирской столицы за место своего пребывания. Только в Сибирской окраине — нашей общей Родине — заложены прочные основания Государственного Строительства...» «Именно здесь... власть Сибирская, возвысившись над всякими партийными, групповыми и программными соображениями, умело, энергично и честно служила лишь интересам общенародным и общегосударственным...» Высказывая затем пожелания сохранить Административный Совет, а также принятую в Сибири «систему военного и гражданского управления в основных ее принципах», в заключение сибирские представители «Союза возрождения» совершенно определенно выявляли свое отношение к Сибирской Областной Думе: «Партийные страсти и односторонность, утопические планы глубоких социальных преобразований, калечащих и без того большую русскую действительность, — всё это свило себе и в нашем быту свое гнездо и не могло исчезнуть без следа в столь короткое время. Противодействуя оздоравливающим

¹ Эти выдержки цитированы в труде ген. В. Г. Болдырева «Директория, Колчак, интервенты», с. 67–69.

^{II} Разновидность правых эсеров.

началом, все эти отмирающие пережитки недавнего прошлого домогались места в самом центре здания Сибирской Государственности. Мы имеем в виду Областную Думу, заявившую вскоре после переворота неосновательную претензию на верховную власть в Сибири...» «В самой своей конструкции она не отвечает ни принципам народоправства, ни реальному соотношению общественных сил».

Приветствие народных социалистов начиналось с указания на то, что Всероссийское «Временное правительство, избранное на Государственном Совещании в Уфе», счастливее своего предшественника. «Вы счастливы, — говорится в этом адресе, — Вы имеете то, что не имело ни Царское Самодержавие, ни Временное правительство 1917 года. В лице приходящих сегодня к Вам делегаций вы видите жизненное яркое воплощение идеи объединения всех живых сил страны под знаменем великого дела возрождения Родины. Вы видите, что для государственно-мыслящих элементов нации возрождение России не пустой лозунг, а повелительный гражданский долг. Вы видите здесь, что и русский интеллигент, демократ и сознательный рабочий сумели перед лицом гибнущей Родины отрешиться от традиционного недоверия к сильной Государственной власти и наивно предательских иллюзий Циммервальда». Далее народные социалисты воздают должное Сибирскому Правительству: «Временное Сибирское Правительство завоевало себе высокий авторитет не только в своем населении, но и за рубежом у союзников, сплотило вокруг себя все государственно-мыслящие элементы, которые поддерживали его и поддерживают в самые трудные минуты — ради Родины и ее счастья». В заключение народные социалисты заверяли Директорию в своей стойкой поддержке.

Социалисты-революционеры омской группы «Воля Народа» были более кратки. Они выражали уверенность: в «воссоздании Русской Государственности, построенной на крепких устоях народовластия», но решительно отметали и старое Учредительное Собрание, и Сибирскую Областную Думу. Они говорили: «Никакие суррогаты представительных учреждений, каким бы именем они ни назывались и на чьи бы авторитеты они ни ссылались, не должны притязать ни на какую роль в Государственном управлении, а тем более на контроль над действиями Верховного Правительства».

Весьма импозантно выступили кооператоры. Они приветствовали Директорию «от имени Всероссийской кооперации, объединяющей более 10 миллионов населения Сибири от Урала до Владивостока».

«Мы, — заявляли кооператоры, — остаемся верными лозунгу, под которым поднимали в мае восстание против большевиков: “Через свободную Сибирь, через Сибирское Учредительное Собрание к восстановлению всей России и к созыву Всероссийского Учредительного

Собрания». «Вы на Сибирской территории — люди новые, не знакомые со многим, что таится в глубинах наших помыслов... Временное Сибирское Правительство, организовавшееся снизу, поняло вопль наболевшей души, и вот почему оно, мы смело утверждаем это, сумело в короткий срок завоевать симпатии широких масс». Далее высказывалась похвала Административному Совету и осуждение Областной Думы: «Создать такой деловой аппарат, каким является Административный Совет министров, дело не шуточное; для этого надо затратить много сил и энергии...» «В начатой Областной Думой борьбе против Временного Сибирского правительства вы не станете на сторону Думы...» «Мы верим, — заканчивали кооператоры свое обращение к Директории, — что вы будете не разрушать уже созданное, а улучшать и расширять его, и в этой вашей деятельности всероссийская кооперация поможет вам всей мощью своей организованности».

Но эти голоса сибирской общественности прозвучали втуне. Социалистические члены Директории, в особенности В. М. Зензинов, боялись порвать со своим партийным прошлым. Это привело к немедленным столкновениям между Директорией и Сибирским правительством.

Состоявшееся 12 октября, то есть на третий день прибытия Директории в Омск, совещание этих двух органов власти прошло чрезвычайно бурно. «На этом совещании членам Директории Авксентьеву и Зензинову пришлось выслушать немало неприятных слов со стороны Сибиряков, опасавшихся грозных последствий партийной гегемонии эсеров. Авксентьев, в свою очередь, делал какие-то глухие предостережения сибирякам, указывая на то, что за Директорией стоят силы, которые сумеют за нее постоять, это были, очевидно, намеки на чехо-словаков. После бурных прений, проходивших в недружелюбной атмосфере, совещание пришло всё же к определенным решениям. Эти решения состояли в том, что Сибирское правительство прекращает свое существование, избирается Совет министров Всероссийского правительства, но формирование Совета определяется совместно Всероссийским и Сибирским правительствами по обоюдному соглашению. Сибиряки этим как бы говорили Директории: «Да! Мы готовы, в силу решения Уфимского Совещания, упразднить Сибирское правительство, передать Вам весь налаженный с таким трудом правительственный аппарат этого Правительства, но мы должны быть уверены, что всё созданное нами не погибнет и аппарат получит надлежащее руководство. Гарантию этой уверенности мы можем иметь только тогда, когда мы примем участие в деле формирования вами нового Всероссийского Совета министров и когда без нашего одобрения не будет назначен, ни один министр. Если Вы готовы сделать нам эту небольшую уступку,

то мы готовы на весьма большое самопожертвование — упразднение Сибирского Правительства...»¹.

Дабы дать всестороннюю картину происходившего на совместном совещании Директории и Сибирского Административного Совета 12 октября, я приведу запись из воспоминаний ген. В. Г. Болдырева¹¹, симпатиями которого Сибирское правительство не пользовалось.

«В 2 часа были на частном совещании Административного Совета, — записывает ген. В. Г. Болдырев, — по вопросу о передаче Директории делового аппарата Сибирского правительства. Члены Совета оказались довольно несдержанными. Заявление Авксентьева вызвало крайне резкие нападки министров Петрова¹²⁶ (земледелия) и Михайлова. Я принужден был выступить и несколько охладить эти горячие головы заявлением, что меня удивляет тон нотаций и непрощенной критики по адресу Всероссийской власти. Настроение сразу понизилось, боевой задор исчез, были сделаны конкретные предложения, на которые мы должны были дать ответ к 8 часам вечера. Обедало всё правительство у меня в вагоне, В. М. Зензинов поразил меня заявлением, что по его мнению, кажется, всё наладится. Во время схватки в Административном Совете он переживал тягчайшие минуты и запиской поблагодарил меня за выступление, после которого у него “как гора с плеч свалилась”. Зензинов — честнейший человек; лично мне он был симпатичен и почему-то всегда представлялся пишущим передовицы для партийной газеты. Его особенно ненавидели и члены Сибирского правительства, и общественные круги Сибири. Платился за грехи партии. После обеда начался наш обмен мнениями по поводу Сибирских предложений. Авксентьев неимоверно волновался, говорил, что предложения эти — капитуляция для нас, что надо рвать. Ему резонно возразили: а потом что? Что выиграет от этого дело возрождения России? Спорили долго и горячо. В конце концов, согласились признать приемлемыми предложения Сибиряков...»

18 октября в Омск возвратился отсутствовавший до сих пор член Директории П. В. Вологодский, являвшийся, как известно, в то же время главою Сибирского правительства. Последнее, совместно со своим Административным Советом, окончательно оформило условия, при которых Сибирское правительство соглашалось на самоупразднение¹¹¹.

Эти условия должны были гарантировать сибирякам:

1. Одновременное упразднение вместе с Сибирским правительством и всех прочих областных правительств (то есть и Самарского Ко-

¹ Сибирский архив, т. I, с. 16–17.

¹¹ Директория, Колчак, интервенты, с. 69, 70.

¹¹¹ Текст этих условий приведен в Приложении № 55.

муча), а также существующих областных представительных учреждений (то есть Сибирской Областной Думы)^I.

2. Обеспечение Сибирской автономии в будущем посредством созыва Сибирского областного представительного органа^{II}.

3. Неизменность политического курса, принятого Сибирским правительством^{III}. С этой целью основой организуемого Директорией Всероссийского органа управления принимался правительственный аппарат Сибирского правительства, причем первый состав Всероссийских министров избирался Директорией по соглашению с Сибирским правительством. Председателем этого Всероссийского Совета министров назначался П. В. Вологодский.

Выполнение этих условий, при существовании на обеих сторонах враждебного недоверия друг к другу, вызывало много трений, которые каждодневно подливали масла в пламя этой вражды.

«Споры шли теперь не в области принципов, — пишет С. П. Мельгунов^{IV}, — а лишь в сфере практического разрешения принятого соглашения. Надо было распределить министерские портфели и решить вопрос об Облдуме^V, роспуск которой вполне логично являлся условием самороспуска правительства. Левая часть Директории была в этом отношении несколько затруднена, ибо, по словам Якушева (беседа с Вологодским по прямому проводу), дала гарантию возобновления деятельности Облдумы. Очевидно, по соглашению с Якушевым была выдвинута комбинация самороспуска Думы, для чего ее надо было собрать, а это вызывало решительный протест со стороны как Админсовета, так и значительной части сибирской общественности».

«Это искусственное воскрешение мертвецов, хотя бы даже и для самороспуска^{VI}, — записывает 23 октября ген. В. Болдырев^{VII}, — вносит только новые осложнения в затянувшиеся и без того переговоры».

26 октября он же пишет^{VIII}: «В 7 часов я был приглашен на заседание Административного Совета... Авксентьев состязался с сибирскими министрами по вопросу об открытии Областной Думы. Я оставался на своей старой позиции — роспуска ее одним актом, одновременно

^I См. пункт I в Приложении № 55.

^{II} См. пункты 7, 8 и 9 в Приложении № 55.

^{III} См. пункты 3 и 4 в Приложении № 55.

^{IV} Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 48.

^V Т. е. Сибирской Областной Думе. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{VI} Опущены слова: «Меня просто бесит». — Редакционное примечание № 81 В. Вегмана к книге ген. В. Г. Болдырева «Директория, Колчак, интервенты».

^{VII} Директория, Колчак, интервенты, с. 83.

^{VIII} Там же, с. 85.

с упразднением Сибирского Правительства, но предлагал сибирякам подумать, отвергая предложение Авксентьева, о созыве Думы для самороспуска, особенно ввиду выявившейся симпатии чехов к этому “политическому труп”, как называли Думу ее враги».

Официальный документ Сибирского правительства — шифрованная телеграмма представителю правительства на Дальнем Востоке Гревсу — так описывает это заседание: «Сибирское правительство, возражая на проект созыва Сибирской Думы на один день в целях самороспуска, указывало на невозможность созыва Думы, объявленной Сибирским правительством “низложенной”, находило созыв Думы “бесцельным, опасным, подрывающим авторитет правительства”». Всероссийское правительство, большинством 3 против 2 (Авксентьева и Зензинова), согласилось с Сибирским правительством. Авксентьев и Зензинов заявили о выходе из состава Директории. «Вмешался чехосовет в лице уполномоченного Рихтера, потребовав созыва Думы и грозя в противном случае уходом из Сибири чехо-войск. Тогда Сибпривительство уступило»¹.

Одновременно с разногласиями в вопросе о Сибирской Областной Думе, шли бурные споры о составе будущего Всероссийского Совета министров. Сибирская общественность, в лице «Омского блока», горячо реагировала на эти споры, поддерживая Сибирское правительство. «Блок находился, — пишет Г. К. Гинс^{II}, — в близких отношениях к казакам, и по старой памяти, со времен подпольной противобольшевицкой работы, многие деятели его пользовались большим влиянием в военных кругах».

«Блок представлял из себя поэтому большую силу. Единодушные действия и заявления блока, отражавшего взгляды и настроения очень разнообразных групп, не могли не импонировать, и Директория невольно прислушивалась к ним. Реальная сила блока была недостаточно ясна, но уверенность и, я сказал бы, резкость, с которою некоторые члены блока разговаривали с Директорией, заставляла думать, что блок чувствует за собой силу.

“Вагоны прицепляются к поездам, которые ходят и сюда и обратно”, — сказал, например, один из членов блока Авксентьеву, намекая на возможность “вывоза” Директории».

Со стороны Директории были предложены в министры: адмирал Колчак (военный и морской), Ключников¹²⁷ (по иностранным делам), Сапожников (народного просвещения), Старынкевич (юстиция), Устругов (пути сообщения), Роговский¹²⁸ (внутренние дела), Майский (ведомство труда).

¹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 49.

^{II} Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 275.

Сибирское правительство возражало против Роговского и И. Михайлова, выдвигая в то же время в министры Михайлова (Ивана) и Шутиловского.

Не лишено интереса отметить здесь, что кандидатура адмирала А. В. Колчака была выдвинута самой Директорией. На своем предсмертном допросе адмирал А. В. Колчак показал, что переговоры с ним вел ген. В. Г. Болдырев, вызвавший его по собственной инициативе, узнав о его приезде в Омск. Ген. В. Г. Болдырев убеждал адмирала А. В. Колчака не ехать далее на юг Европейской России, в Добровольческую Армию, а войти в состав правительства в Сибири. Адмирал А. В. Колчак сначала ответил отказом, ссылаясь на то, что он специалист по морскому ведомству, но затем, после повторных настояний ген. В. Г. Болдырева, он согласился остаться в Омске.

В своих воспоминаниях принимавший участие в этих совещаниях И. И. Серебренников подчеркивает, что кандидатура адмирала А. В. Колчака «не вызвала ниоткуда возражений». «Мне помнится, — добавляет он, — особенно настойчиво выдвигал его кандидатуру Авксентьев»¹.

Страстные споры возникли, главным образом, около имен И. А. Михайлова и Роговского. Наиболее острыми были заседания 27–29 октября. Сибирское правительство настаивало на министерской кандидатуре И. А. Михайлова и отвергало кандидатуру Роговского, как «партийного с-р.», на пост министра внутренних дел, ведающего милицией, не возражая против него на другом посту. Левая часть Директории решительно отвергала какую-либо кандидатуру в министры И. А. Михайлова. П. В. Вологодский же заявил, что вопрос о кандидатуре И. А. Михайлова под давлением местной общественности считается безусловным. Н. Д. Авксентьев заявил о выходе из Правительства; после горячей речи его поддерживал в этом решении В. М. Зензинов. О невозможности оставаться в Правительстве высказался и В. А. Виноградов. Смущенный П. В. Вологодский заявил, что ему остается, видимо, одно — отказаться от миссии составления Совета Министров. Н. Д. Авксентьев со свойственной ему экспансивностью решил идти в солдаты, в армию, которая не занимается политикой¹¹.

Ген. В. Г. Болдырев, описывающий в своем дневнике эти заседания, указывает и на давление, которое оказывалось на Директорию извне: В. А. Виноградова всё время вызывали уполномоченный чешских войск Рихтер и представители «Омского блока».

¹ *Серебренников И. И.* К истории Сибирского Правительства // Сибирский архив, т. I. Прага, 1929, с. 19.

¹¹ Ген. В. Г. Болдырев. Директория, Колчак, интервенты, с. 86.

О вмешательстве чехо-словаков говорит также и официальный документ — шифрованная информация Гревсу¹. «Соглашение, несомненно, было бы достигнуто, — говорится в ней, — если бы во время заседания Административного Совета не явился один член Чехосовета Кошек, требуя именем Чехосовета исключения из списка минфинансов Михайлова, грозя уходом из Сибири чехо-войск». «При таких условиях, — продолжает сообщение, — всякое правительство становится игрушкой в руках чехов, а через них эсеров, с которыми Чехосовет тесно связан, давая им обещания, окрыляющие их».

«Можно почти не сомневаться, — пишет историк С. П. Мельгунов^{II}, — что вмешательство чешских представителей, появление Рихтера и Кошека у Вологодского и членов Директории, было в значительной степени инспирировано. Ясно, что действовавшая за кулисами рука тянулась так или иначе к Екатеринбург», куда перебрался после потери Самары Комуч. «Можно усомниться только в некоторой агрессивности чехов (или, точнее, в инициативе с их стороны), которая как будто бы выступает в изложении некоторых мемуаристов... К чести Авксентьева и Зензинова надо сказать, что они не солидаризировались с мнениями интернационалистов “черновцев” в Екатеринбурге — их психология достаточно национальная, была действительно иной»^{III}. И. Майский, пытавшийся, по его словам^{IV}, со своей стороны убедить Н. Д. Авксентьева в необходимости использовать чехо-словаков, получил такой ответ: «Во всяком случае я не возьму на свою совесть разнуздывание гражданской войны внутри противобольшевицкого лагеря».

В конце концов Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов уступили требованиям Сибирского правительства и поддерживавших его общественных кругов. Кандидатура Ивана Михайлова на пост министра финансов была принята, а кандидатуры Роговского на пост министра внутренних дел и Майского на пост министра труда были отвергнуты. Министром внутренних дел проводился Томский губернский комиссар^V Гаттенбергер. В виде компенсации партии социалистов-революционеров, товарищем министра к Гаттенбергеру назначался Роговский. Министром труда должен был оставаться находившийся на этом посту в Сибирском правительстве Шумиловский.

Как только вышеуказанное соглашение состоялось, Сибирское правительство, во исполнение данного им Директории обещания, объ-

^I Цитировано у С. П. Мельгунова: «Трагедия адмирала Колчака». ч. II, с. 53.

^{II} Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 53.

^{III} Там же, с. 55–56.

^{IV} *Майский И.* Демократическая контрреволюция, с. 312.

^V Губернатор.

явилось грамотой своей от 3 ноября о самоуправлении. Окончательный состав министров Всероссийского правительства, заменившего собою в Омске прекращавшее свое существование Сибирское правительство, получил официальное утверждение Директории 5 ноября. Министром-председателем в этом новом Правительстве назначался член Директории — П. В. Вологодский, являвшийся, как известно, главой упраздняющегося Сибирского правительства. Кроме него в состав нового правительства входило четырнадцать министров¹, из которых восемь переходили из Сибирского правительства.

6 ноября состоялся торжественный банкет, на котором праздновалось окончание конфликта между Директорией и Сибирским правительством. На этом банкете, как пишет в своих воспоминаниях Г. К. Гинс², «присутствовали многочисленные представители союзных держав, уже успевшие к тому времени съехаться в Омск, было много военных, много приглашенных дам и корреспондентов».

«На правой стороне стола, почти в углу его, сидел одиноко адмирал Колчак. Его соседи не пришли, назначенные им места пустовали. Казалось, адмирала выделили из всех прочих и в то же время покинули.

Его пронизательные черные глаза иногда озарялись ласковым и горячим блеском. Они становились тогда лучистыми и обаятельными. Адмиралом интересовались, за ним следили, он был слишком яркой фигурой на сибирском горизонте, его имя стояло рядом с именами Алексеева, Корнилова, Деникина.

Но часто адмирал опускал глаза, его длинные веки скрывали их, лицо становилось непроницаемым и угрюмо-мрачным.

И вот раздается тост: «Предлагаю выпить за наше блестящее прошлое и, надеюсь, блестящее будущее — адмирала Колчака».

Это сказал Авксентьев.

Простая случайность. Каждый русский человек сказал бы то же. Но тост оказался вещим, и кто знает — не шевельнулось ли в душе некоторых лиц заранее обдуманное намерение, и не созрело ли тогда же в этом намерении твердое зерно скорого решения?»

Упразднение областных правительств

Грамотой от 6 ноября 1918 года Директория ликвидировала все областные правительства. «Подтверждая ныне непреклонную волю признать и предоставить отдельным частям Государства Российского права

¹ Список министров учрежденного Директорией Всероссийского правительства приведен в Приложении № 56.

² Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 283.

широкой автономии, провозглашенные в грамоте, данное в городе Уфе 11 /24 сентября 1918 года и в полном сознании великой ответственности перед народами России, Временное Всероссийское правительство в исторический момент создания единого и крепкого Государства признало необходимым установить: с образованием органов центрального управления Всероссийской власти на ближайший период времени все без исключения областные правительства и областные представительные учреждения должны прекратить свое существование...»¹ Грамота сопровождалась специальными указами^{II} Уральскому областному правительству, Самарскому правительству (официально оно именовалось «Советом управляющих Ведомствами») и Правительству Алаш-Орды об их упразднении.

Правительство Алаш-Орды было фикцией.

Такой же фикцией стало в рассматриваемое здесь время и Самарское правительство. После отступления Народной Армии от Волги территория, подведомственная этому правительству, ограничивалась лишь г. Уфой и окружающим этот город районом.

Власть упраздняемого Уральского Областного правительства распространялась над Уральской горнозаводской областью: как я говорил выше, «Уральское областничество» не имело под собой экономического и исторического основания.

Самоупразднившееся 3 ноября по настоянию Директории Сибирское правительство находилось в ином положении. Вот как оценивает Сибирское областничество такой внимательный наблюдатель, как неоднократно мною цитированный профессор-государствовед Г. К. Гинс^{III}: «Очевидно, что-то серьезное было в самом этом движении областников, если оно умело вызвать энтузиазм, создать армию и административный аппарат, найти идеологов и исполнителей».

«Я думаю, что было бы несомненным преувеличением приписывать успехи Сибирского правительства исключительно областническим его тенденциям. Не он, а ненависть к большевизму вызвали переворот, не он, а жажда порядка заставили население подчиниться призыву. Не областнические круги, а беженцы дали силы для административного аппарата.

Но областничество было всё же здоровым явлением. Даже в нормальных условиях централизованное управление Россией приводило к общественному маразму, к гибели самодеятельности, к развитию

^I *Максаков В., Турунов А.* Хроника гражданской войны в Сибири 1917–1918 гг. Приложение № 124.

^{II} Там же, приложения 126–128.

^{III} Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 268–269.

центростремительных тенденций интеллигенции, покидавшей “дикие”, заброшенные окраины. Ныне, после тех тяжелых потрясений, которые пережила Россия, ее возрождение может произойти только при условии самого широкого развития местной самодеятельности. А для этого необходимо областничество, сущность которого составляет “местный” патриотизм.

Областниками были, однако, не только люди, выносившие в себе любовь к “месту”. Не одни сибиряки были областниками в период создания сибирской власти. Господа Дерберы, Линдберги, Гольдберги — эти «навозные» люди Сибири (“навозным” людом называют в Сибири всех приехавших в нее со стороны) — тоже стали под областническое знамя. Но в этом не было ничего искреннего. Здесь заключалась только тактика: эсеры укрепились в Сибири, чтобы идти на большевицкую Русь. Они избрали те лозунги, то знамя, которое могло быть популярнее. Отказаться от этого знамени для них ничего не стоило. Противились этому лишь те, кто на областничестве устроил свою судьбу, создал свое благополучие, но таких было немного.

Я тоже был областником и тоже по расчету. Я нисколько не скрывал этого. Будучи “навозным” человеком в Сибири, связанным с нею только по предыдущей службе в переселенческом ведомстве и по литературным работам над вопросами колонизации, я не мог быть “сибирским” патриотом. Я был и оставался патриотом “российским”. Но, задумываясь над страшным вопросом будущего, вопросом о путях восстановления могущественной России, я еще в Петрограде пришел к убеждению, что это восстановление надо производить по частям, начиная с окраин. Я стал “областником” тактическим, и когда встал вопрос об упразднении Сибирского Правительства и о централизации власти в руках Директории, я не мог расстаться со своими представлениями и примкнул к тем, кто старался гарантировать сибирскую автономию для будущего».

Таким образом, Сибирское областничество было явлением несравненно более серьезным, нежели областничество Уральское.

Следовательно, острое упразднения областных правительств, по существу дела, было направлено против наиболее мощного и наиболее жизнеспособного из них — против правительства Сибирского.

В этом акте Директории мы встречаемся с явлением того же порядка, что скрытая борьба вождей Добровольческой Армии с Донским Атаманом А. М. Калединым, результатом которой явилось учреждение, по предложению ген. А. И. Деникина, «Триумvirата», а затем самоубийство ген. Каледина. Учреждение триумvirата, как я говорил в своем месте, нельзя объяснить одним только честолюбием действовавших против ген. А. М. Каледина лиц. Так же точно нельзя этим же объяснить и стремление Директории упразднить Сибирское правительство.

В Сибири, как и на Дону, мы имеем дело с одной и той же причиной объективного характера.

Ни Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, В. Г. Болдырев, генералы Императорской Армии, с одной стороны, ни Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов и другие революционные борцы против Царской власти, с другой, несмотря на всё радикальное развитие исповедуемых ими на словах взглядов, на деле не могли представить себе Россию иначе, чем Великой Унитарной Державой, властно распоряжающейся на одной шестой части земной суши.

Представители первой категории откровенно отрицали федерацию, выставляя лозунгом своих действий «единую, неделимую Россию». Поэтому-то ген. А. М. Каледин, вставший во главе Области, внушал им чувство недоверия, и это-то недоверие и являлось главной причиной, почему они, яро защищавшие всегда идею единоличной диктатуры, вместо того чтобы использовать благоприятную минуту, дабы укрепить власть ген. А. М. Каледина, принялись расшатывать ее, учредив своеобразную генеральскую директорию, закамуфлированную названием Триумvirата.

Социалисты-революционеры Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов были за широкую автономию различных областей России. Но как только им пришлось столкнуться на деле с организованным областничеством, они, как и Л. Г. Корнилов и А. И. Деникин, заносят на него руку. Правда, они обещают очень много в будущем... но невольно возникает вопрос: зачем уничтожать то, что успело уже вырасти? По словам И. Майского, сам В. М. Зензинов объяснял нерасположение сибиряков к Директории тем, что «Директория является носителем идей всероссийской власти, а сибиряки почти все сплошь областники»¹. Не свидетельствуют ли эти слова о предвзятости и недоброжелательном отношении к Сибирскому областничеству, которое не могло быть заподозрено даже в небольшой степени сепаратизма?

Если внимательно проанализировать проявление партийной нетерпимости эсеров, то нельзя не заметить, что эта нетерпимость также носит на себе следы великодержавного централизма: партия не может примириться с «областным» уклоном внутри себя. Даже при одном только поверхностном просмотре писаний «правовверных» социалистов-революционеров нельзя не заметить, с какой злобой и с каким возмущением они относятся к тем из своих сочленов, которые, как, например П. В. Вологодский и многие из сибирских областников и кооператоров, откликнулись на запросы народных масс родных им областей. Всем им не только объявлена анафема, но даже сама их

¹ [Майский И.] Демократическая контрреволюция, с. 304.

принадлежность к партии социалистов-революционеров старательно затушевывается.

Признание наличия этого неосознанного великодержавного централизма даже в психике русских левых революционеров позволяет найти более полное объяснение нетерпимому отношению эсеров Комуча к идее образования всероссийской власти путем соглашения освободившихся от большевизма областей, то есть путем добровольной федерации этих областей. «Всероссийские» претензии Комуча происходили также из стремления к «единой, неделимой России», но только своеобразной, эсеровской.

В инстинктивном стремлении русской интеллигенции всех политических толков к великодержавию, выраженном в самой крайней его форме, выявился ее «максимализм», происходивший, как я говорил выше, от оторванности ее от русских народных масс. Подтверждение этой точки зрения можно найти в следующем факте. Каждый раз, когда представители российской революционной демократии волею судеб вступали в более тесный контакт с родными им народными массами, они утрачивали свой максимализм. Показательный пример в этом отношении представляют собою такие видные представители российской революционной демократии 1917 года, как Гегечкори¹²⁹ и Церетели.

Оказавшись в 1918 году у себя в Грузии, где они быстро ощутили на себе влияние родственных им народных масс, они столь же быстро стали становиться умереннее в своих политических и социальных требованиях. Это изменение сопровождалось и их превращением из всероссийских политических деятелей в грузинских, то есть в «областников».

Умеряющее воздействие «областничества» на представителей революционной демократии можно неуклонно проследить во всех частях России. Несомненно, что причиной этих явлений была возможность более тесного контакта с народными массами. Психологически оторванная от этих масс русская интеллигенция научалась находить с ними общий язык на почве повседневных местных интересов.

Империалистические склонности, присущие русской интеллигенции, имеют еще другое социально-психологическое объяснение.

Родившаяся в эпоху Петра, русская интеллигенция не могла не впитать в себя идеи Великой Российской Империи и не срастись тесно с нею. Правая часть русской интеллигенции, поддерживавшая Царскую власть, не замечала, что быстрый рост Империи и ее внешние успехи были непрочны вследствие того, что развитие народных масс совершенно не отвечало скорости темпа роста внешнего величия России. Левая часть интеллигенции видела эту крайнюю отсталость народных масс, печаловалась о ней и упорно подготовляла революцию. В свою

очередь, она не замечала того, что бывшая «Великая Россия», которую она по существу столь же любила, как и ее правые противники, была плодом творчества Царской власти.

Я не хочу этим сказать, что русские народные массы не участвовали в этом творчестве, а лишь то, что они участвовали в нем пассивно и бессознательно постольку, поскольку того требовала от них Царская власть. Вследствие этого все скрепы государственного здания бывшей Великой России находились наверху, и с падением Царской власти развал России был неминуем. Воссоздание ее на новых началах, то есть при активном сотрудничестве народных масс, было возможно только медленным путем воспитания этих масс. Левая русская интеллигенция всех оттенков не замечала этого исторического значения Российских Царей. Она предполагала, что революция может ограничиться одной только заменой свергнутой Царской власти другой Верховной властью. Она не уясняла себе, что Старая Россия представляла собою арку, замковым камнем которой была Царская власть. С падением последней выпадал замковый камень, и вся арка разваливалась.

Для воссоздания Великой России требовалась не смена крыши, а постройка здания заново, начиная с нижних его этажей. Развал Российской Империи, вызванный непосильной внешней войной и вспыхнувшей во время этой войны революцией, достиг такой ужасающей степени, что даже возможность немедленного осуществления федерации освободившихся от большевизма областей являлась весьма сомнительной, и вопрос должен был ставиться в плоскости создания из этих областей противобольшевицкой конфедерации.

Насколько большинство членов Директории не уясняло себе создавшуюся обстановку, свидетельствуется теми претензиями на внешний почет, которые они проявляли.

Воспоминания ген. В. Г. Болдырева дают в этом отношении обильный материал. Сколько «величественности» видит ген. В. Г. Болдырев в своем положении, совершенно забывая, что «всероссийскость» Уфимской директории была более чем условна.

Еще более показательно поведение Директоров социалистов-революционеров. «Авксентьев сейчас же окружил себя адъютантами, восстановил титулы, которых не знало Сибирское правительство, создал буффондную помпу...¹ В. М. Зензинов же пишет в своем дневнике, что каждый член Директории, по его мнению, был в сущности «Ваше однопятое Величество». Несмотря на весь свой республиканизм, он не довольствовался тем, чтобы каждый член Директории был бы «однопятым президентом».

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 269.

Все это, конечно, были мелочи, но всероссийские претензии Директории нашли свое отражение в существе ее политики. Старый сибирский кооператор Сазонов так резюмировал эту политику¹: «Но вот к нам пришла Директория, а вместе с ней и масса беженцев из Европейской России; она к нам принесла мысль о том, что надо строить всё в широком всероссийском масштабе. Этим убили энергию, убили подъем духа в сибирском населении и в сибирской армии».

Ценою упразднения Сибирского правительства Директория надеялась не только получить в свои руки реальную власть над Сибирью; она думала той же ценою купить отказ эсеров от продолжения существования Самарского правительства. Но это ей не удалось. Четыре эсера: В. Н. Филипповский¹³⁰, М. А. Веденяпин, П. Д. Климушкин и И. Н. Нестеров продолжали распоряжаться в г. Уфе, сохранив за собой наименование «Совета управляющих Ведомствами». Не прекратил свое существование и Комуч. Он лишь замаскировал свою политическую деятельность под видом «Съезда Учредительного Собрания», долженствовавшего заниматься лишь подготовкой сбора членов старого Учредительного Собрания. Между «Советом управляющих Ведомствами» и бюро «Съезда Учредительного Собрания» установились самые оживленные сношения путем посылок курьеров, корреспонденции и переговоров «по прямому проводу». Они стремились создать «самостоятельное правительство, обладавшее и собственной армией, и собственными деньгами (из парижского доклада Ключникова), и подрывавшее авторитет Всероссийской власти. Поистине вся деятельность Съезда носила характер антигосударственный и по тем временам антинациональный»¹¹.

Таким образом, прежняя борьба между Омском и Самарой приняла форму борьбы эсеров черновского толка с Директорией. Сцена, произошедшая при закрытии Сибирской Областной Думы, была в этом отношении очень символичной.

Как я говорил выше, упразднению Сибирской Областной Думы был придан характер самороспуска. С этой целью Н. Д. Авксентьев выезжал в Томск. Собравшиеся на это заседание члены Сибирской Думы, после речи Н. Д. Авксентьева, приняли большинством голосов резолюцию о самороспуске.

«Выпадов по адресу Правительства не было, — записывает в своих воспоминаниях Г. К. Гинс¹¹¹, — если не считать заявления одного соци-

¹ Речь А. Б. Сазонова в Приморском народном собрании в 1921 году // «Вольная Сибирь», т. II, с. 177–180.

¹¹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 31.

¹¹¹ Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 291–292.

ал-демократа, что Всероссийское Правительство должно “рассеять тот туман, который напустило Сибирское Правительство”.

Смысл другой речи был тот, что бояться самороспуска не следует, потому что 1 января соберется полномочное эсеровское Учредительное Собрание, и “мы” будем работать.

Весь этот обряд самороспуска был политической комедией. Будь Дума органом действительно “народного”, а не партийного представительства, объяснение перед нею целей упразднения областных правительств имело бы смысл. В действительности же всё от начала до конца было сплошным лицемерием. Роспуск Думы был предрешен, и Авксентьев огласил указ о роспуске, заготовленный еще в Омске. Убеждать никого ни в чем не нужно было, а политическим эффектом всей этой в существе безобидной истории было только то, что во враждебных Директории кругах усилилось впечатление об Авксентьеве как ширме, за которой будет действовать “полномочное”, как сказал член Думы Гольдберг, Учредительное Собрание.

— Не бойтесь, товарищи, мы 1 января опять появимся, — звучало в речи Гольдберга.

— Слышу, — раздался глухой и злобный ответ».

В общественных кругах, как утверждают парижский доклад Ключникова и омский «Бюллетень Союза возрождения», акт «самороспуска» Думы был воспринят как признак слабости Директории¹.

¹ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 81.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 55

УСЛОВИЯ,

поставленные Сибирским Правительством Директории¹

1. С созданием всероссийской власти все, без исключения, областные правительства и областные представительные учреждения на ближайший период времени прекращают свое существование.

2. Воссоздание областных управлений, являясь результатом признания Всероссийским Правительством прав некоторых областей России на автономное управление, должно предполагать предварительное, строгое и определенное ограничение верховной государственной властью компетенции областных управлений пределами значения.

3. Временное Всероссийское Правительство, в целях скорейшей организации управления всероссийского, принимает правительственный аппарат Временного Правительства.

4. Первый состав Совета министров Временного Всероссийского Правительства, как преемственно связанный с Правительством Сибирским, образуется Временным Всероссийским Правительством по соглашению с Сибирским Правительством.

5. Организуемый аппарат центрального всероссийского управления и является Советом министров, каждый член коего персонально ответственен перед Временным Всероссийским Правительством.

6. Председатель Совета Министров Временного Всероссийского Правительства назначается Временным Всероссийским Правительством из числа его членов. Временное Всероссийское Правительство назначает Председателем Совета министров Петра Васильевича Вологодского. Заместитель Председателя Совета министров избирается из числа членов Совета министров. На время длительного отсутствия Председателя Совета министров, Временное Всероссийское Правительство назначает Председательствующего.

7. Принимая на себя управление всеми частями и областями России, включая и Сибирь, Временное Всероссийское Правительство декларирует непреклонность его воли к обеспечению за сибирским населением прав на областной представительный орган.

8. Для разработки положения о выборах в сибирский представительный орган создается специальная комиссия, в состав коей долж-

¹ Приведены согласно тексту, напечатанному на с. 269–271 тома I работы проф. Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак».

ны быть включены члены Сибирской Областной Думы настоящего состава.

9. Разработанное означенной в п. 8 комиссией Положение о выборах в областной сибирский представительный орган приобретает силу избирательного закона по одобрении его Временным Всероссийским Правительством как верховной властью.

10. Принимая на себя всю совокупность прав по управлению, осуществлявшихся местными правительствами, Правительство Всероссийское сохраняет действие законодательных актов областных правительств. Отмена и изменение этих законодательных актов производятся Временным Всероссийским Правительством в общем порядке.

11. Устанавливая единство всей российской армии, подчиненной (во всех оперативных и организационных вопросах) единому Верховному командованию, Временное Всероссийское Правительство сохраняет территориальный способ комплектования частей, допустит территориальные наименования, а при наличии общенационального — и областные территориальные отличительные цвета (напр., бело-зеленый для сибиряков).

Приложение № 56

СПИСОК

министров Всероссийского Правительства,

утвержденный указом Директории от 5 ноября 1918 г.

Председатель Совета Министров:

Член Всероссийской Директории П. В. Вологодский.

Министры:

Военный и Морской — адмирал А. В. Колчак.

Иностранных Дел — Ключников.

Внутренних Дел — А. Н. Гаттенбергер.

Финансов — И. А. Михайлов.

Юстиции — С. С. Старынкевич.

Труда — Л. И. Шумиловский.

Путей Сообщений — Л. Устругов.

Народного Просвещения — В. В. Сапожников.

Земледелия — Н. И. Петров.

Торговли — Щукин.

Государственный Контролер — Г. А. Краснов.

Продовольствия — Н. С. Зефиров.

Снабжения — И. И. Серебренников.

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ 1917 — 1918 г. г.

Часть IV.

**Освобожденіе Сибири и образованіе „Бѣлаго“
восточнаго фронта Гражданской войны.**

Книга 9-я

**ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.**

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ГЛАВА XX ОМСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Настроение сибирского крестьянства

Как я говорил в главе X, крестьянский элемент в Сибири играл еще большую роль, чем в прочей России. Из 9–10 миллионов населения только 300–400 тысяч было рабочими. В самом же крестьянстве революционный процесс развивался иначе, чем в Европейской России. Почти полное отсутствие в Сибири помещичьего класса (в Енисейской губернии, например, земли, принадлежавшие частным земельным собственникам не из крестьян, составляли всего 0,9 %, вся же остальная земля была либо крестьянской, либо государственной)¹, имело следствием то, что расслоение крестьянства, вызванное аграрной революцией, началось в Сибири ранее, чем в Европейской России. Оно приняло резко очерченные формы борьбы новоселов против старожилов. «Районы подтаежные, — рассказывает исследователь сибирских крестьянских восстаний Колосов^{II}, — оторванные от центра, наиболее глухие, наименее грамотные... стояли за одну ориентацию в политических вопросах, а районы земледельческие, хлебопашеские — за другую. При этом оказывалось, что первые районы — переселенческие^{III}, вторые — старожильские». Переселенцы, по характеристике Колосова, это «парии» сибирской жизни. Они «привыкали ко всякого рода ссудам, которые развращали их и рабочее население, перерождали в нищих, попрошаек — профессионалов». В итоге получалась своего рода «бродячая Русь», хищнически обращающаяся с землей, лесом, природными богатствами. Этот бесхозяйственный элемент в сибирской переработке, конечно, должен был отнестись очень сочувственно к таким политическим лозунгам, как, например, захват чужой земли. Последнюю же можно было отбирать только у старожилов и казаков.

О том, что «новоселы» являлись главным элементом крестьянских восстаний в Сибири, свидетельствует следующий факт. Как раз в тех

^I Колосов. Сибирь при Колчаке (воспоминания, материалы, документы), [Ленинград, 1923], с. 236¹³¹.

^{II} Там же, [с. 23.]

^{III} То есть населенные новоселами.

уездах Енисейской губ., где повстанческое движение приняло широкие размеры, переселенческие хозяйства значительно преобладали над старожильскими^I. Степно-Баджейская волость, сделавшаяся одним из центров движения, была волостью молодой — 17 переселенческих селений и 7 старожильских («Сев. Кр.», № 150). Тасеевская — 14 старожильских селений и 54 переселенческих.

Многие из новоселов принесли с собой дух анархии, присущий «бедняцкому» элементу Центральной России. Поэтому их восстания имели не столько революционный характер, «сколько анархистско-бунтарский, даже просто погромный. Нередко крестьянство вообще отказывалось признавать какие бы то ни было, хотя самые законные и неизбежные виды обязательного отбывания общественных повинностей. Свобода в таких случаях понималась или очень примитивно — в смысле освобождения от всякой государственной власти, или в смысле права «свободно» заниматься всем, кто бы чем ни пожелал, вплоть до свободной выкурки «самогонки», добывание которой столь распространено в сибирской деревне...»^{II}.

В таких общих условиях легко развивалась революционная бацилла бытового анархизма и тот дух злобы и мести, который насаждал повсюду большевизм. В результате крестьянские повстанческие отряды часто приобретали характер анархических банд, действия которых, как говорит Колосов, приобретали «просто погромный» характер. Неизбежно «крестьянское движение, поскольку таковое осуществлялось само этими бандами, получало тот же «погромный» оттенок^{III}.

Повстанческие отряды в Сибири составлялись из разнообразных элементов, собиравшихся в тайге и оттуда действовавших. Там были и обольшевничившиеся солдаты старой армии, не желавшие заняться мирным трудом. Хорошо снабженные оружием, унесенным с фронта (винтовками, патронами и даже пулеметами), они представляли собою чисто разбойничьи шайки с лихими разбойниками-атаманами во главе. В тайге оказались также и остатки красноармейских отрядов, рассеянных в летний период освобождения Сибири от большевиков, являвшихся своего рода бродячей ратью, к которой присоединялись все сохранившиеся вооруженные отряды германских военнопленных^{IV}. «Мадьярские части преимущественно сосредоточиваются в тех центрах

^I В Ачинском уезде переселенческих хозяйств 61 %, в Канском — 77, Красноярском — 50, Минусинском — 47, Енисейском — 58.

^{II} Колосов. Сибирь при Колчаке, с. 241–243¹³².

^{III} Там же, [с. 30.]

^{IV} Эти отряды явились основой партизанских ячеек на Дальнем Востоке (Парфенов. На Дальнем Востоке, с. 97). См. также у Гуревича «Форма крестьянского движения» («Рев. Рос.», № 57, с. 35).

крестьянского движения, которые Колосов относит к сочувствующим советской платформе... Участие мадьяр — это больше всего противочешская акция»¹.

К октябрю месяцу 1918 года создались уже все центры крестьянских восстаний, которые будут впоследствии разредить тыл Восточного противобольшевицкого фронта в эпоху Правительства адм. Колчака. В сентябре вспыхнуло большое восстание в Славгородском уезде; в октябре произошло восстание в семи волостях Мариинского уезда Томской губ.; к началу ноября относится организация отрядов Кравченко¹³³ и Щетинкина¹³⁴ в Канском и Красноярском уездах; в начале декабря — бунт в Тасееве и в Мазинской волости Амурской области. Едва ли не все эти бунты в той или иной степени были организованы большевиками¹¹.

Об октябрьском восстании в Мариинском уезде губернский комиссар Гаттенбергер докладывал министру внутренних дел:

«Причиной восстания служили провокационные слухи о падении власти сибправительства, захвате крупных сибирских городов, сообщении об отобрании у крестьян союзниками 95 % хлебных запасов, лошадей, фуража. Элемент восставших в большинстве красные Мариинского фронта при июльских боях, с наступлением холодов вышедшие из таежных пространств с оружием и провоцировавшие крестьян. Установлена причастность к организации восстания ответственных работников местного союза кооперативов¹¹¹, приютивших бывших советских деятелей»¹¹¹.

В Минусинском движении, развернувшемся в самом начале ноября, выступают уже довольно определенно отмеченные выше черты. Уже с августа были организованы не только большевицкие повстанческие ячейки, но и «банды» из рассеянных летом красногвардейцев и военнопленных. Минусинское восстание 1918 года интересно своей бытовой обстановкой. Дело началось со сбора податей и разгона **волостных земских управ**. В с. Дубенском образуется противоправительственный комитет. Восставшие — их исчисляют в 5000 чел. — идут на казачьи станицы, чтобы сбросить «казацкое иго». Шныряют большевицкие агенты. Руководит восстанием самогонщик Кульчицкий, организующий 11 ноября нападение на ст. Каратуз. «Сформированная накануне дружина из казаков, около 100 человек, — сообщает официальный

¹ Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака, ч. III, с. 177–179.

¹¹ Шпилев. К истории партизанской работы при Колчаке // Пр. рев., № 72, 74, (Мельгунов, ч. III, т. I, с. 190).

¹¹¹ Остававшихся «правоверными» эсерами. — Прим. Н. Н. Г.

¹¹¹ Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири в 1917–1918 гг. Госиздат, 1926, приложение № 234.

доклад¹, — заперлась в церкви и церковной ограде. Произошла небольшая перестрелка, после чего начали вести переговоры о сдаче казаками оружия. Получив обещание оставить их живыми, казаки выдали мятежникам 147 винтовок, после чего крестьяне бросались в церковь, вытаскивали оттуда поодиночке и с диким криком убивали казаков кто чем мог».

«Казаки в станицах организуют самооборону. В самом Минусинске, окруженном с трех сторон, — число восставших насчитывается уже в 10 т. — мобилизованные городской Думой граждане пополняют гарнизон: в совокупности 957 чел. В городе имеется орудие и 4 пулемета. Активно действует против мятежников казачья дружина в 250 чел. Несмотря на малочисленность правительственных сил, мятежников удается рассеять. Дружина крестьян-добровольцев охраняет телеграфную линию и уничтожает самогонные аппараты...»^{II}.

К этой внутреннекрестьянской борьбе нужно прибавить «волну» тюремных бунтов, прокатившуюся по Сибири между первым и двенадцатым ноября. В этот краткий период времени произошли бунты в тюрьмах — Тобольской, Екатеринбургской, Челябинской, Семипалатинской, Омской, Канской, Новониколаевской, Томской, Мариинской, Красноярской и Иркутской. По словам томской газеты «Народная Сибирь», это были бунты уголовного элемента, бунты, организованные большевицкими вождями, «не брезгающими ровно никакими средствами».

Сибирские старожилы и казаки хотели порядка и защиты. Поэтому они охотно и пошли на мобилизационный призыв Сибирского правительства. Протесты против этого призыва встречались только в среде крестьян-«новоселов». Сибирское правительство обвинялось Самарским в том, что оно медлило с посылкой сибирских войск на Волгу. Однако ген. Болдырев, очень строго относящийся к Сибирскому правительству, объясняет это промедление так: «Эгоизм Омского правительства оправдывался до известной степени необходимостью окончания подготовки нарождающейся Сибирской армии»^{III}. Несомненно также, что этот, как его называет Болдырев, «эгоизм Омского правительства» являлся одновременно следствием того, что Сибирское правительство инстинктивно чувствовало желание сибирских крестьян-старожилов и казаков прежде всего создать порядок у себя.

^I Партизанское движение в Сибири. Т. I, Приенисейский край. Материалы подготовлены к печати А. Н. Туруновым. Под ред. и с предисловием Максакова. Госиздат, 1926, с. 31.

^{II} *Мельгунов*. Трагедия адмирала Колчака, ч. III, т. 1, с. 192–193.

^{III} Директория, Колчак, интервенты, с. 31.

Это являлось первым конкретным выражением лозунга областников: «Через автономную Сибирь к Великой России».

Однако оно не сумело сделать это в полной мере. Сказалось то обстоятельство, указание на которое можно встретить в приведенной выше выдержке из воспоминаний Г. К. Гинса, а именно: административный аппарат даже Сибирского правительства состоял главным образом не из сибиряков, а из беженцев из Европейской России. Несмотря на всё сочувствие, которое питали, по словам Гинса, эти деятели к областничеству, они не могли так близко чувствовать интересы сибирских народных масс, как это инстинктивно чувствовали природные сибиряки.

Когда Сибирский административный аппарат был переделан Директорией во Всероссийский, естественно, что его духовная связь с сибирским населением еще уменьшилась. Сибирские нужды быстро стали отходить куда-то далеко, далеко и всецело заслонились задачами Всероссийского масштаба. Влияние самой Директории, в особенности ее членов-эсеров, было прямо пагубно, т. к. при своем непонимании сибирской обстановки они шли на полный разрыв как раз с той здоровой частью народных масс, при помощи которой только и можно было упрочить порядок в Сибири.

Вот, например, передаваемая в книге Мельгунова¹ беседа Зензинова с журналистом. «Представитель Директории — Его однопятое Величество — говорит, что никакого насаждения частноземельной собственности не будет допущено — пусть это зарубят у себя на носу реставраторы старых порядков». Можно было бы не поверить этому интервью, если бы оно не было напечатано в «Вест. Рос. Прав.» от 13 ноября. Это непонимание сибирской обстановки тем более разительно, что в те же дни, когда прозвучало это авторитетное заявление члена Директории, только что приехавший в Сибирь британский представитель — сэр Эллиот, посетив в Омске Мин. ин. дел, с большой настойчивостью допытывался: может ли власть гарантировать владение земельной собственностью². Эмпирический ум англичанина быстро разобрался в том, что опираться на сибирских старожилов и казаков можно только в том случае, если гарантировать сохранение за ними их собственной земли.

Отчуждение правительства от интересов сибирских народных масс с появлением в Омске Директории шло *crescendo*. Сибирские старожилы и казаки, в среде которых находились корни областничества,

¹ Мельгунов. Трагедия адм. Колчака, ч. II, с. 38.

² Из официальной переписки. — Цитировано у Мельгунова «Трагедия адм. Колчака», ч. II, с. 38–39.

никогда не проявляли признаков сепаратизма. Они были столь же русскими, как и население любой части Европейской России и в не меньшей мере любили свою Великую Мать-Россию. Во время войны 1914–1917 гг. сибирские солдаты показали на деле, как сильна была эта любовь. Поэтому на пренебрежение их местными интересами сибирское старожильское население реагировало только тем, что начало искать защитников от кровавых нападений новоселов и разбойничьих банд, укрывавшихся в тайге, в более близкой к нему среде. Это приводило к усилению того явления, которое получило в Сибири особое наименование — «атаманщина».

Рост «атаманщины»

Как я говорил в главе 10, «атаманщина» стала впоследствии синонимом произвола, проявленного в Сибири представителями военной власти. Но, как правильно указывает историк Мельгунов, «слишком сгущены краски той картины, которую рисуют мемуаристы»¹.

Правдивая история атаманщины еще не написана. Таковая прежде всего учтет бытовые условия Сибири. «Ушкуйничество» слева, порожденное проникновением большевизма, неминуемо должно было вызвать «ушкуйничество» справа, со стороны подвергшихся нападению старожильских крестьян и казаков. Не нужно забывать, что только в царствование Императора Николая II Сибирь перестала быть местом ссылки всех уголовных преступников Российской Империи.

Слабость омской власти в период ее превращения в общесибирскую и борьба, которую ожесточенно вели против нее эсеры, не давали ей возможности заняться восстановлением порядка в сибирской деревне. Для поддержания этого порядка, по собственному почину, организовались атаманские отряды и однородные с ними добровольческие организации. Чрезвычайная обширность территории, на которой они были рассеяны, присущая Сибири бедность в путях сообщения затрудняли до крайности все попытки образующегося в Омске государственного центра подчинить своему руководству деятельность всех этих самочинно действующих атаманов. Низкий же культурный уровень той среды, в которой рождалась и действовала эта атаманщина, крайне затруднял подчинение ее той законодательной нормировке, которую стремилось установить Сибирское правительство Вологодского.

Главнокомандующий Директории, ген. Болдырев, должен был признать и свое бессилие упорядочить действия самочинно возникавших вооруженных противобольшевицких отрядов.

¹ Мельгунов, ч. III, с. 233.

«Трудность объединения всей этой вооруженной силы, — записывает ген. Болдырев 31 октября¹, — разбросанной на огромном пространстве Сибири, без сети надежных агентов на местах, при самом разнообразном понимании событий, делали задачу управления чрезвычайно сложной. Агитации в любом направлении открывался обширнейший простор».

Средство утихомирить атаманщину было только одно: Государственная власть должна была взять в свои руки защиту крестьян-старожилов и казаков. Иначе говоря, она должна была открыто встать на их сторону. Не изжитые остатки эсеровского мировоззрения мешали даже «областникам» и «кооператорам» решительно стать на этот путь. Поэтому вполне прав сибирский кооператор Окулич, который впоследствии обвинял Сибирское правительство в том, что оно не сумело организовать старожиловское крестьянство, так же как не сумели на него должным образом опереться и сами областники^{II}.

С появлением у власти Директории и чрез заявления, подобные вышеупомянутому заявлению «однопятого Величества» Зензинова, становилось ясно, что сибирскому старожиловскому крестьянству ждать защиты от новой Верховной власти не приходится. Естественно, что вследствие этого взоры старожиловских крестьян еще более устремлялись на близких им по духу казаков.

В таких условиях атаманщина получила новый толчок к дальнейшему росту. Ген. Болдырев, который, как я уже говорил выше, имеет все данные предубежденно отрицательно относиться к атаманщине, должен, однако, признать, что в противобольшевицком отношении эти созданные самими народными массами отряды оказались наиболее прочными.

«Наиболее дисциплинированными, — свидетельствует он^{III}, — оказались части атаманов. Они учли общую расхлябанность, отсутствие организованной заботливости и давно уже перешагнули черту, отделяющую свое от чужого, дозволенное от запрещенного. Утратив веру в органы снабжения, они просто и решительно перешли к способу реквизиции. Почти каждый день получались телеграммы о накладываемых этой вольницей контрибуциях. Они были сыты, хорошо одеты и не скучали.

Система подчинения была чрезвычайно проста: на небе — Бог, на земле — атаман. И если отряд атамана Красильникова¹³⁵, развращенный пагубной обстановкой Омска, носил все признаки нравственного уродства и анархичности, то в частях другого атамана — Анненкова,

^I Директория, Колчак, интервенты, с. 81.

^{II} Газета «Возрождение», № 282.

^{III} Директория, Колчак, интервенты, с. 81.

представлявшегося человеком исключительной энергии и воли, было своеобразное идейное служение стране...»

Несмотря на вышеприведенный отрицательный отзыв ген. Болдырева об отряде Красильникова, другой свидетель сибирских событий говорит, что когда бригада Красильникова была послана на фронт — то она оказалась одной из лучших с точки зрения ее боевой ценности^I.

Весьма близок к истине Г. К. Гинс, который называет все эти атаманские отряды возродившейся «Запорожской Сечью»^{II}.

Большевицкий историк, стремящийся всячески опорочить Анненковских партизан, так описывает их быт: «Части Анненкова были отлично вымуштрованы, друг с другом на “ты”: “ты” брат атаман; в армии... не было... никакой отчетности, жили на “честное слово”»^{III}.

Я счел нужным остановить внимание читателя на положительных сторонах, присущих сибирской атаманине, наравне с отрицательными, так как это объясняет то обстоятельство, что с этим явлением нельзя было бороться путем одних только полевых судов и расстрелов, как того хотели эсеры и левая общественность. Требовались меры не только запретительно-дисциплинарные, а главным образом меры государственно-социального характера. Нельзя было закрывать глаза на начавшуюся уже в Сибири внутреннекрестьянскую войну. Власть должна была открыто принять сторону или старожилов и казаков, или сторону новоселов; сил для сохранения нейтрального положения у нее не было.

«Все мы желали добра стране»^{IV}. ...Никто не будет оспаривать этих слов Болдырева. Но беда Директории в том, что она не сумела или не смогла взять определенного и твердого курса. Ее «левая» часть боялась порвать со своим партийным прошлым, которое в настоящем становилось тяжелым придатком. Как мудры были те, которые на Уфимском Совещании рекомендовали членам Директории выйти на время из состава партии. При устранении формальной связи само собой устранились бы многие из позднейших обвинений. Не могла бы претендовать и партия на некоторое, хотя бы преимущественное к себе внимание со стороны членов правительства из своего состава^V.

Неустойчивая и не считавшаяся с реальностями жизни политика Директории могла только значительно увеличить крен наиболее неприемлемо настроенной противобольшевицкой сибирской общественности направо, а это, в свою очередь, усиливало симпатии к атаманине

^I Цитировано у Мельгунова: «Трагедия адм. Колчака», ч. III, с. 235.

^{II} Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 378.

^{III} «Сибирские огни», 1923, т. I, с. 80.

^{IV} Болдырев. Директория, Колчак, интервенты, с. 54.

^V Мельгунов. Трагедия адм. Колчака, ч. II, с. 39–40.

как наиболее прочной для борьбы с большевизмом силе. С такими настроениями сразу же пришлось встретиться в Омске Аргунову, приехавшему туда во главе чрезвычайной следственной комиссии, назначенной Директорией для выяснения виновных лиц в Омских событиях 21–22 сентября¹. При создавшейся в Омске обстановке следственная комиссия Аргунова оказалась в беспомощном положении.

Ехал Аргунов с предвзятой точкой зрения в отношении Михайлова, про которого Авксентьев, как утверждает Святицкий, в Уфе неосмотрительно говорил, что его «давно следовало расстрелять»^{II}. Следствие не могло обнаружить данных для привлечения Михайлова к ответственности, т. е. не обнаружило заговора, на который указывали эсеры из Сибирской Областной Думы. Полковник Волков на допросе показал: «Как офицер, давший честное слово, я заявляю, что у меня сообщников не было». Следствие было затруднено противодействием, которое встречала комиссия в омской казачьей военной среде. Привлеченного к ответственности полк. Волкова взял с собой на Д. В. воен. мин. Иванов-Ринов^{III}, и комиссии пришлось обратиться к содействию ген. Болдырева. На категорическое приказание вернуть Волкова Иванов-Ринов, исполняя приказ главковерха, в телеграмме чрезвычайно определенно рисовал взгляд казачьей общественности на Омские события 21–22 сентября^{IV}. «Командируя Волкова по Вашему приказанию в Омск, усердно ходатайствую... не отказать войти в рассмотрение следующих моих соображений: 1. широкие общественные массы... считают Крутовского, Шатилова, Якушева и Оболдуму вставшими на путь государственной измены, вовлекшими в противогосударственный заговор иностранное чешское войско; 2. те же группы считают Волкова выполнившим свой государственный долг; 3. всякая репрессия... при условии оставления безнаказанными Крутовского, Шатилова и Якушева, и принявшей участие в заговоре Оболдумы, может вызвать новую смуту...»

Ген. Болдырев, приводящий в своих воспоминаниях эту телеграмму полностью, сопровождает ее следующим заключением: «Комиссия Аргунова, в чрезвычайно запутанной обстановке Омска, оказалась гораздо более мягкой, чем предполагал Иванов-Ринов. Волков остался безнаказанным и через месяц с небольшим участвовал в аресте членов уже самой Директории»^V.

^I Самочинные аресты, произведенные начальником гарнизона полковником Волковым, и происшедшее вслед за тем убийство Новоселова.

^{II} «К Истории Учредительного Собрания». Съезд членов Учред. Собрания (сентябрь–декабрь 1918 г.), с. 42.

^{III} Являвшийся одновременно и войсковым атаманом Сибирского казачества.

^{IV} Эта телеграмма полностью приведена в Приложении № 57.

^V Директория, Колчак, интервенты, с. 71.

Мемуаристы из лагеря социалистов-революционеров усиленно настаивают на реакционности настроений, господствовавших в рассматриваемое время в Омске. Эти суждения партийного происхождения одной из борющихся сторон чрезвычайно пристрастны. Однако несомненно, что в сибирской общественности стало замечаться поправление. Стали проявляться и монархические симпатии. Указывая на это явление, историк Мельгунов, сам принадлежащий к партии народных социалистов, протестует против вышеуказанного утверждения мемуаристов левого лагеря. «Я никак не могу вообще безоговорочно отождествлять, — заявляет он¹, — монархические симпатии с реставрационными замыслами классов, потерявших свои привилегии во время революционной бури. Это — трафарет плохого публицистического тона. О монархии, после всех “революционных” переживаний и эксцессов большевицкой поры, могли думать и люди, по существу отнюдь не настроенные реакционно (я употребляю это слово в обычном принятом смысле)». Я думаю, многие согласятся со мною, если я, напр., приведу выдержку из дневника В. Н. Пепеляева, давнего члена партии к.-д., входившего в ЦК, помеченную 23 сентября 1918 г.: «Ст. Маньчжурия. Я расстался с кн. Львовым. Мы расцеловались. Он на прощанье сказал мне: “Желаю вам успеха насчет монархии”». Только что приведенные слова первого председателя Всероссийского Временного правительства показывают то «поправление», которое произошло даже в радикальном крыле нашей либеральной интеллигенции, после вызванного революцией развала Российского Государства.

¹ Мельгунов. Трагедия адм. Колчака, ч. II, с. 97–98.

² Понятие «реакционности» становится вообще относительным. Например, иркутская «Новая Сибирь» (№ 15) в виде иллюстрации реакционных настроений офицеров приводила описание такого инцидента. Три офицера, прибывшие с Волжского фронта (очевидно, из состава «Народной Армии»), просили владелицу газетного киоска уничтожить висевший там портрет Чернова. Та не соглашалась. Тогда офицеры предложили купить портрет с целью его уничтожить. Почему-то и на это владелица не согласилась. Проходивший сибирский офицер безуспешно просил волжских офицеров успокоиться. Он ушел, а волжане продолжали вести «войну» с портретом Чернова. Признаком реакционности становилось в глазах некоторых иностранцев празднование офицерством Нового года по старому стилю (*Жен. “L'arrière Sibérien”, Monde Slave. 1926, VIII, 180*). Зато, по-видимому, последовательным демократизмом считалось печатание в газетах социалистического направления: «Убит Ник. Ник. Романов», то есть бывший главнокомандующий Вел. кн. Николай Николаевич. Очевидно, это должно было раздражать и не «монархически» настроенное офицерство. — *Прим. С. П. Мельгунова.*

В усилении монархических симпатий на Урале и в Сибири большую роль сыграло достойное поведение отрекшегося Императора Николая II и его семьи во время пребывания в Тобольске — после их ссылки. Сибирь же первая, вместе с Уралом, узнала подробности о мученической кончине Царя и его Семьи.

Многочисленны были те семьи, в которых с ужасом и слезами внимали рассказу о том, как несчастного мальчика Цесаревича Алексея большевицкие палачи кололи штыками, в то время как державший его на руках отец старался прикрыть его своим телом... Мученический венец навсегда заменил на челе Императора Николая II упавший с нее Царский Венец...

А рядом с этим Урал и Сибирь были непосредственными свидетелями эгоистически партийной и подчас антигосударственной деятельности эсеров, Комуча и Сибирской Областной Думы. Это оживляло воспоминание той недостойной картины, которую представляло собою единственное заседание Учредительного Собрания, во время разгона которого не было пролито в защиту самого собрания ни одной капли крови...

Перемена настроения в сибирских общественных кругах ярко выразилась в одном инциденте, самом по себе незначительном, но в психологическом отношении показательном.

В Омск направили Британский батальон под командой полковника Уорда. Это была первая и, как оказалось впоследствии, единственная воинская часть союзников, которая пришла в Западную Сибирь. Появление полковника Уорда вызывало везде бурю восторгов. Полковник Уорд был членом Английского парламента, являясь в то же время деятельным членом Английской рабочей партии. Таким образом, демократизм полк. Уорда находился вне подозрения.

На банкете в его честь, данном в Иркутске, полковник Уорд выразил свое удивление факту, который только что узнал. Оказалось, что в Сибири английским национальным гимном считается «Британия, царствуй на водах», несмотря на то что на самом деле гимном является «Боже, сохрани Короля». «В Англии, — сказал полк. Уорд, — могли бы быть всякие перевороты и революции; Англия, быть может, совершит еще огромные социальные реформы, но все-таки национальным гимном ее останется по-прежнему гимн в честь короля. Англия страна традиций, и от них никогда не откажется; ее прошлое ей дорого, просто потому, что это ее прошлое, и она над ним не станет надругиваться и другим надругаться не позволит. Но это не мешает ей быть страной передовой, прогрессивной и демократичной». Совсем иное полковник нашел в России. Проезжая сюда из Харбина, он увидел, например, что на всех станциях жел. дороги, принадлежащей русским — русской

дороге, — болтаются какие-то красные лоскутки вместо флагов. «Но где же ваш старый национальный флаг? — спрашивал полк. — Почему вы от него отказались?»

«Речь полковника, — пишет эсер Колосов¹, — имела громадный успех в том месте, где он с большой экспрессией сказал, что если бы в Англии появились такие же реформаторы, как в России, проповедующие грабежи и убийство и нагло нарушающие вековые национальные традиции, то мы, англичане, при всем нашем уважении к суду и законности, не нашли бы для таких людей иных слов, кроме слов негодования, и они за свою пропаганду ответили бы своей головой».

Впечатление, произведенное речью полк. Уорда, распространилось далеко за стены той залы, в которой происходил банкет. Психологически она сыграла роль, которую можно уподобить проявляющему раствору в фотографии. Сопоставление точек зрения не подлежащего сомнению демократизма полк. Уорда с точками зрения наших политических партий, претендующих на максимальный демократизм, приводило к прочному убеждению в незрелости последних. Это могло лишь усилить разочарование в русской революции.

Несомненно, что происходящее в Сибири «правение» в общественной среде было одним из проявлений контрреволюции, но только той здоровой контрреволюции, которая вовсе не желала вернуть устаревший режим, а стремилась лишь остановить моральное разрушение, чинимое революцией. Это было контрреволюционное явление того же порядка, как то, которое после разгула Французской революции конца XVIII века поставило во главе французского народа Наполеона.

«В воздухе носилась, однако, — пишет Мельгунов, — **не монархия, а идея диктатуры**»^{II}. И это стремление к диктатуре широко охватило не только правые, но и либеральные общественные круги.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на то, что происходило в конституционно-демократической партии (кадеты). В Екатеринбурге было назначено собрание для рассмотрения вопросов, подлежащих обсуждению на партийном съезде, созывавшемся в Омске в середине ноября. «Придя на это собрание, — рассказывает Кроль^{III}, — я еле узнал нашу группу. Впервые я услышал в ней прямо и определенно сформулированный вопрос: “Директория или диктатура?” Я был поражен даже самой возможностью столь явной постановки этого вопроса нашей группой, которая одна, из очень редких, сумела сохраниться с 1905 г.».

^I Колосов. Сибирь при Колчаке, с. 66.

^{II} Мельгунов. Трагедия адм. Колчака, ч. II, с. 99.

^{III} Кроль Л. А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи, с. 157.

«Откуда это могло взяться? — спрашивает по поводу этого перелома в настроении к.-д. партии С. П. Мельгунов. — Кроль видит здесь влияние самарцев, прибывших в Екатеринбург в качестве беженцев. Они испытали все прелести управления Комуча и приписывали “исключительно ему поражения на фронте”. Директория — продукт Комуча. Она слабовольна; она погубит фронт; она развалит тыл; выход один — в диктатуре»¹.

«Создание Директории, — пишет тот же Мельгунов в другом месте^{II}, — как ни странно, возродило к жизни идею диктатуры, которая была противопоставлена идее Учред. Собрания 1917 г.». На собрании омских кадетов (к.-д. партии) В. Н. Пепеляев характеризовал Уфимское Совещание как «победу антигосударственных элементов», и принятая резолюция, высказываясь за единоличную диктатуру, выдвигала как очередную задачу партии к.-д. содействие «освобождению страны от тумана неосуществимых лозунгов, каковые являются в данных условиях пагубными фикциями, самообманом и обманом»^{III}. Свое отношение к Директории Омский комитет партии ставил в зависимость от «дальнейшего движения» правительства, «по пути государственности».

В Уфе 1 ноября (17 октября по ст. стилю, т. е. в годовщину конституции 1905 г.)¹³⁶ открылся «Всероссийский Национальный Союз», являвшийся как бы филиалом московского «Национального центра». В этот союз, кроме правых кадетов, вошел Б. В. Савинков, появившийся в это время на Востоке России. Вместе с ним вошли во «Всероссийский Национальный Союз» еще несколько членов его организации («Союз защиты Родины и Свободы»). Вошли также представители соц.-демокр. группы «Единство». Декларация^{IV} «Всероссийского Национального Союза», подчеркивая значение Добровольческой Армии, звала к объединению для национального и государственного возрождения. Признавая «нормальным волеизъявлением нации» вотум народного собрания, составленного из лиц, «обладающих по своему возрасту и жизненному опыту достаточными данными для участия в государственных делах», Декларация объявляла «диктатуру» наиболее отвечающей в данный момент «формой организации власти», твердой и авторитетной, необходимой для «объединения и упорядочения России».

«Идея диктатуры носилась в воздухе, — записывает в своих воспоминаниях Г. К. Гинс^V. — Ее культивировал Национальный Центр,

^I Мельгунов С. П. Трагедия адм. Колчака, ч. II, с. 102.

^{II} Там же, ч. I, с. 235–236.

^{III} Газета «Сибирь» от 24 окт. 1918 г., № 81.

^{IV} Отечественные Ведомости, № 13, 1918 г.

^V Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 284.

ее признал и пропагандировал торгово-промышленный класс. В этой идее было здоровое начало. Единоличная власть упрощает отношения, вносит большую определенность и ясность, и вместе с тем большую устойчивость. Меняются министры, меняется политика, а глава остается тем же, и государство не испытывает тяжелых потрясений, не переживает судороги, охватывающей обыкновенно всю экономическую жизнь при каждом революционном перевороте, ставящем страну перед неизвестностью и загадочностью будущего.

Германия избрала после революции президента Эберта, который пережил и Национальное Собрание, и Каппа; Чехословакия избрала президентом Масарика, который остается на своем посту, в то время как кабинет меняется уже третий раз.

Во главе Российского Государства после февральской революции встало Временное правительство — коллективная верховная власть. Каждая перемена его состава, а их было много с февраля по октябрь, — была новой революцией, была переменою самой верховной власти, и это расшатывало престиж власти, авторитет которой основывается на ее незыблемости, недосыгаемости.

Сибирское правительство было тоже коллективным носителем верховной власти, и сколько неприятностей причиняло это и самому правительству, и его сотрудникам, как была благоприятна почва для личных интриг и авантюр».

Я нарочно привел полностью рассуждения профессора-государствоведа Г. К. Гинса, написанные им в 1921 году при неостывшем еще впечатлении от пережитого. Несомненно, что он прав, указывая на то, что симпатии, рождающиеся в известных общественных кругах к единоличной и сильной центральной власти в критические «периоды социальной жизни, являются выражением объективного процесса. Если бы Г. К. Гинс писал свой труд сейчас — он мог бы значительно расширить свое перечисление подтверждающих примеров. Он мог бы включить в него имена Гинденбурга, Муссолини, Пилсудского, Примо де Ривера, Хорти, Гитлера...

Среди общественных группировок на Востоке России в октябре и ноябре 1918 г. наиболее ярко выражал стремления к сильной единоличной верховной власти торгово-промышленный класс. Поэтому для полного представления о создавшейся социально-психологической обстановке большой интерес представляет собой та политическая программа, которая была принята на состоявшемся в г. Уфе осенью съезде торгово-промышленников. Эта политическая программа требовала военной диктатуры¹.

¹ Полный текст этой программы приведен в Приложении № 58.

Полон символичности небольшой инцидент, рассказанный в письме Н. Д. Авксентьева. В Самаре происходил торжественный публичный концерт по поводу образования Всероссийской Директории. Всеобщее ликование. Вошел председатель Директории Н. Д. Авксентьев. Весь партер в театре встал. Лишь один человек остался демонстративно сидеть — это был Чернов. Крики: «Встать!» Раздаются угрозы. «С кислой улыбкой, нехотя, встал бывший “селянский министр”». Он не сочувствовал Уфимскому соглашению, потому что оно «сделано не им и не для него» (квалификация Н. Д. Авксентьева).

Чернов, не бывший или не допущенный на Уфимское Совещание, «занял резко отрицательное отношение к соглашению с буржуазией», требовал разрыва соглашения и объявления Комуча Всероссийской властью¹. Помешать созданию в Уфе Директории Чернову не удалось. Тогда «Чернов повел кампанию против Директории»^{II}.

На Уфимском Гос. Совещании было решено оставить дело подготовки открытия старого У[чредительного] С[обрания] к 1 января в руках наличных членов этого собрания, т. е. по существу дела в руках Комуча, переименованного в Съезд Учредительного Собрания. Этот съезд обособился в Екатеринбурге. Чернов с организовавшимся вокруг него левым большинством съезда («черновцами», согласно наименованию единомышленника Чернова — Святицкого) решили превратить этот съезд в орган Верховной власти, добившись подчинения ему Директории. Не лишено интереса описание совещаний этой левой группы Съезда У. С., изложенное пером Святицкого^{III}.

«Совещания происходили в номере Чернова. У многих возникал вопрос — не настал ли уже момент для решительных действий. Некоторые товарищи предлагали уже сейчас выступить против Директории... Члены Директории эсеры при таком положении не останутся в Директории... Последняя расколется и исчезнет с лица земли сама собой. Съезд останется лицом к лицу с сибиряками и должен употребить всё свое влияние, чтобы привлечь на свою сторону чехов и опереться на их военную помощь. Большинство товарищей заняло, однако, более осторожную позицию... Мы же, чтобы не быть застигнутыми врасплох, должны заняться, не медля ни одного дня, напряженной работой по подготовке своего контрнаступления... В особенности нам не следует упускать из своего внимания Екатерин-

^I Утгоф В. Л. Уфимское Гос. Совещание // «Былое», 1921, № 16, с. 41.

^{II} «Хроника...», с. 93.

^{III} Святицкий Н. В. К истории Всерос. Учр. Собрания. Съезд членов У. С. (сентябрь—дакабрь 1918 г.). М., 1921, с. 68.

бург, где мы должны произвести **революционный переворот** в первую голову, изгнав сибирское командование и водрузив на его месте свою собственную власть».

В результате, под воздействием «черновцев», бюро СУС приступило к формированию своей собственной вооруженной силы в виде «рабоче-крестьянских» добровольческих отрядов, а также «русско-чешских батальонов». С этой целью оно послало своих депутатов на заводы Урала и вступило в переговоры с чехо-словаками относительно образования в Екатеринбурге «русско-чешских полков» наподобие уфимских. Командный состав должны были дать чехи, а добровольцев набирать — учредилловцы. «Мы же, — повествует Святицкий¹, — имели право распоряжения этими частями, а также право надзора за офицерским составом, отстраняя от командования малонадежных для нас офицеров». Другими словами, «черновцы» пытались обойти русские военные власти и за их спиной создать самостоятельную военную силу. «Мы имеем основание надеяться, — пишет Святицкий^{II}, — что... в той борьбе, которая вскоре и неизбежно завяжется между нами и этим (т. е. Сибирским) правительством, чехи будут действовать либо открыто с нами вместе, либо соблюдая в отношении нас дружественный нейтралитет. Нашей целью было обеспечить сотрудничество чехов. В этом смысле действовали и руководители съезда: В. М. Чернов, В. К. Вольский, И. М. Брушвит и др. Надо признать, что все подобные разговоры оставляли желать большего; чехи как будто избегали откровенно говорить на откровенные темы. Всё ограничивалось изъявлениями чувств симпатии, дружеской поддержки и т. п. Встречая такое отношение, и мы избегали пока ставить вопрос прямо, надеясь, что самое развитие событий поставит чехов в решительный момент по одну сторону баррикад вместе с нами». Сетуя дальше на то, что «коалиционная» Директория тормозила деятельность «черновцев», Святицкий пишет, что «становилось нужным в первую очередь расчлнить это препятствие. Либо Директория будет с нами и вполне наша, либо пусть не будет ее самой. Таково было наше настроение... Мы, конечно, не предполагали, что съезд сейчас же, в первом же своем закрытом политическом пленарном заседании должен объявить Уфимское соглашение нарушенным и вообще объявить войну Директории. Наша цель была воздействовать на Директорию. До сих пор мы не упустили случая пытаться и устно и письменно влиять на эсеровскую часть Директории...»^{III}.

¹ *Святицкий Н. В.* К истории Всерос. Учр. Собр. Съезд членов У. С. (сентябрь—декабрь 1918 г.) М., 1921, с. 76.

^{II} Там же, с. 83.

^{III} Там же, с. 88.

Выжидая удобного момента, съезд на практике весьма мало считался с распоряжениями, которые шли из Омска от имени Директории. На прямое запрещение Болдырева формировать добровольческие части, помимо военного министерства, Съезд отвечал отказом, считая, что добровольческие части, организуемые в защиту Учред. Собрания, не могли быть распускаемы правительством. Приказ Болдырева был адресован не Съезду, а Совету Управляющих ведомствами бывшего Самарского правительства, который в Уфе как бы отправлял функции областного правительства и формировал добровольческие части согласно директивам Совета. Совет Упр. ведомствами не подчинился распоряжению Болдырева с «ведома и одобрения Съезда»...И что было весьма характерно, добавляет эсеровский летописец^I, «ему предложило помогать в этой работе и высшее чешское командование»^{II}.

«Более чем естественно, что при таких условиях направление деятельности Съезда вызывало к себе резкое отрицательное отношение даже со стороны элементов далеко не реакционных...»^{III}.

Как я говорил в главе XVIII, старые социалисты-революционеры Брешко-Брешковская и Лазарев предупреждали на Уфимском Гос. Совещании о той одиозности, которая широко разлита вокруг в отношении партии эсеров. В представлении же наиболее активно настроенных противобольшевицких элементов, соц.-рев. являлись почти синонимами предателей. Попытки формирования Съездом Учредительного Собрания своей собственной вооруженной силы, преувеличенные молвой, усиливали до крайности это враждебное недоверие и возбуждали опасения, что эсеры оттачивают нож для того, чтобы ударить в спину дерущейся против большевиков армии. «Широкая публика не могла разбираться в партийных нюансах — да и не было материала для этого, — пишет историк Мельгунов^{IV}. — В одних тонах обрисовывались деятельность партии эсеров, и отношение к партии рикошетом переносилось к левой части коалиционной Директории...»

В такой наэлектризованной обстановке, в начале ноября в Омске стала известна прокламация эсеров от 22 октября^V.

«В правительстве я резко выступил по поводу появления прокламации ЦК эсеров, — записывает в своих воспоминаниях ген. Болдырев^{VI}. —

^I *Святыцкий Н. В.* К истории Всерос. Учр. Собр. Съезд членов У. С., с. 86.

^{II} *Мельгунов С. П.* Трагедия адм. Колчака, ч. II, с. 27–30.

^{III} Там же, с. 31.

^{IV} Там же.

^V Подлинный текст приведен в Приложении № 59.

^{VI} [Директория, Колчак, интервенты,] с. 93–94. — Запись от 7 ноября.

Они, видимо, ничему не научились и начинают снова свою разлагающую работу¹. Пригрозил арестом Цека.

Авксентьев просил обождать его возвращения из Томска, куда он едет проделать процедуру самороспуска Областной Думы.

Прокламация произвела переполох. Ставила под удар Директорию и страшно озлобила военных.

Нокс^{II} через консула в Екатеринбурге сообщил Чехосовету, что в Англии за такую проповедь расстреляли бы авторов и что, если Чернов будет продолжать дальше, он напишет, чтобы сюда не давали ни копейки. По правде сказать, от этого мы мало страдаем, всё равно ничего не дают...»

Далее оценивая прокламацию эсеров, Болдырев пишет:

«В сущности это были пока только слова, клочок бумаги, и не в них весь вред неосторожно появившейся прокламации. Вред в том, что она оказалась сильным козырем в руках Сиб. правительства; недаром с таким торжеством объявил о ней в Директории Вологодский.

Это был формальный документ ответственного органа партии, открывавший ее замыслы о создании нового Правительства, для проведения которых тайно мобилизуется и создается вооруженная сила.

Квалифицированная подготовка к бунту. И это в то время, когда следственная комиссия Аргунова не могла напасть на истинных виновников действительных событий 21–22 сентября... Михайлов и К⁰ действовали и действовали энергично, оставаясь тем не менее формально неуязвимыми, а ЦК эсеров выдавал себя с головой. Это отшатнуло и колеблющихся. Военные, не забывшие еще развала старой армии, поголовно кипели негодованием. Удерживать равновесие между борющимися крыльями стало труднее.

Возмутительная прокламация осталась как бы не замеченной со стороны Директории», — записывает в своих воспоминаниях Г. К. Гинс^{III}.

«Это произвело крайне тягостное впечатление. Между тем из Екатеринбурга пришла следующая телеграмма: “Омск, Зензинову, экстренная. Данное вами 23 сентября (день избрания Директории) обязательство остается не выполненным, напротив, осуществлено назначение, противоречащее в корне его духу. Создавшееся положение вынуждает меня задать вам двоим (Зензинову и Авксентьеву) прямой вопрос о сроке реализации обязательства. Недача вами немедленного исчерпывающего ответа общественно обяжет меня обратиться к трем членам Директории

¹ Эта фраза в подлиннике дневника была записана так: «Эти умники ничему не научились и начинают свою предательскую работу снова». Примеч. № 102 В. Д. Вегмана к книге ген. Болдырева «Директория, Колчак, интервенты».

^{II} Ген. Нокс, военный представитель Великобритании, недавно прибывший в Омск. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 305.

с соответствующим открытым письмом, учесть характер вашего обращения 23 сентября и смысл принятого мною на себя посредничества. В частности, на вас, Владимир Михайлович, я возлагаю личную ответственность за поведение в данном вопросе третьего члена Директории¹, заверения которого вы гарантировали мне, предварительно получения, вашим честным словом. Мой адрес: Гостиница Атаманов. Вадим Чайкин»».

«Здесь начинается уже шантаж», — замечает Г. К. Гинс^{II}, цитирующий эту телеграмму.

«Чайкин, один из членов Учредительного Собрания, черновец, угрожает Зензинову раскрыть какие-то закулисные тайны Уфимского Совещания».

Переворот 18 ноября

Насколько тревожная обстановка создалась к середине ноября в Омске, свидетельствует следующий интересный факт, рассказанный в воспоминаниях того же Г. К. Гинса^{III}.

«Где-то в глубине нарастал глухой ропот, чувствовался протест против социалистических учреждений, социалистической власти.

Однажды ночью Вологодского разбудил звонок телефона.

— Кто говорит?

— Из Совета министров. Вас ищут офицеры, по-видимому, хотят арестовать, спрашивали адрес.

Через некоторое время послышался топот лошадей. К квартире Вологодского подъехал отряд казаков.

Вологодский не спал всю ночь. Утром он открыл окно и спросил:

— Вы зачем приехали?

— Охранять присланы.

— Можете ехать. Вы мне не нужны.

— Покорнейше благодарим. — И уехали.

Сибирские казаки приехали охранять главу Сибирского правительства от якобы готовившегося покушения со стороны Директории.

Поводом для этого служили как сведения разведки об активности соц.-революционеров, так и наличие у Директории особой охраны, доставшейся ей в наследство от Самары.

В тот же день вечером происходило совместное заседание Директории и Сиб. правительства. На этом заседании присутствовал и я. Вдруг меня вызывают к телефону.

^I Можно предполагать, что вопрос идет о ген. Болдыреве. — Прим. Н. Н. Г.

^{II} Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 305.

^{III} Там же, с. 272–273. — Прим. Н. Н. Г.

— Говорят из штаба второго корпуса. Есть сведения, что Сиб. правительство будет сегодня арестовано в помещении Директории; разрешите прислать охрану.

— Я думаю, это вздор. Никакой охраны не надо.

Говорил солидный, лично мне известный полковник. В конце концов, я побоялся взять на себя ответственность, отказавшись от охраны, и согласился.

Заседание продолжалось. Через некоторое время вызвали ген. Болдырева. Он вернулся взволнованный.

— Господа, прибыли казаки охранять Сибирское правительство. Я отправил их обратно. Черт знает что за безобразие.

Тогда я рассказал о своих переговорах по телефону.

Болдырев взял на себя доставить членов Сиб. правительства на квартиры и сам развез нас.

Когда мы подъехали к квартире Вологодского, там стоял пикет.

— Опять охрана.

Надо заметить, что до той поры Сиб. правительство не знало охраны. У здания Совета министров стоял обыкновенно один человек. У квартир министров не было никого, и сами министры обычно возвращались домой пешком даже по ночам, не чувствуя никакой опасности.

Помещение же Директории было набито солдатами.

Вся эта история показывает, как непопулярна была в военной среде Директория, и как, наоборот, прочно укрепился авторитет Сибирского правительства».

«В дневнике Зензинова имеется, между прочим, место, — пишет несколько далее Г. К. Гинс¹, — где он сознается, что временами испытывает тревожное беспокойство. Услышит шум, стук — и ему кажется, что уже идут арестовать. Он чувствовал везде врагов, переворот казался ему неизбежным. С другой стороны, в Омске упорно говорили, что переворот готовит Роговский, товарищ министра внутренних дел, который привез с собою из Самары особую стражу, свою разведку и деньги.

«Кто из двух раньше?»

Вечером 17 ноября у Роговского происходило частное собрание эсеров. Присутствовало 10 человек, в том числе Авксентьев и Зензинов. Здание охранялось усиленными патрулями боевой дружины^{II} Роговского. Это [не] помешало тому, что около полуночи на квартиру Роговского вошла группа офицеров и казаков, которая арестовала Авксентьева, Зензинова, Роговского и отвезла их в Штаб отряда Красильникова, где уже находился арестованный на дому эсер Аргунов.

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 305, 306.

^{II} Мельгунов С. П. Трагедия адм. Колчака, ч. II, с. 145.

Так совершился Омский переворот... Историк Мельгунов, посвятивший подробному исследованию переворота 18 ноября большую часть второй книги своего труда «Трагедия адмирала Колчака», пришел к таким выводам¹:

«Какой вывод можно сделать о подготовке “заговора” до 18 ноября. Бесспорно, “заговор” создан не в один день... Весь период существования Директории был так или иначе временем подготовки ее свержения. Существовавшее никого не удовлетворяло — ни правых, ни левых, ни тот центр, на который Директория могла бы опереться при несколько ином к нему отношении. Директория не захотела это сделать и повисла в безвоздушном пространстве. Вопрос о перемене власти муссировался во всех кругах — и в “салонах”, и в частных совещаниях общественных деятелей, и в военной среде, и в правительственных сферах и среди иностранцев... Агитация, конечно, принимала постепенно более определенные формы. Идея “переворота” неизбежно вылилась бы в более резкие контуры, если бы события их не предупредили. О готовящемся “перевороте” Колчак знал приблизительно в тех же чертах, как знали это другие...»

Самое выступление в ночь с 17 на 18 ноября рисуется Мельгуновым в таком приблизительно виде²:

Банкет 13 ноября, данный в честь прибытия в Сибирь французской миссии (ген. Жанен), закончился расследованием и приказом ген. Болдырева арестовать офицеров, певших Русский гимн. В числе подлежащих аресту был и войсковой старшина Красильников. «Повод для ареста не мог не вызвать раздражения в отряде Красильникова. Казачьи офицеры были достаточно в курсе происходивших разговоров, следовательно, знали, что выступление (оставляя в стороне вопрос о форме) по существу может вызвать скорее лишь сочувствие. Вот почему я считаю, — заключает Мельгунов, — что отряды Волкова и Красильникова в ночь с 17 на 18 выступили в значительной степени самостоятельно...»

«Переворот произошел как бы сам собой, — пишет в другом месте Мельгунов³. — Это было полустихийное движение военных, которое было санкционировано затем и некоторыми общественными кругами — отнюдь не только реакционными...»

«В правых общественных кругах — и не только правых, отношение к эсерам было такое же, как и у эсеров к “контрреволюции”, подчас мнимой. Эта своего рода “эсеровская боязнь”, ведущая свое происхождение от ненависти к тому “роковому человеку” (т. е. к Чернову), вли-

¹ Мельгунов С. П. Трагедия адм. Колчака, ч. II, с. 137–138.

² Там же, с. 141.

³ Там же, с. 104.

яния которого на партию боялся и сам Авксентьев, нередко заходила слишком далеко. Надо помнить, что в Сибири, в руководящих органах партии, сторонники “рокового человека” оказались в большинстве. У противников “черновцев” не хватало такта, а может быть и мужества, вполне определенно и резко отгородиться от бывших своих политических единомышленников. Это их вина. Мешал здесь и контрреволюционный гипноз, боязнь, при некоторой гипертрофической оценке значения левой общественности или “организованной демократии”, потерять связь со своим политическим центром»¹.

Тот же Мельгунов в другом месте говорит^{II}:

«В атмосфере заговоров в мексиканском стиле должна была выдвинуться группа людей безответственных, действующих за свой страх и риск...» Это как раз отвечало духу сибирской атаманщины, на рост которой я указывал в этой же главе.

Дальнейший ход событий на верхах правительства я передам в виде красочного рассказа Г. К. Гинса^{III}.

«Рано утром (18 ноября) меня разбудил секретарь Вологодского.

— Вы ничего не знаете?

— Нет.

— Директория арестована. Сейчас экстренное заседание Совета министров.

Еду в Совет министров. По дороге встречаю Вологодского в сопровождении только что прибывшего из Томска Гаттенбергера и большого конвоя. В здании Совета еще не все министры, многие взволнованы. Никто ничего не знает. Вологодский не осведомляет. “Подождите, — говорит, — сразу скажу”.

Приходит Колчак. Он только что прибыл с фронта, куда поехал сейчас же по назначению его министром. Рассказывает о теплой встрече, которая ему была оказана, о тяжелых условиях, в которых живут на фронте солдаты. Все стараются говорить о посторонних вещах.

Позже других является Михайлов. Его разыскивали. Наконец, все в сборе.

Вологодский открывает заседание; рядом с ним Виноградов. Вологодский сообщает об аресте Авксентьева, Зензинова, Аргунова и Роговского, о том, что уже обнаружили очевидцы того, как полк Красильников, один из организаторов противобольшевицких казачьих отрядов, ночью на улице спрашивал своих офицеров: “Ну, что, готово?” Видели какой-то грузовик, набитый солдатами.

^I Мельгунов С. П. Трагедия адм. Колчака, ч. II, с. 92.

^{II} Там же, с. 104.

^{III} Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 306—310.

Что же дальше?

Воцарилось тягостное молчание. Я могу утверждать с полным убеждением, что для подавляющего большинства переворот был совершенно неожиданным...

Совет министров был застигнут врасплох. Некоторое время в заседании царило тягостное молчание.

Первым взял слово министр продовольствия Зефиров. «Я думаю о политике, — сказал он, — прежде всего с точки зрения рубля, которым оперирую как покупатель. В интересах этого рубля я желал бы, чтоб сейчас же было выяснено — кому же принадлежит теперь власть?»

После этого прения пошли по пути искания форм власти. Факт свержения Директории был признан. Восстановление Авксентьева и Зензинова казалось невысказанным. Власть могла перейти к трем оставшимся членам Директории, но это был бы суррогат Директории, идея которой, как коалиции, умирала вместе с выходом левой половины. Принятие власти всем составом Совета министров было бы повторением неудачного опыта Временного Российского правительства кн. Львова и Керенского. Казалось невозможным и создание новой Директории, после того как эта форма оказалась скомпрометированной примерами только что пережитой эпохи Сибирской Директории, какою по существу было Правительство Вологодского, разлагавшееся от внутренних раздоров и внешних партийных воздействий, и еще более кратковременной и безотрадной деятельности Директории.

— Значит, диктатура? — окончательно формулировал в форме вопроса Виноградов...

Кто может быть диктатором? После теоретических рассуждений о форме власти надо было поставить и этот роковой вопрос. Тогда взоры всех обратились на адмирала Колчака.

— Кто? — спросил Вологодский.

— Ген. Болдырев, — ответил Розанов¹³⁷, нач. штаба Верховного Главнокомандующего.

Болдырев, который уже сейчас состоит Верховным вождем армии, не может быть в настоящее время смещен без ущерба для дела. В этом смысле высказался и адмирал Колчак.

— Адмирал Колчак, — назвали другие.

Генерал Хорват почему-то не сказал, а написал мне — министр путей Устругов.

Ген. Хорват был популярен гл. образом на ДВ, да и там, благодаря тому, что он возглавлял одно из правительств, вокруг его имени создались слишком ожесточенная борьба и озлобленность. Ген. Болдырев был мало популярен в армии. Это был «новый человек», он не мог конкурировать с адм. Колчаком...

Колчак не отказался баллотироваться. За него были поданы все голоса кроме одного. Один был дан за Болдырева.

Любопытно, что из состава Совета против диктатуры возражал только Шумиловский. Все министры, ставленники Директории, оказались сторонниками единовластия...»

«После избрания Верховного Правителя Вологодский и Виноградов заявили об оставлении ими должностей Председателя Совета министров и заместителя Председателя. Виноградов при этом добавил, что он остался бы, если б верил, что происшедшее принесет благо стране, но он в это не верит.

Попытка уговорить его остаться, чтобы усилить преемственность власти, не увенчалась успехом. Иначе отнесся к этим просьбам Вологодский. Он расплакался в заседании — до такой степени был взволнован всем происшедшим. Со свойственной ему искренностью он заявил, что ни совесть, ни рассудок не позволяют ему остаться и что он не видит в себе надобности. Но общая единодушная просьба, поддержанная и Колчаком, остаться во главе Совета министров, чтобы Сибирь, привыкшая к имени Вологодского, знала о том, что у власти остались прежние люди, повлияла на мягкого и уступчивого Председателя, и он остался...»

«Что мог сделать в такой обстановке Совет министров? Мыслимо ли было воссоздание Директории? Каков был бы ее удельный вес после вынужденного путешествия главы Директории на грузовом автомобиле в загородные казачьи казармы? Какими средствами можно было бы предотвратить новые самоуправства отдельных воинских отрядов?» — спрашивает себя далее Г. К. Гинс¹, и вот ответы, которые он сам дает на поставленные им вопросы.

«Совет министров вынужден был всем ходом событий сосредоточить верховную власть в руках одного лица, одинаково авторитетного и для гражданских, и для военных кругов.

Совет министров не закрывал глаз на ту грозную опасность военного самоуправления, которая создавалась справа. Он одинаково осуждал и разрушительную работу черновцев, и укреплявшуюся атаманщину.

Эти мотивы указаны в опубликованном 20 ноября правительственным сообщении о перевороте:

“Сосредоточение власти, отвечающее общественным настроениям, остановит, наконец, не прекращающиеся покушения справа и слева, на неокрепший еще государственный строй России — покушения, глубоко потрясающие государство в его внутреннем и внешнем положении и подвергающие опасности политическую свободу и основные начала демократического строя.

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 311–315.

Сосредоточение власти необходимо, как для деятельной борьбы против разрушительной работы противогосударственных партий, так и для прекращения самоуправных действий отдельных воинских отрядов, вносящих дезорганизацию в хозяйственную жизнь страны и в общественный порядок и спокойствие”.

Процесс борьбы с большевизмом, ее подпольный период и бессистемность свержения большевиков, созданная чешскими выступлениями в различных местах, привели к неожиданным и крайне уродливым явлениям.

Бывшие руководители противобольшевицких офицерских организаций в главных городах Сибири как будто поделили ее между собой, учредив военные округа и став во главе этих округов. Они ввели территориальную систему, при которой каждый округ автономен, т. е. он формирует у себя корпус войск из местных людей и на местные средства. Поэтому каждый округ считает своей собственностью всё войсковое имущество, находящееся на складах в округе, и не делится им с другими.

Это и было рождение «атаманщины», превращение государства в какое-то феодальное средневековое сожительство вассалов, мало считающихся с сюзереном.

Пока Самара с Томском сочиняли заговоры и отвлекали внимание Омского правительства от деловой работы, эти уродливые явления становились всё прочнее.

Кто, кроме авторитетного военного человека, — казалось Совету министров, — мог справиться с этими местными царьками?»

«Но Совет министров, не стремившийся к установлению диктатуры, — пишет в другом месте Г. К. Гинс¹, — искал какого-то среднего выхода, и когда Старынкевичу, Тельбергу¹³⁸ и мне предложено было выработать основной закон, определяющий права Верховного Правителя и права Совета министров, мы остановились на мысли, что **Российское Правительство составляют Верховный Правитель и Совет министров**». Законодательная власть Верховного Правителя была ограничена, он стал “диктатором конституционным”»^{III}.

18 ноября по телефону во все концы Сибири и Урала были переданы следующие два постановления Совета министров.

Первое:

«Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Вр. Всероссийского Правительства, Совет министров, с согласия наличных

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 310.

^{II} Жир. шрифт Г. К. Гинса.

^{III} Текст этого основного закона, озаглавленного «Положение о временном устройстве Государственной власти в России», приведен в Приложении № 60.

членов Вр. Всероссийского Правительства, постановил: принять на себя всю полноту верховной государственной власти»^I.

Второе:

«Ввиду тяжкого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту верховной власти в одних руках, Совет министров постановил: передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя»^{II}.

Во исполнение приведенных только что постановлений Совета министров адмирал Колчак отдал по Армии следующий приказ:

«§ 1. Сего числа постановлением Совета министров Всероссийского Правительства я назначен **Верховным Правителем**.

§ 2. Сего числа я вступил в Верховное Командование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России»^{III}.

К населению же адмирал Колчак обратился с таким воззванием:

«18 ноября 1918 года Всероссийское Вр. Правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Русского флота Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройства государственной жизни, — объявляю:

Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам»^{IV}.

18 же ноября Совет министров поручил^V министру юстиции назначить под личным наблюдением следствие о происшедших в Омске в ночь на 18 ноября событиях.

19 ноября состоялось постановление Совета министров о предании чрезвычайному суду Волкова, Катанаева¹³⁹ и Красильникова^{VI}.

^I *Зензинов В.* Государственный переворот адм. Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сборник документов. Париж, 1919, с. 9.

^{II} Там же, с. 10.

^{III} Там же, с. 10–11.

^{IV} *Зензинов В.* Государственный переворот адм. Колчака в Омске 18 ноября 1917 г. Сборник документов. Париж, 1919, с. 91.

^V Текст этого постановления приведен в Приложении № 61.

^{VI} Текст этого постановления приведен в Приложении № 62.

В тот же день министр юстиции Старынкевич в заседании Совета министров доложил¹, что возложенное на него расследование значительно было облегчено тем, что казацкие офицеры Волков, Катанаев и Красильников явились к нему и отдали себя в руки закона. Узнав от них о месте заключения Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, А. А. Аргунова и Е. Ф. Роговского, министр юстиции сам отправился дабы освободить их из-под ареста. «Незаконно лишенные свободы, — заключил свой доклад С. С. Старынкевич, — пожелали, чтобы я отвез их в частную квартиру одного из них, находящуюся в г. Омске, и чтобы им была обеспечена их безопасность и неприкосновенность, как во время переезда, так и в указанной ими квартире. Я лично отвез освобожденных граждан на указанную квартиру, куда для их охраны были командированы три офицера. Добавляю, что согласно закона и принятого постановления Совета министров об учреждении суда над полковником Волковым и другими все данные расследования препровождены по принадлежности».

¹ Полностью этот доклад напечатан в Приложении № 63.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 57

Телеграмма военного министра Иванова-Ринова
в ответ на приказание ген. В. Г. Болдырева вернуть
с Дальнего Востока полк. Волкова¹

Омск, лично Главковерх, копии Административному Совету, Наштаврм Сиб. 12/10 ст. Култук. 15 час. 35 мин.

Согласно переданного через Наштаверха приказания, командирую Волкова для явки чрезследком^{II}. Проверив личным обследованием деятельность Крутовского Красноярске — частности в Омске, приходится признать эту деятельность явно провокационной. Если бы Крутовскому, Шатилову, Якушеву удалось осуществить государственный заговор Омске, то, несомненно, произошли бы катастрофические события. Выступление Волкова может быть юридически преступно, но в результате, несомненно, спасло положение. Единственно над ним тяготело преступление в убийстве Новоселова, за что я, будучи в Уфе и непосвященный в омские события, отрешил его от должности начгарнизона, заключив под стражу. По расследовании же событий я пришел к глубокому убеждению, что Волков к убийству Новоселова не причастен, почему я, принимая также во внимание, что следком не нашла нужным принять в отношении Волкова каких-либо мер пресечения против уклонения его от суда и следствия, освободил Волкова из-под стражи. Командируя Волкова по вашему приказанию в Омск, усердно ходатайствую перед вашим превосходительством не отказать войти в рассмотрение следующих моих соображений: 1) широкие общественные массы, сплоченные группы политических партий, за исключением крайних левых, считают Крутовского, Шатилова, Якушева и Облдуму вставшими на путь государственной измены, вовлекшими в противогосударственный заговор иностранное чешское войско; 2) те же группы считают Волкова выполнившим свой государственный долг; 3) всякая репрессия со стороны следком в отношении Волкова, при условии оставления безнаказанными Крутовского, Шатилова, Якушева и принявшей участие в заговоре Облдумы, может вызвать новую смуту. По изложенным соображениям считаю пребывание Волкова небезопасным для государственного порядка. Докладывая изложенное,

¹ Приведена согласно тексту, напечатанному на с. 71 книги ген. В. Г. Болдырева «Директория, Колчак, интервенты». Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925.

^{II} Чрезвычайная следственная комиссия. — *Прим. ред.*

присоединяю усердное ходатайство предотвратить возможное неосторожное решение чрезвычайной следственной комиссии.

№ 00232 Командарм Сиб. Ген.-Майор Иванов-Ринов.

Приложение № 58

Политическая программа торгово-промышленников,
принятая на их съезде, состоявшемся осенью 1918 г. в г. Уфе¹

I. Центральное управление

1) Вся власть, военная и гражданская, до Учредительного Собрания нового созыва вручается Верховному Главнокомандующему, ответственному перед этим Учредительным Собранием.

2) Министерство военное и морское, а также государственный контроль над общегосударственными и местными финансами находятся в исключительном единоличном ведении Верховного Главнокомандующего.

Управляющие министерствами военным и морским, а также государственный контроль над общегосударственными и местными финансами назначаются Верховным Главнокомандующим и в Совет министров не входят.

Законодательные меры по ведомствам военному и морскому издаются единоличной властью Верховного Главнокомандующего.

3) Верховному Главнокомандующему принадлежит единоличное право объявлять местность на военном или осадном положении:

В случае объявления города или местности в прифронтовой полосе или, вследствие возникших беспорядков, внутри какой-либо области или даже целой области на осадном положении — место это изымается из-под управления областного правительства на всё время осадного положения, и Верховный Главнокомандующий назначает туда генерал-губернатора, к которому переходит вся власть в данном месте.

II. Совет министров

4) При Верховном Главнокомандующем учреждается Совет министров под председательством одного из них. В случае присутствия в Совете министров Верховного Главнокомандующего председательствует в Совете министров Верховный Главнокомандующий.

5) Совет министров составляется одним из министров, которому Верховный Главнокомандующий поручает образовать кабинет. Министр, коему поручено образование кабинета, предлагает список

¹ Приведена согласно тексту, напечатанному на с. 285–287, т. I книги Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак».

членов Совета министров на утверждение Верховного Главнокомандующего и входит в Совет министров в качестве его председателя.

6) Совет министров ответственен перед Верховным Главнокомандующим. В случае конфликта председателя Совета министров с Верховным Главнокомандующим весь кабинет подает в отставку, и Верховный Главнокомандующий поручает составление кабинета иному лицу.

7) Совет министров состоит из следующих министров, каждый во главе отдельного ведомства: 1) министр военного снабжения и продовольствия армии, 2) министр иностранных дел, 3) министр общегосударственных финансов, 4) министр путей сообщения, 5) министр почт и телеграфов и государственных шоссейных путей, 6) министр торговли и промышленности, 7) министр внутренних дел и 8) министр юстиции.

8) Вышеперечисленные ведомства входят в исключительное управление Совета министров.

9) Совет министров издает законодательные меры общегосударственного характера, предварительно испросив утверждение Верховного Главнокомандующего.

10) В случае возникновения конфликта между председателем Совета министров и одним из министров последний обязан подать в отставку. Председатель Совета министров на вакантное место представляет Верховному Главнокомандующему кандидата на его утверждение.

III. Областные правительства

11) По делам местного характера учреждаются областные правительства, с согласия Верховного Главнокомандующего.

12) Областные правительства состоят из председателя и членов правительства, ведающих различные отрасли управления местного характера.

13) Каждое областное правительство ответственно перед Верховным Главнокомандующим. Верховный Главнокомандующий поручает составление областного правительства одному лицу, которое и входит в областное правительство в качестве его председателя. Список всех членов областного правительства предлагается председателем правительства на утверждение Верховного Главнокомандующего.

14) В случае конфликта областного правительства с Верховным Главнокомандующим всё правительство подает в отставку, и Верховный Главнокомандующий предлагает иному лицу образовать областное правительство.

15) В случае конфликта председателя областного правительства с одним из членов правительства последний обязан подать в отставку. Председатель областного правительства на вакантное место представляет Верховному Главнокомандующему кандидата на его утверждение.

16) Областные правительства организуют управление по своему усмотрению.

17) Областные правительства издают законодательные меры местного характера с утверждения их Верховным Главнокомандующим.

18) Взаимоотношения центрального и областного управления в области законодательства должны быть выработаны и определены временным законом.

19) В сфере областного управления должно находиться городское и земское самоуправление.

IV.

В местностях, где нет областных управлений, таковые подчиняются общему государственному управлению через местные ведомства соответствующих министерств.

Приложение № 59

ПРОКЛАМАЦИЯ¹,

изданная Центральным Комитетом партии
социалистов-революционеров в г. Уфе 22 октября 1918 г.

В борьбе обретешь ты право свое.

Партия социалистов-революционеров

Ц и р к у л я р н о.

Ко всем партийным организациям

В борьбе, идущей между Советской Россией и Россией Учредительного Собрания, между охлократией и демократией, этой последней угрожает грозная опасность от примкнувших к ней с целью ее порабощения элементов контрреволюции.

Стоящая в центре борьбы за Учредительное Собрание Партия С.-Р. должна поэтому прежде всего и более всего гарантировать себя от того, как бы через ее голову не перекатилась волна контрреволюции совершенно так же, как год тому назад перекатилась волна большевицкой анархии.

Одной из самых важных гарантий против этой опасности является образование в освобожденной от большевизма России такой центральной государственной власти, которая бы высоко держала знамя

¹ Приводится согласно копии с текста Прокламации, напечатанного в одной из Уфимской газет, заверенной г-ном Черновым и хранящейся в Гуверовской Библиотеке Войны (ныне Гуверовский институт войны, революции и мира, Пало-Алто (США). — *Ред.*).

народовластия, незапятнанное никакими сделками с его явными и тайными врагами, энергично укрепляла организованность трудовой демократии и столь же энергично разбивала все попытки к организации контрреволюционных замыслов и сил.

Существование такой власти вместе с тем явилось бы залогом популярности дела Учредительного Собрания среди трудовых масс в Советской России, а потому и залогом его победы.

Но удовлетворительного разрешения задачи организации власти на Государственном Совещании в Уфе достигнуто не было.

Внешними обстоятельствами, затруднявшими ее правильное разрешение, были гнет крайне тяжелого международного положения, усугубленного отсутствием центральной власти, упорное сопротивление реакционно-империалистической группы, свившей себе гнездо среди Сибирского правительства, при соучастии к ней высших кругов казачества, и угроза чреватых гражданской войной заговоров в атмосфере военных неудач на фронте Учредительного Собрания, ослабленного тайными и явными пораженцами.

С другой стороны, на результатах Совещания сказалась общая ослабленность позиций партийной эсеровской фракции, страдающей от недостатка единства и дисциплины, терроризованной военными неудачами и угрожающим поведением правых элементов, и оказавшейся поэтому не в силах обеспечить Партии С.-Р. такое место в Правительстве, которое соответствовало ее морально-политическому весу в массах.

Главная победа Партии на Уфимском Совещании, выразившаяся в признании последним правомочности Учредительного Собрания настоящего созыва, грозит стать чисто номинальной ввиду того, что своими последними заявлениями руководящие круги казачества и кадетские сторонники сибирской ориентации как бы совершенно игнорируют все принятые ими на себя в Уфе общеполитические обязательства. Что же касается пунктов, в которых Партии пришлось уступить, как в вопросах о личном составе и безответственности Директории и фиксации срока созыва Учредительного Собрания, то их значение сказывается в ряде политических промахов, обнаруженных Временным Правительством.

Таковыми являются выбор резиденции, территориальное разлучение со Съездом членов Учредительного Собрания, передачи важнейших общегосударственных функций соответствующим министерствам Сибирского правительства, подтверждение временного роспуска Сибирской Областной Думы, дляншаяся безнаказанность вдохновителей и руководителей омского контрреволюционного заговора, восстановление погонов и дисциплины старого типа, попытка ликвидации агитационно-культурно-просветительной работы в армии и целый ряд личных назначений, отдающих армию в руки реакционных генералов и атаманов.

Слабость Временного Правительства особенно ярко проявляется в его пассивности перед лицом таких фактов, как доселе неаннулированная отмена Сибирским Правительством закона Учредительного Собрания о земле, как Дутовская милитаризация рабочих, как сибирская расправа со Съездом профессиональных союзов и другими рабочими организациями и крестьянскими движениями, как целый ряд вопиющих нарушений свободы слова и личности, от которых всё чаще и чаще страдают отдельные лица и целые организации социалистических партий.

Несмотря на эти промахи и проявление слабости и нерешительности, Партия С.-Р., в соответствии с принятыми ею на себя в Уфе обязательствами, продолжает всемерно поддерживать центральное правительство в его борьбе с комиссародержавием и готова оказать ему такую же всемерную поддержку в борьбе с реакционно-авантюристическими группами, в руки которых местами попала областная власть и которая стремится сделать власть Всероссийского Временного Правительства чисто номинальной.

Партия С.-Р. далее готова оказать Временному Правительству всемерную поддержку в деле отстаивания демократической свободы и независимости России и установления нормальных отношений с союзниками, при условиях, обеспечивающих страну от того, чтобы занятие ее территории иностранными войсками не имело своим последствием ограничение ее суверенитета. В то же время Партия полагает, что страна имеет право быть достаточно осведомленной о соответствующих шагах Временного Правительства, чья формальная безответственность ни в коем случае не должна быть возвратом ко всем дефектам старой тайной дипломатии.

Независимо от сил и готовности Временного Правительства данного состава энергично действовать во всех указанных направлениях, центром тяжести своей тактики Партия С.-Р. должна сделать собиравшие собственные и примыкающие к ней демократических сил вокруг Учредительного Собрания и его преддверия — Съезда Членов Учредительного Собрания.

Работы Съезда должны быть для масс трудовой демократии пропагандой в пользу будущего Правительства, ответственного перед Учредительным Собранием, соответствующего социально-политической линии поведения его большинства и по своему составу достаточно однородного для того, чтобы проводить политику не только на словах, но и на деле с той настойчивостью и энергией, которой требует критический характер переживаемого времени.

В соответствии с этим Съезд Членов Учредительного Собрания должен теперь же приступить к разработке и широкой публикации во всеобщее сведение законопроектов для Учредительного Собрания и подготовить план организации власти в соответствии с федеративным

строем России. Деятельность Съезда должна быть направлена на утверждение в массах идеи народовластия и на мобилизацию общественных демократических сил во имя защиты Учредительного Собрания с тем, чтобы в случае посягательства на его права Съезд мог стать центром, организующим в его защиту революционную всероссийскую власть.

Сама Партия должна сомкнуться, сплотить теснее свои ряды, излечиться от неуверенности, колебаний, болезненного страха ответственности и склонности слишком легко капитулировать перед внешним давлением проложивших себе дорогу в ее ряды и грозящих оторвать верхи Партии от низов, слишком болезненно ощущающих все свои и шатания, являющиеся источниками поражения.

При этом условия отрезвления масс от миражей большевизма и левого эсерства и политическое банкротство руководящих ими фанатиков и авантюристов естественно возвратят в сферу влияния Партии те массовые элементы, которые были от нее оторваны беззащитной демагогией и революционным угаром бурного времени.

В предвидении возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, все силы Партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены с тем, чтобы в любой момент быть готовым выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевицкого фронта.

Работа по собиранию, сплочению, всестороннему политическому инструктированию и чисто военной мобилизации сил Партии должна явиться основой деятельности Центрального Комитета, давая ему надежные точки опоры для его текущего, чисто государственного влияния.

Работа в Советской России должна быть естественным дополнением к этой деятельности ЦК, привлекая к знамени Партии все те элементы масс, которые пришли к отрезвлению от большевицкого угара, наглядно показывая им, что только деятельность Учредительного Собрания и руководящей в ней фракции С.-Р. способны гарантировать народ от смены большевицкого засилья — контрреволюционным.

Партия должна быть радикально очищена от всех чужеродных элементов, вносящих в ее среду разложение, нарушающих выдержанность ее социалистических позиций и единство ее тактики и тем подрывающих ее дисциплинированность и энергию.

Лишь при таком выпрямлении своей политической линии поведения деятельность Партии С.-Р. будет стоять на всей высоте переживаемого трагического момента русской и мировой истории, и с каждым новым шагом впитывать в себя всё новые и новые толщи искушенной и наученной горьким опытом жизни массы, становясь всё более и более глубоко народной Партией и в этой, навсегда неразрывной связи

с народом, черпая силы для разрешения тех политических вопросов, которые для русского народа являются вопросами жизни и смерти.

Центральный Комитет Партии Социалистов-революционеров

Уфа, 22 октября 1918 года

Приложение № 60

ПОЛОЖЕНИЕ

о временном устройстве государственной власти в России,
утвержденное Советом Министров ноября 18 дня 1918 г.¹

1. Осуществление Верховной Государственной Власти временно принадлежит Верховному Правителю.

2. Верховному Правителю подчиняются все вооруженные силы Российского Государства.

3. Власть управления во всем ее объеме принадлежит Верховному Правителю. В делах управления подчиненного определенная степень власти вверяется, согласно закона, подлежащим местам и лицам.

Верховному Правителю принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности.

4. Все проекты законов и указов рассматриваются в Совете Министров и по одобрении их оным поступают на утверждение Верховного Правителя.

5. Все акты Верховного Правителя скрепляются Председателем Совета Министров и Главным Начальником подлежащего ведомства; из сего изъеются указы о назначении и увольнении Председателя Совета Министров, каковые скрепляются Управляющим Делами Совета Министров.

6. В случае тяжкой болезни или смерти Верховного Правителя, а также в случае отказа его от звания Правителя или долговременного его отсутствия, осуществление Верховной Государственной Власти переходит к Совету Министров.

Председатель Совета Министров

Петр ВОЛОГОДСКИЙ

Члены Совета Министров:

Александр КОЛЧАК,

И. МИХАЙЛОВ, А. ГАТТЕНБЕРГЕР,

Л. УСТРУГОВ, Н. ПЕТРОВ,

Г.-М. СУРИН, Г. ГИНС, И. СЕРЕБРЕННИКОВ,

С. СТАРЫНКЕВИЧ, Л. ШУМИЛОВСКИЙ,

Ю. КЛЮЧНИКОВ, П. ЩУКИН, Г. КРАСНОВ.

Управляющий делами Совета Министров

Георгий ТЕЛЬБЕРГ

¹ Приводится согласно тексту, напечатанному в № 1, от 19 ноября 1918 года, «Правительственного Вестника» — Омск.

Приложение № 61

Постановление Совета Министров

от 18 ноября 1918 г. относительно производства следствия о происшедших в Омске в ночь на 18 ноября событиях¹

Совет Министров постановил: поручить Министру юстиции безотлагательно назначить под личным его наблюдением следствие о событиях, имевших место в Омске в ночь на 18 ноября и выразившихся в лишении свободы членов Временного Всероссийского Правительства Авксентьева и Зензинова, заместителя члена Временного Всероссийского Правительства Аргунова и товарища министра внутренних дел Роговского.

Председатель Совета Министров

Петр ВОЛОГОДСКИЙ

Управляющий делами Совета Министров

Георгий ТЕЛЬБЕРГ

Приложение № 62

Постановление Совета Министров

от 19 ноября 1918 г., утвержденное того же числа
Верховным Правителем адмиралом Колчаком, о предании
чрезвычайному суду Волкова, Катанаева и Красильникова^{II}

Временно командующий сибирской казачьей дивизией полковник Волков, командир 1-го сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка, войсковой старшина Катанаев и командир партизанского отряда, войсковой старшина Красильников, посягнув на верховную власть с целью лишить возможности осуществлять таковую, арестовали в ночь на 18 ноября в г. Омске Председателя Всероссийского Правительства Н. Д. Авксентьева, его заместителя А. А. Аргунова, члена того же правительства В. М. Зензинова и товарища министра внутренних дел Е. Ф. Роговского. Ввиду сего Совет Министров постановил: 1) за указанное выше преступное деяние, учиненное поименованными лицами, предать их, полковника Волкова и войсковых старшин Катанаева и Красильникова, чрезвычайному военному суду, учредив его в следующем составе: председатель генерал-майор Матковский, члены: генерал-майор Бржезовский, полковник генерального штаба Сторожев, полковник сибирского казачьего войска Верников при запасном члене

^I Приводится согласно тексту, напечатанному в № I, от 19 ноября 1918 г., «Правительственного Вестника» — Омск.

^{II} Приведено согласно тексту, напечатанному на с. 13–14 сборника документов, собранных и изданных В. Зензиновым в Париже в 1919 г. под общим заглавием: «Государственный переворот адм. Колчака в Омске 18 ноября 1918 года».

Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, А. А. Аргунов и Е. Ф. Роговский и два адъютанта. Я объявил им, что они свободны.

Незаконно лишенные свободы пожелали, чтобы я отвез их в частную квартиру одного из них, находящуюся в г. Омске, и чтобы им была обеспечена их безопасность и неприкосновенность как во время переезда, так и в указанной ими квартире.

Я лично отвез освобожденных граждан на указанную квартиру, куда для их охраны были командированы три офицера.

Добавляю, что, согласно закона и принятого постановления Совета министров об учреждении суда над полковником Волковым и другими, все данные расследования препровождаются по принадлежности.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОГО ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Отношение к перевороту в стране

Еще при Директории комиссия, назначенная последнею для принятия дел от упраздненного Самарского правительства, выяснила, что это бывшее правительство, продолжавшее свою деятельность в Уфе под наименованием «Совета Управляющих Ведомствами», широко тратит казенные деньги на подготовку захвата эсерами государственной власти. Миллионы рублей ассигновывались на создание непосредственно подчиненной Съезду членов Учредительного Собрания (замаскированный Комуч) вооруженной силы вопреки категорическому запрещению подобных формирований; миллионы выдавались на расходы Центрального комитета партии эсеров под неопределенными наименованиями: «на зарубежную работу», «на неопределенные расходы», «на неотложные надобности». Было также произведено «беспримерное ассигнование» в 3 000 000 рублей «Правительству Башкирии». Последнее было фиктивным правительством, организованным эсерами в Оренбурге в противовес существовавшему там же Оренбургскому Войсковому правительству, которое «черновцы» считали по отношению к себе неблагонадежным. Истинный смысл этой денежной субсидии обнаружился сразу же после Омского переворота. Находившийся во главе правительства Башкирии эсер А. А. Валидов¹⁴⁰ пытался произвести в Оренбурге вооруженное выступление против Оренбургского Войскового правительства, признавшего адмирала А. В. Колчака как Верховного Правителя. Согласно свидетельству ген. И. Г. Акулинина¹, эта попытка была настолько беспочвенной, что фактически выступление и не состоялось. Сам А. А. Валидов вслед за тем перешел на сторону большевиков.

Продолжавшаяся после переворота ревизия еще полнее выяснила, «что эсеры явно готовили выступление против власти и что они обрабатывали, для обеспечения себе помощи, политических чешских представителей. Для этого они пользовались и всемогущим оружием — деньгами»¹¹.

¹ Статья «Колчак и атаман Дутов» // Возрождение от 7 февраля 1930 г.

¹¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 16.

Вот весьма показательное место из опубликованного ревизионного отчета¹: «19 (октября 1918 г.) г. Веденяпин, управляющий ведомством иностранных дел, — констатировала ревизия, — предъявил чек на один миллион рублей, но встретил решительный отпор со стороны представителей министерства финансов, указавших, что они не могут допустить расхищение государственных средств в столь тревожное время и притом на совершенно неизвестные и неопределенные цели. Тогда Совет управляющих ведомствами пошел по проторенной большевиками дорожке и арестовал лиц, заграждавших доступ к государственному сундуку, а затем на свободе вынул из отделения государственного банка 5 000 000 рублей... Несмотря на категорические приказы Министерства финансов отправить из присланных Омском в подкрепление Уфимского отделения 16 миллионов рублей, 5 000 000 в Оренбург, представители последнего денег не могли получить ввиду того, что Совет управляющих ведомствами решительно воспретил исполняющему обязанности управляющего Уфимским отделом государственного банка произвести эту отсылку...»

«Заслуживают также внимания и расходы Совета в связи с военными обстоятельствами. Сумма последних за время с 10 октября по 8 ноября составляет в общем 14 901 352 руб. 54 коп., причем свыше 9 560 000 руб. ассигновано в один день 7 ноября². Из приведенной суммы уполномоченному Совету на поддержание партизанских отрядов с развертыванием их в полки отпущено 4 500 000 руб. Ген. Войцеховскому на поддержание русских частей, работающих на фронте, — 2 000 000 руб. и уполномоченному Чехо-словацкого Национального Совета на поддержание русско-чешских частей — 3 000 000 руб. Столь щедрые ассигнования на поддержание и развертывание партизанских отрядов и батальонов Всероссийского Учредительного Собрания в полки становятся особенно симптоматичными, если припомнить, что эти ассигнования последовали вслед за известной «грамотой» В. Чернова о необходимости иметь в своем распоряжении батальоны совершенно особого и специального назначения. Мало того, Совет управляющих ведомствами считал себя вправе снимать ценности с эшелонов, эвакуируемых казначействами отделений государственного банка, — таким путем ему удалось захватить 36 000 000 рублей, и все они израсходованы вышеуказанным порядком».

Всем этим ассигнованиям была присуща одна характерная особенность: ассигнованные суммы тотчас же брались из казначейства и, по

¹ Напечатанного в «Правительственном Вестнике» от 4 декабря 1918 г., № 14 и в газете «Заря». — Цитировано у С. П. Мельгунова: «Трагедия адм. Колчака», ч. II, с. 217.

² Напомним, что упразднение «Совета Управляющих Ведомствами», т. е. бывшего Самарского правительства, было объявлено Всероссийской Директорией грамотой от 7 ноября. — *Прим. Н. Н. Г.*

выражению ревизионной комиссии, «бесследно исчезли». Подобное исчезновение иллюстрировалось ревизией следующим примером. Агитационный отдел Самарского правительства, согласно распоряжению члена Директории, ген. В. Г. Болдырева, подлежал, вместе с упразднением Самарского правительства, расформированию. Это не помешало отделу получить в середине октября 4 500 000 рублей; к моменту вскоре затем последовавшей ревизии на текущем счету отдела было показано лишь 16 рублей 60 копеек. Ревизионная комиссия объяснила эти «бесследные исчезновения» тем, что все эти деньги шли главным образом на агитацию против правительства¹.

Безусловно доказанный факт использования эсерами-«черновцами» громадных казенных денежных средств на свои партийные цели заставляет беспристрастного историка отнестись с большой осторожностью к тем выдержкам из печати и к тем постановлениям, которые приведены в брошюре В. М. Зензинова, изданной под общим заглавием: «Сборник документов». Если внимательно проанализировать приведенный им перечень, то нельзя не обнаружить, что это все были протесты одной и той же партии социалистов-революционеров, замаскированной различными названиями.

Выяснение этих злоупотреблений казенными деньгами усилило и без того существовавшее в правой и поправевшей либеральной интеллигенции озлобление против социалистов-революционеров и вместе с этим увеличилось ее сочувствие к совершившемуся изменению в государственном управлении. Оно повлияло также и на настроения тех радикальных и правосоциалистических элементов, которые объединились в «Омском блоке» и представляли собою в то время центр сибирской общественности. Несмотря на свое резко отрицательное отношение к «атаманшине», эта часть сибирской общественности не протестовала против переворота, видя в нем лишь неизбежное следствие губительной для возрождающейся государственности узкопартийной политики эсеров. В статье омской газеты «Заря» от 20 ноября выражена та политическая позиция, которую сразу же после переворота занял «Омский блок».

«Зная настроения и взгляды лиц, входящих в состав министерства, — говорится в этой статье, — можно быть убежденным в одном, что этот ответственный шаг² не был подсказан какими-либо личными случайными мотивами, а связан был с соображениями государственной важности.

Но оценивать события исторического значения нельзя только с точки зрения мотивов, которые воодушевляли действующих лиц;

¹ Газеты «Народ» и «Народное Дело». — Цитировано в книге С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака», ч. II, с. 219.

² Передача верховной власти адмиралу А. В. Колчаку. — *Прим. Н. Н. Г.*

такая оценка, чтобы быть достаточно правильной, каковой она должна быть соответственно важности момента, должна опираться на всесторонний учет объективной обстановки событий.

Такого всестороннего учета, повторяем, мы дать в настоящее время не можем, ибо недостаточно ознакомлены с фактической стороной событий.

Одно можно сказать уже теперь, что события эти, как бы ни были они неожиданными на первый взгляд, имели в действительности свой пролог в том напряженном состоянии, которое в последнее время со-здалось в условиях государственной жизни. Известно было, что Директория почти с первых шагов своей деятельности обнаружила крайнюю внутреннюю несогласованность, парализовавшую ее коллективную волю, и не могла найти общего определенного пути совместной работы и с Советом министров. Положение еще более осложнялось внешними политическими условиями, окружавшими Директорию.

Кризис, несомненно, создался раньше, чем вылился в определенную, резко очерченную форму.

Уже одно это обязывает каждого воздержаться от поспешных, поверхностных суждений о происшедшем, пока не выяснится точно картина событий.

Тот факт, что блок не распался после переворота, что все социалистические группы, раньше в него вошедшие, остались по-прежнему на стороне Омской власти... — резюмирует обстановку Г. К. Гинс¹, — не может не быть отмеченным. Это не было исключительно Омским явлением. Так сходились в то время различные мнения, и только теперь, после неудач адмирала, многие готовы раскаиваться в прежних своих воззрениях».

Народные массы в Сибири, так же как и в других местах России, жили своей совершенно обособленной от интеллигенции жизнью. Поэтому выяснение действительного отношения народных масс к происшедшему в Омске перевороту нужно искать в фактах поведения населения. Такой путь тем более правилен, что новое правительство, родившееся в Омске в силу переворота в ночь на 18 ноября, в первое время не обладало совершенно ничтожной физической силой для предотвращения тех вспышек недовольства в стране, которые могли бы возникнуть в том случае, если бы Директория была популярна в массах населения.

Эсер Колосов — злейший враг адмирала А. В. Колчака, свидетельствует, что «когда утром 18 ноября омский обыватель, проснувшись, узнал, что у него теперь новое правительство во главе с адмиралом Колчаком, то он отнесся к этому скорее благожелательно, чем с неудовольствием. Да и у многих на душе стало как-то легче»¹¹.

¹ Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 34.

¹¹ Журнал «Былое», т. XXI, с. 251.

Эсдек Майский, ставший впоследствии большевиком, подтверждает эту характеристику настроения «широкой обывательской массы»¹. Она, пишет он, «конечно, ни о какой борьбе (в защиту Директории) не думала, наоборот, она скорее сочувствовала Колчаку, от которого ожидала восстановления твердой власти. Город (Омск) был спокоен, до странности спокоен. Кучки любопытных, толкавшихся с утра около места заключения членов Директории и около некоторых правительственных зданий, постепенно растаяли, и все вернулись к своим шаньгам и пельменям».

Сам адмирал А. В. Колчак, правдивый и точный, в ответах на своем предсмертном допросе говорит²:

«В Ставке исполняющий должность начальника штаба вручил мне целый ряд телеграмм, которые прибыли в течение первых пяти дней. Эти телеграммы дали мне уверенность, что, по крайней мере, армия меня приветствует. Это были ответы на мое извещение; их были десятки³... Помнится, я получил даже телеграмму с приветствием от Союза сибирских маслоделов. В последующие дни приходили депутация и приветствия от различных крестьянских общин. Одной из первых была получена телеграмма от Хорвата... от атамана Дутова... От Правительства Оренбургского. Затем была получена одна весьма характерная телеграмма от Уральцев... Они... просили сообщить, какую политическую цель я ставлю в первую очередь. Я подтвердил, что моя задача заключается в том, чтобы путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы собрать Учредительное Собрание, на каком была бы высказана воля народа. Очень скоро я получил ответную телеграмму с приветствием и заявлением, что они передают себя в мое распоряжение... Но я не получил никаких известий только от двоих: от Семенова и Калмыкова».

Отношение только что поименованных двух атаманов к Омскому перевороту всецело обуславливалось отношением японцев, указке которых они подчинялись. Япония же сразу не высказывалась, ожидая выяснения линии поведения представителей Антанты. Известно было, что адмирал А. В. Колчак летом 1918 года, во время своего пребывания в Харбине при генерале Д. Л. Хорвате, имел ряд личных столкновений с представителями Японской армии. Адмирал А. В. Колчак, которому ген. Д. Л. Хорват поручил организацию противобольшевицких воору-

¹ Демократическая контрреволюция, с. 336.

² [Допрос Колчака. Л., 1925], с. 185.

³ Приветствия от земств и городов, достаточно многочисленные, пришли из-за сибирских расстояний позже — в январе—феврале. — См. «Правительственный Вестник» того времени.

женных сил, противился превращению партизанских отрядов Семенова и Калмыкова в слепые орудия японской политики на русском Дальнем Востоке. Естественно, что оба эти атамана, в особенности Семенов, ставший *persona grata* Японии, опасались появления во главе Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака.

20 ноября атаман Семенов послал адмиралу А. В. Колчаку телеграмму, в которой «требовал отмены суда над полковником Волковым, войсковыми старшинами Красильниковым и Катанаевым и настаивал на немедленной высылке их в его распоряжение, угрожая в противном случае идти на крайние меры!».

Подобным демагогическим ходом атаман Семенов рассчитывал обрести популярность в казачьей среде, озлобив ее одновременно против адмирала А. В. Колчака. Не без основания он считал, что это являлось лучшей подготовкой задуманного им следующего шага: образовать из обширной территории России, лежащей к востоку от озера Байкала, отдельное государство под его собственной властью. Шансы на выполнение этих намерений были велики, ибо это вполне отвечало японским вождениям.

Тем не менее, 21 ноября чрезвычайный военный суд над Волковым, Красильниковым и Катанаевым состоялся. Описание самого процесса приведено в приложении^{II}. Оно взято из харбинской газеты «Новости Жизни», относившейся к адмиралу А. В. Колчаку недоброжелательно.

«На суде правда переплелась с вымыслом, — пишет историк С. П. Мельгунов^{III}, — главным образом в показаниях членов политической контрразведки. Военная контрразведка, ставящая себе политические задачи, почти всегда и повсюду оказывается не на высоте, так было и здесь. Когда контрразведка утверждала, что партия эсеров поставила себе целью свержения власти — она была права. Когда она к этому заговору приплетала Авксентьева, она показывала только то, что не умела разобраться в политических отношениях. Однако надо считать безусловно доказанным, что эсеры самым широким образом пользовались правительственным аппаратом для своих узкопартийных целей».

Историку интересен этот процесс не столько для выяснения истинных причин переворота, сколько для выяснения психологии той среды, из которой вышли действующие лица переворота. Показания, даваемые на этом процессе, ярко показывают ту ненависть к эсерам, которая выросла в среде наиболее противобольшевицки настроенного офицерства, как последствие поведения этой партии в 1917 и 1918 гг.

^I Газета «Новости Жизни» (Харбин) от 21 декабря 1918 г.

^{II} См. Приложение № 64.

^{III} Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 214, 215, 216.

Не разбираясь между правыми, центральными и левыми эсерами, не отличая Н. Д. Авксентьева от В. Чернова, пострадавшее и измученное офицерство видело во всех социалистах-революционерах предателей противобольшевицкого дела.

Подобная психическая обстановка не могла содействовать спокойному и беспристрастному суждению суда. Поэтому нельзя не отметить, что последний выявил большое стремление к объективному суждению тем, что исключил в своем постановлении всякое упоминание о смещенных членах Директории — Н. Д. Авксентьеве и В. М. Зензинове. Это постановление суда было сформулировано так: «При рассмотрении дела о полк. Волкове и других, из показаний допрошенных свидетелей и представленных к делу документов суд усмотрел — что некоторые члены Центрального комитета партии социалистов-революционеров и члены партии составили и распространили воззвание, в коем призывали к мобилизации и вооружению членов партии социалистов-революционеров для борьбы против Всероссийского Временного правительства, восстановления Областной Думы и борьбы против дисциплины, установленной в армии и нежелательной для партии.

Роговский, совместно с другим членом партии социалистов-революционеров, организовал вооруженный отряд в целях устранения нежелательных для партии членов Директории: ген. Болдырева и Вологодского и выполнения террористических актов против офицеров и других лиц»¹.

Суд оправдал виновных; материалы же о выяснившейся противоправительственной деятельности эсеров постановил довести до сведения министра юстиции.

О настроениях, господствовавших в эти дни в Омске, свидетельствуют сцены, сопровождавшие оправдание подсудимых: зал огласился неистовыми овациями, «атаманов» качали и вынесли на руках, коридоры суда и лестницы были заполнены толпой, одобрявшей решение суда. Несомненно, что эта толпа являлась выразительницей тех кругов населения, которые, озлобленные поведением эсеров, искренно считали Н. Д. Авксентьева и В. М. Зензинова соучастниками замыслов «черновцев». Из этой среды упорно раздавались требования о предании суду Н. Д. Авксентьева и В. М. Зензинова.

Адмирал А. В. Колчак решительно этому воспротивился. Он решил их только выслать. «Со Старынкевичем^{II} я обсуждал вопрос — как их отправить, — рассказывает на своем предсмертном допросе адм. А. В. Колчак^{III}. — Было решено взять экстренный поезд с вагоном для

¹ Газета «Новости Жизни» (Харбин) от 23 ноября 1918 г.

^{II} Министр юстиции. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} [Допрос Колчака. Ленинград, 1925.] с. 178—180.

охраны их. Я немного опасался каких-нибудь выступлений по дороге, так как мне говорили о возможности нападения на них, и я обдумывал, как бы гарантировать их от этого. Я воспользовался близостью и знакомством с Уордом¹ и просил его вообще дать мне конвой из 10–12 англичан, который по дороге гарантировал бы от каких-нибудь внешних выступлений против членов Директории. Уорд с большим удовольствием согласился... затем я со Старынкевичем решил вопрос о том, какие суммы им нужно дать. На вопрос — куда они предполагают ехать, члены Директории ответили, что они хотят ехать в Париж, и им была выдана сумма приблизительно 75 000–100 000 рублей каждому в тот же день...»

Вместе с Н. Д. Авксентьевым и В. М. Зензиновым были высланы за границу также Е. Ф. Роговский и А. А. Аргунов. Поезд с выслаемыми был отправлен из Омска в ближайшую же ночь по окончании суда над переворотчиками.

Меры, принятые адмиралом А. В. Колчаком, не были излишни. Узнав о высылке вышеупомянутых лиц, атаман Семенов приостановил железнодорожное движение на перегоне Иркутск—Чита, приказав тщательно обыскать поезда с целью найти выслаемых. К счастью, его распоряжение запоздало, и выслаемые благополучно проехали.

Предполагая, что возбужденные против эсеров казаки, офицерство, правая и поправевшая общественность недовольны умеренностью адмирала Колчака, атаман Семенов предъявил телеграфно последнему 23 ноября ультиматум в 24 часа сдать власть Верховного Правителя. В противном случае атаман Семенов грозил объявить «автономию всей Восточной Сибири»^{II}.

Выступление атамана Семенова против адмирала А. В. Колчака могло вызвать весьма серьезные осложнения. «За Семеновым стояли японцы, весьма неодобрительно относившиеся к перевороту»^{III}. В руках Семенова находились все сообщения с Владивостоком, то есть с внешним миром. Японцы же недвусмысленно дали понять, что никаких действий против атамана Семенова они не допустят.

В создавшейся трудной для него обстановке адмирал А. В. Колчак мог найти реальную вооруженную поддержку только в казачьей и офицерской среде. А между тем как раз эту же среду, в особенности «атаманские организации», сильно взбудоражили протест и ультиматум Семенова против суда над участниками переворота. В напряженной психической обстановке дней переворота, даже в глазах многих, отрицательно относившихся к «атаманщине», Волков, Красильников,

^I Командир британского батальона, пришедшего в Омск. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Газета «Новости Жизни» (Харбин) от 26 ноября 1918 г.

^{III} *Уорд* [Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг., М., 1923], с. 90.

Катанаев рисовались как патриоты, прибегнувшие к *coup d'état*¹ для спасения зарождающейся государственности от большевицкой угрозы. В том, что захват «черновцами» власти являлся лишь преддверием большевизма, никто в контрреволюционном лагере не сомневался.

Желая примирить с собой эту среду и успокоить разгоревшиеся страсти, адмирал А. В. Колчак произвел оправданных судом Волкова в генерал-майоры, а Красильникова и Катанаева в полковники. Генерал барон А. П. Будберг, ставший впоследствии военным министром Правительства адмирала А. В. Колчака, считал это большой тактической ошибкой. «Плохой, действительно, симптом, — пишет С. П. Мельгунов^{II}, — когда правительство вынуждено идти на компромисс, считаясь с настроением кругов, в руках которых так или иначе были значительные вооруженные силы. В таких условиях всегда появляется опасность создания своего рода преторианцев, которые предъявят, когда нужно, свои счета к оплате».

«Опасный в Омске Волков был отправлен в Читу с миссией убедить Семенова в государственном вреде его выступления».

Поведение эсеров-«черновцев» тоже толкало адмирала А. В. Колчака в руки «атаманщины».

Как только «Совет Управляющих Ведомствами», то есть бывшее Самарское правительство, получил в Уфе известие о происшедшем в Омске перевороте, он разослал всюду, и в том числе Чехословацкому национальному совету, телеграмму, объявлявшую адмирала А. В. Колчака «врагом народа». Другой такой же телеграммой «Совет Управляющих Ведомствами» заявлял, что берет на себя всю полноту власти «на территории Учредительного Собрания (то есть до границ Сибири»^{III}), и призывал население к оружию для действий против адмирала А. В. Колчака.

«...Становитесь все в ряды русско-чешских полков имени Учредительного Собрания, — говорится в этой телеграмме, — в ряды отряда Фортунатова и добровольческих полков Народной армии. Не медлите ни часа. В промедлении — смерть демократии. А вместе с ней — и смерть начавшей возрождаться Великой России. К оружию, все за Учредительное Собрание».

Этот призыв остался без отклика. Ген. В. Г. Болдырев, находившийся в день переворота в Уфе и переехавший затем в Челябинск, так оценивает в своей записи от 20 ноября успех подобного выступления^{IV}: «Учитывая все те настроения, которые сложились за последнее время против всего, что связано с Съездом членов Учредительного Собрания,

^I Государственный переворот (*франц.*). — *Прим. ред.*

^{II} Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 220.

^{III} Ген. *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенты, с. 113.

^{IV} Там же, с. 114.

так и вообще с партией эсеров, можно было смело утверждать, что в тех слоях, которые проявляли то или иное активное участие в борьбе, воззвания эти почвы иметь не будут...»

Ставка эсеров на чехо-словаков тоже оказалась битой.

Чешские руководители узнали, что всякое выступление их войск в Омске в защиту павшей Директории встретит британские пулеметы. В Омск к этому времени пришел Британский батальон полк. Уорда. «Чехословацкие войска, — пишет полковник Уорд¹, — не могли арестовать новое русское правительство без того, чтобы не наткнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которые вели к помещению главной квартиры».

Предшествующая политика чехословацких политических руководителей действительно могла вызвать опасения вмешательства их в русские внутренние дела. В критические дни переворота в издаваемой в г. Уфе газете «Армия и Народ» было напечатано: «По имеющимся вполне достоверным данным Главнокомандующий Западным фронтом генерал Сыровой и Чешский Национальный Совет, как представители иностранной державы, не признали законность происшедшего в Омске переворота. В дальнейшем та или иная ориентация в отношении Омских событий будет принята в полном контакте с остальными союзными державами»^{II}.

Несомненно, что решительное поведение британцев охладило пыл чешских друзей эсеров. 19 ноября ген. Сыровой отдал приказ о нейтралитете чехо-словацких войск в отношении Омского переворота^{III}.

Отношение к Омскому перевороту в Армии

Еще большая неудача постигла эсеров в самом Екатеринбурге, где заседал Комуч под новым названием Съезда Учредительного Собрания. 18 же ноября председатель Комуча — В. К. Вольский выпустил воззвание «Ко всем народам России», в котором объявлялось об образовании Всероссийской власти в виде комитета из пяти эсеров с Черновым во главе^{IV}.

Эта новая «черновская» Директория просуществовала всего один день. 19 же ноября офицеры и солдаты 25-го Екатеринбургского горных стрелков полка, которым принесли это воззвание, самочинно арестовали В. Чернова.

^I Уорд, с. 82.

^{II} Цитировано в газете «Новости Жизни» (Харбин), 13 декабря 1918 г.

^{III} Телеграмма № 02876, содержащая этот приказ, приведена в приказе командующего войсками Самарской группы, напечатанном в Приложении № 65.

^{IV} Текст этого воззвания приведен в Приложении № 66.

Таков был ответ, данный самой армией на призыв к восстанию против только что организовавшегося в Омске Правительства адмирала А. В. Колчака. Доклад об этом происшествии, представленный 22 ноября командующему Северной группой чешскому генералу Гайде, совершенно определенно рисует отношение наиболее активной части армии к Омскому перевороту.

«19 ноября 1918 года, мы, офицеры и солдаты 25-го Екатеринбургского горных стрелков полка, вернувшиеся с фронта, узнали о провозглашении Верховным Правителем земли Русской адмирала Колчака.

Светлой радостью проникнулись сердца наши, засветилась надежда, что с созданием единой твердой военной власти прекратятся партийные распри, предательски разлагающие тыл доблестной армии чехо-словацкого народа и молодой армии нашей; твердой верой проникнулись мы, боевые офицеры и солдаты, в возрождение свободной единой великой России.

Но омрачена была радость эта — радость всего фронта, всех тех, кто отдает свою жизнь для блага России и народа ее, погибающего под игом германо-большевицкого гнета.

Усталые от боев и потерь, возвратившись в Екатеринбург, мы увидели предательские воззвания, призывавшие к свержению законной власти Верховного Правителя — того, с именем которого связаны надежды фронта на близкую победу над врагами России, чешского народа и наших великих союзников.

Возмущенные этим и желая спасти наших братьев, оставшихся на фронте, от предательства тыла, мы, видя отсутствие мер по отношению к предателям, решились на шаг, нарушивший воинскую дисциплину. Каждая минута казалась нам промедлением — и потому, не спросив разрешения своих высших начальников, мы арестовали мятежников, во главе с Черновым и другими членами Учредительного Собрания, отняли у них припасенное оружие, документы и преступные воззвания, составлявшиеся ими.

Сознавая всю тяжесть допущенного нами нарушения воинской дисциплины, мы просим о предании нас военному суду. Пусть же русский военный суд вынесет свой суровый приговор над нами как над солдатами возрождающейся армии российской; но мы останемся гордыми и счастливыми, сознавая, что и на фронте, и вне его сумели до конца выполнить свой неоплатный долг перед армией и перед нашей великой родиной».

В. Чернов и арестованные с ним эсеры были освобождены ген. Гайдой, предложившим вместе со Съездом Учредительного Собрания выехать в 24 часа из Екатеринбурга в Челябинск. Ближайший сотрудник В. Чернова — Н. В. Святицкий патетически описывает спешный отъезд «первых в России избранных» под охраной чехо-словацких войск. «От кого они

убегают? — восклицает он в конце этого описания¹. — От русских солдат! Кто их защищает? Иностранцы, какие-то чехи. А сами-то чехи, друзья или враги, “конвой” или “охрана”? Мудрый Эдип, разреши».

Французский полковник Пишон^{II}, оценивая отношение армии к Омскому перевороту, утверждает, что сочувствовала перевороту лишь Северная группа Восточного фронта, то есть сибирские войска. Находившиеся же в центре фронта части бывшей Народной Армии, в том числе «10 00 рабочих социалистов» Ижевского и Воткинского заводов, были будто бы против переворота.

Факты противоречат этому заявлению. Признание адмирала А. В. Колчака не вызвало никаких колебаний в Ижевской и Воткинской дивизиях, бывших, если можно так выразиться, наиболее «левонастроенными» частями Восточного фронта и состоявших исключительно из рабочих этих заводов. Эти дивизии не только признали адмирала А. В. Колчака Верховным Главнокомандующим и Правителем, но стали затем лучшими Колчаковскими воинскими частями. В прочих частях бывшей Народной Армии признание Омского переворота тоже не вызвало никаких инцидентов за исключением частей, сформированных полк. Махиным из крестьян южной части Самарской губернии. Полковник Махин, вступивший в партию эсеров, протестовал против переворота и пытался привлечь к своему протесту командуемые им войска. Но и здесь солдаты не поддержали протеста против Омского переворота, и эта попытка кончилась совершенно бескровно отъездом самого полковника Махина.

Я говорил уже в главе XVIII о расслоении, которое происходило в солдатской массе Народной Армии, и о том, что та часть этой массы, которая являлась наиболее устойчивой в противобольшевицком отношении, всё более и более тесно связывалась со своими офицерами. В дни Омского переворота она и пошла за ними.

Другая часть осталась инертной. Пробольшевицкие элементы скрывали свои чувства, а срединная масса не имела никаких причин выступить на защиту павшей Директории, а тем более за эсеров-«черновцев», призывавших к вооруженному восстанию. В представлении этой части солдатской массы колеблющиеся в своих настроениях эсеры-«черновцы» являлись теми же большевиками, но только второго сорта.

«Беспристрастный исследователь отметит потом, — пишет Г. К. Гинс^{III}, — что правы были агенты Сибирского правительства, когда

¹ *Свяцицкий Н. В.* К истории Всероссийского Учредительного Собрания. Съезд членов Учредительного Собрания (сентябрь—декабрь 1918 г.). М.: Изд. «Народ», 1921, с. 110—111.

^{II} “*Revue du Monde Slave*”, 1925, т. II, p. 258.

^{III} Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 278.

они доносили, что крестьянство Приволжского района не поддерживает ни Учредительного Собрания, ни Самарского правительства, потому что оно не видит принципиальной разницы между большевиками и эсерами. И те и другие — социалисты, и одни и другие не признают собственности. Реальная перемена незаметна, а изменение конституции власти для крестьянства безразлично».

Для крестьянина же, ставшего сознательным противобольшевицким бойцом в рядах армии Восточного фронта, так же как и для бойцов-рабочих, собравшихся в Ижевской и Воткинской дивизиях, вопрос — кто будет руководить ими в кровавой борьбе против большевиков, был вопросом первостепенным. В этом отношении имена генерала В. Г. Болдырева и адмирала А. В. Колчака являлись величинами совершенно неравнозначными.

В. Г. Болдырев был генералом, мало известным на фронте Великой войны и совершенно неизвестным в стране. На Востоке России он скомпрометировал себя в глазах наиболее действенно противобольшевицки настроенных элементов своей близостью к эсерам, к роли которых в противобольшевицкой борьбе эти элементы относились с подозрением.

Адмирал же А. В. Колчак был известен как выдающийся флотоводец не только в Армии, но и во всей стране. Своим поведением во главе Черноморского флота в первые месяцы революции он заслужил репутацию военного вождя, который, не преследуя никаких затаенных стремлений восстановить старый режим, в то же время имеет мужество противодействовать разрушительной стихии революции. При таком ореоле, окружавшем имя адмирала А. В. Колчака, не могло быть никакого сомнения, что армия не будет колебаться в выборе между ним и генералом В. Г. Болдыревым.

Воспоминания ген. В. Г. Болдырева, которого, как я говорил выше, Омский переворот застал на фронте, ярко показывают, насколько безнадежно было рассчитывать восстановить свергнутую в Омске Директорию при посредстве армии.

«В сложившихся условиях, — резюмирует генерал В. Г. Болдырев¹ обстановку 18 ноября, то есть в день получения известий об Омских событиях, — восстановление Авксентьева и Зензинова силой не было бы популярным, оно невольно связывало меня с Черновской группой, к которой я сам относился отрицательно...»

19 ноября, после разговора по прямому проводу с адмиралом А. В. Колчаком^{II} и по получении призыва «Совета Управляющих Ведомствами» к вооруженной борьбе против нового правительства, воз-

¹ Директория, Колчак, интервенты, с. 110.

^{II} Полный текст этого разговора приведен в Приложении № 67.

никшего в Омске, ген. В. Г. Болдырев записывает¹: «Учитывая все те настроения, которые сложились за последнее время против всего, что связано как со съездом членов Учредительного Собрания, так и вообще с партией эсеров, можно смело утверждать, что в тех слоях, которые проявляли то или иное активное участие в борьбе², воззвания эти почвы иметь не будут».

Еще через день В. Г. Болдырев, как опытный генерал, понимавший истинное настроение армии, решил подчиниться приказу адмирала А. В. Колчака прибыть в Омск. Там адмирал А. В. Колчак предложил ему уехать в Японию, причем денежно обеспечил его столь же широко, как и Н. Д. Авксентьева и В. М. Зензинова.

Печатая свою книгу, ген. В. Г. Болдырев пропустил в тексте ее одну фразу, записанную им в своем дневнике. Однако большевицкий редактор его книги восстановил ее в примечании³. Вот эта фраза: «Прощаясь (с адм. Колчаком), я сказал, что в тяжелую минуту я, не принимая участия в Правительстве, от командной роли не откажусь». Эти слова в психологическом отношении очень показательны, так как не подлежит сомнению, что если ген. В. Г. Болдырев не был бы убежден в те минуты в сочувствии армии адмиралу А. В. Колчаку, он подобного предложения не сделал бы.

Эти слова ген. В. Г. Болдырева имели также большое политическое значение. По существу говоря, они представляли собою признание совершившегося в ночь на 18 ноября переворота. Таким образом, ген. В. Г. Болдырев являлся третьим членом Директории из пяти ее членов, который санкционировал происшедшее изменение в государственном управлении. Вероятно, это обстоятельство и послужило причиной, заставившей впоследствии ген. В. Г. Болдырева попытаться исключить из своего дневника упоминание об этом его заявлении.

Отношение к перевороту иностранцев

Выше мне пришлось уже упоминать о решительных мерах, принятых командиром находившегося в Омске Британского батальона на случай вооруженного вмешательства чехо-словаков в русские дела. Это поведение полковника Уорда послужило главным основанием для создания легенды о том, что и самый переворот был подготовлен Британской миссией. Легенда эта усиленно поддерживается в писаниях представителей французской военной миссии с генералом Жаненом

¹ Директория, Колчак, интервенты, с. 114.

² Против большевиков. — *Прим. Н. Н. Г.*

³ *Болдырев*, с. 531, примечание В. Вегмана № 119.

во главе, ревниво относившихся к британскому влиянию в окружении адмирала А. В. Колчака.

Утверждения ген. Жанена о закулисной роли Британской военной миссии в Омском перевороте вызвали печатные возражения главы этой миссии генерала Альфреда Нокса¹: «Переворот, приведший Колчака к власти... был совершен Сибирским правительством, причем Англия об этом не знала, и не было с ее стороны ни малейшего попустительства».

Подробно исследовавший этот вопрос историк С. П. Мельгунов приходит к следующему заключению²: «Они (то есть британцы) не брали переворота под свое покровительство, а санкционировали то, что явилось после переворота».

Решительность, которую проявила Британская миссия в противодействие возможному вооруженному выступлению чехо-словаков в пользу Директории, может быть объяснена психологически. Члены Британской миссии успели уже насмотреться на то, что происходило в тылу Восточного фронта, на котором нарождающаяся русская противобольшевицкая армия вела кровавую борьбу против большевиков. Привыкшие мыслить эмпирически, англичане не могли сочувствовать тому партийному доктринерству, которое было столь характерно для русских социалистов-революционеров. Это несочувствие должно было быть особенно сильным в среде британских военных представителей, понимавших, что как раз в это время русские противобольшевицкие военные формирования переживали критические минуты перерождения из импровизированных отрядов в регулярные части. Этот психологически сложный процесс требовал наличия твердой власти. И консерватор генерал А. Нокс, и социалист полковник Уорд не могли поэтому сочувствовать Директории, которая не обладала никаким моральным авторитетом и левые члены которой не решались проявить независимость от партии эсеров, часть которой, под руководством В. Чернова, вела подрывную работу против самой же Директории.

«Я демократ, — пишет полковник Уорд³, — верящий в управление народа через народ, начал видеть в диктатуре единственную надежду на спасение остатков Русской цивилизации и культуры. Слова и названия никогда не пугали меня. Если сила обстоятельств ставит передо мною проблему для решения, я никогда не позволяю, чтобы предвзятые понятия или идеи, выработанные абстрактно, без проверки на опыте живой действительности, могли изменить мое суждение в выборе того или иного выхода; и я не смею думать, что если бы те же обстоятельства

¹ Slavonic Review, 1925, 164.

² Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 164.

³ Уорд, с. 89.

предстали вообще перед англичанами, то девять из десяти поступили бы так же, как я».

Из записей французского полковника Пишона^I может создаться впечатление, что французская миссия отнеслась к перевороту отрицательно. Несомненно, что здесь сказывалась зависимость ее от чехословацких политиков, информация которых вводила в заблуждение французов. Однако другой член французской миссии, Легра, чрезвычайно пристрастно и недоброжелательно относящийся к адмиралу А. В. Колчаку, все-таки признает, что в иностранных миссиях скорее сочувствовали перевороту^{II}.

Сам адмирал А. В. Колчак так рассказывает в своих предсмертных показаниях об отношении к нему в первые дни после переворота представителей С.А.С.Ш., Франции и Великобритании:

«Вообще отношения всех, кто ко мне являлся, были самыми положительными. Гаррис, американский представитель, относился ко мне с величайшими дружественными чувствами и чрезвычайной благожелательностью. Это был один из немногих представителей Америки, который искренне хотел нам помочь и делал всё, что мог, чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения. Гаррис, насколько я помню, прибыл ко мне первый с визитом на следующий день. Гаррис сказал мне: «Думаю, что в Америке этому событию будет придано самое неопределенное, самое неправильное освещение. Но, наблюдая всю атмосферу, всю обстановку, я могу только приветствовать, что вы взяли в свои руки власть, при условии, конечно, что вы смотрите на свою власть, как на временную, переходную. Конечно, основной вашей задачей является — довести народ до того момента, когда он мог бы взять управление в свои руки, то есть выбрать правительство по своему желанию». Я сказал ему: «Это есть моя основная задача. Вы знаете хорошо, что я прибыл сюда, не имея ни одного солдата, не имея за собой никаких решительно средств, кроме только моего имени, кроме веры в меня тех лиц, которые меня знают. Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться за нее лишний день, как только можно будет от нее отказаться». На это Гаррис сказал мне: «Я вам сочувствую и считаю, что если вы пойдете по этому пути и выполните задачи, которые ставятся перед вами, — то в дальнейшем мы будем работать вместе». В таком же духе говорил со мной и Ренье^{III}. Полковник Уорд был у меня на следующий день и сказал, что он также считает, что это — единственная форма власти, которая должна быть: «Вы должны нести ее до тех пор, пока, наконец, ваша страна не

^I "Revue du Monde Slave", 1925, т. II, р. 218.

^{II} Там же, 1928, т. II, с. 166.

^{III} Представитель Франции. — Прим. Н. Н. Г.

успокоится, и вы будете в состоянии передать эту власть в руки народа». Я сказал, что моя задача работать вместе с союзными представителями в полном согласии с ними и что я смотрю на настоящую войну как на продолжение той войны, которая шла в Европе»¹.

Единственное государство из бывших союзников России, которое заняло в дни Омского переворота особую позицию, была Япония.

Как я уже говорил выше, Япония опасалась, что появление адмирала А. В. Колчака в роли Верховного Правителя сможет положить предел ее хозяйничанию к востоку от Байкала. Но решительная поддержка, оказанная адмиралу А. В. Колчаку представителем Великобритании, оказала свое воздействие, и Япония воздержалась от проявления каких-либо открыто враждебных актов против провозглашения в Омске Верховного Правителя.

Это же обстоятельство оказало влияние и на поведение чехословаков в первые дни после переворота. Как я уже говорил выше, командир Чехо-словацкого корпуса ген. Сыровой отдал 19 ноября приказ, запрещающий под угрозой предания военному суду всякого рода политическую пропаганду на фронте.

Вопреки этому приказу 22 ноября появилась декларация Чехословацкого Национального Совета^{II}, распространенная не только в чехословацких, но и в русских войсках.

«Чехословацкий Национальный Совет (отделение в России), — говорилось в этой декларации, подписанной Потейдлем и Слободой, — чтобы пресечь распространение разных слухов о его точке зрения на текущие события, заявляет, что чехословацкая армия, борющаяся за идеалы свободы и народоправства, не может и не будет ни содействовать, ни сочувствовать насильственным переворотам, идущим вразрез с этими принципами. Переворот в Омске от 18 ноября нарушил начало законности, которое должно быть положено в основу всякого государства, в том числе и Российского. Мы, как представители чехословацкого войска, на долю которого в настоящее время выпала главная тяжесть борьбы с большевиками, сожалеем о том, что в тылу действующей армии силами, которые нужны на фронте, устраиваются насильственные перевороты. Так продолжаться больше не может. Чехословацкий Национальный Совет (отделение в России) надеется, что кризис власти, созданный арестом членов Всероссийского Временного Правительства, будет разрешен законным путем и потому считает кризис незаконченным»^{III}.

¹ Допрос Колчака. Ленинград: Гос. Изд., 1925, с. 186—187.

^{II} Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 166.

^{III} «Хроника...», приложение № 145.

Только что приведенная декларация Чехословацкого Национального Совета вызвала горячую отповедь русской национальной печати. «Отечественные Ведомости»^I указывали чехо-словакам всю неуместность их вмешательства во внутренние дела России. «Сибирский Стрелок» в Челябинске, орган Действующей Армии, писал так: «Относительно заявления гг. Потейдля и Слободы можем сказать, что братья должны оставаться братьями. Мы очень благодарны за помощь на фронте, но «просим не мешать нам строить жизнь, как мы хотим, о чем уже раз просили г. Рихтера в Омске по случаю разгона Сибирской Областной Думы, где г. Рихтер, благодаря неверной ориентировке, мог сыграть в судьбе России печальную роль».

Французский полк. Пишон, рассказывая о приведенной выше декларации, говорит, что она «ставила чехо-словаков в состояние скрытой враждебности по отношению ко всем русским сторонникам нового режима»^{II}.

На этой почве среди самих чехо-словаков произошли значительные осложнения. Чехо-словацкий генералитет, после вышеупомянутой декларации, постановил 25 ноября просить прибывшего из Франции в Сибирь с широкими полномочиями чешского генерала Стефанека произвести прежде всего реформу местного Чехо-словацкого Национального Совета^{III}.

То, что на чехо-словацких верхах происходила радикальная перемена в вопросе о вмешательстве в русские дела, свидетельствует беседа с адмиралом А. В. Колчаком чехо-словацкого уполномоченного Рихтера, того самого, неуместное вмешательство которого в пользу эсеров упоминалось несколько выше. Беседу эту описал сам адмирал А. В. Колчак.

Вслед за Гаррисом, Ренье и Уордом «меня, — говорит адм. А. В. Колчак^{IV}, — посетили Рихтер и Кошек. Со стороны Кошека отношение было самое милое, любезное, но всё чувствовалась какая-то неопределенность. Они спросили меня: “Что вы предполагаете делать?” Я сказал, что моя задача очень простая — снабжать армию, увеличивать ее и продолжать борьбу, которая ведется. Никаких сложных больших реформ я производить не намерен, так как смотрю на свою власть, как на временную; буду делать только то, что вызывается необходимостью, имея в виду одну задачу — продолжение борьбы на нашем Уральском фронте. Вся моя политика определяется этим. Стране нужна во что бы то ни стало победа, и должны быть приложены все усилия, чтобы

^I Московская газета, перебравшаяся из Москвы в Екатеринбург.

^{II} *La Revue du Monde Slave*, 1925, II, p. 263.

^{III} *Col. Pichon. Revue du Monde Slave*, 1925, II, p. 264.

^{IV} Допрос Колчака, с. 188.

достичь ее. Никаких решительно определенных политических целей у меня нет; ни с какими партиями я не пойду, не буду стремиться к восстановлению чего-либо старого, а буду стараться создать армию регулярного типа, так как считаю, что только такая армия может одерживать победы. В этом заключается вся моя задача. Тогда Рихтер задал мне вопрос: “Отчего вы раньше не говорили об этом, почему вы не спросили нашего мнения?” Я ему резко ответил: “Вам какое дело?” Я менее всего намерен был спрашивать иностранцев и заявил ему: “Ваше мнение совершенно не интересно и необязательно для нас”. Он сказал мне: “Мы принимаем участие в ведении войны”. Я ему ответил: “Да, но теперь вы никакого участия не принимаете; теперь вы оставляете фронт, — почему же вы хотите, чтобы мы справлялись с вашим мнением, и в особенности теперь, когда вы оставляете фронт?” Таким образом отношение чехов, в лице их представителей, было скорее недоверчивым; со стороны Рихтера оно носило как бы характер обиды, что всё сделано без их согласия, без предварительных переговоров с ними».

Черновцы-эсеры, рассчитывавшие на вооруженную помощь чехо-словаков, были крайне возмущены новой линией поведения этих последних.

«Черное предательство», — восклицает по адресу чехо-словаков ближайший сотрудник В. Чернова Н. В. Святицкий. «Мы поняли, что дружески союзные отношения между нами и чехами порваны», — пишет он несколько дальше¹.

Дальнейшее поведение чехо-словаков в Сибири показывает, что последние строки Н. В. Святицкого не вполне верны. Симпатии чехо-словацких политиков все-таки остались на стороне эсеров.

Выше я уже указывал, что на желание чехо-словацких друзей эсеров помочь последним в самом Омске охлаждающе подействовали пулеметы, выставленные британским полковником Уордом для охраны Правительства адмирала А. В. Колчака. Но настоящая причина перехода чехо-словаков к нейтралитету в русских делах лежит гораздо глубже. Чехо-словацкие войска не хотели больше драться и уходили с боевого фронта. С прекращением войны между Антантой и Центральными державами чехо-словацкие солдаты не видели никаких оснований дольше оставаться в России. Обвинять их за это не приходится, если только вспомнить истинные мотивы их вооруженного выступления против большевиков. Громкие слова о желании спасти братскую Россию только прикрывали узкоэгоистические расчеты воссоздать какую угодно ценою независимую Чехию.

¹ К истории Всероссийского Учредительного Собрания. Съезд членов Учредительного Собрания (сентябрь—декабрь 1918 г.), с. 113.

Политические руководители чехо-словаков отлично это понимали. Однако они не могли не видеть, что обстановка, создавшаяся в России благодаря вмешательству в русские дела союзников и обещаниям, ими данным, не позволит сразу же прервать начатую интервенцию. Приехавший в Сибирь в качестве Главнокомандующего Союзными войсками французский генерал Жанен продолжал щедро сыпать обещаниями. «Когда ему задали вопрос — будут ли союзники активно помогать России в борьбе с большевизмом, он, не задумываясь, ответил утвердительно. **«В течение ближайших 15 дней вся советская Россия будет окружена со всех сторон и будет вынуждена капитулировать»**¹.

Небезызвестный уже нам французский капитан Альфонс Гине, который уже применял раньше тот же метод посредством широких обещаний подталкивать русских и чехо-словаков драться против немцев, чистосердечно констатирует в своих воспоминаниях, что «после перемирия условия настолько изменились, что Совет Народных Комиссаров мог быть спокоен. Никто больше не хотел об этом думать: идти на Москву могли тогда желать только войска, которые уже были в России...»². Иначе говоря, чехо-словакам грозило, что французы вернут их на Восточный противобольшевицкий фронт для выполнения обещаний, которые они расточали такой щедрой рукой.

Речи приехавшего вместе с генералом Жаненом генерала Стефанека, объявленного первым военным министром независимой Чехословакии, как бы подтверждали эти опасения чехо-словаков. «Мы имеем задачей, — говорил он, — вернуть чехословацкое войско домой. Но мы бы действовали против традиций наших предков, если бы не согласовали поступков с честью солдата и совестью славянина»³.

В Омском перевороте чехо-словацкие политики увидели отличный предлог, чтобы уклониться от продолжения участия в вооруженной борьбе против большевиков. Они повели усиленную пропаганду в правительственных, и особенно в парламентских кругах Европы и Америки, которым, при содействии уехавших из Сибири эсеров, обрисовали Омский переворот как результат заговора кучки черных реакционеров, стремящихся силой вернуть в России старый режим. Пользуясь подобной предпосылкой, они объясняли уход чехо-словаков с фронта как нежелание воинов-демократов драться под знаменами реакционера и реставратора Колчака против русского народа.

¹ Гине Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 302. — Жирный шрифт Г. К. Гинса.

² Guinet Alphonse (*Capitaine d'Artillerie*). En Mission travers la Russie de Lénine. Paris, 1921, p. 154–156.

³ Цитировано у Г. К. Гинса: Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 302.

Вследствие полнейшего непонимания широкой европейской и американской публикой того, что происходит в России, эта пропаганда привела к тому, чего как раз опасался, как мы видели выше, представитель С.А.С.Ш. Гаррис: Омскому перевороту было придано «самое неправильное освещение».

Воздействие этой пропаганды оказалось столь сильным, что даже многие историки, как П. Н. Милюков, поддались влиянию чешских источников и упустили из виду тот, не подлежащий теперь оспариванию факт, что чехо-словацкие войска ушли с боевого фронта до **Омского переворота**. Не без основания можно даже утверждать, что сам Омский переворот, в числе других причин, обуславливался этим уходом: возмущенные им наиболее активно настроенные русские противобольшевицкие круги увидели в этом окончательный провал политики эсеров, с которыми, как известно, так тесно связались чехо-словацкие лидеры.

Внимательное исследование не оставляет никакого сомнения в том решительном значении, которое имело для хода событий в Сибири окончание войны между Антантой и Центральными Державами. Обещания помогать русским патриотам продолжали раздаваться в устах бывших союзников России..., политический «маховик» продолжал вращаться по инерции, но толкающей его силы больше уже не было. Союзная интервенция в Сибири, как это отчетливо видно из предыдущих глав, имела совершенно определенные цели: Великобритании, и в особенности Франция, стремились воссоздать противогерманский фронт на Волге, а С.А.С.Ш. — лишь оказать помощь чехо-словакам против нападающих на них вооруженных австрийских и германских военнопленных¹. Сознание того, что с перемирием 11 ноября союзная интервенция в Сибири по существу дела должна была пойти на убыль, в ноябрьские дни не могло еще оформиться. Но предчувствие того, что никакие убеждения не смогут заставить усталые от небывалой войны народные массы Франции и Великобритании продолжать в каком бы то ни было виде эту войну, не могло повлиять сразу же на поведение иностранных представителей в Сибири. Не в этом ли именно нужно искать главную причину их поспешности в выражении сочувствия адмиралу А. В. Колчаку в первые же дни после Омского переворота? Не надеялись ли они, что появление у кормила Верховной власти этого хорошо известного союзникам доблестного военного вождя может привести к ликвидации гражданской войны в России без помощи их собственных вооруженных сил?

¹ Официальное заявление Вашингтонского правительства от 3 августа 1918 года.

28 ноября Верховный Правитель счел нужным лично высказать представителям печати мотивы, побудившие его принять верховную власть, а также свой взгляд на будущие задачи этой власти.

«Когда распалось Всероссийское Временное Правительство (Директория), — так начал свое заявление адмирал А. В. Колчак, — и мне пришлось принять на себя всю полноту власти, я понимал, какое трудное и ответственное бремя я беру на себя.

Я не искал власти и не стремился к ней, но, любя родину, я не смел отказаться, когда интересы России потребовали, чтобы я встал во главе правления.

Момент, какой мы сейчас переживаем — исключительной важности. Россия разрознена на части, хозяйство ее разрушено. Нет Армии. Идет не только партийная распря, ослабляющая собирание страны, но и длится гражданская война, где гибнут в братоубийственной войне тысячи полезных сил, которые могли бы принести родине громадные и неоценимые услуги.

Я не буду входить в рассмотрение причин, которые повели к распаду власти Временного Правительства, но для того, чтобы не было и тени сомнения, что я не являлся каким-то самозванцем или даже захватчиком власти, мне придется напомнить ту обстановку, в какой произошла передача власти мне.

Бывшее Временное Правительство разделяло власть вместе с Советом Министров.

Чрезвычайные события, прервавшие деятельность Временного Правительства, побудили Совет Министров, с согласия наличных членов Временного Правительства, принять на себя всю полноту власти, которая затем специальным актом того же Совета Министров была вручена мне.

Передача эта мотивирована тяжким положением государства и необходимостью сосредоточить всю власть, и военную и гражданскую, в руках одного лица.

Это нужно нам для успехов военных, это нужно для успехов международных; это, наконец, жизненно необходимо нам для твердой и решительной внутренней политики, ибо что сгубило коалиционную Директорию, как не борьба течений внутри ее самой, приводившая к слабости ее действий, к половинчатости ее решений.

Из ряда законодательных актов видно, таким образом, каким порядком я получил власть и что в сущности являлось руководящим началом для сосредоточения этой власти в руках одного лица.

Меня называют диктатором.

Пусть так — я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским. Как Сенат Древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет Министров Российского государства в тягчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным Правителем.

Приняв власть, я немедленно разъяснил населению, чем я буду руководствоваться в своей государственной работе.

Я сказал: я не пойду ни по пути реакции, ни по губельному пути партийности. — И это свое обещание я оправдаю не словами, а делом.

Я сам был свидетелем того, как губельно сказался старый режим на России, не сумев в тяжкие дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И, конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать всё то, что признано самим народом ненужным.

С глубокой искренностью скажу вам, господа, что теперь, пережив впечатления тяжелой мировой войны, я твердо укрепился на той мысли, что **государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании».**

Я всегда являлся сторонником порядка и государственной дисциплины, а теперь в особенности буду требовать от всех не только уважения права, но и — что главнее всего в процессе восстановления государственности — поддержания порядка.

Порядок и закон в моих глазах являются неизменными спутниками, неразрывно друг с другом связанными. Я буду принимать все меры, которыми располагаю в силу своих чрезвычайных полномочий, для борьбы с насилием и произволом. Я буду стремиться к восстановлению правильного отправления всех функций государственной жизни, служащих не только делу государственного строительства, но и возрождению родины, так грубо, так дерзко нарушенному предательской рукой большевиков.

Мне нет нужды говорить о том, какой вред принесли эти люди России. Вот почему и дело восстановления родины не может не быть связанным с беспощадной, неумолимой борьбой с большевиками. Только уничтожение большевизма может создать условия спокойной жизни, о чем так исстрадалась русская земля; только после выполнения этой тяжелой задачи мы все можем снова подумать о правильном устройстве всей нашей державной государственности. Следует всегда помнить, что мы здесь не одни, что такая же борьба с большевиками ведется на юге, на севере и на западе России, где так же проснулась тяга к возрождению и восстановлению русской державы.

Обстановка, в какой мы сейчас пребываем, заставляет меня и моих ближайших помощников сосредоточить всё внимание прежде всего на создании сильной боеспособной армии. Это наша первостепенная задача.

Без армии нет государства; без армии нет возможности охранять достоинство и честь родины. Печальный развал армии на фронте в прошлом году лучше всего подтверждает мою мысль. Если интеллигенция является мозгом страны, то армия является источником ее силы и крепости.

Другая ближайшая задача, которая неразрывно связана с восстановлением армии — это соглашение с остальными государственными образованиями, которые стремятся в разных областях освобожденной от большевиков России охранить русскую государственность. К этому соглашению должны быть приложены все усилия, дабы державные интересы России не пострадали и не умалились, и мне думается, что и здесь единоличная форма власти в такой переходный период облегчит соглашение между людьми, стоящими во главе отдельных правительств.

В результате этого процесса воссоединения России могут быть поставлены на очередь и те вопросы, которые, вне всякого сомнения, вполне законно волнуют разные общественные круги — именно вопросы о том, какой же образ правления будет в конце концов установлен в России.

Раз будут созданы нормальные условия жизни, раз в стране будет царить законность и порядок, тогда возможно будет приступить и к созыву Национального Собрания.

Я избегаю называть Национальное Собрание Учредительным Собранием, так как последнее слово слишком скомпрометировано. Опыт созыва Учредительного Собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного Собрания собралось партийное, которое запело интернационал и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо.

Вот почему я и говорю о созыве Национального Собрания, где народ, в лице своих полномочных представителей, **установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России.**

Я не знаю иного пути к решению этого основного вопроса, кроме того пути, который лежит через Национальное Собрание.

Работы на пути возрождения России предстоит много. Она непосильна одному человеку.

Я был бы безумцем, если бы возмечтал выполнить ее единолично. Нет, вся эта многотрудная работа будет выполнена мною в полном единении с Советом Министров, и я глубоко убежден, что наши на-

мерения будут встречены доверием и поддержкой населения страны. В этом меня убеждают сотни приветственных телеграмм, искренних и горячих, которые я получаю сейчас со всех концов Сибири».

В только что приведенном заявлении адмирала А. В. Колчака, так же как и в цитированной несколько выше его беседе с иностранными представителями, формулирована вся политическая программа Верховного Правительства. Увидеть в ней какие-либо стремления к реставрации старого режима никак нельзя. Она проникнута демократическим духом. Контрреволюционность ее заключается лишь в стремлении восстановить в государстве законность и порядок. Решение всех основных государственных и социальных вопросов откладывается до созыва нового Учредительного Собрания. Правда, адмирал А. В. Колчак называет это собрание другим именем, а именно — «Национальным», но он делает это с целью подчеркнуть, что вопрос идет не о реставрации старого Учредительного Собрания, а о созыве нового, и что это новое Собрание не должно быть односторонним выражением чаяний одной только политической партии, а должна являться действительным выражением воли всей нации.

Не подлежит сомнению, что в политическом и социальном непредрешенстве программы адмирала А. В. Колчака выявлялась его искренняя демократичность. Но также несомненно, что это непредрешенство имело в своей основе причину другого порядка: оно являлось продуктом той психологии, которая рождается в атмосфере тяжелой войны.

Если мы внимательно вдумаемся в программу адмирала А. В. Колчака, то мы не сможем не заметить, что ее наиболее характерною особенностью является ее исключительно военный характер. Все ее внимание поглощено одной ближайшей задачей: одержание окончательной победы в войне против большевиков, на которую она смотрит, «как на продолжение той войны, которая шла в Европе». В особенности ярко выражена исключительно «военная» сущность программы адмирала А. В. Колчака в его беседе с чехо-словацким представителем. «Моя задача очень простая, — сказал адмирал А. В. Колчак, — снабжать армию, увеличивать ее и продолжать борьбу, которая ведется. Никаких сложных больших реформ я производить не намерен... буду делать только то, что вызывается необходимостью, имея в виду одну задачу — продолжение борьбы на нашем Уральском фронте. Вся моя политика определяется этим. Стране нужна во что бы то ни стало победа... Никаких решительно определенных политических целей у меня нет, ни с какими политическими партиями не пойду, не буду стремиться к восстановлению чего-либо старого, а буду стараться создать армию регулярного типа, так как считаю, что только такая армия может одерживать победы. В этом заключается вся моя задача».

«Беседа с адмиралом, — записывает в своих воспоминаниях Г. К. Гинс¹, — оставила самое лучшее впечатление. Искренность, с которою всегда говорил Колчак, не умевший быть фальшивым, сквозила и в его тоне, и в выражении лица и обычно очаровывала собеседников».

«Беседа много способствовала тому, что Омский блок, сыгравший такую положительную роль в деле поддержки Сибирского правительства против Думы и Директории, вновь ожил, чтобы оказать моральную поддержку диктатору».

Хотя ответ блока на выступление Верховного Правителя последовал значительно позже — 19 декабря, но он являлся прямым ответом на декларативные заявления адмирала, и потому я приведу его сейчас:

«Его Высокопревосходительству Верховному Правителю адмиралу Александру Васильевичу Колчаку.

Нижепоименованные политические и общественные объединения, в минуту исключительных бед для русского государства и народа, взаимно согласились выше всех обычно их разделяющих стремлений и воззрений поставить спасение и благо государства Российского и заботу о достоинии народа русского.

Обсудив на совместных совещаниях своих ту совокупность руководящих начал для предстоящей деятельности государственной власти в России, которая выражена в обращении Верховного Правителя к представителям печати от 28 ноября 1918 года нового стиля, нижепоименованные общественные объединения сознали в заявлениях Верховного Правителя жизненную верность и необходимость им указанного пути для русского народа и для русской власти.

Нижепоименованные объединения российских общественных сил, которым дороги начала здорового демократического устройства жизни русского народа, просят Верховного Правителя принять от них внушенные любовью к России глубоко искренние выражения бесповоротной решимости всемерно поддерживать власть Российского Правительства, возглавляемого единолично Верховным Правителем адмиралом Александром Васильевичем Колчаком.

Да благословит Бог труды Российской власти по восстановлению государства Российского в былом достоинстве и мощи, в мире и порядке, в праве, свободе и благосостоянии всего народа русского.

Представители:

Совета Всесибирских Кооперативных Съездов — Анатолий Сазонов.
Омского Отдела Союза Возрождения России — Владимир Куликов.
Всероссийского Совета Съездов торговли и промышленности —

Данила Каргалов.

¹ Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 32.

Омского комитета трудовой народно-социалистической партии —
Антонин Новиков (Николай Филашев).

Казачьих войск:

Сибирского — Ефим Березовский.

Забайкальского — Яков Лапшаков.

Семиреченского — Степан Шендриков.

Иркутского — Семен Мелентьев.

Омской группы партии социалистов-революционеров («Воля Народа») — Илья Строганов.

Восточного отдела центрального комитета партии «Народной Свободы» (к.-д.) — Валентин Жардецкий.

Центрального военно-промышленного комитета — Никита Двинаренко.

Акмолинского Областного отдела Всероссийского Национального Союза — Григорий Ряжский.

Атамановской¹ группы Российской социал-демократической рабочей партии «Единство» — Иван Рубанков.

Председатель блока политических и общественных объединений — А. Балакшин».

Одновременно блоком была заявлена такого же содержания декларация и Председателю Совета министров Российского Правительства Петру Васильевичу Вологодскому.

«Еще раньше было сделано заявление, — пишет Г. К. Гинс^{II}, — о полной готовности поддержать адмирала со стороны несоциалистических организаций. Но, конечно, это заявление было гораздо менее выигрышно для диктатора, чем обращение блока, включавшего в себя и социалистические элементы».

Ближайшие последствия переворота

«Значит — Диктатор», — формулировал происшедшие в ночь с 17 на 18 ноября перемены в государственном управлении один из присутствовавших членов Директории на ночном заседании Совета Министров — В. А. Виноградов. «По существу дела, это было так», — соглашается Г. К. Гинс, которому, как мы видели выше, было поручено, вместе с министром юстиции С. С. Старынкевичем и новым Управляющим делами Совета Министров Г. Тельбергом, составить “конституцию” для ограничения воли “диктатора”. Но сам же Г. К. Гинс признает, что это не произошло.

¹ Атамановский хутор — пригород Омска.

^{II} Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 36.

«На акте 18 ноября отразилась, — пишет Г. К. Гинс¹, — как спешность его составления, так и двойственность настроения его авторов, и я, один из трех авторов, сознаю, что акт был не вполне удачен. Мы рассчитывали на восполнение его новым Положением о Совете Министров, которое было поручено разработать новому управляющему делами, проф. Тельбергу. Но он не сделал этого, а практика пошла путем зигзагов, которые, в результате, исказили сущность ноябрьской конституции».

Обычно столь наблюдательный Г. К. Гинс, как непосредственный участник описываемых им событий, не замечает здесь, что причину неудачи попытки превратить диктатора, родившегося из переворота в ночь на 18 ноября, в конституционного правителя нужно искать гораздо глубже, чем он это делает.

Главная причина неудачи этой попытки заключалась в том, что она противоречила объективному ходу событий. Рождение диктатуры в контрреволюционном лагере на Востоке России являлось непосредственным следствием того же социального процесса, который привел в противоположном лагере к укреплению диктатуры Ленина.

Процесс, о котором идет здесь речь, представляет собой явление объективного порядка и вытекает из социологического свойства войны вызывать потребность в очень сильной и централизованной власти.

К осени 1918 года контрреволюционное движение на Востоке России окончательно приняло формы настоящей гражданской войны. Историк и социологу, конечно, трудно провести резко очерченную грань, на которой восстание превращается в гражданскую войну. Стратегически это различие провести легче. До тех пор, пока восстания представляют собою только отдельные вспышки, хотя бы даже в многочисленных очагах, мы не имеем еще дела с настоящей гражданской войной. Но по мере того, как эти очаги разрастаются и сливаются, создаются всё более и более отчетливые территориальные разделения между борющимися сторонами, образуются организованные боевые фронты, которые и составляют внешний стратегический признак гражданской войны. Внутренним же стратегическим признаком превращения восстания в гражданскую войну является перерождение наскоро собранных импровизированных групп в более прочные войсковые организмы. Этот крайне сложный процесс, сопровождающийся переходом от необузданной партизанщины к более регулярным формам ведения вооруженной борьбы, возможен только при наличии сильной и авторитетной командной власти. Для вооруженных сил, борющихся на фронте, вопрос о перерождении милиции в регулярные войска

¹ Сибирь, союзники и Колчак, т. I, с. 310.

является вопросом победы или поражения. Потому-то этот процесс и вызывает среди наиболее активно настроенных и наиболее сознательных элементов армии тяготение к военной диктатуре. Это стремление значительно усиливается в том случае, если вооруженные силы имеют в своем тылу взбудораженную предшествующими событиями страну, ибо в подчинении этой страны военному вождю армия видит единственную возможность обеспечить выполнение естественного для психологии каждой стремящейся к победе армии лозунга: «Всё для одержания победы».

Объективный характер этого стремления доказывается тем, что, как мы видели в главе XV, в августе месяце в Архангельске, как только начал создаваться Северный фронт, также произошел переворот, тождественный с таковым же в Омске. Психология Волкова, Красильникова и др. весьма близка к психологии Чаплина и его соратников. И те, и другие видели в социалистах, смешивая их всех в одну кучу, главную помеху для создания регулярной противобольшевицкой вооруженной силы; и те, и другие делали переворот не из личных честолюбивых расчетов.

Процесс перерождения импровизированных вооруженных сил в регулярные воинские части составляет лишь часть более общего процесса превращения контрреволюции в настоящую гражданскую войну. Создание прочного боевого фронта требует не только наличия сильной командной власти, но также и сильной правительственной власти. Потому, наряду со стремлением к сильной власти в самой армии, развивается аналогичное стремление и в общественных кругах и слоях населения, которые не хотят примириться с только что испытанным революционным режимом.

Ход событий на Востоке России очень показателен в этом отношении. Возникшая с выступлением чехо-словаков противобольшевицкая власть проходит через целый ряд трансформаций. Но каждая из этих трансформаций является лишь этапом к усилению центральной власти. Главной действующей пружиной всех этих перемен была армия, а в этой последней — составлявшее ее моральный стержень офицерство. Неспособность эсеров подняться над партийными интересами и дорастить до общегосударственной точки зрения привела к ряду конфликтов. Победила армия, и с победой ее воцарилась, если можно так выразиться, «военная психология». Это была также психология, родившая в 1917 году Белое Движение, идеология которого впервые оформилась в «Быховской программе» и которое нашло свое наиболее яркое выражение в Добровольческой Армии, с генералами Л. Г. Корниловым, а после его смерти — А. И. Деникиным во главе.

Эта «военная психология» и явилась объективной причиной, обусловившей полное идейное тождество политической программы

адмирала А. В. Колчака с «Быховской программой». Напомню здесь сказанное мною об этой программе в заключительных строках главы VI: «Перечитывая эту программу (Быховскую), нельзя не убедиться, что она носит исключительно военный характер. Все изложенные в ней требования преследуют только одну цель: довести войну до победного конца. Для этого требуется сильная безответственная власть. Но и только для того, так как эта же сильная власть не смеет разрешить ни одного основного государственного или социального вопроса. Все откладывается до Учредительного Собрания. Таким образом, в политическом и социальном отношении Быховская программа носит печать полного **непредрешенства**. С точки зрения этого непредрешенства наименование контрреволюционного течения, принявшего Быховскую программу, Белым Движением совершенно правильно. Подобно белому цвету, представляющему собой синтез всех цветов спектра, Белое Движение ожидало, что победа над врагом Великой России сама по себе приведет к примирению всех борющихся партий, классов и других социальных группировок».

Если мы сравним теперь программу адмирала А. В. Колчака с объявленным в мае месяце генералом А. И. Деникиным наказом¹, то мы заметим в них некоторое различие. Генералу А. И. Деникину также пришлось считаться с последствиями морального провала Учредительного Собрания первого созыва. Как мы знаем, ген. А. И. Деникин поступил более робко, нежели адмирал А. В. Колчак: в своем наказе он применил по отношению к будущему Учредительному Собранию фигуру умолчания². Так же точно умалчивал он о неизбежности демократического устройства будущей России. Он превращал «непредрешенство» Быховской программы в «уклонение» от политики.

Несомненно, что на формулировке политических программ адмирала А. В. Колчака и генерала А. И. Деникина сказались субъективные особенности обоих вождей. Но также несомненно и то, что Белое Движение на Востоке России пошло по более левому руслу, нежели таковое же на Юге России. И не случайностью явилось распределение воздействия двух главных общественных противобольшевицких центров, существовавших в Центральной России: влияние «Союза возрождения России», объединившего в себе правых социалистов и левых конституционалистов-демократов, сосредоточилось на Востоке России; влияние же «Национального центра», включившего в себя правых конституционалистов-демократов и прочие русские либеральные партии, сосредоточилось в Добровольческой Армии.

¹ См. Приложение № 30.

² См. параграф III этого Наказа (Приложение № 29).

Как я говорил в главах XIII и XIV, на поправение общественных настроений на Юге России решительное влияние оказала германская интервенция. На Востоке же России противобольшевицкое движение формировалось под исключительным влиянием демократически настроенных Держав Антанты.

Другую, не менее важную причину этого различия нужно искать в самом ходе развития контрреволюции на Юге и на Востоке России.

На Юге России, с самого же начала противобольшевицкой борьбы, Белое Движение выкристаллизовалось в резко очерченные формы. Это — Добровольческая Армия, в которой «быховская» идеология получает столь яркое выражение, что эта контрреволюционная организация образует на территориях казачьих областей своего рода государство в государстве.

На Востоке России контрреволюция протекает иначе. Элементы «Белой» идеологии в лице патриотически настроенного офицерства старой Русской Армии, конечно, имеются. Но они не обособлены в особой контрреволюционной организации, а распылены в рядах областных противобольшевицких вооруженных сил. Только после сложного процесса перерождения Сибирского областного правительства во Всероссийское Правительство адмирала А. В. Колчака, контрреволюционное движение на Востоке России принимает формы Белого Движения.

Идейное тождество¹ программы адмирала А. В. Колчака с «Быховской программой», несмотря на то что автор первой не имел никакого представления о последней, свидетельствует об объективном характере процесса, происходившего в русском контрреволюционном движении и толкавшего его в русло Белого Движения.

Образование на Востоке России военной диктатуры с адмиралом А. В. Колчаком во главе означало окончательную победу Белого течения в восточном контрреволюционном лагере и превращение Восточного фронта в Белый фронт. Эта победа приводила к увеличению боеспособности войск, уже дерущихся на Восточном фронте гражданской войны. Но она таила в себе также и отрицательные начала. Она передавала в руки военных элементов решение не только вопросов, касающихся организации армии, но и всех вопросов жизни страны вообще. От правильного же разрешения последних зависел существенный вопрос дальнейшего пополнения Белой Армии. Разрешение этого вопроса в создавшихся в России социальных условиях было делом чрезвычайно трудным. Оно требовало примирения в контрреволюционном лагере всех разнородных политических партий и группировок, дабы общими усилиями всей противобольшевицки настроенной

¹ Тождественность. — *Прим. ред.*

интеллигенции энергичной проповедью в народных массах побудить их активно вступить в борьбу против большевиков.

Казалось, что «непредрешенство» политической и социальной программы Белого Движения облегчало подобное примирение. Но действия людей, в особенности же людских масс, обуславливаются не столько идеями, которые они исповедуют, сколько чувствами, во власти которых они находятся. В этом отношении в недрах Белого Движения образовалось крупное внутреннее противоречие.

В рядовой массе Белого лагеря создалось непримиримое отталкивание от социалистических партий. Всякий социалист, будь то хотя бы крайне умеренный и крайне противобольшевицки настроенный Н. В. Чайковский, подозревался в тенденции к измене в пользу большевиков.

На протяжении многих страниц моего труда я старался показать, как образовалось это коллективное чувство. Напоминать здесь даже кратко отдельные этапы развития этого психико-социального отталкивания заняло бы слишком много места. Я укажу лишь здесь, что наиболее глубокую причину его нужно искать в присущем психологии русской интеллигенции максимализме ее стремлений и нетерпимости в области идей. И белые, и социалисты внесли свою лепту в печальный результат, который приводил к тому, что победа «Белой» идеологии в контрреволюционном лагере вызвала в нем окончательный раскол на две враждебных друг другу части.

В ответ на призыв эсеров-«черновцев» к свержению вооруженной силой образовавшегося в Омске нового Правительства адмирала А. В. Колчака, последний вынужден был отдать по Армии приказ¹, в котором предписывалось «всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применять оружие».

Армия, как мы уже знаем, пошла не за эсерами, а за адмиралом А. В. Колчаком. Видя свою полную неудачу и опасаясь репрессивных мер, значительная часть членов бывшего Самарского правительства и Комуча, с В. Черновым во главе, скрылась. Часть их, во главе с девятью членами² президиума Съезда Учредительного Собрания и ЦК партии эсеров (в их числе председатель Комуча В. К. Вольский и ближайший сподвижник В. Чернова — Н. В. Святицкий), перешли на сторону большевиков с целью создать «единый революционно-социалистический фронт против поднимающей голову реакции»³.

¹ См. Приложение № 68.

² Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, ч. II, с. 189.

³ Там же.

Эта измена произвела в Сибири очень сильное впечатление и еще более упрочила убеждение в предательской роли всех эсеров, уже царившее в Белом лагере.

Значительная часть эсеров не последовала примеру бывшего председателя Комуча В. К. Вольского. Но это не помешало некоторым из них посвятить все свои силы подрывной работе в самом контрреволюционном лагере. Загоревшаяся уже междуусобная борьба в сибирском крестьянстве давала широкие возможности для подобной работы. Положение старожилов и казаков затруднялось тем, что они откликнулись на призыв Сибирского правительства, и на их плечи главным образом и легла борьба на противобольшевицком фронте. Новоселам представилась весьма благоприятная обстановка для того, чтобы нанести удар ножом в спину своих противников. Это могло только содействовать усилению их и без того бунтарской психологии. И вот эсеры типа Колосова посвятили все свои силы подъему и организации крестьянских восстаний в тылу Восточного противобольшевицкого фронта. В этой подрывной работе они оказались фактически союзниками большевиков.

Многие из эсеров, которые не пошли ни на явный, ни на скрытый союз с большевиками, тем не менее тоже повели усиленную работу против Правительства адмирала А. В. Колчака в тех организациях и земствах, в которых они состояли. Даже такие умеренные и, в общем, государственно-настроенные эсеры, как Н. Д. Авксентьев, широко агитировали за границей против правительства адмирала А. В. Колчака, распространяя среди малоосведомленного в русских делах европейского и американского общественного мнения убеждение, что адмирал А. В. Колчак преследует цели реставрации старого режима.

В области социальных явлений, так же как и в области физических явлений, всякое действие вызывает соответствующее противодействие. В Белом лагере это выразилось в новой вспышке враждебности по отношению к социалистам, дошедшей до такой степени, что пребывание в контрреволюционном лагере даже тех социалистов, которые, во имя любви к своей Родине, готовы были оказать поддержку адмиралу А. В. Колчаку, становилось затруднительным.

Между тем такие социалисты были. Это свидетельствуется откликом «Омского блока» на программу адмирала А. В. Колчака, который я приводил выше. «Новая Сибирь» — орган иркутских эсеров, не сомневаясь в «искренности» Верховного Правителя, заявляла, что «объективная обстановка, созданная передачей власти» адмиралу А. В. Колчаку, не только не способствует, но даже совершенно определенно противодействует «установлению прочного демократического основания» в России. В этом была доля правды, но не вся правда. «Объективная обстановка», создававшаяся с появлением у власти адмирала

А. В. Колчака, действительно содействовала дальнейшему поправению контрреволюционного движения. Но в создании этой «объективной обстановки» виновны были и сами эсеры. Мы видели из предыдущей главы, что сам Омский переворот в значительной мере был вызван партийной непримиримостью и сектантским фанатизмом самих эсеров. Дальнейшее поведение «черновцев» могло только увеличить зависимость адмирала А. В. Колчака от правых группировок.

«Если переворот 18 ноября, — пишет Г. К. Гинс¹, — окончательно оттолкнул от Омского правительства эсеров, то зато обеспечил ему поддержку элементов, которые до сих пор держались в лучшем случае нейтрально. Убийство Новоселова, переворот 18 ноября — всё это симптомы, косвенно подтверждавшие и другими данными, что правые группы вели такую же подпольную работу, как и эсеры. У них были свои военные организации, своя контрразведка, свои люди в правительственных учреждениях. Переворот 18 ноября удовлетворил эти группы, но они сразу усилили свои позиции и укрепили свое влияние на власть...»

Усиление правых в контрреволюционном лагере, при уходе из него всех левых, естественно обусловило крен направо. Политическое же и социальное непредрешенство, составлявшее характерную особенность «Белой» идеологии, располагало к тому, что влияние тех представителей правых партий и буржуазии, которые сразу же примкнули к адмиралу А. В. Колчаку, смогло проявиться в усиленной степени.

«Большое влияние на дела стал оказывать омский присяжный поверенный Жардецкий¹⁴¹ II. Интересный, способный и умный, но фанатичный человек, с искалеченными нервами, крайней неуравновешенностью и несдержанностью — Жардецкий был фанатиком диктатуры и Великой России. С самого момента появления в Омске адмирала он стал его горячим поклонником. Раньше он мечтал о диктатуре генерала Хорвата. Жардецкий пользовался доверием адмирала и стал бывать у него. Его главным недостатком была отвлеченность мышления, мешавшая ему быть реальным политиком».

«Из группы торгово-промышленников большое доверие адмирала завоевал на первых порах бывший государственный контролер кабинета Штюмера, С. Г. Феодосьев¹⁴² III, еще молодой человек, считавшийся в Петрограде знающим финансистом. Он проживал в Омске, в качестве директора одного иностранного предприятия. От участия в Правительстве он упорно отказывался, предпочитая оказывать влияние со стороны»^{IV}.

¹ Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 18–19.

^{II} Сильно поправевший кадет. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Крайне правых убеждений. — *Примеч. Н. Н. Г.*

^{IV} Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 22.

Если таковы были последствия ухода эсеров из контрреволюционного лагеря, то самый переход «черновцев» к враждебным действиям против этого лагеря оказал другое, тоже существенное, психическое воздействие. Вызванное этим обострение «психологии борьбы» усилило роль военных элементов в контрреволюционном лагере. А это, в свою очередь, неизбежно должно было привести к усилению процесса кристаллизации контрреволюции в Белое Движение.

Конкретно это выразилось в усилении военной диктатуры и ослаблении роли в правительственном аппарате остававшихся там элементов прежнего Сибирского правительства.

«Совет министров остался в том же составе, какой определился при Директории. Большинство составляли прежние деятели Сибирского Правительства: Вологодский, Михайлов, Серебренников, Петров, Старынкевич, Шумиловский, Зефилов, Сапожников... Новыми были Ключников, Тельберг, Краснов¹⁴³, Гаттенбергер и военные: ген. Степанов и контр-адмирал Смирнов¹⁴⁴...

Настроение Совета министров, казалось, должно было быть довольно единодушным. Новые люди составляли меньшинство. Случайность министерских назначений, правда, сказывалась. Наличие трех наслоений: сибирского, директорского, колчаковского, время от времени проявлялась. Но не в этом была слабая сторона Совета министров, а в его беспрограммности»¹.

Говоря о «новых людях», Г. К. Гинс пишет: «Некоторые, как, например, полковник Лебедев, выскочили как из-под земли. Назначение этого молодого полковника начальником штаба Верховного Главнокомандующего, то есть фактическим Главнокомандующим, было для всех совершенно неожиданным. Боюсь, что адмирал избрал его совершенно случайно, только потому, что он приехал с нашивками Добровольческой армии и как бы принес с собою в Сибирь дух Корнилова и Деникина. Никто не подумал тогда, что это назначение могло быть результатом неумения адмирала разбираться в людях.

Другим видным политическим новичком был Сукин¹⁴⁵. Этот молодой человек, несмотря на свои 28 лет, успел уже побывать во Франции, Италии, Греции, Галиции и Америке и с низших дипломатических должностей поднялся до секретаря Русской миссии в Вашингтоне, куда поехал в 1917 году в качестве дипломатического чиновника, прикомандированного к Бахметьеву¹⁴⁶. В Омске Сукина называли «американским мальчиком». Перед его приездом из Владивостока было получено предупреждение, что Сукин держится определенно американской ориентации и своей тенденциозностью, при свойственных ему способ-

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 23–24.

ностях и умении освещать факты в желательном направлении, может оказаться человеком вредным... Сукин с первых же дней сумел попасть в самую в этот момент влиятельную группу омской общественности. Но скоро обнаружилось и другое. Он оказался одним из самых близких людей к адмиралу Колчаку и полковнику Лебедеву. Ему предоставлено было место начальника дипломатической канцелярии при ставке Верховного Главнокомандующего»¹.

В руках этих новых людей фактически и сосредоточилась правительственная власть.

«В первые, еще сумбурные дни “диктатуры” уже выяснился один неприятный штрих, — подводит итог всему сказанному Г. К. Гинс¹¹. — Адмирал — Верховный Главнокомандующий поглотил адмирала — Верховного Правителя вместе с его Советом министров. Ставка недаром производила впечатление муравейника. В ней были свои министерства. Сукин из Ставки диктовал указания министерству иностранных дел. Лебедев решал вопросы внутренней политики. Особая Канцелярия Верховного, так называемая “Осканверх”, законодательствовала».

Намерения Г. К. Гинса и одинаково с ним мыслящей либеральной интеллигенции парализовать отрицательные стороны «военной диктатуры» превращением адмирала А. В. Колчака в «конституционного диктатора», разбивались жизнью впервые же моменты.

Военная диктатура заострялась, и вместе с ней контрреволюционное движение на Востоке России окончательно принимало облик Белого Движения со всеми его сильными и слабыми сторонами. Восточный фронт войны, переродившийся из фронта внешней войны во фронт Гражданской войны, становился теперь «Белым фронтом».

¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак, т. II, с. 21–22.

¹¹ Там же, т. II, с. 42.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 64

Описание процесса полк. Волкова и войсковых старшин Катанаева и Красильникова

в Чрезвычайном Военном суде в Омске 23 ноября 1918 г.¹

21 ноября Чрезвычайным Военным судом в составе председателя генерал-майора Матковского¹⁴⁷, членов: генерал-майора Бржезовского¹⁴⁸, полковников Сторожева¹⁴⁹ и Верникова¹⁵⁰ заслушано дело: 1) о временно командующем сибирской казачьей дивизией В. И. Волкове, 2) командире 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка А. В. Катанаеве и 3) командире партизанского отряда войсковом старшине И. Н. Красильникове, обвинявшихся в посягательстве на верховную власть, выразившемся в том, что означенные лица арестовали в ночь на 18 ноября председателя Всероссийского правительства Н. Д. Авксентьева, его заместителя А. А. Аргунова, члена того же правительства В. М. Зензинова и товарища министра внутренних дел Е. Ф. Роговского.

Обвиняемых защищали прис. пов. В. А. Жардецкий и полковник Киселев¹⁵¹.

Обвиняемые, не отрицая своего участия в аресте членов правительства, не признали себя виновными и заявили, что действовали по побуждениям любви к родине.

Полковник **Волков** говорит, что он с самого начала наблюдал, в каких тяжелых условиях народилась сибирская государственность. Ход событий убедил его, что дело возрождения родины тормозится членами Директории Авксентьевым, Аргуновым, Зензиновым и Роговским. Последний был совершенно неприемлем с государственной точки зрения. С фронта получались тревожные сведения об антигосударственной работе социалистов-революционеров во главе с Черновым. Агитация эсеров вносила разложение в ряды молодой Сибирской армии. В Омске организовались большевицкие силы. У Волкова окончательно созрело намерение произвести арест некоторых членов Директории.

Красильников показывает, что до него дошли сведения о замышляемом Роговским его аресте, и он решил арестовать Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговского.

¹ Приведено согласно тексту, напечатанному в харбинской газете «Новости Жизни» от 26 ноября 1918 года.

Катанаев действовал по тем же убеждениям, кои руководили Волковым и Красильниковым, деятельность арестованных лиц считал гибельной для родины.

Свидетели штабс-капитан **Глебов**, полковники **Злобин**¹⁵², **Василенко**¹⁵³ и помощник начальника военного контроля при Ставке Верховного Главнокомандующего обрисовали картину заговора, замышляемого эсерами.

Комендант телеграфа штабс-капитан **Глебов** рассказывает о переговорах по прямому проводу с Уфой между Авксентьевым и членом партии эсеров Погановским. Содержание разговоров стало известным Глебову случайно. Аdjутант Авксентьева позабыл ленту на телеграфе. Авксентьев жаловался на трудность работы Директории: нам, говорил Авксентьев, тяжело работать, приходится бороться с бессознательной, дисциплинированной армией.

Часто прямым проводом пользовались Роговский, Зензинов, Моисеенко¹⁵⁴, Брушвит. Разговоры по прямому проводу происходили при условиях чрезвычайной конспиративности. Ленты или уничтожались, или забирались с собой. Между прочим, Авксентьев избегал пользоваться услугами телеграфистов местной конторы и приходил на телеграф со своим телеграфистом. Коменданту телеграфа стал известен разговор с Уфой члена комитета Учредительного Собрания Моисеенко с неизвестным лицом. Неизвестное лицо обращалось к Моисеенко с просьбой выдать из государственных средств около ста миллионов рублей на неизвестную цель.

Полковник **Злобин**, заведующий контрразведкой при Ставке Верховного Главнокомандующего, показывает, что к нему стали поступать сведения о подготовке эсеров к перевороту. Организовался ЦК партии в составе Авксентьева, Аргунова, Веденяпина, Вольского, Гендельмана, Гуревича, Брушвита, Минора¹⁵⁵, заместителей Роговского Климушкина, Фортунатова, Финиговского, Лазарева и Майстрах. Партия эсеров поставила целью свержение власти и начала предпринимать политические шаги. Из Новониколаевска был переведен в Омск распропагандированный в эсеровском духе отряд в 200 человек. Предполагалось, что для переворота можно использовать часть фронтовых войск, настроенных большевицки. В Уфе под руководством членов Учредительного Собрания Фортунатова и Климушкина организовались отдельные боевые отряды. Начальник государственной охраны эсер Калинин рассылал агитаторов в воинские части. Прапорщик Спрингович был назначен ком. учеб. начальником контрразведки, несмотря на то что был изобличен в явном сочувствии большевикам.

Афанасьев говорит, что эсеры наметили партийных кандидатов на министерские посты и второстепенные должности. Разведкой были

получены сведения, что в распоряжении Авксентьева имеется около двухсот миллионов рублей, переправленных в Омск через большевистские войска. Установить наличность фонда не удалось. О таком способе соглашения между эсерами и большевиками был подписан ответственными лидерами партии (пропуск).

Полковник **Василенко** сообщает сведения об обыске у гражданки Рерих. Были взяты документы иностранного отдела ком. Учр. Собрания. В документах содержится указание, что план партии эсеров — внести разложение в армию. Имеется копия переговоров с Брушвитом и Вольским и отрицательными отзывами о Сибирской армии. Подробные сведения об антигосударственной деятельности эсеров свидетель дает при закрытых дверях.

Соловейчик подробно останавливается на деятельности Роговского. В Самаре Роговский был уполномочен Комитетом Учр. Собрания организовать министерство государственной охраны. В состав милиции привлекались партийные эсеры, работавшие в боевых организациях. Под видом эсеров в милицию Роговского проникли большевики. Милиция Роговского обрушилась преследованиями на членов партии кадетов и офицеров, в то время как советские деятели и большевики свободно разгуливали по Самаре. Деятельность милиции вызвала всеобщее негодование среди общества. В Омск Роговский перевел большую часть самарских милиционеров. Свидетель полагает, что с назначением Роговского на пост заведующего государственной охраной эсерами преследовалась определенная цель: представлялась возможность скрывать формирование вооруженных сил с целью свержения власти.

Судом обвиняемые оправданы.

ПРИГОВОР

Омск, 22 ноября. Официально.

1918 г. ноября 21 дня, чрезвычайный временный суд в составе: председатель — ген.-м. Матковский, члены: ген.-м. Бржезовский, полк. Сторожев, полк. Верников, при делопроизводителе пор. Сосновском, рассмотрев дело по обвинению полк. В. И. Волкова, войскового старшины И. Н. Красильникова и войск. старш. А. В. Катанаева в посягательстве на верховную власть с целью лишить возможности осуществлять таковую, для чего арестовали в ночь на 18 ноября 1918 г. в гор. Омске председателя Всероссийского Правительства Н. Д. Авксентьева, его заместителя А. А. Аргунова, члена того же правительства В. М. Зензинова и тов. мин. внутр. дел Е. Ф. Роговского и, руководствуясь 172 и 1 п. 180 ст. ст. приказа по военному ведомству 1917 года № 336—334,

ПРИГОВОРИЛ:

Полковника В. И. Волкова 41 года, войскового старшину И. Н. Красильникова 30 лет и войскового старшину А. В. Катанаева 28 лет в предъявленном им обвинении считать по суду оправданными.

Приложение № 65

Приказ Командующего войсками Самарской группы¹ № 32

20 ноября 1918 г., гор. Уфа

Объявляю копии телеграмм Главнокомандующего Западным фронтом от 19 ноября № 02868 и 02876:

1) «В Омске возникли внутренние политические события.

Войска вверенного мне театра действий.

Я, как главнокомандующий союзными и примкнувшими к ним русскими войсками Западного фронта, имею определенную единственную и ясную задачу: борьбу с германо-мадьярами и их приспешниками-большевиками. Поэтому войска вверенного мне фронта будут выполнять эту задачу с прежней энергией и самоотвержением. Приказы исполнять только мои. Никакой агитации или пропаганды или политических распоряжений и воззваний внутреннего характера, могущих повлиять на стойкость и сплоченность войск к выполнению прямой боевой деятельности фронта, не допускать. Приказ этот прочесть во всех частях. № 02876.

Главкозап. Генерал-Майор Сыровой.

2) Главкозап приказал распространение всяких воззваний к населению, от кого бы то ни исходили помимо приказов Западному фронту, запретить. № 02868. И Д. Генкварта.

Полковник Клецанда¹⁵⁶.

На основании настоящих распоряжений Главнокомандующего:

1. Запрещаю опубликование и распространение каких бы то ни было политических воззваний или обращений к частям войск и к населению помимо Штаба Самарской Группы.

2. Информация печати и населения будет производиться через штаб вверенной мне группы.

3. Как временную меру для недопущения пропаганды воззваний и распоряжений внутреннего характера, могущих повлиять на стойкость и сплоченность войск, ввожу предварительную цензуру, задачей которой ставлю недопущение в печать распоряжений, воззваний

¹ Приводится согласно тексту, напечатанному в № харбинской газеты «Новости Жизни» от 13 декабря 1918 года.

и статей, заключающих в себе призыв к новой гражданской войне или вносящих раскол и смуту в ряды войск.

Командующий войсками Самарской группы
генерал-майор **Войцеховский.**

Приложение № 66

Воззвание председателя Комуча В. К. Вольского «Ко всем народам России»¹

17 ноября в Омске кучка заговорщиков арестовала членов Всероссийского Вр. Правит. Авксентьева, Зензинова и Аргунова. Часть министров, во главе с членом Правительства Вологодским, нарушила торжественное обязательство, подписанное ими самими, захватила власть и объявила себя Всероссийским Правительством, назначив диктатором адмирала Колчака. Съезд членов Всерос. Учр. Собр. берет на себя борьбу с преступными захватчиками власти, Съезд постановляет: 1) избрать из своей среды комитет, ответственный перед Съездом, уполномочив его принимать все необходимые меры для ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти на всей территории, освобожденной от большевиков. 2) Избрать в состав этого комитета председателя Учредительного Собрания Чернова, председателя Съезда членов Учр. Собр. Вольского, тов. председателя Съезда Алкина, членов Учр. Собр. Федоровича, Брушвита, Фомина и Иванова. 3) Поручить комитету, для выполнения возложенных на него задач, войти в соглашение с непричастными к заговору членами Всер. Врем. Прав., областными и местными властями и органами самоуправления, чешским Национальным Советом и другими руководящими органами союзных держав. Всем гражданам вменяется в обязанность подчиняться распоряжениям комитета и его уполномоченных.

Приложение № 67

Разговор по прямому проводу ген. В. Г. Болдырева с адмиралом А. В. Колчаком вечером 19 ноября 1918 г.^{II}

- У аппарата Верховный Главнокомандующий генерал Болдырев.
- У аппарата адмирал Колчак. Вы просили меня к аппарату.

^I Приводится согласно тексту, напечатанному на с. 11 второго тома книги Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак».

^{II} Приводится согласно тексту, напечатанному на с. 111–113 книги ген. В. Г. Болдырева «Директория, Колчак, интервенты».

— Здравствуйте, адмирал. Я просил вас к аппарату, чтобы выяснить все те события, которые произошли за мое отсутствие в Омске, а равно и те распоряжения, о которых я косвенно слышал и которые касаются вопроса о русском Верховном Главнокомандующем.

— Рассказывать всё по проводу невозможно. События в Омске произошли неожиданно для меня в Совете министров. Когда выяснился вопрос о Директории и Вологодский с Виноградовым признали невозможным ее дальнейшее существование, Совет министров в полном составе с председателем Вологодским принял всю полноту Верховной власти, после чего обсуждался вопрос, возможно ли при настоящих условиях управлять всем составом министров. Признано было, что такое коллективное правление ныне невозможно. Тогда был поднят вопрос об образовании Верховной власти двух или трех лиц. Это было признано тоже неприемлемым. Тогда вопрос свелся к единоличной Верховной власти и было суждение о двух лицах. Я указывал на Вас, считая, что для осуществления единоличного Верховного управления достаточно передать Верховному Главнокомандующему полномочия по гражданской части. Вопрос, таким образом, разрешается наиболее просто. Суждение об этом было и происходило в моем отсутствии. Я оставил зал заседания, высказав свое мнение. Совет министров постановил, чтобы я принял на себя всю полноту Верховной власти, указав на тяжесть переживаемого момента, недопустимость отказа. Я принял этот тяжелый крест как необходимость и как долг перед родиной. Вот всё.

Ген. Болдырев: — Таким образом, ни со стороны Вашей как военного министра, ни со стороны Командарма Сибири, ни со стороны Совета министров не было принято никаких мер к восстановлению прав потерпевших и к ликвидации преступных деяний по отношению членов Всероссийского Правительства. Кроме того, наличность третьего члена Директории, хотя и находившегося в отсутствии по делам службы, создавала кворум и право Директории распорядиться своей судьбой; и здесь и на фронте я уже видел гибельность последствий переворота, одним ударом разрушившего всё, что было с таким великим трудом создано за последний месяц. Я никак не могу стать на точку зрения такого спокойного отношения к государственной власти, хотя, может быть, и несовершенной, но имевшей в своем основании признак народного избрания. Я не получил от Вас ответа в отношении вопроса о Верховном Главнокомандовании и должен Вас предупредить, что, судя по краткой беседе с генералом Дитерихсом, и в этом отношении нанесен непоправимый удар идее суверенности народа, в виде того уважения, которое в моем лице упрочилось за титулом Верховного Главнокомандования и со стороны войск рус-

ских, и со стороны союзников. Я не ошибусь, если скажу, что Ваших распоряжений как Верховного Главнокомандующего слушать не будут. Я не позволил себе в течение двух суток ни одного слова, ни устно, ни письменно, не обращался к войскам и всё ждал, что в Омске поймут всё безумие совершившегося факта и ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране более внимательно отнесутся к делу. Как солдат и гражданин, я должен вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и считаю совершенно необходимым восстановление Директории, немедленное освобождение и немедленное же восстановление в правах Авксентьева и др. и сложение вами ваших полномочий. Я считал долгом чести высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что Вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы в сколько-нибудь правовом государстве были допущены такие приемы, какие были допущены по отношению членов Правительства, и чтобы представители власти, находившиеся на месте, могли спокойно относиться к этому событию и только констатировать его как совершившийся факт. Прошу это мое мнение довести до сведения Совета министров. Я кончил.

Адмирал Колчак: — Я не понимаю выражения ваших чувств в смысле спокойствия или беспокойствия Правительства и нахожу неприличным ваше замечание о принятии тех или иных мер в отношении совершившихся событий. Я передаю возможно кратко факты и прошу говорить о них, а не о своем отношении к ним. Директория вела страну к гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова всё то, что было создано до их вступления на пост Верховной власти. Совершившийся факт ареста их, конечно, акт преступный, и виновные мною преданы полемому суду, но Директория и помимо этого не могла бы существовать долее, возбудив против себя все общественные круги, и военные в особенности.

Присутствующие члены Директории Вологодский и Виноградов признали невозможным дальнейшее ее существование. Положение создавало анархию и требовало немедленного твердого решения, так как рассуждать в области отвлеченных представлений о кворуме Директории, из которой два члена были неизвестно где, два признавали невозможным ее дальнейшее существование, и пятый в вашем лице находился за тысячу верст. Решение было принято единогласно, и Верховная власть военного командования гражданского управления была возложена на меня. Я ее принял и осуществил так, как этого требует положение страны. Вот всё.

Генерал Болдырев: — До свиданья.

Адмирал Колчак: — Всего доброго.

Приложение № 63
Приказ Верховного Правителя адмирала Колчака,
отданный в гор. Омске 30 ноября 1918 г.¹

Бывшие члены Самарского Комитета членов Учредительного Собрания, уполномоченные ведомств бывшего Самарского Правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени, несмотря на указ об этом бывшего Всероссийского Правительства, и примкнувшие к ним некоторые антигосударственные элементы в Уфимском районе, пытаются поднять восстание против государственной власти; ведут разрушительную агитацию среди войск; задерживают телеграммы Верховного командования, прерывают сообщения Западного фронта и Сибири с оренбургскими и уральскими казаками; присвоили громадные суммы денег, направленные атаману Дутову для организации борьбы казаков с большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территории, освобожденной от большевиков.

Приказываю:

§ 1

Всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применять оружие.

§ 2

Всем русским военным начальникам, начиная с командиров полка (включительно) и выше, всем начальникам гарнизонов арестовывать таких лиц для предания их военно-полевому суду, донося об этом по команде и непосредственно — начальнику штаба Верховного Главнокомандующего.

§ 3

Все начальники и офицеры, помогающие преступной работе вышеуказанных лиц, будут преданы мной военно-полевому суду.

Такой же участи подвергнуть начальников, проявляющих слабость и бездействие власти.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий
адмирал Колчак.

Гор. Омск. 30 ноября 1918 года.

¹ Приводится согласно тексту, напечатанному на стр. 13-й второго тома книги Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Книга 10

Всевеликое Войско Донское

Книга 11

Добровольческая армия
и освобождение Кубани

Книга 12

Освобождение Дона и Кубани
и образование «Белого»
Южного фронта Гражданской войны

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ КОНТРЬ-РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ 1917 — 1918 г. г.

Часть V.

Всевеликое Войско Донское.

Книга 10-я

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ

ГЛАВА XXII

«ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ»

«Круг Спасения Дона»

Как я говорил в конце главы IX, уже через шесть дней после того, как столица Дона — г. Новочеркасск — была освобождена от большевиков, в ней съехался Войсковой Круг, названный «Кругом Спасения Дона».

Этот Круг собрался на рубеже двух периодов новейшей пореволюционной истории Дона. Первый период последней шел под знаком постепенно, но неуклонно развивающихся разрушительных идей и настроений большевизма. Он закончился крушением всей той созидательной работы, которая была проделана Калединскими Войсковыми Кругами, крахом казачьей «паритетной» власти и установлением кровавого большевицкого режима. Но пережитый казачеством опыт «под большевиками» привел казаков к выводу об органической неприемлемости большевизма для них. Весь большевицкий режим являлся полным противоречием привычному для казаков укладу их жизни и их миропониманию.

Этот опыт ставил перед казачеством вопрос в решительной форме — или казачество или большевицкая власть. Совместного, компромиссного существования быть не могло.

Большевицкая власть проводила программу «рассказачивания» казаков и «физического их истребления». Донское казачество, уяснившее предметно сущность большевизма и его значение для казачества, поднялось в широком, стихийном народном движении и с оружием в руках стало сбрасывать с себя большевицкое иго.

«Круг Спасения Дона», возникший в начале казачьего противобольшевицкого движения, подвел черту большевицкому опыту и громко, отчетливо формулировал тот вывод, который вынесло Донское казачество из только что пережитого. Он установил, что большевизм несет гибель казачеству и поголовное его истребление.

Этот заключительный аккорд логически и неразрывно связан со всем прошлым. Это — результат сложного комплекса переживаний

казачества. Кроме непосредственных ощущений от соприкосновения с практикой большевизма мы видим в качестве элементов этих переживаний те здоровые, национальные и государственные идеи, которые внушены были Донскому казачеству Калединским периодом.

В этом отношении можно сказать, что «Круг Спасения Дона» замыкает первый пореволюционный период новейшей истории Донского казачества¹.

На «Круг Спасения Дона» смогли собраться лишь представители ближайших к Новочеркасску двух округов^{II} и делегаты от дерущихся против большевиков отрядов.

«В нем было 130 членов, — пишет ген. П. Н. Краснов^{III}. — Это было едва ли не самое народное или демократическое собрание, какое когда-либо бывало. Круг называли **серым**. В нем не было интеллигенции... Круг собирался без партийной борьбы. Было не до партий. В Круг выбирали и на Круг были выбраны исключительно казаки, которые страстно желали спасти родной Дон и для этого готовы были и жизнь свою сложить за него. И полагали жизнь потому, что большинство выборщиков, послав своих делегатов, сами разобрали оружие и пошли спасать Дон. И потому название — Круг Спасения Дона — было им как нельзя более к лицу. Круг не имел политической физиономии, и потому в нем не было и не могло быть политической борьбы. Этот серый Круг имел одну цель — спасти Дон от большевиков, спасти во что бы то ни стало и какую бы то ни было ценою. Он был истинно народным, потому коротким, мудрым и деловым в своих заседаниях и решениях. Он коротко и просто сказал, что хочет Дон теперь — порядка».

«Круг Спасения Дона» не претендовал на роль Учредительного Собрания всего Донского казачества, а смотрел на себя лишь как на представительное собрание, выражающее волю уже восстановленного казачества и имеющее своей исключительной целью организацию борьбы за скорейшее освобождение всего Дона.

Только семь дней работал Круг Спасения. Это не помешало ему вынести вполне определенные решения по трем краеугольным вопросам.

Первый вопрос заключался в немедленном восстановлении порядка в освобожденных из-под ига большевиков частях Донской тер-

^I *Каклюгин К. П.* Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // *Донская Летопись*, № 3, с. 68–69.

^{II} Черкасского и 1-го Донского; всего же в Донской области было 9 округов; кроме двух только что поименованных это были: 2-й Донской, Сальский, Донецкий, Ростовский, Таганрогский, Усть-Медведицкий и Хоперский.

^{III} *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // *Архив Русской революции*, т. V, с. 190.

ритории. Круг восстановил власть окружных, станичных, хуторских атаманов и станичных судей.

Вторым вопросом являлось скорейшее восстановление регулярной армии. С этой целью Круг призвал к оружию казаков шести младших возрастов (1912–1918 гг.) и восстановил старую воинскую дисциплину и чины. Особым приказом по Войску Круг распорядился, чтобы все части, участвующие в защите Дона, немедленно привели «свой воинский вид» и одели кому положено погоны и прочие знаки отличия. Уклоняющихся от мобилизации Круг постановил предавать «Суду Защиты Дона». Все служащие на железных дорогах и судах были объявлены также мобилизованными и потому должны были подчиняться воинским порядкам. Относительно рабочих Круг издал приказ с требованием немедленно приступить к работе, причем рабочим было объявлено, что малейшее уклонение от исполнения этого приказа будет рассматриваться как государственная измена¹.

Рядом с этим Круг постановил: «Всех казаков, участвующих в советских войсках и большевицких организациях, исключить из казачьего сословия по приговорам подлежащих станичных обществ».

Отношение Круга к иногородним было также очень типичным. К этому до чрезвычайности сложному социальному вопросу Круг подошел исключительно с точки зрения организации вооруженной борьбы против большевиков.

«Принимая во внимание, — пишет председатель Круга Спасения Дона Г. П. Янов¹⁵⁷ II, — что в частях Донской армии в боях с красными участвовали и не казаки и что в будущем казачьи ряды могут быть пополнены добровольцами и не казаками, Круг постановил: “Всех лиц невоинского сословия, фактически участвующих в защите Дона от большевицких банд, теперь же принять в войсковое сословие”».

Здравый смысл и государственный инстинкт, присущий народным массам «старейшего» из казачеств, нашел самое справедливое и демократическое решение вопроса.

Третьим краеугольным вопросом, который надо было разрешить, был вопрос об организации верховной власти. Здесь Круг Спасения Дона тоже встал на чисто деловую точку зрения. Подобно Древнему Риму, в критические моменты жизни республики вручавшему избранному вождю диктаторские полномочия, «Круг Спасения Дона» в своем заседании 16 мая постановил: «Впредь до созыва Большого Войскового Круга, каковой должен быть созван в ближайшее время и во всяком

¹ Янов Г. П. Освобождение Новочеркасска и «Круг Спасения Дона» // Донская Летопись, № 3, с. 56–57.

^{II} Там же.

случае не позже двух месяцев по окончании настоящей сессии Круга Спасения Дона, вся полнота Верховной Власти в области принадлежит Кругу Спасения Дона. На время прекращения работ Круга Спасения Дона **вся полнота по управлению областью** и ведению борьбы с большевизмом принадлежит избранному Войсковому Атаману»^I.

Вечером того же дня, 107 голосами из 130, Круг избрал Войсковым Атаманом хорошо известного боевого генерала, особенно популярного среди простых казаков, — П. Н. Краснова.

17 мая состоялось заседание Круга по вопросу об «основных законах Всевеликого Войска Донского»^{II}, составленных ген. П. Н. Красновым, принятие которых последний поставил условием «сине ква нон»^{III} для своего вступления в должность Войскового Атамана. «Вы хозяева земли Донской, я ваш управляющий, — заявил Кругу ген. П. Н. Краснов. — Всё дело в доверии. Если вы мне доверяете — вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете, значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править войском не могу».

«Этими законами, — рассказывает в своих воспоминаниях сам П. Н. Краснов^{IV}, — отменялось всё то, что громко именовалось “завоеваниями революции” и “ее углублением”»^V. И это высказали Атаману. Но Атаман этого и хотел. Законы Императорской власти были привычные народу законы, народ их знал, понимал и исполнял. После революции Временное правительство спешно издало целый ряд законов, которые не были известны в народе, к которым народ не привык. Законы эти возбуждали кривотолки. А затем последовал ряд безумных декретов народных комиссаров. Всё перемешалось в мозгах несчастных русских граждан, и многие не знали, что представляет из себя закон правительства Львова или Керенского и что — декрет Ленина. Атаман считал необходимым вернуться к исходному положению — до революции. В особенности это было важно для войска, да еще ввиду военного времени, чтобы совершенно аннулировать приказ № 1, разрушивший всю великую Русскую Армию».

Как я говорил выше, «Круг Спасения Дона» считал, что ближайшей и неотложной задачей освобождения Дона являлось избрание облеченного диктаторской властью Войскового Атамана, и желал

^I «Постановления Круга Спасения Дона», 28 апреля по 5 мая 1918 г. Новочеркасск: Изд. областной типографии, с. 13.

^{II} См. Приложение № 69.

^{III} Sine qua non (лат.) — то, без чего нельзя обойтись. — Прим. ред.

^{IV} «Всевеликое Войско Донское» // Архив Русской революции, т. V, с. 197.

^V См. статью 26. Приложение № 69. — Прим. Н. Н. Г.

видеть на этом посту ген. П. Н. Краснова. Он полагал также, что полномочным для окончательного установления основ государственного устройства Дона может явиться лишь подлежащий созыву в течение ближайших двух месяцев «Большой Войсковой Круг», а потому считал, что предложенные П. Н. Красновым законы являются только временными. Заявление нового Атамана о том, что он считает «хозяевами» самих казаков, а себя только их «управляющим», являлось признанием ген. Красновым основной идеи «народоправства». Объявленная же им в виде приказа № 1 программа его предстоящих действий¹ являлась ярким показателем его чисто делового отношения к государственному управлению, которое ему вручалось.

Не искушенный в политических тонкостях, «серый» казачий Круг, веривший ген. П. Н. Краснову, 17 же мая принял «en bloc»² законы, предложенные этим последним, и на следующий же день разъехался.

«Каждый из членов Круга разъезжался с сознанием исполненного долга и с твердой уверенностью, что будущее Дона, его защита и устройство находятся в твердых и умелых руках», — такими словами заключает свои воспоминания об этом времени бывший председателем «Круга Спасения Дона» Г. П. Янов³.

«Круг Спасения Дона» не ошибся в своем доверии к ген. П. Н. Краснову. Его чисто «деловое» отношение к врученной ему диктаторской власти сказалось сразу же. В первые же дни правления Атамана П. Н. Краснова почувствовалась вся ненормальность статьи 26-й предложенных им Основных Законов, отменявшей наравне с декретами Ленина также и все законы, изданные Временным правительством кн. Львова и Керенского. И П. Н. Краснов, несмотря на свои крайне правые убеждения, не остановился перед объявлением 24 мая следующего приказа⁴:

«Пункт 26-й Основных Законов Всевеликого Войска Донского является в части, касающейся отмены законов, изданных Временным Правительством, **временным**. Всевеликое Войско Донское ныне, благодаря историческим событиям, поставлено в условия суверенного государства, стоит на страже завоеванных революцией свобод. Все законы Временного правительства, укрепляющие Русскую Государственность и способствующие укреплению и процветанию Донского края, лягут в основу жизни Всевеликого Войска Донского. В наикратчайший срок

¹ См. Приложение № 70.

² Вместе, одним пакетом (*франц.*). — *Прим. ред.*

³ Янов Г. П. Освобождение Новочеркасска и «Круг Спасения Дона» // Донская Летопись, № 3, с. 62.

⁴ Донская Летопись, № 3, с. 327, документ № 3.

законы, охраняющие права населения и общественных организаций, будут проведены в жизнь».

Временные основные законы, предложенные Атаманом П. Н. Красновым и утвержденные Кругом Спасения Дона, являлись почти точным списком основных законов Российской Империи, ставшей после революции 1905 года на конституционный путь. Прежняя Верховная власть Царя переходила в пределах Донской области в руки избранного Донского Атамана. Ни один закон, без утверждения Войскового Атамана, не мог воспринять силы. Впредь до созыва Войскового Круга он являлся единоличным властителем Дона. Он назначал правительство (совет управляющих ведомствами) и только перед ним это последнее было ответственно. Он являлся Верховным Главнокомандующим всеми вооруженными силами Дона. Он обладал правом производства в чины, награждения и правом полного помилования.

Наиболее существенным для казачества местом основных законов являлась статья 20-я, которая восстанавливала неприкосновенность собственности и подтверждала принцип отчуждаемости недвижимости не иначе как за соответственное вознаграждение. Подобное решение земельного вопроса в местном, Донском масштабе означало закрепление за рядовым казачеством владения им собственной землей, то есть укрепление того элемента, на который ложилась вся тяжесть борьбы с большевиками.

Удовлетворить же возбужденную революцией жажду земли со стороны иногородних генералов П. Н. Краснов намеревался за счет помещичьих земель. «Ко времени созыва Большого Круга, то есть не позднее как в двухмесячный срок» программа ген. П. Н. Краснова¹ обещает «создать земельный закон. Выработать максимальную норму частного землевладения и правила отчуждения земель для выдачи безземельным...» Отсюда мы видим, что новый Донской Атаман, отрицая на словах «завоевания революции», на деле считался с тем из них, которое являлось важнейшим в глазах главной массы русского народа — крестьянства.

Учел он «завоевания революции» и в другой области. Как мы видели из всего вышеизложенного в настоящем труде, русская революция разбудила протест против прежнего государственного централизма. Это выразилось в росте «областничества» и в стремлении к переходу от прежней формы «унитарного государства» к федерации. И П. Н. Краснов, будучи монархистом по убеждениям, смело пошел по тому же пути, по которому пошел его предшественник — А. М. Каледин, республиканец по убеждению. В своей речи на «Круге Спасе-

¹ См. Приложение № 70, пункт 9.

ния Дона» ген. П. Н. Краснов ярко провел идею автономии Донских казаков в составе будущей России. Указав «на историческую задачу спасти Москву от воров и насильников», он советовал казакам потом не вмешиваться в дела Русского Государства и предоставить ему самому устроить свой образ правления, как ему будет угодно, а самим зажить той вольною жизнью, когда тесно связанные с Московским царством Донские казаки жили, управляемые своим Кругом и своим Атаманом, и когда обычной поговоркой их было: «Здравствуй, Царь, в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону...»¹.

Еще большую решимость выказал ген. Краснов, приняв еще одно «завоевание» Русской революции. Таким завоеванием было прекращение войны с Центральными Державами. Я настаиваю на том, что это было также «завоеванием» Русской революции, ибо, как видно было из начальных глав этого труда, истинной двигающей силой нашей революции в начале ее было стихийное стремление русских народных масс прекратить внешнюю войну. И осуществить это свое стремление они могли лишь путем свержения Царского правительства, а затем устранения от власти и Временного правительства Керенского.

Вопрос о немедленном окончании внешней войны возбудил столь напряженные страсти, что разрешение его в ту или другую сторону могло произойти только путем насилия одной из спорящих сторон. В таких условиях неизбежно возникает диктатура. Наиболее патриотически настроенная часть русской интеллигенции, добивавшаяся диктатуры для продолжения войны, была, конечно, совершенно права. Но так же точно осуществление противоположного решения неизбежно приводило к диктатуре. Это и понял Ленин, и он воспользовался стихийным тяготением русских народных масс к прекращению внешней войны для того, чтобы захватить в свои руки диктаторскую власть.

На Дону в рассматриваемое нами время опять встал вопрос об отношении к Германии. Немецкие войска, как мы уже знаем¹¹, в мае месяце заняли часть Донской области, лежащую к западу от железнодорожной магистрали Воронеж—Ростов. Появление германских войск в этом районе ускорило контрреволюционное выступление Донского казачества. Дальнейшее углубление германских войск в глубь Донской области было нежелательно. Однако оккупация немцами Украины обеспечивала всю западную границу Донской области, и Донское казачество могло сосредоточить все свои силы для изгнания большевиков из остальной части своей территории и защиты ее с севера

¹ Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 193.

¹¹ См. главу IX.

и востока. Кроме того, Донское казачество, крайне нуждавшееся в оружии и огнеприпасах, могло получить таковое только от немцев. Последние, оккупировав Украину, захватили все собранные там запасы бывшей Русской армии. Поэтому продолжение борьбы с большевиками Донского казачества, при создавшейся летом 1918 г. на Юге России обстановке, без примирения с немцами было абсолютно невозможно. Всякое Донское правительство, желавшее бороться с большевиками, не только не могло ссориться с немцами, но должно было вступить с ними в соглашение. Разрыв с немцами был равносителен прекращению вооруженной борьбы с большевиками. Таким образом, «германская» ориентация Новочеркаска была такою же неизбежностью, как, например, «союзническая» ориентация Архангельска. «Круг Спасения Дона» чувствовал всю крайнюю сложность разрешения на практике этого вопроса. И здравый смысл собравшихся на «Круг Спасения Дона» представителей рядовой казачьей массы подсказал им вручить диктаторские полномочия ген. П. Н. Краснову, открыто заявившему на Круге, что воевать с немцами нет возможности, а потому остается только удалить их с Донской земли мирным путем¹.

Вопрос о примирении с немцами должен был быть разрешен в ближайшее время, причем для успешности его осуществления требовалось не только прекращение внутренних споров, но и «тайная дипломатия».

Диктатура генерала П. Н. Краснова

Главной задачей деятельности вновь избранного Атамана являлось скорейшее освобождение всей территории Донского казачества от большевиков. Эта освободительная борьба велась пока наскоро собирающимися казачьими отрядами со всеми присущими таким отрядам свойствами народного ополчения. Генерал Краснов содействует всеми мерами стихийному подъему казачьих милиций на освобождение своего края, но и в то же время он пользуется всякой возможностью, чтобы придать вооруженным силам Дона регулярный характер.

С середины июня отдельные отряды восставших казаков были сведены в 6 групп: две из них действуют на восточной границе Области — на Царицынском направлении; две к югу от Дона — в Задонье; одна на северной границе, в Воронежском направлении, и одна — в Ростове. По мере изгнания большевиков из станиц, отряды, выставленные этими станицами, сводились в номерные полки (2—3 батальонного

¹ *Каклюгин К. П.* Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // *Донская Летопись*, № 3, с. 70.

состава). Конные отряды образовывали шестисотенные полки. Орудия из отдельных отрядов сводились в четырехорудийные пешие и конные батареи. Следующим организационным шагом было переформирование в бригады и дивизии.

Нижеприводимая таблица¹ показывает рост этих казачьих ополчений с появлением у власти ген. П. Н. Краснова:

	Число		
	бойцов	орудий	пулеметов
14 мая 1918 г.	17 000	21	58
14 июня ...	40 000	56	179
14 июля ...	49 000	92	272

Сознавая, что даже все принятые им мероприятия не смогут переродить наскоро собранные силы в регулярную армию, ген. П. Н. Краснов приступил к формированию из двух младших сроков призывных (19 и 20 лет) **постоянной** «молодой» армии. Всего в этой постоянной армии формировалось: три конные дивизии, две пехотных бригады, саперный батальон и технические части. Общая численность ее доходила до 30 тысяч.

Такова была деятельность ген. П. Н. Краснова по созданию вооруженной силы. Не менее энергичной была его деятельность во всех прочих областях государственного управления. Всюду он вносил порядок. И в короткое время на Дону создан своего рода оазис среди всеобщей анархии и беспорядка.

Чтобы дать хотя бы только некоторое представление о быстром возрождении на Дону форм культурной жизни, я приведу следующий показательный факт: в августе месяце на Дону было открыто три высших учебных заведения, 14 средних, шесть высших начальных школ и шесть общеобразовательных курсов для взрослых. Беспристрастный исследователь не может не признать, что ни в одной из освободившихся из-под большевицкого ига областей нельзя было увидеть такого скорого восстановления государственности. Этого не было ни на Волге, ни в Сибири, ни в одном из других казачеств.

«Отдавая должную дань широкой инициативе Краснова, — пишет историк Дона К. П. Каклюгин¹⁵⁸», — всё же анализом пережитого приходится установить, что продуктивность работы первого периода

¹ Добрынин В. В. Вооруженная борьба Дона с большевиками // Донская Летопись, № 1, с. 128.

¹¹ Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // Донская Летопись, № 3, с. 158.

оказалась возможной лишь потому, что Донской Атаман в это время действовал в атмосфере народного воодушевленного сочувствия, он шел в направлении стихийной воли и народного сознания».

Главную причину стихийного стремления Донской казачьей массы к скорейшему восстановлению государственного порядка нужно искать в том, что оно, как «старейшее» из казачеств, в более полной мере прошло в своей исторической жизни школу собственной государственности. П. Н. Краснов знал, что эта сильная сторона родного ему казачества психически тесно связана с местным патриотизмом. Этим и объясняется тот своего рода исторический романтизм, которым были проникнуты все его обращения к Донским казачьим массам.

«Атаман восстановил старинный допетровский титул “Всевеликое Войско Донское”, и всё войско от казака до генерала подхватило этот титул... В Новочеркасске спешно печатали свои уставы, широко распространялась История войска, писали его географию. В школах составляли особую хрестоматию, в гимназиях после молитвы дружно пели “Всколыхнулся, взволновался, православный Тихий Дон”, и гимн этот подхлестывал и взвинчивал, как Марсельеза. На школьных праздниках, в ученических выступлениях неизменно фигурировало полное горячей любви к родине стихотворение в прозе донского писателя Крюкова¹⁵⁹ “Родимый край”¹, и над ним плакали. Была мысль одеть Донскую армию в особую от Русской форму, но этому воспротивились командующий армией генерал Денисов¹⁶⁰ и Атаман. Над дворцом гордо реял сине-желто-красный флаг, и новочеркасские жители ходили им любоваться. Всё это было «свое», особенное, новое, принадлежавшее Всевеликому Войску Донскому. Большевизму Атаман противопоставил шовинизм, интернационалу — яркий национализм. Ездя по станицам и полкам, Атаман везде говорил одно: “Любите свою великую, полную славы родину — Тихий Дон и мать нашу — Россию. За Веру и Родину, что может быть выше этого девиза”¹¹»¹¹.

Это вполне отвечало настроениям рядовой казачьей массы. Она интуитивно чувствовала, что этим она теснее сплачивается для завязавшейся тяжелой борьбы с большевизмом. Но не вся казачья интеллигенция понимала это. В этом можно убедиться, читая у К. Каклюгина следующие строки¹¹¹: «Надо сказать, что этот период (первый) получил особенно колоритный характер благодаря личности самого Краснова,

¹ См. Приложение № 71.

¹¹ *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 203, 204.

¹¹¹ Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // Донская Летопись, № 3, с. 157.

его индивидуальным особенностям. Его пристрастие к парадам, декорациям, к патетическим торжественным речам, к художественным приказам, его необычайная трудоспособность, проникновение во все отрасли управления и жизни, его подвижность, организаторские способности, — всё это выдвигало его в центр событий, делало его героем дня».

Из этих слов мы видим, что К. Каклюгин, отдавая во многих отношениях должное П. Н. Краснову, не понимал, что его «колоритное» поведение тоже вполне отвечало настроению казачьих народных масс и способствовало объединению этих масс для борьбы с большевизмом. В еще большей степени не понимали Краснова те представители русской интеллигенции, которые собрались на Дону после бегства своего из Центральной России. Здесь непонимание доходило до враждебного обвинения Краснова в измене России.

«Что такое было Всевеликое Войско Донское для офицера Добровольческой Армии? — записывает в своих воспоминаниях ген. П. Н. Краснов¹. — Донская область, Донская губерния и больше ничего. Казаки — четвертые полки кавалерийских дивизий, штабная конница, прикрытые обозы и конвой, словом — презрительно-ласковое — **казачки**. Тем, кто в сердце своем носил священное бело-сине-красное знамя великой и неделимой России, претил новый Донской флаг. Немногие понимали значение его как переходного флага. Не понимал его и Деникин. Гимн Донской для них был не гимн, но только песня...»

Самые же большие препятствия со стороны интеллигенции Атаман Краснов встретил, осуществляя волю рядовой казачьей массы, — окончательно прекратить участие в войне между Центральными Державами и Антантой.

На третий же день после своего избрания Атаман П. Н. Краснов отправил письмо Императору Вильгельму. Сообщая в нем о своем избрании, он заявлял, что впредь до освобождения России от большевиков Донское казачество образует самостоятельную республику. Декларируя, что это новообразовавшееся государство не находится в войне с Германией, он просил приостановить дальнейшее продвижение немецких войск в Донскую землю. Он просил также о помощи запасами оружия и огнестрельными припасами, взамен чего предлагал установить через Украину правильные торговые сношения.

21 мая в Новочеркасск прибыла германская делегация, заявившая, «что германцы не преследуют никаких завоевательных целей и заинтересованы лишь в том, чтобы на Дону восстановился возможно

¹ Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // Донская Летопись, № 3, с. 204.

скорей полный порядок»¹. Вопрос же о занятии немецкими войсками Ростова и Таганрога с их округами подлежал, согласно их заявлениям, разрешению по соглашению с Гетманом Скоропадским, ибо Украина претендует на включение этих городов в ее территорию.

Эти украинские притязания, конечно, нельзя было рассматривать сколько-нибудь серьезно. Претензии эти были чистой фикцией. Гетман не мог ни удержать, ни отдать эти округа. Немцам же, до выяснения обстановки на Дону, было выгодно под этим предлогом контролировать русскую контрреволюцию в этой области. Как я уже говорил в главе XIII, германское командование, осведомленное о предположениях Антанты сформировать противогерманский фронт на Востоке России, повело в отношении Дона политику, позволявшую ему фактически не допустить Донское казачество присоединиться к Антанте.

С выступлением чехо-словаков положение Дона осложнилось. 10 июля в Новочеркасск, к Донскому Атаману прибыла делегация германского командования с майором фон Стефани во главе и предъявила ультиматум.

«В этом ультиматуме немецкое Командование заявляло Атаману, что оно всеми силами, до вооруженного вмешательства, поддерживало и помогало Донскому войску в его борьбе с большевиками, что оно готово и впредь оказывать эту помощь... и Германия считает себя союзницей Донских казаков в борьбе с большевиками. Со стороны же Донского войска немцы видят только холодное отношение к себе. Теперь, когда создается опасность войны на востоке, когда на Волжском фронте может образоваться чехословацкий фронт, который союзники могут использовать для своего наступления, Германия хотела бы знать, какую политику поведет в этом случае Донское войско, Кубань и вообще Юго-восточный союз.

Это были дни, когда Войско Донское только что начало освобождаться от большевиков. Оно по-прежнему было одиноко в борьбе. Немцы помогали оружием, но живую силу помогать избегали. Добровольческая Армия и Кубанцы были заняты своим делом и настолько мало интересовались Доном, что как раз в эти дни части Добровольческой Армии, обеспечивающие Кагальницкую и Мечетинскую станицы, по стратегическим соображениям, без уведомления о том Донского Атамана были сняты, и угроза висела над Новочеркасском.

Сказать германцам, что Войско Донское примкнет к чехо-словакам и пойдет войною на немцев — значило в лучшем случае лишиться и последней помощи, в худшем — быть раздавленными немцами, по-

¹ *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 199.

тому что казаки определенно заявили, что воевать с немцами они не будут. Атаман не верил в это чехо-словацкое наступление... Взвесив все эти обстоятельства, Атаман заявил майору фон Стефани, что Дон останется нейтральным и не допустит войны на своей территории. Он не пропустит чехо-словаков через свои земли, но и не позволит немцам делать Дон ареной борьбы с чехо-словаками. Атаман в этом случае говорил то, чего хотели казаки. Они хотели мира, но не войны. Атаман не строил себе иллюзий, не бряцал оружием, не становился в дон-кихотскую позу, но печально и твердо смотрел на то, что происходит. Он не имел армии солдат в точном значении этого смысла, то есть людей, которых можно двинуть куда угодно и которые пойдут умирать за своим вождем, не спрашивая, во имя чего. Он имел народную армию и должен был считаться с мнением народа. Народ не хотел войны, но хотел мира. Нейтралитет Дона усилил бы и укрепил его физически, а этого только и желали казаки. И Атаман ответил то, что думал Донской народ»¹.

Представители германского командования удовлетворились ответом Атамана Краснова, но пожелали, чтобы это были не только слова, но чтобы они были закреплены в письменной форме. Было решено, что Атаман Краснов напишет Германскому Императору новое письмо, в котором выскажет свои взгляды на отношение к Германии.

Об этом письме, написанном 11 июля, я уже говорил в главе XIII^{II}.

Нужно признать, что положение ген. Краснова было чрезвычайно трудным. Дон был по-прежнему в отношении немцев беззащитным. Более того, как я уже говорил выше, Донское казачество могло продолжать борьбу против большевиков только при союзе с немцами. В самом деле, протяжение границ Области, включая часть, прилегавшую к оккупированной немцами Украине, превосходило 1000 километров^{III}. Донское войско не могло, подобно Добровольческой Армии, в критическую минуту уйти с Дона, так как этим оно обрекало бы на гибель свои семьи и очаги. Прикрывать же столь протяженные границы 50–70 тысяч Донских казаков могли лишь в том случае, если бы вся западная граница Области находилась в полной безопасности. Наконец, в руках немцев, как я уже говорил в XIII главе, находилось снабжение Донского казачества столь необходимыми ему оружием и огнеприпасами. В этом отношении от немцев зависел не только Дон, но и сама

^I Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 210.

^{II} Текст этого письма приведен в Приложении № 33.

^{III} Граница же Области Войска Донского, прилегавшая к оккупированной немцами Украине от Азовского моря до Воронежской губернии, достигала 500 км.

Добровольческая Армия, командование которой враждебно относилось к принятой ген. Красновым ориентации. И Атаман П. Н. Краснов был вполне прав, когда на упреки своих врагов за его сношения с немцами, он ответил: «Да, да, господа. Добровольческая Армия чиста и непогрешима. Но ведь это я — Донской Атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой Армии. Весь позор этого дела ложится на меня»¹.

После ультиматума, предъявленного немцами, от ген. Краснова требовалось еще большее гражданское мужество. Требовалось еще более решительно идти против не изжитой большей частью нашей интеллигенции психологии внешней войны. Когда второе письмо Атамана к Императору Вильгельму было доложено в Совете Управляющих (совет Донских министров), последний не решился взять на себя ответственности за него. Видя это, ген. Краснов не побоялся взять одиоз письма на себя. «Во всяком случае всю ответственность за это письмо, — заявил он Совету, — я беру на себя. Независимо от Вашего мнения, я отправлю письмо...»².

Страсти, порожденные психологией войны, достигли такого напряжения, что круги, враждебно настроенные против П. Н. Краснова, не остановились перед весьма неблагородной интригой. Копия письма Атамана П. Н. Краснова была выкрадена его врагами и напечатана в екатеринодарских газетах. Как известно³, появление этого письма в печати сорвало попытку Атамана П. Н. Краснова получить от немцев для Донского казачества более деятельную помощь в борьбе с большевиками. Донская делегация, посланная Атаманом, не была принята Германским Императором и письмо не было вручено.

В числе обвинений атамана П. Н. Краснова за его сомнения с немцами, напечатанных после 1918 г., можно встретить и такой упрек: ген. П. Н. Краснов не сумел предвидеть, что в конце концов войну проиграют немцы. Первые два месяца Атаманства ген. П. Н. Краснова совпали с апогеем боевых успехов Германии на французском фронте. Поэтому подобная ошибка была вполне возможна. Однако дело заключалось не в этом. Даже в том случае, если бы ген. П. Н. Краснов ясно предвидел окончательную победу Антанты, в создавшейся на Дону обстановке ему ничего другого не оставалось делать, как все-таки

¹ *Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 207.*

² *Каклюгин К. П. Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // Донская Летопись, № 3, с. 75.*

³ См. главу XIII.

вступить в соглашение с немцами. Ведь Дон являлся непосредственным соседом оккупированной немцами Украины.

Совершенно иное положение создавалось для Кубанского казачества, особенно же для Добровольческой Армии. Защищенная от непосредственного соседства с Германией Донским казачеством, она могла не изменять своей ориентации на Антанту. Для Сибири и Волги этот вопрос также упрощался тем, что там сама контрреволюция была вызвана чехо-словаками, декларировавшими себя составною частью французской армии.

Но для общего успеха контрреволюции требовалось скорейшее слияние освобожденного от большевиков Юга Европейской России с ее Востоком и Сибирью. Роль соединяющего звена должна была бы сыграть Донская область. Поэтому Донское казачество должно было служить тем шарниром, который соединил бы оба течения контрреволюции, различных не только по своему географическому положению (юг и восток), но и по своей внешней ориентации (на Германию или на Антанту). От дипломатического искусства генерала П. Н. Краснова всецело зависела возможность подобного объединения.

«Проблема Царицына»

Эта первостепенная для успеха контрреволюции политическая задача вылилась в стратегии в «проблему Царицына». Выше¹ мне пришлось уже говорить о том громадном значении, которое получало летом 1918 года изгнание большевиков с Нижней Волги. Повторю здесь лишь оценку, сделанную Людендорфом^{II}: «Большевики оставались еще в июне месяце хозяевами на Нижней Волге и на Каспийском море. Это имело для большевицкого правительства громаднейшее значение, так как давало возможность продолжать подвоз нефти. Оно уже потеряло для экономической жизни подвластной ему страны уголь Донецкого бассейна и хлеб Украины, а также Донской и Кубанской областей...»

Скорейший захват Царицына требовался не только экономическими, но также и самими стратегическими условиями создавшейся обстановки. Это исключительное стратегическое значение Царицына было отлично понято большевиками. «Обладая Царицыном, — пишет начальник штаба оборонявшей его большевицкой армии Клюев^{III}, — красные обеспечивали свое господство на Нижней Волге и благодаря этому и связь с Астраханью и северокавказским театром. Утвердившись

^I См. главы XIII и XIX.

^{II} *Ludendorff*. Meine Erinnerungen, S. 528, 529.

^{III} *Клюев Л.* Борьба за Царицын, ГИЗ, 1928, с. 14.

в Царицыне, белые в свою очередь могли рассчитывать на установление более тесной оперативной связи с Уральским казачеством, а через него и с Восточным белогвардейским фронтом...»

Так же оценивает стратегическое значение Царицына и большевицкий главнокомандующий Вацетис^I. «Если этот город перейдет в руки противника, — пишет он, — то этим будет дана возможность ему (противнику) прервать красные сообщения с Астраханью по Волге и по железной дороге Урбах—Астрахань, равно как противник получит возможность установить общий сухопутный фронт между войсками Деникина и Колчака».

Удаление Царицына от ближайшего (левого) фланга создавшегося в это время Восточного фронта составляло 300—450 километров^{II}. Если учесть, что продвижение восставших Донцов за май и июнь от Новочеркасска до северных границ Донской области равнялось тем же 450 км, то нельзя считать это удаление чрезмерным и установление взаимодействия фронтов трудно выполнимым. Подход Донцов к подступам Царицына в начале июня позволял рассчитывать на подход от Царицына к Саратову к середине августа. В это время Поволжский фронт уже протянулся до Вольска (около 100 км от Саратова).

Стратегическое значение захвата Царицына этим не ограничивалось. Оно являлось в то же время наилучшим способом ликвидации большевизма на Северном Кавказе.

«Соединение противобольшевицких вооруженных сил, создавшихся на Юге России, с уральскими казаками, чехами и Народной Армией на Средней Волге, закупоривало весь Северо-Кавказский, еще только организовавшийся в то время фронт, лишая его всех источников снабжения. Германско-турецко-английская оккупация (Черное море и Закавказье) довершала его изоляцию и с запада, и с юга. С военной точки зрения, летом 1918 года Царицын являлся единственным важнейшим объектом операций и восточного, и южного фронтов русской контрреволюции». Так пишет историк нашей гражданской войны, профессор полковник Зайцов¹⁶², участвовавший в борьбе на «белой» стороне^{III}. Аналогично оценивает стратегическое значение Царицына и большевицкий историк гражданской войны — Н. Какурин.

«Сам по себе гор. Царицын, — пишет он^{IV}, — с его районом являлся, благодаря обилию в нем рабочего населения, одним из жизненных

^I Ключев Л. Борьба за Царицын, с. 15.

^{II} 300 км до фронта Уральских казаков у Новоузенска и 450 км до Хвалынска, занятого левым флангом Народной Армии.

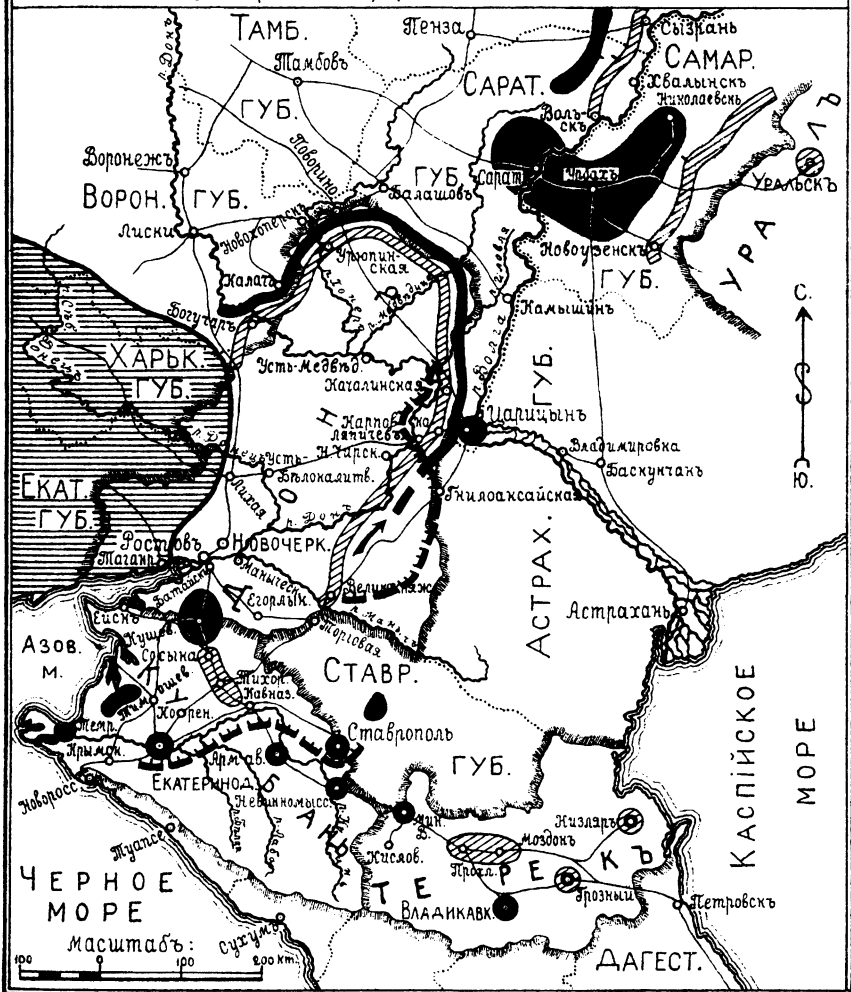
^{III} См. главу 6 труда [Зайцова А. А.] «1918 год (Очерки по истории гражданской войны)», с. 194.

^{IV} Стратегический очерк гражданской войны, с. 51.

ЮЖНЫЙ ФРОНТЪ ЛЬТОМЪ 1918 г. СХЕМА N12.

Условн. обозначенія:

- Фр-тъ красн. въ серед. VII
- Районъ Ав.-Герм. оккупации
- " " " блыыхъ " " " "
- Красные
- Б л ы ы е
- Измѣн. фр-та блы. на 1/XI

революционных центров юго-востока России. Этим не исчерпывалось его значение; в экономическо-военном отношении он был важен для обеих сторон как промышленный центр, а в стратегическом отношении — как узел железнодорожных, грунтовых и водных путей. Кроме того, благодаря его фланговому положению, все успехи казаков на северных направлениях без предварительного овладения им, как показали дальнейшие события, являлись непрочными, а, обладая им, советские войска обеспечивали свое господство над Нижней Волгой, связь с Астраханью и Северо-Кавказским театром».

28 мая на свидании Донского Атамана с командующим Добровольческой Армией^I первый тшетно призывал второго поддержать действия Донцов против Царицына, двинув Добровольческую Армию в этом важнейшем стратегическом направлении. Донской Атаман обещал в этом случае подчинить ген. Деникину все Донские части, действующие на юго-восточной границе области. «Движение на Царицын, — говорил он^{II}, — при том настроении, которое замечено в Саратовской губернии, сулит добровольцам полный успех. В Саратовской губернии уже начались восстания крестьян^{III}. Царицын даст ген. Деникину хорошую чисто русскую базу, пушечный и снарядный завод и громадные запасы всякого войскового имущества, не говоря уже о деньгах. Добровольческая Армия перестанет зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицына сблизило бы, а может быть, и соединило бы, нас с чехо-словаками^{IV} и Дутовым и создало бы единый грозный фронт. Опираясь на Войско Донское, армии могли бы начать марш на Самару, Пензу, Тулу, и тогда Донцы заняли бы Воронеж...»

«— Я ни за что не пойду на Царицын, — сказал категорически Деникин. — Потому что там мои добровольцы могут встретить немцев. Это невозможно.

— Но ручаюсь Вам, — возразил Атаман, — что немцы дальше Усть-Бело-Калитвенской станицы не пойдут^V.

— Всё равно на Царицын я теперь не пойду, — упрямо сказал Деникин. — Я обязан раньше освободить Кубанцев. Это мой долг, и я его исполню...»

^I В станице Манычской на южном берегу Дона против гор. Новочеркасска.

^{II} *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 201.

^{III} 18 мая в Саратове поднял восстание местный гарнизон. «Поражение красной армии в ее походе на Урал (первая половина мая), — пишет большевицкий источник (Гражд. война 1918–1921 гг., т. I, с. 134), — всколыхнуло все антисоветские элементы не только в селах, но и в городах». — *Прим. Н. Н. Г.*

^{IV} Как мы знаем из главы XVI, чехо-словаки выступили 25 мая в Новониколаевске, 26-го — в Челябинске и 28-го — в Пензе. — *Прим. Н. Н. Г.*

^V То есть к востоку от р. Сев. Донца. — *Прим. Н. Н. Г.*

В следующей главе я вернусь к рассмотрению мотивов отказа ген. Деникина немедленно наступать Добровольческой Армией на Царицын. Здесь же я рассмотрю лишь его опасения встретиться с немцами при действиях на этом операционном направлении.

Возражая на стратегические рассуждения ген. Деникина на эту тему в его книге¹, военный историк гражданской войны — проф. полк. А. А. Зайцов пишет²: «Нет, однако, никаких серьезных данных, подтверждающих опасения ген. Деникина. Немцы, конечно, не могли сочувствовать созданию противонемецкого фронта на Волге, но захват Царицына и движение со Средней Волги на Москву, а не на немцев, вряд ли могло бы вызвать с их стороны репрессии по отношению к Добровольческой Армии... Наличие немцев “с запада” при движении на Царицын несколько не менялось и при движении (Добровольческой Армии) на Кубань, ибо в этом случае они были бы с тыла... Движение на Кубань обеспечивало тыл Дона, но ведь и выдвижение немцев на Кубань, которого опасался ген. Деникин, точно так же решало бы этот вопрос, только за счет не русских сил, а за счет немцев. Встреча с немцами при движении на Москву (после захвата Царицына) была наименее вероятной именно на Царицынском направлении, так как все остальные пути с Юга, кроме Царицына, вели через области австро-германской оккупации, и лишь один Царицын находился вне сферы их влияния».

К сказанному проф. полк. Зайцовым нужно добавить указание на еще одно очень существенное обстоятельство: внешняя политика ген. П. Н. Краснова, как раз та, за которую он подвергался ярим нападениям со стороны командования Добровольческой Армии, наилучшим образом предохраняла Царицын от появления там немцев и в то же время давала возможность Добровольческой Армии сохранить антантофильскую ориентацию. В сложных условиях, создавшихся в России в 1918 году благодаря продолжению на ее территории войны между Антантой и Германией, наличие двух различных внешних ориентаций в контрреволюционном движении было неизбежно. Весь вопрос заключался лишь в том, чтобы представители различных внешних ориентаций в контрреволюционном лагере смотрели бы на это лишь как на разные способы спасти Россию, а не как на причину, требующую непримиримой вражды между ними самими.

«Увы, — пишет проф. полк. Зайцов³, — политически Царицын оказался яблоком раздора, и его исключительное стратегическое положение

¹ Очерки Русской Смуты, т. III, с. 154, 155.

² Зайцов А. А. 1918 год (Очерки по истории гражданской войны), гл. VI, с. 198.

³ Там же, с. 194.

было принесено в жертву соображениям далеко не всегда понятным с чисто военной точки зрения».

«При свидании в Манычской, — пишет тот же автор несколько далее, — Поволжского фронта еще не было, но ведь после Манычской прошел еще целый месяц до того, как Добровольческая Армия двинулась на Кубань, а за это время были взяты Самара и Сызрань, Дутов возвратился из Тургайских степей, начала формироваться Сибирская армия и чехи пробивались из Сибири и с Волги на Уфу. Восточный фронт переставал быть фиктивным, о его существовании не могли не знать ни Добровольческая Армия, ни Дон».

Ген. М. В. Алексеев с начала июля всё чаще пишет генералу Деникину о первостепенном стратегическом значении создания Поволжского фронта. В письме от 13 июля он пишет¹: «Углубление наше на Кубань может повести к гибели... Обстановка зовет нас на Волгу... Центр тяжести событий, решающих судьбу России, перемещается на восток. Мы не должны опоздать в выборе минуты для оставления Кубани и появления на главном театре».

Вопрос о соединении противобольшевицких фронтов получает в конце июня резкое выражение кардинальной и неотложной стратегической задачи. «Значение Царицына всё росло, — пишет проф. полк. Зайцов², — но Добровольческая Армия уже повернула на Кубань и в течение всей второй половины 1918 г. уходила от главного объекта своих усилий — Москвы, к Каспийскому морю и Кавказским горам... Звали в Царицын и союзники. Ген. Деникин прямо пишет: «Представитель Союзников — ген. Лавернь звал на Царицын»³. И тем не менее Добровольческая Армия, простояв еще месяц в Задонье, в конце июня ушла на Кубань...»

Как мы могли видеть из приведенных ранее выдержек, большевицкие лидеры сразу оценили стратегическое и экономическое значение Царицына. Они поняли также, что в дополнение к своему стратегическому и экономическому значению Царицын приобретал летом 1918 года еще громадное морально-политическое значение. В нем создавался своего рода социально-революционный фокус для юго-востока России, который по своему значению мог быть уподоблен значению Петрограда в начале революции. В Царицыне собрались наиболее устойчивые отряды Красной гвардии, ушедшие под нажимом немцев с Украины и из Донецкого угольного бассейна. Они представляли собой наилучшие дрожжи для нарождающейся большевицкой

¹ Цитировано у Деникина: Очерки Русской Омуты, т. III, с. 156.

² 1918 год (Очерки по истории гражданской войны). Гл. VI.

³ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 87.

армии. Подтверждением правильности подобной оценки морально-политической роли Царицына может служить следующий факт: из «тройки», которая осуществляла в Царицыне верховную власть, а именно: Сталин, Ворошилов и Минин, два первых стали после смерти Ленина главными вождями всероссийского большевизма.

Первой заботой этих лидеров было превратить собравшиеся в Царицыне красногвардейские отряды партизанского типа в регулярные войска. Эти разрозненные отряды были переформированы в четыре дивизии; 30 тысяч рабочего населения Царицына укомплектовали их надежными пополнениями. В результате к началу августа в Царицыне сформировалась прочная Красная армия численностью в 40 000 бойцов¹.

Металлургические заводы Царицына (особенно французский завод Дюмо и оружейный завод, построенный во время мировой войны) обеспечивали техническое и боевое снабжение сформированной армии. Согласно большевицким же источникам¹¹, царицынская Красная армия была вооружена 240 орудиями и 13-ю бронепоездами. В условиях нашей гражданской войны такого богатого технического оборудования не имела ни одна из армий любой из сторон. Напомним для сравнения, что вся Донская вооруженная сила, дравшаяся на всех своих фронтах и исчислявшаяся к середине августа в 49 000 человек, имела на своем вооружении лишь 92 орудия. Наличие многочисленных бронепоездов придавало обороне Царицынского района большую устойчивость. Сходившиеся в Царицыне три железные дороги (от Тихорецкой, Лихой и Поворина) образовывали западнее города, благодаря соединительным ветвям, выдвинутый на 10 км своего рода железнодорожный плацдарм, создававший благоприятные условия для широкого маневрирования бронепоездов.

Боевые действия на «Донском фронте»

Из изложенного выше мы видели, что овладение Царицыном было не по силам Донскому казачеству без помощи со стороны ген. Деникина. Ведь этому казачеству пришлось вести в течение июня и июля борьбу по очищению своей территории от большевиков, Атаман Краснов пробовал в июле взять Царицын с налета казачьими отрядами Фицхелаурова¹⁶³ и Мамонтова¹⁶⁴, но попытка эта не удалась.

К середине августа Донская область была очищена от большевиков. К этому же времени начало вырисовываться нежелание Донских казачьих ополчений углубляться за грани своей области. Очень типична

¹ Гражданская война 1918–1921 гг. ГИЗ, 1928, т. III, с. 92.

¹¹ Там же.

в этом отношении приводимая В. Добрыниным¹⁶⁵ в его статье «Вооруженная борьба Дона с большевиками»¹ речь рядового казака на Круге: «Я коснуся одного, г. г. члены: так как мы на той поприше стоим, шобы свого не отдать, а чужово нам не надо, то надо до того добиться, шобы эти флажки (указывает на карту) назад не передвигались, но и в даль далеко не пушались... Россия?... Конечно держава была порядошная, а ныне произошла в низость... Ну и пушай... у нас и своих делов немало собственных... Прямо сказать, г. г. члены, кто пропитан казачеством, тот своево не должен отдать — дурно... А насчет России повременим. Пушай Круг идет к той намеченной цели, шобы спасти родной Край — пригребай к своему берегу...»

Донской Атаман вынужден был считаться с подобными настроениями рядовой казачьей массы. Поэтому считая, что для успешных действий вне границ Донской области нужны дисциплинированные регулярные войска, он и готовил вышеупомянутую постоянную «молодую» армию. «Атаман знал, что все казаки на Москву **ни за что не пойдут**, а эти 30 тысяч (постоянная армия), а за ними столько же охотников **навверное пойдут**»^{II}. Атаман чувствовал, что у него нет силы заставить казаков выйти, и потому делал всё возможное, чтобы пошли сами.

Для того чтобы побудить Донских казаков перейти существующие границы своей области, Атаман Краснов пытался путем соглашения с немцами раздвинуть эти границы, включив в них волжские города Царицын и Камышин, а также узловые железнодорожные станции, лежащие вблизи северной границы Донской территории: Балашов, Поворино и Лиски^{III}. Самим же казакам он стремился внушить, что успешная защита границ Донской области зависит от обладания Нижней Волгой и рокадной железнодорожной линией, соединяющей только что поименованные пункты. Ему удастся добиться от собравшегося 28 августа Большого Войскового Круга постановления (от 1 сентября) о том, что «для наилучшего обеспечения наших границ Донская Армия должна выдвинуться за пределы области, заняв города Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районе Саратовской и Воронежской губерний»^{IV}.

К середине августа Донские вооруженные силы, дошедшие до границ своей области, группировались так:

^I Помещено в «Донской Летописи», № 1, с. 107.

^{II} *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 223.

^{III} См. Приложения № 30, 31.

^{IV} «Приказ Всевеликому Войску Донскому» № 844. «Отчет управляющего Военным и Морским отделами и Командующего Донской Армией и Флотом». Новочеркасск, 1919, с. 4.

на Царицынском направлении	13 тысяч
на Саратовском направлении	23 тысячи
на Воронежском направлении	13 тысяч
у Новочеркасска формирующаяся «молодая» армия	30 тыс.

Вдумываясь в эту группировку, мы видим ярко выраженное стремление Атамана Краснова протянуть руку образовавшемуся в это время Поволжскому противобольшевицкому фронту. Учитывая трудность овладения Царицыном без помощи ген. Деникина, Атаман Краснов пытается выйти на Волгу у Камышина на соединение с Уральским и Оренбургским казачеством.

Интересно сопоставить вышеприведенную группировку сил Донских казаков с группировкой большевицких сил.

На Воронежском направлении (со штабом в Воронеже) находилась 8-я красная армия, а на Саратовском (со штабом в Балашове) — 9-я красная армия. Общая численность этих армий измерялась 20 тыс. бойцов при 40 орудиях¹. У Царицына же, как мы знаем, находилась отдельная армия, коей был присвоен № 10 и численность которой достигала 40 тыс. при 240 орудиях и 13 бронепоездах.

В группировке большевиков мы видим ярко выраженное признание стратегического и политического значения Царицына, о чем мы говорили в предыдущем абзаце.

22 августа 10-я красная армия перешла в наступление. Благодаря большому превосходству в силах и в техническом оборудовании, она оттеснила Донцов на несколько переходов от Царицына. В начале сентября 10-я красная армия вышла к Дону. Ее фронт протянулся от устья р. Иловля до станции Начавской, примерно на 200 км.

Донской Атаман решил опять просить командование Добровольческой Армии помочь Донским казакам, предоставив Кубанцам самим доканчивать освобождение их края^{II}. В своем письме к генералу Деникину ген. П. Н. Краснов писал^{III}, что «Добровольческая Армия и Кубанцы имеют против себя одну деморализованную банду товарища Сорокина, тогда как на севере силы большевиков крепнут и сопротивление их почти неодолимо. Екатеринодар занят, 11 сентября на Кубани созывается Рада казачья, самое время ген. Деникину идти и становиться самостоятельным, вне казаков. Но генерал Деникин отказал в этом Атаману. Он должен оставаться на Кубани, пока не освободит от большевиков всего Северного Кавказа».

^I Гражданская война 1918—1921 гг., т. III, с. 92.

^{II} Столица Кубани — Екатеринодар — была освобождена 16 августа.

^{III} Архив Русской революции, т. V, с. 325.

Получив этот отказ Деникина, Атаман Краснов, отдававший себе, как мы видели выше, отчет о стратегической важности Царицынского направления, счел себя вынужденным поддержать свои ополчения, действовавшие на этом направлении, готовой частью формируемой им постоянной («молодой») армии. С прибытием этой поддержки ген. Мамонтов, командующий Донцами на Царицынском фронте, перешел в 20-х числах сентября вновь в наступление. Наступление Мамонтова пошло успешно. Он потеснил большевицкий фронт с линии р. Дона и, нанеся поражение 10-й красной армии, в середине октября подошел к самому Царицыну. Положение последнего стало трудным. Но на выручку к нему пришла большевицкая дивизия Жлобы.

Этот большевицкий военачальник командовал 1-й дивизией в армии Сорокина, действовавшей на Северном Кавказе против Деникина. Получив приказ от «Царицынской тройки» идти на помощь Царицыну, Жлоба, несмотря на упорное сопротивление Сорокина, увел свою дивизию из армии последнего и неожиданно ударил в правый фланг и тыл Мамонтову. Этот удар Жлобы заставил Донцов вновь откатиться от Царицына на несколько переходов назад к линии р. Дона.

Неудачи Донцов под Царицыном имели громадное стратегическое значение. Донские ополчения, действовавшие в восточной и северо-восточной частях Донской области, очищая ее от большевиков, подошли к своим границам. При существовании у Царицына успешно действовавшей большевицкой армии наступление Донцов в направлении на Камышин и Саратов находилось под угрозой большевицкого удара в тыл вдоль железнодорожной линии, ведущей от Царицына на Поворино.

Одновременно с только что изложенной борьбой Донских казаков на Царицынском направлении им приходилось вести напряженные бои и на прочих частях своего боевого фронта.

На Воронежском направлении обе стороны борются за обладание рокадной линией Балашов—Поворино—Новохоперск—Бобров—Лиски, причем главный удар Донское командование наносит на участках Таловая—Бобров—Лиски. Борьба носит упорный характер и проходит с переменным успехом. Только 23 ноября Донские части захватывают у 8-й красной армии железнодорожный узел Лиски, а 1 декабря в их руки переходит Новохоперск¹.

Одновременно с операциями на Воронежском направлении развивались боевые действия Донцов и на Саратовском направлении. Здесь им тоже удалось продвинуться вперед. Они захватили юго-западный край Саратовской губернии с проходящей здесь железной дорогой, ве-

¹ Какурин Н. Стратегический очерк гражданской войны, с. 52.

душей из Балашова в Камышин. Донским конным частям удается даже, проникнув в разрез между 9-й и 10-й красными армиями, прорваться к городу Камышину^I.

«Ценой больших потерь и усилий Донская армия только в начале декабря достигает разрешения части поставленных ей задач, — так резюмирует только что описанные боевые действия большевицкий историк Какурин^{II}. — Подрыв ее физических сил отразился и на ее нравственном состоянии; в армии всё сильнее начинает развиваться взгляд о бесполезности дальнейшей борьбы...»

В последних строках только что приведенной цитаты выражено мнение большевицкого историка, стремящегося доказать всенародные симпатии к большевизму. Но под этим тенденциозным толкованием лежат вполне реальные факты. Этими фактами являлись: во-первых, усталость Донского казачества, вследствие потребовавшегося от него боевого напряжения летом и осенью 1918 года; во-вторых, «областнический» эгоизм, выразившийся в нежелании воевать за пределами Донской области.

Я говорил уже выше об этом «областническом» эгоизме. Отказ ген. Деникина поддержать Донское казачество на Царицынском направлении мог только усилить этот «стратегический сепаратизм», внушив подозрение в том, что главнокомандование Добровольческой Армией преследует личные честолюбивые замыслы, лишь прикрываясь словами об общероссийских интересах. Насколько сильно было это недоверие к ген. Деникину рядовой казачьей массы, свидетельствуется следующим фактом: после появления дивизии Жлобы¹⁶⁶ в тылу Донцов Мамонтова, дравшихся под Царицыном, среди казаков циркулировал слух, «что ген. Деникин нарочно выпустил его (Жлобу), чтобы не дать Краснову взять Царицын»^{III}.

Атаман Краснов хорошо отдавал себе отчет в этих настроениях рядового Донского казачества. Лучший способ побороть эти настроения он видел в создании частей Общероссийской Армии из населения прилегающих с севера к Донской области Воронежской и Саратовской губерний.

«Какая-то, — пишет Краснов^{IV}, — всё равно какая, но Армия, составленная из русских людей на северной границе Войска Донского, была необходимо нужна Атаману ввиду крайнего утомления донских

^I Гражданская война 1918–1921 гг., с. 92 (схема) и с. 95.

^{II} Стратегический очерк гражданской войны, с. 53.

^{III} Письмо ген. П. Н. Краснова к А. М. Драгомирову; цитировано в № 3 «Донской Летописи», с. 370.

^{IV} *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 242.

казаков, решительного отказа их бороться и **спасать Россию в полном одиночестве**».

Для осуществления этой идеи ген. Краснов пытается использовать начатое немцами формирование «Южной» русской армии¹. По соглашению с немцами и с Украиной формирование этой армии должно было происходить в южной части Воронежской губернии, прилегающей к Донской области и к Харьковской губернии (вошедшей в состав Украины).

В северо-восточной части Донской области ген. Краснов приступил к формированию из крестьян Саратовской губернии, ушедших от большевиков, «Русской Народной армии».

19 августа приказом Донского Атамана временно командовавший «Южной» армией ген. Семенов был назначен военным губернатором Воронежской губернии, а полк. Манакин¹⁶⁷, командовавший «Русской Народной армией» — военным губернатором Саратовской губернии. Этими приказами Атаман Краснов стремился показать Донскому казачеству, что выдвижение в глубь России будет производиться не только одними казачьими силами, но и организующимися силами восставшего против большевиков русского народа.

Окончательно убедившись в нежелании ген. Деникина оказать помощь Донцам на Царицынском направлении, Атаман Краснов пытается извлечь пользу из формируемой калмыцким князем Тундутовым, при содействии немцев, Астраханской армии.

Я не буду повторять здесь сказанного о неудаче германской попытки создать «Южную» и «Астраханскую» армии^{II}. После окончательного отказа немцев от этой попытки ген. Краснов приказом от 3 октября переименовал «Южную армию» в «Воронежский корпус», а «Астраханскую армию» — в «Астраханский корпус». Вместе с переименованием в «Саратовский корпус» армии Манакина («Русская Народная армия») эти корпуса составили «Особую Южную армию», возглавленную народным героем и победителем в Галиции — престарелым ген. Н. И. Ивановым.

Но и в этих сокращенных рамках задуманное Атаманом Красновым создание общероссийской вооруженной силы окончилось полной неудачей. Избегая повторений, я опять отсылаю читателя к главе XIV. Здесь же формулирую только главную причину неудачи Краснова словами историка гражданской войны — проф. полк. Зайцова. «...Основная идея ген. Краснова, — пишет он^{III}, — была верной. Дон был базой, на которой должна была формироваться общерусская армия, способная к решению общерусских задач. Задача Дона была прикрыть

^I См. главу XIV.

^{II} См. главу XIV.

^{III} 1918 год (Очерки по истории гражданской войны), глава VII, с. 251.

эти формирования. И Дон прикрыл. Причины неудачи лежали не в основном замысле, а в исполнении. Несочувствие Добровольческой Армии этим формированиям¹ сразу поставило под вопрос возможность их осуществления. В общерусском масштабе авторитет Добровольческой Армии стоял выше авторитета Донского Атамана, и ген. Краснов не был в состоянии, наперекор Добровольческой Армии, создать Русскую Армию. Для решения общероссийских задач осенью 1918 года нужно было согласие носительницы общероссийской идеи — Добровольческой Армии. Без соглашения с ген. Деникиным и даже вопреки ему формирование общерусской Армии было не под силу ген. Краснову и было заранее обречено на неуспех. И это тем более, что в связи с начавшимся с осени 1918 г. поражением Германии авторитет Добровольческой Армии, “верной союзникам”, непрерывно рос, а авторитет Донского Атамана, “связанного” с немцами, непрерывно падал».

Большой Войсковой Круг

Верный своему слову, очистив территорию Дона от большевиков, Атаман Краснов собрал 28 августа Большой Войсковой Круг. Этому Кругу ген. Краснов и должен был дать отчет в использовании им врученных ему «Кругом Спасения Дона» диктаторских полномочий^{II}. Выборы в этот Большой Войсковой Круг, являвшийся четвертым по счету, были произведены по всей территории Дона. 265 депутатов прибыли от станиц и 74 от частей фронта.

По образовательному цензу депутаты распределялись так: с низшим образованием — 56 %, со средним — 18 %, с высшим — 11 %, с домашним — 15 %.

Распределение депутатов по роду занятий было следующее: 65 % хлеборобов, 12,6 % офицеров, 5,4 % общественных деятелей, 4 % народных учителей, 3,6 % судебных деятелей, 2,3 % преподавателей средней школы, 1,4 % духовенства, 0,9 % инженеров, 0,9 % студентов, 0,6 % коммерсантов, 0,3 % литераторов, 0,2 % без определенных занятий, 2,8 % — неизвестно.

Наконец, возрастной ценз депутатов был от 21 до 30 лет 23,3 %, от 30 до 40 лет — 37 %, от 40 до 50 лет — 25 %, от 50 до 60 лет — 13,3 %, от 60 до 64 лет — 1,4 %^{III}.

^I Деникин. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 124.

^{II} Первая сессия этого Круга закончилась 3 октября, после чего члены Большого Круга разъехались до 14 февраля 1919 года.

^{III} Каклюгин К. П. Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // Донская Летопись, № 3, с. 100.

Из приведенных цифр видно, что большинство депутатов было казаками-земледельцами или офицерами. Вследствие этого этот Круг должен был быть близок по своим настроениям к предыдущему «Кругу Спасения Дона». Но в новом Круге было больше интеллигентных сил: 30 % имело среднее и высшее образование. Эта интеллигенция и принесла на Круг свои специальные настроения, отличавшие ее, как и везде в России, от рядовой массы.

Наиболее левая часть этой интеллигенции, которая принадлежала к так называемой «революционной демократии», пришла на Круг с предвзятым враждебным отношением к генералу Краснову, которого она считала «монархистом». Более умеренная интеллигенция, либерального толка, тоже была настроена к ген. Краснову недоброжелательно, но в основе этого отрицательного отношения лежала причина иного порядка — генералу Краснову ставилась в упрек его немецкая ориентация.

Правда, эти специфически «интеллигентские» настроения выражались в казачьей интеллигенции менее резко, чем в общерусской интеллигенции; большей умеренности содействовало также и то, что большинство депутатов было в возрасте более 30 лет. Но и при этих условиях в среде представителей «интеллигенции» на четвертом Большом Войсковом Круге создалось отрицательное отношение к Атаману Краснову.

Возникновение в недрах Круга оппозиции против Атамана выявилося сразу — Председателем Круга был избран «не пылкий патриот Янов¹, вся вера которого заключалась в горячей любви к Донскому войску и казаку, а лидер кадетской партии В. А. Харламов, бывший членом Российской Государственной Думы, опытный парламентарий, искусный в политической борьбе. Партии, настроенные против Атамана, повели свою подпольную работу»^{II}.

Большое участие в создании этого оппозиционного настроения на Дону приняли те круги русской интеллигенции, которые примкнули к командованию Добровольческой Армии, находившемуся в это время в Екатеринодаре. Да и само командование этой Армии, сознательно или бессознательно, поддерживало возникающую на Дону оппозицию против Атамана Краснова.

Правонастроенным кругам русской интеллигенции генерал Краснов изображался как ярый сепаратист и изменник России. Его попытка оградить на первое время Дон от вторжения с севера Ленинских вооруженных сил, путем вынужденного немцами признания Ленинским правительством независимости Дона от Москвы^{III}, служила предлогом

^I Полк. Янов — бывший председатель Круга Спасения Дона. — Прим. Н. Н. Г.

^{II} Архив Русской революции, т. V, с. 214.

^{III} См. главу XIII.

обвинения Краснова в скрытом большевизме. Для воздействия на либеральную интеллигенцию враги ген. Краснова использовали письма его к германскому Императору; в неизжитой еще нашей либеральной интеллигенцией психологии, созданной мировой войной, уход из лагеря Антанты легко окрашивался в измену России.

Решительно всякий шаг и поступок ген. Краснова выставлялся тенденциозно окрашенным, в невыгодном для Атамана Краснова освещении. Смута сеялась и в среде Донских военачальников; те из них, которые, по тем или иным причинам, были недовольны Атаманом Красновым, находили сочувствие в Екатеринодаре.

Всё это вместе и вызвало в воспоминаниях ген. Краснова следующие, с горечью им написанные строки: «У меня четыре врага: наша Донская и Русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, мой самый страшный враг; генерал Деникин; иностранцы — немцы или союзники, и большевики. И последних я боюсь меньше всего, потому что веду с ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья»¹.

Сразу же увидев создавшееся на Войсковом Круге враждебное к себе отношение со стороны значительной части Донской интеллигенции, ген. П. Н. Краснов на первом же заседании просил о сложении своих полномочий и перевыборах Атамана. Но Круг отложил перевыборы до выслушания отчета Атамана о его деятельности. Это были голоса представителей рядового казачества, которое по-прежнему сочувственно относилось к генералу Краснову.

Представленный Донским Атаманом отчет был одобрен Войсковым Кругом. Даже политические враги ген. Краснова должны были признать его заслуги. Его речь, по свидетельству одного из них², «бодрая, полная надежды и веры в светлое будущее, в связи с очищением Донской Области от советских войск, с организацией постоянной молодой армии, произвела соответствующее впечатление, была встречена с чувством большого нравственного удовлетворения и благодарности. На Кругу чувствовалось приподнятое праздничное настроение. Отдавалась должная дань организаторскому таланту Донского Атамана и его военным способностям. Заслуги Атамана были оценены Войсковым Кругом, который произвел его в чин генерал от кавалерии...»

Впечатление, произведенное отчетом на рядовую массу Круга, побудило политических врагов ген. Краснова оттягивать выборы Атамана. С одной стороны, им необходимо было время для ослабления

¹ Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 198.

² Каклюгин К. П. Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // Донская Летопись, № 3, с. 102.

этого впечатления на казачью массу, с другой стороны, выясняющееся поражение немцев в мировой войне сильно роняло шансы ген. Краснова на переизбрание.

Военное положение Центральных Держав после понесенного немцами во Франции поражения 8 августа («день траура Германской армии», по словам Людендорфа) всё ухудшалось. 15 сентября прорыв сербов между р. Вардаром и Черной на Салоникском фронте окончательно и с полной очевидностью склонил чашу весов победы на сторону Антанты.

В таких условиях шансы ген. Краснова действительно сильно уменьшались. Даже перед любившей его казачьей народной массой возникал вопрос о том, что с выяснившейся победой бывших союзников нахождение во главе Донского казачества лица, неугодного последним, может затруднить получение от них помощи для борьбы с большевиками. Эти уменьшенные шансы генерала Краснова на переизбрание чуть не были окончательно подорваны вмешательством представителя германского командования майора фон Кохенгаузена.

«Чем хуже становилось положение немцев на фронте, — пишет историк гражданской войны проф. полк. Зайцов¹, — тем более они дорожили сохранением в районе оккупации расположенной к ним власти. Несомненно, что только этим можно объяснить поразительное по политической близорукости письмо офицера для связи от германского главного командования на Дону майора фон Кохенгаузена ген. Краснову с целью понудить Круг переизбрать его Атаманом^{II}. Удивительнее всего, однако, то, что это письмо в минуту развала германского фронта во Франции и после Салоникского прорыва всё же не помешало избранию ген. Краснова».

26 сентября ген. Краснов был вновь избран Войсковым Атаманом 234 голосами из 338. Рядовая казачья масса осталась верной избраннику «Круга Спасения Дона».

Несмотря на этот успех ген. Краснова, влияние создавшейся на Круге оппозиции со стороны интеллигенции сказалось на его решениях.

Как уже известно, «Круг Спасения Дона» передал Атаману Краснову диктаторские права. Четвертый Большой Войсковой Круг ограничил эти права; он восстановил парламентскую и уголовную ответственность Донского Атамана перед Кругом (ст. 39 Основных Законов^{III} и сделал от-

¹ 1918 год (Очерки по истории гражданской войны), гл. VII.

^{II} Письмо это было написано 17 сентября, то есть через два дня после окончательно выяснившегося поражения Германии. Текст этого письма приведен в Приложении № 72.

^{III} См. Приложение № 69.

ответственным перед Кругом Совет Управляющих отделами (министров) (ст. ст. 55, 56, 57 Основных Законов). Соответственно были изменены те Временные Основные Законы, которые, по настоянию генерала Краснова, были приняты «en bloc» «Кругом Спасения Дона».

Согласно этим новым законам¹, Войско Донское было провозглашено самостоятельным государством-республикой, основанным на началах народоправства. Верховная и законодательная власть вручалась Войсковому Кругу, высшая исполнительная власть — Войсковому Атаману, судебная — судебным установлениям и лицам, осуществляющим ее именем закона. В дополнение к Основным Законам принято было Положение о Войсковом Круге и Наказ Войскового Круга.

«Суждения по “Основным Законам” носили бурный характер. Докладчик законопроекта П. М. Агеев, сторонник народоправства, отстаивал каждое положение, каждую статью. Не уступали в страстности сторонники единоличной власти, настаивавшие на предоставлении в исключительное время и исключительных полномочий исполнительной власти — Донскому Атаману»¹¹.

В результате этих горячих споров Круг принял поправку Черкасского округа о предоставлении Донскому Атаману особых полномочий на время войны и, кроме того, издал указ следующего содержания:

«Большой Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского, призванный к государственному строительству Родного Края, поставил во главе Всевеликого Войска Донского Войскового Атамана, предоставив ему в полном объеме власть управления военного и гражданского. Всё население Дона, способное носить оружие, всё достояние казаков и граждан, необходимое для обороны, и их труд, а также денежные средства предоставлены в распоряжение Атамана. В руки Атамана, верховного вождя Донской Армии и флота, Круг передал все средства. В полной мере Атаман должен использовать эти средства. Пусть каждый казак и гражданин Всевеликого Войска Донского помнит о своем долге перед Родным Краем, пусть в каждом из нас Атаман найдет верных исполнителей. Одна мысль, одна воля да объединит нас: помочь Атаману в его тяжелом и ответственном служении Дону».

Этим велеречивым воззванием враждебно настроенная по отношению к ген. Краснову интеллигенция стремилась замаскировать перед рядовым казачеством ту подрывную работу, которую она вела лично против ген. Краснова. Она при этом не отдавала себе отчета в том, что в условиях общей смуты и крушения всех прежних авторитетов подрыв

¹ Текст этих законов приведен в Приложении № 73.

¹¹ *Каклюгин К. П.* Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // *Донская Летопись*, № 3, с. 106.

только что народившейся в казачьих народных массах популярности генерала Краснова уменьшал боеспособность Донского казачества в тяжелой борьбе, которую оно вело с превышающими его в силах большевицкими армиями.

При обсуждении на Круге вопросов внешней политики оппозиция также не решилась с достаточной отчетливостью и ясностью формулировать те обвинения, которые возводились на ген. Краснова в среде партийных кружков и командования Добровольческой Армии.

«Управляющий Отделом Иностранных Дел — генерал-майор Богаевский, выставившийся Добровольческой Армией как кандидат в Атаманы, сдавая перед Кругом отчет о работе отдела, упомянул и о письме Императору (Вильгельму), написанном единолично Атаманом. Письму была придана особая таинственность. Это было сделано с целью повлиять на умы серой части Круга и пошатнуть ее доверие к Атаману. После речи А. П. Богаевского встал Атаман и громко и четко прочел Кругу свое письмо Императору Вильгельму¹ и заявил, что всю ответственность за него он берет на себя»^{II}.

Дебаты по внешней политике завершились следующей резолюцией Круга:

«Одобрить общее в отношении Центральных Держав направление политики Правительства, основанной на принципе взаимного и равномерного удовлетворения обеих сторон в практических вопросах, выдвигаемых жизнью, без вовлечения Дона в борьбу ни за, ни против Германии»^{III}.

Внутренний разлад между донской интеллигенцией и рядовой казачьей массой сказался в постановлениях Круга по кардинальному для казачества вопросу об «иногородних».

Круг одобрил решение Атамана Краснова образовать земельный фонд из отчужденных помещичьих земель, из какового фонда и наделять малоземельных крестьян. В вопросе же об уравнении прав иногородних с казаками Круг отменил статьи 70 и 71 и все казачьи привилегии и поручил Правительству выработать закон «о гражданстве» с подробным указанием, какие группы населения относятся к «гражданам» Войска Донского и как это гражданство приобретается. С другой стороны, правительство должно было выработать «Положение о выборах депутатов в Войсковой Круг от граждан»^{IV}. Редакция

^I См. Приложение № 33.

^{II} Архив Русской революции, т. V, с. 215.

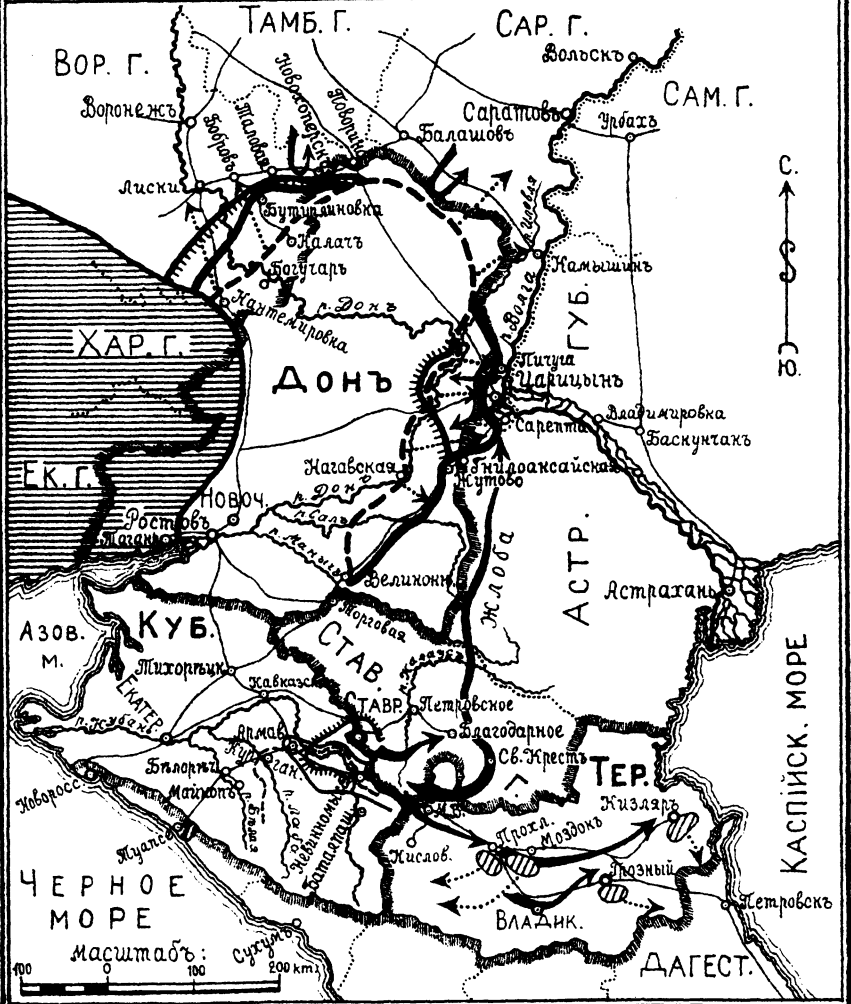
^{III} Донская Летопись, № 3, с. 104.

^{IV} Каклюгин К. П. Донской Атаман П. Н. Краснов и его время // Донская Летопись, № 3, с. 115.

Южный фронтъ осенью 1918г. Сх. №13.

Условн. обозначения :

- Полож. фр-та близь 20-IX | \rightarrow Направл. движ. красныхъ
- „ — вь 20-х числахъ X | $\dots \rightarrow$ — „ — „ — „ — „ близь 20-х
- |||| — „ — „ — „ началъ X | $\text{\textcircled{||||}}$ Б ѣ л ы е

эта очень туманна, но все-таки нельзя не прийти к заключению, что четвертый Большой Войсковой Круг ослабил ту «казачью» линию, которую указал «Круг Спасения Дона» и которую положил в основу своей политики Атаман Краснов. Напомню здесь, что основной идеей этой политики было то, что «всех лиц невойскового сословия, фактически участвующих в защите Дона от большевицких банд, теперь же принять в войсковое сословие»¹.

При таком решении «Круга Спасения Дона» каждый иногородний крестьянин, который соглашался, наравне с казаками, защищать родной Край от вторжения большевиков, этим самым приобретал и казачьи привилегии. Говоря более общими словами, «Круг Спасения Дона» и Атаман Краснов проводили политику «оказачивания» населения Донского Края. Туманное постановление четвертого Большого Войскового Круга запутывало простое решение Круга Спасения Дона, ибо могло внушить мысль, что уравнивание в правах не связано с уравниванием в обязанностях. Поэтому постановления четвертого Большого Войскового Круга подрывали, по существу дела, политику «оказачивания» населения; они вели скорее к «расказачиванию». Не лишено интереса отметить здесь, что представители левой донской интеллигенции, по настоянию которых проводились эти изменения в основных законах, в то же время продолжали мечтать об образовании на Юго-Востоке России «сплошного казачьего моря из Дона, Кубани и Терека»¹¹.

Решение четвертого Войскового Большого Круга, хотя и в замаскированном виде, возрождало идею «паритета». Мы уже знаем из главы IX, что подобная попытка, произведенная Атаманом Калединым, успеха не имела. Ген. Каледин вынужден был пойти на нее, чтобы на деле показать казачеству, болевшему тогда «нейтралитетом», несостоятельность этой идеи. Теперь, когда казачество воочию убедилось, что большевизм является смертельным врагом казачества, возвращение к идеям паритета могло только ослабить волю к борьбе казачьих народных масс, то есть как раз тех масс, которые составляли пока единственную верную контрреволюционную силу.

Как мы знаем из изложенного в главах XVIII и XIX, в сентябре месяце на Волжском фронте большевики начали одерживать верх над Народной Армией и чехо-словаками. 8 сентября Народная Армия и чехо-словаки очистили Казань, 12-го — Симбирск; 7 октября, с очищением Самары, линия Волги была ими окончательно потеряна, и они торопливо откатывались на Урал. Большевицкое главное коман-

¹ *Каклюгин К. П.* Донской Атаман П. Н. Краснов и его время, с. 87.

¹¹ Речь казака-социалиста Агеева во вторую сессию четвертого Большого Войскового Круга. // *Донская Летопись*, № 3, с. 115.

дование, оставив на своем Восточном фронте три красных армии (1-ю, 3-ю и 5-ю), решило остальные части перебросить для боевых действий против Дона. Перенесение центра тяжести большевицких действий с их Восточного фронта на Донской вызывалось успехами, одержанными в это время Донской армией. Как я говорил выше, в ноябре месяце Донские силы, действовавшие на Саратовском операционном направлении, захватили в свои руки большую часть железнодорожной линии Балашов—Камышин, а конным их частям, проникнувшим в разрез между 9-й и 10-й красными армиями, удалось прорваться к самому гор. Камышину; к началу же декабря донским силам, действующим на Воронежском направлении, удалось овладеть главными железнодорожными узлами на линии, соединяющей Лиски с Балашовом. С целью прикрыть Нижнюю Волгу большевицкое главное командование поставило своей очередной главной стратегической задачей обратное овладение железнодорожной линией Поворино—Царицын. Для выполнения этой задачи оно и собирало все свои свободные силы.

Положение Дона чрезвычайно осложнялось еще тем, что разбитая Антантой Германия 11 ноября вышла из строя и сдалась на милость победителей. Детищу германской политики — Украине грозила неминуемая катастрофа. Последняя же обнажала всю западную границу Донской области.

Над Доном, таким образом, нависала новая гроза, и от Донского казачества требовалось новое боевое напряжение, превосходящее уже проявленное им. А между тем перед этой готовящейся грозой стояло Донское казачество, уже утомленное той борьбой, которую оно вело в течение лета и осени 1918 года. Четвертый Большой Войсковой Круг, разошедшийся в октябре, после своей первой сессии оставил Дон духовно ослабленным благодаря подрыву авторитета Войскового Атамана Краснова и чувства «казачьего патриотизма» в рядовом казачестве. В этом отношении его роль сильно отличается от той роли, которую сыграл его предшественник — «Круг Спасения Дона».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 69

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО¹

Впредь до созыва Большого Войскового Круга из представителей всех округов Войска Донского и полного успокоения Войска на всем его пространстве, государственный строй Всевеликого Войска Донского и порядок управления основываются на следующих законах:

Об атаманской власти

1. Власть управления Войском во всем ее объеме принадлежит Войсковому Атаману в пределах всего Всевеликого Войска Донского.
2. Атаман утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь силы.
3. Атаман назначает как председателя Совета управляющих отделами, так и самих управляющих отделами, которые являются ответственными перед Большим Кругом.
4. Атаман есть высший руководитель всех сношений Всевеликого Войска Донского с иностранными государствами.
5. Атаман есть верховный вождь Донской Армии и Флота.
6. Атаман объявляет местности на военном, осадном или исключительном положении.
7. Атаману принадлежит помилование осужденных, смягчение наказаний и общее прощение совершивших преступные деяния, с прекращением судебного против них преследования и освобождение их от суда и наказания, а также сложение казенных взысканий и дарование милости в случаях особых, когда сим не нарушаются ничьи огражденные законом интересы и гражданские права.
8. Атаман производит военных за отличие в делах против неприятеля в чины, назначает им награды и утверждает все назначения офицерских чинов, которые делаются по команде.
9. Приказы и распоряжения Атамана скрепляются председателем Совета управляющих отделами или подлежащим управляющим отделом.

¹ Принятые на «Круге Спасения Дона» 4 мая (17 по новому стилю) 1918 г. и отмененные новым изданием 15 сентября (28 сентября по новому стилю) 1918 года. — Приводятся согласно тексту, напечатанному на с. 323–326 третьего тома «Донской Летописи».

10. Первенствующая в Всевеликом Войске Донском есть вера христианская, православная.

11. Все, не принадлежащие к православной вере граждане Всевеликого Войска Донского, а также проживающие в пределах Войска, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной.

О правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого Войска Донского

12. Условия приобретения прав гражданства Всевеликого Войска Донского, равно как и прав казачества, а также утрата их, определяются законом.

13. Защита отечества есть священная обязанность каждого казака и гражданина Всевеликого Войска Донского.

14. Казаки и граждане Войска обязаны платить установленные законом налоги и пошлыны, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона.

15. Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе как в порядке, законом определенном.

16. Никто не может быть задержан под стражею иначе как в случаях, законом определенных.

17. Никто не может быть судим и наказан иначе как за преступные деяния, предусмотренные действующими во время совершения сих деяний уголовными законами.

18. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе как в случаях и в порядке, законом определенных.

19. Каждый Донской казак и гражданин имеет право свободно избирать местожительство и занятия, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы Войска.

20. Собственность — неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда это необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе как за соответствующее вознаграждение.

21. Донские казаки и граждане имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия.

22. Каждый может в пределах, установленных законами, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами.

23. Донские казаки и граждане имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам.

О законах

24. Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое Войско Донское управляется на твердых основаниях Свода законов Российской Империи, за исключением тех статей, которые настоящими основными законами отменяются.

25. Все воинские части, как постоянной Армии, так и временно вызываемые по мобилизации, руководствуются законами, уложениями и уставами, изданными в Российской Империи до 25 февраля¹ 1917 года.

26. Все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся как Временным Правительством, так и Советом Народных Комиссаров, отменяются.

27. Сила закона равно обязательна для всех без изъятия Донских подданных и для иностранцев, в Всевеликом Войске Донском пребывающих.

28. Законы, изданные специально для какой-либо местности или части населения, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены нет.

29. Законы обнародуются во всеобщее сведение в установленном порядке и прежде обнародования в действие не приводятся.

30. По обнародовании закон получает обязательную силу со времени назначенного для него в самом законе срока. В самом издаваемом законе может быть указано на обращение его до обнародования к исполнению по телеграфу, телефону или посредством нарочных.

31. Закон не может быть отменен иначе как только силою закона. Поэтому до тех пор, пока новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу.

32. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он обнародован установленным порядком.

33. Законы разрабатываются в соответствующих управлениях.

34. По одобрении Советом управляющих законопроектов они представляются на утверждение Атаману.

35. Законы, касающиеся нескольких ведомств, представляются в Совет управляющих по предварительном согласовании их заинтересованными управляющими.

¹ По старому стилю. — Прим. Н. Н. Г.

36. Управляющим отделами предоставляется издавать распоряжения в развитие и разъяснение законов, причем все такие распоряжения подлежат предварительному одобрению Совета управляющих.

О Совете управляющих и самих Управляющих отделами

37. Направление и объединение действий отдельных ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления возлагается на Совет управляющих.

38. Управление делами Совета управляющих возлагается на войскового секретаря и на подчиненную ему канцелярию.

39. Председатель Совета управляющих и управляющие отвечают перед Атаманом, а потом о созыве Большого Круга перед ним за общий ход Войскового управления. Каждый из них в отдельности отвечает за свои действия и распоряжения.

40. За преступные по должности деяния Председатель Совета управляющих и Управляющие подлежат гражданской и уголовной ответственности на основаниях, в законах определенных.

Об Отделе финансов

41. Отдел финансов есть высшее совещательное учреждение по делам Войскового кредита и финансовой политики.

42. Отдел финансов состоит из председателя и членов, назначаемых Атаманом. Кроме того, в состав отдела входят на правах членов: Председатель Совета управляющих, Управляющий финансами и Войсковой Контролер.

43. На отдел возлагается: 1) соображение времени и условий совершения Войсковых займов; 2) обсуждение дел, касающихся Войскового кредита, а также вопросов денежного обращения и 3) предварительное, с особого каждый раз распоряжения Атамана, рассмотрение дел по финансовой части, подлежащих разрешению в законодательном порядке.

44. Суждения отдела представляются на усмотрение Атамана.

О Войсковом Суде

45. Войсковой Суд Всевеликого Войска Донского является высшим защитником и хранителем закона и высшим судом на Дону по делам судебным и административным.

46. Суд публикует все законы и правительственные распоряжения и наблюдает за закономерностью их издания.

47. Председатель Войскового Суда и Войсковые судьи назначаются Атаманом.

О Донском флаге, гербе и гимне

48. Три народности издревле живут на Донской земле и составляют коренных граждан Донской области — донские казаки, калмыки и русские крестьяне. Национальными цветами их были: у донских казаков — синий, васильковый, у калмыков — желтый и у русских — алый.

Донской флаг состоит из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой.

49. Восстанавливается старинная печать и герб Донского Войска, изображающая нагого казака в папахе, при шашке, ружье и амуниции, сидящего верхом на бочке. Печать и герб этот употреблять во всех нужных случаях.

50. Народным гимном Всевеликого Войска Донского объявляется — «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон», который и исполнять во всех предусмотренных законом случаях.

Донской Атаман,

Председатель управляющих отделами,

Председатель Круга Спасения Дона

Генерал-майор **Краснов.**

генерал-майор **Денисов.**

Янов.

Приложение №70

ПРИКАЗ¹

Всевеликому Войску Донскому № 1^{II}

Гор. Новочеркасск,

4/7 мая 1918 года^{III}

Волею Круга Спасения Дона я избран на пост Донского Атамана с предоставлением мне полной власти во всем объеме. Объявляю при сем «Основные Законы Всевеликого войска Донского»^{IV}, предписываю

^I Историческая Комиссия не располагает подлинным полным текстом приказа, поэтому он приводится в извлечении. — Прим. «Донской Летописи».

^{II} Приводится согласно тексту, напечатанному на с. 320–323 № 3 «Донской Летописи».

^{III} По старому стилю; по новому стилю — 17/20 мая. — Прим. Н. Н. Г.

^{IV} См. Приложение № 69 к настоящему труду. — Прим. Н. Н. Г.

всем ведомствам, учреждениями и всем вообще казакам и гражданам Войска Донского ими руководствоваться. В тяжелые дни общей государственной разрухи приходится мне вступать в управление Войском. Вчерашний внешний враг, австро-германцы вошли в пределы Войска для борьбы в союзе с нами с бандами красногвардейцев и водворения на Дону полного порядка. Далеко не всё Войско очищено от разбойников и темных сил, которые смущают простую душу казака. Враг разбит наружно, но остался внутри Войска, и борьба с ним стала еще более трудна, потому что он очень часто будет прикрываться личиною друга и вести тайную работу, растлевая умы и сердца казаков и граждан Войска.

Многие граждане развращены возможностью, бывшей при советских властях, безнаказанно убивать жителей, грабить имущество и самовольно захватывать земли.

Впереди, если мы не успеем засеять хлеба и снять урожай, северные округа Войска ожидает голод. Население исстрадалось недостатком продуктов первой необходимости, отсутствием денежных знаков и непомерной дороговизной. При этих условиях спасти Дон и вывести его на путь процветания возможно только при условии общей неуклонной и честной работы. Казаки и граждане. Я призываю Вас к полному спокойствию в стране. Как ни тяжело для нашего казачьего сердца, я требую, чтобы все воздержались от каких бы то ни было выходов по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как на свои части. Зная строгую дисциплину германской армии, я уверен, что нам удастся сохранить хорошие отношения до тех пор, пока германцам придется оставаться у нас для охраны порядка и пока мы не создадим своей армии, которая сможет сама охранить личную безопасность и неприкосновенность гражданина без помощи иностранных гостей. Нужно помнить, что победил нас не германский солдат, а победили наше невежество, темнота и та тяжелая болезнь, которая охватила всё Войско, и не только Войско, но и всю Россию.

Казаки и граждане, нас спасет только общая работа. Пусть каждый станет на свое дело, большое и маленькое, какое бы то ни было, и поведет его с полною и несокрушимою силою, честно и добросовестно. Вы, хозяева своей земли, украшайте ее своею работою и трудами, а Бог благословит труды наши. Бросьте пустые разговоры и приступите к деловой работе. Каждый да найдет свое место и свое дело и примется за него немедленно и будет спокоен, что плодами его трудов никто не посмеет воспользоваться.

А обо мне знайте, что для меня дороже всего честь, слава и процветание Всевеликого Войска Донского, выше которого для меня нет

ничего. Моя присяга вам, казакам и гражданам, вам, доблестные спасители Родины, члены Круга Спасения Дона, служить интересам Войска честно и нелицемерно, не зная ни свойства, ни родства, не щадя ни здоровья, ни жизни. Об одном молю Бога, чтобы он помог мне нести тяжелый крест, который вы на меня возложили.

* * *

1. По ведомству иностранных дел. — Войти в сношения с Киевом, Екатеринодаром и Москвою и установить с первым обязательно, с остальными, если представится возможность — «прямую связь по аппарату Юза». Установить сношение с главным германским Командованием, а также с Добровольческой Армией.

2. По военному ведомству. — Приступить к немедленному созданию на началах общеобязательной воинской повинности из казаков и калмыков 1918/1919 года, вызываемых путем жеребьевания по правилам, которые мною будут указаны, постоянной Армии в составе трех конных дивизий, одной пешей бригады с соответствующим числом артиллерии и инженерных частей. К созданию офицерской школы, урядничьего полка возобновить занятия в Новочеркасском военном училище, подготовить всё для восстановления занятий в Донском кадетском корпусе. Для охраны станиц и городов составить конные и пешие сотни из казаков 1912—1916 и 1917 г. По мере успокоения Войска распускать по домам для мирных работ казаков остальных возрастов.

3. По финансовому ведомству. — Приступить к печатанию ассигнаций и чеканке монеты; восстановить деятельность банков и кредитных учреждений. Создать стройную систему налогового обложения и пошлин.

4. По ведомству торговли и промышленности. — Установить свободную торговлю, добиваясь понижения цен конкуренцией, вызвать усиленный товарообмен, вызвать к жизни кооперативы.

5. По ведомству народного просвещения. — Подготовить устройство сети народных сельскохозяйственных школ с общеобразовательным курсом, вернуть к жизни все средние и высшие учебные заведения.

6. По ведомству юстиции. — Восстановить и вернуть к жизни все существовавшие раньше судебные установления, приступить к составлению нового Уголовного Уложения.

7. По ведомству путей сообщения. — Восстановить правильное пассажирское и товарное движение по всем железным дорогам, проходящим через Войско. Установить охраны станций и борьбу с безбилетным проездом пассажиров и хищениями грузов. восстано-

вить пассажирское и грузовое движение пароходов по Дону и Донцу, усилить работы по шлюзованию Дона, приступить к созданию новых линий и путей.

8. По ведомству внутренних дел. — Приступить к созданию постоянной наемной милиции из лучших офицеров, урядников и казаков, восстановить и развить сеть телеграфов и телефонов, восстановить почтовое сообщение, установить неослабное наблюдение за внутренним порядком в Войске, немедленно арестуя и предавая суду тех казаков и граждан, которые будут возбуждать народ к насильственным действиям и неповиновению. Составить списки казаков и граждан, которые будут оказывать противодействие войсковым частям, служить в красной гвардии и принимать участие в братоубийственной войне на стороне большевиков, для суда над ними и отобрания от них земли.

9. По ведомству землеустройства и земледелия. — Предписать обработать и засеять участки. Помещичьи участки, не засеянные по недостатку рук, засеять, употребив на работы пленных красноармейцев, но урожай взять в казну. Ко времени созыва Большого Круга, то есть не позднее как в двухмесячный срок, создать земельный закон. Выработать максимальную норму частного землевладения и правила отчуждения земель для выдачи безземельным. Закон должен быть так разработан, чтобы по утверждению его земли могли быть разделены между владельцами по окончанию сбора урожая и никак не позднее октября месяца. Выработать меры для сохранения племенного скота и птицы и самого широкого их распространения в населении. Создать стражу для охраны рыбных ловель и горных промыслов.

10. По войсковому контролю. — Учредить по всем местам Управления Контроля и требовать ежемесячного отчета в расходовании каждой народной копейки.

11. По ведомству коневодства и ремонта. — Восстановить коневые средства Провальского войскового завода и частного коневодства Задонской степи в кратчайший срок, отремонтировать из кобылок и коней ремонтов 1917—18 годов вновь формируемую Донскую Армию.

12. Архиепископу Донскому Митрофану. — Призвать благословение Господа сил на все труды наши. Созвать собор духовенства и пригласить на него старообрядческих священников и буддийских гилюнов и выработать закон об устройстве быта духовенства и причта и о безвозмездном исполнении богослужений и треб и о благолепном служении в храмах, независимо от усердия прихожан.

Родимый край... Как ласка матери, как нежный зов ее над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов.

Чуть тает свет зари, звонит сверчок под лавкой в уголке, из серебра узор чеканит в окошке месяц молодой... Укропом пахнет с огорода... Родимый край...

Кресты родных моих могил, и над левадой дым кизечный и пятна белых куреней в зеленой раме рощ вербовых, гумно с буреющей соломой и журавель, застывший в думе, — волнует сердце мне сильнее всех дивных стран за дальними морями, где красота природы и искусство создали мир очарований.

Тебя люблю, Родимый край...

И тихих вод твоих осоку и серебро песчаных кос, плач чибиса в куге зеленой, песни хороводов на заре, и в праздник шум станичного майдана, и старый милый Дон — не променяю ни на что...

Родимый край...

Напев протяжный песен старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная — щемят мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчание мудрое седых курганов и в небе клекот сизого орла, в жемчужном мареве виденья зипунных рыцарей былых, поливших кровью молодецкой, усеявших казацкими костями простор зеленый и родной... не ты ли это, Родимый край?

Во дни безвременья, в годину смутную развала и паденья духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивал Тебя, мой Край Родной...

Но всё же верил, всё же ждал; за дедовской завет и за родной свой угол, за честь казачества взметнет волну наш Дон седой...

Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и свободы...

И взволновался Тихий Дон... Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна...

Звенит и плачет, и зовет...

То край Родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол...

Кипит волной, зовет на бой Родимый Дон...

¹ Приводится согласно тексту, напечатанному 26 августа 1918 года в № 12 «Донской Волны».

За честь отчизны, за казачье имя кипит, волнуется, шумит седой наш Дон. — Родимый край.

Ф. Крюков

Приложение № 72

Письмо офицера для связи от Германского Главного командования на Дону майора фон Кохенгаузена генералу Краснову от 4 сентября¹ 1918 года из г. Ростова^{II}

...Имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что за последнее время высшему командованию в Киеве стал известен целый ряд событий на Дону, произведших там очень нехорошее впечатление.

Прежде всего удивляются, что выборы Атамана, назначенные на 23 августа^{III} не состоялись и отложены на неопределенный срок. В то время как на фронте в тяжелой борьбе с большевиками дерутся доблестные и храбрые войска Вашего Высокопревосходительства, Вы и Ваши министры отвлекаются от работы скучными и длинными заседаниями на Кругу. Высшее командование боится, что Ваше твердое и самостоятельное управление страной тормозится Кругом, его продолжительными спорами из-за внутренних конституционных вопросов, тем более что враждебно настроенная Вашему Высокопревосходительству партия стремится урезать полноту власти, Вам данной.

Немецкое высшее командование не хочет вмешиваться во внутреннюю политику Дона, но не может умалчивать, что ослабление власти Атамана вызовет менее дружеское отношение к Дону германцев.

Высшее германское командование просит вас потребовать немедленного выбора Атамана, которым, несомненно, будете избраны Вы, Ваше Высокопревосходительство (судя по всему тому, что нам известно), чтобы скорее приняться за работу и твердо вести Всевеликое Войско Донское к устройению его.

Далее получено известие, что генерал-лейтенант Богаевский в одном из заседаний Круга, на котором Ваше Высокопревосходительство не присутствовали, осуждал Вашу деятельность и всё большое строительство на Дону в этот короткий срок приписывал исключительно себе. В другом заседании он пытался ослабить речь генерала Черячукина, который беспристрастно описал положение дел на Западном

¹ По старому стилю; по новому стилю письмо было написано 17 сентября. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Приводится согласно тексту, напечатанному в воспоминаниях Н. П. Краснова «Всевеликое Войско Донское» (Архив Русской революции, т. V, с. 215–217).

^{III} 5 сентября по новому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

фронте. Генерал Богаевский выражал сомнение в окончательной победе германцев и указывал на близкое осуществление союзнического Восточного фронта. На вывод наших войск из Таганрога он указал как на последствие наших неудач на Западном фронте, между тем как с нашей стороны это было только доказательством наших дружеских и добрососедских отношений.

Откровенно говоря, мне очень неприятно обращать внимание Вашего Высокопревосходительства на отзывы Вашего председателя министров, тем более что генерал-лейтенант Богаевский не раз уверял меня в своем дружеском расположении к немцам.

Я считаю себя все-таки обязанным поставить Вас в известность и предупредить, что если мнение г. председателя министров действительно таково, то высшее командование германцев примет согласно с этим свои меры. Я еще пока не доносил об этом высшему командованию в Киеве, но буду принужден сделать это, если в будущем дойдут до меня слухи о враждебном отношении к немцам г. председателя...

...Я не могу скрыть от Вас, что все эти известия не могут произвести хорошего впечатления в Киеве, тем более что высшее командование, очистив Таганрог, допустив туда донскую стражу, снабжая Дон оружием и политически воздействуя на советскую власть на Северном фронте, явно выказало высшую предупредительность.

Отсрочка выборов Атамана дает возможность агитировать враждебным немцам элементам, и я боюсь, что высшее командование сделает свои выводы и прекратит снабжение оружием. Примите уверения в моем совершенном уважении.

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга фон Кохенгаузен, майор генерального штаба.

Приложение № 73

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО¹

ЧАСТЬ ОБЩАЯ

Раздел I. — Глава I

1. Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства.

¹ Приняты Большим Войсковым Кругом Всевеликого Войска Донского 15 сентября (28 сентября по новому стилю) 1918 года в отмену Основных Законов, принятых Кругом Спасения Дона 4 мая (17 мая нового стиля) 1918 года. Приводятся согласно тексту, напечатанному на с. 301–310 первого тома «Донской Летописи».

2. Верховная и законодательная власть в пределах Войска Донского принадлежит Войсковому Кругу.
3. Высшая исполнительная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Донскому Атаману.
4. Судебная власть во Всевеликом Войске Донском принадлежит Судебным Установлениям и лицам, осуществляющим ее именем закона.

ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ

Раздел II. — Глава II Войсковой Круг

5. Войсковой Круг состоит из членов, избираемых на три года на основании Положения о выборах.
6. Войсковой Круг созывается Донским Атаманом ежегодно на две очередные сессии; время созыва определяется самим Кругом.
7. В чрезвычайных же случаях Войсковой Круг созывается Донским Атаманом по собственному его почину или по заявлению одной четверти всего числа членов Войскового Круга.
8. Продолжительность сессии определяется самим Кругом.

Глава III Предметы ведения Войскового Круга

9. Войсковому Кругу принадлежит право:
 - а) Издавать, изменять, дополнять и отменять законы.
 - б) Избирать Донского Атамана.
 - в) Избирать Войскового Контролера.
 - г) Рассматривать и утверждать бюджет.
 - д) Рассматривать и утверждать сверхсметные ассигнования и разрешать заключение займов.
 - е) Разрешать выпуск кредитных билетов и обязательств Государственного Казначейства.
 - ж) Утверждать отчеты ведомств.
 - з) Объявлять войну и заключать мир.
 - и) Утверждать политические и торговые договоры, а равно все те, которые сопряжены с обязательствами Войскового Казначейства, или исполнение которых требует изменения или дополнения действующих законов.
 - и) Объявлять амнистию.
 - к) Предъявлять запросы Правительству.

- л) Устанавливать контингент призываемых на военную службу.
 - м) Передавать суду членов Круга, Атаманов, Управляющих Отделами, Войскового Контролера и Войскового Секретаря.
 - н) Разрешения на выдачу концессий и на сдачу в долгосрочную аренду Войсковых земель.
10. Для открытия Войскового Круга требуется присутствие не менее двух третей всего числа членов Круга.
 11. Президиум Круга состоит из Председателя, товарищей его и секретаря, избираемых Кругом из числа его членов; председатель и секретарь на весь срок полномочий членов Круга, а товарищи председателя — на каждую сессию отдельно.
 12. Порядок рассмотрения дел в Круге и положение об его организации определяется самим Кругом.

Глава IV **О членах Круга**

13. Члены Круга пользуются полной свободой суждений, мнений и голосований по делам, подлежащим ведению Круга, и никакой ответственности, кроме как перед самим Кругом, за высказанные в заседании Круга и его комиссиях и, вообще, при исполнении своих депутатских обязанностей, суждения и пр. действия не подлежат, как во время работы, так впоследствии, по окончании срока полномочий.
14. Члены Круга освобождаются от призыва на военную службу по мобилизации.
15. Член Круга может быть подвергнут лишению или ограничению свободы не иначе, как по распоряжению судебной власти; суду же передается постановлением Войскового Круга.
16. Для лишения или ограничения прав и свободы члена Круга во время сессии его должно быть испрошено разрешение Круга, кроме случая задержания члена Круга при самом совершении преступного деяния общеуголовного характера.
- 16¹. Против членов Войскового Круга за преступные деяния, совершенные при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на них по сему званию, уголовное преследование возбуждается по постановлению административных департаментов Донского Сената. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное следствие, производство такового возлагается на одного из членов Судебной Палаты по определению общего собрания департаментов ее, а прокурорские обязанности исполняет обер-прокурор Уголовного Кассационного Департамента Сената.

Оконченное следствие вносится при заключении сего обер-прокурора о дальнейшем направлении дела на обсуждение Войскового Круга, который постановляет о прекращении начатого уголовного преследования или о предании обвиняемого Суду.

- 16². Член Войскового Круга за преступные деяния по службе подлежит суждению Уголовного Кассационного Департамента Сената в судебном его присутствии по правилам закона 11 апреля 1917 года.
17. Прочие права и обязанности членов Круга предусматриваются в положении об организации Круга.
18. Заседания Круга публичны, исключение устанавливается Положением о Круге.

Раздел III. — Глава V О Донском Атамане

19. Донской Атаман есть Глава Всевеликого Войска Донского.
20. Донской Атаман избирается Войсковым Кругом из Донских казаков на три года.
21. В случае прекращения полномочий Атамана до истечения 3 лет (смерть, отказ от должности и т. п.) власть его, впредь до избрания нового Атамана, переходит к Председателю Совета Управляющих, который немедленно созывает Войсковой Круг.

Глава VI Права и обязанности Донского Атамана

22. Донскому Атаману принадлежит право законодательной инициативы.
23. Донской Атаман в недельный со дня поступления к нему принятого Кругом закона срок передает его для обнародования Донскому Сенату.
24. В случае несогласия Атамана с принятым Войсковым Кругом законом, он имеет право в течение того же недельного срока возвратить его Кругу для вторичного рассмотрения.

Примечание. Право Атамана на возвращение закона для вторичного рассмотрения Кругу не распространяется на Основные Законы.

25. Если закон после нового рассмотрения в Круге принимается вторично, он немедленно обнародывается в установленном порядке.
26. Указанный недельный срок сокращается до 2 дней, если Круг признает закон неотложным.

27. Атаман назначает Председателя Совета Управляющих Отделами и поручает ему образование Совета.
28. Атаман утверждает Управляющих Отделами и Войскового Секретаря по представлению Председателя Совета Управляющих.
29. Атаман утверждает по представлениям Управляющих Отделами высших чинов Управления Войском Донским до начальников отделений включительно.
30. Атаман ведет от лица Войска Донского сношения с иностранными державами, для чего назначает посланников и консулов: первых по представлению Управляющего Отделом Иностранных Дел, а последних — Управляющего Отделом Торговли и Промышленности.
31. Атаман заключает от имени Войска международные договоры.
32. Если бы обстоятельства потребовали немедленного объявления войны, то Атаман обязан взять это на себя и сейчас же созвать Войсковой Круг для обсуждения создавшегося положения.
33. Атаман объявляет местности на военном осадном положении по соглашению с Советом Управляющих.
34. Атаману принадлежит право помилования осужденных, смягчение наказаний, а также сложение казенных взысканий, когда сим не нарушаются ничьи, огражденные законом, интересы и гражданские права.
35. Атаман призывает к отбыванию воинской повинности население области на основании существующих на сей предмет законов.
36. Атаман есть Верховный Вождь Донской Армии и Флота. Донскому Атаману принадлежит верховное начальство над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Донского Войска. Он издает приказы относительно дислокации войск, приведения их на военное положение, обучения и прохождения службы чинами армии и флота и всего вообще, относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Войска Донского. Донским Атаманом устанавливаются ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота.
37. Атаман производит военных за отличие в делах против неприятеля и за отличие по службе, а также военных и гражданских чинов за выслугу лет в чины, назначает им награды и утверждает все назначения, которые делаются по команде.
38. Приказы и распоряжения Атамана, касающиеся отдельных Управлений, скрепляются Председателем Совета Управляющих Отделами и Управляющим подлежащего отдела.
39. За свои приказы и распоряжения Атаман несет ответственность вместе со скрепившим их Управляющим Отделом перед Кругом.

40. За преступления против Войска Донского Круг возбуждает уголовное преследование против Атамана не иначе как по постановлению о сем большинства двух третей голосов наличных членов Круга. Когда по обстоятельствам дела окажется нужным предварительное следствие, производство такового возлагается на одного из сенаторов Кассационного Департамента Донского Сената, по определению Общего Собрания его Департаментов, а прокурорские обязанности исполняет обер-прокурор Уголовного Кассационного Департамента Сената. Оконченное следствие вносится при заключении обер-прокурора Уголовного Кассационного Департамента Сената о дальнейшем направлении дела в Войсковой Круг, который постановляет о прекращении возбужденного преследования или о предании обвиняемого суду. Постановление Войскового Круга о предании суду должно последовать не иначе как по большинству двух третей голосов присутствующих. За преступные деяния по службе Донской Атаман подлежит суждению Уголовного Кассационного Департамента Сената в судебном его присутствии по правилам закона 11 апреля 1917 года.

Примечание: На время нахождения Донского Атамана одного Департамента Сената в судебном его присутствии под судом, власть его переходит к Председателю Совета Управляющих Отделами.

Глава VII

41. С момента объявления войны до заключения мира Атаман получает право:

- 1) Мобилизовать население Войска Донского в количестве по мере надобности и в порядке призванных сроков по своему усмотрению.
- 2) Формировать новые воинские части, создавать учреждения, должности Военно-морского Управления, утверждать штаты этих учреждений и производить своей властью все назначения по Военно-морскому управлению.
- 3) Открывать кредиты на военные надобности по соглашению с Советом Управляющих до созыва Круга.
- 4) Объявлять те или иные группы населения военнообязанными.
- 5) Реквизировать средства передвижения, обмундирование и довольствие для воинских частей.
- 6) Объявлять совместно с Советом Управляющих те или другие части территории Войска Донского на военном или осадном положении.
- 7) Призывать население к отбыванию трудовой повинности.

42. По своем избрании Донской Атаман в Войсковом Собрании перед Св. Крестом и Евангелием под Войсковыми Знаменами приводится архиепископом Донским и Новочеркасским к присяге Войску Донскому, которую приносит в последующей форме:

«Именем Бога Всемогущего перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, перед Атаманскими войсковыми знаменами, кровью казачьей политами, обещаюсь Войску Донскому служить, не щадя живота своего, до последней капли крови и всё к славе и процветанию Войска Донского направлять и законы для того устанавливать по крайнему своему разумению и силе, споспешествуя всему, что к Войску Донскому верной службе и пользе Государства относиться может.

Господи, Боже Отцов и Царю Царствующих, настави, вразуми и управи мя в великом служении, на которое я Войсковым Кругом, Атаманами молодцами, избран и поставлен.

Да будет со мною присядающая Престолу Твоему Премудрость, пошли с небес Святых Твоих, да разумеют, что есть угодно пред Очами Твоими и что есть право по заповедям Твоим. Буди сердце мое в руку Твою. Аминь».

Раздел IV. — Глава VIII

О вере

43. Первенствующая в Войске Донском есть вера христианская, православная.
44. Все, не принадлежащие к православной вере граждане Войска Донского, а также все, проживающие в пределах Войска, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и Богослужения по обрядам оной.

Глава IX

О Войсковом гербе, флаге и национальном гимне

45. Войсковой герб Войска Донского есть в голубом щите черный, стилизованный степной «Елень (олень) пронзен стрелой» — старый герб до-Петровского Донского казачества. Этот герб изображается на печати Войсковой в Круге, с надписью кругом: «Всевеликое Войско Донское».
46. Донской флаг, ныне уже существующий, состоит из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой, означающих национальные цвета издревле живущих на Донской земле трех народностей: Донских казаков, калмыков и русских крестьян.

47. Национальным гимном Всевеликого Войска Донского признается гимн: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон».

Раздел V. — Глава X

О Совете Управляющих и самих Управляющих отделами

48. Совет Управляющих отделами Войска Донского объединяет все ведомства Войска и является высшим Правительственным Органом.
49. Направление и объединение действий отдельных ведомств по предметам как законодательства, так и высшего Государственного Управления возлагается на Совет Управляющих отделами.
50. Ведению Совета Управляющих подлежит:
- 1) Управление Войском Донским на точном основании законов.
 - 2) Составление законопроектов и представление их на уважение Войскового Круга.
 - 3) Право издавать в перерыве между сессиями Круга с утверждения Атамана законы с тем, чтобы они были представлены на рассмотрение ближайшей сессии Войскового Круга.
 - 4) Составление проекта росписи государственных доходов и расходов и разрешение сверхсметных и дополнительных кредитов.
 - 5) Дела о назначении пенсии.
 - 6) Вопросы, касающиеся отчуждения государственных и частных имуществ.
 - 7) Вопросы, вносимые на обсуждение Совета Донским Атаманом.
51. Совет Управляющих состоит под Председательством Председателя Совета Управляющих отделами.
52. Во время председательствования в Совете Донского Атамана Председатель участвует как член Совета.
53. Дела решаются в Совете простым большинством голосов, и постановления получают обязательную силу по утверждении их Атаманом.
54. Управление делами Совета Управляющих возлагается на Войскового Секретаря и подчиненную ему Канцелярию.
55. Совет Управляющих и каждый Управляющий обязан отчетом и ответственны перед Войсковым Кругом и Атаманом.
56. Управляющие отчисляются распоряжением Атамана, по представлению Совета Управляющих, или подают в отставку в силу вотума недоверия к ним Войскового Круга.
57. За преступные по должности деяния Председатель Совета Управляющих, Управляющие отделами и Войсковой Секретарь подлежат гражданской и уголовной ответственности на основаниях, в законе определенных.

58. Возбуждение уголовного преследования, производство следствий и предание суду в отношении Председателя Совета Управляющих отделами, Управляющих отделами, Войскового Контролера и Войскового Секретаря совершаются порядком, установленным для членов Войскового Круга. Иски же о вознаграждении предъявляются к ним в Гражданском Кассационном Департаменте, Донского Сената в порядке закона 11 апреля 1917 года.

Глава XI

О правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого Войска Донского

59. Условия приобретения прав граждан Войска Донского, равно как и право казачества, а также утрата их, определяются законом.
60. Защита отечества есть священная обязанность каждого казака и гражданина Войска Донского. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности согласно постановлениям закона.
61. Казаки и граждане обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно с постановлениями закона.
62. Никто не может подлежать преследованию за преступные деяния иначе как в порядке, законом определенном.
63. Никто не может быть задержан под стражей иначе, как в случаях, законом определенных.
64. Никто не может быть судим и наказан иначе как за преступные деяния, предусмотренные действующими во время совершения сих деяний уголовными законами.
65. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище без согласия его хозяина обыска или выемки допускаются не иначе как в случаях и порядке, законом определенных.
66. Каждый Донской казак и гражданин имеет право свободно избирать местожительство и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать из пределов Войска.
67. Донские казаки и граждане имеют право устраивать собрания явочным порядком в целях, непротивных законам, мирно и без оружия.
68. Каждый может в пределах, установленных законом, высказывать устно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печатания или иным способом.
69. Донские казаки и граждане имеют право образовывать общества и союзы в порядке, законом установленном.

70. Все казаки и граждане равны перед законом.
71. Все сословные привилегии и сословия отменяются.

Раздел VI. — Глава XII

72. Законы вступают в силу с момента окончательного принятия Войсковым Кругом и по обнародовании установленным порядком, если в самом законе не указан срок вступления его в силу или не указано на обращение до обнародования к исполнению по телеграфу или через нарочных.

Раздел VII. — Глава XIII **Об органах местного самоуправления**

73. Всевеликое Войско Донское разделяется на округа: Черкасский, 1-й Донской, 2-й Донской, Донецкий, Хоперский, Усть-Медведицкий, Миусский (Таганрогский), Сальский, Ростовский и Верхне-Донской.
74. Органами местного самоуправления являются: 1) Окружной Круг, 2) Окружное Управление, 3) Станичный и волостной сборы, 4) Станичное и волостное правление, 5) Хуторское и сельское правление.

Примечание. Таганрогский округ управляется на основании особого Положения.

75. Окружной Круг составляется из членов Войскового Круга и депутатов от станиц, избираемых на основании Положения о выборах в Окружной Круг.
76. Окружной Круг действует при полном согласовании с законоположениями и распоряжениями Войскового Круга, Донского Атамана и Правительства.
77. Ведению Окружного Круга подлежит:

- 1) избрание на трехлетний срок окружного атамана, утверждаемого Донским Атаманом и 2) утверждение представленных окружным атаманом помощников последнего в необходимом числе.

Примечание. Помощник окружного атамана по военной части назначается Донским Атаманом.

- 3) Рассмотрение местных нужд и изыскание средств и способов к их удовлетворению.

- 4) Изыскание всяких мер к поднятию экономического и культурного благосостояния округа, улучшению медицинского, санитарного его состояния, улучшению путей сообщения и т. д.

- 5) Возбуждение ходатайств разного рода перед Войсковым Кругом, Донским Атаманом и Донским Правительством об удовлетворении нужд округа.
 - 6) Рассмотрение отчетов о деятельности Окружного управления.
 - 7) Издание инструкции станичным и хуторским правлениям по поводу исполнения распоряжений и постановлений Окружного Круга.
78. Постановления Окружного Круга исполняются Окружным управлением¹.

Раздел VIII. — Глава XIV **Об окружном Атамане**

80. Окружным Атаманом может быть избрано безразлично военное или гражданское лицо из Донских казаков.
81. Окружному Атаману принадлежит исполнительная власть в округе, ему вверенном. Он управляет округом на точном основании законов, а также разъяснений и приказаний Донского Атамана и Правительства.
82. Круг обязанностей и прав окружных атаманов, а также штаты и порядок замещения должностей управления определяются особыми законами.

Раздел IX. — Глава XV **О членах Войскового Круга, в округе находящихся**

83. Члены Круга, в округе находящиеся, собираются за неделю или за две до его созыва на несколько дней для рассмотрения вопросов, поставленных населением округа для рассмотрения на Войсковом Круге; вопросы эти должны быть заявлены письменно, за подписью не менее 30 правомочных граждан этого округа для обсуждения вопросов, внесенных Донским Атаманом.
84. Для законного состава заседаний собрания членов Войскового Круга в округе требуется присутствие не менее половины всего числа членов Круга в округе.
85. Собрание созывает и руководит им бывший в президиуме Войскового Круга Товарищ Председателя Круга от данного округа.
86. Члены Собрания во время заседаний получают причитающееся члену Войскового Круга содержание по смете из войсковых сумм.

¹ В тексте, напечатанном в № 1 «Донской Летописи», на с. 309 статья 79 пропущена. — *Прим. Н. Н. Г.*

Раздел X. — Глава XVI
Об управлении станицами и волостями

87. Каждый округ разделяется на станичные юрты и волости. В станичный юрт входят все станичные хутора, поселки и иные селения, находящиеся в юрте; равным образом в район волости входят хутора и поселки, находящиеся в данной волости.
88. Все жители данного юрта именуется гражданами такой-то станицы или волости, и все приписанные к войсковому сословию именуется, кроме того, казаками.
89. Станицы управляются выборными на три года станичными атаманами, волости — выборными на таких же основаниях волостными старшинами, хутора — хуторскими атаманами и села — сельскими старостами, избранными, на тот же срок, без представления их к утверждению в должности.
90. Правила и порядок выборов указаны особыми законами.
91. При станичном и хуторском атаманах, волостном старшине и сельском старосте существуют особые правления, штаты и круг обязанностей которых указаны в законе.
92. Для обсуждения всех дел, касающихся граждан станицы или волости, собирается станичный сбор или волостной сход. Правила выборов членов сбора и схода определяются особыми законами.
93. Круг обязанностей и права станичных и хуторских атаманов, волостных старшин и сельских старост указаны особыми законами.

Раздел XI. — Глава XVII
Об особо выделенных в смысле управления частях войска

94. Города: Новочеркасск, Ростов-на-Дону, Таганрог, Нахичевань-на-Дону, Дмитриевск, Александровск-Грушевск и посад Азов управляются на особом положении городскими думами, имеющими во главе Городского Голову и, как исполнительный орган, Городскую Управу. В городах Ростове-на-Дону и Таганроге, кроме того, Донским Атаманом назначаются особые градоначальники.
95. Основные законы могут быть отменены и дополнены при условии принятия законопроектов в двух смежных сессиях Войскового Круга.

Председатель Большого Войскового Круга

А. ХАРЛАМОВ.

Секретарь Круга

Ф. КРЮКОВ.

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ

орд. проф. б. Имп. Никол. Воен. Академія,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ 1917 — 1918 г. г.

Часть V.

Добровольческая армія и освобождение Кубани.

Книга 11-я

**ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.**

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ КУБАНИ

ГЛАВА XXIII ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ КУБАНИ

Командование Добровольческой Армии и «проблема Царицына»

В предыдущей главе я говорил о том, что Донской Атаман тщетно старался уговорить командование Добровольческой Армии действовать совместно с Донскими казаками против Царицына. Там же я рассмотрел один из мотивов, которые противопоставлялись генералом Деникиным настояниям ген. Краснова, а именно его опасение встречи с германцами. Теперь я рассмотрю другие приведенные генералом Деникиным мотивы.

«Освобождение Задонья и Кубани, — пишет он¹, — обеспечивало весь южный 400-верстный фронт Донской области и давало нам свободную от немецкого влияния, обеспеченную и богатую базу для движения на север; давало приток укомплектований надежным и воинственным элементом; открывало пути к Черному морю, обеспечивало близкую и прочную связь с союзниками в случае их победы, наконец, косвенно содействовало освобождению Терека»^{II}.

«Нас связывали нравственные обязательства перед Кубанцами, которые шли под наши знамена не только под лозунгом спасения России, но и освобождения Кубани... Не выполнение данного слова имело бы два серьезных последствия: сильнейшее расстройство армии, в особенности ее конницы, из рядов которой ушло бы много Кубанских казаков, и оккупация Кубани немцами. “Все измучились, — говорил ген. Алексееву председатель Кубанского Правительства Быч, — Кубань больше ждать не может.. Екатеринодарская

¹ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 154–155.

^{II} Примечания для переводчика: нужно перевести здесь слово «Терек» словами «Терские казаки». (Текст книги ген. Головина готовили к переводу на английский язык. — Прим. ред.)

интеллигенция обращает взоры на немцев»... Таманский отдел в конце мая (в середине июня по новому стилю), после неудачного восстания сделал это фактически...»

Возражая на эти стратегические рассуждения ген. Деникина, военный историк гражданской войны проф. полк. А. А. Зайцов пишет¹: «База всё равно оставалась на первое время тот же Дон. И при движении на Царицын базирование Добровольческой Армии шло бы на тот же Дон и Украину. И если эти базы признавались командованием Добровольческой Армии “не свободными от немецкого влияния”, то, казалось бы, именно Царицын давал возможность перемены базирования на Урал и Сибирь и как раз решал этот вопрос в наиболее благоприятном для Добровольческой Армии, желавшей избавиться от немецкой базы, смысле.

Удар по Царицыну, развавший все тылы северокавказской группы красных, предрешал ее дальнейшую судьбу. Уйти ей было некуда и держаться на Северном Кавказе, без снабжения, стиснутой между Доном и Добровольческой Армией с севера и оккупированным германцами, турками и британцами Закавказьем, она долго всё равно не могла бы. Освобождение Кубани при этом достигалось само собой, как “побочный продукт” основной операции, удара по тылам Северо-Кавказской группы красных...

Движение на Царицын, несомненно, лишало Добровольческую Армию немедленного пополнения кубанскими казаками, — но оно зато обещало ей поддержку уральцев и давало донцов. Настроения Саратовской губернии с ее немецкими колонистами, по-видимому, верно расценивались ген. Красновым. Ведь действительно 18 мая в Саратове восстал местный гарнизон, и восстание было подавлено лишь переброской частей с Уральского фронта».

К сказанному профессором полк. Зайцовым я считаю нужным добавить следующее: в числе мотивов, выставляемых ген. Деникиным как требующих немедленного движения Добровольческой Армии на Кубань, имеется опасение того, что Кубанцы призовут к себе на помощь для борьбы с большевиками немцев.

Теперь, когда с течением времени карты воевавших сторон вскрыты, можно с уверенностью сказать, что германское командование откликнулось бы^{II} на этот призыв так же, как оно откликнулось на призыв Грузии. При этом оно оказало бы помощь не только Кубанскому, но и Терскому казачеству. Этим оно открывало себе сквозной железнодорожный путь к бакинской нефти. Кроме того,

¹ 1918 год. Очерки по истории гражданской войны. Глава VI, с. 198–199.

^{II} См. главы XIII и XIV настоящей работы.

этот путь проходил в Терской области через Грозненский нефтеносный район.

Представляло ли появление немцев летом 1918 года на Северном Кавказе столь великую опасность, чтобы из-за нее Добровольческая Армия могла отказаться от наступления на Царицын?

Здесь мы подходим к той стороне Белого Движения, которая являлась его силой и его слабостью. Родившееся в условиях психологии тяжелой внешней войны, оно не могло отрешиться от этой психологии. По-прежнему немец считался непременно врагом, а бывшие союзники — непременно друзьями, только и думающими о благе России. В таких условиях разумное суждение было невозможно.

А между тем освобождение от большевиков Северного Кавказа с помощью немцев являлось для русской контрреволюции явлением не отрицательным, а положительным:

Во-первых, в лице немцев привлекалась для освобождения Северного Кавказа лишняя сила, и при этом сила достаточно могущественная. При создавшейся к лету 1918 года обстановке для России существовал только один враг — большевики. Поэтому всякая помощь для борьбы с ними, откуда бы она ни исходила, являлась помощью России и оказывающие ее являлись временными союзниками. Подобная точка зрения являлась точкой зрения здорового национального эгоизма. Напомню, что точкой зрения собственной национальной выгоды руководились в 1918 году по отношению к России все воюющие державы, в том числе и ее бывшие союзники.

Во-вторых, из дела освобождения Северного Кавказа исключалась бы вредная для контрреволюционных сил распря из-за ориентаций. В этот период союзники не могли оказать помощи северокавказскому противобольшевицкому движению. Немцы же могли это сделать. Поэтому стратегия борьбы с большевиками требовала, чтобы Добровольческая Армия, с ее союзнической ориентацией, перешла бы в зону, в которой помощь союзников являлась возможной. Выйдя на Нижнюю Волгу и войдя в связь с чехо-словаками, Добровольческая Армия в такую зону попадала. Оставаясь же на Северном Кавказе, она действовала наперекор объективному ходу событий и создавала внутренние трения, ослаблявшие русское контрреволюционное движение, взятое во всем его целом.

В-третьих, на Северном Кавказе создались после Кубанского похода такие условия, благодаря которым участие в освобождении этой области Добровольческой Армии, командуемой ген. Деникиным, увеличивало силу сопротивления местных большевиков. Дабы пояснить это, я приведу оценку большевицким историком гражданской войны того политического положения, которое создалось к лету 1918 года на Северном Кавказе.

«Принявшее острые формы классовое расслоение на Северном Кавказе, — пишет Какурин¹, — в связи с тем обстоятельством, что солдаты развалившегося Кавказского фронта мировой войны не могли расплытаться свободно по всем пространствам России, а оказывались зажатými в районе между Доном и Кавказским хребтом, обусловило значительную численность советских войск на Северном Кавказе¹¹. Организация этих войск отражала на себе невыгодные стороны политико-административного объединения, поскольку власть на Северном Кавказе разделяли три республики с самостоятельными ЦИК'ами: Кубанская, Черноморская и Ставропольская. Отсутствие политической власти сказывалось и на отсутствии единства военного управления. Отдельные советские военачальники враждовали не только между собою, но и со своим ЦИК, чем особенно отличался командующий Северо-Кавказской армией Сорокин¹⁶⁸...

Внутреннее состояние Северо-Кавказских республик являло картину острой классовой борьбы, причем определенно начал выясняться отход от революции казачьей массы.

Признаки этого массового сдвига в настроениях казачества не замедлили сказаться.

Как только германцы оккупировали Крым и распространились до Керчи, казаки на Таманском полуострове подняли открытое восстание против советской власти и призвали к себе на помощь немцев, которые высадили на этот полуостров один пехотный полк».

Приводя оценку Какуриным создавшегося к лету 1918 года на Северном Кавказе политического положения, я должен напомнить читателю, что этот историк, как всякий большевицкий писатель, обязан прежде всего выполнять «социальное задание». Таким социальным заданием является искать объяснение всех политических и социальных событий только в классовой борьбе. Несомненно, что последняя играла существенную роль в том политическом и социальном хаосе, который в рассматриваемое нами время царил на Северном Кавказе. Но именно это был один из районов России, в котором классовая борьба была выражена наименее ярко. Наиболее активным элементом классовой борьбы везде и всегда является рабочий класс. Как раз на Северном Кавказе этот класс почти отсутствовал. Не играл руководящей роли в гражданской войне, в огне которой горел в это время Северный Кавказ, и аграрный вопрос. Крестьяне Кубанской области, Ставропольской и Астраханской губерний были во много раз более обеспечены землей, чем крестьяне Центральной России. Доминиру-

¹ Стратегический очерк гражданской войны, с. 53–54.

¹¹ См. главы X и XII настоящего труда. — *Прим. Н. Н. Г.*

ющими процессами в междоусобице, царившей на Северном Кавказе, являлись следующие:

1) Борьба иногородних с казаками, — борьба не столько экономическая, сколько политическая. С превращением казачьих областей в самостоятельные государства стимулы подобной борьбы значительно увеличились.

2) Борьба казаков с горцами, которая приняла наиболее резкие формы в Терской области.

3) Наконец, борьба с большевизмом в лице криминального и психически ненормального элемента, всплывшего на верхи революции. На Северном Кавказе эта последняя приняла совершенно специфические формы ввиду того обстоятельства, на которое указывает и Какурин: «...солдаты развалившегося Кавказского фронта мировой войны не могли расплыться свободно по всем пространствам России, а оказывались зажатými в районе между Доном и Кавказским хребтом». Я уже говорил об этом явлении в главе XII. Там же я указал на отрицательные результаты, к которым привел в этом отношении первый Кубанский поход Добровольческой Армии. Он заставил массы демобилизующихся солдат сплотиться. Страхом перед Добровольческой Армией эти солдаты как бы «загонялись» в руки местных лидеров большевиков. Вместе с этим сродство солдатской массы с крестьянской имело своим неизменным следствием и нарастание враждебности к Добровольческой Армии со стороны последней.

Вторичный поход Добровольческой Армии на Кубань, принося поддержку восстающим против большевиков казакам, в то же время мог привести только к новому усилению противодействия добровольцам со стороны застрявших на Северном Кавказе солдатских масс. Нужно помнить, что если имя генерала Корнилова сыграло большую роль для привлечения в ряды Добровольческой Армии геройски настроенной интеллигентской молодежи, то для солдатской массы оно было отталкивающим. «Для солдат, — пишет в своих воспоминаниях ген. Краснов¹, — имя Корнилова стало равнозначным смерти и всяким наказаниям. Корнилов хочет войны — говорили они — мы хотим мира». Смерть Корнилова не уменьшила ненависти и страха солдатской массы по отношению к Добровольческой Армии. Последняя осталась в представлении этой массы «корниловцами», тем более что во главе ее стал близкий соучастник Корниловского «мятежа» — ген. Деникин. Большевицкая пропаганда энергично использовала то ложное освещение, которое дали в свое время Керенский и революционная демократия Корниловскому выступлению. Теперь, в особенности после первого Кубанского похода,

¹ Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 104. — См. также мою главу IV.

«корниловцы» в взбудораженной революцией психике солдатской массы стали синонимом врагов простого народа, шедшими «поработать крестьян» и понуждать солдат продолжать «войну между капиталистами»¹.

В результате, имена ген. Деникина и его сподвижников стали для солдатской массы столь же одиозными, как имена социалистических лидеров для офицерской массы.

Появление на Кубани немцев имело бы другой эффект, нежели появление там Добровольческой Армии. Немцев наша солдатская масса тоже боялась. Но этот страх был иной, чем тот, который она испытывала перед Добровольческой Армией. Немцев солдаты считали непобедимыми, и потому даже мысль о возможном сопротивлении им в солдатской массе не могла и возникнуть. Драться против немцев рискнули бы только идейные большевики, таковые же в составе отрядов Красной гвардии ушли в Царицын. Да, кроме того, Ленин заключил с немцами мир. Почитая немцев «непобедимыми», солдатская масса в то же время не боялась им сдаваться в плен, зная по опыту мировой войны, что немцы пленных не расстреливают. Этой уверенности по отношению к Добровольческой Армии у них не могло быть. С одной стороны, на некоторых из них тяготело чувство ответственности за совершенные уже над «корниловцами» злодеяния, с другой — извращение психологии в гражданской войне заходит далеко за пределы такового же извращения во время войны с внешним врагом. Сам ген. Деникин признает, что только к осени 1918 года жестокий период гражданской войны «на истребление» был изжит².

Вследствие всего вышеизложенного, можно с полной уверенностью сказать, что появление немецких полков на Кубани имело бы совершенно аналогичные последствия, как появление таковых на Украине. Создавшаяся вследствие первого Кубанского похода Добровольческой Армии большевицкая вооруженная сила быстро окончила бы свое существование. Солдатские массы предпочли бы сдать немцам в плен, выговорив себе транзитные перевозки через зону немецкой оккупации домой.

Ленинское правительство, и в частности — Троцкий, вполне отдавали себе отчет в безнадежном положении, в котором могли бы очутиться сформированные на Северном Кавказе большевицкие вооруженные силы в случае наступления немцев. Поэтому-то они обратили свое исключительное внимание на создание прочной Красной армии

¹ См. выдержку из статьи «Рабочее Слово», № 10 от 1918 г., цитированную в труде ген. Деникина «Очерки Русской Смуты», т. II, с. 237 и приведенную мною в главе XII. (См. том I, с. 484 наст. издания. — *Прим. ред.*)

² Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 91.

в Царицыне, совершенно махнув рукой на Северный Кавказ. Вследствие этого там не оказалось даже настоящих большевицких лидеров на самых верхах.

Напомню цитированную мною в главе XV телеграмму находившегося на Северном Кавказе французского полковника Шардиньи¹, в которой определенно указывается на измену Ленинскому правительству главнокомандующего большевицкой армией на Северном Кавказе — Автономова. Заменявший последнего Сорокин оказался не более «верным» большевиком. В этом отношении очень интересна та характеристика, которая дана Сорокину доктором медицины С. М. Машенко, бывшим преподавателем Екатеринодарской военно-фельдшерской школы, которую окончил в 1913 году Сорокин.

«Хорошо помню его (Сорокина) учеником, — пишет С. М. Машенко^{II}. — Это был шустрый, подвижной мальчик, с хорошими способностями, но не отличавшийся особым прилежанием. Учился он удовлетворительно и поведения был хотя резвого, но приличного. Еще тогда он отличался склонностью к приключениям, подвигам, авантюрам; за его воинственность товарищи прозвали его “Паном Володыевским” (герой одного романа Генриха Сенкевича). По окончании школы Сорокин отбывал действительную службу в пластунском батальоне фельдшером, ушедшим на Кавказский фронт по объявлении войны. В 1915 году Сорокин поступает во 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков, по окончании которой выходит в 3-й Линейный полк. Здесь его застала революция. Оказывается, он был эсером, принял деятельное участие в большевицком движении. Я встретился с ним в Екатеринодаре весною 1918 года, когда пришли “первые” большевики; он отнесся ко мне с почтением, и через него мне удалось тогда предотвратить не одно злодеяние большевиков. Мне казалось, что уже тогда он начинал понимать свою ошибку, всю гибельность свЗоей деятельности для родного Войска. Поэтому, должно быть, он и старался заглушить свой душевный разлад кутежами и попойками; однажды во время такой попойки он застрелил одного видного большевика. В Екатеринодаре он оставался недолго и ушел в поход против наступавших добровольцев. В Ставрополе в том же 1918 году его убили большевики за его измену большевицкому делу».

Оценивая политическую обстановку, создающуюся на Кубани еще во время Первого Кубанского похода, ген. Деникин правильно указывает, что Добровольческая Армия попала в «заколдованный круг

^I От 3 июня 1918 г.: “Correspondence diplomatique”, p. 20.

^{II} См. его статью, напечатанную в историко-литературном сборнике «Кубанское Казачество», № 2, декабрь 1931, с. 25.

общей социальной борьбы... И не было возможности вырваться из этого круга, внушить им (местному населению. — Н. Н. Г.) истинные цели армии. Делом? Но что может дать краю **проходящая** армия, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существования. Словом? Когда слово упирается в непроницаемую стену недоверия, страха или раболепства»¹.

К лету 1918 года условия политической обстановки, в которых предстояло действовать Добровольческой Армии, еще ухудшились. Первый Кубанский поход, приведший к неудаче под Екатеринодаром и уходу с Кубани, мог только подорвать моральный престиж Добровольческой Армии. Та часть населения, которая посмела открыто выразить свое сочувствие приходу этой армии, подверглась жестоким репрессиям. С другой стороны, в организуемой большевицкой армии возросла вера в возможность успешно помериться силами с Добровольческой Армией, что увеличивало боеспособность первой.

Отказываясь идти вместе с Донскими казаками на Царицын, ген. Деникин сослался на данное им обещание Кубанскому правительству. «Я обязан раньше освободить кубанцев. Это мой долг, и я его исполню...» Таковы были заключительные слова ген. Деникина в ответ на просьбу Атамана Краснова о совместных действиях против Царицына².

Это обещание было дано ген. Деникиным в середине апреля, когда, находясь с Добровольческой Армией в станице Успенской, он решил идти на Дон. Вот как он сам описывает этот момент³: «Пригласил Кубанских правителей, очертил им обстановку и сообщил решение. Приняли с грустью, но без протеста. Выразили опасение, как бы уход с Кубани не вызвал оставления рядов армии Кубанскими казаками и черкесами... Опасение оказалось неосновательным: сотни, которые должны были идти по собственному желанию... в Лабинский отдел, услышав о движении армии на север, не пожелали расставаться с нею. Окончательное успокоение среди Кубанцев внесло мое заявление: Кубани я не брошу; военно-политическая обстановка рисуется в таком виде, что армия в ближайшее время будет сосредоточена в непосредственной близости от Кубанской области и, выполняя общероссийскую задачу, при первой возможности окажет [вооруженную] помощь для освобождения Кубани...»

Из этого свидетельства самого ген. Деникина мы видим, что обещание, на которое он сослался в споре с Атаманом Красновым, было дано

¹ Очерки Русской Смуты, т. II, с. 238.

² См. предыдущую главу, а также статью ген. Краснова «Всевеликое Войско Донское» в т. V «Архива Рус. революции», с. 201.

³ Очерки Русской Смуты, т. II, с. 320 и 321.

в туманной форме. Прежде всего само понятие о первой возможности очень растяжимо. Наступление на Царицын совместно с Донскими казаками являлось не только просто общероссийской задачей, но летом 1918 года первенствующей и решающей общероссийской задачей. Если ген. Деникин счел себя вправе уйти с Кубани в середине апреля, то с несравненно большим правом он мог не возвращаться в нее в июне и июле.

Для того чтобы понять истинные мотивы отказа генерала Деникина идти на Царицын, нужно вспомнить то, что произошло в последние дни марта, когда Добровольческая Армия встретилась к югу от Екатеринодара с Кубанской армией. Как мы знаем, ген. Корнилов потребовал от Кубанского правительства не только полного подчинения ему Кубанской армии, но, по существу дела, ее уничтожения. Это и было произведено сейчас же после заключения в ауле Шенджий договора путем влития личного состава Кубанской армии в ряды Добровольческой Армии. Я не буду повторять здесь сказанного уже мною в главе XIV, к соответствующим страницам которой я и отсылаю читателя. Напомню только мой окончательный вывод: Происшедшее расформирование Кубанской армии являлось актом, имевшим не только военное значение; в гораздо большей мере оно было актом политическим; с этой, более широкой точки зрения оно являлось следствием стремления Белого Движения сразу же поглотить областные противобольшевицкие движения. Подобное поглощение неизбежно должно было привести к тому, что общероссийское контрреволюционное движение, каковым и являлось Белое Движение, вынуждалось расходовать свои силы для достижения «местных», кубанских целей. Как я выразился в той же главе XIV, общероссийское контрреволюционное движение «провинциализировалось».

Только что указанное отрицательное последствие поглощения Белым Движением Кубанского краевого движения не замедлило сказаться. Ген. Корнилов был вынужден немедленно же приступить к штурму Екатеринодара — предприятию, характеризуемому самим же ген. Деникиным, как среднее между «рискованным» и «безрассудным». В гражданской войне ошибки политические немедленно же приводят к ошибкам стратегическим.

В июне месяце ген. Деникин стоял перед теми же последствиями уничтожения Кубанской армии, как и Корнилов перед штурмом Екатеринодара. В том случае, если ген. Деникин, оценив надлежащим образом стратегическое значение Царицына, решил бы избрать своей операционной линией направление на него, он должен был бы примириться с восстановлением Кубанской армии.

Последняя же легко могла возродиться. Это можно заключить из воспоминаний самого ген. Деникина. «Еще в мае Покровский привел конную Кубанскую бригаду, которая удивила всех нас своим стройным —

как в дореволюционное время — учением, — пишет он¹. — 3 июня к нам пришел из большевицкого района полк мобилизованных там казаков; через два дня гарнизон Егорлыкской с недоумением прислушивался к сильному артиллерийскому гулу, доносившемуся издалека: то вели бой с большевиками отколовшиеся от Красной армии и в тот же день пришедшие к нам в Егорлыкскую одиннадцать сотен Кубанских казаков».

Поддержанная немцами, возродившаяся Кубанская армия, конечно, освободила бы Кубань.

Можно предполагать, что, несмотря на восстановление Кубанской армии, часть Кубанцев, сроднившихся с Добровольческой Армией, осталась бы в ее рядах. Из выше приведенной записи генерала Деникина мы знаем, что, когда он в апреле месяце решил в станице Успенской идти на Дон, опасение, высказанное Кубанским правительством, «как бы уход с Кубани не вызвал оставление армии Кубанскими казаками и черкесами...» не оправдалось: «Сотни, которые должны были идти по собственному желанию в Лабинский отдел, услышав о движении армии на север, не пожелали расставаться с нею». Однако, конечно, движение на Царицын лишало Добровольческую Армию дальнейшего усиления за счет Кубанских казаков. Но, даже ослабленная выделением Кубанцев, Добровольческая Армия продолжала представлять собою прочную «профессионально» воинскую часть, помощь которой при нападении на Царицын не могла не сыграть решающей роли. В июне и июле месяцах находившаяся там 10-я красная армия была в периоде формирования.

Как мы знаем, Донской Атаман обещал ген. Деникину в случае его согласия наступать на Царицын подчинить ему все Донские части, действующие на юго-восточной границе Донской области. Но, конечно, это были не те права, которые приобретало командование Добровольческой Армии над Кубанским казачеством по договору в ауле Шенджий^{II}.

От этих же прав ген. Деникин отказываться не хотел. А если это было так, то он должен был оставаться верным вытекавшим из Шенджийского договора обязательствам в отношении Кубани.

^I Очерки Русской Смуты, т. III, с. 141.

^{II} Напомню здесь, что командование Добровольческой Армии обращалось к Донскому казачеству с вопросом об отношениях второго к первому. Временное Донское правительство дало, как мы знаем, следующий ответ, подтвержденный 13 мая «Кругом Спасения Дона»: «Верховное командование всеми без исключения военными силами, оперирующими на территории Донского Войска, должно принадлежать Войсковому Атаману или, как в данном случае — Походному Атаману». — Постановления «Круга Спасения Дона» с 12 апреля по 5 мая (по ст. ст.) 1918 года. Издание Областной типографии. С. 3.

Здесь я опять затрону один общий социальный вопрос, которого мне приходилось уже касаться несколько раз в предшествующих главах этого труда. Это вопрос о роли индивидуального начала в истории. Конечно, если бы на месте ген. Деникина оказался бы один из тех гениев, именами которых окрещиваются затем целые эпохи в жизни народов, то он нашел бы в себе силы пойти по тому пути, который позволил бы ему вырваться из заколдованного круга, куда, по словам самого же ген. Деникина, попала Добровольческая Армия на Кубани¹. Но, пользуясь словами ген. Деникина — «заколдованный круг», я придаю им несколько более широкое толкование, чем это делает их автор. Этот «заколдованный круг» заключался не только в политических и социальных условиях, создавшихся на Кубани. Он образовался и в самом Белом Движении. В процессе его кристаллизации выдвигались вожди с упрощенным стратегическим мировоззрением. Те из вождей, которые сознавали чрезвычайную сложность создавшейся в революции политической и социальной обстановки, не имели шансов обрести популярность в среде, игравшей решающую роль в Белом Движении — в русском офицерстве. Последнее жаждало скорейших результатов, а такой психологии может отвечать лишь «стратегия прямого действия». В создавшейся к июню месяцу 1918 года обстановке вокруг Добровольческой Армии движение на Кубань являлось типичным проявлением такой стратегии. Результаты движения на Кубань были более видны и понятны рядовому участнику Белого Движения, нежели результаты движения на Царицын. Последнее требовало перемены базы комплектования и более терпимого отношения к «областничеству».

В заключении главы VIII этого труда, очерчивая облик, который начала принимать под влиянием большевицкого переворота и большевицкого террора русская контрреволюция, я писал: «Обостренный национализм предопределил и появление в Белом Движении лозунга “за Единую, Неделимую”... Напряженность этого настроения приводила к нетерпимости, с которой участники этого вида противобольшевицкого движения будут относиться к проявлениям «местных патриотизмов» в тех областях России, в которых противобольшевицкое движение примет “областнический характер”».

Движение на Царицын противоречило этому настроению, ибо оно требовало примирения не только с областническими настроениями Дона, но и с таковыми же на Кубани.

Отсюда мы видим, что решение ген. Деникина идти на Кубань вполне отвечало пониманию и настроению рядовой массы Доброволь-

¹ Очерки Русской Смуты, т. II, с. 238.

ческой Армии. Новый вождь Белого Движения не смог подняться над уровнем той толпы, которая выдвинула его наверх.

Для того, чтобы быть способным на это, от вождя Добровольческой Армии потребовались бы те качества, которые в глазах крайне действительно, а потому и нетерпимо настроенной Добровольческой среды казались ей недостатками. Это и был тот психологический «заколдованный круг», в который попала Добровольческая Армия.

Освобождение столицы Кубани

Несмотря на то что ген. Деникин при свидании с Донским Атаманом в станице Мечетинской 28 мая отказывался от движения на Царицын, ссылаясь на необходимость скорейшего освобождения Кубани, он начал свой «второй Кубанский поход» лишь 23 июня.

За это время чехословацкое выступление, начавшееся 25 мая (за три дня до свидания ген. Деникина с ген. Красновым в ст. Мечетинской), привело к образованию Волжского фронта и к освобождению Сибири. С захватом Самары Чечекон возникло Самарское правительство, приступившее к формированию Народной Армии. Последняя, в виде отрядов Каппеля и Махина, приступила к захвату Волги к югу и северу от Самары. 10 июня соединенные силы Войцеховского и Гайды освободили Омск, где возникло Сибирское правительство, тоже приступившее к формированию противобольшевицкой армии. На территории Оренбургского казачества ярким пламенем пылали противобольшевицкие восстания, и Атаман Дутов, вернувшись из Тургайских степей, шел для освобождения столицы своего казачества — Оренбурга. Уральское же казачество, нанесшее в мае месяце ряд поражений большевицким отрядам, наступавшим на Уральск со стороны Саратова, в июне месяце развернуло свои силы на этом направлении всего в 100 км от р. Волги.

Одним словом, ко дню выступления Добровольческой Армии во второй Кубанский поход, в близости освобождения от большевиков всей обширной территории России на восток от Волги и создании на Средней Волге противобольшевицкого фронта — не могло быть сомнений.

Выступая в этот поход, Добровольческая Армия насчитывала около 9 тысяч при 21 орудии. Кроме того, на время действий ген. Деникина в Задонье ему подчинялся отряд Донских ополчений полковника Быкадорова¹⁶⁹ силой в $3\frac{1}{2}$ тысячи с 8 орудиями¹. Хотя численность Добровольческой Армии по сравнению с первым ее походом на Кубань лишь удвоилась, бригадная организация была заменена дивизионной; армия была разделена на три пехотных дивизии, одну конную дивизию

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 149.

и одну Кубанскую конную бригаду. Малая численность армии, казалось бы с первого взгляда, не требовала применения дивизионной организации, ибо силы каждой из таких дивизий были менее силы нормального полка. Но если принять во внимание, что офицер-доброволец, ставший в ряды армии, являлся слишком ценным элементом для употребления его в качестве рядового бойца, то станет понятным, что организация Добровольческой Армии должна была быть сообразна так, чтобы она могла без всякой задержки «впитывать» в себя, не прерывая хода операции, возможно больше солдатских укомплектований. Иначе говоря, Добровольческая Армия должна была состоять не из нормальных боевых единиц, а из их кадров. Рассчитывая на укомплектование за счет Кубанских казаков и населения Кубанской области, командование Добровольческой Армии и придерживалось этой мысли при только что указанной реорганизации армии.

Нельзя не обратить внимания на то, что при выполнении этой правильной мысли командованию Добровольческой Армии пришлось встретиться с препятствием, без преодоления которого проведение на практике этой идеи в значительной мере теряло свою эффективность. На все 5 1/2 дивизий имелось только 21 орудие... Между тем «кадровая армия» должна быть более богато снабжена материальной частью, нежели нормальная армия. Крайняя нужда в артиллерийском вооружении, испытываемая Добровольческой Армией, должна была служить лишней причиной для скорейшего движения на Царицын с его пушечным заводом.

Финансовое положение Добровольческой Армии оставалось по-прежнему трудным. 23 июня, в день выступления Добровольческой Армии в поход ген. М. В. Алексеев на совещании с представителями Кубанского правительства в Новочеркасске говорил:

«...теперь у меня есть четыре с половиной миллиона рублей. Считая поступающие от Донского правительства 4 миллиона, будет 8 1/2 миллионов. Месячный расход выразится в 4 миллиона рублей. Между тем, кроме указанных источников (ожидание 10 миллионов от союзников и донская казна) денег получить неоткуда... За последнее время получено от частных лиц и организаций всего 55 тысяч рублей. Ростов, когда там был приставлен нож к горлу... обещал дать 2 миллиона... Но когда... немцы обеспечили жизнь богатых людей, то оказалось, что оттуда ничего не получим... Мы уже решили в Ставропольской губернии не останавливаться перед взиманием контрибуции, но что из этого выйдет, предсказать нельзя»¹.

¹ Отчет о Совещании; цитирован у Деникина: Очерки Русской Смуты, т. III, с. 140.

Зато дух Добровольческой Армии по-прежнему был великолепен. К «коренным» добровольцам, участникам героического «Ледяного похода», присоединились столь же героически настроенные «Дроздовцы»^I. Так назывались те добровольцы, которые пришли с полк. Дроздовским из Румынии. После помощи, которую полк. Дроздовский оказал Донцам в бою 8 мая за освобождение Новочеркасска^{II}, он заявил о своем подчинении командованию Добровольческой Армии.

«В конце мая прибыла и долгожданная бригада Дроздовского, — пишет ген. Деникин^{III}. — В яркий солнечный день у околицы Мечетинской на фоне зеленой донской степи и пестрой радостной толпы народа произошла встреча тех, кто пришли из далекой Румынии, и тех, кто вернулись с Первого Кубанского похода. Одни — отлично одетые, подтянутые в стройных рядах, почти сплошь офицерского состава... другие — “в пестром обмундировании, в лохматых папахах, с большими недочетами в равнении и выправке — недочетами, искупавшимися боевой славой добровольцев”^{IV}.

Встреча была поистине радостная и искренняя.

С глубоким волнением приветствовали мы новых соратников. Старый вождь, ген. Алексеев, обнажил седую голову и отдал низкий поклон “рыцарям духа, пришедшим издалека и влившим в нас новые силы”...»

Продолжала укомплектовываться Добровольческая Армия и офицерами, пробиравшимися из разных частей России. Приходили они «десятками, сотнями, привозя иногда разобранные ружья и пулеметы; прилетали и “сбежавшие” из-под охраны немцев и большевиков аэропланы...».

«В самый острый период армейского кризиса, — вспоминает ген. Деникин^V, — когда начался отлив из армии под формальным предлогом окончания четырехмесячного договорного срока службы, я приказал увольнять всех желающих в трехнедельный отпуск: захотят — вернутся, нет — их добрая воля.

В последние дни перед началом похода мимо дома, в котором я жил, на окраине станицы, по большой Манычской дороге днем и ночью тянулись подводы: возвращались отпускные. Приобщившись на время к вольной, мирной жизни, они бросили ее вновь и вернулись в свои полки и батареи для неизвестного будущего, для кровавых боев, несущих с собою новые страдания, быть может, смерть...»

^I Общим числом около 3000 при 1750 бойцах.

^{II} См. главу IX.

^{III} Очерки Русской Смуты, т. III, с. 141.

^{IV} Впечатления дроздовца. — *Прим. А. И. Деникина.*

^V Очерки Русской Смуты, т. III, с. 142.

Конечно, целью первой операции Добровольческой Армии был поставлен захват Кубанской столицы Екатеринодара. Но началась эта операция движением в противоположном направлении, а именно по операционной линии, ведущей на Царицын. Ген. Деникин считал необходимым захватить станции Торговую и Великокняжескую¹, дабы обеспечить тыл своих действий в Екатеринодарском направлении со стороны Царицына. Вместе с этим это наступление помогало Донцам очищать Задонье от большевиков.

Согласно большевицким источникам^{II}, организующиеся в западной части Северного Кавказа большевицкие силы, общей численностью в 80—100 тысяч бойцов, группировались так:

а) Главная масса под командой Сорокина — в треугольнике Азов—Батайск—Тихорецкая, имея сильные гарнизоны на станции Великокняжеской и в гор. Екатеринодаре.

б) Значительный ступок сил у Тамани (так называемая «Таманская» армия).

Нахождение главной массы большевицких сил вблизи Азова и Батайска указывало на полную осуществимость получения для действий против них помощи немецких войск, находящихся в Ростове. Как я уже говорил, можно с уверенностью сказать, что германское командование не отказало бы в этой помощи так же, как командование немецкими войсками, пришедшими в Крым, не отказалось помочь Кубанским казакам на Таманском полуострове. В воспоминаниях Людендорфа мы можем даже встретить упоминание о следующем факте: как раз незадолго перед выступлением Добровольческой Армии в поход часть большевицких сил, сосредоточенных к югу от Азова, переправилась через Азовское море и высадилась около Таганрога. Эти высадившиеся красные силы «были немедленно же уничтожены Германскими войсками»^{III}, пришедшими на помощь Донцам.

Отказ от возможности использовать помощь германских войск значительно осложнял операцию по освобождению Кубани.

Оставив слабый заслон против Сорокина, Добровольческая Армия двинулась 23 июня к железнодорожному узлу Торговая. Захватив 25 июня эту станцию, она двинулась дальше и 28-го овладела станцией Великокняжеской.

^I Лежащие на железнодорожной линии, ведущей из Царицына на Тихорецкую.

^{II} *Какурин Н.* Стратегический очерк гражданской войны, схема 4-я // *Гражданская война 1918—1921 гг.*, т. III, с. 98.

^{III} *Ludendorff.* Meine Kriegserinnerungen, s. 528.

Считая свою задачу на Царицынском направлении «законченной»¹, ген. Деникин передал это направление Донскому отряду Быкадорова и двинул 30 июня Добровольческую Армию в противоположном направлении, а именно на железнодорожный узел Тихорецкая. До этого дня Добровольческая Армия фактически приближалась к Царицыну, с поворотом же на Тихорецкую жребий был окончательно брошен, и, как пишет историк гражданской войны проф. полк. Зайцов¹¹, «в те дни, когда Дон и Восточный фронт двигались на Воронеж, Волгу и Пермь, решая общероссийские задачи, когда восстания вокруг Москвы и в самой красной столице грозили существованию большевицкой власти в центре страны, когда в Екатеринбурге совершалось злодейское убийство Государя и Царской Семьи, Добровольческая Армия уходила с Дона на Северный Кавказ для освобождения Кубани...».

Наступление на Тихорецкую (от Великокняжеской до Тихорецкой 150 км) вылилось в ряд боев с собравшейся здесь 30-тысячной большевицкой группой под командой Калнина¹⁷⁰.

14 июля Добровольческая Армия овладела железнодорожным узлом Тихорецкая. При этом ген. Деникин нанес решительное поражение большевицкой группе Калнина.

Захват Тихорецкой дал Добровольческой Армии оставленный на станции большевиками подвижной состав, в том числе три бронепоезда, броневой автомобиль, несколько десятков исправных орудий и большие интендантские и артиллерийские запасы.

По мере успехов Добровольческой Армии росли ее силы. Понесенные ею кровавые потери (более $\frac{1}{4}$ состава) и уход Донцов с избытком были возмещены Кубанцами. Начал обрисовываться и новый источник укомплектования: пленные красноармейцы. В итоге, ко времени захвата станции Тихорецкой, численность Добровольческой Армии достигла 15 000.

Первые два акта операции на Екатеринодар, а именно удар по Великокняжеской и удар по Тихорецкой, очень ярко выявляют поразительную боевую доблесть Добровольческой Армии и тактическое искусство ее командования. В этом отношении большое искусство проявил и сам ген. Деникин.

С другой стороны, в этих двух первых актах 2-го Кубанского похода ярко обрисовалась несостоятельность большевицких боевых сил. Несмотря на свое колоссальное превосходство в численности, красные и оперативно и тактически сразу же выпустили инициативу действий из своих рук. «Оперативно, единственной попыткой маневра было

¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 164.

¹¹ 1918 год. Очерки по истории гражданской войны, гл. VI, с. 218–219.

вялое наступление Сорокина на сообщения Добровольческой Армии (1–8 июля). Однако удара одного Марковского полка¹, шедшего на присоединение к армии в Белую Глину, оказалось достаточным для отхода всей армии Сорокина к Кушевке и совершенной пассивности его поведения при захвате Добровольческой Армией Тихорецкой. Тактически вся цепь боев, начиная от Торговой и кончая Тихорецкой, представляла собой непрерывные “Канны”, то есть окружение обоих флангов противника, неизменно приводившее к очищению, под угрозой обхода всех занимавшихся красными пунктов... менялось лишь растворение веера Добровольческого охвата, постепенно разраставшегося с 15 км у Торговой до 60 км у Тихорецкой.

Форма маневра и полная пассивность противодействия красных были совершенно аналогичными. Наибольшее упорство красные проявляли лишь на фронте (во всех боях фронтальные удары вела дивизия полк. Дроздовского). Обход флангов, однако, сейчас же решал участь боя, и красные отходили»¹¹.

Крайняя пассивность в действиях, проявленная красными, имела своей причиной не только низкую боеспособность самих войск. Другой причиной этой пассивности была та внутренняя борьба, которая шла на верхах этих войск с местной большевицкой властью.

Главнокомандующим был Автономов, который вел ожесточенную борьбу с ЦИКом (Центральным Исполнительным Комитетом) Кубанской большевицкой республики. Его поддерживали войсковые начальники, в том числе и Сорокин. В середине апреля Кубанский ЦИК отрешил Автономова от командования, и должность главнокомандующего заменил «чрезвычайным штабом обороны», в который вошло семь штатских большевиков. Автономов выехал в Тихорецкую и выступил открыто против своего правительства. Началась своеобразная «полемика» путем воззваний и приказов. В них члены ЦИКа именовались «немецкими шпионами и провокаторами», а Автономов и Сорокин — «бандитами и врагами народа», на головы которых призывались «проклятия и вечный позор». В распре приняла участие и армия, которая на фронтовом съезде в Кушевке постановила «сосредоточить все войска Северного Кавказа под командой Автономова... категорически потребовать (от центра) устранения вмешательства гражданских властей и упразднить «чрезвычайный штаб».

¹ Ген. Марков был смертельно ранен 25 июня в бою у станции Шаблиевки, к северу от станции Торговой. В честь этого героя 1-й офицерский полк, которым он командовал во время 1-го Куб. похода, получил наименование «1-го офицерского, ген. Маркова, полка». — *Прим. Н. Н. Г.*

¹¹ *Проф. полк. Зайцов.* 1918 год. Очерки по истории гражданской войны, гл. VI, с. 221, 222.

Спор решила Москва, дав 27 мая Автономову почетное, но бездеятельное назначение «инспектора и организатора войсковых частей Кавказского фронта» и назначив военным руководителем ген. штаба генерал-майора Снесарева.

Снесарев осел в Царицыне, откуда и правил фиктивно, так как со взятием Добровольческой Армии Торговой (25 июня) почти всякая связь его с северокавказскими войсками была утеряна.

После разгрома большевиков под Тихорецкой и Кушевкой Снесарев был обвинен в «контрреволюции» и смещен; 3 августа, за несколько дней до падения Екатеринодара, главнокомандующим был назначен Сорокин, которого официальные «Известия» переименовали из «бандита и провокатора» в «спасителя республики»^I.

«Пассивность красных, — пишет военный историк гражданской войны проф. полк. Зайцов^{II}, — несомненно, показала свое влияние на разрастание размаха третьего темпа операции. После захвата Тихорецкой ген. Деникин двинул Добровольческую Армию по трем расходящимся направлениям на фронте в 140 км (Кушевка—Кавказская). Главная масса (8—10 тысяч) направилась против Сорокина и для захвата узловых станций Сосыки и Кушевки, а дивизии полк. Дроздовского^{III} и ген. Боровского^{IV} (по 3—4 тысячи) — соответственно на Екатеринодар и на Кавказскую».

Наступление главных сил Добровольческой Армии на Кушевку являлось фланговым ударом по большевицкой группе Сорокина; выдвижение дивизии Дроздовского на Екатеринодар резало ее тылы. Это вынуждало Сорокина при всей его пассивности к маневру; при этом его маневр до чрезвычайности облегчался тем, что, благодаря отсутствию соглашения между Добровольческой Армией и немцами, он совершенно не был связан на фронте Азов—Батайск.

18 июля главные силы Добровольческой Армии, наступавшие на Кушевском направлении, овладели станцией Кушевка. Сорокин упорно оборонял подступы к ней, но как только через Кушевку прошли его войска, отходившие с севера, он ее очистил.

«Утром 10 (23 июля по новому стилю) колонны Кутепова^V и Покровского вступили в Кушевку, — записывает ген. Деникин^{VI}. — С севера одновременно с ними подходили Донские части и... немецкие разьез-

^I Деникин. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 149—150.

^{II} 1918 год. Очерки по истории гражданской войны, гл. VI, с. 222.

^{III} 3-я дивизия. — Прим. Н. Н. Г.

^{IV} 2-я дивизия. — Прим. Н. Н. Г.

^V 1-я дивизия, во временное командование которой после смерти ген. Маркова вступил полк. Кутепов.

^{VI} Очерки Русской Омуты, т. III, с. 184.

ды. Раздавшийся вслед за тем взрыв Кушевского моста (железнодорожного — *Н. Н. Г.*) был тяжелой данью политике, сковавшей стратегию».

По поводу взрыва кушевского железнодорожного моста военный историк гражданской войны — проф. полк. Зайцов замечает¹: «Взрыв Добровольческой Армией Кушевского моста через ничтожную речку Ею был, конечно, лишь жестом по отношению к немцам, но он зато обеспечивал тыл Сорокина от тех немцев, которых Сорокин с большим основанием, чем Добровольческая Армия, считал тоже своими врагами».

Я согласен с только что приведенным замечанием проф. полк. Зайцова и добавлю следующее: если взрыв Кушевского железнодорожного моста являлся жестом, то этот жест был направлен не столько против немцев, сколько против Донского Атамана Краснова. Взрыв моста на непосредственном железнодорожном сообщении между Донской и Кубанской областями имел существенное внутривластное значение. Атаман Краснов, следуя по стопам атамана ген. Каледина, подготовлял возобновление Северо-Кавказского союза (под новым названием Доно-Кавказского союза), а потому перерыв прямого железнодорожного сообщения между главными членами этого Союза — Доном и Кубанью — создавал препятствие для скорейшего экономического объединения обеих казачьих областей. Подрывался также и моральный авторитет Атамана ген. Краснова: Кушевский железнодорожный мост находился еще на территории Донского казачества; взрыв его, без разрешения и даже вопреки верховной власти Края, являлся актом явно вызывающего характера по отношению к этой власти.

Предполагая, что армия Сорокина окончательно деморализована и отходит на Екатеринодар, ген. Деникин оставил для преследования на направлении Кушевка—Екатеринодар конницу (Покровского), главные же свои силы перебросил вновь к Тихорецкой для наступления на Екатеринодар вместе с шедшей уже в этом направлении дивизией Дроздовского.

Этим воспользовался Сорокин и атаковал в правый фланг и тыл главные силы Добровольческой Армии, подошедшие к Екатеринодару на один переход.

Одновременно с этим ударом Сорокина большевики перешли в наступление из самого Екатеринодара. Это была часть «Таманской армии» под начальством Ковтюха¹⁷², притянутая на помощь Екатеринодару местной большевицкой властью, в лице «Чрезвычайного комиссариата Кубанской области»¹¹. Силы, собравшиеся у Ковтюха, достигали 12 тысяч при 9 орудиях.

¹ 1918 г. Очерки по истории гражданской войны, гл. VI, с. 222, 223.

¹¹ Гражданская война 1918–1921 гг., т. III, с. 99.

Добровольческая Армия, взятая в клещи с фронта и тыла в несколько раз численно превосходящим противником, оказалась в катастрофическом положении. Но здесь особенно ярко сказалась безмерная доблесть ее бойцов. С 28 июля по 7 августа Добровольческая Армия вела тяжелые бои и в конце концов победила. Но эта победа стоила большой крови. 1-я и 3-я дивизии потеряли 25–30 % своего состава. В числе убитых были храбрейшие первопоходники-марковцы полк. Хованский¹⁷³, подп. Плохинский¹⁷⁴, шт.-ротм. Дударев и много других. «Не один день потом в Тихорецкой провожал я, — вспоминает ген. Деникин¹, — в могилу прах своих соратников, со скорбью в душе и с больною неотвязчивой думой: уходят, уходят... один за другим... Проклятая русская действительность! что, если бы вместо того, чтобы уничтожать друг друга, все эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и др., войдя в состав единой Добровольческой Армии, повернули бы на север, обрушились на германские войска генерала фон Кнерцера, вторгшиеся в глубь России и отделенные тысячами верст от своих баз...» Ген. Деникин продолжал мечтать о продолжении войны с Германией и не замечал, что одним из главных стимулов, побуждавшим бывших солдат драться в рядах отрядов Сорокина, Жлобы, Думенко и др., было как раз нежелание продолжать войну с германцами.

Хотя в боях под Екатеринодаром армия Сорокина и была разбита, все же ей удалось в конце концов пройти в восточную часть Кубанской области, за реки Лабу и Кубань. Добровольческая же Армия 7 августа двинулась на Екатеринодар. Напомню, что как раз в этот день на Восточном приволжском фронте полк. Каппель захватил Казань...

16 августа Добровольческая Армия вступила в столицу Кубани.

Освобождение восточной части Кубани

Двинутая, как я указывал выше, из Тихорецкой трехтысячная дивизия ген. Боровского^{II} овладела 18 июля железнодорожным узлом Кавказская (пересечение Ростово-Владикавказской магистрали с Екатеринодар-Ставропольской железной дорогой). Продолжая свое наступление вдоль Владикавказской железной дороги, 27 июля она захватила г. Армавир, у которого с Владикавказской магистралью соединяется железная дорога от Туапсе. Таким образом дивизия ген. Боровского удалась от главных сил Добровольческой Армии на 120 км.

Удержать Армавир ген. Боровский не смог. Через три дня большевицкие силы выбили его из него. Сделавшись 30 июля вновь хозяевами

¹ Очерки Русской Смуты, т. III, с. 194.

^{II} Дивизия № 2.

этого города, большевики начали жестокую расправу с армавирскими жителями, восторженно встретившими Добровольцев. Особая следственная комиссия, производившая впоследствии расследование учиненных большевиками зверств, установила убийство в первый день возвращения большевиков в Армавир не менее полутора тысяч невинных людей. «...Бесперывные ружейные выстрелы, — рисует Комиссия картину этого страшного дня¹, — прерывистый треск пулеметов, крики озверевшей толпы, хруст дробящихся прикладами черепов, стоны, хрипение умирающих, мольбы еще цеплявшихся за жизнь страдальцев, кровь, кровь кругом, ощущение то прикасающейся, то отдаляющейся руки смерти...»

Приводящий эту выписку ген. Деникин сопровождает ее следующим красноречивым замечанием: «Из-за отвлеченных положений стратегии, из-за строк реляций, то радостно воспевающих победу, то сухо лаконичных, скрывающих неудачу, глядело окровавленное и смертельно измученное лицо обывателя. И этот призрак побуждал не раз класть лишнюю гирию не на ту чашку весов задуманного плана операций, на которой покоились принципы военного искусства...»¹¹.

Добровольческая Армия, вследствие стратегической ошибки своего главнокомандующего, окончательно втягивалась в круговорот вспыхнувших под влиянием ее приближения во многих местах Северного Кавказа противобольшевицких восстаний.

В одном из таких очагов на границе Кубанской и Терской областей образовался кубанский партизанский отряд полк. Шкуро¹⁷⁵, который на несколько дней захватил в свои руки Кисловодск, один из четырех городов знаменитой кавказской группы «Минеральных вод», находящейся в западной части Терской области. Выбитые через несколько дней из Кисловодска, партизаны Шкуро перешли в Ставропольскую губернию, ища соединения с Добровольческой Армией. Войдя в связь с Боровским, Шкуро 21 июля овладел Ставрополем.

«Но прошло несколько дней, и из Ставрополя начали поступать тревожные сведения. Отряд Шкуро — отличный для набегов — был мало пригоден для длительного боя на подступах к Ставрополю...»

«...В результате в Ставрополь был командирован вернувшийся после излечения ран, полученных в первом походе, достойнейший полковник Улагай¹⁷⁶ и принял дивизию, получившую потом наименование 2-й Кубанской. Шкуро, хотя и с некоторой обидой, согласился стать в ней бригадным командиром. Через некоторое время, по выделении

¹ Следственные дела хранятся в Русском Заграничном архиве при чехословацком Мин. ин. дел в Праге.

¹¹ Очерки Русской Смуты, т. III, с. 187.

наиболее беспокойных казаков Баталпашинского отдела в “Кубанскую Партизанскую отдельную бригаду”, Шкуро получил с ней самостоятельную задачу — действовать на фланге Добровольческой Армии и поднять закубанские отделы...»¹.

Выступление полковника Шкуро зажгло общее восстание Терского казачества. Подготовка Терского казачества к восстанию велась с конца мая — на группе Кавказских минеральных вод, в Кизляре и во Владикавказе. «Выступление предполагалось в августе, после окончания полевых работ, — пишет ген. Деникин^{II}, — но захват полковником Шкуро Кисловска в середине июня (по ст. стилю) дал сигнал к преждевременному восстанию Волжского отдела, наиболее пострадавшего (Минеральная группа), быстро перекинувшись и в отдел Моздокский, который большевики не успели обезоружить. Большевики спешно направили против восставших отряды Красной гвардии из Пятигорска, Владикавказа и Минеральных Вод. Георгиевск был скоро ими взят, но под Прохладной казаки нанесли большевикам тяжелое поражение». В Прохладной образовалось противобольшевицкое «Временное народное правительство Терского края», которое вскоре затем переехало в г. Моздок.

Положение новой Терской власти чрезвычайно осложнялось условиями, вытекающими из пестрого состава населения Терской области.

По данным 1917 года, общая численность населения ее достигала полутора миллионов, которые подразделялись примерно следующей таблице^{III}:

Русские:	Казаки.....	20 %	
	Иногородние.....	17 %	
		<hr/>	
		40 %	40 %
Горцы:	Осетины.....	17 %	
	Чеченцы.....	16 %	
	Кабардинцы.....	12 %	
	Ингуши.....	4 %	
		<hr/>	
		49 %	49 %
Кочевники.....		4 1/2 %	4 1/2 %
Прочие (армяне, грузины, персы, немцы и др.).....		6 1/2 %	6 1/2 %
		<hr/>	
			100 %

^I Деникин. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 188.

^{II} Там же, т. IV, с. 102.

^{III} Взята из т. IV, с. 97 книги ген. Деникина «Очерки Русской Смуты».

Как я говорил в главе X, конец 1917 и начало 1918 года были ознаменованы расслоением русского элемента в крае (на казаков и иногородних) и обособлением в этнографических пределах мелких народностей Северного Кавказа. Терское казачество оказалось в чрезвычайно сложной политическо-национальной обстановке, причем его противобольшевицкая борьба затруднялась еще тем, что большевистствующие элементы края получили значительное усиление в виде деклассированных солдат бывшего Кавказского фронта, задержавшихся в Терской области.

В таких трудных условиях «Временное Народное правительство Терского края», обосновавшееся, как я говорил выше, в г. Моздоке, должно было искать поддержки извне. Оно вошло в связь с противобольшевицким отрядом Бичерахова¹⁷⁷, части которого заняли Баку и проникли в Дагестан.

Отряд Бичерахова сформирован британцами из противобольшевицких элементов Русских войск, находившихся в Персии. Он был двинут для захвата Баку, с целью предупредить там появление немцев. Как только последние командировали в Грузию полк. фон Креса с двумя ротами для организации вывоза нефти из Баку по нефтепроводу на Батум, британцы выслали из Энзели морем отряд ген. Данстервиля, который в начале августа высадился в Баку. Но когда в середине сентября турки заняли Баку, британский отряд эвакуировался обратно в Энзели, а отряд Бичерахова отошел в Дагестан и занял Петровск.

Ни на какую серьезную помощь со стороны Бичерахова Терцы рассчитывать не могли. А между тем положение их становилось очень серьезным, ибо армия Сорокина, пробившаяся через Добровольческую Армию из западной части Северного Кавказа, приближалась к Терской области.

Этот отход Сорокина ставил под вопрос даже удержание захваченного Добровольцами Ставрополя. Создавалась обстановка, которая окончательно затягивала Добровольческую Армию на Северный Кавказ, заставляя ее идти за Сорокиным.

На следующий же день после взятия Екатеринодара вся дивизия ген. Боровского была двинута к Ставрополю, где она утром 21 отбила наступление большевиков на город.

Помимо усиления Ставропольской группы отход Сорокина вызвал направление на юго-восток 3-й дивизии полк. Дроздовского и конной дивизии ген. Эрдели... Таким образом, большая часть Добровольческой Армии после взятия Екатеринодара ушла на восток и растянулась по р. Кубани и р. Лабе, охватывая отошедшую в район между этими реками армию Сорокина.

Между тем, помимо Сорокина оставалась еще «Таманская» армия большевиков, только часть которой участвовала в боях против Добро-

вольческой Армии под Екатеринодаром. Высланный ген. Деникиным из Екатеринодара на Новороссийск отряд полк. Колосовского¹⁷⁸ (примерно половина 1-й дивизии) не смог перехватить отход «Таманской» армии через Новороссийск на Туапсе, вдоль берега Черного моря. В Туапсе «Таманская» армия разбила занимавший этот город Грузинский отряд, захватила его артиллерию^I и свернула вдоль железной дороги на Армавир, где 17 сентября присоединилась к армии Сорокина^{II}.

Последняя находилась в упорных боях с Добровольческой Армией, силы которой к этому времени, возросли до 35—40 тысяч бойцов при 86 орудиях^{III}. Возросли также и силы Сорокина. Теперь они насчитывали до 150 000 бойцов при 200 орудиях^{IV}. Это возрастание большевицких сил произошло не только от присоединения «Таманской» армии, а также и за счет тех демобилизованных солдат бывшего Кавказского фронта, которые застряли в Терской области.

Фронт боевой борьбы между войсками ген. Деникина и войсками Сорокина принял форму вытянутого с юго-востока на северо-запад клина с головой у станицы Михайловской и одной стороной тянувшейся от Михайловской через Армавир до станции Невинномысской, а другой — вдоль р. Лабы до станции Ахматовской. В тыл этого клина к станице Баталпашинской были направлены партизаны Шкуро. Таким образом, Северо-Кавказская армия большевиков оказалась зажатой в положении, как его характеризует ген. Деникин^V, «почти стратегического окружения».

«Теоретически, это несомненно было стратегическое окружение, — пишет профессор полк. Зайцов^{VI}. — ...Однако практически это означало окружение по обводу в 250 км 150 тысяч при 200 орудиях красных, 35—40 тысячами при 100 орудиях добровольцев. Четверное превосходство в численности и двойное в артиллерии при подобной растяжке фронта, конечно, делали это окружение иллюзорным». Замечание проф. полк. Зайцова тем более справедливо, что предшествующие бои не прошли безрезультатно для формирующихся большевицких сил. Из них выковывалась более устойчивая Красная армия, начальники же ее всех степеней проходили прикладную школу обучения. Теперь она не представляла уже собой ту почти бесформенную массу, которая в июне месяце пассивно ожидала удары Добровольческой Армии.

^I *Ковтюх*. От Кубани до Волги и обратно, ГИЗ, 1927, с. 42.

^{II} *Какурин*. Стратегический очерк гражд. войны, с. 58.

^{III} *Деникин*. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 210.

^{IV} Гражданская война 1918—1921 гг., т. III, с. 101. — См. также: *Ковтюх*. От Кубани до Волги и обратно, с. 58.

^V Очерки Русской Смуты, т. III, с. 222.

^{VI} 1918 год. Очерки по истории гражданской войны, гл. VII, с. 239, 240.

Загорелась длительная и напряженная борьба, главные фокусы которой образовались у Армавира и Ставрополя. Длинная цепь кровавых боев кончается победой Добровольческой Армии лишь в середине ноября.

К периоду этой борьбы у Армавира относится уход оттуда большевицкой дивизии Жлобы, появление которой в тылу Донцов, атакующих Царицын, сыграло такую фатальную роль. Я говорил в прошлой главе, что Жлоба увел свою дивизию вопреки приказа командующего армией Сорокина, исполняя волю правивших в Царицыне Сталина, Ворошилова и Минина¹⁷⁹.

«Конечно, “царицынская тройка”, — пишет по этому поводу проф. полк. Зайцов¹, — лучше отдавала себе отчет в общем положении, чем Сорокин. Уход Жлобы с Северного Кавказа, может быть, и стоил красным потери имевших чисто местное значение пунктов, вроде Армавира или Невинномысской, но зато спас Царицын. Клин, забитый красными на Нижней Волге, уцелел, и это по-прежнему разъединяло Южный и Восточный фронты и угрожало Донцам, обеспечивая тыл Северо-Кавказского фронта красных».

На верхах командования большевицкими вооруженными силами Северного Кавказа в это время далеко не всё было благополучным. Командующий Таманской армией Матвеев¹⁸⁰ не соглашался с решением главнокомандующего Сорокина перегруппировать силы для нанесения главного удара с целью обратного овладения Ставрополем. Северо-Кавказский военно-революционный совет присоединился к мнению Сорокина и в первых числах октября расстрелял Матвеева за нежелание подчиниться. Решенная Сорокиным перегруппировка была совершена, и Таманская армия была переведена на Ставропольское направление, где и повела приказанную ей операцию. Но в последних числах октября «сам главком Сорокин восстал против РВС Северного Кавказа, вероломно расстреляв нескольких его членов, после чего, будучи объявлен вне закона, бежал, был арестован в Ставрополе и застрелен до суда над ним одним из полковых командиров Таманской армии»¹¹. Некоторые большевицкие источники указывают на выяснившееся намерение Сорокина перейти на сторону «белых».

Создавшийся в большевицких армиях «период безвластия, — пишет Ковтюх¹¹¹, — тяжело отразился на всей участи Северного Кавказа. Таманская армия, заняв Ставрополь, около 20 суток стояла на месте, отражая попытки (Добровольческой Армии) возвратить Ставрополь

¹ 1918 год. Очерки по истории гражданской войны, гл. VII, с. 238.

¹¹ Гражданская война 1918–1921 гг., т. III, с. 102.

¹¹¹ От Кубани до Волги и обратно, с. 64.

и жаждала дальнейших распоряжений». Никаких «распоряжений», однако, ниоткуда не последовало.

Пользуясь отвлечением главной массы большевицких сил на Ставрополь, Добровольческая Армия перешла в наступление против заслона красных на Армавирском направлении и 31 октября, накануне захвата большевиками Ставрополя, сбила этот заслон. После этого, с 4 ноября она начала операцию по обратному овладению Ставрополем. После ряда чрезвычайно кровавых боев¹ в районе этого города Добровольческая Армия выгнала оттуда большевиков.

Понеся поражение под Ставрополем, большевики начали общее отступление. К 20 ноября их армии отошли в глубь Ставропольской губернии и в Терскую область: «Таманская армия отошла на фронт селений Петровское—Донская балка—Высоцкая, где и закрепилась^{II}, южнее к ней пристроились части бывшей армии Сорокина, протянув свой левый фланг до ст. Минеральные Воды»^{III}.

«Тяжело, однако, обошелся Ставрополь и Добровольческой Армии», — говорит проф. полк. Зайцов^{IV}. «Основные части Добровольческой Армии во второй раз (первый — в Первый Кубанский поход), казалось, гибли, — пишет ген. Деникин^V, — 2-ю, 3-ю дивизию, несколько пластунских батальонов пришлось вывести на длительный отдых для формирования и пополнения... В Добровольческих полках, прошедших через свои ряды по многу тысяч людей, оставалось налицо 100—150 штыков.

Армавир и Ставрополь обошлись русской контрреволюции дороже Казани, Самары и Симбирска, и все-таки за р. Калаусом создан новый красный фронт, тянувший Добровольческую Армию всё дальше и дальше на восток, к Каспийскому морю.

Дни Ставропольских побед Добровольческой Армии были, однако, и днями разгрома восставшего Терского казачества. Дезорганизованное с самого его начала, разбившееся на ряд очагов и ориентаций, терское восстание к тому же осложнялось и давнишними спорами казаков с коренным туземным населением Терского края. Несмотря на захват Моздока и Прохладной еще в июле и даже на временный захват восставшими в августе терской столицы — Владикавказа и осады ими Кизляра и Грозного, Терского фронта как единого целого никогда не существовало. Симпатии его политических руководителей тянули

^I 12 ноября был ранен командующий 3-й дивизией Добр. Армии полк. Дроздовский. Через полтора месяца он от этой раны умер.

^{II} Рубеж р. Калаус. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Гражданская война 1918—21 гг., т. III, с. 103.

^{IV} 1918 год. Очерк по истории гражданской войны, гл. III, с. 246, 247.

^V Очерки Русской Смуты, т. III, с. 237.

к Петровску, куда перешел, после занятия в середине сентября Баку турками, отряд Бичерахова, брата главы терского повстанческого правительства. Симпатии военных руководителей восстания определенно тянули к Добровольческой Армии, с которой к тому же терцы связались с 22 сентября. Однако ни Добровольческая Армия, ни Бичерахов реально помочь были не в состоянии, и в течение ноября месяца все очаги терского восстания были подавлены красными.

Первым был сломлен ближайший к Добровольческой Армии очаг район Прохладной—Моздока, а вскоре затем красные освободили Грозный и Кизляр. Терцы рассыпались. Часть ушла через Кабарду в Баталпашинск на соединение с Добровольческой Армией, часть, с правительством, к Бичерахову в Петровск, остальные разбежались по станицам или ушли в горы.

Подавление терского восстания при отходе красных от Ставрополя на линию Калауса, конечно, было для красных вопросом первостепенного значения, давая им обеспеченный тыл в лице Терского края. Не меньшее значение (но отрицательное) имело это и для белых, так как новый фронт (большевиков) на Калаусе этим сразу приобретал устойчивость и давал возможность красным оправиться от Ставропольского разгрома.

Терское восстание летом и осенью 1918 года было слишком удалено от района действий Добровольческой Армии. К ноябрю же, когда оно могло оказать решающее влияние на Кавказский фронт красных, оно кончилось и как раз в ту минуту, когда оно получало смысл в общем ходе вооруженной борьбы.

Итак, пятимесячная борьба Добровольческой Армии на Северном Кавказе закончилась освобождением Кубанской области, но не разгромом красных на Северном Кавказе».

«Критический период» роста Добровольческой Армии

Ко времени освобождения Кубанской области численность Добровольческой Армии возросла до 40 тыс. бойцов¹. Вместе с этим численным ростом армия изменила систему своего укомплектования. Она стала пополняться обязательным набором. Мобилизация кубанских казаков началась уже с весны 1918 года, а мобилизация неказачьего населения — 2 августа того же года. Был использован и другой источник пополнения — пленные красноармейцы.

«Весь этот новый элемент, — пишет ген. Деникин^{II}, — вливавшийся в Добровольческие кадры, давал им и силу, и слабость. Увеличивались

¹ Из них на долю Кубанцев выпадало около 60 %.

^{II} Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 83.

ряды, но тускнел облик и расслаивались монолитные ряды старого Добровольчества. Лихорадочно быстрый темп событий среди непрекращавшегося пожара общей гражданской войны если и допускал поверхностное обучение, то исключал возможность воспитания. Масса мобилизованных во время пребывания в тылу, в мирной обстановке запасных батальонов, была совершенно пассивной и послушной. За вторую половину 1918 г. из запасных батальонов дезертировало только 5 %. Но, выйдя на фронт, они попадали в крайне сложную психологическую обстановку: сражаясь в рядах Добровольцев, они имели против себя своих односельчан, отцов и братьев, взятых также по мобилизации Красной армией; боевое счастье менялось, их села переходили из рук в руки, меняя вместе с властью свое настроение. И дезертирство на фронте значительно увеличивалось. Тем не менее, основные Добровольческие части умели переплавить весь разнородный элемент в горниле своих боевых традиций и по общему отзыву начальников мобилизованные солдаты **вне своих губерний** в большинстве дрались доблестно.

Что касается кубанского казачества, оно несло тяготы значительно большие: выставляло десять возрастных классов в состав действующей армии и во время борьбы на территории Кубани — почти поголовно становилось в ряды в качестве гарнизонов станиц и отдельных, партизанского типа, отрядов. Природные конники — кубанцы неохотно шли в пластунские батальоны; пехота их была поэтому слаба и малочисленна, но конные дивизии по-прежнему составляли всю массу Добровольческой конницы, оказывая неоценимые услуги армии.

В отношении старых Добровольцев мы были связаны еще формально четырехмесячным “контрактом”. Первый период для главной массы кончился в мае, второй в сентябре, третий кончался в декабре. Еще в августе я хотел покончить с этим пережитком первых дней Добровольчества, но начальники дали заключение, что психологически это **преждевременно...** Мне кажется, что и тогда уже они ошибались. 25 октября я отдал приказ¹ о призыве в ряды всех офицеров до 40 лет, предоставив тем из них, кто освобождался из армии, или покинуть территорию ее в семидневный срок, или подвергнуться вновь обязательному уже призыву... А через полтора месяца состоялся приказ² об отмене четырехмесячных сроков службы, которая стала окончательно **общеобязательной**. К чести нашего Добровольческого офицерства надо сказать, что приказы эти не только не встретили какого-либо протеста, но даже не привлекли к себе в армии внимания — так твердо сложилось убеждение в необходимости и обязательности службы».

¹ № 64.

² 7 декабря, № 246.

Наименование «Добровольческой» армия сохраняла, как объясняет это генерал Деникин, «только по традиции»^I.

Изменение, произошедшее в системе укомплектования Армии, командуемой ген. Деникиным, составляло, однако, только часть несравненно более глубокого процесса, который происходил в это время также и в «Народной Армии» в Поволжье, и на Дону, и даже в стане врагов — у большевиков.

Объективный ход борьбы вынуждал не только переход от добровольческого принципа к принципу обязательной воинской службы; он требовал в такой же мере отказа от «партизанской» психологии, всегда свойственной добровольчеству, и принятия принципов **регулярной, народной** армии. Однако главнокомандование Добровольческой Армии не решалось полностью сделать этот шаг. Оно пыталось строить новую армию, соблюдая навыки и традиции, установившиеся со времени переименования «Алексеевской организации» в «Добровольческую Армию». Между тем, по совершенно верному замечанию одного из участников Белого Движения — ген. Штейфона¹⁸¹ ^{II}, «великодержавные задачи можно было разрешить лишь приемами государственного строительства, а не импровизацией, грубо нарушавшей многовековой российский опыт. Несмотря на яркое горение добровольческой души, добровольчество являлось всё же историческим эпизодом, а трагедия нашего командования и заключалась в том, что исторический эпизод оно восприняло как эпоху...» «Зародившаяся на Дону и окрепшая на Кубани Добровольческая Армия, в силу особых обстоятельств того времени принуждена была усвоить психологию и формы, резко отличавшие ее от прежней Русской Армии. Вновь образовавшаяся армия была ярко добровольческая, со всеми положительными и отрицательными особенностями этого понятия»^{III}.

Непонимание верхами Добровольческой Армии новых объективных условий борьбы привело к ряду внутренних противоречий в создавшейся в течение 2-го Кубанского похода новой армии ген. Деникина.

Прежде всего это отразилось на дисциплине в среде офицерского состава. «Тяжело было налаживать (и) внутренний быт, — пишет ген. Деникин про интересующий нас период^{IV}. — Принцип добровольчества, привлекая в армию элементы стойкие и мужественные, вместе с тем создавал несколько своеобразные формы дисциплины, не укладывавшиеся в рамки старых уставов. Положение множества офицеров

^I Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 83.

^{II} См. его книгу «Кризис добровольчества», с. 4.

^{III} Там же, с. 104.

^{IV} Очерки Русской Смуты, т. III, с. 134.

на должности простых рядовых изменяло характер взаимоотношений начальника и подчиненного; тем более что сплошь и рядом, благодаря новому притоку укомплектования, рядовым бывал старый капитан, а его ротным командиром подпоручик...»

«Эта система привела, — констатирует ген. Штейфон^I, — к тому ненормальному явлению, что прежним кадровым офицерам, преимущественно штаб-офицерам, в Армии места не находилось. На должности рядовых они не годились, да и сами не желали идти в подчинение молодым подпоручикам и поручикам. На командные должности их не назначали, ибо каждый добровольческий полк ревниво оберегал “старшинство” своих офицеров, основанное не на чинах и прошлом прохождении, а исключительно базировавшееся на добровольческом стаже. В итоге прекрасный штаб-офицерский состав Императорской армии, в своей массе прошедший великолепную строевую и боевую школы, оставался за бортом. И, конечно, менее всего можно было упрекнуть подобных штаб-офицеров в отсутствии патриотизма, а тем более в “шкурничестве”. Свою преданность Родине и свою доблесть они полностью проявили во время Великой войны. Должность рядового их нисколько не обижала, как мера чрезвычайная, но **как систему**^{II} они ее резко осуждали. Осуждали потому, что инстинктом старых солдат понимали, что на началах забвения главных основ дисциплины нельзя строить армию...»

В результате создавалось положение, которое бросалось в глаза даже постороннему штатскому наблюдателю. «...Нужно, чтобы в армии было прямо и строго поставлено требование доблести, — пишет А. А. Суворин^{182 III}, — и чтобы она осталась истинно доблестной, какой она была при Корнилове. Но чтобы быть прочною, доблесть эта должна иметь под собою твердую опору дисциплины, которая вовсе не всегда непременно сопутствует доблести. И именно о Добровольческой Армии всегда можно было сказать: “доблести много, дисциплины мало”».

Неспособность главного командования подняться над уровнем психологии выдвинувших его добровольцев посеяла в новой армии зачатки и другого зла: в офицерской среде создавалась, согласно выражению ген. Штейфона, своеобразная партийность. «Это не была, конечно, — пишет он^{IV}, — партийность политического характера. Зло заключалось в делении офицерства на “старых” и “новых”. Первая группа, притом меньшая числом, занимала командные должности

^I Кризис добровольчества, с. 60–62.

^{II} Жирн. шриф. ген. Штейфона.

^{III} [Суворин А. А.] Поход Корнилова, с. 108.

^{IV} Кризис добровольчества, с. 62.

и пользовалась всеми правами офицера и начальника. Вторая группа... в массе своей никакими правами не пользовалась, считалась “рядовыми” и лишалась даже тех офицерских преимуществ, какие дарованы уставом каждому офицеру».

Это деление на «старых» и «новых» влияло и на назначения на высшие командные должности.

«Известие о моем назначении^I вызвало большое удивление среди знакомых мне офицеров Штаба, — записывает свои первые впечатления о Добровольческой Армии ген. Врангель^{183II}, приехавший к ген. Деникину в августе 1918 года. — В ставке строго придерживались выдвижения на командные должности исключительно “первопоходников”, наиболее продолжительное время служивших в Добровольческой Армии. Исключение для меня было сделано, надо думать, ввиду отсутствия кавалерийских начальников».

На факт пристрастного отношения к «своим» и «чужим» указывает также рапорт начальника 3-й пех. дивизии полк. Дроздовского^{III}, поданный Главнокомандующему ген. Деникину. Даже учитывая возможность субъективной окраски событий в этом рапорте, он тем не менее является очень показательным. Нельзя сомневаться в глубоком патриотизме и в искреннем желании писавшего его героя-командира открыть глаза главнокомандующего на дефекты деятельности его Штаба и ближайшего окружения.

Вот заключительные слова этого рапорта:

«Великая Русская армия погибла оттого, что старшие начальники не хотели слушать неприятной правды, оказывая доверие только тем, в чьих устах было всё благополучно, и удаляли и затирали тех, кто имел смелость открыто говорить...

Неужели и Добровольческая Армия потерпит крушение по тем же причинам?»^{IV}

Характерна судьба этого рапорта: он был возвращен полк. Дроздовскому с надписью начальника штаба ген. Деникина: «Главнокомандующий прочитав не пожелал. Генерал Романовский».

А между тем Добровольческая Армия, по мере своего роста, переживала своего рода «критический» период. До 2-го Кубанского похода она, по существу говоря, тыла не имела. Она представляла собой пар-

^I Генерал барон П. Н. Врангель был назначен временно командующим конной дивизией вместо получившего специальную командировку в Грузию ген. Эрдели. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} «Записки», помещены в т. V «Белого Дела», с. 72.

^{III} Рапорт этот, поданный полк. Дроздовским ген. Деникину 27 сентября (10 октября по новому стилю), полностью приведен в Приложении № 74.

^{IV} Жирный шрифт полк. М. Г. Дроздовского.

тизанский отряд, имевший базу при себе. Вследствие этого отслоение «тыловой психики» от «фронтальной» не могло иметь места. А так как боевой фронт доблестной армии оздоравливающе действует на всякого рода «тыловую» мораль, то таковая не могла получить развития.

В течение 2-го Кубанского похода Добровольческая Армия обзавелась своим тылом, который сначала находился в Новочеркасске и Ростове, а затем, со взятием кубанской столицы, таковой созданной в Екатеринодаре. Теперь «тыл» получал возможность самодовлеюще развиваться и оказывать свое разлагающее влияние на представителей боевой части армии.

«Обе столицы Донского войска, — пишет в своих воспоминаниях ген. П. Н. Краснов¹, — Ростов и Новочеркасск — стали тылом Добровольческой Армии. Это уже такой непреложный закон всякой армии, как бы строго дисциплинирована она ни была, что совершенно механически совершается отбор ее представителей. Всё прекрасное, храброе, героическое, всё военное и благородное отходит на фронт. Там совершаются подвиги, красотой которых умиленно любит мир, там действуют чудо-богатыри Марковы, Дроздовские, Нежинцевы, там красота, благородство и героизм. Но чем дальше отходишь от боевых линий к тылу, тем резче меняется картина. Всё трусливое, уклоняющееся от боя, всё жаждущее не подвига смертного и славы, но наживы и наружного блеска, все спекулянты собираются в тылу. Здесь люди, не видевшие раньше и сторублевого билета, ворочают миллионами рублей, и у них кружится голова от этих денег, здесь продают “добычу”, здесь постоянно вращаются герои с громадной популярностью в тылу и совершенно неизвестные на фронте. Фронт оборван, бос и наг, фронт голоден, здесь сидят люди в ловко сшитых черкесках, в цветных башлыках, во френчах и галифе, здесь пьют вино, хвастают своими подвигами, звенят золотом и говорят, говорят. Там, в передовых окопах про политику не говорят, о будущем не думают, смерть сторожит эти думы, здесь политиканствуют и **создают такую окраску и физиономию, которой армия на деле не имеет...**»¹¹ «Так было во всех армиях, так было и в Добровольческой Армии. В Добровольческую Армию вместе с идейными юношами шли “шкурники”, и эти “шкурники” прочно оседали в тылу и теперь наводнили Ростов и Новочеркасск».

Перед главнокомандованием Добровольческой Армии выростал важнейший организационный вопрос — необходимо было внести порядок в развитие тыла. Особенно опасным было, чтобы Главное Ко-

¹ Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 202–203.

¹¹ Жирный шрифт мой. — *Прим. Н. Н. Г.*

2-й КУБАНСКИЙ ПОХОДЪ.

СХЕМА №14.

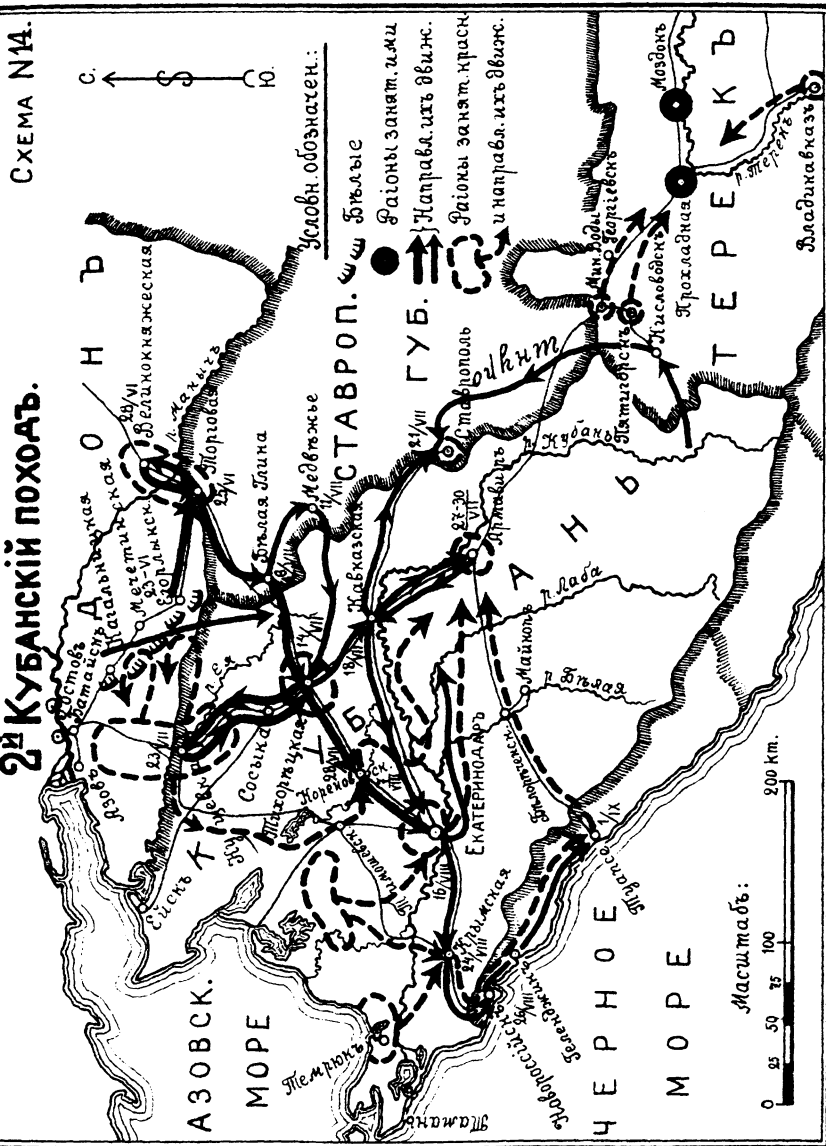
С. ← — — — — — Ю.

Условн. обозначен.:
 ● Районы занят. нем.
 ⇨ Направл. ихъ движ.
 ⇩ Районы занят. красн.
 ⇩ и направл. ихъ движ.

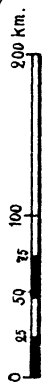
Условн. обозначен.:
 ⇨ Направл. ихъ движ.
 ⇩ Районы занят. красн.
 ⇩ и направл. ихъ движ.

Условн. обозначен.:
 ● Районы занят. нем.
 ⇨ Направл. ихъ движ.
 ⇩ Районы занят. красн.
 ⇩ и направл. ихъ движ.

Условн. обозначен.:
 ● Районы занят. нем.
 ⇨ Направл. ихъ движ.
 ⇩ Районы занят. красн.
 ⇩ и направл. ихъ движ.

Масштабъ:

мандование, естественно находившееся в тылу, само бы не поддавалось воздействию «тыловой психологии». Как мы видели из событий, имевших место на востоке России, тыл являлся тем местом, где зарождались различного рода политические интриги. Очень часто в основе этого политиканства лежала даже не идея, а личное недовольство или личная обида. Нахождение «тылов» Добровольческой Армии в столицах Дона таило в себе также опасность усиления раздоров между Командованием этой армии и Донским Атаманом. «И вот, — пишет в своих воспоминаниях П. Н. Краснов¹, — начались те тяжелые отношения между Доном и Добровольческой Армией, которые бросались в глаза человеку вдумчивому. Сами Армии были дружны вечной дружбой, спаянной вместе пролитой кровью, но тылы ссорились, и генерал Деникин, и его окружающие, которые жили в тылу тыловой жизнью, поддались этому тыловому, враждебному Дону настроению...»

А вот что пишет про тыл Добровольческой Армии в Екатеринодаре другой доблестнейший генерал:

«Несмотря на присутствие в Екатеринодаре Ставки, как прибывшие, так и проживающие в тылу офицеры вели себя непозволительно распущенно, — записывает ген. барон П. Н. Врангель², — пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами... Все эти безобразия производились на глазах штаба Главнокомандующего, о них знал весь народ, и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат...»

Только что приведенное мнение ген. барона Врангеля представляет особый интерес. Через полтора года он принял от ген. Деникина главное командование, причем армия находилась в условиях несравненно худших, нежели это было ко времени окончания 2-го Кубанского похода. И тем не менее он быстро восстановил воинскую дисциплину и привел в порядок тылы. Это было возможно, ибо, как свидетельствует и сам ген. Деникин³, «в разные периоды своего существования переболела по-разному и Добровольческая Армия. Но в своих подвигах, страданиях и грехах была постоянна в одном: она являла образ высокого самопожертвования и пламенного патриотизма».

Естественно, что сам ген. барон Врангель склонен видеть причину отсутствия должной дисциплины в Армии в несостоятельности ген. Деникина как Главнокомандующего. Для иллюстрации этого он рассказывает в своих воспоминаниях разговор с последним, произошедший после личного доклада ген. Врангеля Главнокомандующему в декабре 1918 года.

¹ Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 203.

² [Врангель П. Н.] Записки // Белое Дело, т. V, с. 99–100.

³ Очерки Русской Смуты, т. III, с. 182.

«Я спросил Главногокомандующего, — записывает ген. барон П. Н. Врангель¹, — кто из начальников объединяет главную массу нашей конницы, и с удивлением узнал, что конная масса не объединена в одних руках и что отдельные кавалерийские начальники подчиняются непосредственно Главногокомандующему. Трудно было при этих условиях ожидать от конницы единства действий. Я высказал это ген. Деникину: “Все это так, но как вы заставите ген. Покровского или ген. Шатилова подчиниться одного другому?” Это возражение Главногокомандующего поразило меня. Казавшийся твердым и непреклонным, ген. Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главногокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег этими генералами. Однако на всё это генерал Деникин смотрел как будто безучастно. И в данном случае он не мог решиться, несмотря на то что общая польза дела этого явно требовала, подчинить одного генерала другому».

Однако я думаю, что в основе этой нерешительности ген. Деникина по отношению к старшим лицам его окружения лежит не слабость воли или отсутствие мужества. Этим источником являлась психология «кружковщины», кристаллизовавшаяся во время «быховского» сидения. При подобной психологии свет видели только «в своем окошке». А это легко приводило к тому, что «своим» прощалось больше, чем «чужим».

Психология «кружковщины» неминуемо приводила к недоверчивому отношению к «чужим». Рапорт полк. Дроздовского иллюстрирует один из случаев подобного недоверия. Когда же эти «чужие» приходили из большевицкого лагеря, то естественное в этом случае недоверие перерождалось во враждебность. Ярким выражением этого явления может служить приказ, отданный ген. Деникиным в ноябре 1918 года и обращенный к представителям старого офицерства, находящимся на подневольной службе у большевиков. Этот приказ кончался следующей угрозой: «...Всех, кто не оставит безотлагательно Красной армии, ждет проклятие народное и полевой суд Русской Армии — суровый и беспощадный»¹¹.

Впоследствии сам же ген. Деникин вынужден был признать, что этот «приказ был широко распространен по Советской России нами,

¹ [Врангель П. Н.] Записки // Белое Дело, т. V, с. 135.

¹¹ Цитировано у ген. Деникина: Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 91.

и еще шире... советской властью, послужив темой для агитации против Добровольческой Армии. Он произвел гнетущее впечатление на тех, кто, служа в рядах красных, был душою с нами. Отражая настроение Добровольчества, приказ не считался с тем, что самопожертвование, героизм, есть удел лишь отдельных личностей, а не массы. Что мы идем не мстителями, а освободителями...»¹.

В том, что Главное Командование не смогло подняться над со-здавшейся в истстрадавшемся офицерстве своего рода «сектантской» психологией, и заключалась главная причина его несостоятельности в борьбе с развивающимися язвами тыла.

Внимательно изучив положение на всех остальных фронтах противобольшевицкого движения, историк не может не признать, что тылы Добровольческой Армии не были хуже тылов любой из других армий. Но ввиду того, что тылы Добровольческой Армии лежали на территориях областей, стремившихся к временной самостоятельности, то язвы тылов Добровольческой Армии переносились этими областями с большим нетерпением и вызывали более громкие осуждения.

Несомненно, что подобное положение вещей предъявляло к Главному командованию Добровольческой Армии тяжелые требования. А между тем, по свидетельству ген. Штейфона, «прочно усвоив опыт первого периода, Добровольческая Армия усвоила и равнодушное отношение к столь кардинальным вопросам, как правильная организация армейского тыла...»². «Трагедия Добровольческой Армии, — пишет он дальше³, — и заключалась в том, что она не превратилась своевременно в регулярную армию. «Мы забыли о регулярстве, завещанном нам Петром Великим. Забыли и жестоко за это поплатились. Несмотря на то, что добровольчество, конечно, не по последствиям, а по духовной ценности и является равным периоду Минина и Пожарского, всё же оно было не более как исторический эпизод. К несчастью для нашей Родины, исторический эпизод был воспринят как якобы историческая эпоха. Героическому духу дана была несоответствующая масштабу борьбы форма. И не подлежит сомнению, что если добровольчество как дух было бы введено в формы регулярства как системы, исход борьбы на Юге России был бы иным».

¹ Ген. Деникин. Очерки Русской Смуты», т. IV, с. 91.

² Кризис добровольчества, с. 104.

³ Там же, с. 131.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 74

Рапорт полковника Дроздовского,

поданный ген. Деникину 10 октября 1918 года по новому стилю¹

Начальника 3-й дивизии

Добровольческой Армии

27 сентября 1918 г.^{II}

№ 027

С-ция Кубанская.

КОМАНДУЮЩЕМУ АРМИЕЙ

Рапорт

С самого начала Армавирской операции, с того дня, когда началось продвижение южнее Отрада-Кубанская, я высказывал Вам опасения за свой правый фланг, являющийся всё время большим местом, так как I-я конная дивизия не в силах была продвигаться наравне со мною, я же сам не имел сил и возможности одновременно вести операцию по овладению Армавиром и обеспечивать дивизию от глубокого обхода со стороны группы Матвеева. До тех пор при ведении боевых действий я не считал нужным ссылаться ни разу на многочисленность врага, и эта сдержанность донесений об успехах, быть может, и создала неверное представление об их легкости.

Но уже с 1 сентября я счел необходимым доносить, что против меня очень большие силы, дерущиеся очень упорно; доносить также, что большие потери и сильная усталость, тогда еще некоторых только частей, вызывают необходимость подкреплений, в чем, однако, мне было отказано, несмотря на наличие резервов.

Угрожаемый с обоих флангов охватами многочисленного противника, я боями 2 и 3 сентября эту непосредственную угрозу ликвидировал и, пользуясь результатами Невинномысской операции ген. Боровского, продолжал наступление к Армавиру. По занятии

¹ Приводится согласно тексту, напечатанному на с. 142–154 «Дневника генерала М. Г. Дроздовского», изд. Отто Кирхнер и К^о, Берлин, 1923.

^{II} По старому стилю. — Остальные даты в этом рапорте тоже по старому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

Отрада-Кубанская я получил телеграмму начальника штаба от Вашего имени о медлительности действий (телеграмма № 01270), являвшейся первым совершенно незаслуженным упреком — за эти дни было сделано всё, что было в силах дивизии, но работу ее можно было верно оценить только на месте.

Именно не желая отдавать врагу раз уже захваченное, да еще важный пункт, я считал овладение Армавиром делом преждевременным и рискованным до тех пор, пока продвижение 1-й конной дивизии не распутало бы Михайловский узел. События показали, что последняя задача была непосильна для конной дивизии; в то же время при активности врага (а с ней армия уже знакомилась) обезврежение Михайловской группы было условием обязательным для прочного удержания Армавира, или же необходимо было увеличить мои силы.

Свои соображения я дважды Вам доносил 5 сентября (телеграммы №№ 69 (Б и Д) 322). Не получая ответа, видя, что моим донесениям не придается никакого значения, я был поставлен перед Армавиром в тяжелое положение: сознавая ясно рискованность операции по овладению этим городом, трудность его потом удержать, я вынужден был атаковать, так как противник после неудачного для него ночного дела 5/6 начал вновь подготавливаться к переходу в наступление. Армавир был взят штурмом, опять с довольно значительными потерями, а по взятии его я вновь донес свои опасения за тыл — эти донесения также были оставлены без внимания (телегр. № 329, 74/В и 78/Б).

Сильно выдвинутая клином дивизия, занимавшая Армавир, была подвержена ударам глубоко в тыл, но с 6 по 11 сентября я не получил ни помощи, ни обеспечения с этой стороны. Если бы отряд полк. Тимановского¹⁸⁴ дан был мне 6 или 7-го и тогда же даны были те пополнения, которые я получил лишь 12 и 14-го — судьба Армавира, несомненно, была бы иная: подкрепление в момент успеха — громадная сила.

Уже 10 и 11-го определилось намерение противника совершить глубокий обход совместно с ударом вдоль железнодорожной линии Курганная—Армавир, а в это время я получил директиву продолжать наступление между Урупом и Кубанью...

11 сентября я получил телеграмму, что в Кубанскую высылается батальон (?) 1-го офицерского полка; но в каком составе и к какому времени сосредоточится на ст. Кубанская, что прежде всего обязан был сообщить мне штаб, — не было сказано ни слова.

Еще утром рано я послал телеграмму Командиру батальона по прибытии в Кубанскую вести наступление вдоль Владикавказской жел. дор., чтобы совместно с конным полком и моим правым флангом разбить обходящую с севера колонну противника; получил от него

в 12 ч 30 мин донесение, что он прошел через Гулькевичи и что у него 2¹/₄ роты — 370 штыков.

12 сентября весь день противник ведет упорные атаки с юго-запада, запада и севера и очень скоро перерезает жел. дорогу; контратаками резервов на правом фланге нам удалось бы отбросить противника и очистить полотно железной дороги севернее Армавира, но под давлением новых значительных сил пришлось отойти. К темноте новая большая колонна неприятеля обложила город уже и с юга, от берега Урупа, построив таким образом сплошной фронт до Кубани, и начала сближение для атаки на следующий день. Учитывая настроение войск, наличие всего трех рот резерва, не видя весь день и не считая уже возможным помощь с севера от упомянутых выше слабых сил 1-го полка, я не счел возможным продолжать 13-го оборонительный бой на столь растянутом фронте (более 12 верст), так как прорыв противника в город или к мосту повлек бы губительные последствия и панический отход; решив удержать в своих руках часть города, я остальные силы увел в Прочноокопскую. Ваше Превосходительство, не имея возможности оценить обстановку на месте, признали отвод части сил преждевременным, я же, наблюдая вплотную все элементы, предпочел сделать это вынужденное сокращение фронта спокойно и в полном порядке без потерь, нежели ждать следующего утра, чтобы очистить Армавир при таких же обстоятельствах, при каких он был очищен в первый раз.

Только 14-го около 11 часов я получил в Прочноокопской донесение полк. Тимановского, пересланное с офицером для связи, что он начал подход к станции Кубанской, имея два батальона, два орудия и три сотни (всего до 1400 бойцов), поступает в мое распоряжение и по окончании сосредоточения предполагает атаку. До получения Ваших приказаний я рассчитывал 13 и 14-го дать частям совершенно необходимый им отдых, влить пополнения, заменить убывший командный состав, то есть выполнить те мероприятия, что необходимы для подъема моральных и материальных сил части. Не эти, однако, сообщения, как бы они важны ни были, но полная физическая невозможность произвести своевременную перегруппировку и сосредоточение для совместной атаки противника с батальонами полк. Тимановского вынудили меня немедленно ответить ему, чтобы он 13-го в бой не ввязывался, дабы атаковать не раздельно, а совместно. Вы прислали мне резкую телеграмму, обвиняя меня в отмене Вашего приказа, но это не верно, ибо приказания Вашего я не мог отменить, **так как о нем мне ровно ничего не было известно**. Полк. Тимановский донес мне только, что он поступает в мое распоряжение, Ваша телеграмма 14-го была показана полк. Тимановскому, который ответил, что такого приказания атаковать **во что бы то ни стало 13-го** он не получил.

Последствия этой атаки доказали, что моя оценка обстановки была верной, так как по причине трудности связи мое приказание не ввязываться самостоятельно в бой запоздало, и части полк. Тимановского, имев первоначально успех, были вскоре вынуждены к отходу, понеся чувствительные потери. Итак, приказания Вашего я не отменил, но отдал то распоряжение, не прошедшее случайно в жизнь, которое вызывалось обстановкой и необходимостью которого теперь для всех стала очевидной.

Я считал необходимым дать частям хотя бы сутки полного отдыха, который имел в виду использовать на влитие до 700 человек пополнений. Однако Вы приказали атаковать непременно 14-го. Я атаковал. Вел упорный бой, понес тяжелые потери и потерпел неудачу...

Не буду останавливаться на Михайловской операции, так как ответил достаточно подробно телеграммой, повторю только, что выговор был сделан безо всякой вины, ибо директивы (т. е. распоряжения, указывающие основную идею, но не способ выполнения) я не изменял, но, вынужденный обстоятельствами изменить путь следования и пункт сосредоточения, из этого последнего предпринял операцию, завершившуюся согласно Вашего желания глубоким обходом противника и атакою его со стороны Курганной.

С 16 августа дивизия вела целый месяц почти непрерывные бои, понесла около 1800 человек потерь (без 1 офицерского полка), т. е. больше 75 % своего первоначального состава, одержала целый ряд успехов, но в последних неудачных кровопролитных боях при выполнении непосильных задач свела на нет все предыдущие успехи и достигла в конечном результате только одного — подняла моральное состояние врага, увидевшего, что он может успешно сопротивляться, и понизила свой собственный дух, потеряв веру в несокрушимость своих атак. В Самурском полку на почве неудач и утомления появилось много перебежчиков, чего раньше совершенно не было, и сейчас этот полк уже не внушает мне доверия — над ним необходима большая работа.

Я не «жаловался», как в Вашей телеграмме были названы мои доклады о положении дел. Выражаясь словами Суворова «ближнему по его близости лучше видно», я оценивал правильно свои силы, переоцениваемые штабом армии, и силы противника, недооцениваемые им. В результате этих условий я ясно видел слишком большую вероятность неудачи, и если сама по себе неудача, как таковая, везде тяжела, то для нашей армии последствия ее много тяжелее: большевикам гораздо легче потерять тысячу человек, чем нам сто. Укомплектования поступают крайне туго, кроме того, неудачный бой — это потеря оружия, пулеметов, пополнения которых из армии мы почти не видим (за два

месяца дивизия получила 300 винтовок). Строевые начальники обязаны дрожать над каждым человеком, над каждой винтовкой, иначе они останутся без войск, и если опасны слишком дорогие стоящие победы, то неудачи могут стоить армии. Впереди же, кроме освобождения Кубани, армии предстоит много более широкая задача — с чем пойдет она ее решать?

И тем не менее, как тяжело ни складывалась обстановка дивизии, я похоронил бы в себе всю тяжесть опасений за исход операции и ее последствия, если бы не видел иного, находившегося всецело в **Ваших руках** выхода из положения. Например, в бою под Белой Глиной я скрыл от Вас то крайне тяжелое положение, в котором оказалась дивизия, так как знал, что Вы уже ничем помочь мне не могли, под Усть-Лабой, когда положение одно время было очень серьезно, я также не доносил Вам всего — тогда я считал вредным для дела беспокоить Вас, ибо резерв, бывший в Вашем распоряжении, нужно было хранить для более опасного направления.

Но в Армавирской операции дело обстояло совершенно иначе. Задача, возложенная на дивизию, не соответствовала ее силам, неудача была весьма вероятна. Между тем я знал, что в то время, когда утомленная дивизия истекала кровью в непрерывных тяжелых боях, два сильных и свежих полка оставались в резерве, свободные от прямой задачи — борьбы с большевиками. В то же время я видел возможность достигнуть несомненных успехов, собрав кулак из главной массы армии путем подтягивания всех наличных резервов и усиления ударной группы за счет временного ослабления других фронтов, чтобы рядом последовательных, действительно сокрушительных ударов уничтожить отдельные группы врага. И как ни дорого нам время, но всегда считал, что лучше на два дня позже победить, нежели дать бой на два дня раньше и потерпеть неудачу.

Вот почему, находясь всё время среди войск, видя большую вероятность неуспеха в предписанной мне операции и сознавая в то же время возможность полной удачи при иной группировке сил, я считал своим долгом настойчиво и выпукло, в то же время совершенно точно, без преувеличений очерчивать в своих донесениях действительную обстановку в дивизии. К сожалению, моим докладам не было оказано того доверия, которое я заслуживал своей безукоризненной репутацией на войне и своим историческим походом.

Жаловаться же я не привык и никогда не жаловался ни на какие опасности и лишения более чем за пять лет, проведенных мною на двух последних войнах. А если иные начальники иначе доносили, то это их дело и их ответственность (хотя донесения одного из начальников дивизии были аналогичны моим), но захлебнувшееся наше наступление

на всех главных фронтах армии и последние неудачи во всех дивизиях доказывают, на мой взгляд, правильность моих действий.

Перейдя к вопросу, собственно, о выговоре, я позволю себе напомнить следующее:

Ко времени присоединения моего отряда к Добровольческой Армии состояние ее было бесконечно тяжело — это хорошо известно всем. Я привел с собою около 2¹/₂ тысяч человек, прекрасно вооруженных и снаряженных с большой артиллерией, броневиками, аэропланами (один готовый), автомобилями, радиотелеграфом, дал армии более 8 тыс. снарядов, 200 тыс. патронов, более 1000 винтовок (перечисляю главнейшее). Учитывая не только численность, но и техническое оборудование и снабжение отряда, можно смело сказать, что он равнялся силою армии, причем дух его был очень высок и жила вера в успех.

В истощенный организм была влита новая свежая кровь.

Я не являлся подчиненным исполнителем чужой воли, только мне одному обязана Добровольческая Армия таким крупным усилением. Все, стоявшие в Яссах у дела формирования добровольческих частей, отреклись от них, настаивали на роспуске и разоружении, называли мой поход **безумием и авантюрой**, подстрекали моих подчиненных к оставлению рядов. Я один имел смелость поставить себе целью этот поход, силу воли — довести дело до успешного конца и умение выполнить его среди многих опасностей и политических осложнений.

От разных лиц, среди которых есть и теперь играющие крупную роль в общем ходе событий, я получал предложения не присоединяться к армии, которую считали умирающей, но заменить ее. Агентура моя на юге России была так хорошо поставлена, что если бы я остался самостоятельным начальником, то Добровольческая Армия не получила бы и пятой части тех укомплектований, которые хлынули потом на Дон. Всем известная честность моих намерений и преданность делу России обеспечивали бы мне успех развертывания. Но, считая преступлением разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждой мелочного честолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы. Правда, я тогда был далек от мысли, чтоб штаб вверенной Вам армии мог позволить себе такое отношение ко мне, с коим пришлось познакомиться последние два месяца (не исключая инсинуаций и клеветы, чему имею факты и, если угодно, доложу). Присоединение моего отряда дало возможность начать наступление, открывшее для армии победную эру. И невзирая на эту исключительную роль, которую судьба дала мне сыграть в деле

возрождения Добровольческой Армии, а быть может и спасения ее от умирания, невзирая на мои заслуги перед ней, пришедшему и к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне, даже не расследовав причин принятого мною решения, не задумались нанести оскорбление человеку, отдавшему все силы, всю энергию и знания на дело спасения родины, а в частности и вверенной Вам армии.

Мне не придется краснеть за этот выговор, ибо вся армия знает, что я сделал для ее побед.

Для полковника Дроздовского найдется почетное место везде, где борются за благо России. Я давно бы оставил ряды Добровольческой Армии, так хорошо отплатившей мне, если бы не боязнь передать в чужие руки созданное мной.

Не могу не коснуться еще одного вопроса, который не имеет прямого отношения к содержанию этого рапорта, но очень болезненно отражается на духе войск. За последнее время к частям предъявлялись крайне повышенные боевые требования, ставились тяжелые задачи: «во что бы то ни стало», «минуя все препятствия». И не имея достаточно средств, войска, ценою больших жертв, по мере возможности выполняли свои задачи. Но если признано возможным предъявлять строевым частям такие требования, которые нередко превышают их силы, почему же к органам, обслуживающим и снабжающим армию, не предъявляют таких повышенных требований. Почему от них не требуется исключительной энергии, исключительных знаний, исключительной изобретательности и работоспособности. Мы по-прежнему испытываем крайнюю нужду в снарядах и патронах и за недостаток их платим кровью; не достает обмундирования и сапог. Состояние санитарной части ужасно — засыпан жалобами на отсутствие ухода, небрежность врачей, плохую пищу, грязь и беспорядок в госпиталях. Проверьте количество ампутаций после легких ранений — результаты заражения крови, что при современном состоянии хирургии является делом преступным; в моей дивизии за последнее время целый ряд офицеров с легкими ранами подверглись ампутации или умерли от заражения крови. Врачи остаются безнаказанными, мне известен случай занесения заразы при перевязке в госпитале; за это врач был **только** переведен на фронт. Я доносил Вам о смерти шт.-кап. Ляхницкого из-за небрежности врача; он остался безнаказанным. Стон идет от жалоб на санитарную часть, но никто за это не отвечает. Когда приходится знакомиться с жизнью и работой довольствующих органов армии — поражаешься этой рутинной, бумажностью, презрительным, индифферентным отношением к войскам. Если исключительное напряжение

в работе требуется от войск, так пусть же такую же энергию проявят те органы, которые их обслуживают и сами дани крови не несут.

Великая русская армия погибла от того, что старшие начальники не хотели слушать неприятной правды, оказывая доверие только тем, в чьих устах было все благополучно, и удаляли и затирали тех, кто имел смелость открыто говорить.

Неужели и Добровольческая Армия потерпит крушение по тем же причинам?

Полковник Дроздовский.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ НА КУБАНИ**Стремление ген. Деникина к диктатуре**

Изучая политическую программу Белого Движения в минуты рождения действенной носительницы «Белой Идеи» — Добровольческой Армии, я говорил¹, что ее основной предпосылкой являлось установление диктатуры. Я указал при этом, что в писанных вариантах этой программы слово «диктатура» не произносилось. Но весь тон и редакция так называемой «Корниловской программы»^{II}, представляющей собою наиболее верное выражение политической программы Добровольческой Армии, не оставляют никаких сомнений в затаенном стремлении к диктатуре, и при этом к диктатуре, олицетворенной в ген. Корнилове.

К кому после смерти ген. Корнилова переходили в наследство, если можно так выразиться, «права» на диктатуру? Естественным преемником ген. Корнилова в этом отношении мог быть ген. М. В. Алексеев. Его громадный служебный стаж в «настоящем» главнокомандовании, его столь же громадный государственный опыт, наконец, то уважение и доверие, которыми он пользовался в широких кругах общественности, создавали ему такое положение, что ему не мог быть противопоставлен ни один другой генерал, в том числе и ген. Деникин.

Описывая смерть ген. Корнилова^{III}, я писал, что естественным заместителем его в непосредственном командовании Добровольческой Армией являлся ген. Деникин. Но это не было равнозначным превращению ген. Деникина в вождя Белого Движения с претензиями на будущую диктатуру. Мы уже знаем, что генерал Корнилов, опираясь на симпатии к нему офицерского состава, произвел в начале января 1918 года своего рода внутренний переворот, имевший следствием устранение ген. М. В. Алексеева от главенствующей политической роли в Белом Движении и превращение командующего Добровольческой Армией в фактического вождя Белого Движения.

Смерть ген. Корнилова, казалось бы, представляла удобный случай для восстановления ген. М. В. Алексеева в его прежней политической роли.

Но начальник штаба ген. Корнилова — ген. Романовский, являвшийся одним из ярых представителей «быховской психологии»,

^I См. главу XII настоящего труда.

^{II} См. Приложение № 27.

^{III} См. главу XII настоящего труда.

и вероятно и сам ген. Деникин воспротивились выполнению этого шага по существу. Этим и объясняется то значение, которое они придавали формальной стороне вступления ген. Деникина в командование армией.

Согласно рассказу самого Деникина, он фактически вступил в командование без спроса ген. М. В. Алексеева. «В тот момент, когда от берега Кубани понесли носилки с прахом командующего, — пишет Деникин¹, — его начальник штаба обратился ко мне: “Вы примете командование армией?”» — «Да», — ответил Деникин. Единственно, что его затем беспокоило, — это соблюдение приличной формальной стороны по отношению к ген. М. В. Алексееву, в благожелательном отношении которого к себе ген. Деникин мог не сомневаться. Именно с этой целью ген. Деникин приписал в своем сообщении ген. Алексееву о своем самовольном вступлении в командование армией слово «доношу». Хотя, упоминая об этой приписке, ген. Деникин и объясняет ее как признание за ген. Алексеевым «естественного права» возглавления организации, это объяснение как-то не вяжется с последующими строками самого же Деникина: «вместе с Романовским Алексеев обсуждал проект приказа, причем оба остановились в нерешительности на одной технической детали: неписанная конституция Добровольческой власти не знала иного определения ее, как термином “командующий армией”. От чьего же имени отдавать приказ, как официально определить положение Алексеева? Романовский разрешил вопрос просто: “Подпишите — генерал от инфантерии... и больше ничего. Армия знает, кто такой ген. Алексеев”».

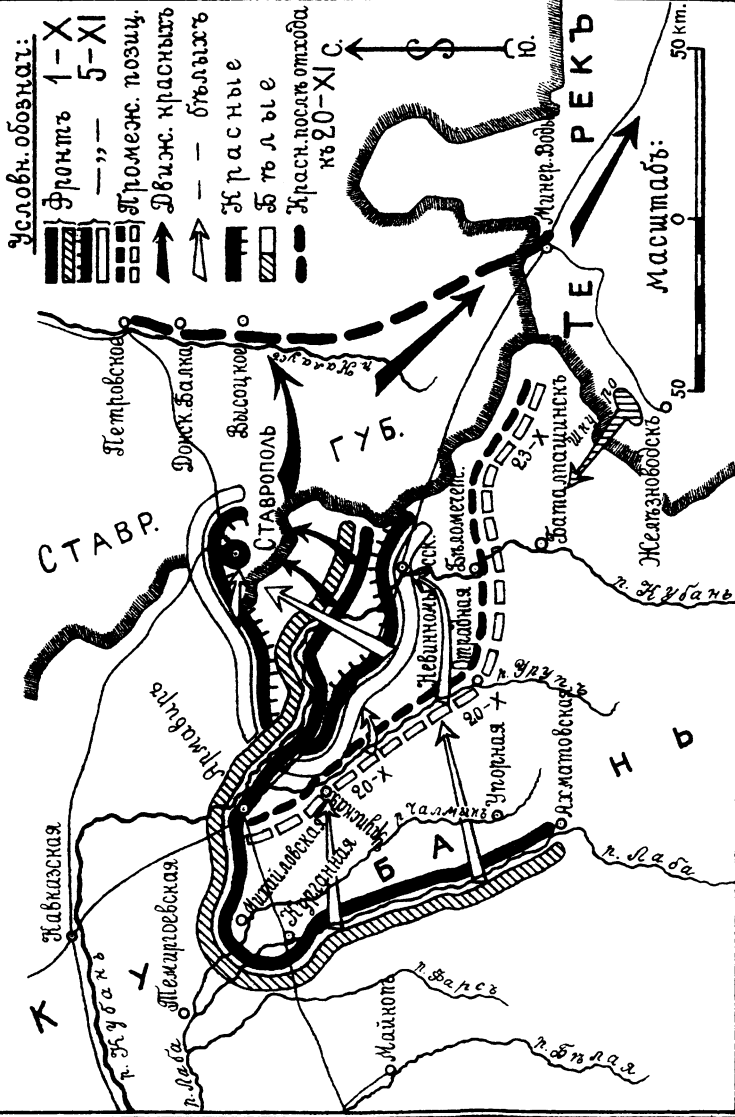
Возникшее затруднение вовсе не заключалось в «технической детали», как убеждает читателя ген. Деникин. Трудность дела заключалась именно в том, что ген. Деникин и Романовский хотели, с одной стороны, использовать моральный авторитет ген. Алексеева для придания вступлению ген. Деникина в командование Армией «легитимного» характера, а с другой стороны, они не хотели фактически возвращать ген. М. В. Алексееву узурпированные у него ген. Корниловым права Верховного руководителя. Упомянутая ген. Деникиным «неписанная конституция» и заключалась в присвоении командующим Добровольческой Армией не только прав по командованию армией, но и прав Верховного управления.

Я остановил внимание читателя на анализе этой, мелкой самой по себе подробности, ибо она помогает правильно понять ту психологию борьбы за власть на верхах Командования Добровольческой Армией, которая ничуть не сгладилась с выбытием из строя ген. Корнилова. Благожелательные взаимоотношения между ген. Алексеевым и ген. Деникиным сглаживали возможность столкновений на этой почве, столкновений, подобных тем, которые имели место при жизни Корнилова.

¹ Очерки Русской Смуты, т. III, с. 303. — Цитировано уже в главе XII.

ДѢЙСТВІЯ ДОБР. АРМІИ ВЪ ВОСТ. КУБАНИ.

С.Х. N15.

Несомненно, что тут также сказалось нежелание ген. Алексеева вступить в борьбу за власть. Это нежелание являлось следствием присущих ген. М. В. Алексееву скромности и смирения, а также его болезни.

Записей о пережитом в последние месяцы своей жизни ген. М. В. Алексеев не оставил. Но имеются свидетельства о выражавшемся иногда им в разговоре с друзьями сожалении о его фактическом, хотя и почетном, устранении от решающей политической роли и превращении его в сборщика средств для Добровольческой Армии.

Сохранились записи другой стороны, а именно ген. Деникина. Хотя и написанные субъективно, они тем не менее помогают освещению интересующего нас вопроса.

«С первого же дня моего командования, — пишет генерал Деникин¹, — без каких-либо переговоров, без приказов, просто по инерции утвердилась та неписанная конституция Добровольческой Армии, которой до известной степени разграничивался ранее круг ведения генералов Алексеева и Корнилова. Ген. Алексеев сохранил за собою общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я — **верховное управление армией** и командование».

Из этих слов А. И. Деникина мы можем заключить, что Верховным руководителем Добровольческой Армией он считал себя, а не ген. М. В. Алексеева. «За всё время нашего совместного руководства, — пишет далее ген. Деникин, — этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами не было ни разу разговора о пределах компетенции нашей власти. Этим обстоятельством определяется всецело характер наших взаимоотношений и мера взаимного доверия, допускавшая такой своеобразный дуализм. Щепетильность в этом отношении ген. Алексеева была удивительна — даже во внешних проявлениях. Помню, в мае, в Егорлыцкой, куда мы приехали оба беседовать с войсками, состоялся смотр гарнизону. Несмотря на все мои просьбы, он не согласился принять парад, предоставив это мне... Я чувствовал себя не раз очень смущенным перед строем войск, когда старый и всеми уважаемый вождь ехал за мной. Кажется, один только раз, после взятия Екатеринодара я убедил его принять парад дивизия Покровского, сказав, что я уже смотрел ее. В то же время на всех заседаниях, конференциях, совещаниях по вопросам государственным, на всех общественных торжествах первое место бесспорно и неотъемлемо принадлежало Михаилу Васильевичу».

Таковы были внешние отношения между ген. Алексеевым и ген. Деникиным. Однако, как только вопрос касался той «неписанной конституции», на которую так любит ссылаться ген. Деникин, уступчивость последнего и его Штаба прекращалась. Так обстояло дело

¹ Очерки Русской Смуты, т. III, с. 128.

с назначением лиц, возглавляющих военно-политические центры. Как я уже говорил в главе XI, ген. Корнилов, вскоре после учреждения «триумvirата» (Каледин—Алексеев—Корнилов), произвел своего рода внутренний переворот, потребовав себе права назначать этих лиц, чем фактически получил возможность вести свою собственную политику независимо от ген. Алексева. А так как реальная сила, в виде Добровольческой Армии, находилась в руках командующего этой армией, то на практике реальное значение получала политика последнего, политика же ген. Алексева сводилась к категории добрых пожеланий. Ген. Деникин и ген. Романовский ревниво оберегали эти права в своих руках, чем сохраняли за собой фактическое политическое возглавление Белого Движения. До какой степени доходила в этом отношении их ревность, свидетельствуется следующими строками самого же ген. Деникина^I: «По инициативе “отдела”^{II} и за подписью Лисового¹⁸⁵... неожиданно появилось в газетах сообщение, вносившее серьезное изменение в “конституцию”^{III} Добровольческой Армии. В этом сообщении “ввиду неправильного осведомления общества” разъяснялась сущность Добровольческой иерархии, причем ген. Алексеев был назван “Верховным Руководителем Добровольческой Армии”. Так как в моих глазах моральное главенство ген. Алексева было и без того неоспоримым, то официальное сообщение не могло внести в жизнь армии каких-либо перемен, тем более что практика “дуализма” осталась без ущерба...»

Такого «дуализма власти» в действительности не существовало. На самом деле существовала только одна реальная власть — власть командования Добровольческой Армии, которое стремилось только для упрочения своего морального авторитета использовать личный авторитет М. В. Алексева.

По мере изгнания большевиков из западной части Северного Кавказа освобожденная территория поступала или в ведение Кубанского правительства, или^{IV}, «впредь до воссоединения и создания верховной власти Русского Государства», «подчинялась» в порядке верховного управления командованию Добровольческой Армией^V. Таким образом, фактическое управление освобождаемой от большевиков территории тоже попадало в руки командующего Добровольческой Армией, а не генерала М. В. Алексева.

^I Очерки Русской Смуты, т. III, с. 129.

^{II} «Военно-политический отдел» являлся канцелярией ген. М. В. Алексева. Начальником этого отдела был полковник Ген. штаба Лисовой. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Напомню: «неписанную». — *Прим. Н. Н. Г.*

^{IV} Части Ставропольской и Черноморской губерний.

^V Приказ о Черноморской губ. 14 авг. (ст. ст.), № 7.

Но этот опыт военно-походного управления, по заявлению самого ген. Деникина¹, в первый же месяц оказался неудачным. Тогда, в конце августа, по предложению генерала Лукомского, являвшегося помощником ген. Деникина по гражданской части, было создано под председательством ген. М. В. Алексеева Особое Совещание для разрешения вопросов, связанных с восстановлением нормальной жизни на территории, освобождаемой от власти большевиков. По его мысли совещанию предоставлялась роль, исключительно отвечающая его названию, именно — «давать заключения по делам, вносимым на его рассмотрение главным командованием»^{II}.

Выражаясь более простым языком, ген. М. В. Алексеев привлекался для совета, при этом необязательного для командующего Добровольческой Армией, но не к фактической власти.

Первый проект «Положения» об Особом Совещании, прошедший через руки ген. Алексеева, несколько расширил значение Особого Совещания. Этот проект так определял цель создания этого органа:

А. Разработка всех вопросов, связанных с восстановлением органов государственного управления и самоуправления в местностях, на которые распространяется власть и влияние Добровольческой Армии.

Б. Обсуждение и подготовка временных законов по всем отраслям государственного устройства, как местного значения по управлению областями, вошедшими в сферу влияния Добровольческой Армии, так и в широком государственном масштабе по воссозданию великодержавной России в прежних ее пределах.

В. Организации сношений со всеми областями бывшей Российской Империи для выяснения истинного положения дел в них, и для связи с их правительствами и политическими партиями для совместной работы по воссозданию великодержавной России.

Г. Организация сношений с представителями держав Согласия, бывших в союзе с нами, выработка планов совместных действий в борьбе против коалиции Центральных держав.

Д. Выяснения местонахождения и установление тесной связи со всеми выдающимися деятелями по всем отраслям государственного управления, а также с наиболее видными представителями общественного и земского самоуправления, торговли, промышленности и финансов для привлечения их в нужную минуту к самому широкому государственному строительству.

Е. Привлечение лиц, упомянутых в § Д, к разрешению текущих вопросов, выдвигаемых жизнью.

¹ Очерки Русской Смуты, т. III, с. 180 и 264.

^{II} Деникин. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 264.

Особое Совещание заключало следующие отделы: государственного устройства, внутренних дел, дипломатическо-агитационный, финансовый, торговли и промышленности, продовольствия и снабжения, земледелия, путей сообщения, юстиции, народного просвещения и контроля.

По свидетельству ген. Деникина, в первоначальном проекте Положения об Особом Совещании «отразилась в значительной мере существовавшая практика дуализма власти, которую не желал нарушать составитель его, создавая один общий орган для двух соправителей. На «больших заседаниях», под председательством ген. Алексеева, должны были разрешаться «наиболее серьезные вопросы общегосударственного значения и рассмотрение сложных законопроектов, затрагивающих интересы нескольких ведомств». На «малых заседаниях»^I под моим председательством предполагалось разрешать «в спешном порядке не терпящие отлагательства вопросы текущей жизни, связанные с установлением гражданского правопорядка в местностях, занятых Добровольческой Армией».

Таким образом, и с созданием Особого Совещания по проекту, получившему утверждение ген. М. В. Алексеева, на долю последнего все-таки оставалась деятельность по существу академического характера. Фактическая же власть по-прежнему удерживалась в руках ген. Деникина.

Как умный человек, ген. М. В. Алексеев не мог не понять, сразу же по вступлении Деникина в командование Добровольческой Армией, создавшееся для него реальное положение. Поэтому он и решил уехать в Сибирь. Он не останавливался даже перед тем, чтобы покинуть свое детище, ибо Добровольческая Армия, выросшая из «Алексеевской организации», была фактически таковым, и ехать, в общем, на неизвестное и притом еще будучи пораженным тяжелым недугом. В начале августа ген. Алексеев подтвердил ген. Деникину свое намерение «выехать в Уфу, как только явится возможность сколько-нибудь верного сообщения и когда состояние его здоровья позволит ему совершить путешествие»^{II}. Он предполагал выждать продвижения армии по Северному Кавказу и пробраться в Сибирь через Петровск и Уральскую область. «Михаил Васильевич не поделился ни со мной, ни с Драгомировым»^{III} своими дальнейшими планами... — замечает ген. Деникин^{IV}. — ...Но состояние здоровья М. В. стало уже совсем плохо; все близкие понимали, что ни о каком переезде не может быть речи... ..Последние 2—3 недели М. В. почти не вставал с постели, никого не принимал

^I С участием представителей заинтересованных ведомств.

^{II} Деникин. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 266.

^{III} Назначенного помощником ген. М. В. Алексеева.

^{IV} Очерки Русской Смуты, т. III, с. 266.

и выслушивал лишь изредка важнейшие доклады ген. Драгомирова, предоставив ему разрешение всех остальных дел...»

Во второй половине сентября состояние здоровья ген. М. В. Алексеева стало окончательно безнадежным.

К этому периоду и относится превращение так называемой ген. Деникиным «неписанной» конституции в писанную. Проект этой конституции, под названием «Временное положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией»^I, и был утвержден ген. Деникиным. В этом проекте за ген. М. В. Алексеевым утверждался титул «Верховного руководителя Добровольческой Армии», чему раньше, как мы видели выше, ген. Деникин не сочувствовал. Объяснение этой перемены в мнении ген. Деникина можно прочесть в следующих строках его воспоминаний^{II}: «В проектах вслед за титулом “Верховный Руководитель” появилось в скобках слово “Главкомандующий”... “Или, или”... многозначительное и жуткое напоминание о предстоящем событии — горестном и неизбежном»...

Обсуждая вопрос о той форме Верховной власти, которая устанавливалась этой «Конституцией», ген. Деникин, автор «Положения о триумvirате»^{III}, затем защитник «дуализма», теперь так излагает свои мысли^{IV}:

«Для ген. Алексеева (вначале), для меня и старших военных начальников вопрос оформления^V власти имел далеко не академическое значение. Мы все считали единоличную власть единственно возможной в условиях борьбы с многоликостью по форме, но сконцентрированной диктаторской властью Совета. Но если бы мы и держались иного взгляда, то провести его в жизнь не смогли бы... Единоличной диктатуре противопоставлялась трех- или многочленная директория. Конечно, — **коалиционная**, ибо однородная — тем более военная — была бы нелепым разбродом сил. Мы пережили уже в малом масштабе подобие такой директории зимою 1917—1918 гг.^{VI}...

Ко мне неоднократно обращались впоследствии представители левой общественности с предложением “укрепить” мою власть пристройкой к ней двух лиц — “кадета” и “самого мирного социалиста”. Это была идея, быть может, не лишенная известного теоретического обоснования, но тем не менее совершенно праздная, не считавшаяся вовсе с психологией тогдашней армии.

^I См. Приложение № 75.

^{II} Очерки Русской Смуты, т. III, с. 270.

^{III} См. главу XI.

^{IV} Очерки Русской Смуты, т. III, с. 270—271.

^V В оригинале у Деникина — «о форме». — *Прим. ред.*

^{VI} Триумvirат: Алексеев—Корнилов—Каледин. — *Прим. А. И. Деникина.*

Армия, которая тогда беспрекословно исполняла веления Главнокомандующего в кратчайший срок и, во всяком случае, при первой же неудаче вышла бы из подчинения и свергла бы директорию.

21 сентября^I проект конституции был готов окончательно. А 25 сентября^{II} окончил жизнь Верховный Руководитель Добровольческой Армии ген. Алексеев... Я принял звание “Главнокомандующего”, объединив власть командования и управления. Передо мной открывался новый путь, на котором судьба приуготовила много радостных событий, возбуждавших надежду на близкое спасение страны, но еще более — тяжких сокрушительных ударов».

Борьба с Кубанской властью

17 августа Кубанское правительство и Рада устроили торжественную встречу командующему Добровольческой Армией ген. Деникину в Екатеринодаре.

«В приветственных речах на вокзале, потом в застольных, в войсковом собрании, Кубанские правители — Филимонов^{III}, Быч^{IV}, Рябовол^V и др. превозносили заслуги Добровольческой Армии и ее вождей, и главное, свидетельствовали — в особенности устами атамана — о своей преданности национальной идее. “Кубань отлично сознает, что она может быть счастливой только при условии единства Матери-России”, — говорил атаман...»^{VI}.

Но окончились празднества, отзвучали речи и настали деловые будни. Между Кубанским правительством и Командованием Добровольческой Армии начались повседневные трения. «Совершенно невозможно перечислить все те мелкие поводы, главным образом материального характера, — записывает ген. Деникин^{VII}, — которые возникали ежедневно и портили наши отношения. Я остановлюсь лишь на той группе фактов, которую приводило само Кубанское правительство в обращении к ген. Алексееву и ко мне^{VIII}»:

1) Вмешательство проходящих добровольческих отрядов во внутреннюю жизнь станиц и городов.

^I По ст. стилю. По новому стилю — 4 октября. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} По ст. стилю. По новому стилю — 9 октября. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Полк. Филимонов — Войсковой Атаман. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{IV} Председатель Кубанского правительства. — *Прим. Н. Н. Г.*

^V Председатель Законодательной Рады. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{VI} *Деникин. Очерки Русской Смуты*, т. III, с. 201.

^{VII} Там же, с. 202.

^{VIII} Сношение Председателя Кубанского правительства Быча, от 18 августа (31 августа по новому стилю).

2) Реквизиции, производимые армией, в особенности большевистских складов, запасов и имущества, которые Кубанское правительство считало своим призом.

3) Сбор продовольствия и отвод квартир непосредственным распоряжением органов армии, помимо Кубанских учреждений.

Несомненно, претензии Кубанского правительства имели немало оснований, но далеко не исчерпывали вопроса. За быстрым движением армии не поспевало административное устройство края... Органы снабжения и продовольствия Кубанского правительства — малочисленные и немощные — не в состоянии были удовлетворить потребности разбросанной на огромном протяжении армии... С обеих сторон — армейских и Кубанских органов снабжения — проявилось полное недоверие друг к другу и борьба за свои интересы, не умеряемая **общей, единой властью**».

Нельзя не согласиться с ген. Деникиным, что, конечно, вся суть всех этих трений заключалась в отсутствии единой власти. Добровольческая Армия считала себя государством в государстве, и командующий ее не желал признавать на Кубани верховной власти Кубанского правительства. Кубанское же правительство, базируясь на своем выборном происхождении, не считало себя вправе признавать за Верховную власть командование Добровольческой Армии.

Вследствие этого всякие, даже небольшие повседневные трения осложнялись, ибо в конечном итоге приводили к борьбе за верховную власть над Кубанью.

Ген. Деникин считал, что Кубань должна подчиниться упомянутому выше «Временному Положению об Управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией»^I, называемому ген. Деникиным «конституцией Добровольческой Армии». Это же Положение, составленное верхами Добровольческой Армии^{II}, устанавливало диктаторскую власть ген. Деникина над всеми освобожденными от большевиков территориями, предоставляя Кубани лишь права автономной области. При этом § 28 раздела шестого этого «Положения», трактующего об «автономии Кубанской области», гласил: «Основной закон об управлении Кубанской областью вырабатывается в пределах настоящего Положения Кубанской Краевой Радой и утверждается и обнародуется ВРДА^{III}. В этом же порядке производится, в случае нужды, пересмотр основного закона».

^I См. Приложение № 75.

^{II} Комиссией под председательством ген. А. М. Драгомирова.

^{III} Верховным Руководителем Добр. Армии, которым являлся, после смерти ген. М. В. Алексева, Главнокомандующий Добровольческой Армией. — *Прим. Н. Н. Г.*

Приведенный только что текст § 28 сам по себе показывает, насколько проблематичной была та «автономия», которая предоставлялась Кубани рассматриваемым нами «Положением». Эта проблематичность становится еще большей, если мы примем во внимание ту основную мысль, которой руководствовался сам ген. Деникин, обретавший, согласно этому Положению, диктаторскую власть. Для суждения об этом может служить следующий факт: «Та же Комиссия ген. А. М. Драгомирова предложила другой вариант “Временного Положения”. По этому варианту оно должно было ограничиваться лишь первыми пятью отделами, а вместо шестого предполагалось издать особый акт, получивший наименование “Положения о Северо-Кавказском Союзе”. Этот акт, составленный по договору с суверенной Кубанью, передавал бы в руки Верховной Власти Главнокомандования Добровольческой Армии некоторые права, ограничивавшие государственные функции Кубанского правительства¹.

Этот вариант Временного Положения не был утвержден ген. Деникиным, так как он считал, что в таком виде Положение «недостаточно обеспечивало полноту власти, необходимую для борьбы, не устраняло существовавших трений, в особенности материального порядка (?) и не отвечало тому положению, которое должна будет занять Кубанская область в строе Российской Державы»¹¹.

Ген. Деникин являлся ярким выразителем идеи немедленного восстановления единства России в прежней форме унитарного и централизованного государства. Восстановление этого единства должно было, по его убеждению, производиться сразу же вокруг Добровольческой Армии. Кубанское же казачество, так же как и Донское, тоже стремилось к восстановлению единства России, но оно хотело будущую Россию в виде федерации, в которую вольются различные области после восстановления в них должного порядка. «Единая Кубань в единой федеративной Российской республике», — таков был лозунг, выкинутый Кубанской объединенной группой федералистов-республиканцев¹¹¹. Подавляющее же большинство Кубанского казачества было настроено еще более умеренно. «Через автономную Кубань к единой России», — вот как наиболее верно может быть формулирована его точка зрения.

Здесь историка невольно поражает сходство внутренних процессов, происходивших в недрах контрреволюционного движения на Востоке

¹ См. Приложение № 76.

¹¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. III, с. 270.

¹¹¹ «Программа и тактика Кубанской объединенной группы федералистов-республиканцев», — цитировано у Деникина: Очерки Русской Смуты, т. V, с. 199.

и Юге России. На Востоке мы встречали аналогичные лозунги: «Через автономную Сибирь к Свободной России». Если мы углубим наше сравнение, то мы увидим, что на Юге России, так же как на ее Востоке, против «областного» противобольшевицкого движения выступили представители Всероссийского противобольшевицкого движения. На Востоке России это было Самарское правительство, на Юге — «Правительство Добровольческой Армии». При этом самое интересное в социологическом отношении тут то, что оба эти правительства, претендующие на всероссийскую роль, принадлежали не только к совершенно различным политическим лагерям, но в полном смысле слова являлись политическими врагами.

Это тождество позволяет увидеть в сложном комплексе русской контрреволюции одну из нитей объективного социального процесса, не зависящего от политических этикеток тех, кто является проводниками его. И на Востоке, и на Юге России мы видим борьбу двух начал. Одно из них — «областничество», другое — «великорусский империализм». Первое явилось естественным психическим продуктом революции. Аналогичное явление происходило и во время большой французской революции. Второе являлось тоже психическим продуктом, но только не революции, а предшествовавшего ей императорского периода истории России. За два с небольшим века этого периода Россия, приобщенная железной рукой Петра Великого к европейской культуре, стала Великой Державой. В условиях этого великодержавия России и выросла русская интеллигенция всех политических оттенков. Поэтому идея Великой России была одинаково близка сердцу и русского офицера, шедшего умирать за Россию на полях битв, и социалиста-революционера, борющегося в тылу против Царской власти. Различие было не в чувстве, а в том, в каком виде хотел увидеть Великую Россию каждый из них. Максимализм и нетерпимость к инакомыслящим, присущие русской интеллигенции, вследствие оторванности ее от народных масс, приводили к тому, что чувство «Всероссийского» патриотизма легко принимало характер «Великорусского империализма» в тех слоях русской интеллигенции, которые были в большей степени оторваны от народных низов. Это и имело место в среде представителей центральных организаций политических партий, а также и на верхах русской бюрократии и Русской армии...

Как я говорил выше¹, в Кубанском казачестве существовала историческая предпосылка, обуславливавшая в нем возможность более сильно выраженных «автономных» тенденций, нежели в каком-либо ином казачестве. Этой исторической предпосылкой было происхождение

¹ См. главу X.

ние одной из составных частей Кубанского казачества, так называемого «Черноморского» казачества, от переселенной Императрицей Екатериной Великой на Кубань «Запорожской Сечи». Но, как пишет в своих воспоминаниях кубанский атаман полк. Филимонов¹, в первый период его атаманства (до ноября 1918 года) «и помину не было о том течении, которое впоследствии вылилось в самостийничество. Происходило только соперничество между двумя половинами казаков: черноморцами и линейцами. Черноморцы, ведя свою генеалогию от запорожцев, несколько свысока смотрели на линейцев, пришедших с Дона, и еще в дореволюционное время всегда старались играть первенствующую роль в делах войска, что им в значительной мере и удавалось... Линейцы волновались, немного роптали по станицам, но рознь эта мало отражалась на жизни казаков, а в строевых частях совсем не чувствовалась».

Кубанское самостийничество родилось как протест против политики командования Добровольческой Армии. Оно, впрочем, по существу дела было не проявлением сепаратизма по отношению к России, а лишь нежеланием признать Командование Добровольческой Армии за Всероссийскую верховную власть.

«Были ли все нападки самостийных кругов на политику и власть Юга голословными и необоснованными?» — спрашивает ген. Деникин в своем заключительном томе^{II}. И вот как он сам себе отвечает: «К сожалению, не всегда. Наши настроения давали им не раз основания, скорее, впрочем, в масштабе общегосударственном, чем в краевом. Основания, которые к тому же в азарте политической борьбы и в преломлении сквозь призму социалистически-самостийной идеологии приобретали не раз преувеличенную и извращенную окраску. Давали ли мы поводы к обострению отношений? Помимо принципиального расхождения, наше не слишком почтительное отношение к людям, попавшим на роли народных избранников, законодателей и министров, вызывало обиды и уязвленные самолюбия. Атаман Филимонов этому обстоятельству приписывал даже исключительное значение в развитии Кубанской фронды: “Протестантство Быча, Савицкого¹⁸⁶ и друг., — писал он мне 2 декабря 1919 года, — выросло не столько на почве политической и партийной борьбы (какой там Савицкий партийный человек), сколько под влиянием постоянно уязвляемого самолюбия во время первого Кубанского похода определенно презрительным отношением к ним чинов Добровольческой Армии... Я был постоянным свидетелем бешенства их по поводу недостаточно внимательного отношения к избранникам народа с Вашей стороны и со стороны Штаба Армии...”»

¹ [Филимонов А. П.] Кубанцы // Белое Дело, т. II, с. 68.

^{II} Очерки Русской Смуты, т. V, с. 198.

Подтверждение этому упреку мы можем найти и в воспоминаниях обоих войсковых Атаманов, Кубанского и Донского, имевших близкое соприкосновение с ген. Деникиным и ген. Романовским.

Вот рассказ Кубанского Атамана полк. Филимонова о той неуважительной форме, в которой он, — избранный Кубанским казачеством глава, был приглашен начальником штаба Добровольческой Армии ген. Романовским на первое совещание в ауле Шенджий¹:

«14 марта вновь испеченный ген. Покровский поехал вместе с начальником штаба полк. Науменко¹⁸⁷ в Шенджий на свидание с ген. Алексеевым и Корниловым. По возвращении они сообщили, что были приняты ставкой добровольцев довольно холодно...

Покровский сообщил мне и то, что по дороге в Шенджий они встретили конного нарочного, который вез ко мне открытое отношение ген. Романовского с приглашением меня на совещание в Шенджий. Приглашение было написано карандашом на клочке бумаге и адресовано: полк. Филимонову. Покровский и Науменко признали такую форму обращения к Кубанскому Войсковому Атаману оскорбительной для всех Кубанцев. Бумагу взяли себе, а нарочного вернули обратно. На вопрос ген. Романовского: “Почему не приехал Филимонов?” — Покровский будто бы дал понять генералу необходимость более корректного отношения к представителю всего войска».

А вот запись Донского Атамана, характеризующая отношения самого ген. Деникина к избранным Кубанским казачеством властям.

«Ген. Деникин, — пишет ген. Краснов¹¹, — оказался в центре самых сложных и запутанных политических интриг. Он поставил на своем знамени «Единую и Неделимую Россию», и всё то, что не совпадало с этим, было ему ненавистно, и он враждебно к этому относился. Скоропадский¹¹¹ был изменником, изменниками были все украинцы, а с ними были и руководители Рады — Быч, Рябовол, П. Л. Макаренко¹⁸⁸ и все те, которые мечтали о федерации. Как-то, несколько позднее, генерал Деникин был на большом официальном обеде у Кубанского Атамана в его дворце. Над дворцом, подобно тому как это было на Дону, реял свой Кубанский национальный флаг. Атаман сидел на первом месте. Деникин на втором. Это его оскорбило и взорвало. Когда дошло дело до речей, он сказал почти буквально следующее: “Недавно над этим дворцом развевалось красное знамя и под ними во дворце сидела разная сволочь. Теперь над дворцом развевается знамя иных цветов

¹ *Филимонов А. П.* Кубанцы (1917–1918) // Белое Дело, т. II, с. 97–98.

¹¹ *Всевеликое Войско Донское* // Архив Русской революции, т. V, с. 257 и 258.

¹¹¹ Гетман Украины. — *Прим. Н. Н. Г.*

и сидят иные, прочие люди. Я жду, когда над этим дворцом взвывается флаг единой великой России. За единую, неделимую Россию, ура"...»^I.

В своем месте^{II} я подробно остановился на рассмотрении генезиса того интенсивного патриотического, но в то же время крайне узкого и нетерпимого мировоззрения, которое получило особенно заостренное выражение в «быховцах». При такой «быховской психологии» ни ген. Деникин, ни, в особенности, его влиятельный начальник штаба ген. Романовский, конечно, не могли разобраться в крайне сложном политическом комплексе, создавшемся летом 1918 года на Кубани. Быч, Рябовол, Макаренко и другие представители «черноморцев» принадлежали к той части интеллигенции, которая называлась в 1917 году «революционной демократией». Этого было достаточно, чтобы в Добровольческой Армии их считали антипатриотами и сочувствующими большевикам. И это вопреки их энергичной борьбе с последними, определенно засвидетельствованной в воспоминаниях Кубанского Атамана полк. Филимонова. Большинство политических лидеров Черноморцев стояло за союз с Украиной; несомненно, что в основе этого желания лежало стремление вступить в сношения с Германией, войну с которой они считали законченной. Этого было достаточно для того, чтобы представители «быховской психологии» окрестили их предателями России. «Черноморская группа» выкинула своим лозунгом «Через федерацию к Единой России»^{III}. Но подобный лозунг противоречил немедленному же созданию «Единой и неделимой России», при этом признающей только одну дискреционную и неограниченную власть ген. Деникина.

Такое принципиальное разногласие и приводило к тому, что «Положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией» не могло получить одобрения Кубанского правительства. «Кубанцы, — пишет ген. Деникин^{IV}, — не удовлетворялись проектируемыми пределами автономии и отстаивали свободу внешних отношений Кубани^V, самостоятельность ее в области товарообмена и **самостоятельную Кубанскую армию**^{VI}; они совершенно непримиримо отнеслись к единоличной диктатуре^{VII}, противопоставляя ей власть коллегиальную...»

^I См. также статью Кубанского Войскового Атамана Филимонова в томе V «Архива Русской революции», где он торжественно рассказывает про тот же случай. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} См. главу VI.

^{III} *Деникин*. Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 60.

^{IV} Там же, с. 42—43.

^V Вопрос шел о сношениях с Украиной, Грузией и другими освобожденными от большевиков областями. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{VI} Подчеркнуто Деникиным.

^{VII} Деникина. — *Прим. Н. Н. Г.*

Для решения вопроса об организации власти Кубанское правительство собрало в ноябре «Чрезвычайную Раду»^I. 89 % этой Рады составляли казаки и 11 % — иногородние. По общественному положению состав ее определялся следующими цифрами: 25 % — офицеров^{II}, 15 % — прочей казачьей интеллигенции и 60 % — рядовых казаков и крестьян. Хотя председателем и был переизбран лидер «черноморцев» Рябовол, большинство Рады принадлежало к умеренному крылу казачества — «линейцам». Это крыло и победило, переизбрав войсковым Атаманом полк. Филимонова^{III}, тоже «линейца» и казачьего вождя крайне умеренного направления.

Отношение Рады к Добровольческой Армии, по свидетельству самого ген. Деникина, «было вполне благоприятным»^{IV}. Однако вскоре же после созыва Рады между ней и Командованием Добровольческой Армии вспыхнул острый конфликт. Дело заключалось в том, что 24 ноября, по получении известия о заключении между Антантой и Центральными державами перемирия председатель Кубанского правительства Быч внес проект декларации, определявшей основные вехи Кубанской политики в изменившейся международной обстановке:

«1. Образование на территории бывшего государства Российского самостоятельных государственных образований и принятие ими на себя верховной власти было актом неизбежным, и в то же время актом самосохранения.

2. Основной задачей всех этих государственных образований является борьба с большевизмом, далеко еще не изжившим себя в Центральной и Северной России.

3. Для успешной борьбы необходимо в самое ближайшее время образование единого боевого фронта и единого командования^V.

4. Необходима организация единого представительства от южнорусских государственных образований на предстоящей мирной конференции. Необходимо немедленно, не ожидая образования федеративной власти в освобожденных от анархии областях, принять меры к организации общего международного представительства.

^I Так назывался у Кубанского казачества Большой Войсковой Круг с учредительными полномочиями.

^{II} В том числе четыре представителя от Добр. Армии по назначению ген. Деникина; в их числе — ген. Лукомский.

^{III} Произведенного затем Радой в генерал-лейтенанты.

^{IV} Деникин. Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 45.

^V Быч формулировал это положение так: «Каждым членом союза организуются свои армии, из которых выделяются по особому распоряжению войсковые части, всецело подчиненные верховному командованию».

5. Для достижения целей, поставленных §§ 3 и 4, необходимо образование южнорусского союза на федеративных началах.

6. Воссоздание России возможно в форме Всероссийской федеративной республики.

7. Кубанский край должен войти в состав Российской Федерации как член федерации.

8. Кубанская Краевая рада, ставя своей задачей борьбу с большевизмом, стремится к проведению в жизнь принципов широкого народовластия.

9. Восстановление будущей формы правления в государстве Российском население Кубанского края ставит в зависимость от волеизъявления народа во Всероссийском Учредительном Собрании нового созыва».

В заключительном своем слове Быч заявил, что у Украины, Дона, Кубани, Грузии и т. д. одна дорога, и противоположности интересов нет. Что в этом объединении должна участвовать и Добровольческая Армия, как «носительница государственной идеи»¹.

Рада почти единогласно приняла все тезисы декларации Быча.

«В тот же день, переговорив со мной, — пишет А. И. Деникин^{II}, — ген. Лукомский сделал в Раде от моего имени заявление об отозвании представителей Армии, указав, что “в дальнейших своих работах главнокомандующий не может быть связан решением Рады”».

В Екатеринодаре создалась психически чрезвычайно напряженная обстановка.

«В один из ближайших дней ген. Романовский доложил мне, — вспоминает А. И. Деникин^{III}, — что ген. Покровский и полк. Шкуро, введя в Екатеринодар свои конвойные сотни, решили произвести переворот, предполагая расправиться с черноморскими лидерами и понудить атамана, полковника Филимонова, принять на себя всю полноту власти. Филимонов, к которому они обратились с этим предложением, пришел в большое смущение и наотрез отказался.

Я приказал начальнику штаба вызвать ген. Покровского и передать ему, что категорически воспрещаю выступление.

Кубанские правители считали, тем не менее, несомненным участие в предполагавшемся перевороте и Добровольческих частей. Позднее в мои руки попала «диспозиция на случай тревоги», составленная кубанским комендантом Екатеринодара полк. Ледовским¹⁸⁹, и кубанским

¹ Заседание 11/24 ноября 1918 года; цитировано у ген. Деникина: Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 49.

^{II} Очерки Русской Смуты, с. 50.

^{III} Там же.

«военным министром» полк. Савицким. В ней указывалось подробно занятие городских кварталов «верными правительству» кубанскими запасными частями, которым вменялось в обязанность встречать пулеметами **всякую** воинскую часть, показавшуюся на улицах города...»

Опасения Кубанского правительства и Рады относительно возможного применения против них насильственных действий были не столь необоснованными, как то может показаться из только что приведенной выдержки ген. Деникина. На следующей же странице своих воспоминаний он сам рассказывает тот ответ, который он дал ген. Драгомирову и ген. Лукомскому по этому поводу.

«Я сказал, — пишет ген. Деникин¹, — дело не в степени решимости, а в холодном учете таких факторов, как военно-политическое положение и состав Армии. Быть может, однако, я ошибаюсь. И если вы скажете мне сейчас, что насильственные меры приведут к положительным результатам, я завтра же Корниловским полком разгромяю Кубанское правительство...

Оба ответили — нет.

Были, однако, группы, задавшие целью вызвать настолько серьезный разрыв между кубанской и добровольческой властью, чтобы принудить командование к решительным шагам. Одним из результатов их деятельности, без сомнения, было последовавшее позднее убийство Рябовола».

Кубанский Атаман ген. Филимонов в своих воспоминаниях под заглавием «Разгром Кубанской Рады»^{II} (в 1919 г.) утверждает, что «расправа с Радой намечалась еще в конце 1918 года»^{III}. Незадолго до того, когда я вторично был избран Кубанским Атаманом и оппозиция, возглавляемая председателем Кубанского правительства Бычом, потерпела поражение, ко мне приходили генералы Покровский и Шкуро и предлагали при их содействии взять всю власть в свои руки. Я тогда категорически запротестовал против такого проекта и, как Атаман, потребовал, чтобы этого не делалось. Покровский и Шкуро тогда отказались от своей затеи. Такая мысль мне неоднократно подсказывалась и во время разговоров с Деникиным. Особенно настаивал на этом его помощник. — «Совершенно не понимаю вашего характера, — говорил он. — Как вы терпите всё это? Почему вы не разгоните Раду?» — «Это слишком упрощенный, грубо-примитивный способ борьбы», — возражал я своим собеседникам, доказывая, что разгон Рады — мера весьма опасная и чреватая серьезными последствиями».

^I Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 52.

^{II} Помещены в «Архиве Русской революции», т. V, с. 322–329.

^{III} То есть в рассматриваемое здесь время. — *Прим. Н. Н. Г.*

18 декабря Рада утвердила Кубанскую конституцию¹; которой была предпослана следующая декларация:

«Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью.

Ныне же Кубанский край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собой всю полноту государственной власти в пределах края и управляется органами, поставленными его населением.

«Носителями законодательной власти» в Кубанском крае признаны были Краевая и Законодательная рада, «носителями исполнительной власти» — атаман и ответственное перед Законодательной радой правительство.

Эта «Кубанская конституция» в корне расходилась с «Временным Положением об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией», и таким образом спор за власть, возникший между Добровольческой Армией и Кубанским правительством, не получил разрешения.

Правда, с целью успокоения Командования Добровольческой Армии, Рада в своем заседании от 7 декабря постановила, что «первые два пункта постановления Рады от 24 ноября^{II} должны рассматриваться как удостоверение существующего политического положения, а последние: семь пунктов — как выражение мысли и пожеланий Рады...»^{III}.

Это, конечно, не было тем решением, которого добивалось Командование Добровольческой Армии. И в результате, по верному замечанию ген. Деникина^{IV}, «всё осталось по-прежнему: двоевластие, две взаимно исключаящих друг друга конституции (края и Армии) и в качестве единственного источника права — принятое Добровольческой Армией и оспариваемое кубанцами Положение о полевом управлении войск»^V.

^I «Временное Положение об управлении Кубанским краем», приведенное в Приложении № 77. Это «Временное Положение» было чрезвычайно схоже с Основными Законами Всевеликого Войска Донского, принятыми Большим Войсковым Крутом 28 сентября (нов. стиля) 1918 года и приведенными в Приложении № 73 к настоящему труду.

^{II} См. вышеприведенные «тезисы» Быча.

^{III} Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 51.

^{IV} Там же, с. 51–52.

^V «Положением о полевом управлении войск» именовался сборник законоположений, устанавливавших во время войны порядок управления войсками, а также страной, занятой ими. Последняя редакция нашего «Положения о полевом управлении войск» была утверждена Императором Николаем II в июле 1914 года. — *Прим. Н. Н. Г.*

Для того чтобы понять весь смысл последних слов ген. Деникина о том, что единственным, по его мнению, источником его прав над Кубанью являлось «Положение о полевом управлении войск», нужно привести его официальное заявление, сделанное им 8 октября на Совещании представителей Грузинской республики, Краевого Кубанского правительства и Добровольческой Армии. «Добровольческая Армия, — заявил ген. Деникин¹, — занимающая сейчас **по праву войны** Ставропольскую губернию и Кубань, ставит, понятно, при занятии свои власти». Выражаясь иными словами, ген. Деникин считал, что Кубань являлась завоеванной им страной.

Вражда с Грузией

Вот как ген. А. И. Деникин излагает в своем печатном труде начало своих взаимоотношений с Грузией^{II}:

«Когда войска Добровольческой Армии продвинулись к Новороссийску, получено было известие, что в районе Туапсе с 24 июня (по старому стилю) находился небольшой грузинский отряд^{III} под начальством ген. Мазниева¹⁹⁰, к которому примкнуло несколько сотен Кубанских казаков Майкопского отдела. В начале сентября (по старому стилю) этот отряд оперировал вдоль Армави́ро-Туапсинской железной дороги между Туапсе и Белореченской, ведя борьбу с большевиками и помогая оружием и боевыми припасами восставшим кубанским станицам.

По установлении связи с Мазниевым, ген. Алексеев послал ему письмо^{IV}, выражая свою радость, что «судьба поставила нас не только в близкое боевое соприкосновение, **но сделала нас союзниками**^V, борющимися пока за одно и то же дело и действующими в одном и том же направлении... Думаю, — писал он, — более того, убежден, — что этот союз примет длительный и более широкий характер»... Распорядившись об отправке продовольственных припасов в отряд, ген. Алексеев сообщил, что он вообще «широко пойдет навстречу грузинскому правительству в удовлетворении его продовольственных нужд^{VI}, ожидая, что и оно

¹ «Журнал Совещания представителей Грузинской республики, Краевого Кубанского Правительства и Добровольческой Армии. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии». — Документ № 196, с. 403. Издано в Тифлисе в 1919 г.

^{II} Очерки Русской Смуты, т. III, с. 240—243.

^{III} Два батальона, четыре батареи, броневой поезд.

^{IV} № 228 от 16 августа (по ст. ст.).

^V Подчеркнуто А. И. Деникиным. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{VI} Закавказье всегда жило за счет хлеба, привозимого с Северного Кавказа. — *Прим. Н. Н. Г.*

поделиться своими запасами и прежде всего винтовками и патронами¹». М. В. просил для обсуждения условий товарообмена и других вопросов командировать в Екатеринодар доверенных от правительства лиц.

Между тем, Таманская группа большевиков, отступая от Новороссийска на юг, опрокинула отряд Мазниева^{II}, который отошел к Сочи. Наш конный полк, преследуя большевиков по пятам, 26 августа занял Туапсе, округ которого поступил в управление добровольческих властей.

Дальнейшее продвижение наше по Черноморской губернии было приостановлено грузинами, отношение которых к нам резко изменилось. К югу от Туапсе, вместо большевицкого, образовался грузинский фронт; грузинское правительство отозвало ген. Мазниева, как человека общероссийской ориентации, заменив его Кониевым. В районе Туапсе стали сосредотачиваться передовые грузинские силы, по преимуществу «народная гвардия» (до трех тысяч при 18 орудиях); на побережье у Сочи, Дагомыса и Адлера грузины стали спешно возводить укрепления фронтом на север, причем в последних двух пунктах высадился небольшой немецкий десант. Создавалась угроза Новороссийску (?).

В это время наладилось уже сообщение между Новороссийском и южными портами, и из Грузии хлынули к нам вместе с волною беженцев и волнующие вести о проявлении грузинского шовинизма... Из Сочи и Сухума шли мольбы об избавлении края от грузин.

Между тем, грузинское правительство в ответ на приглашение ген. Алексеева командировало в Екатеринодар в качестве своего представителя Гегечкори, совместно с генералом Мазниевым...»

Для объективного суждения о создававшихся взаимоотношениях между командованием Добровольческой Армии и Грузинским правительством, нужно выслушать свидетельства обеих сторон. С этой целью мы приведем сейчас выдержку из статьи только что упомянутого Е. П. Гегечкори, в которой он также излагает события, описанные ген. Деникиным.

«В июне месяце 1918 года, — пишет Е. П. Гегечкори^{III}, — Главнокомандующий грузинскими войсками ген. Мазниашвили^{IV} предпринял операцию очищения от большевиков Черноморского побережья. Операция эта велась настолько успешно, что уже 14 июня Мазниашвили занял Туапсе. Преследуя разбитые части большевицких отрядов, он дошел

^I С прежнего Кавказского фронта. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} См. упоминание об этом в прошлой главе. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} «Ответ ген. Деникину», письмо в редакцию газеты «Последние Новости». Помещено в № 4314 этой газеты (от 13 января 1933 года).

^{IV} Перейдя с русской службы в грузинскую армию, ген. Мазниев переименовал свою фамилию «Мазниев» на более грузинскую по созвучию «Мазниашвили». — *Прим. Н. Н. Г.*

до Белореченской и тут только к нему явился офицер Добровольческой Армии, и ген. Мазниашвили впервые узнал о существовании этой армии и о взятии ею Екатеринодара. Мазниашвили тотчас же вошел в соприкосновение с местным командованием добровольцев, передал им сформированный во время операции отряд казаков со всем вооружением, а сам отошел к Сочи и укрепился там. Ген. Мазниашвили наладил настолько хорошие отношения с местным командованием Добровольцев, что в скором времени Добровольцам и грузинским отрядам пришлось уже совместно очищать Туапсе от большевиков. Несмотря на это, по приказу ген. Деникина в Екатеринодаре у ген. Мазниашвили были задержаны отпущенные ему Кубанским правительством небольшие хлебные запасы. И далее постепенно атмосфера стала накаляться, что и вынудило Грузинское правительство, во избежание конфликтов, а также для установления правильного товарообмена с Кубанью, предложить Добровольческому командованию вступить с ним в переговоры. Предложение это было принято, и в результате я оказался в Екатеринодаре...»

Здесь я прерву воспоминания Е. П. Гегечкори и вернусь к воспоминаниям ген. Деникина.

«12 и 13 сентября (24 и 25 сентября по нов. стилю) состоялось совещание между Добровольческим командованием, Кубанским правительством и грузинскими представителями¹, — записывает ген. Деникин^{II}. — Ген. Алексеев был тяжело болен и с большим трудом поднимался в эти дни с постели, чтобы вести заседание. Последний раз перед смертью он участвовал в государственной работе.

Открыл он заседание приветствием «дружественной и самостоятельной Грузии» и заверением, что «с нашей стороны никаких поползновений на самостоятельность Грузии не будет^{III}. Но дав такое обеспе-

^I Состав участников:

От командования Добр. Армии *восемь* представителей (ген. Алексеев, ген. Деникин, ген. Драгомиров, ген. Лукомский, ген. Романовский, В. В. Шульгин и В. А. Степанов¹⁹¹).

От Кубанского правительства только *три* представителя (ген. Филимонов, Быч и Воробьев¹⁹²).

От Грузинского правительства, как говорилось выше, приехали Е. П. Гегечкори и ген. Мазниашвили.

Этот состав Совещания придавал ему характер совещания командования Добр. Армии с представителями Грузии. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Очерки Русской Смуты, т. III, с. 240—241.

^{III} Вот подлинный текст этого заявления ген. М. В. Алексеева: «...в первую голову считаю необходимым заявить, что Добровольческая Армия никаких поползновений на самостоятельность Грузии не делала и признает ее в полной мере и пусть знает она (Грузия), что с этой стороны она обеспечена». — См. «Журнал Совещания представителей Грузинской республики, Краевого

чение от имени Добровольческой Армии и Кубанского правительства, мы должны ожидать равноценного отношения со стороны грузинского правительства к нам...

Затем с большой горечью, словами резкими, не облеченными в дипломатические формы, он нарисовал картину тяжелого и унижительного положения русских людей на территории Грузии, расхищения русского государственного достояния, вторжения и оккупации грузинами, совместно с немцами Черноморской губернии.

В его речи, дополненной потом в порядке обмена мнений, намечены были следующие главные вопросы:

1. Отношение Грузии к большевикам, к Добровольческой Армии и к немцам.

2. Отношение к русскому населению на территории, занятой грузинами.

3. Вопрос о наших правах на часть русского государственного имущества, и в частности военных запасов бывшего Кавказского фронта.

4. Вопрос о гарантиях, чтобы при товарообмене русский хлеб шел действительно в Грузию, а не в Германию.

5. Вопрос о границах и об очищении грузинами Сочинского округа».

А вот как описывает то же Совещание Е. П. Гегечкори¹:

«Приехал я туда (в Екатеринодар) 24 сентября 1918 года и вечером же в 6 часов имел встречу с ген. Алексеевым. Часовое наше совещание с ним привело к полному соглашению, которое сводилось к тому, что грузинские части должны были оставаться там, где они стояли, — в Сочи, — давалась полная свобода товарообмена, а со стороны Закавказья тыл Добровольческой Армии должен был считаться совершенно обеспеченным.

На другой день, 25 сентября состоялась официальная встреча представителей Грузинской республики, Кубанского правительства и Добровольческого командования... Прежде всего ген. Алексеев произнес речь, в которой говорил о гонениях на русских офицеров в Грузии, о притеснении русских чиновников и русского населения; говорилось всё это в таком тоне, который свидетельствовал о происшедшей в нем за ночь перемене. С другой стороны, вместо того, чтобы говорить о тех вопросах, которые должны были интересовать обе стороны, радикаль-

Кубанского правительства и Добр. Армии». // Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. — Документы № 196, с. 391. Изд. в Тифлисе в 1919 году.

¹ «Ответ ген. Деникину» помещен в газете «Последние Новости» от 13 января 1933 г., № 4314.

но и категорически был поставлен вопрос о немедленном очищении грузинскими частями Сочинского округа.

Я на это заявил, что мы временно занимаем Сочи, и об окончательной его судьбе будем говорить на более компетентном собрании; что нет надобности сейчас спорить о пребывании нашем в районе Сочинского округа. У Добровольческой Армии в данный момент должна быть тяга только к северу, и у нее сейчас столько своего дела и работы, что временное пребывание наше в этом районе не должно возбуждать спора; что мы предлагаем формулу временного оставления грузинских частей в Сочи; что временное занятие Сочинского округа никоим образом не противоречит целям и задачам Добровольческой Армии. Если в действительности в будущем, — в чем я не сомневаюсь, — будет воссоздана новая Россия, то для нас, быть может, встанет вопрос не только о возврате Сочинского округа, но и вопросы более важные, и вами это должно быть учтено¹. Всё это не помогло и ни к чему не привело, и я в ответ выслушал лично от Деникина следующее заявление: “Если представитель Грузии будет настаивать на оставлении их войск в Сочинском округе, мы можем прекратить все переговоры и обратиться к той большой работе, которая нас ждет”². Так и было решено. Переговоры были прерваны, совещание сорвано; грузинские представители выехали из Екатеринодара, и вслед за этим, сейчас же после смерти ген. Алексеева ген. Деникин в приказе по армии объявил о состоянии войны с Грузией...

...Должен прибавить для характеристики окраинной политики главарей Добровольческой Армии, что на этом совещании всеми участниками, включая и ген. Деникина, было заявлено о безоговорочном признании ими самостоятельности Грузии; тогда как в вышеназванной статье в «Последних Новостях»³ ген. Деникин цитирует секретную инструкцию, данную им своему представителю в Закавказье, ген. Баратову, из которой видно, что “всё Закавказье”⁴, в пределах границ 1914 года, должно быть рассматриваемо как неотделимая часть Российского государства. Вам надлежит подготавливать почву для безболезненного

¹ Текст этого заявления Е. П. Гегечкори взят из «Журнала Совещания представителей Грузин[ской] респ[ублики], Краевого Куб. прав. и Д. А.» // Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Издано в Тифлисе в 1919 г. — *Прим. Н. Н. Г.*

² Текст этого заявления ген. Деникина взят дословно из «Журнала Совещания представителей Грузин. республики, Краевого Куб. прав. и Д. А.» // Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. — *Прим. Н. Н. Г.*

³ «Окраинный вопрос», статья А. И. Деникина в номере «Последних Новостей» от 28 декабря 1932 года. — *Прим. Н. Н. Г.*

⁴ Значит, и Грузия. — *Прим. ред.*

воссоединения этих областей с Россией под верховным управлением общероссийской власти”¹.

Что имеет общего инструкция с торжественным и безоговорочным признанием независимости Грузии, имевшим место на этом совещании? Конечно, ничего — одно другое исключает...»

Ген. Деникин квалифицирует созданное перерывом сношений Командования Добровольческой Армии с Грузией положение словами: ни мир, ни война². Однако, когда в январе 1919 года части Добровольческой Армии, находившиеся на Черноморском побережье, получили приказ ген. Деникина «занять Сочинский округ»³, война с Грузией фактически началась.

Ненормальность создавшегося положения значительно усугублялась тем, что Кубанское правительство не только не хотело войны с Грузией, но не сочувствовало и самому перерыву сношений. Но ввиду того что Кубанские вооруженные силы были неразрывно слиты с Добровольческой Армией, оно фактически было бессильным прекратить враждебные отношения с Грузией.

С целью дать еще более всестороннее и объективное освещение взаимоотношений, создавшихся между Командованием Добровольческой Армии и Грузией, я приведу свидетельство еще одного лица. Этим лицом является Ю. Ф. Семенов¹⁹³, один из видных деятелей «Русского Национального Совета», создавшегося весной 1918 года в Закавказье⁴.

¹ В т. IV труда ген. Деникина, на с. 137—138 эта инструкция напечатана полностью, причем сам ген. Деникин предпосылает ей следующие слова: «Эта секретная инструкция, помеченная датой 2 июля 1919 г., является, таким образом, истинным отражением всей нашей политики в Закавказье — от начала и до конца — и ключом к уразумению последовавших событий». — *Прим. Н. Н. Г.*

² *Деникин. Очерки Русской Смуты*, т. IV, с. 154.

³ Там же, с. 156.

⁴ Этот «Русский Национальный Совет», вокруг которого сплотились все русские, находившиеся в Закавказье, сформировался из представителей русского населения Закавказья, избранных в селах и городах всеобщим голосованием русских избирателей, почувствовавших себя осиротелыми. «Я был товарищем председателя Управы Русского Национального Совета, — пишет Ю. Ф. Семенов (его статья «Война с Грузией», газета «Возрождение», № 2779 от 10 января 1933 г.). — Наша деятельность заключалась в защите прав русского населения, в благотворительной помощи нуждавшимся русским, в выдаче русским специальных удостоверений, которые служили им паспортами, признававшимися не только в Закавказье, но также и на Северном Кавказе и даже на Украине времени Скоропадского. Из крестьян-сектантов, бежавших в своих великодушных фургонах из Карской области от турецкого нашествия, Национальный Совет организовал караваны обозов, перевозивших из Тифлиса на Северный

«Если бы командование Вооруженными силами Юга России, — пишет Ю. Семенов¹, — было хорошо осведомлено об этой истории образования независимых закавказских республик, быть может, оно проявило бы больше гибкости и больше дипломатичности в последующем своем отношении к этим государственным новообразованиям, находившимся в тылу Добровольческой Армии. Впрочем, надо оговориться, что ген. Алексеев, осведомленный в общих линиях о происходившем в Закавказье, относился к этому вопросу несколько иначе. За несколько дней до смерти генерала под его председательством в Екатеринодаре состоялось совещание с грузинской делегацией, возглавлявшейся уже упомянутым Е. П. Гегечкори. Совещание это не привело к должным результатам, как рассказывают, благодаря заносчивости грузинского представителя и несговорчивости некоторых представителей Добровольческой Армии...

...Я хорошо помню те времена и продолжаю и теперь утверждать, как говорил тогда, что соглашение между южным командованием и двумя республиками — грузинской и армянской — было вполне осуществимо. Мне об этом приходилось не раз беседовать в Тифлисе с представителем главного командования (Добровольческой Армии), ген. Шатиловым-старшим¹⁹⁵. В этом же направлении работала своеобразная закавказская организация — Русский Национальный Совет, составившийся из всего русского населения Закавказья — военных, чиновников и крестьян, переправлявший в Новороссийск из Закавказья русских офицеров, иногда в составе кадров целых полков. Когда усилия ген. Шатилова и Русского Национального Совета не привели ни к чему и между Грузией и Добровольческой Армией произошло военное столкновение, ген. Шатилов и весь президиум Национального Совета были арестованы грузинами за связь с Добровольческой Армией. Одни были посажены в тюрьму, другие скрылись. Разгромленный грузинами за российский патриотизм Национальный Совет впоследствии возобновил свою деятельность в новом составе, но уже в полубольшевицком духе. Ген. Деникин, описывая в своих мемуарах деятельность Национального Совета, огулом называет ее полубольшевицкой, не упомянув ни одним словом о первом периоде, из-за которого пострадали его руководители».

Кавказ и доставлявших в Тифлис продовольствие. За полгода деятельности Национальный Совет помог выезду от 80 до 100 тысяч русских, не пожелавших остаться в Закавказье. Мы приступили к организации Русского корпуса под командой полк. Драценко¹⁹⁴. Отряды корпуса успешно дрались с турками под Карсом».

¹ «Единая Россия (ответ ген. А. И. Деникину)», статья, помещенная в парижской газете «Возрождение», № 2754 (от 16 декабря 1932 года).

Какова же была политическая программа ген. А. И. Деникина, претендовавшего, как мы видели выше, на роль Всероссийского диктатора?

Эта программа «не объявлялась. Речи, сказанные мною, — пишет Деникин^I, — в Ставрополе и на открытии Кубанской Рады, исчерпывали официальное заявление нашей идеологии и политического курса...»

В приложении к настоящей главе^{II} приведены краткая выдержка из первой и почти полный текст второй из этих речей, как более полной по содержанию и как позднейшей по времени. Эта вторая речь была произнесена 14 ноября, то есть через три дня после окончания Мировой войны. Таким образом, в ней выражены те идеи, которыми будет руководствоваться диктатор-главнокомандующий в создающейся новой мировой политической обстановке.

Если отбросить все цветы красноречия, которые изобилуют в этой длинной речи, то вот главные политические мысли, которые высказывались ней:

«России нужна сильная, могучая армия...

Не должно быть Армий Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти...

...Добровольческая Армия собирает вокруг себя и вооруженные силы, и людей государственного опыта, приглашает все части Государства, признающие единую неделимую Россию, сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства, для общей борьбы с врагами России, для единого представительства и защиты русских интересов на будущем мирном конгрессе...

...В последние дни появилось новое государственное образование в Сибири^{III}, правительство которого объявило себя Всероссийской Государственной властью. Добровольческая армия не имеет никаких оснований признавать Уфимское правительство Всероссийской властью...»

Излагая эти мысли в более сокращенном виде, мы получим следующую формулу: Единая, неделимая Россия, собираемая вокруг Добровольческой Армии и подчиняющаяся диктаторской власти Главнокомандующего этой Армии генералу Деникину.

В конце главы XII настоящего труда, обсуждая вопрос об изменении политической программы Добровольческой Армии после смер-

^I Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 210.

^{II} См. Приложение № 78.

^{III} Директория. — Прим. Н. Н. Г.

ти ген. Корнилова и вступления в командование ее ген. Деникина, я писал, что его «наказ» и первое «обращение» проникнуты не духом «непредрежденства», а просто желанием уклониться от какого-либо решения во внутренней политике. С течением времени эта тенденция нового вождя Белого Движения усилилась. Ярким подтверждением этому может служить телеграмма, посланная ген. Деникиным 15 января 1919 года С. Д. Сазонову¹⁹⁶¹, на которого он возложил представлять российские интересы на собиравшейся в Париже мирной конференции. Эта телеграмма должна была служить С. Д. Сазонову для обрисовки бывшим союзникам России политической программы ген. Деникина и возглавляемого им Белого Движения.

«Мы боремся, — пишет ген. Деникин^{II}, — за самое бытие России, не преследуем никаких реакционных целей, не преследуем интересов какой-либо политической партии и не покровительствуем никакому отдельному сословию. Мы не предрешаем ни будущего государственного устройства, ни путей и способов, коими русский народ объявит свою волю».

Если мы вспомним первые две «формы», в которые вылилась программа Белого Движения, а именно «Быховскую»^{III}, а затем «Корниловскую»^{IV} программы, то мы увидим, что они тоже отказывались предрешать основные политические проблемы, возлагая это на Учредительное Собрание первого или нового созыва. Теперешняя же программа ген. Деникина отказывалась предрешать даже и «пути и способы, коими русский народ объявит свою волю». Получились сплошные «не» и «ни», которые превращали прежнее «непредрежденство» Белого Движения в политическую и социальную беспрограммность.

Посмотрим, как сам ген. Деникин объясняет это свое отступление от прежних программ Белого Движения.

«Однажды, — записывает он в своих воспоминаниях^V, — осенью 1918 года, по поводу толков о необходимости декларации, мои ближайшие помощники сказали мне, что работать под лозунгом Учредительного Собрания они считают для себя невозможным. Это было убеждение, широко распространенное в военной среде и правых кругах, где понятия “учредилка” и “учредиловцы” встречали презрительное отношение. Но и в либеральных кругах в то время признание Учредительного Собрания было далеко не безоговорочным...»

^I Бывший царский министр иностранных дел с 1912 года по 1915 год.

^{II} Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 210.

^{III} См. главу VI.

^{IV} См. главу XII.

^V Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 211.

В только что приведенной выдержке ген. Деникина указывается на тот повсеместный моральный провал Учредительного Собрания первого созыва, который мне пришлось уже констатировать, излагая события на севере и востоке России. При этом в большинстве случаев этот моральный провал был настолько велик, что действительно подрывалась даже сама идея Учредительного Собрания.

Однако сам же ген. Деникин вынужден признать, что «это отношение к идее Учредительного Собрания под влиянием разнообразных причин со временем начинает вновь меняться... Так, на заседании представителей Государственного Объединения^I, Национального Центра, Союза Возрождения и бюро «Советов объединенных земств и городов Юга России»^{II}, представлявшем первую попытку объединения более широкого общественного фронта, возбужден был и этот вопрос; протокол заседания говорит:

“Учредительное Собрание”, как суверенный орган государственного строительства, возникающее на основе народного волеизъявления, признано приемлемым в принципе, но **не по наименованию** членами всех представленных организаций. Члены Земско-городского объединения, Союза Возрождения и Государственного объединения в лице Е. Н. Трубецкого^{III} признают его категорически, оставляя и название. Член Государственного объединения Масленников считает неизбежным установление самого органа народного волеизъявления, не предрешая его названия. Член Национального Центра М. Федоров^{IV} считает вопрос о наименовании несущественным, но предпочитает название “Народного Собрания”, настаивая при этом, главным образом, на установлении того момента выборов, который дал бы уверенность в разумном исходе голосования”^{IV}.

Таким образом, лидеры не только центральных политических группировок общественности (например, «Союз возрождения», «Земско-городское объединение»), но и правых кругов («Национальный центр», «Государственное Объединение») признали, что единственной

^I Союз «Государственного Объединения» образовался в Киеве в конце октября 1918 г. В нем возродилась часть распавшегося «Правого центра». — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Бюро выделилось на Симферопольском съезде.

^{III} Только его лично. На собрании присутствовали еще члены Сов. Гос. об. В. Бобринский, А. Хрипунов, А. Масленников.

^{IV} Из протокола заседания 3 января 1919 г. — Харьковское Сопещание партии Народной Свободы в ноябре 1919 г. высказалось за «доведение страны до Всероссийского *Представительного Собрания*», против «попыток немедленного объявления постоянной формы государственного устройства» и против немедленного по свержении большевиков созыва Учредительного Собрания.

возможной формой народного волеизъявления является Учредительное Собрание; для успокоения же разгоревшихся страстей более примитивно политически мыслящей массы они настаивали на изменении наименования; они предлагали называть будущее Учредительное Собрание — «Народным Собранием».

Напомню здесь, что в такой же социально-психической обстановке, как ген. Деникин, находился в то же время и адмирал Колчак. Можно даже утверждать, что ненависть к «учредиловцам» в Сибири была тогда острее. Нужно только вспомнить поведение Комуча¹. И всё же адмирал Колчак нашел в себе гражданское мужество не сойти с государственной точки зрения. Он открыто заявил, что «раз будут созданы нормальные условия жизни, раз в стране будет царить законность и порядок, тогда возможно будет приступить и к созыву Национального Собрания».

Я избегаю называть Национальное Собрание Учредительным Собранием, так как последнее слово слишком скомпрометировано. Опыт созыва Учредительного Собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного Собрания собралось партийное, которое запело интернационал и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо.

Вот почему я и говорю о созыве Национального Собрания, где народ, в лице своих полномочных представителей, **установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России.**

Я не знаю иного пути к решению этого основного вопроса, кроме того пути, который лежит через Национальное Собрание».

Ген. Деникин поступил иначе: «Пока мужи совета... — пишет он¹¹, — искали путей, чтобы обойти не то острые углы взаимных отношений, не то друг друга, в Армии эти трения находили также отклик, но гораздо более элементарный: одни проливали кровь, не мудрствуя лукаво, другие заявляли: “Мы за “учредилку” умирать не будем”... Поэтому я призывал Армию бороться просто **за Россию...**»

Короче говоря, ген. Деникин уклонился от решения, прикрыв это уклонение красивой фразой.

Я не буду повторять сказанного в главе XII о настроениях нашего офицерства. Скажу только одно, что единственным членом его Символа Веры продолжало оставаться «спасение Великой России». Деникин совершенно прав, утверждая, что этот лозунг являлся наиболее способным одушевить армию. Но вопрос этим не исчерпывался; нужно было также привлечь в ряды создаваемой армии народные массы или, во всяком случае, привлечь хотя бы их расположение. Мог ли лозунг «Единая, не-

¹ См. главы XVI, XVII, XVIII, XIX, XX настоящего труда.

¹¹ Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 211.

делимая» оказать такой эффект на русские народные массы? Более чем часто можно встретить рядом с ответом «нет» указание на малое будто бы развитие чувства патриотизма в русском простолюдине. Я уже оспаривал выше¹ такое заявление. Здесь же дополню сказанное указанием: для того, чтобы привлечь на свою сторону народные массы, мало еще выкинуть близкий к сердцу их лозунг; нужно еще, чтобы эти массы поверили тому, кто этот лозунг выкидывает. Лозунг «Единая, неделимая» легко воспринимался нашим офицерством не только по своему внутреннему содержанию, но и потому, что он провозглашался вождем, в которого офицерство верило. Но могла ли быть подобная вера в Деникина у народных масс? Совершенно уверенно можно дать на этот вопрос отрицательный ответ. Имя Деникина большинству из них ничего не говорило, а для тех, кто слышал его, оно было по большей части одиозно в силу той пропаганды, которая велась против всех участников неудачного Корниловского выступления агентами Временного правительства, а после зарождения Добровольческой Армии — большевиками. При таких настроениях даже наиболее патриотически настроенные элементы русских народных масс могли видеть в призыве Деникина лишь красивые слова, при посредстве которых он пытается обмануть их для того, чтобы отобрать от них то, что они захватили во время революции.

Ген. Деникин объясняет бессодержательность своей программы в области внутренней политики настроением офицерства и натиском правых кругов^{II}. Однако относительно офицерства он делает это с оговоркой. «Я должен, однако, оговориться, — пишет он^{III}. — Собственно офицерство политикой и классовой борьбой интересовалось мало. В основной массе своей в классовом отношении оно являлось элементом чисто служилым, типичным “интеллигентским пролетариатом”. Но связанное с прошлым русской истории крепкими военными традициями и представляя по природе своей элемент **сохранительный**, оно легче поддавалось влиянию правых кругов и своего сохранившего авторитет, также правого по преимуществу, старшего командного состава. Немалую роль в этом сыграло и отношение к офицерству социалистических и либеральных кругов в наиболее трагические для офицеров дни — 1917 года и особенно Корниловского выступления. Эти влияния в известные моменты выводили из равновесия, в общем, аполитичное наше офицерство».

Относительно «влияния правых кругов» необходимо сделать следующую оговорку. Политическое окружение ген. Деникина состояло из членов Особого Совещания. После смерти ген. Алексеева это совеща-

^I См. главу II.

^{II} Деникин. Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 205.

^{III} Там же.

ние обратилось в орган управления, находящийся в непосредственном подчинении у Главнокомандующего¹. Оно совмещало в себе функции исполнительной власти (Совета министров) и Государственного Совета времен Царского самодержавия (то есть до конституции 17 октября 1905 года)¹¹. На чем, как не на подборе членов Особого Совещания, должна была отразиться прежде всего диктаторская власть Главнокомандующего. Читатель может получить об этом полное представление, если обратит внимание на состав Особого Совещания.

«По условиям своей жизни и военной службы, главным образом на окраинах, я, — пишет ген. Деникин¹¹¹, — имел ранее очень мало соприкосновения с миром государственных, политических и общественных деятелей и поэтому испытывал большое затруднение в выборе людей, на высшие посты управления. Вначале мною практиковалась такого рода проверка: когда предлагали кандидатуру “справа”, я навел справки “слева”, и наоборот. Потом этот порядок оформился, и все предположения о замещении своего состава и высших постов были возложены мною на Особое Совещание, председатель которого^{1V} представлял мне результаты выбора. Иногда мнения разделялись и мне предлагали двух кандидатов. Я останавливал свой выбор на том, который казался мне выше по своему удельному весу... Существовало, однако, и ограничение круга лиц, допускаемых в состав Совещания и на высшие должности — оно относилось к крайним правым и ко всем социалистам. Я считал, что эти фланги могут быть в Совете, но не в правительстве. Этот взгляд разделяло и Особое Совещание. Впрочем, некоторые члены Совещания предлагали мне включить в состав его без портфелей, для создания известного декорума, “безобидных социалистов”. Я считал, что этот шаг не поможет делу, не прибавит популярности Совещанию в левых кругах, а в правых вызовет только озлобление».

В результате ген. Деникин составил Особое Совещание из генералов, из представителей двух правых организаций — «Совета Государственного объединения» и «Национального центра», из представителей правого крыла кадетской партии. Представители «Союза возрождения»

¹ Важнейшие статьи нового «Положения об Особом Совещании при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России», утвержденного ген. Деникиным 2 февраля 1919 года (старого стиля) приведены в Приложении № 79.

¹¹ Деникин. Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 203.

¹¹¹ Там же, с. 206–207.

^{1V} Генерал А. М. Драгомиров, который, по квалификации самого ген. Деникина, «был близок по взглядам к В. В. Шульгину» (Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 207, примеч.), то есть являлся в политическом отношении очень правонастроенным. По личным же свойствам ген. А. М. Драгомиров был известен как крайне нетерпимый ко всем инакомыслящим людям.

ген. Деникиным не были допущены в состав Особого Совещания. Таким образом, ген. Деникин привлек из гражданских деятелей в свое окружение исключительно представителей правой или сильно поправившей части русской общественности. Поэтому когда он говорит, что практиковал проверку в выборе людей на высшие посты, наводя справки «слева», когда ему предлагалась кандидатура «справа», и обратно, то это звучит более чем странно. В условиях созданного ген. Деникиным окружения могли быть рекомендации только «справа» и проверка их могла также производиться только «справа».

Возможности ген. Деникина в направлении политики в желаемое ему русло вовсе не были так ограничены, как он это излагает в своих воспоминаниях. Для того чтобы окончательно убедиться в этом, нужно вспомнить, что как раз те правые и поправившие круги нашей интеллигенции, представители которых окружали ген. Деникина, являлись яркими сторонниками военной диктатуры. Этим самым они развязывали руки главнокомандующего-диктатора. В офицерской же среде Добровольческой Армии вера в ген. Деникина была в это время настолько сильна, что сомневаться в том, что офицерство приняло бы всякую политическую программу, установленную этим последним, совершенно не приходится.

Таким образом, по существу дела, решение всех политических вопросов сосредоточивалось, как в фокусе, в личности самого Деникина. От его государственного миропонимания всецело зависело, по каким путям пойдет выкристаллизовавшееся на Юге России Белое Движение. Представление о том, как понимал Деникин выпавшую на него тяжелую и ответственную роль, может дать следующая выдержка из его воспоминаний.

«На Юге России, — пишет он¹, — на территории, освобождаемой Добровольческой Армией, без какой-либо прокламации^{II}, самым ходом событий установилась **диктатура** в лице Главнокомандующего».

«Основную целью ее было свергнуть большевиков, восстановить основы государственности и социального мира, чтобы создать необходимые условия для строительства затем соборной волей народа. Жизнь стихийным напором выбивала нас из этого русла, требуя немедленного разрешения таких коренных государственных вопросов, как национальный, аграрный и другие, окончательное разрешение которых я считал выходящим за пределы нашей компетенции. Худо ли, хорошо

¹ Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 201.

^{II} С этим нельзя согласиться, так как упоминаемое неоднократно выше и приведенное в Приложении № 75 «Положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией», и являлось такой прокламацией. — *Прим. Н. Н. Г.*

ли и что целесообразнее — это вопрос другой — но диктатуре **национальной**, к осуществлению которой стремились на Юге, свойственны иные задачи и иные методы, чем диктатуре бонапартистской (?)».

Это заявление ген. А. И. Деникина представляет большой интерес для характеристики государственного миропонимания его автора.

Прежде всего нужно остановить внимание на одной чрезвычайно показательной для этого миропонимания ошибке. Ген. Деникин противопоставляет свою диктатуру таковой же Наполеона. Свою он называет «национальной», наполеоновскую же он именует «бонапартистской», по-видимому, приписывая ей исключительно личный и военный характер. Более ошибочного понимания великой роли, которую сыграл для Франции Наполеон, трудно себе представить. Диктатура Наполеона являлась «национальной» в наиболее полном и точном смысле этого слова. Я даже затрудняюсь назвать в мировой истории другую диктатуру, в которой «национализм» был бы выражен более ярко. Беспристрастное исследование лучшей поры государственного творчества ген. Бонапарта и «Императора французов» Наполеона совершенно определенно показывает, насколько он стремился придать своей диктатуре общегосударственный характер. Это была диктатура «политическая», а не «военная». Под первым определением нужно понимать диктатуру, имеющую целью установление определенного политического и социального порядка; под термином же «диктатура военная» нужно понимать такую, которая уклоняется от проведения политических и социальных реформ, а имеет своим лозунгом «всё для армии». Вот маленький, но характерный штрих, приведенный в классическом труде французского академика Луи Маделэна¹. Описывая появление у кормила государственной власти генерала Бонапарта, этот авторитетный исследователь замечает: “Il n’entend pas que dominant les gens d’argent, mais, ce qui est plus singulier, pas plus n’admet-il que dominant les gens de guerre, le “militaire”. Il aimait le soldat, mais il eût eu en horreur que leurs chefs essayassent de faire la loi. “La valeur militaire, dira-t-il à Roederer, ne suffit pas pour donner le droit de gouverner”. Aussi bien “le propre des militaires est-il de tout vouloir despotiquement”, et il se fera gloire, un jour, d’ avoir “dans un Empire tout guerrier”, écarté les soldats des affaires”².

¹ *Madelin Louis*. “Le Consulat et l’Empire”, I, 41.

² Он не стремится, чтобы преобладали люди с деньгами, но что самое удивительное — он не стремится, чтобы преобладала «военщина». Он любит солдата, но ненавидит командование начальства. «Военный ранг, — заявил он когда то Родереру, — не дает права управлять». А вдобавок суть военных — всё исполнять деспотически, и он будет впоследствии гордиться тем, что «в военной империи» он устранил военных от дел. (*Перевод с франц. Е. Колосович.*)

Как отлична от только что приведенной точки зрения линия политического поведения ген. Деникина. Так, во главе Особого Сопровождающего, представлявшего собою одновременно и Совет министров, и Государственный совет, ген. Деникин поставил ген. А. М. Драгомирова, сменив его впоследствии также генералом А. С. Лукомским. Из 24 членов Особого Сопровождающего, поименованных ген. Деникиным в его труде¹, шесть было военными.

Сравнивая диктатуры Наполеона и Деникина, историк не может не прийти к выводу, противоположному мнению ген. Деникина. А именно: диктатура Наполеона была «национальной», диктатура же Деникина была «узковоенной».

Установив эту точку зрения, всё остальное становится совершенно ясным.

Лично ген. Деникин был демократичен по своим политическим убеждениям, так как, по его собственным словам, окончательной целью своей диктатуры он ставил создать «необходимые условия для строительства затем соборною волей народа». Но он считает миссией своей диктатуры только одержание победы над большевиками. Цитированная выше его речь на открытии Кубанской Рады выявляет это совершенно определенно.

В этом отношении в программе ген. Деникина сказывается преемственность от программы «Быховской» и «Корниловской». И та, и другая, как мы говорили выше, являлись программами «военными». Надо вспомнить, что и «Быховская», и «Корниловская» программы составлялись тогда, когда мировая война была в полном разгаре. С прекращением же 11 ноября 1918 года этой войны обстановка радикально менялась. Предстоящую борьбу приходилось вести уже всецело в виде **гражданской войны**. Предпосылки же победы в такой войне лежат всецело в области внутренней политики. Успех ген. Бонапарта в деле замирения Франции и был основан на том, что он преследовал в своей внутренней политике совершенно определенную конструктивную программу, которая удовлетворила народные массы. Деникин же, как мы видели выше, стремился уклониться от решения какого бы то ни было основного внутреннеполитического или социального вопроса. Он думал объединить вокруг себя народные силы призывом к войне за восстановление прежних внешних границ России. В немцах он продолжает видеть врагов, и в своей речи на заседании Кубанской Рады¹¹ он продолжает настаивать «на очищении Германией и ее союзниками Русской территории в пределах границ 1914 года, включая Финляндию»,

¹ Очерки Русской Смуты, т. IV, примечание на с. 206–207.

¹¹ См. Приложение № 78.

совершенно не считаясь с тем, что это неминуемо приведет к захвату этих областей большевиками.

Как я говорил выше, лозунг «Единая, неделимая» в устах ген. Деникина был не убедителен для народных масс. А между тем без сочувствия этих последних Добровольческая Армия осуждена была остаться без «солдат». Привлечь на сторону своего дела народ Главкомандующий-диктатор мог только отчетливо и громко заявить крестьянам, что захваченная ими земля останется за ними. Это был тот путь, по которому шел генерал Бонапарт, осуществляя свою «национальную» диктатуру. При молчании ген. Деникина в этом краеугольном для победы русской контрреволюции вопросе, Белое Движение не могло слиться с главной массой русского народа.

И эта «изолированность» Белого Движения, при избранной ген. Деникиным политической линии, должна была всё возрастать. Оторванное от народных масс, Белое Движение имело все данные подпасть под влияние тех групп интеллигенции, которые оказались ближе к Главному командованию. А так как последнее, в лице ген. Деникина, окружило себя лишь правыми и наиболее поправевшими политическими группировками, исключая даже такую умеренную и по существу дела центральную политическую группировку, как «Союз возрождения» России, то создавались предпосылки, при которых Белое Движение могло получить «реставрационный» и классовый уклон.

Первое уже определенно обрисовалось в политике ген. Деникина по отношению к Дону, Кубани и Грузии. Отрицание какого-либо предрешения политических форм будущей России привело ген. Деникина на старые рельсы унитарного, централизованного государства.

Можно ли было ожидать, что в подобной социально-психической обстановке ген. Деникин подойдет к разрешению сложнейшего аграрного вопроса в желательном для народных масс духе? В этом приходилось очень усомниться. При таких же условиях Белое Движение теряло тот характер надклассового, надпартийного движения, который присущ был ему в период его зарождения.

Рассматривая это зарождение¹, я уподобил «Белую Идею» белому цвету, представляющему собою синтез всех цветов радуги. Теперь, с окончательной кристаллизацией вокруг Главкомандующего-диктатора односторонне настроенного окружения, контрреволюция на Юге России, сохраняя наименование Белого Движения, отделялась от первоначальной «Белой Идеи».

¹ См. главу VI.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 75

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией¹

Впредь до воссоединения разрозненных частей Российского Государства и создания законной общерусской власти высшее Управление областями, занимаемыми Добровольческой Армией, осуществляется на основании нижеследующего Временного Положения:

Временное Положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией

Раздел первый

1. Вся полнота государственной власти в областях, занимаемых Д. А., принадлежит В.Р.Д.А. ^{II} (Главнокомандующему Д. А.).
2. В областях, занимаемых Д. А., сохраняют силу законы, действовавшие на территории Российского Государства до 25 октября 1917 года^{III}, с изменениями, вытекающими из настоящего Положения, а равно из имеющих быть изданными на основании его законов.
3. Все граждане Российского Государства, без различия национальности, сословия и вероисповедания, пользуются в сих областях равными правами гражданства. Особые права и преимущества, издавна принадлежащие казачеству, сохраняются в неприкосновенности.
4. Первенствующая Церковь в сих областях есть Церковь Русская, Православная, возглавляемая Святейшим Патриархом Московским и Всея России. Прочие признанные Церкви и религиозные общества пользуются полной свободой и находятся под покровительством закона.
5. Государственным языком является язык русский. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях допускается в пределах, указанных законом.

^I Приводится согласно тексту, напечатанному на с. 267–269, тома III труда ген. Деникина «Очерки Русской Смуты».

^{II} Верховный Руководитель Добровольческой Армии (ген. Алексеев). — *Прим. А. И. Деникина.*

^{III} По старому стилю. По новому стилю — 7 ноября. — *Прим. Н. Н. Г.*

6. Государственным флагом служит национальный русский трехцветный (бело-сине-красный) флаг.

Раздел второй

7. Российские граждане пользуются в областях, занимаемых Д. А., неприкосновенностью личности, жилища и частной переписки. Никто не может быть подвергнут ограничению или лишению свободы иначе как в порядке, законом установленном. Обыски и выемки могут быть производимы лишь в случаях, в законе указанных, и в порядке, законом определенном.
8. Печать свободна. Порядок осуществления надзора за печатью и ответственности за преступления и проступки, совершаемые путем печати, определяется законом.
9. Российские граждане могут собираться мирно и без оружия, а равно образовывать общества и союзы в целях, не противных закону. Порядок пользования этими правами гражданской свободы определяется законом.
10. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда таковое необходимо в государственных или общественных интересах, совершается не иначе как в законодательном порядке и за справедливое вознаграждение.

Раздел третий

11. В. Р. Д. А. стоит во главе всех сухопутных и морских вооруженных сил в областях, занимаемых Д. А. Он определяет устройство армии и флота и руководит всем делом государственной обороны.
12. В. Р. Д. А. представляет области, занимаемые Д. А., в их сношениях с иностранными державами, заключает международные договоры, объявляет войну и заключает мир. В. Р. Д. А. сносится с временными государственными образованиями, возникшими на пространстве Российского Государства.
13. В. Р. Д. А. издает законы и указы по всем отраслям государственной жизни в порядке, установленном настоящим Положением.
14. В. Р. Д. А. устанавливает для областей, занимаемых Д. А., единую систему денежного обращения и определяет внешний вид денежных знаков.
15. В. Р. Д. А. назначает на все высшие должности военной и гражданской службы. Он жалует ордена¹ и другие служебные отличия.

¹ Пожалование орденов установлено не было. Давались только иностранцам. — *Прим. А. И. Деникина.*

16. В. Р. Д. А. осуществляет право помилования и смягчения наказаний по судебным приговорам, а также право общего прощения совершивших преступные деяния с прекращением судебного против них преследования и освобождением их от суда наказания.
17. В. Р. Д. А. объявляет местности, занимаемые Д. А., на военном или исключительном положении.

Раздел четвертый

18. Для содействия В. Р. Д. А. в делах законодательных и управления при нем состоит **Особое Совещание**, в составе которого образуются отделы:

- 1) Внутренних дел;
- 2) Дипломатический;
- 3) Финансовый;
- 4) Военно-морской;
- 5) Торговли и промышленности;
- 6) Продовольствия и снабжения;
- 7) Земледелия;
- 8) Путей сообщения;
- 9) Юстиции;
- 10) Народного просвещения;
- 11) Государственного контроля.

Члены Особого Совещания назначаются В. Р. Д. А., Управляющие Отделами состоят членами О.С. по должности.

Председатель Особого Совещания назначается В. Р. Д. А. В тех случаях, когда В. Р. Д. А. найдет нужным лично председательствовать в Особом Совещании, Председатель О.С. участвует в заседании на правах члена. При Особом Совещании состоит Управляющий делами, коему подчинена Канцелярия Особого Совещания. Управляющий делами входит в состав Особого Совещания на равных с Управляющими Отделами правах.

19. На обсуждение Особого Совещания поступают:

- 1) Все законодательные предположения;
- 2) Все правительственные мероприятия общегосударственного значения;
- 3) Все предположения о замещении главных должностей высшего местного управления.

Дела, подлежащие рассмотрению Особого Совещания, вносятся в оное В. Р. Д. А. или Управляющими Отделами. На внесение в Особое Совещание дел законодательного характера Управляющие Отделами испрашивают предварительно разрешения В. Р. Д. А.

20. Законы издаются В. Р. Д. А. за скрепою Председателя и всех личных членов Особого Совещания. Указы общегосударственного значения скрепляются Председателем Особого Совещания и Управляющими теми Отделами, к предметам ведения коих данное дело относится. Указы и распоряжения по отдельным ведомствам скрепляются Управляющими Отделами по принадлежности.
21. В области законодательства и верховного управления Особого Совещания в полном его составе, а равно Управляющие Отделами являются совещательными органами при В. Р. Д. А. В области управления подчиненного Управляющие Отделами пользуются правами министров применительно к учреждению министерств.
22. За общий ход государственного управления Управляющие Отделами ответственны единственно перед В. Р. Д. А.

Раздел пятый

23. Судебные установления действуют в областях, занимаемых Д. А., на основаниях, в законе определенных. Судебные решения и приговоры выносятся «именем закона».

Раздел шестой

24. Кубанская область пользуется правами автономии, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства.
25. К предметам ведения Кубанской Областной власти, в порядке местного законодательства и управления, принадлежат:
 - 1) Местная полиция;
 - 2) Надзор за печатью, собраниями, обществами и союзами в пределах общегосударственных законов;
 - 3) Санитарное и медицинское дело;
 - 4) Дела местного самоуправления;
 - 5) Тюремное дело;
 - 6) Установление и взимание местных налогов;
 - 7) Пути сообщения местного значения;
 - 8) Заботы о развитии местной торговли и промышленности;
 - 9) Продовольствование населения;
 - 10) Земледелие и землеустройство;
 - 11) Народное просвещение при соблюдении прав государственного языка;
 - 12) Контроль местных правительственных и общественных учреждений.

26. Для заведования указанными делами в порядке управления в составе возглавляемого Атаманом Кубанского Областного правительства могут быть образованы ведомства:
- 1) Внутренних дел;
 - 2) Финансов;
 - 3) Путей сообщения;
 - 4) Торговли и промышленности;
 - 5) Кубанских войсковых дел;
 - 6) Продовольствия;
 - 7) Земледелия и землеустройства;
 - 8) Народного просвещения;
 - 9) Контроля.
27. К предметам ведения Кубанской областной власти не принадлежат:
- 1) Внешние сношения;
 - 2) Командование вооруженными силами;
 - 3) Уголовное и гражданское законодательства, судоустройство и судопроизводство;
 - 4) Почта и телеграф;
 - 5) Пути сообщения государственного и стратегического значения;
 - 6) Вопросы денежного обращения, государственного кредита, таможенной политики и товарообмена;
 - 7) Прямое и косвенное обложение на общегосударственные нужды, государственные монополии;
 - 8) Торговое мореплавание и порты;
 - 9) Акционерное законодательство и торговые уставы.
28. Основной закон об управлении Кубанской областью вырабатывается в пределах настоящего Положения Кубанскою Краевою Радою и утверждается и обнародывается В. Р. Д. А. В этом же порядке производится, в случае нужды, пересмотр означенного основного закона.

Приложение № 76
ПОЛОЖЕНИЕ
о Северо-Кавказском Союзе¹

В видах наиболее успешного осуществления некоторых важнейших задач государственного управления в пределах Северного Кавказа, В. Р. Д. А., от имени занимаемых Д. А. губерний... и Кубанское Краевое правительство от имени Кубанского Края, согласились о нижеследующем:

¹ Приводится согласно тексту, напечатанному на с. 269–270 тома III труда ген. Деникина «Очерки Русской Смуты».

1. Губернии... и Кубанский Край образуют государственное объединение под наименованием Северо-Кавказский Союз.
2. В пределах С.-К. Союза объединяется заведование:
 - А. Международными сношениями Союза;
 - Б. Делами армии и флота, за исключением ... дел Кубанского казачьего войска, остающихся в ведении Кубанской Краевой власти;
 - В. Почтой и телеграфом;
 - Г. Путиами сообщения общегосударственного и стратегического значения;
 - Д. Прямым и косвенным обложением на общие нужды С.-К. Союза;
 - Е. Снабжением и продовольствием армии.
3. В отношении перечисленных выше дел В. Р. Д. А. присваивается вся полнота власти законодательства и управления в пределах всего С.-К. Союза, применительно к Вр. Положению об управлении областями, занимаемыми Д. А.
4. Разработка и осуществление общих для С.-К. Союза мероприятий возлагается на О.С. при В. Р. Д. А. и его отделы по принадлежности (Вр. Положение Упр. обл., заним. Д. А. — ст. 17—20). Контроль правительственной деятельности С.-К. Союза возлагается на отдел Государственного Контроля О.С. при В. Р. Д. А.
5. Для суждений, общих по делам С.-К. Союза, при В. Р. Д. А. учреждается Совет С.-К. Союза из... членов по... человек от губерний Ставропольской и Черноморской и от Кубанского Края. Члены Совета от губерний Ставропольской и Черноморской назначаются из местных людей В. Р. Д. А. Члены Совета от Кубанского Края избираются Кубанским Краевым представительным Собранием. В Совете председательствует В. Р. Д. А. или Заместитель по его указанию.
6. Совет С.-К. Союза созывается на сессии В. Р. Д. А. и рассматривает дела, передаваемые на его заключение В. Р. Д. А., а также вносимые отдельными его членами.
7. Совету С.-К. Союза представляется высказывать свои заключения и пожелания по всем делам Союза.
8. К С.-К. Союзу могут присоединяться и другие губернии и области России. Губернии и области, управляемые властью В. Р. Д. А., присоединятся к Союзу распоряжением В. Р. Д. А., издаваемым в законодательном порядке. Самоуправляющиеся области присоединяются к Союзу на основании особых каждый раз соглашений с В. Р. Д. А.
9. Настоящее соглашение подлежит утверждению В. Р. Д. А. и Кубанского Краевого представительного Собрания.

Приложение № 77
ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
об управлении Кубанским краем¹

Утверждено:
Кубанской Чрезвычайной Краевой Радой
5-го (по нов. ст. 18-го) декабря 1918 г.

Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада созыва 1918 г.
объявляет:

Кубанское казачество, горцы и коренное население сел и городов Кубанского Края, вынесшие из испытаний революции устои порядка и народоправства, стоят перед необходимостью устройства родного Края собственными усилиями.

Отсутствие государственного единства и общероссийской власти, продолжающаяся в центре России анархия и затянувшаяся борьба с нею властно диктуют населению Кубани необходимость самостоятельно упрочить государственность в пределах Края.

Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной, население Кубани твердо стоит на прежней своей позиции: Россия должна быть федеративной республикой свободных народов и земель, а Кубань — отдельной составной ее частью.

Ныне же Кубанский Край, стоя на пути государственного строительства, сохраняет за собою всю полноту государственной власти в пределах Края и управляется органами, поставленными его населением, согласно настоящего Положения.

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ОБ УПРАВЛЕНИИ КУБАНСКИМ КРАЕМ

Раздел I
О территории

1. Территория Кубанского Края образуется из Кубанской области бывшей Российской Империи.

2. Границы этой территории не могут быть изменены иначе, как с согласия Кубанской Краевой Радой.

¹ Приводится согласно тексту, напечатанному на с. 74—83 «Кубанского Календаря» на 1931 г. Изд. О-ва «Вольная Кубань». Белград.

Раздел II Общие положения

3. Все граждане Кубанского Края равны перед законом.

Права Кубанского Краевого гражданства определяются особым законом.

Все Российские граждане пользуются на Кубанском Крае защитой закона на общих с гражданами Кубанского Края основаниях.

4. Все граждане пользуются свободой совести. Никто не может быть преследуем за религиозные убеждения, и никто не может пользоваться привилегиями на вероисповедных основаниях.

5. Личность и жилище неприкосновенны. Никто не может быть подвергнут аресту или обыску, или вторжению в жилище иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных.

6. Устанавливается свобода слова и печати. Цензура может быть введена временно только при чрезвычайных обстоятельствах в законодательном порядке.

7. Гражданам предоставляется свобода собраний и союзов с соблюдением правил, установленных особым законом.

8. Кубанский Край имеет свою армию. Все граждане Кубанского Края подлежат воинской повинности, отбываемой на основании особого закона.

Раздел III Источник и органы Высшей Власти

9. Источниками Высшей Власти в Кубанском Крае является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях.

Носителями Законодательной власти в Кубанском Крае являются Краевая и Законодательная Рады, а носителями исполнительной власти — Войсковой Атаман и Кубанское Краевое правительство.

Судебная власть осуществляется независимыми судами, действующими на основаниях, в законе определенных. Судебные решения и приговоры выносятся именем закона.

Раздел IV Краевая Рада

10. Состав Краевой Рады и порядок ее избрания определяются особым законом, принятым Краевой Радой.

11. Краевая Рада созывается: для избрания Войскового Атамана и для рассмотрения и утверждения законов, вносящих изменения

в основные положения об управлении Краем, а также для решения вопросов, вносимых на ее рассмотрение Войсковым Атаманом или Законодательной Радой по постановлению двух третей всех ее членов или вопросов, возбужденных по почину самой Краевой Рады во время ее сессии.

12. Краевая Рада созывается Войсковым Атаманом по его инициативе или по решению Законодательной Рады, принятому большинством двух третей всех ее членов.

По разрешении Краевой Радой вопросов, для коих она была созвана, а равно возбужденных по ее инициативе, полномочия ее считаются прекращенными.

13. Для открытия Краевой Рады необходимо прибытие не менее двух третей членов ее.

14. Краевая Рада сама проверяет полномочия своих членов.

Раздел V **Законодательная Рада**

15. Законодательная Рада избирается на три года на основании особого закона, принятого Краевой Радой.

Примечание. Избрание первой по принятии настоящего Положения Законодательной Рады производится сроком на один год Чрезвычайной Краевой Радой созыва 28 октября 1918 года, в количестве восьмидесяти человек из числа членов Чрезвычайной Краевой Рады, пропорционально количеству населения каждого отдела.

Чрезвычайная Краевая Рада избирает также кандидатов к членам Законодательной Рады в числе сорока человек.

16. Законодательная Рада осуществляет законодательную деятельность, поскольку она не отнесена к ведению Краевой Рады, и пользуется правом законодательной инициативы. По законодательным предположениям своих членов или комиссий она может поручить Краевому правительству разработку соответствующего законопроекта на принятых Радой основаниях.

В частности, к ведению Законодательной Рады относятся: рассмотрение и утверждение Краевого бюджета, утверждение проектов правительственных займов, определение ежегодного контингента лиц, подлежащих призыву на военную службу, утверждение договоров, заключаемых с другими государственными образованиями и областями, и обсуждение деятельности Кубанского Краевого правительства, к которому она может обращать запросы и вопросы.

17. Члены Законодательной Рады принимают участие в заседаниях Краевой Рады с правом совещательного голоса.

18. Законодательная Рада собирается ежегодно по праву на очередную сессию, открываемую 15 ноября.

На чрезвычайную сессию Законодательная Рада созывается Войсковым Атаманом по его инициативе, а равно по заявлению не менее одной трети числа членов Законодательной Рады.

19. Немедленно по открытии очередной сессии Законодательной Рады на ее рассмотрение Правительством вносится роспись краевых расходов и доходов.

20. До принятия Законодательной Радой росписи никакой налог не может быть взимаем и никакой расход не может быть произведен без специального на то разрешения Рады.

Примечание. Существующие налоги и сборы, а также производимые по временным штатам и особым постановлениям Правительства расходы сохраняются до момента утверждения Законодательной Рады первой росписи Краевых расходов и доходов.

21. Законодательная Рада избирает Краевого Контролера для наблюдения за правильным исполнением Краевой росписи доходов и расходов и Контроля над финансово-хозяйственной деятельностью всех органов исполнительной власти Края.

Проект росписи представляется в Раду с замечаниями Краевого контролера.

Раздел VI

Порядок ведения дел

22. Заседания Краевой и Законодательной Рад действительны только при наличии абсолютного большинства членов.

23. Решения в Краевой и Законодательных Радах принимаются абсолютным большинством голосов присутствующих членов, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Положением.

При равенстве голосов предложение считается отвергнутым.

24. Краевая и Законодательная Рады определяют внутренний порядок своей деятельности посредством наказов.

25. Краевая и Законодательная Рады избирают свой Президиум в составе Председателя, его товарищей и секретарей, причем Президиум Краевой Рады избирается лишь на время сессии и прекращает свои функции вместе с ее окончанием; Президиум же Законодательной Рады избирается в начале каждой очередной сессии и сохраняет свои полномочия для избрания Президиума следующей очередной сессией.

26. Краевая и Законодательная Рады могут образовывать комиссии, которые пользуются правом требовать устные и письменные объ-

яснения и справки от членов Правительства, всех правительственных и других учреждений и должностных лиц. Комиссии могут приглашать в свои заседания следующих лиц с правом совещательного голоса.

Законодательная Рада может образовывать комиссии, действующие непрерывно.

27. Заседания Краевой и Законодательной Рад публичны, но по распоряжению Председателя или по предложению, подписанному в Краевой Раде одною пятнадцатою, а в Законодательной Раде одною десятою присутствующих членов, двери заседания закрываются, после чего абсолютным большинством голосов принимается решение о публичном или непубличном порядке рассмотрения того или иного вопроса.

Раздел VII

Общие Положения о Краевой и Законодательной Радах

28. Краевая и Законодательная Рады неприкосновенны.

Всякое лицо, посягнувшее на их свободу и независимость, отвечает как за тягчайшее государственное преступление.

29. Члены Краевой и Законодательной Рад за мнения, высказываемые при исполнении им своих обязанностей, не несут никакой ответственности ни в общеуголовном порядке, ни в порядке частного обвинения.

30. Члены Краевой и Законодательной Рад во время сессии, без разрешения соответствующего представительного собрания, не могут подлежать личному задержанию или судебному преследованию, за исключением случая задержания на месте преступления.

31. По постановлению Краевой или Законодательной Рад личное задержание члена той или другой Рады отменяется и судебное преследование приостанавливается на всё время сессии.

32. Члены Краевой и Законодательной Рад тотчас после открытия первой сессии дают торжественное обещание по прилагаемому при сем тексту.

33. Члены Краевой Рады получают из краевых средств суточное вознаграждение в размере, определяемом самой Радой. Кроме того, они пользуются правом проезда за счет краевых средств перед началом и по окончании сессии от места своего жительства до места заседания Рады и обратно.

Члены Законодательной Рады получают из тех же средств денежное годовое довольствие в размере, установленном Краевою Радою.

34. Члены Законодательной Рады не могут занимать платные должности по назначению Правительственной власти, а также выборные административные или полицейские должности за исключением

членов Правительства, Краевого Контролера и их товарищей. Лица, занимающие означенные должности, со дня уведомления их о выборе членами Законодательной Рады, должны в двухнедельный срок подать прошение об отчислении от занимаемой должности. Не исполнившие сего почитаются отказавшимися от полномочий депутата.

Примечание. Члены Законодательной Рады, избранные Чрезвычайной Краевой Радой созыва 1918 г., сохраняют за собой право по истечении срока своих полномочий занять прежнее место своей службы.

35. Члены Краевой и Законодательной Рад до истечения срока своих полномочий не могут быть отозваны своими избирателями и не могут быть лишены депутатских полномочий иначе, как вследствие приговора суда, с коим связано лишение избирательных прав.

36. Председатель Правительства, Члены Правительства, Краевой Контролер и их товарищи пользуются правом свободного доступа в заседания Краевой и Законодательной Рад и могут обращаться с объяснениями к собранию вне очереди, как только этого пожелают.

В голосовании они могут принимать участие только в том случае, если состоят членами данной Рады.

Раздел VIII **Войсковой Атаман**

37. Кубанский Войсковой Атаман почитается главою Кубанского Края и Кубанского казачьего войска. Ему, как главе Края, подчинены все краевые военные силы.

38. Войсковой Атаман избирается Краевой Радой на четыре года из числа природных Кубанских казаков и горцев, а также из числа приписных казаков, прослуживших Кубанскому Краю не менее пятнадцати лет.

39. Войсковой Атаман обладает правом помилования и смягчения наказаний по судебным приговорам, но не может прекращать судебное следствие и освобождать от ответственности до постановления судебного приговора.

Амнистия может быть дарована только актом, изданным в законодательном порядке.

40. Войсковой Атаман приглашает Председателя Краевого Правительства и назначает Членов Правительства из лиц, предложенных ему Председателем Правительства.

41. Войсковой Атаман назначает на все военные и гражданские должности, за исключением случаев, законом предусмотренных. Он производит в чины и дает награды.

42. Войсковой Атаман в двухнедельный срок утверждает принятые Законодательной Радой законопроекты и их обнародывает.

Законопроекты, признанные особым постановлением Законодательной Рады спешными, должны быть утверждены и обнародованы в трехдневный срок.

Законы, издаваемые Краевой Радой, опубликовываются Войсковым Атаманом по принятии их Радой.

43. В случае неутверждения Войсковым Атаманом законопроектов Законодательной Рады, последние вместе с замечаниями Войскового Атамана возвращаются в Законодательную Раду для нового рассмотрения.

44. Неутвержденный Войсковым Атаманом законопроект, будучи вторично без всяких изменений одобрен Законодательной Радой, большинством двух третей присутствующих членов, немедленно воспринимает силу закона и в трехдневный срок опубликовывается Войсковым Атаманом.

45. Войсковой Атаман издает указы о созыве или перерыве сессии Законодательной Рады по своей инициативе или по постановлению Законодательной Рады; указы о закрытии сессии Законодательной Рады издаются им только по ее постановлению.

46. Перерыв очередной сессии Законодательной Рады без ее о том постановления может произойти не ранее рассмотрения ею краевой росписи доходов и расходов; перерыв очередной или чрезвычайной сессии Законодательной Рады без ее о том постановления может происходить не более двух раз в течение одной и той же сессии и не может продолжаться каждый раз свыше месяца.

47. Войсковому Атаману принадлежит право законодательной инициативы.

48. Войсковой Атаман может устно или письменно делать сообщения Законодательной Раде о важнейших событиях, обсуждение которых в Раде в присутствии Войскового Атамана не допускается.

49. Все акты Войскового Атамана должны быть скреплены Председателем Краевого Правительства или отдельными членами Правительства, по принадлежности, без какой скрепы акты Войскового Атамана недействительны.

50. Войсковой Атаман по своем избрании приносит присягу по прилагаемой при сем форме.

51. В случае смерти Войскового Атамана до истечения срока полномочий его функции исполняет Председатель Краевого Правительства до избрания нового Атамана Краевой Радой, которая в этом случае созывается Председателем Правительства не позже одного месяца со дня смерти Атамана. В случае тяжелой болезни или выезда Войскового

Атамана за пределы Кубанского Края его обязанности временно исполняет также Председатель Краевого Правительства.

52. Войсковой Атаман ответственен только в случае нарушения им настоящего Положения и случае тяжких государственных преступлений.

53. Войсковой Атаман за исполнение своих обязанностей получает вознаграждение в размере, устанавливаемом Краевою Радою.

Раздел IX

Кубанское Краевое Правительство

54. Исполнительную власть в Кубанском Крае осуществляет Кубанское Краевое Правительство в составе Председателя и членов, составляющих Совет Правительства.

55. Совет Правительства несет солидарную ответственность перед Законодательной Радою за общее направление своей деятельности. За личные же свои действия члены Правительства несут индивидуальную ответственность.

56. Вотум недоверия, принятый в Законодательной Раде простым большинством голосов, влечет за собою отставку Правительства.

57. Во время отсутствия занятий Законодательной Радою, в случае чрезвычайной к тому необходимости Совет Правительства пользуется правом издания законов, которые требуют утверждения Войскового Атамана и им опубликовываются.

58. Законы, изданные в порядке предшествующей статьи, должны быть внесены на рассмотрение Законодательной Рады в течение двух недель после открытия ближайшей сессии.

Законы, не внесенные в Законодательную Раду в течение указанного срока, теряют свою силу.

59. Акты Войскового Атамана и Краевого Правительства, изданные с нарушением настоящего Положения, почитаются недействительными.

Раздел X

Об ответственности Войскового Атамана, членов Правительства и членов Законодательной Рады

60. Порядок ответственности Войскового Атамана за преступления, предусмотренные статьею 52 настоящего Положения, а также порядок суда над членами Краевой и Законодательной Рад, в случае совершения ими преступлений, определяются особым законом, изданным Краевою Радою.

61. За должностные преступления, совершенные Членами Краевого Правительства, Законодательная Рада может возбудить против них, а равно против Совета Правительства в целом, обвинение и предать их суду того судебного установления, коему будут подсудны Войсковой Атаман и члены Законодательной Рады.

Раздел XI

62. Все законы Государства Российского, в том числе все законы, изданные Временным Правительством, поскольку те и другие касаются Кубанского Края и поскольку они не отменены и не изменены Высшей Краевой Властью, сохраняют свою силу.

Приложение к ст. 50 Текст присяги Войскового Атамана

Именем Всемогущего Бога перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом и пред славными боевыми знаменами Кубанского казачьего Войска обещаюсь верно и нелицемерно служить избравшему меня своим Войсковым Атаманом Кубанскому Казачеству и населению Кубанского Края, ради славы и процветания его не шадить своего живота до последней капли крови. Всё, что от меня будет зависеть в деле исполнения законов, направлять ко благу Родной Кубани и поступать по их смыслу, духу и цели, памятуя, что нет счастья народного без закона, правды и свободы. Боже Милосердный и Истинный. Рука Твоя благая да укажет мне путь правый, ведущий к пользе Государственной и к величию Кубанского Края, во главе которого я поставлен волею Краевой Рады. Помоги мне в великом служении моем. Аминь.

Примечание. Лица нехристианского исповедания приносят присягу соответственно требованиям и обрядам своей религии.

Приложение к ст. 32 Форма торжественного обещания для членов Рады

Мы, нижепоименованные, обещаем пред Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности Членов Краевой (Законодательной) Рады по крайнему нашему разумению, совести и силам, все помыслы свои направляя к пользе Государственной и ко благу и крепости Родного Кубанского Края, в удостоверение чего своеручно подписуемся.

Приложение № 78
ВЫДЕРЖКИ ИЗ РЕЧЕЙ
генерала А. И. Деникина¹,

носивших характер деклараций Добровольческой власти

**1. Выдержки из речи, произнесенной генералом А. И. Деникиным
в Ставрополе 26 августа (по нов. ст. 8 сент.) 1918 года**

...Добровольческая Армия поставила себе задачей воссоздание Единой Великодержавной России. Отсюда — ропот центробежных сил и местных больных честолюбий.

Добровольческая Армия не может, хотя бы и временно, идти в кабалу к иноземцам и тем более набрасывать цепи на будущий вольный ход русского государственного корабля. Отсюда — ропот и угрозы извне.

Добровольческая Армия, свершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно-мыслящие круги населения. Она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации. Тогда она не была бы Русской Государственной Армией. Отсюда — неудовольствие нетерпимых и политическая борьба вокруг имени армии. Но если в рядах армии и живут определенные традиции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: будьте вы правыми, будьте вы левыми — но любите нашу истерзанную Родину и помогите нам спасти ее.

Точно так же, обрушиваясь всей силой своей против растлителей народной души и расхитителей народного достояния, Добровольческая Армия чужда социальной и классовой борьбы. В той тяжелой болезненной обстановке, в которой мы живем, когда от России остались лишь лоскутья, не время решать социальные проблемы. И не могут части русской державы строить русскую жизнь каждая по-своему.

Поэтому те чины Добровольческой Армии, на которых судьба возложила тяжкое бремя управления, отнюдь не будут ломать основное законодательство. Их роль — создать лишь такую обстановку, в которой можно бы сносно, терпимо жить и дышать до тех пор, пока Всероссийские законодательные учреждения, представляющие разум и совесть народа русского, не направят жизнь его по новому руслу — к свету и правде.

¹ Выдержки приведены согласно тексту, напечатанному — для первой речи на стр. 262–263 тома III, для второй — на с. 45–48 тома IV труда генерала А. И. Деникина «Очерки Русской Смуты».

2. Выдержки из речи генерала А. И. Деникина на открытии Кубанской Рады 1 ноября (по нов. стилю 14-го) 1918 года

С полей Ставрополя, где много дней идет кровопролитное сражение, я приехал к вам на несколько часов, чтобы приветствовать Кубанскую Краевую Раду и высказать, чем живет, во что верит, на что надеется Добровольческая Армия...

Завтра годовщина зарождения Армии. 2 ноября¹ приехал в Новочеркасск ген. Алексеев, собрал вокруг себя 200 офицеров — бездомных, изгнанных, голодных, получив от России первый взнос, в количестве 400 руб. на формирование Армии...

В феврале месяце, видя полную невозможность оставаться и бороться на Дону, Добровольческая Армия, предводимая генералом Корниловым, двинулась на Кубань. С тех пор судьбы ее тесно переплелись с судьбами Кубани и в боевом содружестве, и в перенесенных страданиях, и в тысячах братских могил, и в радости ратных побед.

Добровольцы шли в жару и стужу, переносили невероятные лишения, гибли тысячами... Шли бескорыстно: деревянный крест или жизнь калеки — были уделом большинства.

И только одна заветная мысль, одна яркая надежда, одно желание одухотворяло всех — спасти Россию.

В такой небывало трудной обстановке прошел весь первый Кубанский поход.

Когда в мае принято было твердое решение в первую очередь приступить к освобождению Задонья и Кубани, командование Добровольческой Армии встретило осуждение со всех сторон. Все настойчиво требовали нашего движения на север. И Донское правительство, и киевские военные, и политические круги, и московские центры, и кадетские лидеры, и целый ряд общественных политических деятелей всех оттенков.

Но решение наше осталось неизменным. Добровольческая Армия начала операцию, которая увенчалась освобождением Задонья, Кубани, Черноморской и большей части Ставропольской губернии от власти большевиков.

Это не было «частным предприятием», а велением совести и сознанием государственной необходимости. Командование Добровольческой Армии взяло на себя за этот шаг нравственную ответственность перед Родиной, глубоко веря, что на Кубани нет предателей, что, когда придет час освобождения, вольная Кубань не порвет связи с Добровольческой Армией и пошлет своих сынов в рядах ее в глубь России, в смертном томлении ждущей избавления.

¹ По старому стилю; по новому — 15 ноября. — *Прим. Н. Н. Г.*

Этого повелительно требует не только долг перед Родиной, не только честь, но и прямые интересы Кубани. Разве возможна мирная жизнь на Кубани, разве будут обеспечены ваши многострадальные станицы от нового еще горшего нашествия большевиков, когда красная власть, прочно засев в Москве, отбросит своими полчищами Поволжский фронт, сдавит с севера и востока Донскую область и хлынет к нам? Разве могут жить спокойно кавказские и линейные станицы, когда у Ставрополя, Св. Креста и Минеральных Вод собираются десятки тысяч красных? А грозная опасность уже близка. Имеются достоверные сведения о скоплении масс большевиков на огромном фронте от Белгорода до Царицына. На Украине, при участии немцев, готовится совместное выступление большевиков и самостийных украинских социалистов, грозящее и этот край превратить в Совдепию.

При таком положении может ли Кубань успокоиться и заняться только своими внутренними делами?

Нет. Пора бросить споры, интриги, местничество. Всё для борьбы. Большевизм должен быть раздавлен. Россия должна быть освобождена. Иначе не пойдет впрок ваше собственное благополучие, которое станет игрушкой в руках своих и чужих врагов России и народа русского.

Добровольческая Армия, в рядах которой доблестно сражается множество кубанских казаков, явилась сюда не для завоевания, а для освобождения. И то освобождение, которое другим досталось ценою национального унижения, потери политической самостоятельности и экономического рабства, — Кубань получила без цепей, без ярма, ценою лишь святой крови добровольцев, слетевшихся со всех концов России, и славных Кубанских казаков.

А стоило это крови не малой. Добровольческая Армия за два похода на Кубань потеряла своих вождей, великих русских патриотов генералов Корнилова и Алексеева, доблестного генерала Маркова, потеряла до 30 тысяч добровольцев и казаков. Особенно тяжкие потери легли на старые Добровольческие части — 1-й офицерский генерала Маркова полк и Корниловский полк. Известно ли Вам, господа, что Корниловский полк, насчитывающий сегодня едва 500 бойцов, провел через свои ряды свыше пяти тысяч.

В этих потоках крови, в этих длинных списках павших на поле брани наиболее почетное место принадлежит великим страстотерпцам — русскому офицерству.

Я предлагаю Краевой Раде, еще раз поднявшись, почтить тихим, молитвенным молчанием светлую память тех, кто душу свою положил за спасение России и за счастье Кубани...

По мере роста сил Добровольческой Армии и боевых успехов растет число ее друзей и крепнет злоба ее врагов.

Я с полным удовлетворением должен признать, что повсюду по Кубанскому краю, среди родного нам по крови и по духу славного, приветливого, храброго Кубанского казачества Добровольческая Армия встречала и встречает радушный, сердечный прием и гостеприимный кров. Но в последнее время идет широкая агитация, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогреваемая людьми, которые жадными руками тянутся к власти, не разбирая способов и средств. Хотят поселить рознь в рядах Армии, и особенно между кубанскими казаками и добровольцами. Хотят привести Армию в то жалкое состояние, в каком она была зимою 1917 года. Это те самые люди, которые смиренно кланялись большевикам, скрывались в подполье или прятались за Добровольческие штыки.

И это делается тогда, когда Добровольческая Армия, не зная дня отдыха, в кровавых боях напрягает огромные усилия, чтобы сломить всё еще сильное сопротивление врага, когда изо дня в день льется кровь и гибнет цвет русской молодежи.

Мне хочется сказать этим господам: вы думаете, что опасность более не угрожает вашей драгоценной жизни? Напрасно. Борьба с большевизмом далеко еще не кончена. Идет самый сильный, самый страшный девятый вал... И потому не трогайте Армию. Не играйте с огнем. Пока огонь в железных стенах, он греет. Но когда вырвется наружу, произойдет пожар. И кто знает, не на ваши ли головы обрушатся расшатанные вами подгоревшие балки?

России нужна сильная, могучая армия.

В кровавой жестокой борьбе, близкого конца которой еще не видно, нельзя идти врознь. Иначе, если все-таки несомненна, конечно, победа, то праздновать ее мы будем только разве тризной на трупах бесконечного числа загубленных людей, на развалинах русского народного достоинства и русской государственности.

Не должно быть Армии Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская Армия, с единым фронтом, единым командованием, облеченным полной мощью и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти.

И теперь, когда близится час окончания мировой войны, когда все государства в лице лучших своих «мужей совета», облеченных доверием народов, будут решать судьбу мира, кем будет представлена Россия? Теми ли, что надругались над всем святым нашим, которые плюнули в душу русского человека и грязным большевицким сапогом растоптали ее? Теми ли, что предательски отвернулись от своей Родины и вражескими штыками создали себе временное и призрачное

благополучие? Теми ли, наконец, кто честно и беззаветно борются за спасение Родины, но говорят на разных языках и до сих пор не могут никак столкнуться друг с другом?

За шесть с лишним лет двух войн, за время русской революции я достаточно часто смотрел в глаза смерти и перенес достаточно тяжелые нравственные пытки. Но когда я подумаю о том позоре, о том страшном несчастье, когда поверженную в прах и раздерганную в клочья Родину нашу на предстоящем судьбище народов некому даже защитить, мне хочется рыдать от тяжелой, невыносимой боли...

Ее — Родную нашу, любимую, больную — мы должны поднять на свои плечи, должны довести до международного судьбища, чтобы там она могла хотя тихим и слабым голосом сказать, чего требует русский народ.

Да, требует.

Ибо я верую и исповедую, что великий русский народ, оправившись от болезни, стряхнув наваждение, станет вновь страшною силою, которая никогда не забудет ни тех держав, что в дни его несчастья любовно, бескорыстно поддержат его, ни тех, что с небывалой жестокостью и эгоизмом высасывали из него последние соки и толкали в бездну анархии.

Но для этого нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть.

Добровольческая Армия, собирая вокруг себя и вооруженные силы, и людей государственного опыта, приглашает все части русского государства, признающие единую, неделимую Россию, сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства, для общей борьбы с врагами России, для единого представительства и защиты русских интересов на будущем мирном конгрессе.

Такое единение всех государственных образований и всех государственно мыслящих русских людей тем более возможно, что Добровольческая Армия, ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предпринимает ни формы будущего образа правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю. От нас требуют партийного флага. Но разве трехцветное знамя Великодержавной России не выше всех партийных флагов? Разве вы не видите, как в кровавых боях, изо дня в день, под этим знаменем самоотверженно борются «за Русь святую», умирают и побеждают доблестные воины Добровольческой Армии? Единение возможно и потому, что Добровольческая Армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта.

И с чувством внутреннего удовлетворения я могу сказать, что теперь уже, невзирая на некоторое расхождение, выяснилась воз-

возможность единения нашего с Доном, Крымом, Терекон, Арменией, Закаспийской областью... Возможно единение и с Украиной, когда, быть может, ценою тяжких внутренних потрясений она сбросит с себя иноземное иго и вспомнит о сыновних обязанностях перед общей Родиной. Возможно и с мирным грузинским народом, когда изменится политика его правительства, которое воздвигнуло гонение на русских людей, присвоило себе русское государственное имущество, захватило в свое незаконное и несправедливое управление Сочинский округ и толпами красноармейцев угрожает русской Добровольческой Армии.

Наконец, в последние дни появилось новое государственное образование в Сибири, правительство которого объявило себя всероссийской государственной властью. Добровольческая Армия не имеет решительно никаких оснований признавать Уфимское Правительство Всероссийской властью. Тем более что, судя по известиям, проникшим в печать, это правительство ответственно и направляется Учредительным Собранием первого созыва, возникшим в дни народного помешательства, составленным на половину из анархических элементов и не пользующимися в стране ни малейшим нравственным авторитетом.

Но, наряду с этим, Добровольческая Армия от души приветствует мысль собирания Русской земли, положенную в основании Сибирского объединения, признает его исключительно важное значение и находит не только возможным, но и необходимым путем взаимных соглашений направить русские силы востока и юга к одной общей цели возрождения Великодержавной России.

Проходя свой крестный путь, считая себя преемницей Русской Армии, Добровольческая Армия в самых тяжелых, казалось, безвыходных обстоятельствах своей жизни оставалась верной договорам с союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательством. События последних дней доказали, что прямая и честная политика вернее... И мы с открытой душой шлем свои сердечные пожелания доблестным войскам наших союзников.

В предвидении близких переговоров о перемирии представителю Добровольческой Армии при союзных посольствах предложено было еще 12 октября предъявить им следующие основания:

1. Единство представительства России на мирной конференции, с исключением из него делегатов большевицких и тех территориальных образований, которые в своих основных принципах расходятся с целями Добровольческой Армии, т. е. по вопросу об единой, неделимой России.

2. Упразднение договоров, заключенных с Германией или ее союзниками. Восстановление нарушенных такими договорами прав, возмещение причиненных этим путем убытков (возврат золота, военного и торгового флота, предметов вооружения, подвижного состава

железных дорог и проч.) и прекращение вывоза из России продовольствия и имущества.

3. Очищение Германией и ее союзниками русской территории в пределах границ 1914 года, включая и Финляндию.

Такое же требование признается необходимым и в отношении Польши.

4. Занятие на русской территории, оккупированной ныне германско-австро-турецкими войсками, главнейших стратегических пунктов русскими частями или же временно войсками держав Согласия до момента формирования достаточно сильных русских отрядов.

5. Немедленный обмен военнопленными.

6. Обязательство Германии и ее союзников не препятствовать каким бы то ни было способом водворению в России единого прочного строя.

В такое исключительное, полное огромной исторической важности время собралась Кубанская Краевая Рада строить жизнь Кубани. Собрались русские люди — Кубанские казаки, умудренные горьким опытом и тяжелыми испытаниями. Среди вас я вижу много моих боевых соратников по славным походам нашим, своими подвигами и кровью добывавших свободу Кубани.

Позвольте же выразить вам от имени Добровольческой Армии самый искренний, самый горячий привет.

Дай Бог счастья Кубанскому Краю, дорогому для всех нас по тем душевным переживаниям — и тяжким и радостным, — которые связаны с безбрежными его степями, гостеприимными станицами и родными могилами.

Приложение № 79 ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ

«Положения об Особом Совещании при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России»,

утвержденного ген. Деникиным 2 февраля (по новому стилю 15-го)
1919 года¹

1. При Главнокомандующем, для содействия в делах законодательных и административных, состоят Особое Совещание и нижеследующие ведомства (перечень их ниже).

...

¹ Приводятся согласно тексту, напечатанному на с. 203 (примечание 2-е) т. IV труда ген. А. И. Деникина «Очерки Русской Смуты».

3. В областях управления подчиненного Начальники Управлений, Управляющие Отделами Законов и Пропаганды пользуются правами Министров, применительно к Учреждениям Министерств (Св. Зак., т. I, ч. 2, изд. 1892 г.).

...

9. В области законодательства и Верховного Управления Особое Совещание является совещательным органом при Главнокомандующем.

10. На обсуждение Особого Совещания поступают: 1) все законодательные предположения, за исключением касающихся тех предметов, кои предусматриваются статьями 96 и 97 Основных Законов; 2) все правительственные мероприятия общего государственного значения; 3) все предположения о замещении высших гражданских должностей центрального и местного управления, за исключением должностей Начальников Управлений...

Дела, подлежащие рассмотрению Особого Совещания, вносятся в оное Главнокомандующим, Председателем Особого Совещания, начальниками Управления...

На внесение в Особое Совещание законодательных предположений Начальники Управлений... испрашивают предварительно разрешение Главнокомандующего.

11. Постановления Особого Совещания представляются Председателем его на утверждение Главнокомандующему.

В составе Особого Совещания входили еще по должности: 1) нач. штаба Главнокомандующего; 2) Главный начальник снабжений и 3) Главный начальник военных сообщений. Кроме того — без портфеля — несколько государственных и общественных деятелей.

Для разгрузки от маловажных дел было образовано малое присутствие, состоявшее из помощников начальников ведомств.

Ген. Н. Н. ГОЛОВИНЪ

орд. проф. 6. Имп. Никол. Воен. Академіи,
нынѣ проф. Рус. Ист.-Фил. Фак. въ Парижѣ.

РОССІЙСКАЯ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ 1917 — 1918 г. г.

Часть V.

Освобожденіе Дона и Кубани, и образованіе „Бѣлаго“
Южнаго фронта Гражданской войны.

Общее заключеніе.

Книга 12-я

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ“
на 1937 г.

IMPRIMÉ EN ESTHONIE

ОСВОБОЖДЕНИЕ ДОНА И КУБАНИ И ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОГО ЮЖНОГО ФРОНТА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГЛАВА XXV ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОГО ЮЖНОГО ФРОНТА

Развал Украины

«В Киеве... — вспоминает один из непосредственных свидетелей событий на Украине¹, — в сентябре месяце по наружному виду всё было по-старому, но уже от времени до времени доходили слухи о неблагополучии в провинциях, говорили о неудовольствиях против Гетмана и немцев. Одновременно с этим распространилось известие о неудачах немцев на Ипре, что породило слухи об уходе немцев.

Гетман начинал нервничать и прислушиваться к голосу Русских национальных партий, всё время доказывающих ему необходимость отказаться от самостоятельности...»

К октябрю месяцу, по мере выяснения поражений немцев во Франции и на Балканах, настроение против Гетмана среди противобольшевицких элементов еще более увеличилось. С одной стороны, вокруг Петлюры (и Директории) группировались украинские самостийники, с другой — против Гетмана действовали сторонники восстановления прежней унитарной России.

Эти последние, по свидетельству генерала Черячукина², «неустанно убеждали Гетмана, что всё готово, что он останется один со своей самостийностью, что уже и Кубань, и Дон заявили о своем соединении с Россией, что Крым, Грузия, Дон, Кубань, Добровольцы и Астраханцы видят Россию не иначе, как “Единой и неделимой”, что немцы теперь

¹ Ген. А. В. Черячукин. Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918—1919 гг. // Донская Летопись, № 3, с. 205. — Ген. А. В. Черячукин был послом Дона на Украине.

² Там же, с. 208.

бессильны, что союзники окончательно погубят его, если только он не проявит своего лица, не пойдет к России; что достаточно только ему объяснить об этом, всё национальное украинское движение рухнет и через 1–2 недели 100–200-тысячная армия лиц, живущих на Украине, не желающих теперь ему служить, двинется совместно с Добровольцами и Донцами с Украины на Москву. Для борьбы с большевиками, для восстановления России Русская интеллигенция убеждала его, что на Украине никакого национального движения нет, что все на Украине пойдут за ним, раз только он объявит о присоединении к России, и все недовольства против него прекратятся.

Таким образом, по словам великорусских деятелей, назревала или как будто уже была готова особая армия, которая совместно с Добровольцами, Кубанцами и Донцами должна была безотлагательно начать общую работу по восстановлению “Единой, неделимой России”.

Гетман начинал уступать этому нажиму».

Однако осуществление всех этих радужных надежд требовало, прежде всего, установления тесного союза с правительствами всех уже освободившихся от большевиков областей России, и особенно с вождями Добровольческой Армии, так как последняя в глазах наиболее действенно и патриотически настроенной молодой русской интеллигенции стала главной носительницей русской национальной идеи.

Зная крайне враждебное отношение к нему генерала Деникина, генерал Скоропадский решил обратиться за содействием к Донскому Атаману генералу П. Н. Краснову, 3 ноября 1918 года на станцию Скороходово одновременно прибыли поезда Гетмана и Донского Атамана, и состоялось свидание этих лиц.

«После завтрака в вагоне Гетманского поезда и общей беседы, касавшейся главным образом снабжения Донской армии, — пишет в своих воспоминаниях ген. П. Н. Краснов¹, — Гетман остался наедине с Атаманом и здесь в откровенной беседе показал свои политические взгляды на будущее России. “Вы, конечно, понимаете, — говорил Гетман, — что я, флигель-адъютант и генерал Свиты Его Величества, не могу быть ширым украинцем и говорить о свободной Украине, но в то же время именно я, благодаря своей близости к Государю, должен сказать, что он сам погубил дело Империи и сам виноват в своем падении. Не может быть теперь и речи о возвращении к Империи и восстановлении Императорской власти. Здесь, на Украине мне пришлось выбирать — или самостийность, или большевизм, и я выбрал самостийность. И, право, в этой самостийности ничего худого нет. Предоставьте

¹ *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, том V, с. 237–238.

народу жить так, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давить, давить всё — это невозможно... Какую надо иметь силу для этого? Этой силы никто не имеет теперь. Да и хорошо ли это? Не надо этого. Дайте самим развиваться и, ей-Богу, сам народ устроит это всё не хуже нас с вами... Меня упрекают за то, что я вел переговоры с Императором Вильгельмом и ездил к нему... Шульгин в Екатеринодаре пишет Бог знает какие статьи про меня, называет меня изменником. И к нему пристала вся интеллигенция, все те общественные деятели, которых я спас от большевицкой петли. Я прошу Вас быть посредником между мною, Деникиным, Кубанцами, Грузией, Крымом, чтобы составить союз против большевиков. Разве не можем мы, или наши представители, съехаться где-либо и сговориться. Мы все — русские люди, и нам надо спасти Россию, и спасти ее мы можем только сами. Поверьте, никакие немцы, никакие англичане или французы нас не спасут”...

На совещании было решено, что Атаман снесется с генералом Деникиным для устройства совместных с украинцами переговоров. Там же Атаман заручился согласием Гетмана на создание на средства Гетмана особой Русской Армии в Юго-Восточном углу Харьковской губернии, которая заслоняла бы Войско Донское от большевиков со стороны Воронежской и Курской губерний»¹.

Вернувшись со свидания в Скороходове в Новочеркасск, Донской Атаман написал 4 ноября нижеприводимое письмо² генералу А. С. Лукомскому, ставшему военным и морским министром в Правительстве Деникина:

«Я вчера виделся с Гетманом Скоропадским. Цель нашего свидания — установление более дружеских отношений, слияние отдельных частей раздробившейся России, объединение для общей борьбы с большевизмом, борьбы для освобождения России. Вы отлично понимаете, что Гетман не может говорить громко о борьбе с большевиками, потому что он не имеет для этого армии и вынужден “играть в мир” с советской республикой. Но тайно и он, и те русские люди, которые его окружают, хотят и готовы помогать и Войску Донскому, и Добровольческой Армии, и Кубани в этом общем нашем деле: освободить Россию от нестерпимого гнета большевизма. Гетман готов делиться со всеми нами имуществом складов, патронами, снарядами и т. п. Готов помогать и денежно, потому что Украина: все-таки богаче Дона и Добровольческой Армии. Тут не может быть разговора о так

¹ См. мою главу XXII. — *Прим. Н. Н. Г.*

² Письмо Донского Атамана генералу А. С. Лукомскому от 21 октября (4 ноября нового стиля) 1918 года. Из Новочеркасска. Весьма секретно, № 15. — Цитировано в томе V «Архива Русской революции», с. 238–240.

навязших в зубах ориентациях. Снаряжение и вооружение Русское наследство разложившейся под язвами большевизма и разбежавшейся Российской республиканской армии, деньги даны русскими людьми, русскими банками. Я совершенно искренне говорю Вам, Александр Сергеевич, та политика обособленности от России и ее частей, которую ведет Добровольческая Армия, к добру не приведет. Вы всё ждете **барина**. **Вот придет барин — барин нас рассудит**. Но время идет и несет свои неудачи и падает вера в силы. Нельзя рассчитывать на чужеземную помощь, надо работать самим, самим в своем творчестве искать жизненные силы. Иначе мы будем, как цветок, подвязанный к палке, хилый и больной. Выдерните палку, и он упадет и завянет. Вы живете надеждами, что через две недели придут иностранцы и помогут Вам и войсками, и снарядами, и одеждой, и деньгами. Эту надежду Вы заразили даже и мою армию, и на Царицынском фронте ждут французов. И дух от этого не повышается, а падает.

А если не придут?

Я Вам прямо говорю — так скоро наверно не придут. То есть могут приехать отдельные люди, новые и новые возбудители надежд, но реальная сила — тысяч сорок войска, комплектов 200—300 тысяч одежды и вооружения при самых благоприятных условиях ранее декабря не придут. Да и придут ли?

А ведь вы все надежды возлагаете на них. Я не знаю, как одета и обута ваша армия, но про свою могу сказать — у меня две трети не имеют сносных сапог, одна треть совсем не имеет сапог, обута в лапти, даже офицеры. Не только полушубков, не только телогреек, но даже шинелей далеко не хватает. Патронов осталось только 13 миллионов. А война идет страшно жестокая. Я имею дело с четырьмя красноармейскими армиями, руководимыми генералами русского генерального штаба, армиями богато снабженными и отлично вооруженными.

Скажите по совести, имею ли я право при таких обстоятельствах отказываться от помощи оружием и снаряжением, не брать синицу в руки и ожидать журавля в небе?

Задайте себе тот же вопрос, и я думаю, что когда Вы трезво посмотрите на свою армию, на своих солдат и офицеров, когда Вы вспомните всю ту великую кровь, которою Вам приходится добывать победы, Вы поймете, что ждать нельзя. Да поверьте, и барин, которого Вы ждете и которому хотите поднести свою непоколебимую верность обещаниям, поймет, что иного выхода не было.

Да, для Добровольческой Армии есть еще выход, славно погибнуть, но будет ли это на пользу России, которая всё ждет от вас чуда? Могут ли погибнуть Дон, Кубань, Украина — их гибель не будет ли гибелью всего дела?

Нам нужно просто только столкнуться. Ведь не дети же мы? Капризные, своенравные дети, которые друг друга в чем-то обвинили и не хотят разговаривать один с другим.

Верьте мне, не политикины и газетчики, которые, как вороны, слетелись в Екатеринодар, спасут Россию. Ведь то, что теперь происходит в Екатеринодаре, так напоминает январь и февраль в Новочеркасске¹. Говорить о будущем России, всей России, еще рано — надо освободить ее. Нельзя делить шкуру медведя, не убивши самого медведя. Убить этого медведя каждому из нас порознь трудно, почти невозможно. Надо соединиться.

Ведь нам надо только столкнуться и понять друг друга. Tout comprendre, c'est tout pardonner^{II}.

Гетман предполагает на этих днях обратиться к Добровольческой Армии, к Дону и Кубани, если возможно — к Тереку, Грузии и Крыму, чтобы всем этим образованиям выслать определенное число депутатов на общий съезд. Цель этого съезда пока **только одна**: выработка общего плана борьбы с большевиками и большевизмом в России, чтобы наши действия не были отрывочными и эпизодическими, но в полной мере планомерными. И я надеюсь, что протянутая рука единения и дружбы не будет Вами оттолкнута. Ведь это еще шаг по пути к единой, неделимой России, не предрешая ее будущего. Не будем же сами толкать Украину на взятый ею ложный путь самостийности. Соберемся и столкуемся, памятуя, что *l'union fait la force*^{III}, и никто не посмеет бросить камень в русских людей, которые стремятся соединиться, а не разойтись».

Но протянутые Гетманом и Атаманом руки остались не принятыми, констатирует результаты своего письма генерал П. Н. Краснов^{IV}. «Всё не понравилось Деникину в этом письме. Во-первых, предложение о съезде исходило не от него, а от Гетмана, во-вторых, согласиться на разговоры с Гетманом, Грузией и Крымом значило признать их самостоятельность. От кого? Этим вопросом Деникин и его правительство не задавались. От Добровольческой Армии, конечно, которая олицетворяла всю Россию и являлась ее эмблемой. В-третьих, письмо говорило о союзнической помощи и сомневалось в ней, это было недопустимо с точки зрения Добровольческой Армии, и, наконец, до сведения Добровольческой Армии дошли слухи о том, что в Киеве собирается какая-то Южная армия. Ген. Деникин усмотрел в этой

¹ Здесь генерал П. Н. Краснов намекает на те разногласия между командованием Добровольческой Армии и ген. А. М. Калединым, которые привели к самоубийству последнего. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Понять — значит всё простить (*франц.*). — *Прим. ред.*

^{III} Сила — в единстве (*франц.*). — *Прим. ред.*

^{IV} Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 240.

армии злой умысел, каверзу, придуманную немцами для того, чтобы ослабить Добровольческую Армию и не пускать в нее офицеров из России, задерживая их на Украине. Почти одновременно с письмом в Екатеринодар приехал из Киева ген. А. М. Драгомиров, который весьма сурово и жестоко высказывался про Гетмана Скоропадского и про его германофильскую политику».

«28 октября¹ помощник главнокомандующего и начальник военноморского отдела Добровольческой Армии генерал Лукомский письмом за № 007 ответил Атаману, что он считает необходимым начать переговоры по выработке соглашения и об условиях такового, но в основу этих переговоров должно быть поставлено единое командование, единая власть генерала Деникина».

Таким образом, попытка Гетмана создать конфедерацию для борьбы с большевизмом не удалась.

«Между тем натиск на Гетмана русских продолжался, — вспоминает А. В. Черячукин^{II}. — Еще в первых числах ноября под давлением русской интеллигенции ему была подана так называемая тогда записка 10 министров о необходимости единения Украины с Россией. Этот красивый жест сделал свое дело.

Гетман подчинился этому требованию и 14 ноября опубликовал по этому поводу торжественную грамоту. Но результат оказался не тем, которого ожидали правые и либеральные Русские партии. Уже в ночь с 15 на 16 ноября на улицах Киева и в других центрах Украины были расклеены прокламации за подписью Директории (Винниченко¹⁹⁸, Петлюра, Швец, Макаренко и Андриевский), призывающие к низвержению Гетмана. Прокламации призывали также к вооруженному восстанию на защиту народных прав, языка, самостоятельности, объявляя Гетмана вне закона».

В призыве к восстанию приняли участие три партии: украинские социалисты-революционеры, социал-демократы и самостийники. Центральные украинские партии (социал-федералисты, трудовики) и правое крыло воздержались от участия в восстании. У этих групп не было уверенности в успехе восстания, главное же они опасались перерождения в большевизм.

Действительность показала, что размеры восстания и первые его успехи превзошли ожидания левых. Во всей Украине сразу же вспыхнули восстания. Однако сразу же можно было заметить и то, что опасения умеренных украинских партий о неминуемом перерождении восстания в большевизм тоже были правильны. Украинская Директория, так же

¹ По старому стилю. По новому стилю 11 ноября. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 гг. // *Донская Летопись*, № 3, с. 212.

как и Центральная Рада, преувеличила силу лозунга «хай живе вильна Украина» для народных масс Малороссии¹. Несомненно, что революционный процесс, происходивший уже полтора года в России, должен был разбудить и усилить центробежные национальные устремления. Поэтому естественно было ожидать и усиления «украинского» патриотизма в крестьянских массах Малороссии. Но эти массы осенью 1918 года были вновь всецело охвачены чрезвычайно бурной вспышкой аграрной революции. Это являлось последствием той аграрной политики, которую вели Гетман и оккупанты в течение лета 1918 года и о которой я говорил в главе XIII.

Украинское крестьянство пошло под знамена Петлюры против Гетмана только потому, что оно видело в последнем власть, покровительствовавшую «пану». В Петлюре же оно увидело одного из вождей, который может помочь ему опять захватить в свои руки все помещичьи земли. То, что желание овладеть вновь помещичьей землей являлось главным мотивом вступления украинских крестьян в ряды восставших против Гетманской власти, свидетельствуется следующим фактом: еще большим успехом, чем Петлюра, пользовались Махно, Григорьев¹⁹⁹ и другие «батьки-атаманы», в банды которых крестьянство шло еще охотнее. Между тем эти банды, чисто анархического характера, не задавались никакими целями борьбы за независимость Украины, а проповедовали лишь полное ограбление помещиков и городов.

«В эту тяжелую минуту Гетман решил прибегнуть к помощи добровольческих отрядов, — пишет ген. А. В. Черячукин^{II}, — но надежды его не оправдались. Вместо обещанных русской интеллигенцией 100—200 тысяч человек, готовых идти на Москву, едва мобилизовали 6—8 тысяч, из которых только две тысячи офицеров защищали Гетмана против Петлюры под Киевом на фронте в 22 версты. Силы же Петлюры всё возрастали; он в три недели собрал против Гетмана 3¹/₂ дивизии хорошо одетых и вооруженных солдат, воодушевленных идеей сражаться за свою самостоятельность, большими поблажками социальных реформ»^{III}.

Неудача формирования Гетманом своей русской Добровольческой Армии была предрешена той враждой и недоверием, которые испытывала по отношению к Гетману значительная часть русского офицерства. Генерал граф Келлер, герой войны, назначенный Гетманом главнокомандующим, с первых же дней своего назначения стал проявлять полное нежелание подчиняться Гетману и его министрам.

^I См. мою главу IX.

^{II} Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918—1919 гг. // Донская Летопись, № 3, с. 213.

^{III} Главным образом передачей в руки крестьян всей земли. — Прим. Н. Н. Г.

«Они думают, что я буду слушать все их глупости, — говорил он генералу Черячукину¹. — Раз я назначен, я сам буду распоряжаться, а не ожидать, что они мне позволят и с чем согласятся».

«Самостоятельность графа Келлера, — записывает дальше тот же генерал Черячукин², — настроила быстро против него всех министров. Явилась боязнь его диктатуры. Некоторые видели его уже на месте Гетмана, и потому уже 27 ноября граф Келлер был замещен князем Долгоруким²⁰⁰».

На этом трения на верхах военного командования не кончились. Новому Главнокомандующему князю Долгорукому пришлось арестовать доблестного русского генерала Ломновского²⁰¹, являвшегося в Киеве представителем генерала Деникина. Это было вызвано тем, что ген. Ломновский издал приказ, предписывавший русскому офицерству, образовавшему в Киеве добровольческие отряды, провозгласить себя частью Добровольческой Армии и подчиняться лишь исходящим от нее приказам. По существу дела это представляло собою попытку произвести *Coup d'Etat*³ в пользу Деникина. Инцидент этот был быстро ликвидирован после отмены ген. Ломновским отданного им приказа. Но моральные последствия его были гораздо большими, чем это думали. Он еще более обострил недоверие русского офицерства к Гетману. И без того, даже в той кучке офицеров-добровольцев, которые сопротивлялись на фронте, всё время шли разговоры: «Мы подчиняемся Деникину, а за Гетмана умирать не желаем»⁴.

Крайне враждебное отношение Главнокомандующего Добровольческой Армией к генералу Скоропадскому было широко известно и нашло свое яркое выражение в следующем факте: все офицеры, поступившие по призыву Гетмана в Украинскую Армию, пожелавшие впоследствии вступить в Добровольческую Армию, должны были пройти через следственную комиссию, для того чтобы реабилитировать себя от обвинения в государственной измене.

Главная причина невозможности создать противобольшевицкую конфедерацию

В течение сентября месяца 1918 года в Киеве образовалось несколько новых политических организаций: группа членов Государственной Думы и Государственного Совета около 70 человек, группа

¹ Цитировано в воспоминаниях ген. А. В. Черячукина: Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918—1919 гг. // Донская Летопись, № 3, с. 215.

² Там же.

³ Государственный переворот (*франц.*). — *Прим. ред.*

⁴ Цитировано в воспоминаниях ген. А. В. Черячукина: Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918—1919 гг. // Донская Летопись, № 3, с. 214.

гласных земского и городского самоуправления, группа торгово-промышленная и финансовая, группа земельных собственников, группы университетских и церковных деятелей. Все эти группы объединились через своих представителей в «Союз Государственного Объединения России». Таким образом последний выражал чаяния умеренных и правых элементов русского политического спектра¹.

«...Сколь отрицательно ни относились к хохломании съехавшиеся в Киеве русские политические деятели, — пишет один из активных членов только что упомянутого «Государственного Объединения»^{II}, — сколь ни осмеивали они в частных беседах опереточный двор Скоропадского с его украшенными “оселедцами” флигель-адъютантами, всё же никаких выступлений против него они не предпринимали и, наоборот, готовы были его всемерно поддержать, вполне сознавая, что при данных условиях падение Гетманской власти (в случае возможного ухода германских войск, против наличия которых поэтому тоже отнюдь не восставали) до свержения большевиков в Москве обратит и весь юг России в большевицкий застеноч. Настроение народных низов в Киеве было определено большевицкое, и на базарах открыто велись разговоры на тему о распространении на Украину райских, по их представлению, условий народной жизни в Совдепии. Не лучше, если не хуже, было настроение сельских масс, подвергавшихся усиленным денежным взысканиям при содействии германских войск за учиненные ими аграрные бесчинства...»

С целью попытаться повлиять на верхи Добровольческой Армии, равно как на Донского Атамана, в смысле их более тесного объединения между собой и особенно с Гетманским правительством, «Союз Государственного Объединения» командировал в Екатеринодар и в Новочеркасск двух своих членов: Н. Н. Шебеко²⁰², бывшего перед войной Российским послом в Вене, и бывшего члена Государственного Совета В. И. Гурко. Воспоминания последнего чрезвычайно характерно обрисовывают создавшуюся на Юге России обстановку, а также указывают, где находились препятствия к созданию задуманной противобольшевицкой конфедерации.

«Такое объединение, — начинает интересующую нас запись В. И. Гурко^{III}, — в случае всё сильнее обнаруживавшегося развала Германии, получало особое значение, и безнадежным, казалось, нельзя было его признать. Гетманской власти, в случае крушения Германии,

^I Милоков П. Н. Россия на переломе, т. II, с. 80.

^{II} Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917–1918 гг. // Архив Русской революции, т. XV, с. 32.

^{III} Там же, с. 34–35.

необходимо было искать другую опору, а могла она быть только в лице организованных остатков бывшей русской государственности, то есть Добровольческой Армии и Дона. Можно было думать, что и Добровольческая Армия наконец уразумеет, что в основу международной политики должны быть положены не чувства, а сухой, черствый расчет и что, чем вероятнее крушение Германии, тем безопаснее для русских интересов использовать еще сохранившиеся у нее силы для свержения большевиков или хотя бы для образования при ее содействии мощной военной силы на всем юге России.

Действительно, помощь Германии в деле восстановления России могла быть опасной только в случае сохранения ею своей мощи. В таком случае она, несомненно, оказала бы эту помощь лишь за дорогую цену и не преминула бы наложить на Россию свою тяжелую лапу. Победа Антанты эту опасность устранила.

Думать, что Державы Согласия оценят нашу Дон-Кихотскую лояльность и окажут нам за нее реальную бескорыстную помощь, было более чем наивно...

...Преследуемое съехавшимися в Киеве общественными деятелями объединение русских противобольшевицких сил было логически правильно, но тем самым совершенно недостижимо. Логика, вообще редко отражающаяся в людских поступках и отношениях, казалось, совершенно перестала в ту пору руководить людьми в принимаемых ими решениях.

Руководящими началами для главарей Белого Движения стали более чем когда-либо овладевшие ими разнообразные страсти, партийные домогательства и личные вожделения.

Соревнование между возглавлениями трех зародышей восстановленной Русской государственности, соревнование, основанное и на личных соображениях, и на разности политических устремлений, не сулило каких-либо реальных результатов инициативе группы лиц, не обладающих какой-либо силой и представляющих не столько обломки, сколько тени прошлого.

Сознавая всё это, я тем не менее согласился поехать совместно с Шебеко в Екатеринодар и Новочеркасск, но цель, которую я имел в виду, была иная. До Киева дошли определенные сведения, что Добровольческая Армия относится с величайшей враждебностью ко всем чинам Красной армии и к тем, которые когда-либо в ней числились, даже независимо от того, принимали ли они участие в борьбе с белыми, словом, даже к тем, которые правдами и неправдами от нее вырвались и стремились в Добровольческую Армию, как в родную среду. Лиц этих предавали суду и подчас выносили по отношению к ним суровые приговоры.

Между тем мне, быть может, ближе чем кому-либо были известны те условия, при которых многие военные вступили в Красную армию, вступили нередко против своего желания, побуждаемые к тому правым центром и даже генералом Брусиловым, — в лояльности которого в те времена ни у кого не возникало ни малейших сомнений, — основываясь на надежде взорвать большевиков изнутри, создав собственную силу в самом их вооруженном стане.

Известно было мне и то, что многие офицеры, вступив в Красную армию и ее штабы, при условии, однако, что их не заставят участвовать в гражданской войне, крайне тяготились своим положением, так как вскоре убедились, что, оставаясь в рядах Красной армии, никаких благих результатов для русского дела достигнуть невозможно и не быть втянутым в гражданскую войну невыносимо.

Если, тем не менее, верное Родине офицерство продолжало в течение некоторого времени оставаться в Красной армии, то опять-таки по многу же передаваемым уговорам правого центра, продолжавшего надеяться приблизительно до середины августа свергнуть большевиков в Москве при помощи военных элементов.

Внедрению в Красную армию и ее штабы контрреволюционного офицерства правый центр придавал особое значение.

Так как я был единственным посредником между правым центром и наиболее видными и влиятельными представителями офицерства, вступившего в Красную армию с целью борьбы с большевизмом, то я и считал своим долгом высказать всё это лично командованию Добровольческой Армии, переименовав лиц, с которыми я был в связи. Лица эти, попав в Добровольческую Армию, могли уже, в свою очередь, назвать других офицеров, вступивших в Красную армию по тем же побуждениям, имена коих мне не были известны...»

Далее В. И. Гурко описывает свое свидание с генералом А. С. Лукомским.

«К нему я первым делом и отправился, — записывает. В. И. Гурко, — причем тотчас убедился в полнейшей бесполезности нашей поездки в отношении намеченной цели...»

Разговор с ген. Лукомским был краток, «так как я с первых слов почувствовал не только враждебность к тем идеям, которые мы были посланы проводить (единение с Украиной и Доном), но и некоторую досаду по поводу самого нашего приезда...»

Мысль объединения с Доном и Украиной «была в то время для Добровольческой Армии совершенно неприемлема. Только что выяснилось торжество держав согласия над австро-германскими полчищами. Объединяться при таких условиях с созданной германской силой и на ней державшейся Украиной и поддерживавшим

дружественные сношения с Германией Доном не было, казалось, никакого смысла.

Особенной враждебностью отличалось отношение Добровольческой Армии к Донскому Атаману. Чем оно было вызвано, мы, конечно, не могли выяснить, но сказывалось оно не только определенно, но и резко. Лукомский мне даже сказал, что от армии всецело зависит сменить атамана Краснова и посадить на его место генерала Богаевского. “Это дело 24 часов, — прибавил Лукомский, — и возможно, что мы к этому прибежем”.

Управление армии собиралось пожать плоды столь ревниво соблюдавшейся ею лояльности к союзникам и пребывало в наивной, но твердой уверенности, что державы Антанты не преминут оказать неограниченную помощь той России, которую оно представляло, России — верной союзнице в мировой войне, в течение трех лет оказавшей им ценою огромных жертв немалую помощь...

...Тем не менее безнадежность успеха Белого Движения после нескольких дней пребывания в Екатеринодаре для меня стала очевидной. Неопытность еще вчера чуждых всякой политики и плохо в ней разбиравшихся начальников второстепенных по значению воинских единиц сказывалась и в их словах, и в действиях. Особенно ярко она проступала в том весьма сложном положении, которое создалось для Добровольческой Армии вследствие отсутствия у нее собственной территории.

Установить прочные нормальные отношения к Кубани и ее правительству можно было двумя способами: либо насильственным подавлением кубанского сепаратизма и завладением всей полнотой власти в крае, либо, наоборот, полным невмешательством в дела местного гражданского управления и хотя бы временным, но безоговорочным признанием ее политической самостоятельности.

Избрали средний путь и, естественно, запутались в политических компромиссах, что и привело к постепенному обострению отношений между армией и кубанскими местными властями.

Да, Деникин, Лукомский, Драгомиров и их предшественники Алексеев и доблестный Корнилов это — лучшее в смысле горячего патриотизма и действенной энергии, что выставила императорская армия после крушения монархии, но, увы, это лучшее, в смысле разумения мировых событий, в отношении организации национально-русского ядра, представляло силу хотя и незаурядную, но тем не менее не отвечающую тем исключительным требованиям, которые предъявляли чрезвычайные события. События были сильнее их: они требовали людей, быть может, и менее горячо любящих родину, менее беззаветно преданных делу, которому они себя посвятили, но глубже

понимающих истинный смысл совершающегося, более искусственных в политических хитросплетениях... В вопросе об объединении с Доном и Украиной и сближении с Германией вожди Добровольческой Армии не понимали, что смысл его состоял в том, чтобы воспользоваться уже несомненно приближавшимся к концу пребыванием германских войск в пределах России и при их помощи создать мощную военную русскую силу, хотя бы в смысле имеющегося у нее вооружения за счет того военного материала, который юг России еще заключал и который при иных условиях неизбежно должен был попасть в руки большевиков, как это вскоре и произошло...

...Мое первое впечатление, вынесенное из разговора с Лукомским, по мере ознакомления с общей обстановкой в Екатеринодаре и фигурировавшими там на политической сцене личностями, лишь укрепилось. Нас опасались решительно все и желали лишь одного — нашего скорейшего отъезда. Не встречало сочувствия и привезенное нами из Киева предположение об установлении постоянной связи между образовавшимся в Киеве Советом национального объединения, включавшим, однако, многих представителей той же кадетской партии и Добровольческой Армии.

Возникло, по-видимому, опасение, что связь даже с чисто русскими организациями, коль скоро они находятся в Киеве, затемнит белые ризы Добровольческой Армии в смысле ее верности союзникам ввиду того, что Киев находится в сфере германской оккупации.

Драгомиров старался даже опорочить значение образовавшегося в Киеве совета объединения, а в частности и того объединения членов законодательных палат, от которого мы были посланы, указывая на то, что в нашей среде нет даже бывшего председателя Государственной Думы — Родзянко. Заявление это было довольно неожиданное: Родзянко проживал в это время в Екатеринодаре, но армия его всячески чуралась и ни в какие сношения с ним не входила. Мы не преминули указать на это странное противоречие: с одной стороны, Родзянко неприемлем, с другой — его отсутствие в составе парламентской группы лишает эту группу значения...

...В особенности тяжелое впечатление произвело на меня сказанное мне однажды Лукомским.

Зайдя к нему, чтобы узнать, какие вести с фронта, где велись упорные бои, насколько помнится, по направлению к Царицыну, я узнал, что вести вполне хорошие — между прочим взято в плен что-то около пятисот человек.

— Разве это так много? — спросил я.

— Очень. Ведь мы пленных не берем. Это обозначает, что руки рубить устали, — и тут же добавил: — Мы этому, конечно, не сочувствуем

и стараемся препятствовать, но озлобление среди наших войск столь сильно, что ничего в этом отношении поделать нельзя...

...Не достигши никаких реальных результатов, как это легко было предвидеть заранее, двинулись мы после десятидневного пребывания в Екатеринодаре в обратный путь».

Ясское совещание

«Крушение герmano-австрийской армии, — пишет П. Н. Милюков¹, — и перемирие с союзниками 11 ноября 1918 года внесло в картину противобольшевицкого движения новые черты. Вся та территория, на которой это движение поддерживалось герmano-австрийскими войсками, очутилась теперь перед непосредственной опасностью большевицкого нашествия. Как раз на этой территории собственные силы противобольшевиков, вследствие определенной германской тактики, оказались особенно слабы. А военные силы германцев начали быстро разлагаться — еще раньше, чем должна была последовать их эвакуация. Естественно, что все надежды противобольшевиков были перенесены на победивших союзников. Если герmano-австрийские войска до сих пор внушали достаточное уважение большевикам, чтобы воздерживать их от нападения на территорию германской оккупации, то казалось очевидным, что перед победителями германцев этот страх будет еще сильнее. Но для этого нужно было, чтобы союзники, согласно условию перемирия, поспешили немедленно выслать свои войска на смену уходившим германским. Это вовсе не значило, чтобы союзники тотчас же вступили в открытую войну с большевиками. Германцы ведь не воевали: они только охраняли мир и порядок самым фактом своего присутствия. Казалось естественным, чтобы эта фикция охраны мира и порядка теперь перешла к союзникам. И противобольшевики опасались только одного: как бы германцы не ушли раньше, чем придут им на смену союзники. В близком приходе союзных войск не было в тот момент никакого сомнения.

Союзники, со своей стороны, в известной степени поощряли эти ожидания...»

В этом отношении характерным является письмо одного из французских агентов — г. Энно, посланное им 22 октября в Екатеринодар В. В. Шульгину. Г. Энно, состоя в конце 1917 года в миссии генерала Табуи в Киеве, ведал французской разведкой на Украине. После Брест-Литовского мира он перенес центр своей деятельности в Кишинев и был подчинен французскому посланнику в Румынии графу

¹ Россия на переломе, т. II, с. 79, 80.

Сент-Олер. С именем Энно, пишет генерал Деникин¹, «связано тесно много разбитых иллюзий и несбывшихся надежд. Энно был знаком по Киеву с В. Шульгиным и воспринял его точку зрения в русском вопросе. В этом направлении он и действовал — с большой энергией и увлечением, превышая свои полномочия, преломляя колеблющиеся и неясные настроения союзных правительств сквозь призму своих личных чувств и пожеланий».

«Германия близка к концу, — писал в своем письме В. В. Шульгину г. Энно^{II}. — Ее политике — расчленения России, ее желанию — сохранить силу Брест-Литовского мира, мира, при помощи которого разорванная на части Россия попала бы в экономическом отношении на бесчисленное число лет в немецкие руки, ее преступной тактике — поддерживать в России террор большевиков, ею же созданный, — союзники хотят противопоставить политику воссоздания России. Союзники отказываются признать Брест-Литовский мир и по-прежнему продолжают считать Россию своею союзницею. В их программу входит освобождение провинций, захваченных немцами, и восстановление Великой России, совершенно необходимой для политического равновесия, ибо только она одна может создать гарантию против возможности новой войны в ближайшем будущем.

Пример сепаратных государств, выделившихся из прежней России и заключивших союз с Германией, только укрепляет Согласие в этих мыслях.

Экономические интересы, которые союзники имеют в России, заставляют их во всяком случае заняться ею. Так, в Россию придут армии, чтобы предложить ей мощную и дружественную помощь — материальную и экономическую.

Естественная программа Согласия сводится к нижеследующему: Воссоздать **Единую и Неделимую Россию** и помочь восстановлению в России монархии, соответствующей желанию большинства русского народа.

Таковы вкратце предположения союзников относительно России. Такое изложение этих проектов базируется на официальных заявлениях политических деятелей держав Согласия».

«Энно сообщал, — пишет генерал Деникин^{III}, цитируя это письмо, — что по его настоянию граф Сент-Олер приглашает Шульгина в Яссы, чтобы “без замедления выработать программу политических

^I Очерки Русской Смуты, т. V, с. 5.

^{II} Это письмо цитировано в труде ген. Деникина «Очерки Русской Смуты» на с. 5–6 тома V.

^{III} Очерки Русской Смуты, т. V, с. 6.

действий союзников в Малороссии, которые подготовили бы будущее их военное вмешательство”. Вместе с тем Сент-Олер считал необходимым вступить в связь с влиятельными политическими деятелями Киева, “чтобы изучить все эти вопросы и обменяться мнениями”. Энно прибавлял, что до прибытия Шульгина и без его советов он лично ничего предпринимать не будет».

Совещание в Яссах состоялось между 14 и 23 ноября. В состав его вошли приехавшие из Киева и Одессы представители некоторых правых, либеральных и умеренно-социалистических русских общественных групп¹.

Вот картинка хода этого Совещания, нарисованные пером одного из его участников — В. И. Гурко¹¹:

«В консульство мы приехали во время происходившего там заседания созванного совещания, куда нас допустили, однако, отнюдь не сразу. Вышедший к нам Милюков настойчиво оспаривал наше право участвовать в “конференции”. Исключение он делал только по отношению ко мне одному, предусмотрительно вооружившемуся формальным полномочием Совета национального объединения. Однако после некоторых переговоров приняты были все, но без права решающего голоса (как будто число голосов могло иметь здесь какое-либо значение).

Получив доступ в помещение, где заседало совещание, я с удивлением увидел, что нахожусь исключительно в русской среде; ни одного иностранного представителя здесь не было. Между тем мне представлялось, что мы приехали для переговоров с представителями держав Согласия.

Вообще ничего более курьезного, жалкого и смешного так называемой Ясской конференции, о которой потом в русской прессе говорилось, как о чем-то значительном, представить себе нельзя. Происходила она в полуподвальном помещении здания русского консульства, обыкновенно служившем, как это нетрудно было определить по общей обстановке, складочным местом для старых архивов и поломанной мебели. Участвовали в ней фактически только лица, приехавшие из России; раза два, кажется, присутствовали, не принимая участия

¹ От «Союза Государственного Объединения», — бар. Меллер-Закомельский, Кривошеин, Милюков, Маргулиес и В. Гурко; от «Национального центра» — Федоров и Чемберс; от «Союза возрождения» — Кровопусков, Титов, Бунаков-Фундаминский; персонально Брайкевич, полк. Новиков, Савич, Пилыц, Третьяков, Хомяков, по своей личной инициативе прибыли Шебеко, Демченко, Ф. Дитмар и В. Рябушинский. В. В. Шульгин тоже приехал в Яссы, но по болезни в Совещании участвовать не мог.

¹¹ Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917—1918 гг. // Архив Рус. революции, т. XV, с. 49—50.

в суждениях, наш посланник в Румынии С. А. Поклевский-Козелл²⁰³ и полковник Ильин²⁰⁴. Состояли эти суждения в том, что вырабатывали какую-то общую, приемлемую для всех представленных общественных течений программу освобождения России.

Зачем этим людям понадобилось переехать для составления этой программы из Киева в подвал русского консульства в Яссах, понять никак нельзя было. Или такое соглашение осуществимо только при наличии иностранной палки?

Бесцельность производимой работы, думается, сознавалась всеми. Это не мешало, однако, тому, что пускали в ход всё доступное каждому красноречие и спорили до потери голоса и изнеможения сил. Благодушно, как всегда, председательствовал барон Меллер²⁰⁵. Особенное упорство в отстаивании своих положений проявляли Милюков и Фундаминский²⁰⁶. Как сейчас вижу этих двух сидящих друг против друга оппонентов, когда уже все остальные члены курьезного собрания встали со своих мест, упрямо продолжающих отстаивать какую-то, каждый свою, редакцию одного из пунктов устанавливаемой пресловутой программы, вскоре потонувшей в Лете, как сотни других им подобных...

Но о чем же спорили съехавшиеся в Яссах случайные представители русской общественности? Да решительно обо всем. Происходили столь типично русские бесконечные, расплывчатые споры, где не столько поочередно, сколько одновременно разрешались все вопросы, если не мироздания, то государственного строительства. Путая важное с ничтожным, останавливались на словах и препирались о запятых.

“Ох, трудно сговориться с социалистами”, — как-то с убеждением заявлял Милюков, очевидно, не сознавая, что он сам проявлял едва ли не большее упорство, нежели его оппонент Фундаминский».

Не лишено интереса, как сам только что упомянутый П. Н. Милюков описывает ход Ясского совещания. «Делегация, — пишет он¹, называя этим словом всех приехавших в Яссы общественных деятелей, — ...не могла сговориться между собой по вопросу об организации власти. Правые и центр выдвигали военную диктатуру, причем правые настаивали на выборе Великого Князя Николая Николаевича, тогда как центр и левые предпочитали Деникина. Левые при этом хотели, чтобы он был выбран общественными организациями и окружен постоянным представительным собранием, которое выдвинуло бы “директорию” как орган гражданской и исполнительной власти. К “Всероссийскому Правительству”, выбранному в Уфе, даже левые элементы относились недоверчиво, не зная точно способа его избрания и усматривая в его составе нарушение соглашения между политическими организациями

¹ Россия на переломе, т. II, с. 81.

в Москве¹. Разногласия в делегации произвели отрицательное впечатление на союзников...»

По совету Британского военного агента совещание согласилось оставить открытыми все спорные вопросы и занялось только обсуждением условий союзнической помощи^{II}. В меморандуме, подписанном всеми членами совещания и врученном 23 ноября послам Антанты при Румынском правительстве, общий характер просимой помощи определялся следующими положениями:

«1. Единство России и как следствие этого общего положения — никаких независимых государств на ее территории, в границах до большевицкого переворота. Никаких отдельных представительств в международных отношениях. Это единство России должно осуществляться без ущерба для свободы отдельных областей, образующих Россию.

2. Согласованные действия с союзниками для борьбы против большевиков.

3. Немедленная и мощная помощь Добровольческой Армии генерала Деникина.

4. Немедленная замена немецких и австрийских гарнизонов вооруженными силами русских и союзников, в целях охраны порядка и образования прикрытия для формирования русской армии.

5. Действительная помощь, чтобы предпринять в кратчайший срок наступление на Москву и Петроград.

6. Единое командование, доверенное русскому военачальнику. Нужна немедленная помощь войсками и военным снаряжением.

Если союзники хотят видеть Россию сильной и крепкой, членом цивилизованных народов, если союзники не желают достичь вымирания населения Севера и расхищения сокровищ Юга, если союзники признают, что в течение первых трех лет войны Россия принимала широкое и славное участие с борьбе и тем самым содействовала победе союзников над общим врагом, если победоносная Антанта решила помочь России возродиться, — помощь должна быть оказана без замедления и в достаточном размере»^{III}.

В цитированной выше выдержке из воспоминаний В. И. Гурко мы могли прочесть, как низко оценивает результаты Ясского совещания этот мемуарист. Если считать, что задачей Ясского совещания являлось установление какого-то органа Всероссийского правительства, с которым могли бы сноситься Правительства Антанты по вопросам помощи

¹ П. Н. Милюков говорит здесь о соглашении, состоявшемся в Москве в середине июня 1917 года. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{II} *Деникин. Очерки Русской Смуты, т. V, с. 7.*

^{III} Цитировано в труде ген. Деникина: *Очерки Русской Смуты, т. V, с. 7.*

России, то В. И. Гурко прав: создать этого не удалось. Что такое предположение существовало у лиц, организовавших Ясское совещание, свидетельствуется письмом генерала Щербачева генералу Деникину¹. Ген. Щербачев, бывший Главнокомандующий Русских Армий в Румынии, оставался всё время на территории последней. Вместе с русским послом Поклевским-Козелл, он пользовался по всем русским вопросам большим доверием среди послов Антанты, а также у генерала Бертело, командовавшего французскими войсками в Румынии.

Согласно вышеупомянутому письму ген. Щербачева, французский посол граф Сент-Олер предполагал образовать в Яссах постоянное учреждение — «Русский Национальный Совет», при посредстве которого союзники могли бы узнавать «все нужды, чаяния и запросы организованной и государственно настроенной русской общественности». По-видимому, этому учреждению предполагалось присвоить и некоторые правительственные функции, так как генерал Щербачев предупреждал генерала Деникина, что с открытием военных действий союзников и перенесением Ставки союзного главнокомандующего на территорию России, «этот национальный совет, конечно, сольется с Совещанием при Добровольческой Армии».

Споры, которые затеяли между собой приехавшие в Яссы представители русской интеллигенции, могли только сразу же провалить эти предположения. Поэтому фактически решение вопроса о помощи России повелось за кулисами Ясского совещания.

Здесь решающую роль играли ген. Щербачев и французский генерал Бертело, связанные узами личной дружбы, установившейся еще во время летней кампании 1917 года. 3/16 ноября в письме генералу Деникину генерал Щербачев так излагал суть своих переговоров с Бертело²: «Я посетил генерала Бертело в его главной квартире в Бухаресте для предварительных переговоров о своем проезде в главную квартиру генерала Франше д'Эспре и далее в Париж, с целью ускорить прибытие союзных войск и средств войны — в Россию.

В Бухаресте мне удалось достигнуть результатов, которые значительно превосходили мои предположения. Путем непосредственного общения и обмена мнениями с генералом Бертело, с коим нас связывала и прежняя общность идей и действий, ныне удалось придать переговорам в Бухаресте форму исчерпывающе-решительную настолько, что

¹ От 4/17 ноября 1918 года. — Цитировано у ген. Деникина: Очерки Русской Смуты, т. V, с. 6.

² Цитировано в книге Э. Г. фон Валя «К истории Белого Движения; деятельность генерал-адъютанта Щербачева», издание автора. Таллин (Ревель), 1935, с. 34—37.

временно отпала надобность проезда в Париж и к генералу Франше д'Эспре.

Генерал Бертело, имеющий личную идейную сильную поддержку г. Клемансо, председателя союзных Версальских совещаний, облечен полною мощью Главнокомандующего армиями союзников в Румынии, Трансильвании и на Юге России, и в качестве такового лица имеет возможность проектировать и осуществлять все вопросы политические и военные, касающиеся Юга России и спасения его от анархии. Мне удалось подвинуть этот вопрос настолько, что ныне уже едва ли остается желать в том отношении чего-либо сверх предположенного на совещании моем с генералом Бертело.

Решено нижеследующее:

1. Для оккупации Юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

2. Дивизии будут французские и греческие.

3. Я буду состоять, по предложению союзников и генерала Бертело, при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

4. База Союзников — Одесса; Севастополь будет занят так же быстро.

5. Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм, с главной квартирой в Одессе, где буду находиться и я с состоящими при мне Вам известными лицами.

6. Генерал Бертело, до времени, со своей главной квартирой останется в Бухаресте.

7. По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут, несомненно, заняты ко времени получения Вами этого письма, Союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее сорганизоваться и быть свободными для более широких активных операций.

8. Под прикрытием союзной оккупации необходимо немедленное формирование русских армий на Юге России, во имя возрождения Великой, Единой России. С этой целью теперь же должен быть решен и разработан вопрос о способах и районах формирования этих армий по мере продвижения Союзников. Только при таком условии будет обеспечено скорейшее наступление всех русских южных армий под единым командованием на Москву.

9. В Одессу, как главную базу Союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, авионавтики, продовольствия и проч.

10. Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на всё могущество Союзников.

11. Относительно финансовой поддержки нам у Союзников вырабатывается особый, специальный план».

Читая это письмо теперь, когда все карты вскрыты, историку не может сразу же не броситься в глаза, насколько оба генерала — и русский, и французский, — не отдавали себе отчета в сложившейся к этому времени мировой обстановке. Они попросту решали продолжать войну в прежних формах большой мировой войны. Они совершенно не учитывали того, что ни французские, ни британские народные массы продолжать таковую не хотели. Два месяца спустя Ллойд Джордж, доказывая невозможность подобного плана, заявил, что «если он предложит послать теперь тысячу британских солдат в Россию, то армия взбунтуется»¹.

Один же из французских пехотных полков, назначенный для отправки в Одессу, во время посадки на пароходы в Салониках побросал ружья в воду.

Еще более ошибались генералы Щербачев и Бертело в отношении положения, создавшегося в России. Здесь вопрос шел не о продолжении внешней, большой войны, а о ведении внутренней, гражданской. На первое и главенствующее место выдвигались вопросы внутренней политики, так как основным условием победы являлось привлечение на свою сторону народных масс. Из письма генерала Щербачева мы видим, что этот краеугольный вопрос не обсуждался. Правда, споры на Ясском совещании, даже среди сравнительно однородных представителей общественности, не могли уяснить генералу Щербачеву и генералу Бертело — какова же та политическая программа, которая будет соответствовать чаяниям народных масс. Поэтому им пришлось прибегнуть к тому приему, который, как мы знаем, посоветовал Британский военный агент членам Ясского совещания: обойти молчанием все спорные вопросы. А так как таковыми являлись все политические и социальные вопросы, то вместо политической и социальной программы оказалось пустое место, прикрытое лозунгом «Возрождение Великой, Единой России».

Несомненно, что на подобную постановку вопроса оказала влияние идеология, принятая вождем Белого Движения — генералом А. И. Деникиным. С последним ген. Щербачев находился в сношениях

¹ Цитировано в труде П. Н. Милюкова «Россия на переломе», т. II, с. 88.

и даже принял на себя представительство его интересов при Союзном главном командовании.

Меморандум собравшихся на совещание в Яссах представителей русской общественности оказался очень полезным для заключения соглашения между генералом Д. Г. Щербачевым и генералом Бертело. Он представлял собою своего рода признание перед союзниками частью русского общественного мнения главенствующей политической и военной роли генерала А. И. Деникина в освободительном движении на Юге России. В. И. Гурко недооценивает в этом отношении роль Ясского совещания: признание главенства генерала Деникина над всем контрреволюционным движением на Юге России означало отказ от воссоздания России не только путем конфедерации, но даже путем федерации.

Последствия Ясского совещания явились неожиданностью для тех из его участников, которые, подобно В. И. Гурко и П. Н. Милюкову, думали, что они добьются организации защиты Украины от большевиков, пока туда прибудет военная помощь Антанты.

Руководящую роль среди представителей Антанты в Яссах играли французы. Соглашаясь на широкую присылку своих войск на Юг России, они задавались не столько целью «помочь» своей бывшей союзнице — России, сколько «добить» своих врагов — немцев и лишить их всяких связей с Россией. Поэтому ни о каком соглашении с немцами по вопросам о временной охране последними порядка на Украине не было и речи. Более того, на всех русских деятелей, которые во имя спасения России вступили в 1918 году в соглашение с немцами, французы смотрели как на изменников. Справедливость требует отметить здесь, что в этой точке зрения поддерживали французов, и русские военные и дипломатические представители в Румынии, воспринявшие в этом отношении идеологию вождей Белого Движения.

Проводить французскую политику на Украине был избран уже упоминавшийся выше г. Энно. Еще до окончания работ Ясского совещания он был командирован в Киев в качестве французского особо уполномоченного консула¹. Он был снабжен от союзных послов широкими дипломатическими полномочиями. Вместе с этим он вез с собой «обращение» к населению Юга России, составленное членами Ясского совещания. В этом обращении было изложено обещание Союзных правительств немедленной помощи.

При исполнении своей миссии г. Энно суждено было сыграть крайне печальную для Украины роль.

¹ Во французской транскрипции: “Consul de France — Kiew, Chargé de Mission”.

В Киев Энно не попал. Он остался в Одессе, откуда, совершенно не понимая создавшейся на Украине обстановки, рассылал воззвания, обнадеживавшие население, и телеграммы, угрожающие немцам. В результате он в еще большей мере увеличил тот сумбур, который происходил в стране, и ускорил новую победу большевиков на Юге России.

Трагическое положение Дона

Быстро протекавший развал Украины ставил Дон в критическое положение. Как мы знаем¹, в ноябре месяце действия Донского казачества против большевиков происходили на северном и восточном фасах их области. На первом из них, на Воронежском направлении, им удалось к концу ноября продвинуться вперед и даже перехватить участок стратегически опасной для Дона рокадной железнодорожной линии Балашов—Лиски. На восточном же фасе Царицын, этот важнейший стратегический пункт, против которого Атаман сосредоточил свои главные силы, продолжал оставаться в руках 10-й красной армии; это ставило Донцов, дравшихся на северном фасе, в трудное стратегическое положение. Когда же, с развалом Украины под угрозой большевизма оказывался и западный фас области, положение Дона стало трагическим. В таких условиях Донская область представляла собою клин, вдававшийся на 500 км в страну, владеемую большевиками. Верхи последних отлично учли это трудное положение Дона и сосредоточили против него свои главные усилия.

Уже со второй половины ноября части 8-й красной армии, действовавшей против генерала Краснова на Воронежском операционном направлении, начали просачиваться на территорию Украины, постепенно окрыляя левый фланг Донской армии^{II}. В начале декабря к 8-й красной армии начали подходить на усиление войска, снятые большевизмским командованием с их Восточного фронта. С прибытием этих войск (группа Кожевникова²⁰⁷ — 20 тыс. бойцов при 20 орудиях) против 18—22 тысяч Донцов^{III}, защищавших северную границу Донской области, силы действовавших здесь 8-й и 9-й красных армий достигли 50 000 бойцов^{IV}.

С десятых чисел декабря на Воронежском направлении обозначился надлом казачьего фронта. Торопливый уход немцев с Украины и отсутствие ожидаемых войск Антанты позволили большевикам

^I См. главу XXII.

^{II} Гражданская война 1918—1921 гг., т. III, с. 137.

^{III} Там же, с. 137.

^{IV} Там же, с. 138.

принять энергичные меры для формирования новых сил в Донецком каменноугольном бассейне, где среди рабочего населения они нашли сочувствующие им элементы. Дон оказался зажатым в тиски. Трудность положения Донского казачества увеличивалась еще тем обстоятельством, что как раз в наиболее угрожаемой северной части Донской области большая часть населения принадлежала к «иногородним». Мероприятия атамана Краснова по наделению иногородних землею и одновременному их «оказачиванию» не могли еще оказать своего полного эффекта; туманное же постановление Четвертого Большого Войскового Круга¹ могло только ослабить воздействие этих государственных мероприятий.

Вследствие этого центр тяжести противодействия новому большевицкому нашествию на Дон по-прежнему целиком лег на плечи казачьего населения Области.

«Весь север войска, — пишет про этот трагический период кровавой борьбы Дона его Атаман генерал П. Н. Краснов², — кипел войною. Орудия непрерывно гремели от Воронежа к Камышину и от Камышина к Царицыну. Два раза здесь казачьи части ген. Мамонтова подходили к Царицыну, занимали уже Сарепту, и оба раза принуждены были отходить...

Чтобы закрепить до зимы всё Войско Донское, на Дону были мобилизованы все казаки. Не было ни одной казачьей семьи, где кто-либо из мужчин не был убит или ранен. Были семьи, которые потеряли главу семьи и двух сыновей. Всё отдавалось за свободу Родины — жизнь и достояние. Все лошади были отданы или в строй, или в обозы, коров и волов резали без сожаления, чтобы кормить фронт, хлеб возили туда же, туда же отдавали последнее платье и белье...

Трогательную картину представляли в зимнее время казачьи транспорты, доставлявшие на позиции снаряды, колючую проволоку, хлеб и мясо. С оврага в овраг, с балки в балку по безграничной степи по широкому военному шляху, в сумраке короткого зимнего дня тянется длинный обоз. Утомились лохматые лошаденки и везут тихо, упорно, усердно, точно понимая всю важность того, что они делают. Не слышно криков понукания и не хлещут бичи над ними. Некому понукать. За подводами идут девочки и мальчишки-подростки двенадцати, пятнадцати лет. Матери и старшие сестры остались дома заправлять хозяйством. Там без конца работы. Урожай был большой, а убирать его некому. Без всякой мобилизации труда всё поднялось на работу. Женщины принялись жать, возить снопы, молотить, молоть,

¹ См. главу XXII.

² Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 249–250.

печь хлеба для своих кормильцев, которые все были на фронте. Тут захватила подводная повинность. Фронт ушел далеко от войска, потребовались транспорты... И вот в зимнюю стужу дети возили тяжелые клетки с снарядами, ящики с патронами, — без конвоя, без защиты, по глухой степи тянулись эти грозные транспорты и детские голоса звонко перекликались над ними. Оттуда не шли порожняком. Везли страшную добычу... Добычу смерти... Везли раненых и тела убитых, чтобы похоронить на родном погосте...

На фронте в полках стояли люди от 19 до 52 лет, но были охотники и старше. Шел казак с сыном, а с ними увязывался и дед. “Всё помогать буду — вы в бой пойдете, а я вам кашу уварю. Так-то...” И стоял дед у каши, но когда услышал, что наша взяла, что на “уру пошли”, и его раззадорило. Позабыл и про кашу и пошел бить красных...

Таково было Войско Донское, одинокое в своей великой борьбе, но сильное своим глубоким патриотизмом и национальным чувством, когда произошло величайшее событие — победа союзников над Центральными державами, отречение Императора Вильгельма от престола, разложение германской армии и прибытие союзников на помощь добровольцам.

На Дону эти события выразились в том, что в грозную минуту страшного напряжения борьбы, когда ни одного лишнего человека не было на фронте, прибавился новый, западный Украинский фронт протяжением в шестьсот верст, и явилась глубокая вера, что союзники придут и выручат, и все данные для этой веры были налицо...»

При первых же известиях о катастрофе Центральных держав на Балканском фронте генерал П. Н. Краснов поручил находившемуся в Яссах по делам артиллерийского снабжения Дона генералу барону Майделю²⁰⁸ войти в сношения с представителями Антанты. Сейчас же после заключения перемирия между Антантой и Центральными державами Донской Атаман направил в Яссы специальное посольство в лице двух горячих Донских патриотов — генерал-майора Сазонова²⁰⁹ и товарища председателя Большого Войскового Круга, бывшего председателя «Круга Спасения Дона» — полковника Янова¹.

«Атаман преподал своим посланникам, — пишет генерал Краснов¹¹, — тот взгляд, что он считает, что союзники и особенно Франция **обязаны** помочь России в борьбе с большевиками, что это ее нравственный долг и что Донские казаки верят в глубокую порядочность французской нации, которая не откажется в уплате по векселю. Атаман

¹ Это посольство было снабжено «Декларацией Всевеликого Войска Донского», текст которого приводится в Приложении № 30.

¹¹ Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 253–254.

настаивал на полной самостоятельности Донского Войска до тех пор, пока не явится настоящее Российское Правительство, будь то Император, или Президент, или соберется полномочное Учредительное Собрание, и Атаман не признавал генерала Деникина ни за диктатора, ни за полноправного главнокомандующего, но смотрел на него только как на командующего союзной армией. Посланные им люди были строевые офицеры, полк. Янов притом же был пылкий, несколько экзальтированный, влюбленный в Дон человек, гордый победами и успехами Донских казаков».

Когда Донские посланцы прибыли в Яссы, совещание там политических деятелей уже закончилось. Как я указывал выше, оно окончилось меморандумом, в котором как бы признавалось политическое и военное главенство генерала Деникина. «С ним шла слава, — пишет ген. П. Н. Краснов¹, — кристальной чистоты и верности союзникам, он глубоко ненавидел немцев. Его агенты уже были при французском командовании. Они доложили об измене Гетмана Скоропадского России, они нарисовали Донское Войско полубольшевицким государством, руководимым немцами, не имеющим никакой армии, словом “quantité négligeable”^{II}, а Донского Атамана, как ставленника и клеветы Императора Вильгельма.

Всё это было высказано генералом Бертело на первом приеме Сазонову и Янову, и встретило с их стороны горячий, страстный отпор. Может быть, слишком горячий и более страстный, нежели позволяли требования дипломатии. Были сказаны упреки по адресу Добровольческой Армии, было сказано, что самым бытием своим Добровольческая Армия обязана Донскому войску и немцам...

Расстались холодно, и дальнейшие переговоры прервались. Только благодаря глубокому такту генерала Щербачева и его примирительной политике через три дня генералу Сазонову удалось добиться вторичного свидания с генералом Бертело, на котором все шероховатости были сглажены и Дону была обещана помощь в одинаковой мере с Добровольческой Армией».

То, что представители Антанты были настроены против генерала П. Н. Краснова, свидетельствуется также следующей выдержкой из доклада генерала Майделя помощнику Донского Атамана ген. А. Богаевскому, приведенной в томе IV труда ген. Деникина^{III}:

«...с 2 по 12 ноября (нового стиля) я находился в полном контакте с представителями Согласия... Меня уполномочили уведомить: а) что

^I Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 254.

^{II} Мелочь, пустяк (франц.). — Прим. ред.

^{III} Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 66.

Согласие верит лояльности Дона, но требует полного объединения командования всех русских армий в лице генерала Деникина; б) ген. Краснов скомпрометирован все-таки своей деятельностью, письмом Вильгельму и речами на Круге... Поэтому если общественное мнение, генерал Деникин и Вы (то есть ген. Богаевский) укажете, что Краснов, согласившись на полное подчинение главнокомандующему, генералу Деникину, может остаться, то пусть остается; а если нет, желательно, чтобы он добровольно ушел; в) если объединение произойдет и Дон войдет в Русскую армию, то союзники обеспечивают помощь войсками, деньгами, всем...»

В главе XXII я говорил уже о той оппозиции, которая создалась против генерала П. Н. Краснова в среде представителей Донской интеллигенции. Четвертый Большой Войсковой Круг хотя и переизбрал П. Н. Краснова в Войсковые Атаманы, но умалил те полномочия, которые дал П. Н. Краснову «Круг Спасения Дона». Кроме того, было еще и нечто худшее. Представители донской интеллигенции поработали и над подрывом морального авторитета Атамана. Подорвать последний в прямом смысле слова им не удалось. В рядовой казачьей массе популярность генерала Краснова была прочной. Но был мотив, который заставлял эту массу задумываться: а что, если союзники действительно не хотят помочь Дону только потому, что во главе власти стоит П. Н. Краснов, связавшийся летом 1918 года с немцами? Этот мотив усиленно разыгрывался оппозицией против Атамана. Распускались и раздувались слухи. Источники последних часто находились в Екатеринодаре. «В Екатеринодаре “российские” газеты, не исключая и социалистических, и кубанские — “линейные”, травили Краснова, — вынужден признаться генерал Деникин¹. — ...и Атаман жаловался на них моему представителю в Новочеркасске, принимал у себя на Дону ряд драконовских цензурных мер в отношении екатеринодарской прессы и относил всё это всецело к работе своих недругов — Харламова^{II}, Парамонова, Сидорина²¹⁰ и других, “под крылом Добровольческого командования ведущих компанию против него”...».

Генерал А. И. Деникин иллюстрирует^{III} сложность создавшегося положения случаем, происшедшим 3 декабря: «...в газетах появилось сообщение “из достоверных источников”, что груз, привезенный первым транспортом и предназначенный совместно для Добровольческой

^I Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 70.

^{II} Председатель 4-го Большого Войскового Круга, находившийся в оппозиции П. Н. Краснову и бывший сторонником командования Добровольческой Армии. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 70–71.

и Донской Армии, по распоряжению французского командования передан только генералу Деникину для Добровольческой Армии..., что “Донская Армия ничего не получит из транспортов, которые находятся уже в пути или будут отправлены в будущем... до тех пор, пока Дон не признает генерала Деникина верховным главнокомандующим”. Генерал Драгомиров сделал серьезное внушение газетам, поместившим это ложное известие, и произвел расследование, которое выяснило, что сведение было прислано агентству непосредственно из... французской военной миссии...

О ходе переговоров с генералом Красновым генерал Драгомиров осведомлял председателя Донского Круга Харламова и при его посредстве законодательную комиссию Круга и Донскую общественность. Иногда союзников и прессу. Содержание этих переговоров было таково, что без всякого злого умысла давало агитационный материал против генерала Краснова донской и “российской” оппозиции. Харламов и комиссия в вопросе об едином командовании были на нашей стороне. Они ставили вопрос этот “вне связи с вопросом о помощи извне Донской Армии, руководствуясь прежде всего стратегической целесообразностью”¹. Это единомыслие, естественно, сближало нас с Донской оппозицией...»

По мере того как угроза Дону со стороны большевиков нарастала, агитация против П. Н. Краснова имела всё больший успех. Практически, рядовые казаки ясно отдавали себе отчет, что Дон, предоставленный одним своим силам, не в состоянии успешно противиться соединенным усилиям большевиков. Здравому смыслу рядового казачества становилось также всё более ясным, что вследствие тех враждебных отношений, которые создались между генералом А. И. Деникиным и генералом П. Н. Красновым, Дон не может рассчитывать на действительную помощь Добровольческой Армии.

«Весь ноябрь и декабрь на огромном фронте от Луганска до Царицына, от Царицына до Маныча, в мороз и стужу, поставив в строй поголовно всех казаков, способных носить оружие, изнемогая от потерь и лишений, Дон доблестно отстаивал свое существование против вдвое сильнейшего врага...» — констатирует в своих воспоминаниях генерал А. И. Деникин² трагическое положение, в котором оказался Дон в декабре 1918 года.

«...В гражданской войне, — пишет он несколько далее³, объясняя надлом, происшедший в этом месяце на Донском фронте, — мо-

¹ Из стенограммы заседания Круга 4 февраля. — *Прим. А. И. Деникина.*

² Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 62.

³ Там же.

ральный элемент более, чем где бы то ни было, властвует над всеми слагаемыми успеха. То, что было выиграно в течение многих месяцев морального подъема и оружием, в один миг было потеряно упадком духа. В казачьем настроении опять наступил перелом...»

Огромную роль в этом надломе сыграл подрыв морального авторитета власти Войскового Атамана П. Н. Краснова как раз в то время, когда от Донского казачества требовалась наибольшая вера в своего вождя.

Подчинение генерала П. Н. Краснова генералу А. И. Деникину

Вот как сам ген. П. Н. Краснов объясняет причины своего нежелания подчинить вооруженные силы Дона генералу А. И. Деникину.

«Атаман не хотел признавать генерала Деникина, — пишет он¹, — главнокомандующим не потому, что Войско Донское и Деникин жили не в ладу, не потому даже, что генерал Деникин не хотел отрешиться от старого взгляда на казаков, как на часть Русской армии, а не как на самостоятельную армию, чего добивались казаки и за что боролись, но потому, что Атаман считал генерала Деникина неспособным на творчество и притом совершенно не понимающим характер войны с большевиками и считал, что генерал Деникин погубит всё дело. Кто угодно, но только не Деникин с его прямолинейной резкостью и уверенностью, что можно силой заставить повиноваться».

Атаман считался с обаятельной внешностью Деникина, с его умением чаровать людей своими прямыми солдатскими честными речами, которыми он подкупал толпу, но за этими речами Атаман видел и другое. В то время как на Дону были вызваны все производительные силы страны и создана покорная армия — генерал Деникин опирался на Кубанских казаков и офицерские Добровольческие полки. Солдатам он не верил, и солдаты не верили ему. Армия не имела правильного снабжения, не имела точных штатов, не имела уставов. От нее всё еще веяло духом партизанщины, а партизанщина при возникновении красной, почти регулярной армии была неуместна.

Генерал Деникин борьбе с большевиками придавал классовый, а не народный характер, и при таких условиях, если его не подопрут извне иностранцы, должен был потерпеть крушение. Боролись добровольцы и офицеры, то есть **господа, буржуи**, против **крестьян и рабочих, пролетариата**, и, конечно, за крестьянами стоял народ, стояла сила, за офицерами только доблесть. И сила должна была сломить доблесть.

¹ Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 278—280.

Генерал Деникин угнетал проявление Кубанской самостоятельности, он не считался с Радой — такого же отношения надо было ожидать и к Дону — это охладило бы казаков, и могло бы окончиться катастрофой.

Генерал Деникин не имел ничего на своем знамени, кроме единой и неделимой России. Такое знамя мало говорило сердцу украинцев и грузин, разжигало понапрасну страсти, а силы усмирить эти страсти не было. Деникин боялся сказать, что он монархист и боялся пойти открыто с республиканцами, и монархисты считали его республиканцем, а республиканцы монархистом. В Учредительное Собрание уже никто не верил, потому что каждый понимал, что его фактически не собрать, презрительным названием “Учредилки” оно было дискредитировано, унижено и опошлено в глазах народа.

Иди Деникин за Царя — он нашел бы некоторую часть крестьянства, которая пошла бы с ним, иди он за народ, за землю и волю, и за ним пошли бы массы, но он не шел ни за то, ни за другое. “Демократия” отшатнулась от него и не верила ему, и Деникин боялся призвать ее под знамена.

Добровольцы были плохо одеты, плохо дисциплинированы, они не были войском — армия Деникина всё была только корпусом, и хотя Деникин уже владел тремя громадными губерниями, он ничего не создал, и Атаман боялся, что он не только ничего не создаст в будущем, но развалит и созданное такими трудами, неокрепшее и хрупкое.

Атаман не считал Деникина хорошим стратегом, потому что Деникин действовал по плану, который казался Атаману не крупным и бесцельным. План Деникина состоял в покорении окраин, в этом Деникин видел обеспечение своего тыла. Сначала Кавказ, потом Крым, далее Украина. Атаман считал, что с окраинами, в том числе и Украиной, воевать нельзя и не стоит: с ними должно столкнуться, признавши их права на свободное существование. Главная цель казалась Атаману борьба с большевиками и большевизмом — с первыми оружием, со вторым воспитанием, и только после победы над ними и освобождения от коммунистов **всей России** можно говорить о “единой и неделимой России”. Генерал Деникин прямо шел к этой **единой и неделимой**, по мнению Атамана, создавал себе еще новых врагов, не справившись и со старым. Деникин не признавал Гетмана Скоропадского, потребовал подчинения ему Крыма, ссорился с Грузией, был в холодных отношениях с Кубанскою радью, и Атаман боялся, что он раздражит и Донских казаков. Атаман считал, что во время войны не время заниматься мелочами. Надо идти прямо к цели — и цель эта: гнездо большевизма — Москва и Петроград. Еще недавно Атаман сговаривался с Гетманом Скоропадским и завязывал сношения с Польшей и Грузией — он искал

друзей. Он считал, что путь к Москве один — создание единого фронта с чехо-словаками и Колчаком. Движение на северо-восток к Царицыну, Саратову и Самаре, посылка большого конного отряда для связи с Атаманом Дутовым, собрание сначала **единой Русской Армии**, а затем поход на Москву. Генерал Деникин работал по обратным операционным линиям — на юг и запад. На Владикавказ—Дербент, Петровск, Баку, на Сочи и Гагры, потом на Киев...»

Однако под давлением представителей союзников генералу П. Н. Краснову пришлось, вопреки только что изложенным его убеждениям, пойти на признание А. И. Деникина верховным главнокомандующим. В этом отношении решающую роль сыграл генерал Пуль, приехавший в качестве Британского военного представителя в Добровольческую Армию. 7/20 декабря генерал Пуль написал Донскому Атаману письмо^I. Это было ответом генерала Пуля на письмо генерала П. Н. Краснова, в котором Донской Атаман «просил его не верить всему тому, что говорилось про него в Екатеринодаре, и лично посмотреть ту работу, которая сделана Донскими казаками». Письмо генерала Пуля, хотя и в закругленных дипломатических выражениях, являлось своего рода ультиматумом, требовавшим подчинения генерала Краснова генералу Деникину. То, что генерал Пуль подпал под влияние интриги, которая плелась вокруг П. Н. Краснова в Екатеринодаре, свидетельствуется теми строками воспоминаний генерала Деникина, которые он предпослал цитируемому им тексту вышеупомянутого письма генерала Пуля от 7/20 декабря.

«В начале декабря^{II} генерал Пуль, — записывает генерал Деникин^{III}, — обратился ко мне со словами: “Считаете ли вы необходимым в интересах дела, чтобы мы свалили Краснова?” Я ответил: “Нет. Я просил бы только повлиять на изменение отношения его к Добровольческой Армии”. — “Хорошо, тогда будем разговаривать”.

Через день-два Пуль прислал генералу Драгомирову копию своего ответа генералу Краснову на письмо, полученное от него 7 декабря (старого стиля)».

После письма генерала Пуля для генерала Краснова не могло не стать совершенно ясным, что подчинение его генералу Деникину неизбежно.

«После приезда союзников и письма генерала Пуля, — пишет в своих воспоминаниях ген. Краснов^{IV}, — перед Атаманом стояла непре-

^I Текст его приведен в Приложении № 80.

^{II} По старому стилю. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 71.

^{IV} Всевеликое Войско Донское // Архив Русской революции, т. V, с. 280—281.

менная задача согласиться на признание генерала Деникина верховным главнокомандующим и подчинить ему не только Донскую Армию, но и всё войско. События на фронте, появление большевиков на Украине, создание нового западного фронта и вследствие этого необходимость во что бы то ни стало получить помощь извне требовали от Атамана уступок и изменения своего мнения. Генерал Деникин, так сказать, авансом послал дивизию Май-Маевского²¹¹ на Украину, но дивизия эта очень вяло работала и долго оставалась в районе Мариуполя и Юзовки, не продвигаясь на север и не занимая Луганска, Купянска и Харькова, особенно последнего, на чем настаивал Атаман. Дивизия эта оказывала мало помощи, и было похоже, что генерал Деникин и не окажет большой помощи, пока не будет признан Войском Донским.

Атаман просил о присылке подкрепления Май-Маевскому и о побуждении его энергично продвигаться на север и занимать северную границу Украины. Деникин отвечал телеграммами, полными участия, и писал, что у него нет ни одного свободного полка. А между тем Атаман знал, что большевики так поспешно отступали к Каспийскому морю, что преследовала их только одна конница, пехота же, две кубанские пластунские дивизии, которые были поставлены на отдых, легко могли покончить с большевиками, еще не окрепшими на Украине. Но политика заслоняла от Деникина соображения стратегии. Раньше признание его власти над войском, потом уже помощь. А время не терпело. При таких условиях состоялось 13/26 декабря на станции Кушевке свидание между Атаманом и генералом Пулем¹. Свидание началось очень холодно. Генерал Пуль настаивал на том, чтобы Атаман первым явился к нему в вагон и чтобы разговоры происходили у него. Атаман отказался от этого, и одно время казалось, что свидание не состоится. К Атаману был послан для переговоров английский полковник Кис.

— Передайте генералу Пулю, — сказал ему Атаман, — что я являюсь выборным главою свободного пятимиллионного народа, который для себя ни в чем не нуждается. Слышите: ни в чем. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниция, — он имеет всё свое, и он убрал от себя большевиков. Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично... Но нам нужно спасти Россию, и вот для этого-то нам необходима помощь союзников и они обязаны ее оказать. С генералом Пулем будет разговаривать суверенный глава сильного и могучего народа, и он требует к себе известного уважения. Генерал Пуль обязан явиться ко мне — я не замедлю ответным визитом к нему.

¹ Ген. Пуль приехал на ст. Кушевку в поезде генерала Деникина; ген. Деникина сопровождал ген. Щербачев и несколько чинов штаба Д. А.

Полковник Кис ушел, и опять шли переговоры и два поезда стояли на путях друг возле друга к великому соблазну любопытных. Наконец, Атаман приказал прицепить паровоз к своему поезду, он решил ехать обратно в Ростов. К нему явился переводчик генерала Пуля полковник Звегинцов²¹² и сказал, что генерал Пуль согласен прийти для переговоров к Атаману, если Атаман согласится, что завтрак будет у генерала Пуля. Это Атаману было всё равно, где завтракать, лишь бы договориться так, чтобы достоинство Всевеликого Войска Донского не было унижено.

Как два индейских петуха, важных и надутых, встретились Атаман и генерал Пуль. На вопрос о полном подчинении всего Войска Донского с его населением и армией генералу Деникину — Атаман ответил категорическим отказом. Армия — да, армия может подчиниться, но как совершенно самостоятельная армия. Войско — теперь не может признать Деникина иначе, как через Атамана.

— Вы имеете, — сказал Атаман, — Австралийскую армию; она отлично дралась у вас, но она самостоятельна. Поверьте, что генерал Деникин только выиграет от того, если Донская Армия не распылится и не уничтожится, а будет в руках своего Атамана.

Присутствовавший при разговоре генерал Драгомиров стал настаивать на том, что Донская Армия должна войти в Добровольческую Армию не как нечто целое, а подчиниться вполне. Все назначения, все распоряжения по ней должны идти только через штаб Добровольческой Армии, иначе какое же это единое командование. Всё Войско Донское, со всем его населением, хлебом и иными средствами снабжения должно отойти в распоряжение генерала Деникина, который должен распределять всё это согласно с требованиями всего фронта, всей армии.

Атаман не согласился с этим, и Пуль стал на его сторону. Генерал Пуль считал, что предложение Атамана передать всю армию и самого себя в подчинение генералу Деникину, который будет иметь сношения с Войском Донским через его, Атамана, вполне приемлемо. После этого разговор стал идти спокойнее».

Генерал А. И. Деникин в своих шеститомных воспоминаниях весьма кратко касается свидания в Кушевке¹. «Собеседование, — пишет он^{II}, — открыло такую бездну накопившейся ненависти к нам со стороны донского командования, что дальнейшие прения казались бесполезными. Дважды я прекращал переговоры, и дважды Атаман и генерал Щербачев^{III} просили меня продолжить их: положение Донского

¹ Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 72—73.

^{II} Там же, с. 73.

^{III} Временно приехавший из Румынии. — *Прим. Н. Н. Г.*

фронта становилось трагичным, донская оппозиция росла в числе и в силе, и весть о разрыве могла отразиться действительно печально на судьбе фронта и Атамана. Меня также заботила немало участь Донского фронта и одолевало искреннее желание прекратить это постыдное единоборство какую угодно ценою.

В силу этих побуждений появились на свет два акта:

1. Мой приказ (26 декабря 1918 г., № 1):

По соглашению с Атаманами Всевеликого Войска Донского и Кубанского, сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России».

2. Приказ Донского Атамана, отданный “во избежание кривотолков”: “Объявляя этот приказ (мой, № 1) Донским Армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с главнокомандующим вооруженными силами на Юге России, генерал-лейтенантом Деникиным, конституция Войска Донского, Большим Войсковым Кругом 15 сентября с. г. утвержденная, нарушена не будет. Достояние донских казаков, их земли и недра земельные, условия быта и службы Донской Армии затронуты не будут. Единое командование есть своевременная и необходимая мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками”.

Эти акты не определяли совершенно правовых взаимоотношений между главным командованием и Донской Армией.

Их должна была установить жизнь».

Последние строки генерала А. И. Деникина очень знаменательны. Они свидетельствуют, что он и его сотрудники добивались чего-то большего, нежели стратегическое единство в командовании противобольшевицкими вооруженными силами Юга России: они хотели подчинить Дон своей диктатуре.

Конец описания генералом Красновым совещания в Кушевке вскрывает эти скрытые замыслы вождей Добровольческой Армии.

«Переговоры шли уже шестой час, — пишет П. Н. Краснов¹. — Сгущались сумерки короткого зимнего дня, а решения никакого вынесено не было.

Наконец Атаман сказал генералу Деникину:

— Антон Иванович, ввиду сложившейся обстановки я считаю необходимым признать над собою ваше Верховное командование, но при сохранении автономии Донской Армии и подчинении ее Вам через меня. Давайте составим об этом приказ.

Генерал Деникин собственноручно написал приказ о своем вступлении в командование и о подчинении ему всех вооруженных сил Юга России, действующих против большевиков.

¹ Архив Русской революции, т. V, с. 288—289.

— Хорошо, — сказал Атаман, — я отдам этот приказ по Войску Донскому, но для того, чтобы избежать кривотолков о нарушении Донской конституции, я сделаю к нему следующую надбавку:

Объявляя этот приказ Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России Донским Армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с генералом Деникиным Конституция Всевеликого Войска Донского, Большим Войсковым Кругом утвержденная, нарушена не будет. Достояние Дона, вопрос о земле и недрах, условия быта и службы Донской Армии этим командованием затронуты не будут, но делается это с весьма разумною целью достижения единства действий против большевиков¹.

— Но этим добавлением совершенно уничтожается весь смысл приказа о едином командовании (?!), — сказал Драгомиров¹¹.

¹ Текст этого приказа, приводимый ген. П. Н. Красновым, несколько отличается от текста, цитированного в своем труде «Очерки Русской Смуты» ген. Деникиным и приведенного мною несколько выше. Я сверил оба текста с редакцией того же приказа, напечатанной в III томе «Донской Летописи», изданного в 1924 году «Донской Исторической Комиссией», на с. 130. Это сравнение показало, что текст генерала П. Н. Краснова вполне совпадает с истинным. Различия же последнего с Деникинским текстом заключаются в следующем:

1) В подлинном тексте говорится о соглашении Донского Атамана с «генералом Деникиным», не присовокупляя здесь его наименования «Главнокомандующим вооруженными силами на Юге России». Составитель приказа хотел этим подчеркнуть, что ген. Деникин становился «главнокомандующим вооруженными силами на Юге России» лишь после его соглашения с Донским Атаманом, а не являлся таковым сам по себе, как-то выходит из текста, помещенного в воспоминаниях ген. Деникина.

2) В тексте, приводимом Донской Исторической Комиссией, сказано: «Конституция Всевеликого Войска Донского». У Деникина же говорится просто: «Конституция Войска Донского». Этот пропуск ген. Деникина весьма характерен, если вспомнить его нетерпимость к областничеству.

3) В настоящем тексте приказа сказано: «Достояние Дона, вопрос о земле и недрах... затронуты не будут». У Деникина сказано: «Достояние Донских казаков, их земли и недра земельные... затронуты не будут». Здесь уклонение Деникинского текста от текста Донской Исторической Комиссии весьма велико. В истинном тексте говорилось о правах Дона, взятого в его целом, то есть как о государственном образовании или по крайней мере как об автономной области; измененный же генералом Деникиным текст мог быть легко истолкован как обещание сохранить лишь частные собственнические права Донских казаков.

Из вышеизложенного мы видим, что Донской Атаман генерал П. Н. Краснов имел большие основания бояться «кривотолков» состоявшегося в Кушевке соглашения. — *Прим. Н. Н. Г.*

¹¹ Генерал А. М. Драгомиров был назначен генералом Деникиным, после смерти генерала М. В. Алексева, председателем Особого Совещания при Главнокомандующем. В то же время он был и председателем Деникинского правительства.

Деникин махнул рукою, — делайте, мол, как хотите.

— Вы подписываете себе и войску смертный приговор, — сказал генерал Денисов¹ Атаману...»

По существу дела генерал Денисов был прав. На примере только что происшедшего на Кубани можно было предвидеть, что для установления взаимоотношений между Доном и Главным командованием Добровольческой Армии, последнее использует устаревшее «Положение о полевом управлении войск». Это Положение давало Главному командованию не только возможность совершенно не считаться с созданной с таким трудом в огне революции государственной организацией Дона, но даже право распоряжаться на его территории, как в завоеванной стране.

¹ Ген. Денисов был начальником штаба Донского Атамана и Командующим Донской Армией. — *Прим. Н. Н. Г.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 80

**Письмо генерала Пуля генералу П. Н. Краснову
от 7/20 декабря 1918 г.¹**

(русский перевод письма, врученный штабу Добровольческой
Армии Британской миссией)

Я должен благодарить Вас за помощь и откровенное выражение Вашей точки зрения, хотя к сожалению я нашел, что Ваше мнение несогласно с моим по вопросу о назначении генералиссимуса для командования всеми русскими армиями, действующими против большевиков.

Я также намерен ответить совершенно откровенно.

Я должен указать Вашему Превосходительству, что я полагаю, по вопросу о назначении Главнокомандующего, необходимым предварительно ознакомиться с мнением союзников, ибо, как я понимаю из Вашего письма, только при условии содействия союзников и получения от них снабжения Вы считаете, что будете в состоянии двигаться вперед или даже только обороняться.

В полученных мною инструкциях моего Правительства мне указано было войти в сношение с генералом Деникиным, как с представителем, согласно английскому мнению, Русских армий, действующих против большевиков. Я сожалею поэтому, что для меня является невозможным даже рассмотрение вопроса о признании какого-либо иного офицера в качестве такого представителя.

Я вполне сознаю ту великолепную работу, которую Ваше Превосходительство так искусно выполняли с Донскими казаками, и я смею поздравить Ваше Превосходительство со славными походами.

Я бы желал надеяться, что Ваше Превосходительство проявите себя не только выдающимся воином, но и великим патриотом.

Если я принужден буду возвратиться и донести своему Правительству, что между русскими генералами существует зависть и недоверие, это произведет очень тяжелое впечатление и наверно уменьшит вероятность оказания помощи союзниками. Я бы предпочел донести, что Ваше Превосходительство проявили себя столь великим патриотом, что готовы поступиться собственными желаниями для блага России и согласиться служить под начальством генерала Деникина.

¹ Приводится согласно тексту, напечатанному на с. 71–72 тома IV «Очерки Русской Смуты» генерала А. И. Деникина.

Как я уже словесно изложил князю Тундутову, я был бы рад встретиться с Вашим Превосходительством неофициально и обсудить всё это дело, если бы Вы этого пожелали; и я мало сомневаюсь в том, что мы могли бы прийти к удовлетворительному решению.

В случае этой встречи меня сопровождал бы ген. Драгомиров — помощник Главнокомандующего Добровольческой Армией.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РУССКУЮ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Общая оценка событий, изложенных в настоящем труде

На протяжении всего настоящего труда можно было видеть, как перерождалась русская революция в русскую гражданскую войну.

Первая контрреволюционная вспышка, в виде выступления ген. Корнилова, была быстро и легко ликвидирована. Но захват в ноябре 1917 года центральной государственной власти представителями левого крыла русской социал-демократической партии — большевиками, сразу же вызвал чрезвычайное усиление контрреволюции. В многочисленных городах происходят вооруженные выступления против вынесенной на гребне девятого вала революции новой революционной власти. Последняя, с целью своего утверждения, приступает к овладению железнодорожными артериями и закреплению себя в городах. Начинается тот период борьбы между революцией и контрреволюцией, которому большевицкие военные историки дали меткое название «эшелонной войны». По железным дорогам циркулируют «эшелоны» (воинские поезда) с наскоро собравшимися вокруг наиболее энергичных большевиков отрядами Красной гвардии. С жестокостью, оставляющей позади себя самые мрачные времена Инквизиции, эти отряды искореняют в городах «гидру контрреволюции». В этот «эшелонный» период русской междоусобицы, продолжавшийся до мая 1918 года, русская деревня живет своею особою жизнью. В ней со всей силой бушует пожар аграрной революции. Упоенное возможностью захватить помещичьи и казенные земли, русское крестьянство в этот период, в общем, на стороне большевиков. Это настроение крестьянства поддерживается вернувшимися домой демобилизованными Лениным солдатами. Даже казачество, это историей отобранное «передовое» русское крестьянство, не идет драться против большевиков и переболевает в этот период «нейтралитетом».

По мере углубления аграрной революции в среде русского крестьянства начинается процесс расслоения (дифференциации). Прежде всего этот процесс находит свое выражение в борьбе, которая возникает в казачьих областях между казаками и «иногородними». В среде крестьянства других частей России это расслоение выражается в борьбе,

¹ См. схемы № 2, № 10 и № 11.

возникающей между наиболее зажиточными и беднейшими элементами деревни. Естественно, что первые образуют контрреволюционный полюс внутреннекрестьянской междуусобицы, а вторые — революционно-большевицкий полюс. От преобладания того или другого элемента зависело — куда потянет главная масса сельского населения, которую составлял так называемый большевиками крестьянин-середняк.

Вполне понятно, что изживание революции должно было происходить быстрее там, где крестьянство было богаче землей и где оно менее страдало в свое время от крепостной неволи. Если читатель сопоставит то, что говорилось мною в главе VIII, с тем, что говорилось мною в последующих главах, то он убедится в том, что часть территории России, на которой можно было рассчитывать на скорейшее отрезвление крестьянства от революционного психоза, находилась на юго-восток от условной линии, проведенной от Ростова на Челябинск. Наоборот, часть территории России, где Ленинское правительство могло рассчитывать встретить наибольшее сочувствие среди крестьянства, находилась к северо-западу от условной линии, проведенной от Одессы на Симбирск. Между этими двумя линиями находилась полоса территории с наиболее колеблющимися крестьянскими настроениями¹.

Процесс расслоения крестьянства, вызвавший начало отхода крестьян от революции, в то же время очень осложнял это выздоровление. Поэтому говорить об общем переломе в настроениях крестьянства осенью 1918 года не приходится. А между тем как раз в эту весну началось вооруженное вмешательство во внутренние дела России как ее врагов, так и ее союзников и ее бывших пленных — чехо-словаков. Это вооруженное вмешательство ускорило контрреволюционные взрывы на территории России, лежащей к юго-востоку от условной линии Одесса—Симбирск.

Начинается новый период русской междуусобицы, в течение которого русская революция и русская контрреволюция стремятся размежеваться географически. Очаги противобольшевицких восстаний сливаются между собою и образуют целые области, в которых создается своя государственная власть. Изменяется и самый характер междуусобной борьбы. Каждая освободившаяся из-под ига большевиков область образует своего рода фронт, который закрывает ее от нападающих извне большевиков.

Одновременно с процессом зарождения участков фронта Гражданской войны начался процесс перерождения вооруженных сил революции и контрреволюции. Чрезвычайно интересно проследить, насколько параллельно развитие этого процесса на обеих сторонах, казалось бы,

¹ См. схему № 2.

совершенно отделенных друг от друга чертою смерти. И там и здесь делаются попытки обуздать партизанщину и перейти к регулярной вооруженной силе. Это находит свое выражение в попытках изменить систему укомплектования переходом от «добровольчества» к обязательному призыву.

«Лето 1918 года, — пишет проф. полк. А. А. Зайцов¹, — является любопытным примером полной аналогии организации призывов на белых и красных фронтах. Действительно, и там и здесь мы видим осторожные принудительные призывы лишь самых младших сроков службы. Ядром же и белых, и красных армий являются добровольцы. Поголовные мобилизации могли проводить только казаки, и в этом было крупное преимущество формирующихся противобольшевицких фронтов до осени 1918 года.

Рассматриваемый нами сейчас период географического размежевания революции и контрреволюции занимает четыре месяца, а именно: май, июнь, июль и август 1918 года.

К 1 сентября образовавшийся Восточный противобольшевицкий фронт прикрывал Сибирь, Урал, Оренбургское и Уральское казачества и своей наиболее выдвинувшейся частью занимал Среднюю Волгу на протяжении между г. Казанью и г. Вольском. В 250 км на юго-запад от последнего уже находился северный фас Донского фронта.

Мы знаем, что эти два фронта не смогли сомкнуться в единый юго-восточный контрреволюционный фронт из-за крупнейшей стратегической ошибки Главнокомандующего Добровольческой Армией — генерала А. И. Деникина, не пожелавшего идти на г. Царицын.

На левом фланге этого частично наметившегося контрреволюционного фронта, от северо-западного угла области Войска Донского, начинался «барьер» германской оккупации. Он тянулся на 1600 км вплоть до Финского залива у устья р. Наровы. По ту сторону Финского залива освобожденная от большевиков при помощи немцев Финляндия составляла продолжение этого барьера.

На севере десант Антанты, выдвинувшийся на 200 км к югу от побережья Белого моря, закрывал от большевиков Мурманск и Архангельск. Хотя между левым флангом этого союзного десанта и правым флангом Поволжского русского противобольшевицкого фронта и лежало не занятое никем громадное лесное пространство, однако необитаемость этого пространства и его бездорожье не разрывали окружения созданной Лениным Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Москва, в которой обос-

¹ См. главу V его труда «1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны», с. 179.

новалось правительство этой федерации, отстояла от угрожавших ей фронтов в среднем на 450–500 км. Правда, Германия находилась как бы в дружественных отношениях с правительством Ленина. Но последнее не могло не понимать, что эта дружба имела своим источником только одну причину: попытку Антанты создать на Волге новый русский противонемецкий фронт. Оно не могло также не знать, что назначением немецкого барьера являлось не только закрыть от большевизма Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Украину и Крым, но также и угрожать, в случае непослушания Ленина, быстрым захватом близлежащего Петрограда и движением на Москву для замены большевиков другим правительством, более соответствующим интересам Германии.

Таким образом, к 1 сентября 1918 года Московское большевицкое правительство оказалось в кольце врагов. Оно было отрезано от всех внешних морей; в его руках оставался лишь небольшой участок побережья Финского залива у Петрограда. Большевики были лишены Уральской и Криворожской¹ руды, Донецкого угля и Бакинской нефти. Оторванная от всех русских источников сырья промышленность, находившаяся на территории, подчиненной Ленину², осуждена была на гибель. Катастрофическим становилось и положение железных дорог. Отрезанным оказалось Московское большевицкое правительство и от районов хлебных житниц Юга России и Сибири. Под владичеством большевиков оставались области, нуждавшиеся в привозном хлебе. В таких условиях детище Ленина — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), конечно, жить не могла.

Это предreshало дальнейшее перерождение русской революции в русскую гражданскую войну. С 1 сентября 1918 года и начался новый, третий период, в течение которого происходит консолидация военных фронтов русской революции и контрреволюции.

Этот период начинается для большевиков с удачи. Учитывая необходимость оставаться пока послушным орудием Германии, Ленин направляет все войска, которым удалось придать более регулярные формы, на Волгу. Здесь ему удастся оттеснить «Народную Армию» Комуча с неохотно поддерживавшими ее чехо-словаками в предгорья Уральского хребта. Это дает большевицкому правительству первую «хлебную» помощь в виде урожая среднего Поволжья. Вместе с этим это оттеснение Восточного противобольшевицкого фронта на 200 км к востоку от Средней Волги, в связи с сохранением большевиками в своих руках Царицына, создает для них чрезвычайно выгодное стратегиче-

¹ В районе прежней Екатеринославской губернии.

² Центральный (Московский) и Северо-Западный (Петроградский) промышленные районы.

ское положение для дальнейшей борьбы: оно не только предотвращает образование на Юго-Востоке России единого контрреволюционного фронта, но позволяет использовать значительно расширенный разрыв этого фронта для действия по внутренним операционным линиям.

Поражение Германии приносит новое облегчение Ленинскому правительству. Организованный немцами военный барьер, преграждавший распространение большевизма на запад и на юг, осужден на исчезновение. От состояния активной обороны Ленинское правительство могло перейти теперь, по справедливому замечанию большевицкого военного историка, к широким наступательным планам^I.

Положение, создавшееся к концу 1918 года в районах России, оккупированных Центральными державами, тот же большевицкий военный историк характеризует^{II}, «как состояние неустойчивого равновесия, которое могло измениться в пользу той или другой стороны в зависимости от более скорой подачи одной из них на этот театр новых сил и средств». Поэтому большевицкой стратегии, по выражению Троцкого, предстояло «просунуться между уходящим германским милитаризмом и приближающимся англо-французским милитаризмом и окончательно утвердиться в «советском (большевицком) доме», мыслимом в пределах Северного Кавказа, Дона и Украины, ранее появления в нем последнего»^{III}.

Стратегическое значение одержанной большевиками на Волге победы и сохранение ими в своих руках Царицына приобретали теперь сугубое значение. Ленинское правительство получало возможность сосредоточить свои усилия против оказавшегося обнаженным на обоих своих флангах Донского казачества. Исключительное стратегическое значение, которое придавалось Лениным для овладения Югом России «возможно скорой и решительной ликвидации Краснова»^{IV}, свидетельствуется следующей его телеграммой, посланной 3 января 1918 года Троцкому: «Я очень обеспокоен, не увлекаетесь ли Вы Украиной в ущерб общестратегической задачи, на которой настаивал Вацетис и которая состоит в быстром, решительном и общем наступлении на Краснова, боюсь чрезвычайно, что мы запоздаем с этим...»^V

В действительности страхи Ленина «не поспеть» оказались напрасными. Антанта не спешила сменить или поддержать барьер, отгораживающий от Ленинской власти Юг России. 23 ноября 1918 года суда франко-британского флота вошли в гавань Новороссийска, а два дня

^I Какурин Н. Стратегический очерк гражданской войны. Госиздат, 1926, с. 66.

^{II} Там же.

^{III} Цитировано у Какурина, с. 64.

^{IV} «Гражданская война 1918—1921 гг.», т. III, с. 136.

^V Цитировано там же.

спустя бросили якорь на рейде в Севастополе. 17 декабря в Одессе была высажена одна французская дивизия. Этим и ограничилась та военная помощь, которую так легкомысленно обещал генералу Щербачеву генерал Бертело и в которую с таким же легкомыслием поверило главное командование Вооруженными силами Юга России.

Политические руководители Антанты замыслили оградиться от большевицкой заразы другим путем, а именно созданием независимых Польши, Финляндии, Эстонии, Литвы и Латвии. Полагая, что подъем национализма в этих, обретших политическую независимость новых государствах вызовет усиление в них противобольшевицких настроений, правительства Антанты считали, что они создадут между Центральной Европой и заболевшей большевизмом Россией своего рода карантинную зону. Немецкий «военный барьер» они заменили «cordon sanitaire»¹. Подобная замена фактически открывала для ленинской большевицкой власти Юг России.

Естественно, что Ленин не мог упустить такой возможности. А это должно было повести к усилению военного напряжения созданной им Российской Советской Федерации. Русская гражданская война, родившаяся из мировой войны, с окончанием последней вспыхивала еще более сильным пламенем, — и русская революция поглощалась русской гражданской войной.

На большевицкой стороне, защищавшей дальнейшее углубление революции, это выразилось во временной приостановке темпа этого углубления. Ленин учел, что дальнейшее проведение в жизнь его революционных теорий возможно в создавшейся обстановке только после победы в гражданской войне. А для этой победы нужно было привлечь на свою сторону главную массу населения России — крестьянство.

«Гражданская война, — говорится в официальной большевицкой истории², — на всем своем протяжении сопровождалась периодическими колебаниями основной крестьянской массы или отдельных ее прослоек, выливавшихся иногда в волнения и открытые выступления против советской большевицкой власти... Эти колебания зависели прежде всего от настроений середняцкого крестьянства и от того влияния, каким, особенно на окраинах, еще долго после октября продолжал пользоваться в деревне экономически сильный кулак³. Кулацкая верхушка дерева, крикливо революционная в борьбе с помещиками, не хотела мириться с советскою властью, раскрепощавшей трудящиеся

¹ Санитарный кордон (франц.). — *Прим. ред.*

² «Гражданская война 1918–1921 гг.», т. III, с. 127.

³ Напомню, что «кулаками» большевики с демагогическими целями называли домовитое и зажиточное крестьянство. — *Прим. Н. Н. Г.*

массы в деревне не только от помещика, но и от кулака. Колебания линии фронтов в гражданской войне почти всегда совпадали с колебаниями в крестьянских массах...

Партия своевременно учла необходимость закрепления этого сдвига крестьянина-средняка в сторону советской (большевицкой) власти и его союза с беднейшим крестьянством и пролетариатом. VI Съезд советов, имевший место в ноябре 1918 года, принял решение об упразднении комбедов...»

Это упразднение «комбедов», то есть «комитетов бедноты», являлось радикальным изменением большевицкой политики по отношению к крестьянам. Этим актом дискреционная власть над деревней, переданная ранее Лениным правительством беднейшим крестьянам и примкнувшим к ним мужицким поддонкам, у них отнималась. Власть возвращалась деревенским советам, в которых большинство принадлежало крестьянам-среднякам.

По странной игре судьбы объявление декрета Ленина об упразднении комбедов, состоявшееся 18 ноября 1918 года, совпало с чрезвычайно существенным событием в контрреволюционном лагере. 18 ноября, как мы знаем, произошел Омский переворот, создавший на Востоке России военную диктатуру адмирала Колчака. Как ни разнородны эти два исторических события, тем не менее они представляют собою, по существу, явления одного и того же порядка: борющиеся между собою революционные и контрреволюционные стороны стремятся увеличить свои шансы на победу в предстоящем военном столкновении. Ленин пытался достичь этого путем расширения социальной базы формируемой им Красной армии. На восточном же контрреволюционном фронте переворот 18 ноября, усилив значение военного командования, создавал более благоприятные условия для деятельности профессионального элемента армии.

Как можно было убедиться из изложенных в настоящем труде фактов, Омский переворот, так же как и бывший 6 сентября Архангельский переворот являются проявлениями одного и того же внутреннего процесса, происходившего на всех противобольшевицких фронтах. По мере развития гражданской войны командный и офицерский состав старой Русской Армии, в огромном большинстве оказавшийся на стороне контрреволюции, приобретал руководящее значение. Являясь в силу событий, описанных в настоящем труде, так же как и выдвигаемые им военные вожди, носителем идеологии Белого Движения, он содействовал превращению прежних противобольшевицких фронтов в Белые фронты.

Этот сложный процесс приводит на Восточном противобольшевицком фронте к образованию Всероссийского правительства адмирала Колчака; на Южном же фронте он выражается в подчинении генералу

Деникину как главнокомандующему всеми Вооруженными силами Юга России.

Победа Антанты усилила тенденцию перерождения противобольшевицких фронтов в Белые фронты, так как Белое Движение было неразрывно связано с союзной ориентацией.

11 ноября 1918 года, принесшее окончание мировой войны, содействовало окончательному превращению борьбы революции и контрреволюции в регулярную гражданскую войну между двумя географически размежевавшимися и внутренне оформившимися вооруженными силами: Красной и Белой.

Стратегическое положение Белых и Красных к концу 1918 года

Сравним теперь стратегическое положение, в котором находились к концу 1918 года вооруженные силы каждой из этих воюющих сторон. Сравнение это произведем с четырех точек зрения: численности, качества, группировки и снабжения войск.

На главном фазе борьбы между революцией и контрреволюцией, протягивающимся через Европейскую Россию по диагонали с юго-запада на северо-восток, Белые имели:

а) в западном предгорье Уральского хребта и на р. Урале около 100 тыс. бойцов. Эти силы состояли из Сибирской армии, остатков «Народной армии», Оренбургского и Уральского казачеств.

б) На границах Донской и Кубанских казачьих областей дралось около 105 тыс. бойцов. Из них 75 тыс. Донской армии дрались на важнейшем в этот период участке фронта, представлявшем собою единственный устой контрреволюции, мешавший большевизму захлестнуть Юг России. Остальные 30 тыс. составляла Добровольческая Армия генерала А. И. Деникина. Эта армия являлась в военном отношении лучшей армией из всех противобольшевицких вооруженных сил. Хотя Добровольческая Армия и пополнила свои ряды солдатским составом из Кубанских казаков, тем не менее она обладала столь многочисленным офицерством, что в ее составе по-прежнему находились чисто «офицерские части», то есть с офицерами в роли рядовых. К сожалению, подавляющая масса (25 тысяч)¹ этой, в точном смысле слова так-

¹ В самом конце декабря ген. Деникин послал «Донецкий отряд» силой около 3000 бойцов в Донецкий каменноугольный район на помощь глубоко охваченному левому флангу Донского казачества. Кроме того, на Черноморском побережье против Грузии действовал Туапсинский отряд, силой тоже в 3000 бойцов. См.: *Деникин. Очерки Русской Смуты*, т. IV, с. 81.

тически непобедимой для красных армии, вследствие стратегических ошибок ее командования, продолжала оставаться в конце 1918 года на совершенно второстепенном участке междоусобной борьбы, а именно на Северном Кавказе.

Вооруженные силы большевиков, собранные на том же юго-восточном фазе междоусобной борьбы, состояли из:

а) армий Восточного красного фронта (красные армии №№ 1, 2, 3, 4, 5 и Туркестанская) с общей численностью около 84 тыс. Этот фронт действовал против Белых, развернувшихся на Урале.

б) Армия Южного красного фронта (красные армии №№ 8, 9, 10 и группа Кожевникова¹, впоследствии развернутая тоже в армию) с общей численностью около 117 тыс. Этот фронт охватывал Донское казачество с севера и с востока и готовился охватить его еще и с запада.

Красные армии №№ 1–5 и 8–10 заключали в себе лучшие и наиболее прочно сформированные большевицкие войска.

в) На Северном Кавказе действовали армии Кавказского красного фронта (красные армии №№ 11 и 12). Как мы знаем, они сформировались из демобилизованных солдат старой Русской Кавказской Армии, оказавшихся закупоренными на Северном Кавказе. Боевую численность этих армий большевицкий военный историк Какурин^{II} исчисляет к концу 1918 г. в 35 тыс. В то же время он приводит для начала 1919 года другое исчисление, а именно исчисление местного командования^{III}. Согласно этому последнему, общая численность 11-й и 12-й красных армий достигала 150 тыс., но из них на боевом фронте было только 60 тыс., в обозах и тыловых гарнизонах — 30 тыс., больных 40 тыс., дезертиров — 20 тыс. Генерал А. И. Деникин определяет боевую численность этих же красных армий к концу 1918 г. в 70 тыс.^{IV}. Троцкий же, руководивший вооруженной борьбой большевиков, упоминает о 150 тысячах, очевидно, говоря про число «ртов», а не «бойцов». Тот же Троцкий, объясняя впоследствии поражение, понесенное этими армиями в 1919 году, говорит:

«...Эти две армии насчитывали чуть не 150 тыс. или 200 тыс. человек. По крайней мере, снабжение они требовали на такое число. Но это не были правильно организованные войска, а партизанские отряды, за которыми тащилось много беженцев и просто дармоедов и мародеров. Никакой правильной организации снабжения, управле-

^I Это были войска, снятые с Восточного фронта после оттеснения чехословаков и Народной армии от Волги.

^{II} Как сражалась революция, т. II, с. 50.

^{III} Там же, с. 59.

^{IV} Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 107–108.

ния и командования не было и в помине. Самодельные командиры не желали никому подчиняться и боролись друг с другом. Как всегда водится у партизан, страшно преувеличивали свои силы, с презрением относились ко всем предостережениям центра, а потом, после первого серьезного удара со стороны Деникинцев, стали рассыпаться на части. При этом сдали врагу множество военного имущества и погубили при отступлении неисчислимое количество человеческих сил. Нигде, может быть, партизанщина не обошлась так дорого рабочим и крестьянам, как на Северном Кавказе...»^I

Если взять в расчет для определения численности 11-й и 12-й красных армий цифру, приводимую генералом Деникиным (70 тысяч), мы получим, что всего на важнейшем фазе русской гражданской войны соотношение сил воюющих сторон было таково:

красные271 тысяча.

белые205 тысяч.

На стороне красных было превосходство в количестве бойцов, а также преимущество в группировке. На решающем, к началу 1919 года, стратегическом участке фронта, а именно против Донского казачества, большевики собрали около 120 тыс. своих лучших войск против 75 тыс. Донской армии. На стороне же Белых лучшие войска, а именно Добровольческая Армия генерала А. И. Деникина, действовали, как я уже указывал несколько выше, в совершенно второстепенном в стратегическом отношении районе.

Превосходство в численности сил красных выявится более полно, если мы примем во внимание и другие фазы борьбы.

У Белых имелось только:

к югу от Архангельска и Мурманска — около 17 тыс.,

у Пскова около 2 тыс.^{II}.

в Крыму около 2 тыс.^{III}.

Силы же Красных измерялись:

а) в завесе, противостоявшей немецкому барьеру, большевики имели около 90 тыс.^{IV}, которые составлялись из армии № 6 (прикрывавшей Петроград) и многочисленных отрядов. Эти последние переформировывались в регулярные красные части, долженствующие составить несколько новых красных армий, две из которых получали своим назначением покорение Украины.

^I Цитировано у Деникина: Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 113.

^{II} «Северная Армия». — См. главу XIV.

^{III} Присланные ген. А. И. Деникиным (Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 81).

^{IV} Гражданская война 1918–1921 гг., т. III, с. 128.

б) Северный Красный фронт (красная армия № 7) — 20 тыс.

Таким образом, общая численность действующей Красной армии достигала к началу 1919 года около 380 тыс.¹.

Этим силам Белые могли противопоставить лишь 225 тыс.

Правда, на стороне врагов большевиков было качественное превосходство. Превращение противобольшевицкого фронта в Белый чрезвычайно содействовало профессиональному улучшению противобольшевицкой вооруженной силы. Но на стороне большевиков было еще превосходство в техническом снабжении. Это сразу может быть видно из сопоставления числа орудий, бывших в распоряжении Белой и Красной сторон.

225 тыс. белых бойцов обладали 300 орудиями.

380 тыс. красных бойцов имели в своем распоряжении 1700 орудий^{II}.

Объяснение этому странному, на первый взгляд, явлению мы найдем, если взглянем на географическое расположение русских военных заводов.

Эти заводы были распределены на территории России крайне неравномерно. В общем они располагались в четырех основных группах:

1. Петроградский район:

Оружейный завод в Сестрорецке^{III},

Патронный (Петроград),

Пороховой (Охта^{IV}),

Взрывчатых веществ (Охта),

3 орудийных (Петроградский, Путиловский и Обуховский).

2. Центр страны:

Самый мощный оружейный завод (всё производство пулеметов и большая часть винтовок) — Тула,

Пороховой — Тамбов,

Арсенал — Брянск.

3. Поволжье:

Оружейный завод в Ижевске^V,

Орудийный — Пермь,

Трубочный — Самара,

Взрывчатых веществ — Самара,

Пороховой — Казань.

^I Гражданская война 1918–1921 гг., т. III, с. 128.

^{II} Там же, с. 128.

^{III} В 30 км северо-западнее Петрограда.

^{IV} Предместье Петрограда.

^V На р. Каме, на полпути между Казанью и Пермью.

4. Украина:

Патронный — Луганск^I,

Пороховой — Шостка^{II},

Арсенал — Киев.

Из только что приведенного перечня мы видим, что первая и вторая группа всё время находились в руках Ленинского правительства. Третья группа попала в его руки после победы над чехо-словаками и Народной армией Самарского Комуча. Наконец, овладение четвертой и последней группой с падением немецкого военного барьера являлось легко осуществимым предприятием.

Правда, как я говорил выше, Ленинское правительство было отрезано от источников сырья и руды. Но в уменьшенном масштабе технического снабжения, требуемого тактикой гражданской войны, те запасы уже готового вооружения и огневых припасов, а также стоков сырья, заготовленных на заводах во время мировой войны, были достаточными для технического оборудования Красной армии. Ко всему этому нужно прибавить, что в руки большевиков попали и все запасы военного снабжения демобилизованной старой Русской Армии, оказавшиеся на территории Великороссии. Теперь же, с падением немецкого военного барьера, большевикам открывалась легкая возможность овладеть и теми военными складами непосредственного тыла старой Русской Армии, которые Германия и Австро-Венгрия не успели еще исчерпать во время своей оккупации.

В силу только что приведенных мною условий обстановки, техническое снабжение Белых армий должно было базироваться на заграничной помощи. Это ставило их в тесную зависимость от Антанты.

Только с этой точки зрения и нужно оценивать помощь, оказанную Белым армиям бывшими союзниками России. Эта помощь была чрезвычайно существенной, ибо без нее Белые армии, несмотря на весь их героизм, стояли бы перед неминуемой гибелью. Большое стратегическое значение получало также присутствие союзных и чехо-словацких войск на территории России. Они обеспечивали возможность этого снабжения. Большевицкие военные историки не довольствуются одним упоминанием об указанном виде содействия Белым армиям со стороны Антанты. Стремясь создать ореол непобедимости Красной армии, они, как правило, присчитывают к «белой» стороне иноземные войска, оказавшиеся на территории России. В результате подобного подсчета Красная армия оказывается более слабой численно, а это, в свою очередь, дает возможность большевицким историкам утверждать, что

^I На границе Донской области, в 150 км северо-западнее г. Ростова.

^{II} В 250 км северо-восточнее г. Киева.

только героизм и преданность большевицким лидерам народных масс спасли революцию.

Однако подобный подсчет совершенно извращает представление об истинном соотношении сил. Как ясно было видно из предшествующих страниц моего труда, союзники, высадившиеся на севере Европейской России и в Одессе, вступившие в Закавказье, Закаспие и в Сибирь, не собирались принимать активного участия в русской гражданской войне; усталость от участия в большой войне была столь велика на западе Европы, что глава Британского правительства — Ллойд Джордж, как я уже упоминал выше, на междусоюзном совещании в Париже в начале января 1919 года должен был открыто признаться, что военная интервенция союзников в России невозможна потому, что «если он предложит послать теперь тысячу британских солдат в Россию, то армия взбунтуется».

Нельзя также считать в рядах действующих против большевиков армий и чехо-словаков. Никакая сила не могла после заключения перемирия 11 ноября вытащить их на боевой фронт. Они ушли в тыл и эшелонировались вдоль сибирской железнодорожной магистрали, только ожидая разрешения Антанты эвакуироваться из России.

Таким образом, войска бывших союзников России и чехо-словаки могли быть использованы лишь для охраны тыла Белых. Их можно уподобить зрителям, при этом не всегда даже доброжелательным по отношению к Белым (как, например, чехо-словаки), которые, если большевики их самих не тронут, против них действовать не будут.

Если мы подведем итоги всему вышесказанному, то мы можем только согласиться с выводом, который сделал один из большевицких военных историков, а именно Н. Какурин¹. Последний признает, что в конце 1918 года «положение советской (большевицкой) стратегии было более благоприятным, чем положение стратегии их противников...»¹¹. Я только усилю этот вывод вставкой слова «гораздо» перед словами «более благоприятным».

Политическая обстановка, создавшаяся с приходом к власти в контрреволюционном лагере «Белых» вождей

Объективной причиной перерождения противобольшевицких боевых фронтов в Белые являлось стремление русской контрреволюции возместить малочисленность своих бойцов и катастрофический недостаток в оружии поднятием профессионального качества войск.

¹ Ныне ему запрещена дальнейшая военно-научная работа²¹³.

¹¹ *Какурин Н.* Стратегический очерк гражданской войны, с. 66.

Несомненно, это и было достигнуто в значительной степени. Как показал дальнейший ход событий, Белые армии оказались в боевом отношении неизмеримо выше Красных. Даже после окончательного стратегического поражения они не смогли быть уничтожены большевиками. Воспетое Ксенофонтом тысячелетия тому назад отступление 10 000 греков повторилось на территории России в 1919–1920 годах, и при этом многократно. Остаткам всех Белых армий без исключения удалось пробиться через окружившую их враждебную стихию и эвакуироваться из России.

Но наряду с положительными в военном отношении результатами, приход к власти в контрреволюционном лагере вождей Белого Движения имел отрицательные политические и социальные последствия.

Перечисляя состав тех сил, которые выступили в конце 1917 года против новой революционной власти, возглавляемой Лениным, П. Н. Милюков пишет так¹:

«1) Элемент **военный**, численно преобладающий. Нужно помнить, что противобольшевицкое движение, как организованное и вооруженное, вышло непосредственно из рядов армии, участвовавшей в мировой войне. Эта связь с войной определила и общий характер движения. Ядром тут явилось оскорбленное и униженное русское офицерство. Русская революция обрушила на него свои первые удары. Офицера преследовали собственные солдаты в процессе разложения армии: они преследовали его, как **начальство**, пытавшееся удержать дисциплину и призывавшее к исполнению долга; преследовали, как **буржуя**, члена ненавистного правящего класса, врага крестьянских интересов. Против офицерства были настроены и левые политические партии, видевшие в офицерстве хранителей старых преданий, низвергнутых революцией. Нечего и говорить, что такое отношение было далеко не всегда заслужено и накапливало в душе офицерства естественную горечь обиды и озлобления.

2) Представители **старой бюрократии и старого привилегированного класса**, попавшего также, независимо от своих убеждений, под удары революции и в значительной части ставшего враждебным не только по отношению к большевикам, но и по отношению к революции вообще.

3) **Правые политические течения**, связанные со старым режимом. Эти течения были искусственно организованы в партии, во время существования государственных дум. Они были совершенно дезорганизованы и сметены революцией.

4) **Левые политические течения**, демократические и социалистические. Они были на стороне революции, но были затем побеждены

¹ Россия на переломе, т. II, с. 3–4.

большевиками. Из всех этих партий только самые левые (интернационалистические крылья социалистов-революционеров и социалистов-демократов, а также анархисты) пытались наладить сотрудничество с большевиками. Остальные... сразу повели против большевицкой власти ожесточенную борьбу. К умеренным социалистам, как к особенно опасным и неуловимым противникам, большевики стали относиться с особенно ненавистью и преследовали их с особою жестокостью.

5) **Окраинное население**, на территории которого происходила вооруженная борьба, и в том числе в особенности **казачество**, сыгравшее..., не только благодаря своему географическому положению, но и благодаря своему демократическому духу, особенно видную роль в противобольшевицкой борьбе».

Соглашаясь в общих чертах с перечислением П. Н. Милюкова, я должен, однако, внести ряд поправок.

Первая поправка относится к утверждению П. Н. Милюкова, что офицера «преследовали, как **буржуя...**». Правда, это утверждение как будто бы смягчается фразой, напечатанной несколькими строчками ниже: «такое отношение было далеко не всегда заслужено...» Но с полным основанием читатель может понять эту оговорку лишь как протест против огульного обвинения офицерства в неприятии революции. Я считаю нужным остановиться на этой, казалось бы, только редакционной неясности, ибо за ней, может быть, кроется существеннейшая ошибка, к сожалению, прочно укоренившаяся в трудах, посвященных русской революции. Эта ошибка заключается в том, что русское офицерство 1917–1918 гг. рассматривается часто как принадлежащее к буржуазному (или помещичьему) классу. Это абсолютно неверно. В главе II я рассматривал вопрос об изменении состава русского офицерства в течение войны. Я могу с полной научной достоверностью утверждать, что к началу русской революции русское рядовое офицерство, то есть подавляющая масса офицеров, не носило ни сословного, ни классового характера. Являясь непосредственным результатом социального отбора, действовавшего в условиях психики тяжелой внешней войны, оно представляло собою группировку социально-психического характера.

Вторая поправка, которую я должен ввести в перечисление П. Н. Милюковым элементов противобольшевицкого движения, заключается в исправлении пропуска им элемента, хотя и менее созревшего для контрреволюции, но зато обладавшего подавляющей численностью: я говорю про русское крестьянство.

Из всего моего труда читатель смог убедиться, насколько сложны и многообразны были те процессы, которые вызывала внутри крестьянства аграрная революция. Не повторяя сказанного, я напомним только, что противобольшевицкие настроения уже начали проявляться

после мая месяца 1918 года среди части русского крестьянства. Правда, эти противобольшевицкие настроения были еще более разнообразны, чем подобные же настроения интеллигенции. Но как ни были велики сложность и разнообразие крестьянских противобольшевицких настроений, это не дает права исследователю исключать русское крестьянство из элементов противобольшевицкого движения, а тем более перечислять его "en bloc"¹ в большевицкие ряды.

Указываемый мною пропуск П. Н. Милюкова является типичным. Он характеризует тенденцию русской интеллигенции преувеличивать роль, которую играло в социальной жизни России столкновение идеологий различных политических партий. При относительной малочисленности культурного слоя населения и при оторванности его от народных масс борьба, происходившая в этом тонком слое, протекала большею частью без органической связи с теми глубинными процессами, которые имели место в недрах темных русских народных масс. Эта изолированность приводила русскую интеллигенцию и к переоценке своего значения и своих возможностей, и к недостаточному вниманию по отношению к тому, что в действительности происходило на дне океана русского народа. Не служит ли яркой иллюстрацией подобного непонимания того, чего в действительности хотели русские народные массы, упорное стремление подавляющей части русской интеллигенции продолжать, несмотря на начавшуюся в марте революцию, тяжелую внешнюю войну? Характерно и то, что та меньшая часть русской интеллигенции, которая выкинула на своем знамени лозунг с требованием немедленного заключения мира с немцами, делала это вовсе не потому, что хотела удовлетворить желание народных масс. Нет, она только выполняла требования своей доктрины, проповедующей перерождение войны внешней в войну гражданскую. Совпадение с желаниями народных масс было случайным. Это была ставка на номер, который вышел и дал выигрыш.

Рассмотрим теперь, какие из указанных выше элементов противобольшевицкого движения могли войти в состав фронта гражданской войны, над которым к концу 1918 года был поднят флаг Белого Движения.

Ответ на этот вопрос читатель может дать уже сам, на основании подробного изложения того, как формировались различные фронты гражданской войны и как они превращались в «Белые фронты».

Нежелание Белой власти принять классовый оттенок приводило к тому, что нельзя было рассчитывать прочно сцепить главный элемент Белого Движения — офицерство и патриотически настроенную

¹ Целиком (франц.). — Прим. ред.

интеллигентскую молодежь с крестьянскими массами. Последние были всецело во власти одной только мысли: сохранить в своих руках захваченные ими земли. При этом эта мысль приобрела, под влиянием революционного психоза, силу страсти. В такой социально-психической обстановке привлечь на свою сторону крестьянство могла только та контрреволюционная власть, которая поступилась бы временно даже серьезными государственными интересами, лишь бы успокоить разбушевавшуюся крестьянскую стихию. Уничтожение помещичьего землевладения было равносильно уничтожению главных очагов земледельческой культуры в России и вместе с тем наносило тяжелый удар экономике всего государства. Поэтому та контрреволюционная власть, которая решилась бы удовлетворить чаяния крестьян, невольно становилась на рельсы «классово-крестьянской» власти. На это не пошло ни одно из Белых правительств. Генерал Деникин, представлявший собою наиболее яркое выражение Белого Вождя, прилагал все усилия, чтобы уклониться от какого бы то ни было разрешения аграрного вопроса.

Здесь вновь вырастает перед нами вопрос, к которому мы уже подходили в различных местах нашего труда. Этот вопрос может быть сформулирован так: неужели идея общегосударственной пользы не могла сама по себе явиться достаточно сильным стимулом для того, чтобы привлечь крестьянство в ряды Белой армии? Генерал Деникин, так же как и многие другие участники Белого Движения, отвечает на этот вопрос открытым или замаскированным обвинением русских народных масс, а следовательно и русского крестьянства, в недостатке патриотизма.

В главе II настоящего труда, анализируя вопрос о нежелании русских народных масс продолжать в 1917 году войну с немцами, я показал на фактах несправедливость подобного обвинения. Вместе с этим я обратил внимание читателя на то, что патриотизм не есть простое чувство, а чрезвычайно сложный комплекс идей, чувств и инстинктов. Вследствие этого патриотизм у малокультурного человека иной, чем у человека культурного. Ошибка суждений представителей русской интеллигенции о патриотизме русских народных масс и заключается в том, что они не учитывали этого различия. Сомневаться же в высоком патриотизме русских народных масс не приходится, ибо лишь при наличии такового русские Цари и их ближайшие сотрудники смогли построить столь великое государство, каковым была Россия. Но участие в этой великой работе русских народных масс было пассивным и только жертвенным. Характеризуя это строительство России до середины XIX века (то есть до освобождения крестьян), наиболее авторитетный русский историк — проф. Ключевский¹ указывает на три характерных

¹ Курс Русской истории, ч. III, с. 4—8.

внутренних противоречия, сопровождавших это строительство: **первым** из таких противоречий было то, что «внешнее территориальное расширение государства идет в обратном пропорциональном отношении к внутренней свободе народа».

Вторым противоречием является то, что «политическое положение трудящихся классов устанавливается в обратном пропорциональном отношении к экономической производительности труда».

В-третьих, «демократизация управления сопровождалась усилением социального неравенства и дробности».

Я отсылаю читателя к страницам труда проф. Ключевского, которые представляют собою один из замечательнейших примеров исторического исследования. Здесь же я укажу только на то, что в середине XIX века, с воцарением Императора Александра II (с 1856 г.), началась великая эпоха реформ, которая пыталась вывести Россию на путь здорового, нормального государственного развития. Эпоха эта началась с освобождения крестьян. Но этот поворот Русской истории совершился всего за 50 лет до того великого потрясения государственного организма, которое испытала Россия в мировой войне. Последствия внутренних противоречий, указанных проф. Ключевским, существовавших в течение предшествовавших 250 лет, не могли быть еще вполне изжиты.

Одним из таких последствий и было то, что в народных русских массах мог быть воспитан лишь пассивный патриотизм. В таких условиях особое значение получал для привлечения этих масс к участию в решении общегосударственных задач моральный авторитет Верховной Власти.

С крушением в марте 1917 года исторически привычной для них власти русские народные массы потеряли руководящий центр. Напомним пророческие слова П. Н. Милюкова, когда он уговаривал Великого Князя Михаила Александровича не отказываться от престола, завещанного ему отрекшимся Императором Николаем II. Временное правительство, одно, без монарха — говорил П. Н. Милюков¹ — явится углой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений раньше, чем соберется Учредительное Собрание.

Моральный авторитет «Белых правительств», создавшихся к концу 1918 года на различных контрреволюционных фронтах, мог быть только еще меньше, чем моральный авторитет первого Временного правительства. Во-первых, революционная стихия не успела еще тогда произвести те колоссальные разрушения как морального, так и материального характера, которые уже имели место к концу 1918 года. Во-вторых, на стороне первого Временного правительства была некоторая

¹ См. мою главу I.

легальная преемственность Верховной Власти. К концу же 1918 года всякая возникавшая власть, будь то революционная или контрреволюционная, могла базироваться только на личном авторитете ее главного руководителя. Личного же авторитета в среде русского крестьянства никто из вождей Белого Движения не имел. Более того, как раз главный вождь этого движения генерал А. И. Деникин не мог быть даже популярен среди крестьян. В глазах народа он, вместе с генералом Корниловым, являлся одним из главных инициаторов июльского наступления 1917 года, приведшим к катастрофическому поражению.

В таких условиях патриотизм русских крестьян не мог быть использован. Его пассивность требовала властного вождя; властность же этого вождя могла базироваться лишь на доверии; но это доверие вожди Белого Движения должны были заслужить.

Как же можно было заслужить это доверие в том случае, когда вожди не были окружены ореолом победы во внешней войне, подобно тому как это имело место, например, в большую французскую революцию в лице генерала Бонапарта?

Всякая малокультурная масса в тех случаях, когда разрушено ее традиционное представление о государственности, впадает в узкий классовый эгоизм. Такой же процесс происходил в недрах русского крестьянства к концу 1918 года. Поэтому вожди Белого Движения, пожелавшие привлечь в свои ряды русское крестьянство, могли достигнуть этого не иначе, как сразу же и резко решив вопрос о владении землей в пользу крестьянства, то есть повторяя сказанные мною выше слова: встав в решении аграрного вопроса на рельсы «классовой крестьянской власти». Если такого решения не было, то Белое Движение было осуждено уподобиться двигателю без приводных ремней, то есть работающему вхолостую.

Настроение казачьих народных масс к осени 1918 года было несравненно более благоприятным для сцепления с ними Белого Движения. Мы видели, что к этому времени все казачества уже переболели «нейтралитетом» и стали ярыми и действенными врагами большевиков. Причины способности Казачества к активному патриотизму лежали глубоко в истории. Как мы упоминали в главе IX, историческое развитие Казачества текло по иному руслу, нежели таковое же развитие русского крестьянства. Напомню здесь только главный факт: казачество не знало крепостного права.

Мы могли убедиться также, с каким доверием Казачество шло под начало военных вождей. Это было, конечно, тоже непосредственным следствием предыдущей исторической жизни Казачества. Многовековая вооруженная и во многих отношениях самостоятельная борьба казаков с внешним врагом на пограничных пространствах воспитала

в них врожденный военный дух, что предрасполагало симпатии Казачества к офицерству Русской Армии. Это был ценный залог для тесной духовной спайки с Белым Движением. И, как мы могли убедиться, все казачества к концу 1918 года подчинялись или были накануне подчинения вождям Белого Движения.

Однако, несмотря на возможность тесной духовной спайки между казачеством и Белым Движением, существовало одно «но», которое хотя и не могло помешать такой спайке, однако могло уменьшить полезную отдачу этого союза. Это «но» было следствием пробудившегося в казаках с началом революции стремления к некоторой автономии. Это отнюдь не было стремлением к сепаратизму, а лишь возрождением любви и интереса к своему Родному Краю, к своему быту и к своему историческому прошлому. Это была вспышка «местного патриотизма», вспышка, раздутая революционным протестом против централизации только что павшего Царского режима.

Но психология Белого Движения была болезненно заострена «Всероссийской ориентацией». Мы видели те трения, которые на первых же порах создания Добровольческой Армии возникли между вождями Белого Движения и Донским Атаманом Калединым. Мы видели также серьезные разногласия между заместителем генерала Каледина на Атаманском посту — генералом Красновым и заместителем генерала Корнилова в главнокомандовании Добровольческой Армией — генералом Деникиным. Эти разногласия печально отразились на стратегическом ходе противобольшевицкой борьбы: Царицын остался во власти большевиков, соединение двух частей главного контрреволюционного фронта не состоялось, и большевикам была крайне облегчена возможность нанести отдельное поражение Восточному противобольшевицкому фронту на Волге. Наконец, борьба генерала Деникина и его правительства с избранной казачьей Кубанской властью может служить яркой иллюстрацией того взаимного непонимания, которое образовалось между возглавителями Белого Движения, с одной стороны, и руководителями казачества — с другой.

Если даже среди такого коренного русского населения, как казачества, революция вызывала усиление местного патриотизма, то в еще большей мере подобное ее действие проявилось на окраинах России с инородным населением. Здесь центробежные устремления достигли своей крайней формы, а именно сепаратизма. Но так же как и в казачьих областях, эти вспышки местного патриотизма сопровождались сильным понижением большевицких настроений в народных массах. К концу 1918 года совершенно отчетливо вырисовывалась на окраинах России эта борьба между различными национализмами окраинных народов и интернационалистическим империализмом московских боль-

шевиков. Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Закавказские республики стали ареной этой борьбы, в которой победа склонялась в сторону националистических лагерей. Перед вождями Белых армий во весь свой рост вырастала дилемма: пойти по пути признания этих государственных новообразований с целью использовать создавшиеся на окраинах России противобольшевицкие силы для создания противобольшевицкой конфедерации, или же отказаться от подобного признания, дабы сохранить незапятнанным никакими компромиссами белый цвет риз, не считаясь с тем, что в этом случае все, хотя и противобольшевицки настроенные государственные новообразования, отталкиваются в лагерь врагов русского Белого Движения.

Изучение генезиса и дальнейшего развития Белого Движения показывает нам всю трудность для вождей его пойти по первому из вышеуказанных путей. Для этого требовалось, чтобы во главе Белого Движения оказался гений, сила ума и воли которого сделала бы его способным выбиться из психических тисков избравшей его среды и направить Белое Движение на новые пути... Как мы видели, однако, в недрах Белого Движения не создалось нужного для этого здорового социального подбора. Те из вождей, которые оказывались много выше своей среды, или погибали (Каледин, Духонин), или фактически устранялись (Алексеев, Краснов), или, наконец, не достигали верхов (Каппель).

В разбираемом нами случае мы можем увидеть интересный пример того, как коллективно-психические процессы, происходящие в недрах социальных группировок, посредством подбора соответствующих уровню среды вождей, канализуют в русло объективных законов те случайные отклонения, которые могут произойти вследствие появления на верхах социального движения слишком сильных индивидуальностей, не соответствующих среде.

Если мы вспомним, на основании всего сказанного выше, во что выкристаллизовывалось Белое Движение на Юге России, то есть там, где оно выявилось наиболее полно и ярко, мы можем с уверенностью сказать, что оно было осуждено остаться совершенно изолированным от сильных противобольшевицких процессов, которые к концу 1918 года уже начались на всех иногородческих окраинах России.

Обратимся теперь к рассмотрению того, как отразился в недрах самой интеллигенции приход к власти в контрреволюционном лагере вождей Белого Движения.

Мы видели, как несправедливо относились летом 1917 года представители так называемой революционной демократии к русскому офицерству. «Нечего и говорить, — свидетельствует П. Н. Милуков¹, —

¹ Россия на переломе, т. II, с. 3.

что такое отношение было далеко не всегда заслужено и накопляло в душе офицерства естественную горечь обиды и озлобления». В этот период и было посеяно зерно враждебного недоверия и даже ненависти к социалистам, ставшее присущим затем каждому рядовому члену Белого Движения. Поведение Самарского Комуча показывает, что, в свою очередь, враждебное отношение к русскому офицерству главной массы социалистов в 1918 году также возросло.

Результатом подобных взаимоотношений и явилось то, что к концу 1918 года в среде противобольшевицки настроенной интеллигенции произошел окончательный раскол. По мере того как элементы Белого Движения приобретают в русской контрреволюции господствующее положение, элементы революционной демократии или сами уходят из противобольшевицкого лагеря, или оттесняются из него новыми контрреволюционными вождями. Но в то время как часть этих элементов просто отходит от борьбы, другая часть их, хотя и не переходя к большевикам, предпринимает подрывную работу в тылах Белых фронтов (например, социалисты-революционеры в Сибири).

В этом нельзя не увидеть существенного различия между политической обстановкой конца 1917 года и конца 1918 года. В конце 1917 года, хотя рознь в недрах противобольшевицких элементов русской интеллигенции и существовала, все-таки осуществлялось, хотя и не прочное и не упорядоченное, но какое-то единство действий. Поэтому-то и можно говорить о единстве в этот период русской контрреволюции. Такое объединение было силой и слабостью контрреволюции. Сила эта имела политический характер, ибо участие в контрреволюции всех политических партий, кроме большевиков и левого крыла социалистов, облегчало создание широкой социальной базы для контрреволюции. Слабость же этого объединения имела военный характер: многоликость и взаимное недоверие между его членами затрудняли осуществление создания профессионально прочной военной силы и наиболее продуктивного в стратегическом и тактическом отношениях ее применения.

Несомненно, что если бы рознь между различными группировками русской интеллигенции не доходила бы до крайней степени взаимной нетерпимости и несправедливости, то какое-то гармоничное сочетание между интересами политическими и военными было бы найдено. Но читатель смог сам убедиться, насколько велики были эти нетерпимость и непримиримость. В основе их лежала объективная причина.

Представлявшая собою тепличный цветок, наша интеллигенция оторвалась от понимания условий реальной русской жизни. Это предрасполагало ее к «максимализму» в суждениях и убеждениях. При таких условиях нетерпимость к чужым мыслям и непримиримость к чужому решению являются лишь совершенно естественными ее свойствами.

Насколько прочно был внедрен в нашу интеллигенцию уклон к «максимализму», свидетельствует тем, что эта ее отрицательная черта была уже замечена внимательным наблюдателем русской жизни середины XVII столетия — Юрием Крижаничем, который пишет: «Не умеем мы ни в чем меры держать, средним путем ходить, и всё норовим по окраинам да пропастям блуждать»¹.

Вышеуказанная склонность к крайностям в психической обстановке, созданной войной и революцией, могла только в значительной мере усилиться. Поэтому и без того трудное положение в контрреволюции всякой «средней» (умеренной) политики могло только до чрезвычайности затрудниться. Люди и политические группировки, занимавшие такое положение, терпели неудачу за неудачей (Чайковский, Авксентьев). Осуждены были на неудачу и усилия «Союза возрождения России». А между тем именно голоса таких группировок русской интеллигенции имели наибольшие шансы быть услышанными народными массами: идеология «Союза возрождения» наиболее отвечала пониманию и стремлениям здоровой части деятелей земств и кооперативов.

Отказываясь от содействия этой группы русской интеллигенции, Белое Движение завершало процесс своего окончательного отрыва от русских народных масс.

Причины враждебности к Белым нарождающегося в крестьянстве «зеленого» движения

Весь 1918 год шел под знаком всё усиливающейся борьбы против революции формирующейся контрреволюции. Естественно, что с ослаблением и без того слабого центра процесс собирания сил к полюсам революции и контрреволюции шел в 1918 году с возрастающей силой. Это-то и выразилось в поправении правого крыла ка-де и всех правее его стоящих русских либеральных группировок. Это выразилось также в лозунге с требованием военной диктатуры, который все они выставили. Готовность этих русских политических партий подчиниться безапелляционно вождям Белого Движения доходила до полного политического самоупрезрения. Они прониклись самой глубокой верой, что нужна прежде всего победа на полях сражения, которая может быть достигнута одними военными средствами.

Покорность, с которой представители русского либерализма пошли на служение Белому Движению, являлась прочным цементом, тесно внутренне связавшим представителей русского либерализма с Белым Движением.

¹ Цитировано у Ключевского: Курс Русской истории, ч. III, с. 323.

«Кризисом русского либерализма» и назвал генерал А. И. Деникин главу, в которой он должен был констатировать в своих воспоминаниях, написанных в эмиграции^I, провал своей политической деятельности. По этому поводу в эмиграционной исторической литературе возник очень характерный спор. Лидеру конституционных демократов — «П. Н. Милюкову, — говорит историк С. П. Мельгунов^{II}, — в (своей) книге^{III} всемерно хочется показать, что участие партии конституционных демократов в «белом» движении, в правительстве генерала Деникина было участием только оппозиции. Автор возражает против установившейся легенды и говорит, что правые (?) кадеты, имевшие отношение к этому правительству, были лишь ширмой, которая должна была свидетельствовать о либерализме правительства, и не пользовались серьезным влиянием...»^{IV}. «Тот, кто читал книгу профессора Соколова^V “Правительство генерала Деникина”, книгу, представляющую собою как бы оправдание, не всегда согласится с тем, что единомышленник П. Н. Милюкова был только “либеральной ширмой” (Соколов считает, что его политические единомышленники дали “кадетскую форму” Деникинскому правительству)».

Разногласие между генералом А. И. Деникиным и П. Н. Милюковым не есть разногласие между объективными историками, а спор между участниками событий, стремящимися оправдаться перед грядущими поколениями. Как всегда в таких случаях, истину нужно искать где-то в стороне.

Дело в том, что, как я уже говорил в своем месте, конституционно-демократическая партия переживала в своих недрах полный кризис. Этот кризис был настолько силен, что привел в конце концов к окончательному развалу партии. В этом легко убедиться, прочтя протоколы Парижского совещания членов ЦК партии^{VI} в 1921 году. Даже поверхностное ознакомление покажет, что уже к концу 1918 года в партии ка-де не было ни единства, ни выдержанной линии — жизнь неудержимо влекла партию вправо. И я совершенно согласен с С. П. Мельгуновым^{VII},

^I Очерки Русской Смуты, т. V, глава XXX.

^{II} Мельгунов С. П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова, с. 38–39.

^{III} Россия на переломе. — Прим. Н. Н. Г.

^{IV} Ген. Врангель в своих воспоминаниях упрекает А. И. Деникина в противоположном, а именно в том, что Деникин черпал своих сотрудников преимущественно из кругов «нашей либеральной общественности» («Белое Дело», т. VI, 41).

^V Соколов принадлежал к числу «кадетов», имевших большое влияние в правительстве Деникина. — Прим. Н. Н. Г.

^{VI} Подлинные тексты протоколов хранятся в архивах Гуверовской Библиотеки Войны (Стенфордский университет, Калифорния).

^{VII} Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова, с. 39.

что историк не имеет права освещать положение вещей в том духе, как это сделал автор¹ книги «Россия на переломе».

Более беспристрастных свидетелей нужно искать среди других лидеров конституционно-демократической партии. Согласно свидетельству такого видного кадета, как Н. И. Астров, партия, к которой он принадлежал, действовала совершенно различно в Киеве, в Одессе, в Екатеринодаре, в Омске, Париже, Лондоне. В Киеве кадеты **организовали правых**: «и со всей силой таланта доказывали, что носителями идеи государственности, которую нужно спасти во что бы то ни стало, хотя бы с помощью немцев, являются только правые»^{II}.

Разногласие царило и в отдельных кругах, на которые разбилась партия. Так, например, екатеринодарская группа членов ЦК имела не менее трех течений. Та же группа оказалась в полном конфликте с ростовским местным комитетом. Под влиянием общих условий усиливается крен на правую сторону. Еще более резко ставил вопрос В. А. Оболенский²¹⁴: «В Добровольческий период борьбы партия не считалась с психологией народа, и сам П. Н. (Милюков) думал тогда, что можно создать власть при помощи германских штыков... В то время воспевалась военная диктатура, ее наклевали и относились к ней, как к какой-то самодовлеющей форме»^{III}.

Истина и заключалась в том, что конституционно-демократическая партия, как политическое целое, к концу 1918 года уже не существовала. Поэтому, когда П. Н. Милюков говорит о ней, он говорит только о той группе, которая осталась верной ему. Генерал же А. И. Деникин говорит про ту часть кадетов, в которой тяготение к военной диктатуре являлось не только следствием сознания необходимости сильной власти для успешности ведения военной борьбы с большевиками, но также и признания своей собственной политической несостоятельности в условиях, созданных русской революцией. Поэтому генерал А. И. Деникин прав, говоря о «кризисе русского либерализма». Но он не прав, когда он стремится этим кризисом объяснить свою собственную неудачу. Указываемый им кризис либерализма к концу 1918 года уже завершился. В руках вождя Белого Движения, в обстановке готовности представителей русского либерализма идти всюду, куда поведет их столь желанный для них военный диктатор, были громадные возможности. Вся дальнейшая политика этого военного диктатора всецело зависела от его собственных идей и его государственных способностей.

^I П. Н. Милюков.

^{II} Цитировано у С. П. Мельгунова «Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова», с. 39–40.

^{III} Там же, с. 40.

Поэтому, если П. Н. Милуков не прав, утверждая, что в Деникинском правительстве «кадеты» служили только «либеральной ширмой», то его утверждение становится правильным в ином толковании, а именно в том, что «историк» А. И. Деникин пользуется кризисом русского либерализма как ширмой для прикрытия своей собственной политической несостоятельности.

Вышеуказанное неуяснение лидерами Белого Движения реальной политической обстановки, создавшейся к концу 1918 года, было чрезвычайно грозными последствиями.

С началом революции, точно «по мановению какого-то волшебного жезла, исчезло с лица земли Русской всё, что только было правее ка-де»¹. Но по мере «правения» правого крыла конституционно-демократической партии к нему стали тянуться сочувствующие из исчезнувших в начале революции старых правых партий. В этом проявлялась естественная тенденция всякого контрреволюционного движения, по мере затяжки и затруднений в борьбе с революцией, «праветь» так же точно, как в противоположном, революционном, лагере те же условия вызывают процесс всё большего «левения». Ошибочность суждений главного вождя Белого Движения — генерала А. И. Деникина заключается в том, что он продолжал применять в суждении о различных русских политических партиях свое прежнее о них представление. Этим и объясняется то, что он, создавая вокруг себя по существу «правое» окружение², сам пребывал в уверенности, что «общее течение политической жизни Особого Совещания (то есть ближайшего политического советника генерала Деникина) вылилось ярко в два русла — правое и либеральное»³. Правда, сейчас же вслед за этими словами генерал Деникин добавляет⁴: «Если первое (“большинство”) представляло из себя довольно однородное целое, связанное общностью мировоззрения и психологии, то во втором (меньшинство) наоборот — даже небольшая кадетская группа не отличалась обычным до того времени единством».

Генерал А. И. Деникин таким образом не осознал главного — русский либерализм уже оказался несостоятельным перед лицом русской революции. В первые же месяцы революции он потерпел поражение в лице Комитета Государственной Думы, затем в лице Первого Временного правительства кн. Львова и окончательно в лице министров-кадетов во Временном правительстве Керенского. Таким образом, уже в течение лета 1917 года русский либерализм был разбит революцией.

¹ Мельгунов С. П. Гражданская война в освещении П. Н. Милукова, с. 24.

² См. главу XXIV.

³ Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 207.

⁴ Там же.

К концу же 1918 года он окончательно потерял свое лицо и перестал существовать как действующая политическая сила.

Сам того не сознавая, генерал А. И. Деникин создавал условия для «правления» Белого Движения. Насколько это делалось бессознательно, ярко иллюстрируется тем «страхом», который, по свидетельству В. И. Гурко¹, испытывали перед прибытием старых государственных деятелей даже такие правые по своим убеждениям лица из окружения генерала А. И. Деникина, как председатель Особого Совещания — генерал А. М. Драгомиров.

В результате на верхах Белого Движения создавалось положение как раз обратное тому, к которому стремился его полномочный вождь: оставаясь идеологически «вне» и «над» — партийным, Белое Движение в повседневной практике принимало правый уклон.

Я обращаю особое внимание читателя на этот мой вывод. Будучи не согласен ни с генералом А. И. Деникиным, ни с П. Н. Милюковым, что Белые армии, и в частности Добровольческая Армия, приняли классовый характер, я не отрицаю, что к концу 1918 года на руководящих Белым Движением верхах создались условия, при которых оно могло уклониться на путь реставрационно-классовой политики. Но это отклонение представляло собою социологически не «органическое» явление, а «случайное отклонение», которое производят в ходе истории субъективные свойства вождей.

К концу 1918 года в истории России как раз создавался период времени, в течение которого то, что так образно называл Карлейль словами «героическое начало в истории», приобретало особую силу.

Настаивая на том, что Белое Движение могло достигнуть своей цели спасения России только том случае, если ко времени окончания мировой войны оно резко и отчетливо стало бы в решении аграрного вопроса на сторону интересов русского крестьянства, нужно вместе с тем указать, что трудности подобного решения были чрезвычайно велики. Эти трудности заключались в том, что, ставя на первое место классовые интересы крестьян, приходилось приносить в жертву культурный помещичий класс и таким образом действовать временно во вред общим государственным интересам. При этом, как я уже указывал в своем месте, русское крестьянство не было монолитно. В разных краях и областях России в самом крестьянстве образовались своего рода подклассы, которые вступили, под воздействием разрушающего морального влияния революции, в ожесточенную борьбу между собой. Наиболее резкое выражение этого явления мы видели в Сибири в лице

¹ Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917–1918 гг. // Архив Русской революции, т. XV, с. 38.

старожилов и новоселов. Аналогичное явление мы видели и в казачьих областях. Казаки, которые по существу являлись теми же русскими крестьянами, вынуждены были защищать свои земли от стремящихся отобрать их у них более бедных «иностранцев».

Исключительная трудность Белого Движения и состояла в том, что свою вооруженную силу оно строило как раз в казачьих областях и в Сибири. В том случае, если вожди Белого Движения, в своем стремлении создать общий для всей России аграрный закон, задались бы целью удовлетворить крестьян, живущих в областях Центральной Европейской России, они оттолкнули бы от себя казаков и сибирских старожилов. Обратно, всякий закон, который отвечал бы интересам казаков и сибирских старожилов, неизбежно вооружал против себя прочих крестьян.

Несомненно, что это и было главной причиной той нерешительности, в которой Вождь Белого Движения остановился перед решением аграрного вопроса. Но также несомненно и то, что решение этого вопроса, невозможное в виде унитарного для всей России закона, было возможно в том случае, если его решение производилось бы самостоятельно по областям. Но это в свою очередь требовало от вождей Белого Движения признания автономии и даже временной независимости стихийно создававшихся на территории России по мере роста контрреволюции автономных областей и государственных новообразований. В таком случае путь к спасению России пролегал через федерацию и даже конфедерацию. Для вождей же Белого Движения, выдвинувших на первое место лозунг «Единая, неделимая Россия», подобная постановка вопроса была абсолютно неприемлема.

Так психология тяжелой внешней войны, родившая Белое Движение, мешала ему выйти на тот единственный путь, который вел к победе во внутренней, гражданской войне.

Была и еще одна причина, до чрезвычайности осложнявшая вождам Белого Движения решение вопроса о земле.

Как я уже говорил, с разрушением прежней традиционной Царской власти и после годового морального разрушения, внесенного революцией, в конце 1918 года не было ни того лица, ни даже той группы лиц, обещаниям или программе которых поверили бы массы русского крестьянства. Поэтому привлечение крестьянства в Белое Движение не могло быть достигнуто одним только изданием соответствующих чаяниям этих масс законов. Несравненно большее значение приобрела та практическая политика, которая проводилась фактически на местах. Оставление земли в руках сельских советов или комитетов, составленных из местных крестьян, с предоставлением им самим решения вопроса о ближайшем распределении и использовании земли, должно было явиться главным из таких мероприятий.

В начале моего труда я говорил, что, хотя эти советы и являлись чрезвычайно рудиментарным органом самоуправления, тем не менее они пользовались доверием народных масс. Политическая ловкость Ленина и заключалась в том, что он чрезвычайно умело использовал для утверждения своей диктатуры слово «советы». Под лозунгом «вся власть советам» он захватил центральную государственную власть. Прикрываясь названием «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика», он утвердил над захваченной большевиками территорией России один из самых деспотических образов правления, которые знает история. Ему удалось достичь большего, а именно, принятием в лексикон своей демагогии слова «Советы», усилить ту ненависть к ним, которая накопилась в среде наиболее патриотически настроенной части интеллигенции уже летом 1917 года. И действительно, не только для рядового участника Белого Движения, но и для его вождей понятие «советский» стало синонимом понятия «большевицкий». В таких психологических условиях вожди Белого Движения были лишены единственного возможного на понятном для крестьянской массы языке обещания закрепить за нею обладание захваченной ею во время аграрной революции земли.

Какова же могла быть та земельная политика, которую Белое главнокомандование готовилось проводить на практике?

«От первых шагов наших в освобожденном крае, — пишет генерал А. И. Деникин^I, — хотя и занимавшем пока крошечную территорию^{II}, зависело много. И первые шаги оказались неудачными».

В области аграрной политики это был, по свидетельству самого же генерала Деникина, «злополучный “третий сноп”, введенный (еще) в период нашего походного законодательства на клочке Ставропольской губернии для урожая 1918 года»^{III}.

Идеологическое «непредрешенство» Белого Движения в аграрном вопросе привело на практике к реставрационно-классовой политике. Вот какими мрачными красками рисует П. Н. Милюков^{IV}, во что вылилась эта практика в течение последовавшего 1919 года: «...везде, где она (Добровольческая Армия) вводила свое управление, вслед за военными победами шли экзекуции крестьян. Часто в этом принимали участие сами пострадавшие от крестьян помещики, которые приводили в свои села военные карательные отряды, пороли крестьян и заставля-

^I Очерки Русской Смуты, т. III, с. 180.

^{II} Во время второго Кубанского похода Добровольческой Армией были освобождены, как мы знаем, части Ставропольской и Черноморской губерний. — *Прим. Н. Н. Г.*

^{III} Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 222.

^{IV} Россия на переломе, т. II, с. 79.

ли их платить за все причиненные помещику убытки, за сожженные строения, имущество, скот и т. д. Естественно, что повсюду результат получался один и тот же. Население, вначале дружественное к освободителям, быстро становилось враждебным и скоро начинало выделять из своей среды наиболее активные элементы, которые организовывали вооруженное сопротивление “зеленых” банд».

Несомненно, что П. Н. Милюков, рисуя эту мрачную картину, сгустил краски. В 1919 году крестьянская стихия продолжала еще бушевать. Поддонки деревни грабили и терроризировали более умеренную часть крестьян. Изгонявшая большевиков Белая власть не могла не бороться и не карать эти разнуздавшиеся элементы. Однако также несомненно, что приходившая на смену большевицкой местная Белая власть повела на практике реставрационную политику. Об этом свидетельствует сам генерал А. И. Деникин, который в своих воспоминаниях так подводит итоги своего годового Верховного управления Югом России¹.

«На высших ступенях гражданской иерархии в должности главноначальствующих находились генералы, командовавшие армиями в данных районах... Имея функции только высшего надзора, деятельность главноначальствующего проходила на виду и была доступна в известной мере прямому воздействию центра. Но дальше, в области практического управления дело обстояло хуже, нося внешние признаки реставрации. Управляющий внутренними делами Чебышев²¹⁵ ставил губернаторов почти исключительно из числа лиц, занимавших эти должности до революции, желая “использовать их административный опыт”. Это были люди — некоторые по крайней мере — быть может, вполне подготовленные, но по психологии и мировоззрению, навыкам, привычкам столь далекие, столь чуждые свершившемуся перевороту, что ни понять, ни подойти к нему они не могли. Для них всё было в прошлом, и это прошлое они старались возродить и в формах, и в духе. За ними следом потянулись низшие агенты прежней власти — одни, испуганные революцией, другие, озлобленные и мстящие. Проходили они в районы, для них незнакомые, пережившие уже не один режим, с населением, потерявшим уважение к закону и власти и недоверчивым, с жизнью, выбитой из колеи, насыщенной взаимными обидами и классовой враждой. Уезды кишели шайками “зеленых”, всевозможных атаманов и остатками рассеявшихся красноармейцев, до крайности затруднявшими передвижение и общение губернских и уездных властей с деревней... Катившиеся по краю-театру войны или ближайшему ее тылу войсковые части и своевольные начальники нарушали распоряжения гражданских властей. Жизнь гражданской администрации,

¹ Очерки Русской Смуты, т. IV, с. 218.

как и всего служилого элемента Юга, была неприглядной, благодаря нищенскому содержанию, и толкала на искушения. Наконец, изменчивость боевого счастья бросала целые территории из рук в руки, и многим администраторам, не было зачастую времени устроить свой район. Только Ставропольская и Черноморская губернии были в наших руках более года; в них правили часто сменявшиеся военные губернаторы, в назначении которых управление вн. дел не было повинно; но и там дело обстояло так же плохо, если еще не хуже.

— Нет людей...»

Действительно, генерал Деникин не мог найти нужных ему людей; но происходило это не потому, что **людей не было**, а потому, что Белое Движение оказалось оторванным от народных масс и изолированным в недрах самой интеллигенции.

Русская контрреволюция, родившаяся с Корниловским выступлением, прошла, как мы могли видеть, очень сложный путь развития. Большевицкий переворот вызвал сразу чрезвычайный ее рост. Но этот рост, огромный по своему объему, не соответствовал внутренней консолидации русской контрреволюции. Различные ее течения не нашли общего языка. Союз сил, собравшихся в контрреволюционном лагере, оказался очень непрочной конфедерацией. Мы видели не только взаимное непонимание между интеллигенцией и народными массами, но даже враждебную нетерпимость между различными группами самой интеллигенции.

Это явление розни и взаимного непонимания встречалось столь часто в рассматриваемых нами событиях, что историк должен искать объяснение этому явлению среди объективных причин.

Попытаемся уподобиться путнику, который для того, чтобы получить общее представление о местности, подымается на лежащую около его пути вершину. События, происходящие на исторической арене, представляют собою лишь волны, которые под давлением внутренних сил появляются на видимой нами поверхности жизни. Имена вождей, лозунги политических партий, идеологические обоснования политических стремлений, самая борьба между отдельными действующими лицами и массами — всё это только различные комбинации составных частей социальной жизни. Так, точно в калейдоскопе при малейшем передвижении его рукой, складываются самые разнообразные картины. Подвижность явлений общественной жизни мешает нам видеть те объективные причины, которые властно влияют на исход событий.

Подыдемся же на высшую точку зрения, которая позволит нам объяснить явления уже независимо от характеров отдельных действующих лиц и других случайных отклонений. Попробуем проникнуть в более глубокий смысл хода событий и вместе с тем понять его особый, специфически русский характер.

«Основною русской особенностью, проходящей красною нитью через все стороны исторического процесса — политическую, социальную, интеллектуальную и национальную, является... известная слабость сцепления и цементирования частей, составляющих социальный агрегат»¹.

Естественно, что при такой внутренней слабости Россия не смогла выдержать того великого напряжения, которое потребовала от нее

¹ Миллюков П. Н. Россия на переломе, т. I, с. 29.

Мировая война. Вызванные военным перенапряжением разлагающие государство процессы смели возглавлявшую Россию Царскую власть. С крушением последней пала главная скрепа, сдерживавшая разнородные политические и социальные стремления различных групп, слоев и классов населения России.

Склонность к анархизму еще темных народных масс, в сочетании с «максимализмом» оторванной от этих масс русской интеллигенции благоприятствовали развитию революции до ее крайних пределов, то есть до большевизма. Вместе с этим эти же исторически сложившиеся предпосылки (слабость внутреннего сцепления, анархизм народных масс и максимализм интеллигенции) затрудняли рост здоровых контрреволюционных сил и прочное их объединение.

Эта, сама по себе сложная в русских условиях задача до чрезвычайности затруднялась продолжавшейся на территории России войной держав Антанты с Центральными державами. Затрудняющая формирование русской контрреволюции роль внешней войны далеко не исчерпывалась тем, что она разбила Россию на два враждебных между собою лагеря: один — «интеллигентский», требующий продолжения этой войны, другой — «народный», желающий ее прекращения. Продолжающаяся внешняя война ускоряла разлагающие Россию революционные процессы и вместе с этим, вызывая преждевременные взрывы в нарождающихся очагах контрреволюции, крайне затрудняла нормальное, если можно так выразиться, созревание русской контрреволюции. Характерным в этом отношении примером может служить первая контрреволюционная вспышка в виде Корниловского выступления. Как помнит читатель, это выступление происходило без какой бы то ни было политической программы. Единственная цель, которую оно преследовало, являлась целью чисто «военной», а именно — повысить боеспособность Армии для продолжения войны с Германией. Полное непредрешиенство Белого Движения имело своей главной причиной то, что оно тоже было прежде всего продуктом психологии большой войны, а не политически и социально созревшей контрреволюцией. Наконец, примерами преждевременных контрреволюционных взрывов могут служить организованные французской военной миссией, безнадеежные восстания на Верхней Волге (Ярославль, Рыбинск...), а также восстания, вызванные выступлением чехословаков, на Средней Волге и в Сибири.

Преждевременные взрывы в условиях малого внутреннего сцепления составных частей социального организма России и в то же время при крайней отсталости политического сознания русских крестьянских масс не только усиливали расслоение русской контрреволюции, но вели также к расцеплению ее актов во времени.

Естественно, что процесс социально-психического выздоровления от революционного угара главной массы русского крестьянства должен был протекать в несравненно более медленном темпе, нежели подобное же отрезвление в среде русской интеллигенции. Поэтому преждевременные контрреволюционные взрывы в этой последней в то время, когда главный склад пороха, которому можно уподобить русское крестьянство, был еще сырым, грозили тем, что контрреволюционный пожар в среде русской интеллигенции догорит ранее, чем пожар крестьянской контрреволюции загорится ярким пламенем. В конце 1918 года можно было уже предвидеть, что такое расцепление во времени двух важнейших актов русской контрреволюции произойдет.

Вот объективные причины, предопределившие тот разноречивый внутри русской контрреволюции, который мы могли постоянно наблюдать на страницах этого труда. Они привели к тому, что к моменту, когда русская контрреволюция превратилась в регулярную гражданскую войну, Белое Движение не смогло объединить для вооруженной борьбы с большевиками все противобольшевицки настроенные элементы русской интеллигенции. Они же привели к тому, что решающие эту гражданскую войну военные события должны были произойти до того времени, когда главная масса крестьянства созрела бы для контрреволюции. Наконец, они же предопределили и то, что зарождающееся в недрах крестьянства противобольшевицкое движение с самого же начала стало принимать формы совершенно особого «зеленого» движения, враждующего не только с «красными», но и с «белыми».

Учитывая всё вышесказанное, я и считаю, что изучение русской контрреволюции в ее целом может производиться лишь за период времени от начала революции (март 1917 года) до конца 1918 года. Исследование же дальнейшей контрреволюционной борьбы должно принять форму двух отдельных исторических монографий, которые я озаглавил бы так:

- 1) «Война Белых и Красных»,
- 2) «Зеленое движение и крестьянские восстания».

Составитель д. и. н. с. В. Волков

В комментарии включены авторские исправления и дополнения, перечисленные Н. Н. Головиным в письме к сотруднице Гугеровского института Е. А. Варнек от 21 июня 1939 г. (Архив Гугеровского института, фонд Н. Н. Головина, кор. 10).

¹ **Эрих Людендорф** (1865–1937), генерал пехоты германской армии, с 1 октября 1914 г. был начальником штаба Главнокомандующего на Востоке, с 29 августа 1916 он занял пост 1-го генерал-квартирмейстера полевого Генерального штаба — одновременно с назначением П. Гинденбурга начальником этого штаба (фактически Главнокомандующим), причем было установлено, что оба они несут равную ответственность за руководство военными операциями. Это положение он сохранял до своей отставки 27 октября 1918 г.

² **Раковский Христофор Георгиевич** (наст. Станчев Крыстю), р. 13 авг. 1873 в Болгарии. Окончил медицинский факультет университета в Монпелье в 1896. Участник революционного движения в Болгарии, Германии, Франции, Швейцарии, Румынии и России. Член большевистской партии с 1917 г. В 1918 г. был председателем Верховной коллегии по борьбе с контрреволюцией на Украине, затем председатель СНК Украины, до 1927 на дипломатической работе. Член ЦК в 1919–1927 гг., Президиума ВЦИК и ЦИК СССР 1919–1925 гг. Расстрелян 11 сент. 1941.

³ **Муравьев Михаил Артемьевич**, р. 1880. Из крестьян. Подполковник. С 1917 член партии левых эсеров. С 28 окт. 1917 стал начальником обороны Петрограда против антибольшевистских войск П. Н. Краснова. С янв. 1918 главнокомандующий войсками красного Южного фронта, во главе которых захватил Киев, где истребил несколько тысяч русских офицеров. С 13 июня был командующим Восточным фронтом, но после расправы большевиков над левыми эсерами 10 июля отказался подчиняться большевикам и при аресте на следующий день был убит.

⁴ Во время Первой мировой войны для вспомогательных работ в интересах фронта в России было привлечено множество китайских рабочих, которые затем приняли активное участие в Гражданской войне.

⁵ **Граф Вильгельм фон Мирбах** (1871–1918). С апреля 1918 занимал должность германского посла при правительстве РСФСР. Был убит левым эсером Я. Блюмкиным.

⁶ **Герман фон Эйхгорн** (1848–1918) — генерал-фельдмаршал германской армии; с 26 янв. 1915 командовал 10-й армией на Восточном

фронте, с 30 июля 1916 — главнокомандующий группой армий своего имени. 31 марта 1917 был назначен главнокомандующим группы армий «Киев» (фактически всеми германскими войсками на Украине), возглавил администрацию оккупированных областей. Был убит левым эсером Б. Донским.

⁷ **Черячукин Александр Васильевич**, р. 18 мар. 1872. Из дворян Области Войска Донского, сын коллежского секретаря, ст. Богоявленской. Окончил Донской кадетский корпус 1890, Михайловское артиллерийское училище 1893, академию Генштаба 1899. Офицер л.-гв. 6-й Донской казачьей батареи. Генерал-майор, командир 17-го Донского казачьего полка, начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии, командующий 2-й казачьей сводной дивизией. Георгиевский кавалер. В Донской армии; до 12 фев. 1918 командующий Северо-Западным фронтом, затем скрывался в районе ст. Грушевской. С 4 мая 1918 снова в армии, с 5 мая по июль и в сен. — дек. 1918 заместитель и атаман «Зимовой станицы» — посол на Украине, в июле — сентябре 1918 — в Германии (член делегации с герц. Лейхтенбергским к имп. Вильгельму). В дек. 1918 сыграл важную роль в спасении и эвакуации в Германию нескольких сот русских офицеров. С дек. 1918 по начало 1920 посол ВВД в Польше, с мар. 1920 директор Донского кадетского корпуса до его расформирования в 1923, эвакуирован с корпусом из Новороссийска в Египет. Генерал-лейтенант (30 сен. 1918). В эмиграции во Франции, рабочий на заводе, к 1931 член объединения л.-гв. Конной артиллерии, до 1 сен. 1930 председатель Союза Донской артиллерии в Париже, до 1934 заместитель войскового атамана ВВД, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Генерального штаба. Ум. 12 мая 1944 в Ницце (Франция).

⁸ **Скоропадский Павел Петрович**, р. 3 мая 1873 в Висбадене. Из дворян, сын действительного статского советника, праправнук гетмана Украины в начале XVIII века И. И. Скоропадского. Окончил Пажеский корпус 1893. Офицер л.-гв. Конного полка, командир 20-го драгунского полка, л.-гв. Конного полка. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 дек. 1917. В мар. 1918 возглавил опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апр. 1918 Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во главе с гетманом. 14 нояб. 1918 провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 дек. 1918 вынужден был отречься от власти и выехал в Германию. Погиб при бомбардировке 26 апр. 1945 в Меттене (Бавария).

⁹ **Махно Нестор Иванович**, р. 27 окт. 1888. С 1906 участник анархистского движения, в 1910 г. за убийство приговорен к смертной казни, замененной из-за несовершеннолетия бессрочной каторгой. Освобожден 2 марта 1917 г., уехал в Гуляйполе, где в июле назначил себя комиссаром Гуляйпольского района. В 1918 г. возглавил повстанческие отряды на Украине. В 1918, 1919 и 1920 гг. трижды заключал соглашения о сотрудничестве с большевиками для борьбы против Белого Движения на Юге России. После захвата красными Крыма 26 ноября 1920 его отряды были уничтожены Красной Армией. В августе 1921 г. бежал в Румынию, затем в Польшу, с 1923 жил во Франции, умер 6 июля 1934 в Париже.

¹⁰ **Кистяковский Игорь Александрович**, р. 4 янв. 1876. Окончил 2-ю Киевскую гимназию 1894, Киевский университет 1899. Присяжный поверенный. В фев. 1918 осуществлял связь «Правого центра» с военными организациями в Москве, государственный секретарь Гетманского правительства. Осенью 1918 участник организации офицерских дружин в Киеве; с нояб. 1918 министр внутренних дел Гетманского правительства. В эмиграции в Константинополе, с 1921 во Франции. Ум. в июне 1940.

¹¹ **Сулькевич Матвей (Сулейман) Александрович**, р. 20 июля 1865. Сын полковника. Окончил Воронежский кадетский корпус 1883, Михайловское артиллерийское училище 1886, академию Генштаба 1894. Генерал-лейтенант, командир 37-го армейского корпуса. В июне—нояб. 1918 премьер и министр внутренних дел Крымского краевого правительства. В июле—авг. 1919 в Азербайджанской армии. Ум. 1920 в Баку.

¹² **Свечин Михаил Андреевич**, р. 16 мая 1876 в Санкт-Петербурге. Сын генерала. Окончил 2-й кадетский корпус 1893, Николаевское кавалерийское училище 1895, АГШ 1902, Офицерскую кавалерийскую школу 1903. Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка, начальник штаба 2-й гвардейской кав. дивизии, командир 14-го драгунского полка, командир л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. В Донской армии с 30 дек. 1917. Участник Степного похода, с конца мар. 1918 начальник штаба обороны Новочеркаска, с апр. 1918 писарь, затем начальник оперативного отдела штаба Южной (Заплавской) группы; апр. 1918 и. о. начальник штаба той же группы, с мая по нояб. 1918 член Донской миссии к гетману для вывоза снаряжения, затем в распоряжении Донского атамана, с дек. 1918 член делегации в Англии и во Франции от ВСЮР. Эвакуирован 20 мар. 1920 из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». На май 1920 в Югославии. В эмиграции в Югославии, Германии и Франции; член Общества офицеров Генерального штаба, начальник подотдела РОВС, председатель отдела Союза инвалидов, с 1930 начальник отдела РОВС, на нояб. 1951 почетный член объединения л.-гв. Кирасирского

Ее Величества полка, к 5 авг. 1960 в Ницше, к 1963 председатель 4-го отдела Гвардейского объединения. Сотрудник журнала «Военная Бель». Ум. 15 апр. 1969 в Ницше (Франция).

¹³ **Герцог Лейхтенбергский Николай Николаевич**, р. 5 окт. 1868 в Женеве. Выдержал офицерский экзамен при Павловском военном училище 1892. Офицер л.-гв. Преображенского полка. Полковник, командир 12-го Туркестанского стрелкового полка. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. Арестовывался весной 1918. С 5 июля 1918 посол ВВД в Берлине. В эмиграции в Германии. Ум. 2 мар. 1928 в им. Руф, деп. Воклюз (Франция); погр. в Германии.

¹⁴ **Князь Тундутов Данзар Давидович**. Сын члена Государственной Думы (1860—1907). Окончил Пажеский корпус 1908. Офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка. Полковник. В 1918 атаман Астраханского казачьего войска и командир Астраханского корпуса; врид Астраханского атамана. Генерал-майор. В эмиграции. Вернулся в СССР.

¹⁵ Имеются в виду события в Мексике 1920 г., когда страна, раздираемая восстаниями, пребывала в состоянии анархии (Адольфо де ла Уэрта 1 ноября 1920 г. был провозглашен повстанцами временным президентом, но уже 30 ноября утратил свой пост).

¹⁶ **Жуковский Александр Тимофеевич**, р. 22 нояб. 1884. Окончил Каменец-Подольскую духовную семинарию 1905, Одесское пехотное юнкерское училище 1908. Офицер 110-го пехотного полка. Полковник Отдельного корпуса пограничной стражи. Георгиевский кавалер. 30 янв. — 29 апр. 1918 военный министр УНР, 1919—1920 в армии УНР, военный атташе в Чехословакии. 1922 вернулся в СССР. Ум. ок. 1925.

¹⁷ **Осецкий Александр Викторович**, р. 24 июля 1873. Из дворян Волынской губ. Окончил Полоцкий кадетский корпус 1892, Константиновское военное училище 1894, Офицерскую стрелковую школу 1910, АГШ 1917. Офицер 59-го пехотного полка. Генерал-майор, командир бригады 2-й гренадерской дивизии. 1918 в гетманской армии; весной 1918 начальник Главного штаба, затем командир Железнодорожной дивизии. 1919—1920 командующий армией УНР. В эмиграции в Польше, с 1923 во Франции. Ум. 26 фев. 1936 в Париже.

¹⁸ **Присовский Константин Адамович**, р. 1878 в Киеве. Окончил гимназию, Чугуевское военное училище 1901. Офицер 140-го пехотного полка. Полковник, командир 278-го пехотного полка, начальник 10-й Туркестанской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В мар. 1918 командир петлюровских войск, вступивших в Киев, перешел в гетманскую армию; комендант Киева и гетманского дворца. В нояб.—дек. 1918 в Киеве. 1919 в армии УНР. Во ВСЮР и Русской Армии; с 1919 начальник Константиновского военного училища до эвакуации Крыма. Генерал-майор (1918). В эмиграции в Болгарии, Югославии

и Франции. Почетный председатель объединения Чугуевского военного училища. Ум. 15 фев. 1966 в Мужене (Франция).

¹⁹ **Павлов Александр Александрович**, р. 11 июля 1867. Из дворян Волынской губ. Окончил Киевский кадетский корпус 1885, Николаевское кавалерийское училище 1887. Офицер л.-гв. Гусарского полка, командир л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, командир Кавказского кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. 1918 командующий Астраханской армией. В Вооруженных силах Юга России; командир Астраханского корпуса, с 21 мар. 1919 в распоряжении атамана ВВД, затем в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с янв. 1920 командир 4-го Донского корпуса, а также командир конной группы из частей 4-го и 2-го Донских корпусов, с конца фев. 1920 в резерве чинов при Военном управлении, с 13 мая 1920 генерал для поручений при Главнокомандующем ВСЮР. Эвакуирован на пароходе «Константин». В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. Ум. 7 дек. 1935 в Земуне (Югославия).

²⁰ **Эльснер Евгений Феликсович**, р. 12 дек. 1867. Из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус 1885, Михайловское артиллерийское училище 1888, академию Генштаба 1895. Генерал-лейтенант, главный начальник снабжения Юго-Западного фронта. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. Участник боев в Киеве в окт. 1917. В Добровольческой армии с дек. 1917, с янв. 1918 начальник снабжения армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник обоза, с лета 1918 по март 1919 представитель Добровольческой армии при атамане ВВД. В начале 1920 выехал в Югославию. В эмиграции там же, 23 нояб. 1921 — 1 сен. 1929 преподаватель Крымского, затем Первого русского кадетских корпусов, член Общества офицеров Генерального штаба. Ум. 5 июля 1930 в Белой Церкви (Югославия).

²¹ **Герцог Лейхтенбергский Георгий Николаевич**, р. 22 дек. 1872 в Риме. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1892. Полковник л.-гв. Конного полка, штаб-офицер для поручений при штабе Юго-Западного фронта. В июле 1918 участник формирования Южной армии в Киеве. В эмиграции в Италии и Германии. Участник Рейхенгальского монархического съезда 1921 г., в 1922 организовал Союз объединенных монархистов. Ум. 9 авг. 1929 в замке Зеон (Бавария).

²² **Акацатов Михаил Епифанович**. Член «Русского Собрания» в Петрограде. В 1917—1918 в Добровольческой армии. С июля 1918 участник формирования Южной армии в Киеве.

²³ **Семенов Валериан Владимирович**, р. 1875. В службе с 1893, офицером с 1895. Офицер л.-гв. 4-го стрелкового полка. Полковник, командир 10-го Заамурского пограничного пехотного полка. Генерал-майор. В Добровольческой армии в отряде полк. Дроздовского; участник похода Яссы—Дон.

Командир Стрелкового полка. Убыл из полка в конце апр. 1918, затем заведующий вербовочным бюро Добровольческой армии в Харькове; с июля 1918 начальник 1-й дивизии Южной армии, Воронежский генерал-губернатор. В белых войсках Восточного фронта. Участник Сибирского («Ледяного») похода; апр. 1920 генерал для поручений при командующем войсками Российской Восточной окраины, 1921—1922 комендант Владивостока. В эмиграции 1926 в Маньчжурии. Ум. 4 фев. 1928 в Харбине.

²⁴ **Вандам Алексей Ефимович**, р. 17 мар. 1867 в Минской губ. Из солдатских детей. В службе с 1884. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище 1890 (офицером с 1892), академию Генштаба 1899. Офицер 117-го пехотного полка и л.-гв. Гренадерского полка. Генерал-майор, начальник штаба 23-й пехотной дивизии, командующий той же дивизией. Георгиевский кавалер. В Северо-Западной армии; в окт. 1918 возглавил формирование Северной армии в Пскове, с 12 окт. по 16 нояб. 1918 командир Отдельного Псковского добровольческого корпуса; до 22 нояб. 1918 командующий им; с 21 июня по 24 нояб. 1919 начальник штаба Северо-Западной армии. В эмиграции в Эстонии. Ум. 16 сен. 1933 в Ревеле.

²⁵ **Булак-Булахович Станислав-Мария Никодимович-Михайлович**, р. 10 фев. 1883. Из крестьян Ковенской губ. Произведен в офицеры за боевое отличие 1915. Штабс-ротмистр 2-го уланского полка. В Северо-Западной армии с 2 нояб. 1918 (перешел с отрядом от красных), произведен в ротмистры, с нояб. 1918 подполковник, организатор и начальник пехотной дивизии, 1919 начальник южного участка Северного корпуса, с мая 1919 полковник. Генерал-майор (с июня 1919). 24 авг. 1919 исключен из армии и бежал в Эстонию. 1920 командующий Русской Народной армией в Польше. Остался в Польше, директор лесных разработок. Убит 10 мая 1940 в Варшаве.

²⁶ **Мякотин Венедикт Александрович**, р. 14 мар. 1867 в Гатчине. Окончил Санкт-Петербургский университет. Профессор. Историк и публицист. 1918 председатель «Союза возрождения России». В эмиграции с 1922 в Чехословакии. Ум. 5 окт. 1937 в Праге.

²⁷ **Карахан (Караханян) Лев Михайлович**, р. 1889, участвовал в революционном движении с 1904 г., в 1917 вступил в большевистскую партию, был секретарем и членом Президиума Петросовета и членом ВРК. В марте 1918 он участвовал в переговорах в Брест-Литовске, в 1918—1920 был зам. наркома иностранных дел, с 1921 — полпредом в Польше, с 1923 — в Китае, 1927—1934 — снова зам. наркома иностранных дел, а затем — полпредом в Турции. В 1937 расстрелян.

²⁸ **Иоффе Адольф Абрамович**, р. 22 окт. 1883 в Симферополе. Из купцов. Участник социал-демократического движения с 1902, меньшевик, с 1917 — большевик. В 1917 г. был членом Петроградского ВРК, затем — председателем делегации на переговорах с Германией,

с 1918 — полпред в Германии, 1919—1920 — нарком госконтроля УССР, затем в Наркоминделе РСФСР, 1921—1922 зам. председателя Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК и председатель Туркбюро ЦК РКП(б), с 1922 полпред в Японии и Китае, с 1924—1925 в Австрии, затем до 1927 зам. председателя Главного концессионного комитета СССР. Покончил самоубийством 17 нояб. 1927.

²⁹ **Бела Кун** (1886—1939), с 1902 участвовал в революционном движении в Австро-Венгрии. Попав в 1916 в Россию как военнопленный, вступил в РСДРП, где организовал и возглавил венгерскую группу. В 1918 был одним из организаторов венгерской компартии, в 1919 — наркомом иностранных и военных дел Венгерской советской республики. После ее падения был членом РВС Южного фронта Красной Армии и прославился организацией в Крыму массовых расстрелов после эвакуации армии ген. Врангеля. С 1921 был одним из руководителей Коминтерна.

³⁰ Имеется в виду **В. А. Александрович** (Дмитриевский), рабочий-эсер, который на Втором съезде советов 25—27 октября 1917 был избран членом ВЦИК от левых эсеров и вновь — на IV чрезвычайном съезде 14—16 марта 1918.

³¹ Имеются в виду члены Конституционно-демократической партии (кадеты).

³² Верхняя палата германского парламента, состоящая из представителей от территорий.

³³ **Барон Нольде Борис Эммануилович**, р. 1876. Чиновник МИДа, профессор Санкт-Петербургского университета, председатель Главного правления РОКК. 1918 участник подпольной организации в Петрограде. В эмиграции с 1919 во Франции. Ум. 28 мая 1948 в Лозанне (Швейцария).

³⁴ **Лазаревский Николай Иванович**, р. 1864. Из дворян. В службе и классном чине с 1895. Действительный статский советник, юрист-консульт министерства финансов. Профессор Петроградского университета. Член Петроградской Боевой организации. Арестовывался 13 дек. 1919 и в июне 1921 в Петрограде. Расстрелян большевиками 24 авг. 1921 в Петрограде.

³⁵ **Соколов Константин Николаевич**. Профессор Петроградского университета. В Добровольческой армии и ВСЮР; с мар. 1919 начальник Освага. Эвакуирован в начале 1920 из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». Летом 1920 в Константинополе, на о. Лемнос и в Сербии. В эмиграции в Болгарии. Ум. 24 мар. 1927 в Софии.

³⁶ **Гессен Владимир Матвеевич**, р. 1868. Профессор права в Санкт-Петербурге. В марте 1917 был назначен членом Особого совещания для разработки «Положения о выборах в Учредительное Собрание», в сентябре 1917 — член Предпарламента от партии кадетов. Затем в Вооруженных силах на Юге России. Ум. от тифа 1920.

³⁷ **Юденич Николай Николаевич**, р. 18 июля 1862 в Москве. Из дворян Минской губ., сын директора Землемерного училища. Окончил Московское земледельческое училище 1879, Александровское военное училище 1881, АГШ 1887. Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Кавказского фронта. В Северо-Западной армии; с 5 июня 1919 Главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском районе. В эмиграции во Франции. Ум. 5 окт. 1933 в Канне (Франция).

³⁸ **Нацаренус Сергей Петрович** (1883—1942) происходил из немецких колонистов, член большевистской партии с 1904 г. В 1917 член Московского облбюро партии и председатель Костромского губисполкома, с мая 1918 — чрезвычайный комиссар Мурманско-Беломорского края, с ноября — член РВС 7-й армии, с декабря — член РВС Балтийского флота. В 1919—1920 был военкомом Московского военного округа и членом РВС 14-й и 15-й армий, с ноября 1920 стал командующим войсками Беломорского военного округа. После Гражданской войны занимал различные партийные и советские должности.

³⁹ **Автономов Александр Исидорович**, р. 1890. Хорунжий Донского войска, в 1917 перешел на сторону большевиков и участвовал в установлении их власти на Дону, а весной 1918 руководил красными войсками при обороне Екатеринодара. С 19 апр. 1918 он стал главнокомандующим войсками Кубанской советской республики, но вследствие конфликта с ЦИК уже 28 мая был отрешен и отозван в Москву. В дальнейшем занимал незначительные должности в красных войсках на Северном Кавказе, где и умер от тифа 2 фев. 1919.

⁴⁰ **Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич** (Радко Руско Дмитриев), р. 24 сен. 1859 в с. Гадец (Болгария). Окончил Софийское военное училище 1879, АГШ 1884. Принят из болгарской службы в русскую в 1914. Генерал от инфантерии, командующий 12-й армией. Георгиевский кавалер. Убит большевиками 18 (19) окт. 1918 в Пятигорске.

⁴¹ **Снесарев Андрей Евгеньевич**, р. 1865. Сын священника. Окончил Московский университет 1887, Московское пехотное юнкерское училище 1889, АГШ 1899. Офицер 1-го гренадерского полка. Генерал-лейтенант, командир корпуса. Летом 1918 был в РККА военным руководителем Северо-Кавказского военного округа, с сент. 1918 — начальником Западного района обороны и командующим Западной армией, в 1919—1921 — начальником Академии Генштаба, затем преподавателем. 13 авг. 1930 осужден к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей по делу «Весна». Расстрелян 4 дек. 1937 в Москве.

⁴² **Воронович Николай Владимирович**, р. 25 апр. 1887. Окончил Пажеский корпус 1908. Офицер л.-гв. Конно-гренадерского полка. Полковник, 1917 председатель Лужского Совдепа. 1918—1920 командир

армии «зеленых» на Черноморском побережье. В эмиграции в США. Ум. 18 июля 1967.

⁴³ **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. 6 янв. 1883. Из дворян Саратовской губ. Окончил Сибирский кадетский корпус 1900, Михайловское артиллерийское училище 1903, АГШ 1911. Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с дек. 1917, на 30 дек. 1917 начальник штаба 1-го отряда армии. В фев. 1918 направлен в Сибирь (в янв. 1918 через Москву или в марте 1918 с отрядом через степи на Волгу), с 1 июля 1918 в Сибирском центре (утв. 2 фев. 1919 в резерв армии). В белых войсках Восточного фронта; с 21 нояб. 1918 начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 6 янв. 1919 генерал-майор, 23 мая — 12 авг. 1919 также и военный министр. 9 авг. — 16 нояб. 1919 командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 нояб. 1919 командующий Уральской группой войск. В окт. 1922 начальник вооруженных сил Владивостока, до эвакуации Приморья в составе Урало-Егерского отряда. В дек. 1922 — весной 1923 при Управлении по устройству беженцев, русский представитель в Гензане (Корея). В эмиграции в Китае, к 1928 на Дальнем Востоке, сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», на 1 сен. 1928 член секции Генерального штаба Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае, основатель газеты «Русская Мысль». Ум. 6 мар. 1928 в Шанхае.

⁴⁴ **Перхуров Александр Петрович**, р. 1 янв. 1876 в с. Шерепово Тверской губ. Из дворян той же губ., сын титулярного советника. Окончил 2-й Московский кадетский корпус 1893, Александровское военное училище 1895, АГШ 1903. Полковник, командир 186-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. С мар. 1918 начальник штаба Союза защиты Родины и свободы. Руководитель Ярославского восстания, затем в белых войсках Восточного фронта; с сен. 1918 начальник 1-й Казанской стрелковой дивизии Народной Армии, с фев. 1919 командир Казанской стрелковой бригады и 13-й Казанской стрелковой дивизии, с сер. июля 1919 начальник партизанских отрядов 3-й армии. Генерал-майор (с 17 июня 1919). Взят в плен 11 мар. 1920 в с. Подымахинское у Лены; с янв. 1921 служил в РККА. Арестован 20 мая 1921. Расстрелян 21 июля 1922 в Ярославле.

⁴⁵ **Марушевский Владимир Владимирович**, р. 13 июля 1874 в Петергофе. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил гимназию в Санкт-Петербурге 1893, Николаевское инженерное училище 1896, академию Генштаба 1902. Генерал-майор, командир 3-й Особой пехотной бригады во Франции, начальник Генерального штаба. В эмиграции в Финляндии. В белых войсках Северного фронта с 19 нояб. 1918; помощник генерал-губернатора по военной части и помощник командующего русскими войсками Северной области, с 15 янв. 1919 на 8 мар. 1919 ко-

манdüющий русскими войсками Северной области (фактически до авг. 1919); с 23 авг. 1919 направлен с миссией в скандинавские страны. Генерал-лейтенант (с 30 мая 1919). В эмиграции. Ум. 24 нояб. 1951 в Загребе (Югославия).

⁴⁶ **Маслов Сергей Семенович**, р. 1887. Из служащих Воронежской губ. Окончил городское училище, затем — сельскохозяйственное училище. Член Учредительного Собрания от правых эсэров. В белых войсках Северного фронта; член Временного управления Северной области — управляющий военным и земским отделом. С сен. 1918 в Сибирской армии. Арестован 22 июля 1919 в Златоусте. Остался в СССР, затем в эмиграции.

⁴⁷ **Городецкий Сергей Николаевич**, р. 1867 в Архангельской губ. Действительный статский советник, председатель Архангельского окружного суда. В белых войсках Северного фронта; руководитель «Национального союза», окт. 1918 — авг. 1919 член правительства Северной области, управляющий отделом юстиции, затем председатель Архангельского окружного суда. На 29 апр. 1920 в лагере Варнес в Норвегии. В эмиграции во Франции (Булонь); секретарь «Общества северян». Ум. 4 апр. 1943 в Париже.

⁴⁸ **Чаплин Георгий Ермолаевич**, р. 5 апр. 1886 в Санкт-Петербурге. Из дворян. Образование: Анненское училище 1903, Санкт-Петербургский технологический институт (не закончил) 1905, экзамен при Морском корпусе 1907, офицер (произведен из юнкеров флота) с 1908, Морская академия 1914. Капитан 2-го ранга эсминца «Михаил», командир отряда миноносцев Балтийского флота. Георгиевский кавалер. В белых войсках Северного фронта; руководитель переворота в Архангельске 2 авг. 1918, командующий вооруженными силами Северной области до начала 1919, с 28 янв. 1919 командир 2-го отдельного батальона, в июле — августе 1919 на флотилии Северного Ледовитого океана, командующий флотом Белого моря и Двинской речной флотилией, начальник участка Архангельского фронта, руководитель эвакуации Архангельска. Орд. Влад. 3-й ст. с. б. (15 дек. 1919). Капитан 1-го ранга. На 29 апр. 1920 в лагере Варнес в Норвегии. В эмиграции в Англии. Участник Рейхенгальского монархического съезда 1921 г., член Союза взаимопомощи служивших в российском флоте в Берлине, в начале 1930-х председатель Союза офицеров-участников Гражданской войны в Лондоне, в 1939—1947 в английской армии. Полковник. Ум. 1 фев. 1950 в Лондоне.

⁴⁹ **Лихач Михаил Александрович**, р. 1887 в Витебске. Сын чиновника. Образование: Санкт-Петербургский университет (не закончил). Член Учредительного Собрания. В белых войсках Северного фронта; член Временного управления Северной области, управляющий отделом труда и народного образования; с сен. 1918 в Сибири. Остался в СССР.

⁵⁰ **Добровольский (Доливо-Добровольский) Северин Цезарьевич**, р. 10 сен. 1881 в Санкт-Петербурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил Псковский кадетский корпус 1899, Константиновское артиллерийское училище 1902, Военно-юридическую академию. Офицер 2-й артиллерийской бригады. Полковник, военный прокурор 11-й армии. 1918 член антисоветской организации в Петрограде, дек. 1918 в Финляндии. В белых войсках Северного фронта с 11 мая 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с весны 1919 полевой военный прокурор Северной области; в январе 1920 в Военно-окружном суде. Генерал-майор (с янв. 1920). К 30 июня и на 16 окт. 1920 в Финляндии. В эмиграции там же. Выдан большевикам и расстрелян в ноябре 1945 в Москве.

⁵¹ **Иванов Алексей Алексеевич**, р. 1891 в Архангельской губ. Сын учителя. Образование: Онежское городское училище, Санкт-Петербургский университет (не окончил). Член Учредительного Собрания. В белых войсках Восточного фронта; член правительства Северной области. Остался в СССР.

⁵² Имеется в виду агроном **Петр Петрович Капустин**, в авг. 1918 командовавший на Севере крестьянским отрядом.

⁵³ **Дуров Борис Андреевич**, р. 1879 в Санкт-Петербурге. Из дворян Уфимской губ., сын полковника. Окончил 2-й кадетский корпус 1898, Николаевское инженерное училище (не окончил), Михайловское артиллерийское училище 1901, академию Генштаба 1910. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Полковник, начальник штаба 3-й Особой бригады. В белых войсках Северного фронта (прибыл из Англии); с авг. 1918 1-й помощник начальника военного отдела ВУСО, с 6 сен. 1918 начальник военного управления Северной области, 18 сен. — 3 нояб. 1918 генерал-губернатор и командующий русскими войсками Северной области, окт. — нояб. 1918 заведующий отделом военным, внутренних дел, путей сообщения, почт и телеграфа ВПСО, с нояб. 1918 в отставке. В эмиграции во Франции, директор русской гимназии и председатель Союза участников войны на Французском фронте. Ум. 2 (3) авг. 1977 в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

⁵⁴ **Миллер Евгений-Людвиг Карлович**, р. 25 сен. 1867 в Динабурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил Николаевский кадетский корпус 1884, Николаевское кавалерийское училище 1886, АГШ 1892. Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-лейтенант, представитель Ставки при итальянской главной квартире. В белых войсках Северного фронта; с 15 янв. 1919 генерал-губернатор Северной области, член правительства; заведующий отделом иностранных дел Главнокомандующего Северного фронта, с мая 1919 Главнокомандующий войсками Северной области, с 10 июня 1919 Главнокомандующий войсками Северного

фронта, с сен. 1919 Главный начальник Северного края, мар. 1920 заместитель председателя ВПСО. На 29 апр. 1920 в лагере Варнес в Норвегии. В эмиграции в Швейцарии и во Франции; главноуполномоченный главнокомандующего Русской Армией в Париже, с мар. 1922 начальник штаба, а с нояб. 1922 помощник Главнокомандующего Русской Армии. 1 сен. — 23 дек. 1924 начальник 1-го отдела РОВС, с дек. 1923 состоял при Вел. князе Николае Николаевиче, с 29 апр. 1928 помощник председателя, а с 26 янв. 1930 председатель РОВС, член Общества офицеров Генерального штаба. Состоял также председателем: Объединения офицеров 7-го гусарского полка, Общества взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Общества северян. Похищен советскими агентами 22 сен. 1937 в Париже и расстрелян 11 мая 1939 в Москве.

⁵⁵ **Акутин Павел Тимофеевич**. Окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище 1907. Офицер 6-го Туркестанского стрелкового батальона. Капитан 8-го Финляндского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Северного фронта; с 20 нояб. 1918 командир Пинежских партизанских отрядов, затем 3-го Северного стрелкового полка; до 2 сен. 1919 командующий войсками Железнодорожного района, окт. 1919 — фев. 1920 командир 6-го Северного стрелкового полка. Подполковник (с апр. 1919). В белых войсках Северного фронта. К 30 июня и на 16 окт. 1920 в Финляндии.

⁵⁶ **Старцев Николай Александрович**, р. 1873 в Архангельске. Санкт-Петербургский университет. Присяжный поверенный, член Государственной Думы, губернский правительственный комиссар. Участник переворота в Архангельске, затем член Временного управления Северной области, с 6 сен. 1918 начальник по гражданской части Северной области. На 29 апр. 1920 в лагере Варнес в Норвегии. В эмиграции в Англии.

⁵⁷ **Иван Федорович Едемский** был призван в 1918 г. в Архангельске как переводчик.

⁵⁸ **Постников Александр Порфирьевич**. Рядовой, юрист. Гласный Архангельской городской думы. В белых войсках Северного фронта; с сен. 1918 помощник начальника по гражданской части. На 29 апр. 1920 в лагере Варнес в Норвегии. В эмиграции в Англии.

⁵⁹ **Гуковский Александр Исаевич**, р. 25 янв. 1865. Член Учредительного Собрания. В белых войсках Северного фронта; авг. — сен. 1918 член Временного управления Северной области, управляющий отделом юстиции, затем городской голова Архангельска. В эмиграции во Франции. Покончил самоубийством 17 янв. 1925 в Париже.

⁶⁰ **Князь Куракин Иван Анатольевич**, р. 1 авг. 1874. Окончил Санкт-Петербургский университет 1897. Офицер Кавалергардского полка. Шталмейстер, попечитель Варшавского учебного округа. В белых

войсках Северного фронта; с окт. 1918 член Временного правительства Северной области, управляющий отделом финансов и госбанком, с мар. 1919 представитель ВПСО в Омске. В эмиграции во Франции, епископ Иоанн. Ум. 27 (28) окт. 1950 в Париже.

⁶¹ **Мефодиев (Мефодьев) Николай Владимирович**, р. 1869 в с. Тунгуда Архангельской губ. Сын священника. Окончил Архангельскую духовную семинарию, Томский университет. Член Государственной Думы. В белых войсках Северного фронта; окт. 1918 — авг. 1919 член Временного правительства Северной области, управляющий отделом торговли, промышленности и продовольствия. Взят в плен, приговорен к 2 годам концлагеря и отправлен в Холмогорский, затем Пертоминский лагерь, в 1922 переведен в СЛОН, затем в ссылку в Архангельске, 16 июня 1927 арестован и заключен в тюрьму (по другим данным — расстрелян до 17 сен. 1920 в Архангельске).

⁶² **Зубов Петр Юльевич**. Заведующий отделом народного образования и секретарь, а затем заместитель председателя Временного правительства Северной области. На 29 апр. 1920 в лагере Варнес в Норвегии. В эмиграции во Франции.

⁶³ **Чечек Станислав**, р. 1886. Поручик русской службы, командир 4-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; командир группы, с 20 авг. 1918 командующий Поволжским фронтом Народной армии (затем Самарской группой войск), полковник, с 2 сен. 1918 командир 1-й Чехословацкой дивизии. Генерал-майор (2 сен. 1918). В эмиграции в Чехословакии. Ум. 1930.

⁶⁴ **Войцеховский Сергей Николаевич**, р. 16 окт. 1883 в Витебске. Из дворян Витебской губ., сын подполковника. Окончил Великолуцкое реальное училище 1902, Константиновское артиллерийское училище 1904, академию Генштаба 1912. Подполковник, начальник штаба 176-й, 126-й пехотных дивизий, Чешско-Словацкой стрелковой бригады. В белых войсках Восточного фронта; 26 мая 1918 во главе группы Чехословацкого корпуса освободил Челябинск, с 11 июня врид начальника штаба Чехословацкого корпуса с оставлением на должности командира 3-го Чехословацкого стрелкового полка и начальника Челябинской группы (с 11 июня 1918 полковник), с 17 окт. 1918 командующий Самарской группой войск, командир 6-го Уральского армейского корпуса, с 6 янв. по 18 авг. 1919 командующий 2-м Уфимским армейским корпусом (с 17 окт. 1918 генерал-майор; с 8 мар. 1919 на русской службе), 29 авг. — 1 окт. 1919 командующий Уфимской группой, с 12 сен. 1919 командующий Уральской группой войск, затем командующий 2-й армией, с 25 янв. 1920 Главнокомандующий Восточным фронтом, с 20 фев. 1920 командующий войсками Российской Восточной окраины (Дальневосточной армии), 27 апр. 1920 откомандирован

для связи с армией Деникина. Орд. Св. Георгия 4-й ст. 22 июня 1919, 3-й ст. — 12 сен. 1919. В эмиграции в Чехословакии, член Общества офицеров-артиллеристов, военный министр, генерал армии. Арестован 11 мая 1945 в Праге. Пожизненное заключение отбывал на стройке 503. Ум. 7 апр. 1951 в лагере под Тайшетом (Иркутская обл.).

⁶⁵ **Гайда Радола (Радион) Иванович (Гейдль Рудольф)**, р. 14 фев. 1892 в Катаре (Далмация). Окончил гимназию в Катаре, Артиллерийское военное училище 1910. Капитан австрийской, затем Черногорской и Сербской службы. На русской службе с 1915. Капитан. 8 мар. 1918 поступил на чешскую службу командиром 7-го Чешского полка. В белых войсках Восточного фронта; со дня выступления чехословаков в Сибири — с 25 апр. 1918; с 25 мар. 1918 начальник 2-й Чехословацкой дивизии и командующий Восточным фронтом (окт. 1918 — Екатеринбургской группой войск), с 4 янв. 1919 командующий отдельной Сибирской армией. 8 янв. 1919 определен на русскую службу с утверждением в чине генерал-майора и с зачислением по армейской пехоте, с 7 июля 1919 в отпуске по болезни. Орден Св. Георгия 3-й степ. (9 дек. 1918). Орд. Св. Анны 1-й ст. с. м. (7 мая 1919). Генерал-лейтенант (17 янв. 1919). 17–18 нояб. 1919 поднял во Владивостоке мятеж против адм. Колчака, после подавления которого убыл в Чехословакию. 16 дек. 1927 лишен чина и заключен в тюрьму за попытку переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Арестован в 1945 в Праге. Ум. после заключения 1948 там же.

⁶⁶ **Поручик Рейнгольд Иосифович Берзин** (1888–1939) был членом большевистской партии с 1905 г. и в ноябре 1917 принимал участие в разгроме Ставки в Могилеве. С начала 1918 он командовал 2-й революционной армией, а в июне был назначен председателем Высшей военной инспекции в Сибири, командовал Северо-Урало-Сибирским фронтом и 3-й армией. В декабре 1918 переброшен в Латвию, где был инспектором армии Советской Латвии, затем — членом РВС Западного фронта. В 1919–1920 был членом РВС Южного и Юго-Западного фронтов, 1923–1924 — Туркестанского фронта.

⁶⁷ **Степанов А. П.** Капитан, командир 1-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командир того же полка; командир батальона чехов при взятии Симбирска, затем начальник отряда под Казанью. Полковник (1919).

⁶⁸ **Лебедев Владимир Иванович**, р. фев. 1882 в Ахалцихе. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище. Подпоручик (с 1905 в отставке). Эсер. Лейтенант французской армии. Полковник (1917), морской министр Временного правительства, член Учредительного Собрания. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 член Самарского военного штаба, организатор Народной армии, помощник военного

министра Комуча. В эмиграции во Франции и Чехословакии, с 1936 в США. Ум. 30 мар. 1956 в Нью-Йорке.

⁶⁹ Имеется в виду **Прокопий Диомидович Климушкин**, член Учредительного Собрания от партии эсеров и член Комуча летом 1918.

⁷⁰ **Вольский Владимир Казимирович**, р. 23 июня 1877 в Тамбове. Из дворян, сын присяжного поверенного. Образование: Тамбовская гимназия 1895, Московский университет (не окончил). С 1903 член партии эсеров. Летом 1918 член Комуча и председатель его Президиума. Участник Уфимского государственного совещания. После прихода к власти адмирала Колчака — в подполье, выступал за соглашение с большевиками против белых. Остался в СССР, 1925 выслан в Кировский край. Расстрелян 4 окт. 1937.

⁷¹ **Брушвит Иван Михайлович**, р. 1880. Эсер. Член Учредительного Собрания. Летом 1918 член Комуча. В эмиграции в Чехословакии (в Праге). 1945 схвачен и вывезен в СССР. Ум. 1946.

⁷² **Фортунатов Борис Константинович**. Член Учредительного Собрания от партии эсеров. Летом 1918 в подпольной организации в Самаре, с 8 июня член штаба Народной армии от Самарского правительства, служил рядовым в отряде Каппеля; до нояб. 1919 начальник отряда в Южной армии, затем Уральской армии.

⁷³ Имеется в виду **Иван Петрович Нестеров** (ум. 1960), член Учредительного Собрания от партии эсеров и член Комуча летом 1918.

⁷⁴ **Галкин Николай Александрович**, р. в Санкт-Петербургской губ. Окончил Алексеевское военное училище 1912. Подполковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 глава подпольной организации в Самаре. С 8 июня 1918 начальник Главного штаба и командующий Народной армией, с 28 июля — управляющий Военным ведомством Комуча, с 24 окт. 1918 председатель комиссии по реорганизации бывшей Народной армии, затем генерал для поручений при ВГК. 31 янв. 1919 на него возложено формирование пехотных и специальных частей в пределах Уральской области из лиц не казачьего сословия с правами командира корпуса и присвоено наименование «начальник Яицкого отряда». С июня 1919 командир 11-го армейского корпуса в Южной армии, авг. 1919 начальник группы Южной армии. Генерал-майор (с 24 авг. 1918). Взят в плен. К 1 апр. 1922 передан на особый учет в МВО.

⁷⁵ **Щепихин Сергей Арефьевич**, р. 1 окт. 1880. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус 1898, Николаевское кавалерийское училище 1900, академию Генштаба 1908. Офицер 2-го Уральского казачьего полка. Полковник, старший адъютант штаба 3-й армии. В белых войсках Восточного фронта; с 17 фев. (4 мар.) 1918 по начало июня 1918 начальник штаба Уральской армии, начальник войскового штаба Уральского казачьего войска, с 15 авг. 1918 начальник полевого штаба

Поволжского фронта, осенью 1918 начальник штаба Народной армии, с окт. 1918 начальник штаба Самарской группы войск, с 1 янв. 1919 начальник штаба Западной армии, с 20 мая 1919 начальник снабжений Южной (затем Оренбургской) армии, с 7 окт. 1919 в распоряжении генерал-квартирмейстера Восточного фронта. Участник Сибирского («Ледяного») похода, янв. 1920 начальник штаба 2-й армии, с 27 янв. по 27 фев. 1920 начальник штаба командующего войсками Российской Восточной окраины. Генерал-майор (с 24 дек. 1918). В эмиграции в Китае, к 1933 г. в Чехословакии, где умер в 1948 г.

⁷⁶ **Каппель Владимир Оскарович**, р. 1881 в Белеве. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й кадетский корпус 1898, Николаевское кавалерийское училище 1900, АГШ 1913. Офицер 17-го уланского полка. Подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 во главе отряда особого назначения Народной армии («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Каппеля»), на 15 авг. 1918 командир бригады своего имени, сен. 1918 полковник, командир Самарского отряда, с 20 авг. 1918 возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 17 нояб. 1918 командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 17 мар. 1919 — 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 — Волжской группы 3-й армии, с 4 нояб. 1919 командующий 3-й армией и Московской группой армий, с 9 дек. 1919 — Главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант. Орд. Св. Георгия 3-й (12 сен. 1919) и 4-й (22 июня 1919) степ. Ум. 26 янв. 1920 у раз. Утай.

⁷⁷ **Махин Федор Евдокимович**, р. 15 апр. 1882 в Николаевске. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище 1904, академию Генштаба 1913. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с июля 1918 в Народной армии (перешел от красных, был командующим 2-й армией); с 15 июля на 15 авг. 1918 командующий частями Народной армии Хвалынского района, начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии, командующий Южной группой Народной армии (в направлении на Саратов), 23 окт. — 24 дек. 1918 начальник 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии, нояб. 1918 командующий Актюбинской группой Оренбургской армии, с 2 дек. 1918 в командировке за границу. Полковник. В эмиграции во Франции и в Югославии. Ум. 3 июня 1945 в Белграде.

⁷⁸ **Петров Павел Петрович**, р. 26 янв. 1882 в Псков. губ. В службе с 1903. Окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище 1906, АГШ 1913. Офицер 3-го Финляндского стрелкового полка. Подполковник штаба 1-й армии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 начальник оперативного отдела штаба Народной армии, затем командир 3-го Самарского стрелкового полка, с 31 дек. 1918 на-

чальник штаба 6-го Уральского стрелкового корпуса, с июня 1919 дежурный генерал штаба Западной армии, с 18 сен. 1918 начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, с 14 дек. 1919 командующий 3-й армией, к июлю — авг. 1920 начальник снабжения Дальневосточной армии, с 1 июня 1922 (10 авг. — 3 нояб. 1922) начальник штаба войск Приамурского временного правительства (Земской рати). Генерал-майор (с дек. 1919). В эмиграции в Китае, начальник штаба Дальневосточного отдела РОВС в Шанхае, затем в Японии. С 1947 в США, председатель Общества ветеранов Великой войны. Ум. 24 июля 1967 в Сан-Франциско.

⁷⁹ **Акулинин Иван Григорьевич**, р. 12 янв. 1880. Из казаков ст. Урлядинской Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье училище 1902, АГШ 1913. Офицер 2-го Оренбургского казачьего полка. Полковник Главного управления Генерального штаба, 1917 помощник войскового атамана Оренбургского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; с дек. 1917 зам. председателя войскового правительства, с июня 1918 командующий войсками Оренбургского военного округа и с 19 окт. 1918 главный начальник того же округа, 7 мар. — 24 мая 1919 командир 2-го Оренбургского казачьего корпуса Оренбургской армии, 1919 начальник штаба походного атамана Оренбургского казачьего войска, с 1 июля до 11 нояб. 1919 командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса в Уральской обл., затем через Кавказ прибыл в Крым, с июня 1920 в Русской Армии: в отделе генерал-квартирмейстера штаба Гавнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1 окт. 1918). Эвакуирован на корабле «Стегед». В эмиграции в Югославии, затем во Франции, 1921 член Общества кавалеров ордена Св. Георгия, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Генерального штаба. Ум. 26 нояб. 1944 в Париже.

⁸⁰ **Сыровы Ян**, р. 1888. Офицер австрийской армии. Поручик, командир 2-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; командир группы, полковник, с 2 сен. 1918 командир Чехословацкого корпуса, до 4 фев. 1919 командующий войсками Западного фронта. Генерал-майор (с авг. 1918). В эмиграции в Чехословакии, начальник Главного штаба, затем генеральный инспектор армии, осенью 1938 премьер-министр. Ум. 1971.

⁸¹ **Пучков Федор Абрамович**, р. 31 мая 1886. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище 1906, академию Генштаба 1914. Подполковник, старший адъютант штаба 57-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с 18 июля 1918 начальник штаба войск Народной армии Уфимской губернии, на 15 авг. 1918 начальник штаба 4-й стрелковой дивизии, 4 окт. — 5 дек. 1918, 18 янв.—1 июля 1919 начальник штаба Уфимского отдельного корпуса (затем 2-го Уфимского армейского корпуса), затем начальник 8-й Камской стрелковой дивизии,

участник Сибирского («Ледяного») похода. К 27 мая 1920 генерал-квартирмейстер, с 28 июля 1920 по 18 июня 1921 начальник штаба Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 по 10 авг. 1922 начальник штаба войск Приамурского временного правительства и Земской рати, с дек. 1921 по 2 янв. 1922 одновременно войсковой атаман Уссурийского казачьего войска. Генерал-майор (с 14 авг. 1919). В эмиграции в США. Председатель Общества ветеранов Великой войны. Ум. 2 фев. 1953 в Сан-Франциско.

⁸² **Молчанов Викторин Михайлович**, р. 23 янв. 1886 в Чистополе. Сын чиновника. Окончил Елабужское реальное училище, Алексеевское военное училище 1906. Подполковник, командир 3-й отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; в авг. 1918 руководитель восстания в Елабужском уезде, затем начальник партизанского отряда в том же уезде (до 9000 вооруженных повстанцев), затем переформированного в 32-й Прикамский стрелковый полк. С 20 янв. 1919 полковник; командир Ижевской бригады, затем начальник Ижевской дивизии, с мар. 1920 командир 3-го стрелкового корпуса, с авг. 1922 командир Поволжской группы. Генерал-майор (с мар.—апр. 1919). В эмиграции в США. Ум. 10 янв. 1975 в Сан-Франциско.

⁸³ **Карликов Вячеслав Александрович**, р. 15 нояб. 1871. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус 1889, Константиновское военное училище 1891, АГШ 1898. Офицер 3-го Туркестанского стрелкового батальона. Генерал-майор, командир 191-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; с 21 дек. 1917 начальник штаба Оренбургского военного округа, в июне 1918 руководитель боевых действий в районе Илецкой Защиты, с 13 июня 1918 командующий Ташкентским фронтом Оренбургского казачьего войска, к 30 мар. 1919 директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, 20–28 июля одновременно начальник штаба Иркутского военного округа; на 29 сен. 1919 в Иркутске, с 24 окт. (на дек.) 1919 помощник военного министра по общей части. Генерал-лейтенант (с 30 мар. 1919). Взят в плен. Осужден 30 мая 1920 условно, к 1923 служил в РККА.

⁸⁴ **Корнаухов Константин Илларионович**, р. 1890. Из казаков Уральского казачьего войска. Оренбургское казачье училище 1912. Войсковой старшина Уральского казачьего войска. Участник восстания весной 1918. В белых войсках Восточного фронта в Уральской отдельной армии; на 6 апр. 1919 командир Гурьевского конного полка, мар. 1920 командир бригады Уральского казачьего войска, затем начальник штаба Уральского казачьего войска. Полковник. Участник похода в Иран (командир взвода). К 16 мая 1921 в лагере в Басре (Месопотамия). На 10 июня 1921 в составе отряда ген. Толстова в Иране. В эмиграции с 1923 в Австралии. Ум. 12 янв. 1964.

⁸⁵ Так до революции называли оседлое население Туркестана.

⁸⁶ Примечание автора книги из его письма Е. А. Варнек от 21 июня 1939 г.: «Согласно письму В. Зензинова от 28 марта 1936 г., ознакомившегося с рукописью моего труда, слова “товарищеских сил” являются опечаткой “Воли России”. Нужно читать “творческих сил”. Письмо хранится в архиве ген. Н. Н. Головина».

⁸⁷ **Колосов Евгений Евгеньевич**, р. 1879. Сын казачьего офицера. Окончил Томское реальное училище 1895, Санкт-Петербургский университет. Литератор, историк. Один из видных деятелей партии эсеров, член Красноярского Совета, редактор газеты «Наш голос» (1917). Остался в СССР. Репрессирован.

⁸⁸ Исправление автора книги из его письма Е. А. Варнек от 21 июня 1939 г.: «Исправить “200 тысяч человек” на “100 тысяч человек”».

⁸⁹ **Кроль Моисей Аронович**, р. 1862. Адвокат. Член партии эсеров, член Учредительного Собрания от Иркутской губернии. В эмиграции с 1918. Ум. 1942.

⁹⁰ **Гуревич Виссарион Яковлевич**, р. 28 мая 1876. Присяжный поверенный. Эсер. 1917 член Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, член Предпарламента, член Учредительного Собрания. В эмиграции в Чехословакии. Председатель Земгора. Основатель Пражского зарубежного архива. Ум. 20 мая 1940 в США.

⁹¹ Добавление автора книги из его письма Е. А. Варнек от 21 июня 1939 г.: «Цитировано у С. П. Мельгунова, Трагедия адмирала Колчака, ч. 1, с. 165».

⁹² **Сапожников Василий Васильевич**, р. 1861. Профессор и ректор Томского университета. В белых войсках Восточного фронта; член Уфимской директории, с июня 1918 министр народного просвещения Сибирского Временного правительства, затем правительства адм. Колчака, член Уфимской директории. Ум. 1924 в Томске.

⁹³ **Степаненко Георгий Макарович**, р. 1866 в Кременчуге. Сын чиновника. Окончил реальное училище, Санкт-Петербургский технологический институт 1888. Помощник начальника Омской железной дороги. В белых войсках Восточного фронта; с 1 июля 1918 управляющий министерством путей сообщения Временного Сибирского правительства; товарищ министра путей сообщения правительства адм. Колчака. Осужден 30 мая 1920 к заключению.

⁹⁴ **Гудков Павел Павлович**, р. 1879. Окончил Санкт-Петербургский горный институт. Профессор геологии томского университета. В белых войсках Восточного фронта; управляющий министерством торговли и промышленности Временного Сибирского правительства. В эмиграции с 1920 в США. Ум. 24 мая 1955 в Голливуде.

⁹⁵ **Старынкевич Сергей Сазонтович**, р. 1875. Прокурор Иркутской судебной палаты. В белых войсках Восточного фронта; сен. 1918 в управ-

лении МВД Сибирского правительства в Уфе, затем министр внутренних дел Сибирского Временного правительства, затем министр юстиции Уфимской директории и правительства адм. Колчака. В эмиграции во Франции. Ум. 8 апр. 1933 в Франсвилле (Франция).

⁹⁶ **Зефилов Николай Степанович**, р. 1887 в Алатыре. Сын учителя духовного училища. Обр.: Симбирская гимназия 1906, Санкт-Петербургский политехнический институт 1912. Уполномоченный по продовольствию на Дальнем Востоке. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 до 1 апр. 1919 министр продовольствия Сибирского правительства и министр снабжения и продовольствия правительства адм. Колчака. В эмиграции в Харбине. В авг. 1947 вернулся в СССР. Арестован 11 июля 1949. Ум. 24 фев. 1953 в лагере в Коми АССР. Жена и дочь в Австралии.

⁹⁷ **Шумиловский Леонид Иванович**, р. 1876. Преподаватель гимназии. В белых войсках Восточного фронта; министр труда Сибирского Временного правительства и управляющий министерством труда правительства адм. Колчака. Осужден 30 мая 1920. Расстрелян большевиками 23 июня 1920 в Омске.

⁹⁸ **Морозов Александр Павлович**. Окончил Училище правоведения 1900. Статский советник, Ставропольский вице-губернатор. В белых войсках Восточного фронта; министр юстиции правительства адм. Колчака. Осужден 30 мая 1920 к заключению. Расстрелян большевиками в начале 1930-х.

⁹⁹ **Головачев Мстислав Петрович**, р. 29 сен. 1893 в Енисейске. Московский университет 1913. Профессор Томского университета. 1917 член тайной антисоветской организации, с 1918 управляющий МИДа Сибирского правительства до Уфимской директории. 1920—1922 профессор университета во Владивостоке, 1922 министр иностранных дел. В эмиграции в Китае, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича»; в Харбине, с 1935 в Шанхае. С 1949 на Филиппинах, с 1950 в США. Ум. 5 дек. 1956 в Сан-Франциско.

¹⁰⁰ **Буяновский Николай Демьянович**, р. 5 дек. 1880 в Гольме Подольской губ. Учительская семинария 1902. Директор отделения Русско-Азиатского банка. В белых войсках Восточного фронта; товарищ министра финансов правительства адм. Колчака. В эмиграции в Китае. Председатель Харбинского биржевого комитета. Покончил самоубийством 15 окт. 1935 в Харбине.

¹⁰¹ **Кроль Лев Афанасьевич**, р. 5 июля 1871 в Могилеве. Обр.: Могилевская гимназия, Московское инженерное училище 1893, Льежский университет. Инженер, кадет, член «Союза возрождения России». В авг. — нояб. 1918 заместитель председателя и министр финансов Временного областного правительства Урала. В эмиграции с 1922 в Китае, с 1923 во Франции. Ум. 3 янв. 1931 в Париже.

¹⁰² **Волков Вячеслав Иванович**, р. 15 сен. 1877. Из дворян Акмолинской области, сын офицера Сибирского казачьего войска. Окончил Сибирский кадетский корпус 1895, Александровское военное училище 1897, Офицерскую кавалерийскую школу 1913. Войсковой старшина, командир 7-го Сибирского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в мае 1918 организатор восстания в Петропавловске 31 мая 1918, начальник военного района, командир 1-го Сибирского казачьего полка, с 10 июля 1918 командир бригады Сибирской казачьей дивизии, с 8 сен. 1918 начальник гарнизона Омска и уполномоченный по охране государственного порядка в Омском районе, с 17 сен. 1918 полковник, с 3 окт. 1918 командующий 1-й Сибирской казачьей дивизией. Руководитель Омского переворота 18 нояб. 1918, с 1 дек. 1918 командующий 4 и 5 корпусными районами (1 дек. 1918 — 24 янв. 1919 командующий Восточно-Сибирской отдельной армией), 24 дек. 1918 — 17 фев. 1919 главный начальник Иркутского военного округа, с 10 янв. 1919 командующий войсками Средне-Сибирского военного округа, с 18 мар. 1919 командир Сводного казачьего корпуса, 12—27 июня врид командира 3-го Уральского корпуса (Уральской группы войск), с 20 июля 1919 командир Южной конной (с конца июля Конной), с 20 нояб. 1919 Сибирской казачьей группы 2-й армии. Участник Сибирского («Ледяного») похода. Генерал-майор (с 19 нояб. 1918). Убит в янв. (ок. 11 фев.) 1920 у д. Пацаны и Пашки юго-восточнее Иркутска под ст. Ангара.

¹⁰³ Речь идет о Временном правительстве Автономной Сибири, возглавлявшемся П. Я. Дербером.

¹⁰⁴ **Грацианов Александр Алексеевич**. Из духовного звания. Томский санитарный врач. В белых войсках Восточного фронта; товарищ министра внутренних дел Уфимской директории, затем — правительства адм. Колчака. Осужден 30 мая 1920 к заключению.

¹⁰⁵ **Гаттенбергер Александр Николаевич**, р. 1861 в Тверской губ. Из дворян, сын чиновника. Офицер в отставке. Томский мировой судья. В белых войсках Восточного фронта; 1918 член подпольной организации в Томске, с лета 1918 Томский губернский комиссар, управляющий министерством внутренних дел Уфимской директории, затем до 29 апр. 1919 министр внутренних дел правительства адм. Колчака. В эмиграции в США. Ум. ок. 3 мая 1939 в Сан-Франциско.

¹⁰⁶ **Хорват Дмитрий Леонидович**, р. 25 июля 1858. Окончил Николаевское инженерное училище 1878. Офицер л.-гв. Саперного батальона. Генерал-лейтенант, управляющий и глава военной администрации КВЖД. В белых войсках Восточного фронта; 10 июля—14 нояб. 1918 возглавлял «Деловой кабинет» в Харбине и Владивостоке, Временный верховный правитель России. 28 окт. 1918 — 18 авг. 1919 Верховный уполномоченный Всероссийского правительства на Дальнем Востоке,

11 мая — 18 июля 1919 командующий войсками Приамурского военного округа, с 15 июля 1919 также сенатор и главноначальствующий над русскими учреждениями в полосе отчуждения КВЖД. Генерал от инфантерии. В эмиграции в Китае, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». Ум. 16 мая 1937 в Пекине.

¹⁰⁷ **Пепеляев Анатолий Николаевич**, р. 3 авг. 1891 в Томске. Сын офицера. Окончил Сибирский кадетский корпус 1908, Павловское военное училище 1910. Офицер 42-го Сибирского стрелкового полка. Капитан, преподаватель тактики в школе прапорщиков. Георгиевский кавалер. Служил у большевиков в охране лагеря австро-венгерских военнопленных. Принят в антисоветскую организацию кап. Достоваловым. В белых войсках Восточного фронта; 27 мая 1918 во главе офицерской организации возглавил восстание в Томске, поддержанное чехами, с 13 июня 1918 командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, с авг. 1918 полковник, с 10 сен. 1918 генерал-майор, с 25 апр. 1919 командующий группой (Северной) Сибирской армии, с 14 июля 1919 командующий 1-й армией, с 11 мар. 1920 командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков армии. 20 апр. 1920 уехал в Харбин, работал извозчиком. Генерал-лейтенант (с 31 янв. 1919). Взят в плен 1923 в Якутии, приговорен к расстрелу, замененному заключением, до 4 июля 1936 в Ярославском политизоляторе. Работал краснодеревщиком на мебельной фабрике в Воронеже; 20 авг. 1937 арестован. Расстрелян 14 янв. 1938 в Новосибирске.

¹⁰⁸ **Ушаков Борис Федорович**. Окончил Псковский кадетский корпус 1908, Павловское военное училище 1908, академию Генштаба 1914. Офицер л.-гв. Финляндского полка. Подполковник, начальник штаба 2-й дивизии Чехословацкого корпуса. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; к июню 1918 командир эшелона, в июле 1918 начальник штаба Байкальского фронта, командир Барнаульского стрелкового полка. Взят в плен и убит 17 авг. 1918 у ст. Боярской (по данным — под ст. Посольская или 4 сен. 1918 на ст. Мысовая) у Байкала. Посмертно произведен в полковники по чешской армии.

¹⁰⁹ **Афанасьев Михаил Иванович**, р. 2 нояб. 1883. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Ермаковской. Окончил Донской кадетский корпус 1901, Михайловское артиллерийское училище 1903, Военно-юридическую академию 1912. Офицер 5-й Донской казачьей батареи. Подполковник, кандидат на военно-судебные должности Виленского военно-окружного суда. В белых войсках Восточного фронта; помощник походного атамана Отдельной Восточно-Сибирской армии; летом 1918 представитель атамана Семенова на переговорах с чехами, с 4 янв. 1919 генерал-майор, с 15 мая 1919 начальник управления Дальневосточных казачьих войск, с 27 дек. 1919 главный начальник снабжений

войск Дальнего Востока и Иркутского военного округа, с янв. 1920 помощник Главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа Г. М. Семенова по военной части. 9 апр. 1920 орд. Св. Владимира 3-й ст., с 9 апр. 1920 начальник штаба походного атамана при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины. Генерал-лейтенант (1920). В эмиграции в Китае, с 1923 в Шанхае, атаман сводной Донской станицы, управляющий делами Совета объединенных русских организаций, 1926–1927 председатель распорядительного комитета Офицерского собрания, к 1 сен. 1928 член артиллерийской секции Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае, член Общества офицеров-артиллеристов. Ум. 17 окт. 1937 в Шанхае.

¹¹⁰ **Михайлов Павел Яковлевич**. Член Учредительного Собрания. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 уполномоченный Временного Сибирского правительства.

¹¹¹ Имеется в виду **Марков Борис Дмитриевич** (он же Доронин Федор Алексеевич), эсер, член Учредительного Собрания от 2-го Томского округа.

¹¹² **Линдберг Михаил Яковлевич**. Кооператор, эсер, член Учредительного Собрания. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 член Западно-Сибирского комиссариата; с 17 апр. 1920 тов. председателя военного совета Временного правительства Приморской области.

¹¹³ **Сидоров Василий**. Председатель Томской уездной управы, в июне 1918 уполномоченный Временного Сибирского правительства.

¹¹⁴ **Николаев Семен Николаевич**, р. 1880. Эсер, член Учредительного Собрания. Летом 1918 член Комуча. В эмиграции. В 1950-х вернулся в СССР. Ум. 1976.

¹¹⁵ Исправление автора книги из его письма Е. А. Варнек от 21 июня 1939 г.: «Казань пала не 8-го сентября, а 10-го».

¹¹⁶ **Швец Йозеф**. Офицер Чехословацкого корпуса. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Полковник. Покончил самоубийством в окт. 1918 у ст. Аксаково.

¹¹⁷ **Утгоф Владимир Львович**. Прапорщик. Эсер. Член Учредительного Собрания от Северного фронта. Летом 1918 член Комуча. Остался в СССР. В сен. 1928 находился в ссылке в Тобольске.

¹¹⁸ **Майский** (наст. — Ляховецкий) **Иван Михайлович**, р. 19 янв. 1884 в Кириллове. Сын военного врача. Окончил Омскую гимназию и Мюнхенский университет 1912. С 1903 член РСДРП (меньшевик). С авг. 1918 управляющий ведомством труда в правительстве Комуча до его разгона Колчаком. Остался в СССР, в 1921 вступил в РКП(б) и направлен на дипломатическую работу. В 1946 избран в АН СССР, в 1953–1956 — под арестом. Ум. 3 сен. 1975 в Москве.

¹¹⁹ **Лазарев Егор Егорович**, р. 12 апр. 1855 в с. Грачевка Бузулукского уезда. Эсер. Член Учредительного Собрания. В 1918 министр просвещения Комуча. В эмиграции с весны 1919 в Чехословакии. Ум. 23 сен. 1937 в Праге.

¹²⁰ **Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна** (ур. Вериги), р. 13 янв. 1844 в с. Иваново Невельского уезда. Из дворян. В революционном движении с 1861 г. В 1901 инициатор создания Боевой организации партии эсеров. В 1917 почетный председатель партии эсеров, член Государственного совещания от партии и Предпарламента, член Учредительного Собрания. Летом 1918 участвовала в деятельности Комуча, а затем — Уфимского государственного совещания. С 1919 в эмиграции в США, затем во Франции и Чехословакии. Ум. 12 сент. 1934 под Прагой.

¹²¹ Имеется в виду **Михаил Александрович Веденяпин**, с июня 1917 член ВЦИК, затем член Предпарламента. С лета 1918 министр иностранных дел в правительстве Комуча.

¹²² **Зензинов Владимир Михайлович**, р. 29 нояб. 1880 в Москве. Эсер. Член Комуча и Уфимской директории. В эмиграции в США. Ум. 20 окт. 1953 в Нью-Йорке.

¹²³ **Пепеляев Виктор Николаевич**, р. 1884 в Томске. Окончил Томский университет 1909. Преподаватель гимназии. Член Государственной Думы (кадет), 1917 комиссар в Кронштадте. 1917–1918 в «Национальном центре» в Москве и Петрограде. В белых войсках Восточного фронта с авг. 1918; с лета 1918 в Сибири, организатор переворота 18 нояб. 1918, директор департамента милиции, товарищ министра и министр внутренних дел правительства Колчака, с 23 нояб. 1919 премьер-министр. Расстрелян 7 фев. 1920.

¹²⁴ Имеется в виду **Георгий Брониславович (Бернгардович) Струмилло**, член РСДРП (меньшевик).

¹²⁵ Линия, по которой осуществлялась связь между соседними по фронту войсками.

¹²⁶ **Петров Николай Иннокентьевич**, р. 1884 в Томской губ. Окончил Петербургский политехнический институт 1908. Доцент Омского политехнического института. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 заведующий отделом земледелия Западно-Сибирского комиссариата, с июля — управляющий министерством земледелия Сибирского Временного правительства, затем министр земледелия правительства адм. Колчака. Ум. 4 мар. 1921 в Харбине.

¹²⁷ **Ключников Юрий Вениаминович**, р. 1886. Приват-доцент Московского университета. Участник Ярославского восстания в июле 1918. С конца 1918 министр иностранных дел в правительстве адмирала Колчака. С 1919 в эмиграции во Франции, где вступил в Партию народной свободы (кадетов). Однако в 1921, переехав в Берлин, возглавил

сменовеховское движение и основал газету «Накануне». В авг. 1923 вернулся в СССР и стал заведующим кабинетом международной политики Коммунистической Академии. Расстрелян в 1938.

¹²⁸ **Роговский Евгений Францевич**. Эсер. В белых войсках Восточного фронта; сен. 1918 председатель Государственного совещания в Уфе, затем товарищ министра внутренних дел Уфимской директории и заведующий милицией Омска до нояб. 1918. В эмиграции во Франции, 1920—1921 член Земгора (Российского земско-городского комитета помощи беженцам), в 1938 в Париже.

¹²⁹ **Гегечкори Евгений Петрович**, р. 1881. Член 3-й Государственной Думы, представитель грузинских меньшевиков. В 1917 член ВЦИК и Особого Закавказского комитета Временного правительства, затем председатель Закавказского комиссариата. Входил в состав правительства независимой Грузии, после ее оккупации большевиками эмигрировал. Ум. 1954.

¹³⁰ **Филипповский Василий Николаевич**, видный деятель партии эсеров, в 1917 член исполкома Петроградского Совета, в сент. 1917 член Всероссийского политического совещания и член Предпарламента, затем член Учредительного Собрания.

¹³¹ Исправление автора книги из его письма Е. А. Варнек от 21 июня 1939 г.: «вместо 236 поставить 24».

¹³² Исправление автора книги из его письма Е. А. Варнек от 21 июня 1939 г.: «вместо 241—243 нужно поставить с. 29».

¹³³ **Кравченко Александр Диомидович** (1880—1923) участвовал в революционном движении с 1902 г. В годы мировой войны был произведен в прапорщики. В 1917 был членом Ачинского Совета. После ликвидации в Сибири советской власти ушел в подполье и создал партизанский отряд в Степном Баджее, который в начале 1919 преобразовал в армию «Степно-Баджейской Партизанской республики», на основе которой в фев. 1920 была создана Енисейская стрелковая дивизия РККА. После войны работал в Наркомземе РСФСР.

¹³⁴ **Щетинкин Петр Ефимович** (1885—1927). Штабс-капитан. В 1917 был членом Ачинского Совета, примкнул к большевикам и в 1918 вступил в партию. После ликвидации в Сибири советской власти в дек. 1918 создал партизанский отряд, который в марте 1919 получил наименование Северо-Ачинской партизанской армии. В 1920 был членом трибунала, судившего колчаковских министров, затем командир 21-го Сибирского стрелкового полка, с которым участвовал в штурме Перекопа. Летом 1921 командир экспедиционного отряда в Монголии, с 1922 начальник штаба пограничных войск Сибирского военного округа, с 1926 инструктор государственной военной охраны МНР.

¹³⁵ **Красильников Иван Николаевич**, р. 24 июня 1888 в Илецке. Из дворян Оренбургской губ. Окончил Симбирский кадетский корпус

1907, Александровское военное училище 1909. Есаул 1-го Сибирского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; с янв. 1918 создатель подпольной организации в Омске, с мая и в июле 1918 начальник отряда, освободившего Иркутск; с 13 июля 1918 войсковой старшина, в июле—авг. 1918 командир Отряда особого назначения, нояб. 1918 войсковой старшина, командир партизанского отряда в Сибири, участник Омского переворота, с 19 нояб. 1918 полковник. С июля 1919 командир партизанской бригады (отдельной Егерской бригады Сибирского казачьего войска), затем начальник Северного антипартизанского фронта в Енисейской губ. Генерал-майор (с 17 авг. 1919). Ум. от тифа в нач. янв. 1920 в Иркутске.

¹³⁶ Исправление автора книги из его письма Е. А. Варнек от 21 июня 1939 г.: «Исключить слова, заключенные в скобках: “17 октября по старому стилю, т. е. в годовщину конституции 1905 года”».

¹³⁷ **Розанов Сергей Николаевич**, р. 24 сен. 1869. Окончил Михайловское артиллерийское училище 1889, академию Генштаба 1897. Генерал-лейтенант, командир 41-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); с 25 сен. 1918 врид начальника штаба Верховного Главнокомандующего, с 22 дек. 1918 в резерве чинов при штабе Омского военного округа, с 4 мар. 1919 в распоряжении Верховного Главнокомандующего, с 15 мар. 1919 командующий войсками в Енисейской губ. и Нижнеудинском уезде Иркутской губ., с 18 мар. 1919 также уполномоченный по охранению государственного порядка и общественного спокойствия по Енисейской губ., с 18 июля 1919 командующий войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, 18 июля 1919 — 31 янв. 1920 командующий войсками Приамурского военного округа. Орд. Св. Владимира 2-й ст. с мечами 24 июля 1919. В эмиграции во Франции, в нач. нояб. 1920 в Париже. Ум. 28 авг. 1937 в Медоне (Франция).

¹³⁸ **Тельберг Георгий Густавович**, р. 27 сен. 1881 в Царицыне. Казанский университет 1903. Профессор Томского университета. Член Сибирского Временного правительства, управляющий делами Совета министров, министр юстиции и вице-председатель правительства адм. Колчака. В эмиграции в США. Ум. 20 июля 1954.

¹³⁹ **Катанаев Аполлос Всеволодович**, р. 2 сен. 1890. Сын титулярного советника (бывш. сотника Сибирского казачьего войска), ст. Новорыбинской. Окончил Сибирский кадетский корпус 1908, Николаевское кавалерийское училище 1910. Офицер 2-го Сибирского казачьего полка. Подъесаул, помощник командира пешего стрелкового дивизиона Сибирской казачьей дивизии. В Добровольческой армии с 8 нояб. 1918 по 22 мар. 1918. В белых войсках Восточного фронта; с 10 апр. по 2 июня 1918 в тайной организации в Сибири, 16 июня 1918 назначен во 2-й

Сибирский казачий полк, с 1 июля 1918 командир 1-го Сибирского казачьего полка, с 21 сен. 1918 есаул, с 22 сен. 1918 войсковой старшина. Участник Омского переворота 18 нояб. 1918. С янв. 1919 командир бригады Сибирской казачьей дивизии, в июне — июле 1919 врид начальника 1-й Сибирской казачьей дивизии, с 4 авг. 1919 начальник 4-й Сибирской казачьей дивизии. Участник Сибирского («Ледяного») похода, с мар. 1920 некоторое время командир Сибирского казачьего полка, с весны 1921 командир Сибирского казачьего полка, с лета — Сибирского казачьего дивизиона. Полковник (с 19 нояб. 1919). В дек. 1922 — весной 1923 в составе Урало-Егерского отряда и при Управлении по устройству беженцев в Гензане (Корея). В эмиграции в Китае, 1925 член-учредитель Казачьего союза в Шанхае, к 1 сен. 1928 член казачьей секции Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае. 1930 был в разведке на территории СССР. Убит 1930 (1932) на ст. Пограничная.

¹⁴⁰ **Валидов Ахмед-Закий**, р. 10 дек. 1890 в д. Кузяново Стерлитамакского уезда. Сын муллы. Окончил Казанское медресе. Преподаватель того же медресе. Историк и публицист. В белых войсках Восточного фронта; 1918—1919 начальник Башкирского войскового управления и председатель Башкирского военного совета. В фев. 1919 перешел на сторону красных и вступил в ВКП(б). В мае 1920 бежал в Среднюю Азию, где до фев. 1923 участвовал в басмаческом движении. В эмиграции в Турции. Ум. 26 июля 1970 в Стамбуле.

¹⁴¹ **Жардецкий Валентин Александрович**. Присяжный поверенный. В белых войсках Восточного фронта; редактор «Сибирской Речи». Расстрелян большевиками 1920.

¹⁴² **Феодосьев Сергей Григорьевич**. Александровский лицей 1901. Камергер, Государственный контролер. В белых войсках Восточного фронта в правительстве адм. Колчака. В эмиграции к 1929 в Лондоне, затем во Франции. Ум. 4 окт. 1937 в Париже.

¹⁴³ **Краснов Григорий Андрианович**, р. 1882. Петербургская духовная академия. Надворный советник, и. о. члена Совета Государственного контроля. В белых войсках Восточного фронта; с 4 нояб. 1918 Государственный контролер Сибирского Временного правительства и правительства адм. Колчака. 30 мая 1920 приговорен к пожизненному заключению. Ум. в советской тюрьме.

¹⁴⁴ **Смирнов Михаил Иванович**, р. 18 июня 1880. Морской корпус 1899, Морская академия 1914. Капитан 1-го ранга, начальник штаба Черноморского флота, начальник морского отдела Русского заготовительного комитета в Америке. В белых войсках Восточного фронта; с авг. 1918 командующий Волжской флотилией, с 20 нояб. 1918 управляющий морским министерством правительства адм. Колчака, с апр. 1919 Камской флотилией (с 27 авг. 1919 Речной боевой флотилией).

Орден Святого Георгия 4-й степени (27 авг. 1919). Контр-адмирал (20 нояб. 1918). В эмиграции в Германии, к 1 окт. 1921 председатель правления и председатель Союза взаимопомощи служивших в Российском флоте в Берлине, затем в США, Франции, Англии. Ум. осенью 1939 в Лондоне.

¹⁴⁵ **Сукин Иван Иванович**. Окончил Александровский лицей 1911. Чиновник МИДа. В белых войсках Восточного фронта; 1919 управляющий министерством иностранных дел правительства адм. Колчака. В эмиграции в Париже. Ум. после 1929.

¹⁴⁶ **Бахметьев Борис Александрович**, р. 1880 в Тифлисе. Санкт-Петербургский институт путей сообщения. Профессор Санкт-Петербургского политехнического института, 1917 товарищ министра торговли и промышленности. С июля 1919 по 1922 посол адм. Колчака в США. В эмиграции там же, профессор Колумбийского университета. Ум. 21 июля 1951 в Нью-Йорке.

¹⁴⁷ **Матковский Алексей Фелицианович**, р. 17 мар. 1877. Окончил 1-й кадетский корпус 1894, Михайловское артиллерийское училище 1897, академию Генштаба 1903. Офицер 7-й конно-артиллерийской батареи. Генерал-майор 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, профессор академии Генштаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 30 авг. 1918 состоял при управляющем военным министерством, с 5 сен. 1918 инспектор кавалерии с зачислением по кавалерии и оставлением по Генеральному штабу, с 6 сен. 1918 командир 2-го Степного Сибирского армейского корпуса, нояб. 1918 председатель военного суда, с 15 дек. 1918 командующий Сибирской армией, с 25 дек. 1918 командующий войсками Омского военного округа, 1919 в Ставке, затем командующий войсками Томского военного округа. Генерал-лейтенант (1919). Взят в плен в янв. 1920. Расстрелян большевиками 1920 в Николаевске-на-Амуре.

¹⁴⁸ **Бржезовский Владимир Владимирович**, р. 1869 в Акмолинской обл. В службе с 1887, офицером с 1889. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; на 2 авг. 1918 начальник Степной Сибирской запасной бригады, начальник 1-й Сибирской стрелковой кадровой дивизии; нояб. 1918 член военного суда, с 23 дек. 1918 по 22 авг. 1919 командир 2-го Степного Сибирского армейского корпуса, уволен от службы 28 авг. 1919. Генерал-майор. Убит взбунтовавшимися солдатами в Семипалатинске.

¹⁴⁹ **Сторожев Илья Иванович**, р. 20 июля 1882. Окончил Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (офицером с 1902), академию Генштаба 1913. Офицер 146-го пехотного полка. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; 13 сен. 1918 — 13 июля 1919 начальник штаба Омского военного округа; нояб. 1918 член военного суда.

¹⁵⁰ **Берников Иван Миронович**, р. 28 мая 1872. Из казаков ст. Омской, сын фельдшера Сибирского казачьего войска. Окончил Сибирский

кадетский корпус 1890, Константиновское военное училище 1892. Полковник, командир 2-го Сибирского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; в июне — июле 1918 уполномоченный командира 2-го Степного корпуса, военный руководитель в Семипалатинске, с 22 июля 1918 помощник начальника штаба Западно-Сибирского военного округа; нояб. 1918 член военного суда, с 1 дек. 1918 начальник гражданского отдела Главного управления по делам казачьих войск. С 1922 воспитатель, затем помощник инспектора классов Хабаровского кадетского корпуса. В эмиграции в Китае (Шанхай), с 1925 в Югославии.

¹⁵¹ **Киселев Николай Николаевич**, р. 1873. 2-й Московский кадетский корпус 1891, Александровское военное училище 1893. Полковник военно-судебного ведомства штаба Омского военного округа. В белых войсках Восточного фронта в дек. 1918.

¹⁵² **Злобин Николай Павлович**, р. 1871. В службе с 1890, офицером с 1894. Полковник Отдельного корпуса жандармов. В белых войсках Восточного фронта; нояб. 1918 заведующий контрразведкой при Ставке ВГК. 1920 начальник контрразведки Дальневосточной армии; до эвакуации Приморья в составе Урало-Егерского отряда. Генерал-майор. В дек. 1922 — весной 1923 при Управлении по устройству беженцев в Гензане (Корея).

¹⁵³ **Василенко Лев Данилович**, р. 22 фев. 1890 в Волынской губ. Из интеллигенции. Окончил Чугуевское военное училище, академию Генштаба. Капитан, начальник штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; 1918 начальник штаба офицерской организации в Томске, июнь 1918 — апр. 1919 начальник штаба 2-го Степного Сибирского армейского корпуса. Полковник. Взят в плен дек. 1919 под Красноярском. Весной 1921 в 29-й сд.

¹⁵⁴ **Моисеенко Борис**. В сен. 1918 секретарь Государственного совещания в Уфе.

¹⁵⁵ **Минов Осип Соломонович**, р. 12 нояб. 1861 в Минске. Сын раввина. С 1884 участвовал в революционном движении, с 1902 член партии эсеров, с 1917 член ЦК партии. 1918 арестовывался большевиками в Москве. С сент. 1918 в Симбирске и Уфе. После прихода к власти адмирала Колчака бежал во Владивосток, а затем во Францию. Ум. 1934 в Париже.

¹⁵⁶ **Клецанда Владимир Войцехович**. Поручик, переводчик штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917, быховец. В белых войсках Восточного фронта; подполковник, 1919 генерал-квартирмейстер Чехословацкого корпуса и Уральского фронта. Вернулся в Чехословакию, к 1924 военный атташе во Франции. Генерал-майор.

¹⁵⁷ **Янов Георгий Петрович**, р. 23 дек. 1878. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Окончил кадетский корпус 1896, Павловское военное училище 1898. Есаул л.-гв. Атаманского полка, в штабе войскового атамана ВВД. В Донской армии; янв. 1918 войсковой есаул — член Донского правительства; глава Совета обороны во взятом восставшими казаками 1 апр. 1918 Новочеркасске, до 28 апр. 1918 председатель временного Донского правительства, затем председатель «Круга спасения Дона», с 5 мая управляющий отделом внутренних дел Донского правительства, с 7 мая 1918 войсковой старшина, затем полковник, с 12 июня 1918 товарищ председателя Войскового Круга, сен. — окт. 1918 начальник войсковой стражи, с 25 окт. 1918 в составе посольства ВВД в страны Антанты, с начала 1919 окружной атаман Черкасского округа, редактор газеты «Донские областные ведомости». Генерал-майор. В эмиграции в Югославии, 1922—1923 атаман казачьей станицы в Белграде. Ум. 28 дек. 1924 в Белграде.

¹⁵⁸ **Каклюгин Константин Петрович**, р. 1870. Действительный статский советник, доктор медицины. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии; помощник начальника санитарной части военного управления ВСЮР, фев. 1919 член медицинской комиссии, с 25 фев. 1919 военно-санитарный инспектор ВВД, затем управляющий отделом внутренних дел ВВД. Эвакуирован 25 мар. 1920 из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». Летом 1920 на о. Лемнос. В эмиграции 1922 атаман Княжевацкой Донской казачьей станицы.

¹⁵⁹ **Крюков Федор Дмитриевич**, р. 7 фев. 1870. Из казаков ст. Глазунской Области Войска Донского. Окончил Усть-Медведицкую гимназию, Московский университет. Известный донской писатель, секретарь Войскового Круга. Участник Донского восстания весной 1918 в отряде полк. Голубинцева. 1919 редактор «Донских Ведомостей», секретарь Войскового Круга. Ум. 20 фев. 1920 в ст. Ново-Корсунской на Кубани.

¹⁶⁰ **Денисов Святослав Варламович**, р. 10 сен. 1878 в ст. Луганской Области Войска Донского. Из дворян, сын генерал-майора. Окончил Донской кадетский корпус 1896, Михайловское артиллерийское училище 1898, академию Генштаба 1908. Офицер 10-й Донской казачьей батареи. Полковник, командир 11-го Донского казачьего полка. В Донской армии; апр. 1918 командующий Заплавской группой в Донском восстании, с 4 апр. 1918 начальник штаба Донской армии, с 12 апр. 1918 командующий Южной группой, с 27 апр. 1918 генерал-майор, с 8 мая 1918 командующий Донской армией и управляющий военным и морским отделом ВВД. Генерал-лейтенант (27 авг. 1918). С 2 фев. 1919 в отставке. В эмиграции в Константинополе, с 1922 в Германии, с 1923 в США; председатель Казачьего союза в США. Ум. 19 апр. 1957 в Стратфорде (США).

¹⁶¹ **Клюев Леонид Лаврович**, р. 1880. Окончил академию Генштаба 1914. Подполковник. С нояб. 1918 начальник оперативного отдела штаба Южного фронта РККА, с дек. 1918 — начальник штаба, а с мая 1919 командующий 10-й армией, 1920—1921 начальник штаба 1-й Конной армии. Генерал-лейтенант. Ум. 1943.

¹⁶² **Зайцов Арсений Александрович**, р. 16 окт. 1889. Окончил Пажеский корпус 1906 (общие классы), Николаевское инженерное училище 1909, академию Генштаба 1915?. Полковник л.-гв. Семеновского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; апр. 1919 начальник боевого участка в Сводно-гвардейском батальона на Акманайских позициях, 1919 командир роты в Сводно-гвардейском полку, янв. — фев. 1919 начальник штаба гвардейского отряда, с 8 июля 1919 командир 1-го батальона, осенью 1919 командир батальона л.-гв. Семеновского полка в 1-м Сводно-гвардейском полку, янв. 1920 командир сводного батальона 1-й гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 эвакуирован в Югославию. Возвратился в Крым. В Русской Армии на штабных должностях до эвакуации Крыма. В эмиграции в Чаталдже, Лемносе, сен. 1922 в Болгарии (начальник штаба Донского корпуса). Осенью 1925 в прикомандировании к 1-й Галлиполийской роте в Болгарии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. В эмиграции в Париже, к 1 янв. 1934 член Общества офицеров Генерального штаба, в 1931 помощник по учебной части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже, 1938 руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, защитил диссертацию, профессор. Член полкового объединения. Ум. 2 апр. 1954 в Париже.

¹⁶³ **Фицхелауров Александр Петрович**, р. 8 июня 1878. Из дворян Области Войска Донского, ст. Новочеркасской, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус 1897, Николаевское кавалерийское училище 1899. Офицер л.-гв. Атаманского полка. Полковник, командир 36-го Донского казачьего полка. В Донской армии; апр. 1918 командир казачьего партизанского отряда, Новочеркасского пешего полка Южной группы, с 9 мая 1918 командир Северного отряда той же группы, командующий Северного группой, генерал-майор, с 1 июня 1918 — командир Царицынского отряда, с 9 июля 1918 — в нач. авг. 1918 командующий войсками Усть-Медведицкого войскового района, с сен. 1918 командир 12-го Донского казачьего полка, с 8 дек. 1918 военный губернатор и командующий войсками Старобельского района, с 2 янв. 1919 командующий войсками Чертковского боевого района, с 1 мар. 1919 — 5-го Донского армейского корпуса, с 12 мая 1919 — 5-й Донской дивизии. Осенью 1919 командир 9-й Донской пластунской бригады, с 24 мар. по 1 мая 1920 командир 8-го Донского казачьего пешего полка, затем — 2-й бригады 3-й Донской дивизии до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. Генерал-

лейтенант (13 дек. 1919). Был на о. Лемнос, с 12 дек. 1920 по 1921 командир 3-й бригады 2-й Донской казачьей дивизии и начальник лагеря на Кабакдже, где издавал журнал в 3-х экз. Осенью 1925 в составе Донского офицерского резерва в Болгарии; 1920—1924 подвергнут взысканию по суду. В эмиграции во Франции. Ум. 28 мар. 1928 в Париже.

¹⁶⁴ **Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович**, р. 16 окт. 1869. Из дворян Минской губ., сын офицера, казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского. Окончил Николаевский кадетский корпус 1888, Николаевское кавалерийское училище 1890. Офицер л.-гв. Конногренадерского полка. Полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В Донской армии; янв. 1918 атаман ст. Нижне-Чирской и 2-го Донского округа, начальник партизанского отряда, с 11 фев. 1918 командующий Северной группой. Участник Степного похода, комендант отряда. В марте 1918 руководитель восстания во 2-м Донском округе, в апр. 1918 командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 начальник самостоятельного отряда и группы. В июле 1918 — 23 фев. 1919 командующий войсками Чирского и Цимлянского районов, командующий Восточным фронтом (с 7 мая 1918 генерал-майор), с 23 фев. 1919 командующий 1-й Донской армией, командир 2-го сводного казачьего корпуса, в июле 1919 — фев. 1920 командир 4-го Донского отдельного корпуса, в нояб. 1919 командир конной группы. Генерал-лейтенант. Ум. от тифа 1 фев. 1920 в Екатеринодаре.

¹⁶⁵ **Добрынин Владимир Васильевич**, р. 9 июля 1883. Из дворян Области Войска Донского, ст. Заплавской, сын офицера. Окончил Донской кадетский корпус 1901, Михайловское артиллерийское училище 1904, академию Генштаба 1913. Капитан, старший адъютант штаба 53-й пехотной дивизии (в плену с 1915). В Донской армии и ВСЮР с 1 авг. 1918; с 31 авг. 1918 подполковник и начальник разведывательного отдела штаба Донской армии, с 28 июня 1919 начальник оперативного отдела штаба Донской армии, с 25 мар. 1920 командирован за границу с особым поручением, на 1 авг. 1920 в Русской Армии. Полковник (5 окт. 1918). Орд. Св. Владимира 2-й ст. (23 июня 1919). На май 1920 в Югославии. В эмиграции в Чехословакии, член Союза русских военных инвалидов, член Общества офицеров-артиллеристов, 1936—1943 член Донской казачьей станицы в Праге. Ум. 29 окт. 1938 в Праге.

¹⁶⁶ **Жлоба Дмитрий Петрович**, р. 1887. Младший унтер-офицер. В 1917 возглавлял красногвардейский отряд в Москве, вступил в большевистскую партию. В 1918 командир отряда и полка на Дону, затем отдельной бригады, с сент. 1918 — 1-й Стальной стрелковой дивизии, с дек. 1918 — особого партизанского отряда 11-й армии, 1920 командир 1-го конного корпуса, наголову разбитого в Северной Таврии, затем до 1922 командовал кавалерийскими дивизиями. Расстрелян в 1938.

¹⁶⁷ **Манакин Виктор Константинович.** Окончил Михайловское артиллерийское училище 1907, академию Генштаба 1913. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Подполковник Кавказской гренадерской дивизии и 1-го Ударного полка. Георгиевский кавалер. Участник боев ударных батальонов с большевиками под Белгородом и Унечей в дек. 1917. В Донской армии. Участник Степного похода, 31 мар. 1918 послан в Черкасский округ для помощи восставшим; в апр. — мае 1918 начальник штаба Северного отряда, на 26 июня 1918 начальник штаба Донецкого района, сен. 1918 начальник штаба Северо-Восточного фронта; осенью 1918 участвовал в формировании Южной армии, губернатор Саратовской губ.; с 22 июля 1919 командир 2-й бригады 6-й пехотной дивизии, сен. 1919 командир 2-й бригады Сводно-гренадерской дивизии, с 23 окт. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, нояб. 1919 в Ростове, собирался в Сибирскую армию; на 1 авг. 1920 в Русской Армии. Полковник (с 12 мая 1918). В эмиграции к 1932 в Югославии, член Общества офицеров Генерального штаба, затем в США. Ум. 29 фев. 1964 в Вашингтоне.

¹⁶⁸ **Сорокин Илья Лукич,** р. 1884. Хорунжий Кубанского казачьего войска. В начале 1918 командир красного отряда, помощник главнокомандующего Юго-Восточной революционной армией, затем — главнокомандующего войсками Кубанской советской республики, в авг. — окт. 1918 — главнокомандующий Красной Армией Северного Кавказа. После конфликта с ЦИК Северо-Кавказской республики 30 окт. 1918 арестован в Ставрополе и 3 нояб. 1918 убит в тюрьме.

¹⁶⁹ **Быкадоров Исаак Федорович,** р. 19 мая 1882 в ст. Нижне-Кундрючевской Области Войска Донского. Из дворян Области Войска Донского, сын полковника. Окончил Ростовскую гимназию, Новочеркасское казачье училище 1902 (офицер с 1903), академию Генштаба 1910. Полковник, командир 58-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; один из организаторов Общедонского восстания, мар. 1918 руководитель восстания в районе ст. Бело-Калитвенской, командир отряда восставших казаков, командующий ополчениями станиц Нижне-Калитвенской, Кундрючевской, Усть-Белокалитвенской и других, с 1 апр. — авг. 1918 командующий Задонской группой, с 12 мая по дек. 1918 — войсками Задонского района и Южной группой Восточного фронта Донской армии, с 23 фев. 1919 командующий 2-й Донской армией, с 11 мар. по апр. 1919 командир 8-го Донского армейского корпуса. 1918—1920 товарищ председателя Войскового Круга ВВД. Генерал-майор (с 7 мая 1918). Эвакуирован 25 мар. 1920 из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». В эмиграции в Югославии, Чехословакии, 1927—1928 член Союза русских военных инвалидов, затем во Франции. С начала 1930-х и до смерти — това-

рищ председателя Войскового Круга ВВД. Ум. 20 сен. 1957 в Анже (Франция).

¹⁷⁰ **Калнин Карл Иванович**, р. 1884. Прапорщик, член компартии с 1904. В 1917 выборный командир 3-го Латышского стрелкового полка, затем командир отряда на Дону, с фев. 1918 командир 1-й колонны Юго-Восточной революционной армии, в мае — авг. 1918 главнокомандующий Красной Армией Северного Кавказа. С окт. 1918 командир бригады, летом 1919 — 1-й Московской рабочей дивизии, 1919—1920 командовал Кокчетавской группой войск на Восточном фронте. Комдив. Расстрелян 1938.

¹⁷¹ **Боровский Александр Александрович**, р. 6 июня 1875. Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус 1894, Павловское военное училище 1896, АГШ 1903. Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с нояб. 1917, организатор и командир Студенческого батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 фев. 1918 командир Юнкерского батальона, с 17 мар. 1918 командир Офицерского полка. С июня 1918 начальник 2-й дивизии, с 15 нояб. 1918 командир 2-го армейского корпуса, с 24 дек. 1918 командир Крымско-Азовского корпуса, 7 янв. — 31 мая 1919 командующий Крымско-Азовской добровольческой армией, с 22 июля 1919 командующий войсками Закаспийской области, с окт. 1919 командующий войсками Закаспийской обл., затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с 12 нояб. 1918). Уволен от службы 29 окт. 1919, с апр. 1920 в резерве чинов. Эвакуирован в апр. 1920 из Ялты на корабле «Силамет». В эмиграции в Югославии, 1921 член отдела Общества русских офицеров в Королевстве СХС в Байя. Ум. 27 дек. 1938 в Скопье (Югославия).

¹⁷² **Ковтюх Епифан Иович**, р. 1897. Штабс-капитан. Весной 1918 командир красного полка на Кубани. Летом 1918 руководил обороной Екатеринодара, с окт. 1918 командующий Таманской армией, 1919—1920 командовал дивизиями и сводным конным корпусом. Комкор. Расстрелян 1938.

¹⁷³ **Хованский Иван Константинович**. Киевское военное училище 1905. Полковник л.-гв. Литовского полка. Участник боев в Петрограде. В Добровольческой армии; дек. 1917 Главноначальствующий Ростова, затем в 3-й Офицерской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 1 апр. 1918 командир 3-й роты Офицерского полка, 21—27 апр. 1918 командир Офицерского полка, в июне 1918 командир 2-го батальона того же (Марковского) полка. Убит 24 июля 1918 у ст. Выселки.

¹⁷⁴ **Плохинский Назар Борисович**. Из крестьян. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище 1906. Подполковник, помощник командира 125-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; дек. 1917 командир 1-й офицерской роты. Участник 1-го

Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-й роты в Офицерском (Марковском) полку, затем командир 1-го батальона. Ранен 16 июля 1918 у ст. Кореновской. Ум. от ран 19 июля 1918.

¹⁷⁵ **Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич**, р. 7 фев. 1886. Из дворян, сын войскового старшины, казак ст. Пашковской Кубанской обл. Окончил 3-й Московский кадетский корпус 1905, Николаевское кавалерийское училище 1907. Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 нояб. 1918 начальник Кавказской конной дивизии, с 30 нояб. 1918 генерал-майор. До апр. 1919 начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 командир 3-го Кубанского конного корпуса, 29 янв. — мар. 1920 командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апр. 1919). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 16 янв. 1947 в Москве.

¹⁷⁶ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. 19 окт. 1875. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус 1895, Николаевское кавалерийское училище 1897. Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917. В Добровольческой армии; с нояб. 1917 — в начале 1918 командир отряда Кубанских войск. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского пластунского батальона. С 22 июля 1918 начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 фев. 1919 командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 нояб. 1918 генерал-майор, с окт. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 нояб. 1919 в распоряжении командующего Добровольческой армией, в дек. (до 10 дек.) 1919 командующий конной группой; мар. 1920 командующий Кубанской армией, с 8 апр. 1920 в распоряжении Главнокомандующего ВСЮР, с 5 июля 1920 командующий Группой войск особого назначения, в авг. 1920 руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919). Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии. Во время 2-й мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. Ум. 29 апр. 1944 в Марселе.

¹⁷⁷ **Бичерахов Лазарь Федорович**, р. 15 нояб. 1882 в Санкт-Петербурге. Из казаков ст. Ново-Осетинской Терской области, сын вахмистра. Окончил 1-е Петербургское реальное училище, Алексеевское военное училище. Офицер 1-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска. Войсковой старшина 2-го Горско-Моздокского полка, начальник партизанского отряда в Персии. Георгиевский кавалер. Прибыв в начале 1918 из Персии в Баку

и Дагестан, стал руководителем борьбы с большевиками в Дагестане; командующий войсками «Диктатуры Центрокаспия», затем возглавлял союзное Кавказско-Каспийское правительство, с 16 нояб. 1918 генерал-майор и командующий русскими силами в Прикаспийском крае и в освобожденном им от большевиков районе. В начале 1919 после расформирования его войск англичанами перешел во ВСЮР. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Англии. Ум. 22 июля 1952 под Ульмом (Германия).

¹⁷⁸ **Колосовский (Колоссовский) Андрей Павлович**, р. 14 дек. 1870. В службе с 1889, офицером с 1891. Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. В авг. 1918 командир 1-го конного полка, с 27 сен. 1918 командир Приморского добровольческого отряда в Новороссийске, с 15 нояб. 1918 генерал-майор, с 21 мар., в мае — июне 1919 начальник 1-й пехотной дивизии, с окт. 1919 начальник Астраханской казачьей дивизии; в окт. 1919 также командир Черноморского сводного отряда на Черноморском направлении, в мае 1920 командир Терско-Астраханской бригады; авг. 1920 участник Кубанского десанта. Генерал-лейтенант. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Цесаревич Георгий». В эмиграции в Югославии. Ум. 16 окт. 1942 в Панчево (Югославия).

¹⁷⁹ **Минин Сергей Константинович**, р. 1882. Сын священника. Член большевистской партии с 1905. 1917–1918 председатель Царицынского комитета РСДРП(б) и Совета, председатель штаба обороны Царицына, летом 1918 Царицынский военком, затем член военного совета Северо-Кавказского военного округа, член РВС Южного фронта и 10-й армии. С нояб. 1918 по июль 1919 член коллегии НКВД, затем член РВС 10-й армии, председатель Екатеринославского губкома, 1920–1921 член РВС 1-й Конной армии. Член ВЦИК. Ум. 1962.

¹⁸⁰ **Матвеев Иван Иванович**, р. 1890. В начале 1918 командир отряда красных матросов на Украине, с мая 1918 командир полка на Тамани, с 27 авг. 1918 — командующий Таманской армией. Расстрелян 10 окт. 1918 за невыполнение приказа.

¹⁸¹ **Штейфон Борис Александрович**, р. 1881 в Харькове. Из мешан. Окончил Харьковское реальное училище, Чугуевское военное училище 1902, академию Генштаба 1911. Георгиевский кавалер. Полковник, штаб-офицер для поручений штаба Кавказского фронта. С 5 апр. 1918 в Харьковском центре Добровольческой армии (утв. 2 фев. 1919), летом 1918 начальник штаба Южной армии. Осенью 1918 начальник штаба 3-й пехотной дивизии, затем в начале 1919 командир Белозерского и Архангелогородского полков, начальник штаба Полтавского отряда, с дек. 1919 начальник штаба 7-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. Эвакуирован. 30 мая 1920 возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской Армии в штабе 3-й

армии и в отделе генерал-квартирмейстера штаба Гавнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1920). Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец, комендант города и лагеря Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии; 1923—1924 член Общества офицеров Генерального штаба, начальник штаба и командир Русского корпуса. Ум. 30 апр. 1945 в Загребе (Югославия).

¹⁸² **Суворин Алексей Алексеевич**, р. 1862. Из дворян, сын издателя. Журналист. В Добровольческой армии. Доброволец-рядовой. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в армейском лазарете. Эвакуирован в 1919—1920 из Новороссийска в Константинополь на корабле «Константин». На май 1920 в Югославии. В эмиграции во Франции. Ум. 17 дек. 1937 в Париже.

¹⁸³ **Барон Врангель Петр Николаевич**, р. 15 авг. 1878. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын директора страхового общества в Ростове. Окончил Ростовское реальное училище, Горный институт 1901, сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище 1902, академию Генштаба 1910. Офицер л.-гв. Конного полка. Генерал-майор, начальник Уссурийской конной дивизии, 7-й кавалерийской дивизии, командующий 3-м и сводным конным корпусом. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 25 авг. 1918; с 28 авг. 1918 командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 окт. 1918 начальник 1-й конной дивизии, с 15 нояб. 1918 командир 1-го конного корпуса, с 27 дек. 1918 командующий Добровольческой армией, с 10 янв. 1919 командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 нояб. по 21 дек. 1919 командующий Добровольческой армией. Эвакуирован фев. 1920 из Севастополя на корабле «Посадник» (или «Вел. князь Александр Михайлович»). С 22 мар. 1920 Главнокомандующий ВСЮР и Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 22 нояб. 1918). В эмиграции, с 1924 начальник образованного из Русской Армии Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), 1921—1923 член Союза русских инженеров в Югославии. С сен. 1927 в Бельгии. Ум. 25 апр. 1928 в Брюсселе.

¹⁸⁴ **Тимановский Николай Степанович**, р. 1889. Произведен в офицеры (прапорщик запаса) за боевое отличие 1906. Полковник, командир Георгиевского батальона Ставки ВГК. В Добровольческой армии с дек. 1917, командир роты офицерского батальона. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 12 фев. 1918 помощник командира Сводно-офицерского полка, затем начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 командир 1-го Офицерского (Марковского полка), с 12 нояб. 1918 генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии. В начале 1919 направлен в Одессу, с 31 янв. 1919 начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (с 27 янв. — Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады

7-й пехотной дивизии, с 2 июня 1919 начальник 1-й пехотной дивизии, с 10 нояб. 1919 начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919). Ум. от тифа 18 дек. 1919 на ст. Чернухин Херсонской губ.

¹⁸⁵ **Лисовой Яков Маркович**, р. 21 мар. 1882. Из крестьян. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище 1906, академию Генштаба 1913. Полковник. В Добровольческой армии; янв. 1918 представитель армии при Донском атамане. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. В нояб. 1919 начальник Политического отдела штаба армии; начальник полевого штаба Донского атамана. Эвакуирован в нач. 1920 из Новороссийска на Антигону и в Константинополь на транспорте «Бриенн». В эмиграции во Франции, 1926–1928 редактор журнала «Белый архив». Ум. 2 авг. 1965 в Чикаго.

¹⁸⁶ **Савицкий Вячеслав Дмитриевич**, р. 7 мар. 1880 в Екатеринодаре. Оренбургский кадетский корпус, Санкт-Петербургский технологический институт (не окончил), Николаевское кавалерийское училище 1903. Есаул Собственного Е.И.В. Конвоя. В нояб. 1917 глава военного ведомства Кубани, в конце 1917 — 1918 советник Кубанского правительства. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине. С 12 мар. 1918 полковник, член Кубанского краевого правительства по военным делам, затем командирован во Францию, член Кубанской делегации в Париже, где остался. Генерал-майор (с осени 1918). Ум. 12 фев. 1963 в Голливуде (США).

¹⁸⁷ **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 фев. 1883. Из дворян. Окончил Воронежский кадетский корпус 1901, Николаевское кавалерийское училище 1903, академию Генштаба 1914. Офицер 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В нояб. 1917 начальник Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, сен. 1918 полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 нояб. 1918 начальник 1-й конной дивизии, с 8 дек. 1918 генерал-майор, член Кубанского войскового правительства, с 25 янв. 1919 зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. 1919 — командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии с сен. 1920 командир конной группы (бывш. ген. Бабиева). В эмиграции в Югославии; член Общества офицеров Генерального штаба. Кубанский войсковой атаман. Во время 2-й мировой войны врид начальника Главного управления казачьих войск. Был произведен в генерал-лейтенанты, но этого производства не признавал. После 1945 — в США. Ум. 30 окт. 1979 в Нью-Йорке.

¹⁸⁸ **Макаренко Петр Леонтьевич**, р. 1889. Из казаков ст. Новошербиновской Кубанской обл. Член Краевой и Законодательной Рады

Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отряде Кубанской Рады. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в мар. 1920 из Новороссийска в Салоники и затем во Вранья-Банью на пароходе «Габсбург». Ум. 13 апр. 1970 в Каракасе (Венесуэла).

¹⁸⁹ **Ледовский Георгий Яковлевич**, р. 1872. В службе с 1888, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (офицером с 1892). Полковник, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе Кубанской армии, затем командир запасного конного полка, 1918–1920 комендант Екатеринодара, 1919 член правления Союза первопоходников. Генерал-майор. Эвакуирован до осени 1920 из Феодосии на корабле «Самара». В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии; заместитель председателя Союза первопоходников. Ум. 4 мая 1933 в Белграде.

¹⁹⁰ **Мазнев (Мазниев) Георгий Иванович**, р. 1871. В службе с 1888, офицером с 1894. Подполковник Кавказской армии. Летом 1918 генерал грузинской армии, командующий фронтом под Сочи, с осени 1918 в отставке, с 1921 в РККА.

¹⁹¹ **Степанов Василий Александрович**, р. 1872. Из дворян. 1-я Тифлисская гимназия, Санкт-Петербургский горный институт 1897. Член Государственной Думы (кадет), управляющий министерством торговли и промышленности Временного правительства. 1917–1918 член «Правого центра», в мар. 1918 осуществлял связь центра с военными организациями в Москве. В Вооруженных силах Юга России; член Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР. В эмиграции во Франции. Ум. ок. 3 сен. 1920 по пути из Константинополя в Марсель.

¹⁹² **Воробьев Николай Иванович**. Действительный статский советник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе Кубанского отряда.

¹⁹³ **Семенов Юлий Федорович**, р. 1873. Во ВСЮР и Русской Армии, 1920 послан для переговоров с окружением премьер-министра Франции Мильерана. В эмиграции во Франции, редактор газеты «Возрождение». Ум. 4 сен. 1947 в Париже.

¹⁹⁴ **Драценко Даниил Павлович**, р. 8 дек. 1876. Из мешан. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище 1897, академию Генштаба 1908. Офицер 37-го пехотного полка. Полковник, командир 153-го пехотного полка. В начале 1918 командир Русского корпуса в Закавказье. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 17 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 мар. 1919 начальник 4-й Терской отдельной пластунской бригады, затем начальник 1-й конной дивизии, с 31 мая 1919 начальник Астраханского отряда, командующий войсками

западного побережья Каспийского моря, командующий группой войск Астраханского направления, с 1920 представитель Главнокомандующего ВСЮР в Батуме. В Русской Армии; в авг. 1920 начальник штаба группы войск ген. Улагая во время Кубанского десанта, затем начальник штаба 2-й армии, с 2 сен. до 2 окт. 1920 командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров Генерального штаба и Общества кавалеров ордена Св. Георгия, к 1931 начальник Загребского отдела РОВС и председатель комитета по сбору средств в Фонд спасения России. Служил в Русском корпусе. Ум. 1941—1945.

¹⁹⁵ **Шатилов Николай Павлович**, р. 31 янв. 1849. Сын генерала от инфантерии. Окончил 2-ю военную гимназию 1865, Константиновское военное училище 1867, академию Генштаба 1879. Генерал от инфантерии, член Государственного Совета. Ум. 1919 в Грузии.

¹⁹⁶ **Сазонов Сергей Дмитриевич**, р. 29 июля 1860. Окончил Александровский лицей 1883. Министр иностранных дел. Представитель правительства адм. Колчака, член Особого Совещания ВСЮР. В эмиграции во Франции. Ум. 24 дек. 1927 в Ницце.

¹⁹⁷ **Федоров Михаил Михайлович**, р. 6 мая 1858. Один из лидеров партии кадетов, товарищ министра торговли и промышленности. 1917—1918 член Торгово-промышленного комитета, член «Правого центра», 1918—1919 член «Национального центра». С нояб. 1917 оказывал помощь Добровольческой армии, с осени 1918 член Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР, с 11 дек. 1918 председатель Особого (агитационного) комитета при армии, член Донского Гражданского совета, апр. 1919 председатель «Национального центра», в июне 1919 представитель Главнокомандующего ВСЮР в конфедерации казачьих войск. С начала 1920 в эмиграции во Франции. Ум. 30 янв. 1946 в Париже.

¹⁹⁸ **Винниченко Владимир Кириллович**, р. 26 июля 1880 в Елисаветградском уезде. С 1904 член Украинской социал-демократической рабочей партии, 1906—1914 жил в Австрии. С 1917 заместитель председателя Центральной Рады. С сент. 1918 председатель «Украинского национального союза», с 14 нояб. 1918 — руководитель Директории, которая возглавила 14 дек. 1918 Украинскую народную республику. 10 фев. 1919 ушел с этого поста и эмигрировал в Австрию. Ум. 1951 в Мужене (Франция).

¹⁹⁹ **Григорьев Николай Александрович**, р. 1878. Штабс-капитан. 1917—1918 в войсках Центральной Рады, с дек. 1918 — в армии УНР. С 2 фев. 1919 в РККА, командир бригады и дивизии. 7 мая 1919 поднял восстание против большевиков на Юге Украины, летом присоединился к Махно, но 27 июля 1919 по его приказу убит.

²⁰⁰ **Князь Долгоруков Александр Николаевич**, р. 27 дек. 1872 в Санкт-Петербурге. Из дворян Московской губ. Окончил Пажеский корпус 1893, Курс восточных языков, академию Генштаба 1905. Офицер

Кавалергардского полка. Генерал-лейтенант, командир Кавалергардского полка, начальник 3-й Донской казачьей дивизии, командир 1-го кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. Летом 1918 член анти-советской организации в Петрограде. С окт. 1918 в гетманской армии, с 18 нояб. 1918 заместитель, а с 26 нояб. 1918 Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины. С дек. 1918 в Германии, затем в Северо-Западной армии (зачислен с 6 сен. 1919); в распоряжении командира 2-го корпуса, с 16 сен. 1919 начальник 4-й дивизии, с 1 дек. 1919 в резерве чинов при штабе армии. В эмиграции в Ревеле, член Международной Антибольшевистской Лиги, затем во Франции (Париж). Участник Рейхенгальского монархического съезда 1921 г., с фев. 1924 в Бельгийском Конго, с 1929 в Марокко, 1932–1938 начальник отдела РОВС в Марокко. Ум. 17 янв. 1948 в Рабате (Марокко).

²⁰¹ **Ломновский Петр Николаевич**, р. 24 нояб. 1871. Окончил Тифлисский кадетский корпус 1889, Павловское военное училище 1891, академию Генштаба 1898. Офицер л.-гв. Волынского полка. Генерал-лейтенант, командующий 10-й армией. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с 1 июня 1918 в «Киевском центре» (утв. 2 фев. 1919). 1917–1919 представитель армии в Киеве (с 18 нояб. 1918 начальник Главного центра). В эмиграции в Болгарии и Франции, к 1 июля 1939 член полкового объединения. Ум. 2 мар. 1956 в Ницце (Франция).

²⁰² **Шебеко Николай Николаевич**, р. 3 июля 1863. Сын генерала от кавалерии. Окончил Пажеский корпус 1884. Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. Статский советник, посол в Бухаресте. В Вооруженных силах Юга России на той же должности. Действительный статский советник. В эмиграции во Франции, с мар. 1922 член ЦК «Русского Народно-Монархического союза». Ум. 21 фев. 1953 в Ментоне.

²⁰³ **Поклевский-Козелл Станислав Альфонсович**, р. 1867 в Пермской губ. Окончил Александровский лицей 1886. Действительный статский советник, камергер, посланник в Бухаресте. Представитель лицейского объединения в Румынии. В эмиграции там же. Ум. 1 мая 1937 в Бухаресте.

²⁰⁴ **Ильин Сергей Иванович**, р. 5 окт. 1879. В службе с 1899, офицером с 1902. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище, академию Генштаба 1911. Офицер 110-го пехотного полка. Полковник. Участник Ясского совещания. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 апр. 1918 в Одесском центре (утв. 2 фев. 1919), в конце 1918 начальник штаба Одесской зоны. В эмиграции в Югославии; 1923–1924 член Общества офицеров Генерального штаба.

²⁰⁵ **Барон Меллер-Закомельский Владимир Владимирович**, р. 1863. Статский советник, член Государственного Совета (октябрист). 1917–1918 член «Совета общественных деятелей», член бюро СГОР, глава российской делегации на Ясском совещании 1918 г.

²⁰⁶ **Бунаков-Фундаминский Илья Исидорович**, р. 17 фев. 1880 в Москве. Генеральный комиссар Черноморского флота. Член «Союза возрождения России». Участник Ясского совещания. В эмиграции во Франции, редактор жур. «Современные записки». Убит 1942 немцами.

²⁰⁷ **Кожевников Иннокентий Серафимович**, р. 1879. Рабочий, организатор Красной гвардии в Харькове. Осенью 1918 уполномоченный ВЦИК, командир экспедиционного отряда на Вост. фронте, весной 1919 — командующий 13-й армией. 1921 товарищ министра ин. дел ДВР. Ум. 1931.

²⁰⁸ **Барон Майдель Игнатий Николаевич**, р. 20 дек. 1874 в Царском Селе. Окончил Киевский КК 1893, МАУ 1896, Михайловскую артил. академию 1901. Офицер л.-гв. 1-й арт. бригады. Генерал-майор, инспектор артиллерии Зап. фронта. Георгиевский кавалер. В нояб. 1918 во французской миссии в Бухаресте. В Донской армии; инспектор артиллерии армии, мар. 1920 начальник бронепоездной бригады. Генерал-лейтенант (1919). Вышел в отставку 3 июля 1920. В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров-артиллеристов, с 1922 профессор Люблянского ун-та. Ум. 23 дек. 1930 в Любляне.

²⁰⁹ **Сазонов Дмитрий Петрович**, р. 28 окт. 1868. Из дворян Области Войска Донского, ст. Каменской, сын офицера. Окончил Воронежский КК 1886, Николаевское кав. училище 1888, Офицерскую кав. школу. Офицер л.-гв. Атаманского полка. Генерал-майор, командир л.-гв. Атаманского полка, помощник походного атамана всех казачьих войск. Георгиевский кавалер. В Донской армии; 25 окт. — нояб. 1918 в составе посольства ВВД в страны Антанты. Генерал-лейтенант (с 17 дек. 1918). Эвакуирован в нач. 1920 из Новороссийска на корабле «Панама». После 17 июля 1920 возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь). В эмиграции. Ум. 25 апр. 1933 в Касабланке (Марокко).

²¹⁰ **Сидорин Владимир Ильич**, р. 3 фев. 1882. Из дворян Области Войска Донского, казак ст. Есауловской, сын офицера. Окончил Донской КК 1900, Николаевское инженерное училище 1902, академию Генштаба 1910. Офицер 2-го Восточно-Сибирского саперного батальона. Полковник, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В нояб. 1917 участник вербовочных организаций в Петрограде и Москве. С конца нояб. 1917 на Дону, участник взятия Ростова, начальник полевого штаба атамана Каледина. Участник Степного похода (с 12 мар. 1918 начальник штаба отряда), с 12 апр. по 5 мая 1918 начальник штаба Донской армии, с 5 мая 1918 генерал-майор. В Добр. армии и ВСЮР; с 5 окт. 1918 и на 22 янв. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 2 фев. 1919 командующий Донской армией; с 24 мар. 1920 до 6 апр. 1920 командир Донского корпуса. Генерал-лейтенант (с 22 мая 1919). Вышел в отставку 12 апр. 1920.

В эмиграции с мая 1920 в Болгарии и Югославии, затем в Чехословакии (чертежник в чехословацком Генштабе). Ум. 20 мая 1943 в Берлине.

²¹¹ **Май-Маевский Владимир Зенонович**, р. 15 сен. 1867. Из дворян Могилевской губ. Окончил 1-й КК 1885, Николаевское инж. училище 1888, академию Генштаба 1896. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добр. армии с 1918, с 19 нояб. 1918 врид командующего 3-й дивизией, с дек. 1918 начальник 3-й пех. дивизии, 15 фев. — 1 июня 1919 командир 2-го армейского корпуса, с апр. 1919 командующий Донецкой группой войск, 22 мая — 27 нояб. 1919 командующий Добровольческой армией, с 26 нояб. 1919 в распоряжении Главнокомандующего. Ум. 30 окт. 1920 в Севастополе.

²¹² **Звегинцов Дмитрий Иванович**, р. 1880. Окончил Александровский лицей 1901. Полковник Кавалергардского полка, офицер связи при союзных миссиях. В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; офицер связи с английской военной миссией. В эмиграции в Константинополе, 1921 член Морского клуба. В эмиграции во Франции, к 1929 в Париже, затем в Англии, председатель объединения Кавалергардского полка. Ум. 23 окт. 1967 Гласбери-он-Вайл (Англия).

²¹³ **Какурин Николай Евгеньевич**, р. 4 сен. 1883 в Орле. Сын офицера. Окончил Житомирскую гимназию 1902, МАУ 1904, академию Генштаба 1910. Офицер 30-й арт. бригады. Полковник, начальник штаба 3-й Забайкальской казачьей бригады, командир 7-го Кавказского стрелкового полка. 1918 в армии УНР и гетманской армии. В Вооруженных силах Юга России с осени 1919. Взят в плен в фев. 1920, 7 мая 1920 арестован в Москве, до июня 1920 в концлагерях Москвы, затем передан в РККА. В 1921 г. командовал сводной кавалерийской группой, принимавшей участие в разгроме Антоновского крестьянского восстания. С осени 1922 преподаватель Военной академии РККА. Арестован 19 авг. 1930. 19 фев. 1932 осужден к высшей мере наказания с заменой 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Ум. 27 июля 1936 в Ярославской тюрьме.

²¹⁴ **Князь Оболенский Владимир Андреевич**, р. 1869 в Санкт-Петербурге. Окончил СПб. университет. Член 1-й Гос. думы. В Вооруженных силах Юга России; 1920 председатель Симферопольской губ. земской управы до эвакуации Крыма. В эмиграции во Франции. Ум. 1950 в Бургундии.

²¹⁵ **Чебышев Николай Николаевич**, р. 1865. Сенатор, прокурор Московской судебной палаты. В Вооруженных силах Юга России; 1919 редактор газеты «Великая Россия» в Екатеринодаре. Эвакуирован из Новороссийска на корабле «Русь». В Русской Армии начальник информационного отдела штаба Главнокомандующего. В эмиграции начальник русского бюро прессы в Константинополе, с мар. 1922 г. член ЦК «Русского Народно-Монархического союза», редактор журнала «Зарницы». В эмиграции во Франции. Ум. 22 фев. 1937 в Париже.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авксентьев Н. Д. 244, 257, 258, 264, 265, 269, 271, 273, 277, 298, 299, 301–304, 307, 309–311, 329, 332, 334, 336, 341, 350–352, 358–360, 365, 366, 385, 389–391, 393, 395, 621
- Автономов А. И. 104, 105, 463, 473, 474, 640
- Агеев П. М. 429
- Адрианов А. В. 235
- Айронсайд 127, 128
- Акацатов М. Е. 67, 637
- Акулинин И. Г. 169, 194, 353, 649
- Акутин П. Т. 128, 129, 644
- Александрович В. А. 86, 639
- Алексеев М. В. 57, 61, 62, 66, 68–70, 72, 73, 106, 108, 110, 143, 144, 264–267, 277, 304, 418, 457, 469, 470, 501, 502, 504–510, 514, 520–524, 526, 531, 537, 553, 554, 572, 595, 619
- Андреев Н. А. 83
- Анненков Б. В. 183, 321, 322
- Антонов-Овсеев В. А. 78
- Аргунов А. А. 277, 294, 323, 332, 334, 336, 341, 350–352, 360, 389, 391, 393
- Астров Н. И. 57, 264–266, 270, 273, 277, 623
- Афанасьев М. И. 229, 654
- Балакшин А. А. 208
- Балк, лейт. 78, 79, 109, 110, 131, 132
- Бахметьев Б. А. 387, 660
- Бедро И. П. 211, 212
- Березовский Е. 379
- Берзин Р. И. 150, 646
- Берников И. М. 389, 391, 661
- Бертело А.-М. 579–582, 604
- Бетман-Хольвег Т. фон 35
- Бичерахов Л. Ф. 479, 483, 667
- Блюмкин Я. 83
- гр. Бобринский В. 65, 66, 529
- Богаевский А. П. 41, 430, 443, 444, 586, 587
- Боголюбов 161
- Болдырев В. Г. 169, 170, 185, 211, 216, 244, 254, 256–260, 266–269, 271, 273, 274, 277, 280–283, 289, 293, 299, 300, 302, 307, 309, 318, 320–322, 331–338, 342, 355, 359, 361, 365, 393–395
- Боровский А. А. 474, 476, 477, 479, 493, 666
- Брешко-Брешковская Е. К. 258, 278, 331, 656
- Бржезовский В. В. 350, 389, 391, 660
- Брушвит И. М. 157, 188, 189, 330, 390, 391, 393, 647
- Булак-Балахович Ст. Н. 72, 638
- Бунаков-Фундаминский И. И. 576, 577, 674
- Буревой К. С. 278
- Буяновский Н. Д. 215, 652
- Быкадоров И. Ф. 468, 472, 665
- Былинкин А. С. 192
- Быч Л. Л. 457, 509, 513–519, 522
- Валидов А. А. 353, 659
- Вандам А. Е. 71, 638
- Варнек Е. А. 633, 651, 655, 657
- Василенко Л. Д. 390, 391, 661
- Вацетис И. И. 85, 173, 174, 414, 603
- Веденяпин М. А. 192, 310, 354, 390, 656
- Вейнберг Б. П. 209
- Вильгельм II, император Германии 22, 33, 36, 44, 78, 409, 411, 430, 563, 586, 587
- Винниченко В. К. 566, 672
- Виноградов В. А. 271, 277, 302, 36, 338, 379, 395
- Войцеховский С. Н. 146, 148, 150, 171, 172, 174, 176, 185, 192, 193, 281, 288, 292, 354, 393, 468, 645
- Волков В. И. 217, 222–224, 323, 335, 340–342, 350, 351, 358–361, 381, 389, 391, 653
- Вологодский П. В. 200–202, 209, 212–214, 220, 221, 224, 230, 232, 265, 271, 273, 277, 299, 300, 302,

304, 307, 312, 313, 320, 336, 337,
349–352, 359, 379, 387, 395
Вольский В. К. 157, 171, 188, 189,
242, 245, 248, 330, 362, 384, 385,
390, 647
Воробьев Н. И. 522, 671
Воронович Н. В. 105, 640
Востротин С. В. 266
бар. Врангель П. Н. 487, 490, 622, 669
Гайда Р. И. 146–148, 150, 197, 198,
228, 229, 281, 282, 286, 288, 292,
363, 468, 646
Галкин Н. А. 161, 171, 192, 248, 259, 647
Ган (Гутман) А. Я. 80, 176, 180
Гаррис 368, 370, 373
Гаттенбергер А. Н. 222, 223, 303, 313,
317, 336, 349, 387, 653
Гегечкори Е. П. 23, 308, 521–524,
526, 657
Гельферих К. 24
Гендельман М. Я. 263, 278, 390
Гессен В. М. 91, 639
Гинденбург П. фон 33, 328
Гине Альфонс 151–153, 202, 372
Гинс Г. К. 158, 198–204, 215–218, 253,
260, 265, 292, 304, 305, 319, 349, 379
Гинце П. фон 33, 76, 77
Глосс И. 223, 233
Голечек 80, 248
Головачев М. П. 215, 217, 652
Гольдберг И. Г. 221, 306, 311
Гольц Р. фон дер 23
Городецкий С. Н. 113, 139, 642
Гофман Макс фон 11, 33, 47
Грацианов А. А. 221, 224, 233, 234, 653
Гренар, консул 106, 107
Григорьев Н. А. 567, 672
Гришин-Алмазов А. Н. 197, 199, 203,
211, 212, 215–219, 238
Грушевский М. С. 27
Гудков П. П. 215, 651
Гуковский А. И. 134, 138, 644
Гуревич В. Я. 211, 390, 651
Гурко Вл. И. 73–75, 92, 569, 571, 576,
578, 582, 625

Дан (Гурвич) Ф. И. 159
Дедусенко Я. Т. 134
Деникин А. И. 8, 15, 59, 62, 64, 66,
70–72, 106, 262, 304, 306, 307, 381,
382, 387, 414, 421–423, 458–472, 480,
485, 490, 501–520, 524, 527–537, 552,
553, 558, 562–568, 572, 581, 586–597,
601, 606–608, 615, 617, 618, 622,
624–629
Денисов С. В. 408, 438, 596, 662
Дербер П. Я. 201, 214, 219–221, 225,
226, 230, 306, 653
Держинский Ф. Э. 76, 83, 85
Дитерихс М. К. 150, 228, 394
Добровольский С. Ц. 117, 119, 124,
126, 643
Добрынин В. В. 420, 664
Добрынский И. А. 66
кн. Долгоруков А. Н. 66, 568, 672
Драгомиров А. М. 71, 507, 508, 510,
511, 522, 532, 535, 566, 572, 573, 588,
591, 595, 598, 625
Драценко Д. П. 526, 671
Дроздовский М. Г. 470, 473–475, 479,
482, 487, 488, 491, 493, 499, 500
Дуров Б. А. 124–126, 138, 643
Дутов А. И. 181, 183, 194, 347, 357,
416, 468
Духонин Н. Н. 95, 619
Едемский И. Ф. 135, 644
Елизавета Федоровна, Вел. кн. 176
Жанен М. 282, 335, 366, 367, 372
Жардецкий В. А. 386, 389, 659
Жлоба Д. П. 422, 423, 476, 481, 664
Жуковский А. Т. 49, 636
Зайцов А. А. 286, 414, 417, 418, 424,
428, 458, 472, 480, 482, 601, 663
Залесский П. И. 67
Звегинцов Д. И. 593, 675
Зензинов В. М. 189, 190, 265, 271,
277, 298, 301–303, 307, 309, 319,
332–334, 337, 341, 350–352, 355,
359, 360, 365, 366, 389, 391, 395, 656

Зефиоров Н. С. 215, 216, 313, 337,
387, 652
Злобин Н. П. 390, 661
Зубов П. Ю. 134, 137, 139, 645

Иванов А. А. 119, 134, 643
Иванов Н. И. 70, 424
Иванов П. В. 239
Иванов-Ринов П. П. 217, 222, 224,
278, 323, 342, 343
Игорь Константинович, кн. им. кр.
176
Ильин С. И. 577, 673
Иоанн Константинович, кн. им. кр.
176
Иоффе А. А. 77, 638

Каклюгин К. П. 407–409, 662
Какурин Н. Е. 248, 249, 423, 460, 607,
611, 675
Каледин А. М. 21, 40, 41, 104, 284,
306, 307, 399, 400, 432, 475, 508,
565, 618
Калмыков И. П. 357
Калнин К. И. 472, 666
Каминка А. И. 90
Каппель В. О. 161–163, 170, 172, 173,
185, 241, 244–246, 249, 250, 283,
284, 287, 468, 476, 619, 648
Капустин П. П. 119, 120
Карахан Л. М. 76, 638
Карликов В. А. 183, 650
Катанаев А. В. 340, 341, 350, 351, 358,
361, 389–392, 658
Кедров М. 11, 112
гр. Келлер Ф. А. 67–69, 71, 92, 567, 568
Керенский А. Ф. 8, 118, 124, 228,
244, 260, 266, 337, 403, 461, 624
Киселев Н. Н. 389, 661
Кистяковский И. А. 34, 635
Клецанда В. В. 146, 392, 661
Климушкин П. Д. 157, 160, 161, 166,
169, 170, 188, 190, 192, 310, 390, 647
Клюев Л. Л. 413, 663
Ключников Ю. В. 301, 310, 311, 313,
349, 387, 656

Ковтюх Е. И. 475, 481, 666
Кожевников И. С. 583, 607, 674
Колосов Е. Е. 198, 315, 317, 326, 356,
385, 651
Колосовский А. П. 480, 668
Колчак А. В. 227, 249, 291, 301, 302,
304, 313, 317, 335–337, 340, 349,
350, 353–374, 377, 378, 382–388,
393, 395, 396, 414, 530, 591, 605, 651
Корнаухов К. И. 183, 650
Корнилов Л. Г. 262, 304, 307, 381,
387, 461, 465, 486, 501–505, 528,
554, 572, 599, 617, 630
Кравченко А. Д. 317, 657
Красильников И. Н. 321, 322, 334,
340, 341, 350, 351, 358, 360, 361, 381,
389–392, 657
Краснов Г. А. 192, 313, 349, 387, 659
Краснов П. Н. 16–22, 41–44, 46, 62,
63, 70, 71, 91, 400–413, 419–433,
438, 458, 461, 464, 468, 475, 488,
490, 514, 562, 565, 572, 583–597,
603, 618, 619
Кроль Л. А. 216, 239, 241, 262, 269,
271, 326, 327, 652
Кроль М. А. 190, 208, 209, 212, 278, 651
Крутовский В. М. 200, 201, 220, 222,
233, 294, 323, 342
Крюков Ф. Д. 408, 455, 662
Куликов В. В. 208
Кун Бела 83, 639
кн. Куракин И. А. 139, 644
Кюльман Рихард фон 33, 88

Лавернь 95, 106, 418
Лазарев Е. Е. 192, 258, 331, 656
Лазаревский Н. И. 91, 639
Лацис М. И. 78, 109, 110, 131
Лебедев В. И. 154, 158, 159, 161, 242,
248–250, 646
Лебедев Д. А. 106, 641
Ледовский Г. Я. 517, 671
герцог Лейхтенбергский Г. Н. 62, 63,
67, 68, 637
герцог Лейхтенбергский Н. Н. 44,
67, 636

Ленин В. И. 7–11, 14, 21, 24, 37, 75,
76, 81–87, 95, 98, 165, 185, 272, 287,
380, 403, 419, 462, 599, 602–605, 612
Линдберг М. Я. 231, 306, 655
Лисовой Я. М. 505, 670
Лихач М. А. 118, 119, 134, 642
Ллойд Джордж Д. 581, 611
Локкарт Р. 95–98, 145
Ломновский П. Н. 568, 673
Лукомский А. С. 59, 60, 104, 516, 518,
522, 535, 563, 571–573
Людендорф Э. 7–14, 16, 20, 22–25, 27,
32, 38, 61, 75, 77, 413, 428, 471, 633
кн. Львов Г. Е. 224, 260, 262, 266, 324,
337, 403, 624

Мазинг Н. 79
Мазнев (Мазниев) Г. И. 520–522, 671
бар. Майдель И. Н. 585, 586, 674
Май-Маевский В. З. 592, 675
Майский И. М. 157, 159, 192, 220, 248,
251, 301–303, 307, 357, 655
Макаренко П. Л. 514, 515, 566, 670
Макса П. 143, 146, 147
Мамонтов К. К. 419, 422, 423, 664
Манакин В. К. 424, 665
Маннергейм К. Г. 97
Марков Б. Д. 231, 655
Марков С. Л. 473, 488, 554
Мартюшин Г. А. 134
Марушевский В. В. 112, 116, 126–
128, 641
Масарик Т. Г. 106, 141–144, 146, 147,
152–154, 251, 290, 291, 328
Маслов С. С. 113, 117, 134, 642
Матвеев И. И. 481, 493, 668
Матковский А. Ф. 389, 660
Махин Ф. Е. 162, 185, 364, 468, 648
Махно Н. И. 31, 567, 635
Машенко С. М. 463
Медведев А. С. 226, 230
Медек Р. 289
бар. Меллер-Закомельский В. В. 576,
577, 673
Мельгунов С. П. 74, 79, 147, 159, 201,
224, 227, 243, 252, 267, 289, 319, 622

Мефодиев Н. В. 139, 645
Миллер Е. К. 126, 132, 137, 138, 643
Милюков П. Н. 8, 57–59, 88, 106,
143, 144, 265, 269, 373, 574, 576–
578, 582, 612–614, 616, 622–628
Минин С. К. 419, 481, 668
Минор О. С. 390, 661
гр. Мирбах В. фон 12, 75, 76, 83, 85,
150, 151, 633
Михаил Александрович, Вел. кн. 58,
76, 89, 119, 120, 137, 176, 616
Михайлов И. А. 200, 201, 218, 220–
224, 233, 234, 239, 299, 302, 303, 323,
332, 336, 349
Михайлов П. Я. 231, 655
Могилянский Н. М. 25, 26, 30, 32, 34
Моисеенко Б. 390, 661
Молчанов В. М. 179, 287, 650
Моркотун С. К. 34
Морозов А. П. 215, 652
бар. фон Мумм А. 19, 21, 42, 43, 88
Муравьев М. А. 10, 80, 86, 87, 142,
173, 633
Мякотин В. А. 75, 638
Назаров А. М. 40
Назаров П. С. 184
Натансон М. А. 7, 79
Науменко В. Г. 514, 670
Нацаренус С. П. 97, 640
Нестеров И. П. 157, 188, 191, 192,
310, 647
Николаев С. Н. 245, 655
Николай II, Император 60, 67, 76,
176, 320, 325, 472, 519, 616
Николай Николаевич, В. кн. 324, 577
Новомбергский Н. Я. 235
Новоселов А. Е. 220, 222, 323, 342
Нокс А. 289, 332, 367
бар. Нольде Б. Э. 91, 639
Нуланс Ж. 95, 100, 106, 107, 153
кн. Оболенский В. А. 623, 675
Окулич И. К. 321
Осецкий А. В. 49, 636
Павел Александрович, Вел. кн. 11, 76

Павлов А. А. 65, 66, 637
Павлу Б. 149, 216, 217, 251, 259
Парамонов Н. Е. 587
Патушинский Г. Б. 200, 201, 216,
218, 219
Пепеляев А. Н. 228, 229, 654
Пепеляев В. Н. 269, 324, 327, 656
Перхуров А. П. 108, 641
Петлюра С. В. 30, 31, 34, 49, 561,
566, 567
Петров Н. И. 299, 313, 387, 656
Петров П. П. 162, 168, 284, 285, 648
Пишон 261, 286, 291, 368, 370
Плохинский Н. Б. 476, 666
Поклевский-Козелл Ст. А. 577, 579,
673
Покровский В. Л. 474, 475, 491, 504,
517, 518
Попов П. Х. 40, 182
Постников А. П. 135, 644
Потанин Г. Н. 223, 235, 240
Потейдль 369, 370
Преображенский П. И. 240
Присовский К. А. 49, 636
Пршикрыл Б. 289–292
Пуль Ф. К. 97, 114, 122, 125, 127, 153,
591–593, 597
Пучков Ф. А. 175, 181, 649

Радко-Дмитриев Р. Д. 104, 640
Раков Д. Ф. 192, 241
Раковский Х. Г. 8, 17, 633
Ренье М. 368, 370
Рихтер Ф. 302, 370, 371
Роббинс Р. 95–98
Роговский Е. Ф. 188, 191, 192, 277,
301–303, 334, 336, 341, 350–352,
360, 389–391, 657
Родзянко М. В. 69, 573
Розанов С. Н. 337, 658
Романовский И. П. 487, 501, 505,
514, 515, 517, 522
Росс Колин 46
Рошаль С. Г. 79
Рябиков П. Ф. 265
Рябовол Н. С. 509, 514–516

Савинков Б. В. 78, 79, 106–108, 110,
151, 327
Савицкий В. Д. 513, 518, 670
Садуль 95–98
Сазонов А. В. 208
Сазонов Д. П. 585, 674
Сазонов С. Д. 528, 672
Сапожников В. В. 215, 216, 218, 277,
294, 301, 313, 387, 651
Самарин С. Н. 124–126
Свечин М. А. 41, 635
Святицкий Н. В. 191, 330, 363, 371, 384
Семенов В. В. 69, 70, 637
Семенов Г. М. 227–230, 357, 358, 360
Семенов Ю. Ф. 525, 526, 671
Сент-Олер Д. 575, 576, 579
Сергей Михайлович, Вел. кн. 176
Серебренников И. И. 200, 214, 225,
267, 277, 313, 349, 387
Сидорин В. И. 587, 674
Сидоров В. 231, 655
Скоропадский П. П. 26–29, 32, 34, 35,
43, 62, 70, 76, 91, 514, 525, 561–563,
565–569, 586, 590, 633
Слобода Л. 369, 370
Смирнов М. И. 387, 659
Снесарев А. Е. 104, 105, 474, 640
Соболев А. Г. 221
Соколов К. Н. 91, 622, 639
Сорокин И. Л. 421, 463, 471, 473–
476, 479–482, 665
Сталин И. В. 21, 419, 481
Старцев Н. А. 134, 135, 644
Старынкевич С. С. 215, 278, 294,
301, 313, 339, 341, 349, 351, 360,
379, 387, 651
Степаненко Г. М. 215, 216, 651
Степанов А. П., 152, 172, 173, 292, 646
Степанов В. А. 522, 671
Стефанек М. Р. 372
Стефани фон 411
Сторожев И. И. 389, 660
Струве П. Б. 57
Струмилло Г. Б. 272, 656
Суворин А. А. 486, 669
Сукин И. И. 387, 388, 660

Сулькевич М. 37, 38, 635
Сыровой Ян 172, 282, 369, 392, 649

Тельберг Г. Г. 339, 349–351, 379, 387, 658
Тимановский Н. С. 494–496, 669
Тома А. 95–97

Троцкий Л. Д. 8, 9, 11, 15, 84, 85, 95,
96, 145–147, 185, 462, 603, 607

кн. Трубецкой Г. Н. 57–59, 63, 88
кн. Трубецкой Е. Н. 529
кн. Тундутов Д. Д. 44, 64–66, 598, 636

Улагай С. Г. 477, 667
Уорд Дж. 325, 326, 360, 362, 367–371
Устругов Л. А. 313, 337, 349
Утгоф В. Л. 171, 191, 248, 258, 655
Ушаков Б. Ф. 229, 654

Федоров М. М. 57, 529, 576, 672
Феодосьев С. Г. 386, 659
Филатов В. А. 212

Филимонов А. П. 44, 509, 513–518, 522
Филипповский В. Н. 192, 310, 657
Фицхеллауров А. П. 419, 663

Фортунатов Б. К. 157, 160, 161, 191,
284, 390, 647

Фош Ф. 33
Франше д'Эспре 579, 580
Френсис Д. 95, 96, 119

Хан Нахичеванский Гуссейн 67
Харламов В. А. 426, 455, 587, 588
Хованский И. К. 476, 666
Хорват Д. Л. 225–230, 235, 237, 337,
357, 386, 653

Цвиллинг С. М. 182

Чайкин В. А. 333
Чайковский Н. В. 116–118, 120, 124,
134, 137, 138, 140, 264, 265, 273, 277,
384, 621

Чаплин Г. Е. 113, 114, 118, 119, 121,
134, 381, 642

Чебышев Н. Н. 628, 675
Чембулов Ф. З. 268, 269

Чернов В. М. 154, 159, 234, 239, 268,
269, 324, 329, 330, 332, 335, 345, 354,
359, 362, 363, 367, 371, 384, 389, 393
Черячукин А. В. 17–22, 27, 41–44,
443, 561, 566–568, 634
Чечек С. 146, 148, 150, 162, 170, 172,
174, 185, 193, 246, 251, 292, 645

Шапрон дю Ларре А. Г. 62
Шардиньи 105, 463
Шатилов Н. П. 526, 672

Шатилов М. Б. 201, 202, 207, 216, 219,
220, 222, 233, 294, 323, 342
Шатилов П. Н. 491

Швец Йозеф 246, 282–284, 289, 290,
292, 566, 655
Шебеко Н. Н. 569, 570, 576, 673

Шкуро А. Г. 477, 478, 491, 517, 518,
667
Штейдлер 147, 252, 290

бар. Штейнгель Ф. Р. 77
Штейфон Б. А. 485, 486, 492, 668
Шульгин В. В. 60, 61, 68–71, 522,
532, 563, 574–576

Шумиловский Л. И. 215, 216, 302,
303, 313, 338, 349, 387, 652

Шепихин С. А. 161, 163, 647
Шербачев Д. Г. 579, 581, 586, 592,
593, 604

Шетинкин П. Е. 317, 657

Эберт Фр. 328
Эйхгорн Герман фон 76, 82, 633
Эллиот Ч. 319

Эльснер Е. Ф. 65, 637
Энно 574, 575, 582, 583
Эрдели И. Г. 479, 487

Юденич Н. Н. 92, 640

Якушев И. А. 201, 209, 220–223, 233,
234, 300, 323, 342
Яницкий Е. И. 209

Янов Г. П. 401, 403, 426, 438, 585,
586, 662

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

К работе профессора Н. Н. Головина
«РУССКОЕ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ»
(Опыт историко-социологического исследования)

- А. В.* Дневник обывателя // Архив Русской революции, т. 2.
- А. П.* Правосудие в войсках Врангеля. [Константинополь, 1921, 56 с.]
- Авалов.* Независимость Грузии.
- Авалов П., князь.* В борьбе с большевизмом. Гамбург, 1925.
- Авдеев Н.* Революция 1917 года. Хроника событий. Том I — январь—апрель, том II — апрель—май.
- Агабеков.* ГПУ, записки чекиста. Берлин, 1930.
- Агапеев В.* Убийство генерала Романовского // Белое дело, т. 2.
- Агапеев В.* Корпус ген. Довбор-Мусницкого // Белое дело, т. 4.
- Акулинин И.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело, т. 2.
- Александрович В.* К познанию Гражданской войны.
- Алексеев М.* Денежные документы // Архив Русской революции, т. V.
- Алексеев М.* Письма к ген. Деникину, Краснову и Богаевскому. Наказ членам Донской миссии. Директивы начальнику военно-политического отдела // Белый архив, т. 1.
- Алексеев М.* Письмо к ген. Дитерихсу // Белый архив, т. 1.
- Алексеев Н.* Из воспоминаний // Архив Русской революции, т. XVII.
- Алшаев Ал.* Как крестьяне отобрали свою землю. Гос. изд., 1926, 14 с.
- Алуф А.* Профсоюзы и положение рабочего класса в СССР. Москва: Изд. Профинтерна, 1925.
- Анархический вестник. Орган объединенных анархических организаций, № 1—7.
- Англичане на Севере (документы) // Белое дело, т. 3.
- Андрушкевич Н.* Последняя Россия // Белое дело, т. 4.
- Анишев.* Очерк истории Гражданской войны. Ленинград, 1925.
- Антанта и Врангель, 1923 г.
- Антонов-Овсенко.* Заметки о Гражданской войне, 1924.
- Арбатов З.* Екатеринослав в 1917—1922 гг. // Архив Русской революции, т. XII.
- Аргунов А. А.* Между двумя большевизмами. Париж, 1919.
- Аргунов А. А.* Ответ ген. А. И. Деникину // Последние новости, 26 ноября 1926 г.
- Архив Гражданской войны. Сборник, выпуски 1 и 2.
[Архив Октябрьской революции. 1917 год в документах и материалах / под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. М.—Л.: ГИЗ, 1925—1931]
- Архив Русской революции. Издается И. В. Гессеном, книги I—XVIII.
- Аршинов П.* История Махновского движения (1918—1921).
- Астров Н.* Признание ген. Деникиным адмирала Колчака // Голос минувшего [на чужой стороне], т. XIV [Париж, 1926]

* Машинопись, Архив Гугеровского института, фонд Н. Н. Головина, кор. 2. Документ выявлен Л. Ю. Тремсиной. (В квадратных скобках — добавления, имеющиеся в том же фонде.)

- Астров Н.* Ясское совещание // Голос минувшего [на чужой стороне], т. XVI.
- Байков Б.* Воспоминания о революции в Закавказье // Архив Русской революции, т. IX.
- Басов М.* К истории юнкерских восстаний // Сибирские огни, кн. 4, 1922.
- Безруков В.* Из царства сатаны на свет Божий. [С пред. М. К. Горчакова и Е. Миллера. Париж: типография «Рапид», 1927, 32 с., илл.]
- Белогорский Н.* В дни Каледина // Белое дело, т. 4.
- Белое дело. Летопись Белой борьбы / под ред. А. А. фон Лампе. Т. 1—6.
- Белый архив. Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, Белого движения и т. п. / под ред. Я. М. Лисового. Т. 1.
- Бенеш Э.* Чехословацкая интервенция в России // Воля России, № X и XI, 1924.
- Бермондтовская эпопея в Прибалтике (документы) // На чужой стороне, кн. VII.
- Бережанский Н.* Бермондт в Прибалтике в 1919 г. // Историк и современник, т. 1.
- Боевая работа Красной армии и флота 1918—1923 гг. М.: Изд. Высш. воен. ред. совета под общ. ред. В. А. Антонова-Овсеенко и В. И. Шапошникова, 1923.
- Болдырев.* Директория, Колчак, интервенция. 1925 г.
- Борисов Б.* Дальний Восток.
- Борисов В.* Генерал М. В. Алексеев // Военный сборник, кн. 2.
- Борьба за Урал и Сибирь. 1926 г.
- Бош.* Год борьбы. 1925.
- Брагин А.* Смешное в страшном // Белое дело, т. 3.
- Брайкевич М.* Из революции нам что-нибудь... // На чужой стороне, кн. V.
- Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Петербург, 1922.
- Брушвит И. М.* Как подготовлялось волжское восстание // Воля России, 1928, кн. X.
- Барон Будберг А.* Дневник // Архив Русской революции, т. XII—XV.
- Буревой.* Колчаковщина (советское издание), 1919.
- Ваврик В.* Побег из плена генерала Корнилова через Карпаты // Младорусь, кн. 1.
- Валентинов А.* Крымская эпопея // Архив Русской революции, т. V.
- Василевский (Не-Буква).* Деникин и его мемуары.
- Вегман.* Как пала в 1918 г. советская власть в Томске // Сибирские огни, т. 1, 1923.
- Вельтман И. М. (М. Павлович).* Советская Россия и империалистическая Япония. Изд. «Красная новь», 1923.
- Верховное управление Северной области (объявления) // Белое дело, т. 4.
- Вестник Главного правления Общества Галлиполийцев. [Ежемесячник. Всего вышло 24 номера в 1924—1925 гг. Изд. в Белграде поручик В. Даватц]
- Ветлугин А.* Авантюристы Гражданской войны.
- Взрыв бомбы на пароходе «Рион» // Историк и современник, т. 3.
- Видякин Б. В.* Краткая записка о возникновении Северного Корпуса и дальнейшей его боевой деятельности. [Издано в Эстонии, 28 с.]
- Винберг В. Ф.* В плену у обезьян (Записки контрреволюционера). Ч. 1. Киев, 1918 г.
- Винниченко В.* Відродження нації.
- Вишняк М.* Из истории Гражданской войны // Современные записки, т. 40.
- Вишняк М.* Черный год.
- Владимирова Вера.* Работа эсеров в 1918 году // Красный архив, т. XX.
- Владимирова Вера.* Год службы социалистов капиталистам.
- Владимирова Вера.* Революция 1917 года. Том III — июнь—июль, том IV — август—сентябрь.

- Владимирова Вера*. Контрреволюция в 1917 году. Корниловщина. М.: ГИЗ., 1924.
- Вознесенский*. Москва в 1917 году. Изд. 1927.
- Возрождение Русской армии.
- Военный сборник. Книги 1–12 / под ред. ген. Н. Н. Головина, В. М. Пронина и И. Ф. Патронова. Белград: Общество ревнителей военных знаний.
- Воля России. Журнал политики и культуры под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.
- Вольная Сибирь. Журнал под редакцией И. Я. Якушева.
- Воронович Н.* Зеленая книга. Сборник материалов и документов по истории крестьянского движения в Черноморской губернии.
- Воронович Н.* Меж двух огней // [Архив Русской революции, т. VII].
- Воронович Н.* Преступление революционной демократии // Воля России, т. XV–XVI, 1922.
- В. Р.* Правовое положение русских в Сахалинской области, занятой японцами. Владивосток, Библ. Своб. России, № 16, 1921.
- Ген. Врангель*. Воспоминания // Белое дело, т. V и VI. Берлин.
- Барон П. Врангель*. Март 1920 года // Белое дело, т. 1.
- В память Первого Кубанского похода. Сборник.
- Высший монархический совет. Еженедельник. Берлин: [типография Преме, отв. редактор Н. Тальберг, 1925–1926 гг.].
- [*Г. П. (полк. Перетц Г. Г.)*. В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля–23 марта 1917. Изд. 2-е. Петроград: Скл. изд. при юр. маг. «Право», 1917, 112 с.]
- Ген. Гайда*. Моей памяти (по-чешски). Прага, 1921.
- Герасименко Н.* Махно // Историк и современник, т. 3.
- Герасимов Н.* Батько Махно. Гос. издательство, 1928.
- Гермониус Э.* Война и промышленность. Париж, 1928, 63 с.
- Гефтер А.* Воспоминания курьера // Архив Русской революции, т. X.
- Гинс*. Сибирь, союзники и Колчак. В 2-х т.
- Головин Н., Бубнов А.* Тихоокеанская проблема в XX столетии. Прага, 1924.
- Голос минувшего на чужой стороне. Журнал истории и истории литературы / под ред. С. П. Мельгунова, В. А. Мякотина и Т. К. Полнера. № 1(XIV)–№ 5(XVIII) [Париж, 1925–1928]
- [*Голубев*. Врангелевские десанты на Кубани. Август — сентябрь 1920 г. Москва: ГИЗ, 1929, 166 с.]
- Гольденвейзер А.* Из киевских воспоминаний // Архив Русской революции, т. VI.
- Гордеев Г. С.* Сельское хозяйство в войне и революции.
- Горн В.* Крестьянские движения за полтора века.
- Горн В.* Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин: изд. Гамаюн, 1923.
- Горн В.* Немецкая оккупация Псковской губернии // Голос минувшего [на чужой стороне], т. XVIII [Париж, 1927].
- Городецкий С.* Образование Северной области // Белое дело, т. 3.
- Горький М.* О русском крестьянстве.
- Гоф*. Письмо к генералу Юденичу // Архив Русской революции, т. I.
- Гражданская война 1918–1921 гг. Три тома под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Москва: Военный вестник, 1918.
- Граф Г.* На «Новике» (Балтийский флот в войну и революцию).

- Греков А.* Союз казачьих войск в Петрограде в 1917 году // Донская летопись, т. 2.
- Гуковский.* Французская интервенция на юге России 1918–1919 гг. 1928.
- Гуль Р.* Киевская эпопея // Архив Русской революции, т. II.
- Гуль Р.* Ледяной поход (с Корниловым). Берлин: изд. Ефрон.
- Гуревич В.* Дела и дни белого адмирала // Воля России, 1924, кн. 1–2.
- Гуревич В.* Реальная политика в революции // Воля России, 1922, кн. 14.
- Гурко В.* Из Петрограда через Москву, Париж, Лондон в Одессу (1917–1918 гг.) // Архив Русской революции, т. XV.
- Гусев С. И.* Гражданская война и Красная армия. [Сборник военно-теоретических и военно-политических статей. 1918–1924 гг. Москва–Петроград: Гос. изд., 1926, 220 с.]
- Гутман (Ган) А. Я.* Россия и большевики. Шанхай, 1921.
- Гутман (Ган) А. Я.* Два восстания // Белое дело, т. 3.
- Гутман (Ган) А. Я.* Гибель Николаевска-на-Амуре. Страницы из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин: Русский экономист, 1924, 292 с.
- Даватиц В.* Годы. Белград, 1926.
- Даватиц В.* На Москву.
- Даватиц В. и Львов Н.* Русская армия на чужбине.
- Данилов И.* Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив Русской революции, т. XV.
- Данишевский С. Л.* Опыт библиографии октябрьской революции. [Под ред. и с предисловием С. Пионтковского. Москва–Ленинград: Изд. ГИЗ, 1926, 275 с.]
- Дан.* Временное правительство // Архив Русской революции, т. I.
- Дан.* Два года скитаний.
- Даурец Н.* Семеновские застенки. Записки очевидца.
- Два генерала (разговор ген. Дитерихса и Рябикова) // Голос минувшего [на чужой стороне], т. XIV.
- Ген. Деникин А. И.* Очерки русской смуты.
- Деникин А.* Польша и Добровольческая армия // Голос минувшего [на чужой стороне], т. XVII.
- Денисов С.* Гражданская война на юге России (1918–1920 гг.).
- Десять лет советского строительства. Сб. статей под ред. Рябинина. 1927.
- Дикгоф-Деренталь В.* В наши дни. [Прага: Славянское издательство, 1922, 94 с.]
- Дневник киевской студентки (1919–1920 гг.) // Архив Русской революции, т. XV.
- Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив Русской революции, т. III.
- Добраницкий М.* Систематический указатель литературы по истории русской революции. [Москва–Ленинград: ГИЗ, 1926, 152 с.]
- Добрынин В.* Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе Донского казачества. [Февраль 1917 г. — март 1920 г. Прага: Славянское изд-во, 1921.]
- Добрынин В.* Вооруженная борьба Дона с большевиками // Донская летопись, т. I.
- Добрынин В.* Донцы в борьбе с коммуной. На Донце и Маныче // Военный сборник, кн. 2.
- Доклад Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России о положении дел на Западном фронте и об армии Бермондта-Авалова в частности // Белый архив, т. I.
- Донская волна. Журнал.

- Донская летопись. Том 1 — Сборник материалов по новейшей истории Донского казачества со времени русской революции 1917 года. Том 2 — Время атамана А. М. Каледина. Том 3 — Время атамана П. Н. Краснова.
- Допрос адмирала Колчака следственной комиссией. Изд. Центрархива, 1925.
- Драгомирецкий В. С.* Чехословаки в России. Париж—Прага: изд. автора, 218 с.
- Фон Дрейер В.* Крестный путь во имя родины.
- Дроздовский М.* Дневник. Берлин: изд. Кирхнера, 1923.
- Дроздов.* Интеллигенция на Дону // Архив Русской революции, т. XI.
- Дувакин Н.* Войсковой атаман ген. А. М. Назаров // Донская летопись, т. 2.
- Думбадзе.* На службе Чека и Коминтерна. Париж: Мишень, 1930.
- Действия Японии в Приамурском крае. Составлено редакцией газеты «Голос Родины». Владивосток: Свободная Россия, 1921.
- Дело Корнилова. Изд. «Задруга», 1918.
- Евреинов.* Последние судороги Деникинского фронта // На чужой стороне, кн. V.
- Еловский И.* Голодный поход Оренбургской армии. [(Из записок участника похода). Пекин: Типография рус. дух. миссии, 1921, 24 с.]
- Емельянов Е.* Воспоминания добровольца // Белое дело, т. 4.
- Живым и гордым. Сборник.
- Жордания Н.* Большевизм. Изд. Центр. комитета с.-д. рабочей партии Грузии.
- Жуков С.* Операции русской армии в Северной Таврии. Разгром конницы Жлобы // Военный сборник, т. 1.
- Залесский П.* Возмездие (причины русской катастрофы).
- Залесский П.* Южная армия (краткий истор. очерк) // Донская летопись, т. 3.
- Занкевич М.* Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске // Белое дело, т. 2.
- Записки белого офицера. Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Гельсингфорс (Финляндия): [Скл. изд. «Новая русская жизнь»], 1920. [Автор — ротмистр Д. Д. Кузьмин-Караваев, по сообщению В. Л. Горна].
- Зарницы. Альманах (с 13.II по 6.XI. 1921 г.).
- За семь лет. Сборник статей под ред. В. И. Невского. М.—П.: Гос. изд. 1924.
- Заседание Политического совещания Добровольческой армии. 15 января 1918 г. // Белый архив, т. 1.
- Зеленов Н.* Трагедия Северной области.
- Зензинов В.* Из жизни революционера.
- Зензинов В.* Государственный переворот адмирала Колчака. Париж, 1919.
- Значение происшедшего в России. Деятельность Ленина. Кто победил: коммунисты или врангелисты. «Бабушка» русской революции. София: Изд. «Русско-болгарская дружба», 1924.
- Зуров Л.* Даниловы // Белое дело, т. 2.
- Иванов В.* В гражданской войне. Из записок омского журналиста.
- Иванов В.* Крах Белого Приморья. Из записок журналиста.
- Иванов Н.* О событиях под Петроградом в 1919 году // Архив Гражданской войны, т. 1.
- Иванович. [В. К. П.]* Десять лет коммунистической монополии. [Париж: изд. Библиотеки демократического социализма, 1930].
- Игнатьев.* Некоторые факты и итоги 4-х лет Гражданской войны. Москва, 1922.

- Игренов Г.* Екатеринославские воспоминания // Архив Русской революции, т. III.
- Изгоев А. П.* Пять лет в Советской России // Архив Русской революции, т. X. Из дневника Пуришкевича. Убийство Распутина.
- Ильин И.* Белая идея // Белое дело, т. 1.
- Ильин И.* Государственный смысл Белой армии (отдельный оттиск статьи, напечатанной в «Русской мысли» (София—Прага—Берлин), кн. IX—XII, 1923—1924, под ред. П. Струве).
- Ильин И.* Родина и мы.
- Иностранцев М.* Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело, т. 1.
- Исаев Л.* Отщепенцы и партийное большинство. Кн. 4. Берлин: Заря, 1922.
- Атаман Искра (Лохвицкий И. А.)* То, что было. [Берлин: изд. автора, 1922, 63 с.]
- Исповедь Савинкова.* [Полный стенографический отчет процесса: «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного Суда СССР». Изд. Литиздата НКВД, 1924.]
- Историк и современник.* Историко-литературный сборник под ред. И. П. Петрушевского. Т. 1—5.
- Казачьи думы.* 1921—1925 гг.
- Казачьи думы.* 1920—1921 гг.
- Казанович Б.* Поездка из Добровольческой армии в Москву // Архив Русской революции, т. VII.
- Ген. Казанович.* Воспоминания // Архив Русской революции, т. VII, с. 194.
- Казачий сборник.* Ежемесячный журнал национальной казачьей мысли. Кн. 1 и 2.
- Казачьи думы.* Общеказачий журнал.
- Казачий путь.* Орган Общеказачьего сельскохозяйственного союза. Прага.
- Каклюгин К.* Войсковой атаман А. М. Каледин и его время // Донская летопись, т. 2.
- Каклюгин К.* Войсковой атаман А. М. Назаров и его время // Донская летопись, т. 2.
- Каклюгин К.* Донской атаман А. М. Назаров и его время // Донская летопись, т. 3.
- Каклюгин К. М. П. Богаевский (Характеристика)* // Донская летопись, т. 1.
- Каклюгин К.* Степной поход в Задонье 1918 года и его значение // Донская летопись, т. 3.
- Каклюгин К.* Организация власти на Дону в начале революции // Донская летопись, т. 2.
- Какурин.* Как сражалась революция, 1926.
- Какурин Н.* Стратегический очерк Гражданской войны.
- Как тамбовские крестьяне борются за свободу.*
- Калинин.* Под знаменем Врангеля, 1923 г.
- Каринский Н.* Эпизод из эвакуации Новороссийска // Архив Русской революции, т. XII.
- Кармашев.* Последние дни советской власти в Западной Сибири. 1921.
- Карпинский.* Гражданская война в Крыму // Русские сборники, т. 2.
- Каутский.* Большевизм в тупике // Социалистический вестник. Берлин, 1930.
- Кедров.* За советский север. Воспоминания, 1927.
- Кельчевский А.* Думенко и Буденный. Роль, значение и тактические приемы конницы в русской Гражданской войне.
- Керенский А.* Гатчина // Современные записки, т. 5.
- Керенский А.* Дело Корнилова. Москва, 1918.

- Керенский А.* Издалека. Сборник.
- Керенский А.* Из воспоминаний // Современные записки, № 37, 38, 39.
- Кирдецов Г.* У ворот Петрограда (1919–1920 гг.).
- Кириллов А. А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь, т. IV.
- Климушкин И. Д.* Перед Волжским восстанием // Воля России, кн. VIII–IX.
- Колосов А.* Сибирь при Колчаке. 1923.
- Колчак А.* Письмо к атаману Богаевскому // Белый архив, т. 1.
- Коновалов Е.* Уральцы.
- Коноплин-Горный И.* Крестоносцы // Белое дело, т. 4.
- Конституция Уфимской Директории // Архив Русской революции, т. XII.
- Корсак А.* У Белых // Голос минувшего [на чужой стороне], т. XV.
- Котомкин Александр.* О Чехословацких легионерах в Сибири 1918–1920. Воспоминания и документы. Париж, 1930.
- Красная книга ВЧК, 1921.
- Краснов В.* Из воспоминаний о 1917–1918–1919–1920 гг. // Архив Русской революции, т. VIII и XI.
- Краснов П.* Весна 1921 г. // Русская летопись, т. 1.
- Краснов П.* Всевеликое войско Донское // Архив Русской революции, т. V.
- Краснов П.* Казачья самостийность. [Берлин: Двуглавый орел, 1921, 32 с.]
- Краснов П.* На внутреннем фронте // Архив Русской революции, т. I.
- Краснянский К.* Воспоминания сенатора о деятельности Донского сената // Донская летопись, т. 3.
- Крестьянское движение в 1917 году // [1917 г. в материалах и документах, с пред. Я. А. Яковлева. ГИЗ, 1927, 444 с.]
- Критский М.* Красная армия на Южном фронте // Архив Русской революции, т. XVIII.
- Критский М.* Сказание о Галлиполийском сидении. [Берлин: скл. изд. «Логос», 1926].
- Проф. Кроль Л. А.* За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1922.
- Кроль М. А.* Сибирское правительство и Сибирская областная дума // Вольная Сибирь, т. IV.
- Крюков Ф.* Родимый край // Донская летопись, т. 1.
- Крыленко Н. В.* За пять лет. 1918–1922 гг. [Обвинительные речи по наиболее крупным процессам, заслуш. в Моск. и Верховном революц. трибуналах. Москва–Петроград: Гос. изд., 1923, 525 с.]
- Куделя И. Ф.* О российском золотом запасе. Прага, 1924.
- Кудин-Оранский.* Добровольческая зубатовщина.
- К истории Махновского движения (документы) // Голос минувшего, кн. VIII.
- Л-ая Л.* Очерки жизни в Киеве в 1919–1920 гг. // Архив Русской революции, т. III.
- Ларин Ю.* Частный капитал в СССР.
- Лацис М. Я. (Судрабс).* Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор 2-годовой деятельности ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Москва, Гос. изд., 1920, 81 с.
- Лебедев В.* Армия последней русской реакции // Воля России, кн. II и IV, 1925.
- Лебедев В. И.* Борьба русской демократии против большевиков. Нью-Йорк, 1919.
- Лебедев В. И.* От Петрограда до Казани // Воля России, кн. VIII–IX, 1928.

- Лебедь Д.* Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины. Харьков: Гос. изд., 1921.
- Левидов.* К истории союзной интервенции в России. [Том I: Дипломатическая подготовка. Ленинград: Рабочее изд-во «Прибой», 1925, 181 с.]
- Лейтенант Н. Н.* Записки белогвардейца // Архив Русской революции, т. X.
- Герцог Лейхтенбергский, Г.* Воспоминания об Украине (1917–1918 гг.).
- Герцог Лейхтенбергский, Г.* Как началась Южная армия // Архив Русской революции, т. VIII.
- Лелевич Г.* «Стрекопытовщина». Страничка из истории контрреволюционных выступлений в годы Гражданской войны. Изд. 2-е, испр. и знач. дополн., Москва, 1923, 64 с.
- Ленин.* Выборы в Учр. Собрание и диктатура пролетариата. Комм. Интернац., 1919, № 7–8.
- Ленин.* Собрание сочинений, т. 9, т. 15, т. 16.
- Ленин Н.* Две тактики социал-демократии в демократической революции. Женева.
- Леонтович В.* Первые бои на Кубани. [Мюнхен: Молодая Россия, 1923, 88 с.]
- Свет. князь Ливен А.* В южной Прибалтике (1919) // Белое дело, т. 3.
- Лукаш И.* Голое поле.
- Лукомский. А.* Воспоминания. Т. 1 и 2. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками.
- Лукомский. А.* Из воспоминаний // Архив русской революции, т. II, III, IV, VI.
- Лункевич.* Современный момент в оценке партии соц.-революционеров // Статья, помещенная в органе Южного бюро ЦК партии с.-р. Париж, 1919.
- Львов Н.* Белое движение, доклад. Белград: Русская типография, 1924.
- Львов Ф.* Комитет экономического возрождения Юго-Востока России // Донская летопись, т. 1.
- Львов Ф.* Учреждение Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека (историческая справка) // Донская летопись, т. 1.
- Летопись революции. Книга 1.
- Майбородов В.* С французами // Архив Русской революции, т. XVI.
- Майский И.* Демократическая контрреволюция, 1923.
- Маклаков В. А.* Из прошлого // Современные записки, т. XL.
- Максаков, Турунов.* Хроника Гражданской войны в Сибири, 1926.
- Малец Г.* Доклад Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России, члена Русского народного совета Прикарпатской Руси // Белый архив, т. 1.
- Марголин А.* Украина и политика Антанты. Записки еврея и гражданина. Берлин: изд. Ефрон.
- Маргулиес В.* Огненные годы. Материалы и документы по истории Гражданской войны на Юге России.
- Маргулиес М. С.* Год Интервенции. Т. 1: сентябрь 1916 г. — апрель 1919 г. Т. 2: Создание Северо-Западного правительства. Т. 3: Поход Юденича на Петроград.
- Маргулиес М.* Ясская делегация // Летопись революции, т. 1.
- Марков А. П.* Разверстка и натуральный налог. Берлин: [«Обелиск»], 1923.
- Мартынов.* Корнилов, 1927.
- Марушевский В.* Год на севере // Белое дело, т. 1, 2, 3.
- Маслов С. С.* Россия после четырех лет революции. Париж, 1922.
- Масарик Т. Г.* Мировая революция. Воспоминания. Т. I и II. Прага, 1926.

Материалы и документы из деятельности ЧК (по данным Деникинской комиссии) // На чужой стороне, кн. IV.

Махно Н. Записки // Анархический вестник, кн. 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Мельгунов С. П. Суд над интеллигенцией // На чужой стороне, кн. III.

Мельгунов С. П. Красный террор в России: 1918—1923 гг.

Мельгунов С. П. Немцы в Москве // Голос минувшего [на чужой стороне], № 1 (XIV), 1926.

Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы Гражданской войны.

Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. В 3-х т. Белград, 1930 г.

Мельников Н. А. М. Каледин (личность и деятельность) // Донская летопись, т. 1.

Микулинский И. О работах комитета экономического возрождения Юго-Востока России // Донская летопись, т. 1.

Миллер Е. Армия.

Миллер Е. Борьба за Россию на Севере // Белое дело, т. 4.

Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье (брошюра). [Париж: Изд. Республ.-демокр. объединение, 1926, 137 с.]

Милюков П. Н. История второй русской революции.

Т. 1, вып. 1: Противоречия революции. София: Российско-Болгарское книгоизд., 1921.

Т. 1, вып. 2: Корнилов или Ленин. София: Российско-Болгарское книгоизд., 1922.

Т. 1, вып. 3: Агония власти. София: Российско-Болгарское книгоизд., 1924.

Милюков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Т. 2. Антибольшевистское движение.

Милютин. Аграрная политика СССР. [Москва—Ленинград: Гос. изд., 1926, 308 с.; 2-е изд., дополненное: Экономическая библиотека, 1927, 346 с.]

Михайлович Н. Сравнительная хронологическая таблица борьбы на белых фронтах // Белое дело, т. 1.

Могиланский Н. М. Воспоминания // Архив Русской революции, т. XI, с. 101.

Мякотин В. Из недалекого прошлого // На чужой стороне, т. V, VI, VIII, IX, XI, XIII.

Мякотин В. На Кубани // Общее дело, 25 декабря 1919 г.

Месяцев П. Земельная и с.-х. политика в России // сб. «За семь лет», с. 36.

Набоков. Воспоминания дипломата.

Нагаев Н. Некоторые особенности Гражданской войны на Юге России в 1918—1919 гг. (будущая пехота) // Военный сборник, т. 1.

Назанский В. И. Крушение Великой России и Дома Романовых. Париж, 1930.

Народное хозяйство в России за 1921 год. Сборник, 1922.

Национальный центр в Москве // На чужой стороне, т. VIII.

На чужой стороне. Историко-литературные сборники под ред. С. П. Мельгунова. Т. I—XIII [Берлин—Прага, 1923—1925].

Недзельский Е. Мемуары лагерей // Воля России, т. VI.

Нелидов Н. Заговоры в Петрограде // Белое дело, т. 4.

Немирович-Данченко Г. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги.

Нео-Сильвестр Г. Агония Северо-Западной армии // Историк и современник, т. 1.

Нестеров И. Перед выступлением на Волге // Воля России, 1928, т. VIII—IX.

Николаев С. Возникновение армии Комуча // Воля России, 1928, т. VIII—IX.

Николаев С. Народная армия в Симбирске // Воля России, т. X.

- Носков К.* Авантюра, или Черный год (Злой гений русских белых в Монголии. Дзян Жин, барон Унгерн). Харбин, 1930.
- Обер Т.* Речь, произнесенная в защиту Полунина на Лозаннском процессе.
- Оболенский.* Крым при Врангеле. Мемуары.
- Князь Оболенский В.* Крым в 1917—1920 гг. // На чужой стороне, тт. V—IX.
- Образование Северо-Западного правительства. Объяснения В. О. Кузьмина-Караваева, А. В. Караташева и М. Н. Суворова.
- Образование Северо-Западного правительства // Архив Русской революции, т. I.
- Октябрь на фронте // Красный архив, т. XXIII.
- Октябрьская революция и наше строительство Красной армии // Пролетарская революция, 76.159.
- Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Показания Френсиса. Москва: Гос. изд., 1927.
- Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Москва, 1919, с пред. Н. А. Рожкова.
- Ольшанский П.* Записки агента Разведупра. Париж: Мишень, 1930.
- Описание деятельности русского политического комитета в Польше. Издано на правах рукописи.
- Организация власти на Юге России в период Гражданской войны // Архив Русской революции, т. IV.
- Осинский Н.* Государственное регулирование крестьянского хозяйства. Гос. изд., 1921.
- Осипов И.* На проломе. Очерки 1914—1922 гг.
- Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Ряд отдельных выпусков по разным вопросам.
- Отчет о деятельности Всероссийского Земского союза за границей (апрель 1920 г. — 1 января 1922 г.) [София: Изд. вр. главн. Ком. Всерос. Зем. союза, 1922].
- Отчет о деятельности Донского правительства за границей, 1921.
- Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив Русской революции, т. IX.
- Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования // Архив Русской революции, т. XVI.
- Падалкин А.* Поездка в Москву к Ленину с письмом Донского атамана П. Н. Краснова // Донская летопись, т. 3.
- Папоушек.* Масарик и чехословацкое революционное движение в России // Воля России, 1925, т. V — 177.
- Партизанское движение. Сибирь, 1925.
- Парфенов П. С. (Петр Алтайский).* Уроки прошлого. Гражданская война 1918—1919—1920. Харбин, 1921.
- Пасманик Д.* Революционные годы в Крыму.
- Патек Валериан (В. Славич).* Исповедь сменовеховца. [София, 1924, 151 с.]
- Патронов И.* Старая и новая дисциплина // Военный сборник, т. 2.
- Пауль С.* С Корниловым // Белое дело, т. 3.
- П. Б.* Крымская эвакуация // На чужой стороне, т. XI и XII.
- Першин.* Участковое землепользование в России. Москва, 1922.
- Петлюровцы и добровольцы (документы) // Голос минувшего, т. 8.

- Ген. Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах Белых. Воспоминания. Рига: изд. Дидковского, 1930.
- Плешко П.* Из прошлого провинциального интеллигента // Архив Русской революции, т. IX.
- Подшивалов.* Гражданская война на Урале 1917—1918 гг. Москва, 1925.
- Покровский.* Деникинщина. Издание Гржебина, 1923.
- Полгода во Владикавказе (1918—1919 гг.) // На чужой стороне, кн. VII.
- Положение рабочего класса в России. Записки Русского экономического общества в Лондоне, № 3. Апрель 1921 г.
- Половцов Л.* Рыцари Тернового венца (1-й Кубанский Ледяной поход).
- Попов К.* Воспоминания кавказского гренадера 1914—1920 гг.
- Последние дни колчаковщины, 1926.
- Последние дни Крыма. Сборник, посвященный последним событиям в Крыму. Впечатления, факты, документы.
- Потоцкий Д.* На Дону // Белое дело, т. 4.
- Потоцкий Д.* Перед занятием Риги // Белое дело, т. 3.
- Правда о Кронштадте. Очерк героической борьбы.
- Приамурье (брошюра). Владивосток, июль 1922 г.
- Приказ Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России о земле от 20.V.1920 г.
- Приказ Кубанскому [казачьему] войску [№ 32] и другие Кубанские заграничные документы. [Изд. Кубанск. войск. атам., 1921, 57 с.]
- Продовольственная политика. [в свете общего хозяйственного строительства советской власти. Сборник материалов. Пособие для продовольственно-агитационных курсов, организуемых Наробразами согласно циркуляра ЦК РКП от 26/VIII—1920 г. Москва: ГИЗ, 1920, 288 с.]
- Прокопович С. Н.* Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923.
- Пронин В.* Генерал Л. Г. Корнилов // Военный сборник, т. 1.
- Протоколы допроса адмирала Колчака Чрезвычайной Следственной комиссией в Иркутске в январе—феврале 1920 г. // Архив Русской революции, т. X.
- Работы большевиков. Альбом.
- Ракитникова Инна.* Как русское крестьянство боролось за Учредительное собрание. Издание Пари-Юнион.
- Ракитников.* Сибирская реакция и Колчак. Издание «Народ», 1920.
- Раковский Г.* В стане белых. От Орла до Новороссийска.
- Раковский Г.* Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921.
- Раков Д.* В застенках Колчака. Голос из Сибири.
- Рапорт офицера. Румыны // Белое дело, т. 3.
- Раскольников Ф.* Партия большевиков за десять лет // Десять лет советского строительства, сборник [под ред. Рябинина. Москва—Ленинград: Гос. изд., 1927]
- Революция на Дальнем Востоке, 1923 г.
- Родзянко А.* Воспоминания о Северо-Западной армии.
- Родзянко М. В.* Государственная Дума и Февральская революция // Архив Русской революции, т. VI.
- Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив Русской революции, т. XVII.
- Родионов И.* Жертва вечерняя. Не вымысел, а действительность.
- Романовский И.* Письмо к генералу Богаевскому // Белый архив, т. 1.

- Ростовский Ю.* Кризис НЭПа и современное положение в России. [Новый Сад: Изд. 1-й русской типографии, 1923, 224 с.]
- Руденко П.* На Украине. Повстанчество и анархическое движение. [Буэнос-Айрес: Рабочая издательская группа в республике Аргентина, 1922, 30 с.]
- Русская армия в изгнании, 1920—1923 гг.
- Русская культура. Сборник, т. 1.
- Русская летопись. Сборник, т. 1—7.
- Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященных пребыванию 1-го Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин, 1923.
- Русские сборники / под ред. профессоров Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова. [Кн. I и II по 112 с. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920]
- Русский колокол. Журнал волевой идеи. Кн. 1—3. Редактор-издатель профессор И. Ильин.
- Русский сборник. Выпуск 1 / под ред. В. М. Кашкарова.
- Рысс П.* Русский скит.
- Савинков Б.* Борьба с большевиками.
- Савинков Б.* За Родину и свободу.
- Савинков Б.* К дням Корнилова. [Париж, 1919, 29 с.]
- Савинков Б.* Русская Народная Добровольческая армия в походе. [Варшава: Изд. Рус. полит. комитета, 1921, 47 с.]
- Сафаров.* Тактика большевизма.
- Ген. Сахаров.* Белая Сибирь, 1923 г. [Мюнхен]
- Сватиков С.* Донской войсковой круг // Донская летопись, т. 1.
- Сватиков С. Г.* Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага: Издание Общества сибиряков в ЧСР, 1930.
- Свидерский А.* Три года борьбы с голодом. Гос. издательство, 1921.
- Свободная Россия. Республиканско-демократический орган. [Ревель, 1919]
- Сводка о положении дел в провинции за март—май 1917 г., сделанная канцелярией Государственной Думы по отчетам депутатов // Красный архив, т. XX.
- Свяцицкий.* К истории Учредительного собрания. Издание 1921 г.
- Свяцицкий Н. В.* Итоги выборов. Брошюра, издание «Земля и воля».
- Севский В.* Генерал Корнилов. [Ростов-на-Дону: Изд. Корниловского ударного полка, 1919, 97 с.]
- Семенников В.* Романовы и германские влияния 1914—1917 гг. Москва: Гос. изд., 1930.
- Семенов (Васильев).* Военная и боевая работа партии с.-р. за 1917—1918 гг. Берлин, 1922 г.
- Семчевская.* Очерки из Сибирского Ледяного похода 1919—1920 гг. [Шанхай, 1920]
- Серебровский А.* Промышленность Советского Союза // Сб. «Десять лет Советского строительства».
- Сережников К.* Воспоминания донского офицера о служебной поездке в Германию осенью 1918 года // Архив Русской революции, т. XVIII.
- [Сибирский архив. Приложение к журналу «Вольная Сибирь». Т. 1-й, Прага, 1929].
- Скобцов Д.* Драма Кубани // Голос минувшего [на чужой стороне], т. XIV.
- Слащев-Крымский Я.* Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма).
- Смирнов К.* Начало Северо-Западной армии // Белое дело, т. 1.
- Смирнов М. И.* Адмирал Колчак. Париж, 1930.

- Смоленский С.* Крымская катастрофа (Записки строевого офицера).
Собрание документов, относящихся до интернирования атамана Калмыкова в
Гирине и его побега при посещении консульства. Февраль—сентябрь 1920 г.
[Пекин: Изд. Российской миссии, 1920]
- Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал.
Книги I—XL. [Париж, 1920—1940]
- Советский гражданин.* Крым после Врангеля // Воля России, кн. III.
Совет общественных деятелей в Москве в 1917—1919 гг. // На чужой стороне,
кн. IX.
- Соколов Б.* Падение Северной области // Архив Русской революции, т. IX.
Соколов Б. Ф. Защита Учредительного собрания // Архив Русской революции,
т. XIII.
- Соколов, проф.* Правительство генерала Деникина. София, 1921.
Соколов К. Кубанское действо // Архив Русской революции, т. XVIII.
Соколов К. Ориентация // Русские сборники, т. 2.
- Солодовников.* Наш счет.
Солодовников. Сибирские авантюры и генерал Гайда (Из записок русского
революционера).
- Соломон Г. А.* Среди красных. В 2-х т. Париж.
Сообщение офицера Северо-Западной армии. О боях под Петроградом //
Белое дело, т. 2.
- Сорокин П.* Современное состояние России. Прага, 1923.
Справка о Балтийском ландсвере // Белое дело, т. 2.
С. Р. Быховский альбом // Белое дело, т. 2.
- Сталинский Е.* Патриотизм и либерализм в белом движении // Воля России,
1924, кн. VIII—IX.
- Стенографический отчет о сдаче власти Омским правительством Политиче-
скому Центру.
- Степанов А.* Симбирская операция // Белое дело, т. 1.
Степанов В. Правда об атамане Семенове.
- Субботовский.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Краткий обзор
(Исключительно по официальным документам Колчаковского правитель-
ства). Ленинград, 1926.
- Суворин А. (Алексей Порошин).* Поход Корнилова. [С рисунками, планами боев и
картой похода. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону: Изд. «Новый человек», 1918, 192 с.]
Суворин Б. За Родиной. Героическая эпопея Добровольческой армии, 1917—1918 гг.
Сумский С. Одиннадцать переворотов (Гражданская война в Киеве) // Летопись
революции, т. 1.
- Суханов Н.* Записки о революции, т. IV, V, VI, VII.
Суханов Н. Записки о революции. Кн. 5: Реакция и контрреволюция.
- Сухомлин В.* Всероссийское Учредительное собрание первого созыва. Нью-Йорк
и Париж: Поволоцкий.
- Теодорович.* О государственном регулировании крестьянского хозяйства. Гос.
издательство, 1921 г.
- Тинский Г.* Атаман Семенов, его жизнь и деятельность.
- Ткачев В.* Вопросы тактического применения авиации в Гражданской (манев-
ренной) войне // Военный сборник, т. 1.

- Толстов В.* От красных лап в неизвестную даль (Поход Уральцев).
- Троцкий Л.* Как вооружалась революция.
- Троцкий Л.* Ленин и демократия (Разгон Учредительного собрания) // Правда, 30 апреля 1920 г.
- Троцкий Л.* Моя жизнь Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930.
- Троцкий Л.* Новый курс. Москва, 1924.
- Кн. Трубецкой Е.* Из путевых записок беженца // Архив Русской революции, т. XVIII.
- Туземец Н. (Н. Т. Добровольский).* Генерал Л. Г. Корнилов.
- Устинов С.* Записки начальника контрразведки.
- Утгоф В. Л.* Уфимское государственное совещание // Былое, 21, № 16.
- Фельгигов Г.* Белое движение // Воля России, 1924, кн. 18/19.
- Филимонов А.* Кубанцы (1917—1918) // Белое дело, т. 2.
- Филимонов А.* Разгром Кубанской Рады // Архив Русской революции, т. V.
- Флуг В. Е.* Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив Русской революции, т. IX.
- Барон Фрейтаг-Лорингофен.* Из дневника // Архив Русской революции, т. II.
- Харламов В.* Казаки в эмиграции // Современная Россия, т. 4.
- Харламов В.* Юго-Восточный союз в 1917 году // Донская летопись, т. 2.
- Хроника Гражданской войны в Сибири. 1917—1918 гг. (советское издание).
- Хроника революции 1917 г. Т. IV, изд. Истпарта, составл. Владимировой.
- Хроника революции 1917 г. Т. V — Октябрь, составлен К. Рыбинским, 1926 г.
- Цаликов А.* На Северном Кавказе // Воля России, 1924, кн. 18/19.
- Центросибирцы, 1927 г.
- Цигелька К.* Через Сибирь к Свободе // Белый архив, т. 1.
- Цуриков Н.* Генерал Корнилов и его дело.
- Чайковский Н. В.* Мировой скандал // Общее дело, 31 октября 1920.
- Чайковский Н. В.* Моя программа // Общее дело, 1920.
- Чаплин Г.* Два переворота на Севере // Белое дело, т. 4.
- Чека. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин: изд. Центрального бюро партии с.-р., 1922.
- Чекист о ЧК (Архив Особой следственной комиссии на Юге России) // На чужой стороне, т. IX.
- Черная книга (Интервенция на Украине), 1925.
- Чернов В.* «Подполье» и «надполье» в подготовке Корниловского движения // Воля России, 1923, т. IV.
- Чернойаров Д.* Очерки революционной жизни на Дону // Донская летопись, т. 3.
- Черячукин А.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918—1919 гг. // Донская летопись, т. 3.
- Чечек О.* От Пензы до Урала // Воля России, 1928, кн. VIII—IX.
- Чубинский М.* На Дону (Из воспоминаний обер-прокурора) // Донская летопись, т. 1, 3.
- Чубинский М.* Страницы из жизни Большого Войскового круга на Дону // На чужой стороне, т. 2.
- Шапиро Д.* По Сибири // Сибирские огни, № 3, 1922.
- Шатилов П.* Записка об эвакуации Крыма // Белое дело, т. 4.
- Шкловский В.* Белый Киев // Воля России, 1922, т. III.

- Шкловский В.* Сентиментальное путешествие (Воспоминания 1917–1922 гг.)
- Штейдлер Ф.* Выступление чехословаков в России 1918 г. // Вольная Сибирь, № 4.
- Штейнман Ф.* Отступление от Одессы // Архив Русской революции, т. II.
- Штейфон Б.* Бредовский поход // Белое дело, т. 3.
- Штерн С.* В огне гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли.
- Штиф Н.* Погромы на Украине (Период Добровольческой армии).
- Шульгин В.* 1920-й год.
- Шумяцкий.* Сибирь на путях к октябрю. [М.—Л.: Гос. изд., 1927, 128 с.]
- Щербаков М.* Одиссея без Итаки // Архив Русской революции, т. XVIII.
- Щербина Ф. А.* Законы эволюции и русский большевизм. Белград, 1921 г.
- Эч.* Исчезнувший город.
- Ювенал.* Отцы и дети большевизма.
- Князь Юсупов.* Переписка // Красный архив, т. XIV.
- Якушев И. Я.* Комитет содействия созыву Земского Собора // Вольная Сибирь, № 6–7.
- Якушев И. Я.* Очерки областного движения в Сибири // Вольная Сибирь, № 3, 5.
- Якушев И. Я.* Февральская революция и собрание областного съезда // Вольная Сибирь, № 2, 15.
- Янов Г.* Освобождение Новочеркаска и «Круг спасения Дона» // Донская летопись, т. 3.
- Янов Г.* Паритет // Донская летопись, т. 2.
- Янов Г.* Революция и донские казаки // Донская летопись, т. 2.
- Янов Г.* Донские настроения ко времени революции // Донская летопись, т. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть III

Интервенция врагов и союзников

Книга 6

Глава XIII. Германская интервенция	7
Связь немцев с большевиками	7
Германский противобольшевицкий фронт	12
Германская политика	16
Германская политика в Финляндии и Закавказье	22
Германская политика на Украине	25
Германская политика в Прибалтике, Северо-Западном крае и в Крыму	35
Приложения	
Приложение № 30. Декларация Всевеликого Войска Донского	40
Приложение № 31. Письмо Донского Атамана Краснова Уполномоченному для ведения переговоров с Германией и Украиной от имени Всевеликого Войска Донского Генерал-Майору Черячукину	42
Приложение № 32. Письмо представителя Войска Донского на Украине германскому послу при гетмане Скоропадском	43
Приложение № 33. Письмо Атамана Краснова Императору Вильгельму II	44
Приложение № 34. Доклад начальнику операционного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года	46
Глава XIV. Германская интервенция (продолжение)	56
Влияние германской интервенции на общероссийское контрреволюционное движение	56
Отношение немцев к Добровольческой Армии	61
Формирование Астраханской, Южной и Северной армий	64
Содействие большевикам	73
Восстание левых эсеров	81
Приложения	
Приложение № 35. Записка П. Н. Милюкова, поданная им «Правому центру» 11 августа (29 июля) 1918 года	88
Приложение № 36. Условия формирования русской Добровольческой Армии в Северо-Западных губерниях («Северной армии»), выработанные на Русско-Германских заседаниях в Пскове в середине октября 1918 года	91

Приложение № 37. Численность военнопленных, взятых Русской Армией с начала войны по 1/14 сентября 1917 года (по данным бывшего Главного Штаба)	93
---	-----------

Книга 7

Глава XV. Интервенция союзников и образование Северного фронта.....	95
Сношения союзников с большевиками	95
Десанты союзников	97
Поддержка противобольшевицких сил и стимулирование контрреволюционных выступлений.....	104
Противобольшевицкое восстание в Архангельске	110
Образование первого Северного противобольшевицкого правительства.....	114
Переворот 6 сентября	119
Северный фронт	122

Приложения

Приложение № 38. Величина тоннажа и стоимость в миллионах рублей заказанных на 1 января 1918 года Россией за границей предметов военного снабжения.....	130
Приложение № 39. Распределение взятых Русской Армией военнопленных по военным округам России на 1/14 сентября 1917 года (По данным бывшего Главного Штаба).....	130
Приложение № 40. Оповещение председателя Германской Комиссии № 4 лейтенанта Балка	131
Приложение № 41. Воззвание и постановления Верховного Управления Северной области от 2-го августа 1918 года.....	132
Приложение № 42. Объявление архангельского губернского комиссара	137
Приложение № 43. Сообщения председателя Верховного управления Северной области	138

Глава XVI. Союзная интервенция; попытка воссоздать «Восточный» противогерманский фронт.....	141
Выступление чехо-словаков.....	141
Использование Антантой выступления чехо-словаков для образования «Восточного» фронта	151
Самарское противобольшевицкое правительство	154
Народная Армия	160
Волжский фронт	171

Приложения

Приложение № 44. Резолюция 8-го Совета партии социалистов-революционеров, заседавшего в Москве с 20 по 27 мая 1918 г., о призыве иностранных войск в Россию	187
--	------------

Приложение № 45. Списки членов Всероссийского Учредительного Собрания, вступивших в комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания	188
Приложение № 46. Список лиц, вошедших в состав Совета управляющих ведомствами, организованного Комучем в Самаре во второй половине августа 1918 года	192
Приложение № 47. Приказ полковника Войцеховского Чехо-Словацкому корпусу, отданный им 8 июля в Уфе после вступления его в командование объединенными Пензенской и Челябинской группами чехо-словаков	192
Приложение № 48. Воззвание к крестьянам и рабочим, опубликованное ижевскими «фронтовиками»	194
Приложение № 49. Состав Оренбургского войскового правительства в июле 1918 года	194

Часть IV

Освобождение Сибири и образование «белого» Восточного фронта гражданской войны

Книга 8

Глава XVII. Освобождение Сибири	197
Образование Западно-Сибирской противобольшевицкой власти	197
Конфликт между Правительством и Областной Думой	205
«Административный Совет»	213
Неудавшийся переворот	219
На Дальнем Востоке	225

Приложения

Приложение № 50. Декларация Западно-Сибирского комиссариата ..	231
Приложение № 51. Выдержки из вступительной части декларации Правительства Вологодского на первой сессии Сибирской Областной Думы в Томске	232
Приложение № 52. Записка сибирских областников, протестующая против антиправительственной деятельности Областной Думы и ее обращения за поддержкой к чехо-словакам	233
Приложение № 53. Обращение Временного правителя генерала Хорвата к населению от 9 июля 1918 года	235

Глава XVIII. Образование Всероссийского противобольшевицкого правительства	238
Конфликты между Самарой и Омском	238
Попытки сговора	242
Неустойчивость Волжского фронта	246
Уфимское Государственное Совещание	253

Образование Всероссийской Директории	260
Обреченность Директории	267

Приложения

Приложение № 54. АКТ об образовании Всероссийской Верховной Власти, принятый на Государственном Совещании, имевшем место в г. Уфе от 8 до 23 сентября 1918 года.....	273
---	-----

Глава XIX. Директория..... 280

Окончательный развал Волжского фронта	280
Уход чехо-словацких войск с боевого фронта	289
Борьба Директории с Сибирским правительством	293
Упразднение областных правительств.....	304

Приложения

Приложение № 55. Условия, поставленные Сибирским Правительством Директории	312
Приложение № 56. Список министров Всероссийского Правительства, утвержденный указом Директории от 5 ноября 1918 г.....	313

Книга 9

Глава XX. Омский переворот..... 315

Настроение сибирского крестьянства	315
• Рост «атаманщины»	320
Настроения сибирской общественности.....	324
Подрывная работа Чернова и его единомышленников	329
Переворот 18 ноября	333

Приложения

Приложение № 57. Телеграмма военного министра Иванова-Ринова в ответ на приказание ген. В. Г. Болдырева вернуть с Дальнего Востока полк. Волкова	342
Приложение № 58. Политическая программа торгово-промышленников, принятая на их съезде, состоявшемся осенью 1918 г. в г. Уфе.....	343
Приложение № 59. Прокламация, изданная Центральным Комитетом партии социалистов-революционеров в г. Уфе 22 октября 1918 г.	345
Приложение № 60. Положение о временном устройстве государственной власти в России, утвержденное Советом Министров ноября 18 дня 1918 г.	349
Приложение № 61. Постановление Совета Министров от 18 ноября 1918 г. относительно производства следствия о происшедших в Омске в ночь на 18 ноября событиях.....	350
Приложение № 62. Постановление Совета Министров от 19 ноября 1918 г., утвержденное того же числа Верховным Правителем адмиралом Колчаком, о предании чрезвычайному суду Волкова, Катанаева и Красильникова.....	350

Глава XXI. Окончательное образование

белого Восточного фронта	353
Отношение к перевороту в стране.....	353
Отношение к Омскому перевороту в Армии	362
Отношение к перевороту иностранцев	366
Политическая программа адмирала Колчака	374
Ближайшие последствия переворота.....	379

Приложения

Приложение № 64. Описание процесса полк. Волкова и войсковых старшин Катанаева и Красильникова в Чрезвычайном Военном суде в Омске 23 ноября 1918 г.....	389
Приложение № 65. Приказ Командующего войсками Самарской группы № 32 20 ноября 1918 г., гор. Уфа	392
Приложение № 66. Воззвание председателя Комуча В. К. Вольского «Ко всем народам России»	393
Приложение № 67. Разговор по прямому проводу ген. В. Г. Болдырева с адмиралом А. В. Колчаком вечером 19 ноября 1918 г.	393
Приложение № 63. Приказ Верховного Правителя адмирала Колчака, отданный в гор. Омске 30 ноября 1918 г.	396

Часть V

Книга 10. Всевеликое Войско Донское

Глава XXII. «Всевеликое Войско Донское»	399
«Круг Спасения Дона»	399
Диктатура генерала П. Н. Краснова	406
«Проблема Царицына»	413
Боевые действия на «Донском фронте»	419
Большой Войсковой Круг	425

Приложения

Приложение № 69. Основные законы Всевеликого Войска Донского.....	434
Приложение № 70. Приказ Всевеликому Войску Донскому № 1.....	438
Приложение № 71. Родимый край (Стихотворение в прозе).....	442
Приложение № 72. Письмо офицера для связи от Германского Главного командования на Дону майора фон Кохенгаузена генералу Краснову от 4 сентября 1918 года из г. Ростова	443
Приложение № 73. Основные Законы Всевеликого Войска Донского.....	444

Книга 11. Добровольческая Армия и освобождение Кубани

Глава XXIII. Добровольческая Армия и освобождение Кубани	457
Командование Добровольческой Армии и «проблема Царицына».....	457
Освобождение столицы Кубани.....	468
Освобождение восточной части Кубани	476
«Критический период» роста Добровольческой Армии.....	483

Приложения

Приложение № 74. Рапорт полковника Дроздовского, поданный ген. Деникину 10 октября 1918 года по новому стилю	493
---	-----

Глава XXIV. Добровольческая Армия на Кубани	501
Стремление ген. Деникина к диктатуре.....	501
Борьба с Кубанской властью.....	509
Вражда с Грузией	520
Политическая программа генерала А. И. Деникина	527

Приложения

Приложение № 75. Временное Положение об управлении областями, занимаемыми Добровольческой Армией.....	537
Приложение № 76. Положение о Северо-Кавказском Союзе	541
Приложение № 77. Временное положение об управлении Кубанским краем	543
Приложение № 78. Выдержки из речей генерала А. И. Деникина, носивших характер деклараций Добровольческой власти.....	552
Приложение № 79. Важнейшие статьи «Положения об Особом Совещании при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России», утвержденного ген. Деникиным 2 февраля (по новому стилю 15-го) 1919 года.....	558

Книга 12. Освобождение Дона и Кубани и образование белого Южного фронта гражданской войны.

Общее заключение

Глава XXV. Окончательное образование белого Южного фронта	561
Развал Украины	561
Главная причина невозможности создать противобольшевицкую конфедерацию.....	568
Ясское совещание.....	574
Трагическое положение Дона	583
Подчинение генерала П. Н. Краснова генералу А. И. Деникину.....	589

Приложения

Приложение № 80. Письмо генерала Пуля генералу П. Н. Краснову от 7/20 декабря 1918 г. (русский перевод письма, врученный штабу Добровольческой Армии Британской миссией)	597
---	-----

Глава XXVI. Окончательное превращение русской революции в русскую гражданскую войну	599
Общая оценка событий, изложенных в настоящем труде	599
Стратегическое положение Белых и Красных к концу 1918 года	606
Политическая обстановка, создававшаяся с приходом к власти в контрреволюционном лагере «Белых» вождей	611
Причины враждебности к Белым нарождающегося в крестьянстве «зеленого» движения	621
Послесловие	630
Комментарии (<i>Составитель д. и. н. С. В. Волков</i>)	633
Указатель имен	676
Библиографический указатель (<i>К работе профессора Н. Н. Головина</i>)	682

ПЕРЕЧЕНЬ КАРТОСХЕМ

Схема № 7. Интервенция	13
Схема № 8. Район Северной области	123
Схема № 9. Выступление чехов (Весна 1918 г.)	149
Схема № 10. Положение 1-го сентября 1918 г.	247
Схема № 11. Положение 11-го ноября 1918 г.	295
Схема № 12. Южный фронт летом 1918 г.	415
Схема № 13. Южный фронт осенью 1918 г.	431
Схема № 14. 2-й Кубанский поход	489
Схема № 15. Действия Добр. Армии в Вост. Кубани	503

*На контртитulle — фотография Н.Н. Головина (начало 1930-х гг.),
Архив Гуверовского института, фонд бар. М.Д. Врангель, коробка 43,
альбом 9, с. 26, фото 1*

ПОМОГАЙТЕ НАМЪ ВЪ ТЫЛУ

ОБРАЩЕНИЕ ШТАБА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Штаб Главного командующего Генерала Деникина вынужден сделать следующее обращение к населению:

Грозными подонками и жертвами лучших сил своих претянет вперед Добровольческая Армия к Москве, для освобождения России. Сербодержатели отъ шенлиныхъ большевиковъ городъ и деревни, которые сейчас же получаютъ возможность споконья и рабаути, получаютъ продукты.

Но главная задача Добровольческой Армии — скорее освободить несчастныхъ крестьянъ, рабочихъ и горожанъ, вотъ уже два года страдающихъ отъ гора голода холода и насилия на смерть России а въ Московскомъ районѣ.

Чтобы достигнуть скорее этой цели, приходится раньше думать о томъ, а потомъ о томъ. Мы, слава Богу, почти все обули и снарядили — страдания и смерть отъ голода женщинъ и дѣтей.

Добровольческая Армия обращается ко всему русскому населению съ призывомъ:

ПОМОГАЙТЕ НАМЪ ВЪ ТЫЛУ!

Не забывайте, что чѣмъ дольше разлука, тѣмъ больше несчастья вѣтъ. Въ тылу появились различныя банды разбойниковъ, шайки дезертировъ, не желающихъ драться, а только грабящихъ народъ. Они мѣшаютъ работѣ и думать только о себѣ. Они убиваютъ и насилуютъ людей, грабятъ ваше добро.

Они будутъ уничтожены по приказанию Главного командующего своими силами на Югѣ России Генерала Деникина.

Но въ заботахъ о своихъ силахъ Добровольческая Армия не должна забывать о русскихъ людяхъ — крестьянахъ, рабочихъ и горожанѣ, аго страдающихъ отъ голода, холода и насилия на смерть.

Чтобы, при расправѣ съ разбойниками, вы не пострадали, а только выигрываете, вы должны:

КРАСНОАРМЕЙЦЫ И МАТРОСЫ!

Пора кончать братоубийственную войну.

Вы поддались лжи и обману комиссаровъ и часть изъ васъ еще противъ насъ.

Переходите немедленно къ намъ, еще есть время одуматься.

Васъ уверяютъ, что мы голодаемъ. Это ложь. Переходите къ намъ и вы будете получать по два фунта бѣлаго хлѣба, какъ и все мы.

За наше оружіе комиссары сулятъ вамъ большіе деньги, чтобы ихъ потомъ отобрать.

Вѣдь по вашимъ законамъ нельзя имѣть больше собственности чѣмъ на 10.000 рублей.

Приходите къ намъ хотя бы и безъ оружія, у насъ его много.

За нашихъ офицеровъ даютъ 10.000 рублей, а за нашихъ солдатъ по 100 рублей.

ПРОП БОЛЬШЕВ НЕЧИ

чѣмъ дольше разлука, тѣмъ больше несчастья вѣтъ. Въ тылу появились различныя банды разбойниковъ, шайки дезертировъ, не желающихъ драться, а только грабящихъ народъ. Они мѣшаютъ работѣ и думать только о себѣ. Они убиваютъ и насилуютъ людей, грабятъ ваше добро.

Они будутъ уничтожены по приказанию Главного командующего своими силами на Югѣ России Генерала Деникина.

Но въ заботахъ о своихъ силахъ Добровольческая Армия не должна забывать о русскихъ людяхъ — крестьянахъ, рабочихъ и горожанѣ, аго страдающихъ отъ голода, холода и насилия на смерть.

ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ

Приказъ Адмирала КОЛЧАКА

Верховный Правитель Россіи адмиралъ Колчакъ издалъ слѣдующій приказъ по арміи:

Согласно поступающимъ свѣдѣніямъ, многимъ солдатамъ нашимъ еще неизвестны цѣли, ради которыхъ мы ведемъ и будемъ вести борьбу съ большевиками и полной вообщи. Поэтому я приказываю огласить сей приказъ по всей арміи.

Мы ведемъ борьбу за национальное русское дѣло, за восстановление Родины, кантъ свѣдѣлимаго государства.

Мы боремся, чтобы установить законное правительство въ выборахъ и чтобы дать народу право выбора. Мы боремся, чтобы въ Собраніи, самому рѣшить судьбу, чтобы установить законную власть, которая должна управлять землей и облегчить рабочимъ условия труда.

Отвергая всякія попытки большевиковъ, мы боремся со всеми, осмѣливающимися върунать въ нашу Родину. Наша Родина грозитъ погубить насъ, если мы не будемъ бороться, ей грозитъ расчленение. Большевики вмѣсто обманнаго мира, свободы, мира и свободы дали ему орбитальную войну и голодь. Они подчинили его власти кучки людей отечества, вѣры и совѣсти. Мы будемъ бороться за уничтоженіе ихъ, если лишь любовь можетъ вернуть насъ къ мирной и спокойной, дать намъ Учредительное Собраніе. Только законная власть зацѣпитъ большевизма буржуазно-демократическимъ путемъ. Возрожденіе Родины сумѣютъ взять участіе въ этомъ не только мы, но и все русское население. Если намъ не удастся достучь цѣли, къ которой мы идемъ, то мы только рунатася чаянія народъ пробьетъ роковой часъ. Мы будемъ бороться, а другіе будутъ вершить и судьбы.

Русскій народъ, избравши путь большевизма и одолѣвъ его, сумѣетъ возсоздать государство, разрешитъ земельный и рабочий вопросы. Мы боремся, чтобы и впредь продолжать борьбу до окончательнаго побѣды и установления законнаго порядка. БУДЬТЕ ЖЕ СТОЙКИ И НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ СЕБѢ ПУКОВАТЬ ЗА ВАШЕ ПРАВО И ЗА ВАШЕ СУЩЕСТВЕНІЕ!

ДА
МЕТСКАЯ
СТЬ!

ISBN 978-5-8112-4318-1

9 785811 243181

АЙРИС ПРЕСС